

П.К. Козлов

Дневники
Монголо-Сычуаньской
экспедиции
—•—
1907-1909

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

П.К. Козлов

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции

— . —
1907-1909

Редактор-составитель Т. И. Юсупова
Составитель Т. Ю. Гнатюк
Ответственный редактор А. И. Андреев

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 913
ББК 63.3(3)
К 59

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-03-16009д*

*Рукопись подготовлена к изданию при финансовой поддержке:
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а
Русского географического общества (грант 2013 г.)*

Рецензенты: д.и.н. И.Ф. Попова, д.г.н. К.В. Чистяков

Козлов П.К.

К 59 Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 424 с.
ISBN 978-5-4469-0661-1

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. под руководством известного российского исследователя Центральной Азии П.К. Козлова содержат ценные сведения по географии, этнографии, флоре и фауне изученных экспедицией территорий Западного Китая, Тибета и Монголии, а также дают возможность проследить историю выдающихся археологических находок экспедиции в средневековом городе Хара-Хото на южной окраине Гобийской пустыни. Дневники насыщены заметками этнографического и социально-политического характера, которые дополняют и значительно расширяют знания о народах центральноазиатского региона, их истории, религии, обычаях и традициях и дают ценные материалы для понимания истории взаимоотношений России с Цинским Китаем. Помимо сведений о научно-исследовательских работах дневники содержат также зарисовки повседневного экспедиционного быта, предоставляют возможность увидеть конкретную деятельность путешественника-исследователя, познакомиться с особенностями ведения полевой работы в начале XX в. в сложных географических и климатических условиях.

Для географов, этнографов, историков, востоковедов, а также для всех, кто интересуется историей изучения российскими исследователями Китая, Монголии и Тибета.

Kozlov P.K. The Diaries of the Mongolia-Sichuan expedition, 1907–1909 / Eds.: T.I. Yusupova, A.I. Andreev, ed.-in-chief; T.Yu. Gnatyuk, comp.

The diaries of the Mongolia-Sichuan expedition (1907–1909) of the well-known Russian explorer of Central Asia Pyotr Kuzmich Kozlov is a valuable source of information on geography, ethnography, flora and fauna of the vast territories of Western China, Tibet and Mongolia. These records also describe minutely Kozlov's discovery of the medieval town of Khara-Khoto on the western fringe of the Gobi desert and the outstanding archeological finds he made therein. The diaries abound in various notes of ethnographic and socio-political character which supplement and considerably expand our knowledge of the peoples of Central Asia, their history, religion, customs and traditions and provide valuable insights into the relations between Imperial Russia and China of the Qing dynasty. One will also find in Kozlov's diaries the narrative of the expedition's day-to-day life which allows the reader to see the concrete field work of the traveler conducted in difficult geographic and climatic conditions in the early XXth century.

The book is intended for geographers, ethnographers, science historians, orientalists, and those interested in the history of the Russian exploration of China, Mongolia and Tibet.

ISBN 978-5-4469-0661-1

9 785446 906611

УДК 913
ББК 63.3(3)
© Русское географическое общество, документы, материалы, 2015
© Т.И. Юсупова, редактор-составитель, 2015
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2015

От составителей

Целью настоящего издания является публикация полного текста дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. российского путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935)¹. Эта экспедиция прославила его имя, прежде всего уникальными археологическими находками, сделанными при раскопках засыпанного песками Гоби средневекового города Хара-Хото² на севере современного Китая. Кроме того, Монголо-Сычуаньская экспедиция проделала большую работу по географическому изучению территорий, по которым проходил ее маршрут. Впервые были проведены лимнологические работы на оз. Кукунор с применением необычного для того времени плавательного средства — разборной брезентово-пробковой лодки. Особой географической заслугой экспедиции считается изучение северо-восточной части Тибетского нагорья — Амдо, проходившее в тяжелых условиях высокогорной местности (от 4 300 до более 4 800 м над уровнем моря). Здесь были собраны ценные этнографические материалы и сведения о тибетских племенах, а также богатые зоологические, ботанические и геологические коллекции.

Следует сказать, что название экспедиции не совсем соответствует регионам ее деятельности. П.К. Козлов был вынужден отказаться от первоначально запланированного изучения Сычуани из-за необходимости встречи в монастыре Гумбум с Далай-ламой XIII и возвращением для повторных раскопок в Хара-Хото. Вместо Сычуани экспедиция занималась исследованием Амдо. Но в дневниках и отчетных документах она продолжала называться Монголо-Сычуаньской. В дальнейшем такое название этой экспедиции П.К. Козлова закрепилось в литературе.

Дневники никогда прежде не публиковались в полном объеме. Материалы дневников П.К. Козлов использовал для подготовки книги «Монголия

¹ В 2003 г. были опубликованы полные дневники еще одной экспедиции П.К. Козлова — Монголо-Тибетской 1923–1926 гг. (*Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003. (Серия «Научное наследство». Т. 30)*).

² Хара-Хото (монг. — черный город), или Эдзина (кит. — Хэйжунчон) — город-крепость (сейчас развалины) на р. Эдзина, центр одного из округов тангутского государства Си Ся, существовавшего в 982–1227 гг. на территории современного Северного Китая.

и Амдо и мертвый город Хара-Хото», опубликованной в 1923 г.³ Работу над этой книгой-отчетом о путешествии он начал сразу по окончании экспедиции, но она была прервана по ряду причин, как то: подготовка выставки привезенных коллекций в Русском географическом обществе (РГО, февраль 1910 г.), написание книги о Н.М. Пржевальском (1912–1913 гг.)⁴, организация новой, неосуществленной из-за начала Первой мировой войны экспедиции (1914), участие в войне, командировка в Монголию для заготовки скота для нужд действующей армии (1915 — конец 1916 г.), затем в степной заповедник Аскания-Нова (конец 1917 — весна 1919 г.), в Сибирские отделы Русского географического общества (1920 г.) и др. Вернуться к книге П.К. Козлов смог только в самом начале 1921 г., спустя 12 лет после окончания Монголо-Сычуаньской экспедиции. По прошествии столь значительного времени некоторые события были опущены, переосмыслены или, учитывая новые политические реалии в стране, значительно откорректированы. Но самое главное, за это время появился целый ряд публикаций, посвященных изучению археологических материалов, добытых при раскопках в Хара-Хото, была признана их уникальность и выдающееся научное значение, а П.К. Козлов получил широкое международное признание благодаря этому открытию. Перечисленные обстоятельства не смогли не сказаться на описании поисков Хара-Хото и раскопок в древнем городе, представленных в книге как запланированное открытие. Однако, как показывают дневники, прославившие Монголо-Сычуаньскую экспедицию находки в одном из субурганов (буддийских реликвариев) Хара-Хото в мае — июне 1909 г. явились счастливой случайностью. Этот факт, безусловно, не умаляет заслуг П.К. Козлова, но является важным для понимания развития российской археологической науки.

П.К. Козлов также включил в книгу «Монголия и Амдо...» рассказ о посещении монастыря Гумбум для свидания с Далай-ламой XIII. В «Дневниках» экспедиции об этом сделаны только короткие записи. Подробные описания встречи с тибетским первосвященником в феврале — марте 1909 г. П.К. Козлов производил в отдельную тетрадь. Эти записи он использовал в опубликованной в 1920 г. книге «Тибет и Далай-лама»⁵, откуда были взяты отрывки для «Монголии и Амдо...».

Кроме того, П.К. Козлову в подготовке отчетного труда «Монголии и Амдо...» помогала жена, Елизавета Владимировна Козлова-Пушкарева (1892–1975), в то время начинающий, а впоследствии известный российский орнитолог. Она пыталась придать публикации более академический характер и существенно отредактировала своеобразный авторский стиль. По-видимому, по ее предложению в книгу в качестве развернутых комментариев были включены большие отрывки из работ по истории буддизма (Ф.И. Щербатского и А.М. Позднеева),

³ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 677 с.; Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. 2-е изд., сокр. / Под ред. и с прим. Б.В. Юсова; вступ. ст. В.П. Козлова. М.: Госиздат географ. лит.-ры, 1947. 328 с.

⁴ Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913. 149 с.

⁵ Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Пг.: 15-я гос. тип., 1920. 100 с., ил.

книг Н.М. Пржевальского, публикаций по результатам исследований коллекций, привезенных Монголо-Сычуаньской экспедицией (С.Ф. Ольденбурга, В.Л. Котвича, Б.С. Виноградова, А.П. Семенова-Тян-Шанского, Ф.К. Волкова⁶, А.А. Чернова⁷ и других исследователей). Все это в значительной степени лишило книгу авторской индивидуальности. Об этом ее недостатке писали в своих развернутых рецензиях видные российские ученые Б.Я. Владимирцов и Д.Н. Анучин⁸.

Книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» в 1925 г. была переведена на немецкий язык (в сокращенном варианте) и опубликована в Берлине под редакцией путешественника, исследователя Центральной Азии и Антарктиды Вильгельма Фильхнера. В 1955 г. второй, расширенный перевод на немецкий язык увидел свет в Лейпциге. В 1929 г. краткий пересказ «Монголии и Амдо...» опубликовали в Праге на чешском языке, в 1951 г. — в Братиславе на словацком языке⁹, в 2000-х гг. — в Китае и Японии.

Долгие годы именно книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» и ее переводы являлись для исследователей истории изучения Центральной Азии основным опубликованным источником сведений о Монголо-Сычуаньской экспедиции и ее результатах.

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова хранятся в Архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Они представляют собой четыре толстые коленкоровые тетради песочного цвета, одинакового формата (17,0×22,5 см), имеющие сквозную пагинацию (л. 1–527), общим объемом более 1 000 рукописных страниц. Записи сделаны черными чернилами

⁶ [Щербатской Ф.И.]. Лекция академика Ф.И. Щербатского, читанная при открытии Первой Буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 г. Пг., 1919. 48 с.; *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887. 493 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XVI); *Котвич В.Л.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. III. Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. С. 474–477; *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914; *Ольденбург С.Ф.* Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919. 39 с.; *Виноградов Б.С.* Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо. М.; Пг., 1923. С. 540–545; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 179–182.

⁷ *Чернов А.А.* Остров Куйсу на Куку-норе // Землеведение. 1910. Кн. 1. С. 28–44; Кн. 2. С. 19–34.

⁸ *Владимирцов Б.Я.* [Рецензия на:] Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии П.К. Козлова 1907–1909 // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 208–214; *Анучин Д.Н.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Восток. 1923. Кн. 3. С. 399–404.

⁹ *Kozlov P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1925; *Kozlov P.* Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-Choto / Übers. von H. Sträubig. Leipzig: Brockhaus, 1955; *Kozlov P.* Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo). Expedice Ruske zeměpisní společnosti 1907–1909. Praha: Pokrok, 1929; *Kozlov P.K.* Mrtvé mesto Chara-Choto / Preložil A.M. Lubomirsky. Martin, 1951.

с обеих сторон каждого листа, хорошо читаемым (в основном), почерком. В заглавии каждой тетради дневников указано место, в котором находилась экспедиция в момент начала записей в новой тетради (дневник № 1 — Кяхта, дневник № 2 — Алашань, дневник № 3 — Гуй-дэ-тин, дневник № 4 — Хара-Хото).

П.К. Козлов начал вести дневники в Кяхте осенью 1907 г., без указания точной даты, с краткого пересказа событий, которые предшествовали прибытию экспедиции в этот русский город, соседствующий с Монголией. Заканчиваются дневники также в Кяхте, после пересечения Монголо-Сычуаньской экспедицией государственной границы России. Последняя запись датируется 10 августа 1909 г.

Экспедиционные дневники для П.К. Козлова были важной составляющей его исследовательской деятельности, первой ступенью будущей научной публикации. Поэтому, как правило, записи делались ежедневно, или непосредственно сразу в дневники, или в записные книжки¹⁰, на основании которых он описывал в дневниках события сразу за несколько дней.

В этом случае, однако, нарушалась хронология изложения. Например, после записи от 27 августа 1908 г. (дневник № 2) следует копия отчета в Генеральный штаб о работе экспедиции, который начат 3 октября. В отчете содержатся результаты второго, так называемого кукунорского этапа деятельности Монголо-Сычуаньской экспедиции с начала июля по начало октября 1908 г. Сразу за отчетом продолжают ежедневные записи с 6 сентября 1908 г. В дневнике № 3 после событий 7 декабря идет рассказ о работе экспедиции 25 и 27 декабря, а потом описываются события 17 декабря (в данной публикации эта запись переставлена в соответствии с хронологическим порядком).

К стилистическим особенностям дневников следует отнести тесное переплетение записей научно-делового и личного характера. Географическое описание маршрута следования, перечисление местных видов фауны и флоры перемежаются с событиями личной жизни и интересными подробностями экспедиционного быта и взаимоотношений участников отряда, лирическими отступлениями о красоте центральноазиатской природы и т. п.

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова публикуются полностью, без сокращений. Незначительные купюры маркируют места ссылок на сделанные путешественником, но не выявленные составителями публикации, фотографии. Археографическая обработка текста дневников проведена по «Правилам издания исторических документов в СССР» (изд. 2-е, перераб. М., 1990). Орфография и пунктуация текста даются в соответствии с современными правилами при сохранении стилистических особенностей автора. Исправления сделаны только в случае явных ошибок в согласовании времен, падежей и т. п.

Дневниковые записи начинаются в большинстве случаев с даты, написанной в оригинале, в основном арабскими цифрами, иногда — прописью. В данной публикации для удобства чтения все даты унифицированы и пишутся арабскими цифрами. В самих записях встречаются сокращения отдельных слов и словосочетаний, географических названий и собственных имен. Восстановленные

¹⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 206–208. Записные книжки 1907–1909 гг.

части слов или их предположительное прочтение приводятся в квадратных скобках. Сокращенные слова дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного составителями.

Монгольские, китайские, тибетские имена и географические и топографические названия приводятся по рукописи. Если они встречаются в других публикациях П.К. Козлова, прежде всего в «Монголии и Амдо и мертвом городе Хара-Хото» (1923), то их написание даётся по более поздним изданиям. Различия отмечаются в скобках в соответствующих указателях.

Собственные примечания П.К. Козлова оставлены внутри текста, примечания составителей вынесены в конец текста.

В книге приводится справочный аппарат, который содержит: именной и географических указатели, списки монгольских, тибетских и китайских терминов, указатель латинских названий животных и птиц, и библиографию по истории Монголо-Сычуаньской экспедиции и изучению археологических коллекций из Хара-Хото.

Составители публикации искренно благодарят сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН за их заинтересованное участие в подготовке рукописи дневников к печати: к. ист. н Т.Ю. Феклову, к. культурологии И.Б. Соколову, С.В. Ретунскую и Ю.В. Ретунскую, главного хранителя Музея П.К. Козлова О.В. Альбедия. Мы выражаем глубокую признательность за помощь в работе над комментариями к рукописи и составлении глоссария д. и. н. М.К. Басханову, к. филол. н. Б.М. Нармаеву, к. ист. н. Е.Ю. Харьковской, к. филол. н. М.П. Петровой, а также к. б. н. А.В. Куприянову за ценные замечания в работе с указателем биологических названий. Особую благодарность мы выражаем заведующей Архивом Русского географического общества М.Ф. Матвеевой и сотруднику Архива В.М. Матвееву, чья поддержка и помощь имели важное значение при реализации этого проекта.

Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909 гг.)

Российский путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) по продолжительности и необычайной результативности своей экспедиционной деятельности занимает особое место среди исследователей Центральной Азии XIX — начала XX века. С 1883 по 1926 гг. он совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, Восточный Тибет, три из которых возглавил лично. Козлов участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–1926 гг. В общей сложности более 15 лет он провел, странствуя по труднодоступным и практически неизвестным европейцам местам азиатского материка.

Кроме успехов в географическом изучении Центральной Азии Козлову способствовала удача и в археологических раскопках: его Монголо-Сычуаньская экспедиция в 1908–1909 гг. обнаружила уникальные артефакты в развалинах средневекового города Хара-Хото, засыпанного песками Южной Гоби, а Монголо-Тибетская экспедиция в 1924–1925 гг. — в захоронениях хунну, в горах Ноин-Ула, на севере Монголии¹.

Археологические материалы из Хара-Хото позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892–1227) на территории современного Северного Китая², положили начало подлинному развитию тангутоведения во всем мире и обогатили россий-

¹ Подробно об истории раскопок в Ноин-Уле см.: *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // *ВИЕТ.* 2010. № 4. С. 26–67; *Она же:* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 11–53.

² См.: *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письмена М., 1965; Переиздание: Рыбинск, 2002; *Он же:* Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же:* Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; *Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

ские музеи выдающимися коллекциями восточных рукописей, книг и художественных произведений. Кроме своего главного, общепризнанного исторического значения, это археологическое открытие повысило престиж российской науки в изучении Центральной Азии и, несомненно, сыграло важную роль в жизни П.К. Козлова.

Результаты путешествий Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества и поставили его в ряд крупнейших исследователей этого региона. Он был избран почетным членом Русского (1910), Нидерландского (1896), Венгерского (1911) географических обществ, награжден Золотыми медалями Лондонского (1911) и Итальянского (1911) географических обществ, премией им. П.А. Чихачева Французской академии наук (1913), отмечен другими научными обществами³.

Успеху экспедиций П.К. Козлова способствовали, прежде всего, личные качества путешественника: талант географа-исследователя, обширные знания в разных отраслях страноведения, исключительная энергия, упорство, умение подбирать спутников, преданность своему делу, а также фактор удачи.

О П.К. Козлове и его путешествиях существует довольно обширная литература⁴. В данном очерке мы более подробно остановимся на обстоятельствах подготовки и проведения Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909), которые не нашли отражения в публикуемых дневниках.

К моменту организации Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлов был уже известным и авторитетным исследователем Центральной Азии. За его плечами — участие в экспедициях Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. Но особенно ярко талант Козлова, как путешественника-натуралиста, проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съёмкой более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.⁵ И хотя её маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям, научные результаты превзошли все ожидания — Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей. За этот вклад в изучение

³ Подробно см.: *Юсупова Т.И.* Международное признание заслуг П.К. Козлова в изучении Центральной Азии // Известия РГО. 2013. № 4. С. 74–89.

⁴ См., напр.: *Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; *Житомирский С.В.* Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 2001. № 2. С. 51–74; *Кравкис Н.* Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006 и др.

⁵ Русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

Центральной Азии Русское географическое общество в 1902 г. наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Подготовку нового путешествия Козлов начал сразу же после публикации отчета о Монголо-Камской экспедиции⁶. Он планировал продолжить исследования Южной Монголии и Кама (Юго-Восточного Тибета), начатые им в предыдущей экспедиции. Однако предложенный им проект не был одобрен Министерством иностранных дел: маршрут экспедиции проходил слишком близко к границе Центрального Тибета — области геополитического интереса Великобритании, что могло вызвать очередное обострение соперничества двух крупнейших мировых империй на Азиатском континенте (так называемая Большая игра)⁷.

Весной 1907 г. путешественник представил вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тян-Шанскому новый план экспедиции, изменив маршрут ее следования: вместо Кама Козлов решил пройти по северной части провинции Ганьсу и Кукунорской области. На этот раз со стороны МИДа возражений не было. При этом подполковнику Козлову было рекомендовано строго придерживаться намеченного маршрута, «не вдаваясь в области, связанные с Тибетом»⁸. Одновременно Козлов, как офицер Генерального штаба, обратился к своему непосредственному начальству с просьбой разрешить ему вновь отправиться в путешествие для научного исследования малоизвестных областей Монголии и северо-западной части провинции Ганьсу.

Проект новой экспедиции Козлова был рассмотрен Советом РГО 24 мая 1907 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский, активно поддерживавший исследования в Центральной Азии, предложил для ее финансирования использовать средства (25 000 руб.) несостоявшейся Месопотамской экспедиции⁹, выделенные по «высочайшему повелению» еще в 1903 г. Однако не все участники заседания выразили готовность поддержать вице-председателя РГО. Были мнения, что не следует расходовать такие большие средства на изучение «отдаленных стран, хотя и сопредельных с Россией». Целесообразнее было бы использовать их «на несколько экспедиций в Западной Азии, в странах, более близких к России»¹⁰. В итоге, принятие решения перенесли на следующее заседание, где Козлову было предложено выступить с докладом о своей очередной центральноазиатской экспедиции.

Повторное рассмотрение проекта экспедиции состоялось 29 мая 1907 г. Козлов подробно рассказал о ее маршруте, целях и задачах. На «просторы Азии»

⁶ [Козлов П.К.] Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь, СПб., 1906.

⁷ Подробно см.: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

⁸ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁹ Экспедиция для исследования Месопотамии и Курдистана была инициирована членом РГО, штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского полка П.А. Риттихом. На ее организацию и проведение по императорскому указу было отпущено 25 000 руб. Начало экспедиции планировалось на осень 1903 г., но она, в силу разных политических и организационных проблем, так и не состоялась.

¹⁰ Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. СПб., 1907. С. 43.

Козлов предполагал выступить осенью 1907 г. из Урги — столицы Монголии, пройти через Гоби новым меридиональным маршрутом до Дынь-юань-иня (Дыньюаньиня). Здесь при содействии Алаша-вана и помощи бывшего спутника Козлова, а теперь представителя торговой фирмы в Китае Ц.Б. Бадмажапова, устроить стационарную базу экспедиции и организовать метеорологическую станцию. Затем, в январе 1908 г., экспедиция планировала разделиться на две партии: западную и восточную. Первая во главе с геологом (А.А. Черновым), должна будет заняться изучением местностей вдоль исторической дороги Ганьчжоу — Хараморит — Пекин; затем из Ганьчжоу пройти маршрут до монастыря Таги-чойлин и долины Эдзин-гола. После завершения запланированных работ группа должна будет возвратиться на базу экспедиции в Дынь-юань-инь, или направиться в южном направлении, через Наньшань до берегов озера Кукунор.

Тем временем вторая партия, возглавляемая самим Козловым, займется всесторонним обследованием Алашаньского хребта и других прилежащих к долине Хуанхэ гор. По мере возможности предполагалось собрать сведения о быте, религии и «мировоззрении» местных жителей. К осени экспедиция в полном составе должна будет собраться на берегах озера Кукунор и в 1909 г. заняться изучением Сычуани. Таким образом, всю работу экспедиции Козлов условно разделил на три периода: Монгольский, Кукунорский и Сычуаньский. Кроме того, он втайне питал надежду, что ему вновь представится случай встретиться с Далай-ламой, который после вынужденного бегства из Лхасы в 1903 г., когда туда вошел английский военный отряд во главе с Ф. Янгхазбендом, пребывал в монастыре Гумбум, на северо-западе провинции Гань-су¹¹.

На этот раз Совет РГО одобрил проект экспедиции и выразил уверенность в ее успехе, поскольку во главе экспедиции встанет такой опытный путешественник, как Козлов, «пока еще полный сил и энергии и страстно желающий работать для науки»¹². Новую экспедицию Козлова поддержал также покровительствующий ему как ученику и последователю Н.М. Пржевальского Николай П. Он даровал на ее снаряжение дополнительно 5 тыс. руб. на «непредусмотренные сметами надобности»¹³, о чем сообщил путешественнику 5 июля 1907 г., во время аудиенции в Петергофе.

Информация о новой экспедиции Козлова 13–14 июля появилась в большинстве петербургских и многих московских газетах («Биржевые ведомости», «Новое время», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русские ведомости» и др.). Газеты сообщали, что путешественник выступает из Петербурга в августе, но в действительности все приготовления были закончены только к октябрю. Задержка была вызвана рядом организационно-бюрократических проволочек и получением средств от Военного министерства (12 894 руб. — довольствие офицерского состава экспедиции) и Государственного казначейства (10 657 руб. 62 коп. — для проведения исследований экономического характера)¹⁴.

¹¹ Там же. С. 48–51.

¹² Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. С. 46.

¹³ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 34, 35.

В состав экспедиции кроме ее руководителя, Козлова, вошли: геолог Московского университета А.А. Чернов, топограф, капитан Военно-топографического управления Генштаба П.Я. Напалков, собиратель растений и насекомых С.С. Четыркин¹⁵, заведующий экспедиционным караваном гренадер Г.И. Иванов (участник экспедиций Пржевальского, Певцова, Роборовского и Козлова), а также казаки-урядники П. Телешов, А. Мадаев, В. Демиденко, М. Давыденков, М. Санакоев, забайкальские казаки Е. Полюттов (переводчик китайского языка), Б. Мадаев, Г. Бадмажапов (брат Ц.Г. Бадмажапова), Б. Содбоев. Завершив за две недели пребывания в Кяхте последние приготовления к далекому путешествию, 9 января 1908 г. отряд русских путешественников прибыл в столицу Монголии Ургу.

Перед Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (как она стала официально называться) стояли задачи географического исследования региона и сбора естественнонаучных коллекций. Однако одно неожиданное обстоятельство внесло коррективы в планы Козлова. Еще находясь в Петербурге, в конце июня он получил письмо из Алашани от Ц.Б. Бадмажапова — участника его предыдущей экспедиции — (отправлено 15 мая 1907 г.), который постоянно снабжал Козлова самой разнообразной информацией о Китае, столь необходимой для путешественника¹⁶. В этом письме Бадмажапов сообщал своему покровителю об интересной находке, сделанной им во время коммивояжерской поездки на Эдзин-гол: «Около песков между долинами Гойцзо и Эцзин-гол наткнулся на развалины Хара-Хото или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать». К письму были приложены четыре снимка развалин, которые Бадмажапов просил Козлова показать П.П. Семенову-Тянь-Шанскому, а также сообщить ему, что он собирается написать «маленькую брошюру» о своей поездке и послать в РГО почтой¹⁷.

Оазис в низовьях Эдзин-гола давно уже привлекал внимание различных экспедиций, проходивших по этим местам. Так, в 1886 г. здесь останавливалась на дневку экспедиция Г.Н. Потанина. В своем отчете исследователь писал «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины Эрхэ-харабурюк, то есть от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой *кэрим*, то есть стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях *кэрима* большие сыпучие пески, и воды близко нет»¹⁸.

В 1893 г. эти же места посетил В.А. Обручев¹⁹. Однако торгоуты скрыли от него существование Хара-Хото, принудив сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения Алаша-цин-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как

¹⁵ О С.С. Четыркине см.: *Кравклис Н.Н.* Путешественник Сергей Четыркин. Смоленск, 1999.

¹⁶ См.: *Юсупова Т.И.* (подг. публ.). Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ *Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

¹⁹ *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. СПб., 1901. Т. II. С. 399–400.

хотел Обручев²⁰. В 1900 г. сюда, для исследования низовьев Эдзин-гола Козлов направил своего помощника по Монголо-Камской экспедиции А.Н. Казнакова. Если посмотреть на карте путь, пройденный Казнаковым, то можно увидеть, что он также совсем немного не дошел до развалин Хара-Хото: проводники провели его, обогнув древний город²¹. Возможно, эти факты объяснялись особым отношением торгоутов к этому месту как к своеобразному пантеону духов их предков.

Сообщение Бадмажапова о посещении Хара-Хото вызвало большой интерес у Козлова. Дело в том, что в начале XX в. западные исследователи проводили активные археологические раскопки в развалинах древних городов, обнаруженных ими в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах, которые дали ценный научный материал. Как отмечал Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с подобными богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»²². Не имея в своем распоряжении необходимых средств, они не могли собрать многого и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки. Российская археология явно проигрывала в этом, своего рода, соревновании. Поэтому неудивительно то внимание, с которым Козлов отнесся к информации Ц. Бадмажапова.

Поиск Хара-Хото не вносил особых изменений ни в маршрут экспедиции, ни во временной график ее следования. 25 января 1908 г., отправив основной караван в Дынь-юань-инь, Козлов направился через массив Гурбун-Сайхан в урочище Угольцин-тологой, в ставку хорошо ему знакомого местного князя Балдын-Цзасака. Он надеялся у него узнать дорогу к Хара-Хото и самому проверить полученную информацию Ц. Бадмажапова. В ставке Балдын-Цзасака состоялся «деловой разговор» о дальнейшем пути на Эдзин-гол. «В конце концов, — пишет Козлов в экспедиционном дневнике, — я был рад результатами переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании о Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поскупились содрать с нас высокую плату»²³. Чуть позже, в письме в РГО, Козлов сообщит, что он убедился, в том, «что, как название Хара-Хото, так и сами развалины ведомы некоторым из обитателей балдын-цзасаковских владений. Сам Балдын-Цзасак рассказывал <...> про Хара-Хото немало интересного»²⁴.

1 марта 1908 г. в сопровождении Балдын-Цзасака экспедиция направилась в низовье Эдзин-гола, к озеру Сого-нор. Через две недели прибыли на берега

²⁰ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 101; 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1948. С. 76.

²¹ Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. С. 47–53.

²² Из экспедиции Козлова // Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2.

²³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 52 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁴ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 453.

озера, во владения уже другого местного князя — торгоут-бэйле. Вначале он принял Козлова весьма холодно, но после получения подарков «стал человеком», послал для экспедиции юрту, палатку, людей «для услуг» и проводников в Хара-Хото²⁵. Поездка состоялась 19 марта. Вместе с Козловым выехали геолог Чернов, топограф Напалков, гренадеры Иванов и Мадаев. Козлов, Напалков и Иванов пробыли в Хара-Хото три дня, а Чернов и Мадаев пять дней. В первое посещение мертвого города были определены его географические координаты (41°45'40'' с. ш. и 101°5'15'' в. д.), абсолютная высота местности (810 м), снят план, обследованы развалины, произведены пробные раскопки. Находки были весьма разнообразные и многочисленные: большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, три книги, тридцать оригинальных рукописей на неизвестном тогда языке Си Ся, предметы культа и др. Завершив осмотр Хара-Хото, экспедиция направилась дальше по намеченному маршруту — к Алашаньскому хребту.

О результатах посещения Хара-Хото Козлов сразу же направил донесение в РГО, в котором привел описание местности, краткую историческую справку о городе, составленную по расспросным сведениям, перечень произведенных работ и находок, приложил несколько фотографий²⁶. Информацию о Хара-Хото он послал также непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу и известному географу и археологу Д.Н. Анучину.

Даже краткий осмотр поступившего в Петербург археологического материала позволил ученым сделать вывод о его уникальности и большой исторической ценности. Помощник председателя РГО А.В. Григорьев в письме от 9 сентября 1908 г. сообщил Козлову о первых результатах изучения находок: «Я рассказал П.П. Семенову о Ваших открытиях в Хара-Хото и он очень интересовался тем, что Вы там нашли, а нашли Вы, во-первых, <...> Си Ся (His-Hsia) столицу²⁷ тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век. 2) Рукописи помимо китайского — на неведомом языке (по крайней мере, прочитав <...> никто еще не умеет, хотя образцы письма и известны). 3) Ассигнации Минской династии, которых известно было до сих пор лишь 4 штуки, в том числе в Азиатском музее Академии наук». Григорьев, которого связывали с Козловым теплые дружеские отношения, посоветовал ему посетить Хара-Хото и на обратном пути: «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки — такое мнение не одного только меня, питающего к Вам некоторую слабость, но и других, более компетентных, чем я, лиц». Чтобы усилить личную заинтересованность путешественника, Григорьев сыграл на честолюбии Козлова: «Вы первый. Биологическими сборами не удивить, а когда узнают про Си Ся и о том, что Вы там нашли, прямо ахнут и остолбенеют»²⁸.

²⁵ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 74, 78 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁶ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. XXXXIV. Вып. 7. С. 453–458.

²⁷ На самом деле Хара-Хото не являлся столицей тангутского государства. Однако эта ошибка еще до сих пор периодически появляется в публикациях о Хара-Хото.

²⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184. Письмо от 9 сентября 1908 г.

Это письмо Козлов получил только 7 декабря 1908 г. и оно стало поворотным пунктом в истории Хара-Хото. Козлов последовал совету своего друга, изменил маршрут экспедиции, свернув исследование Сычуани, и через Амдоское нагорье вновь направился в Хара-Хото.

Такому решению способствовало также и письмо Анучина от 20 сентября 1908 г. Авторитетный ученый сообщал Козлову, что краткий отчет о посещении Хара-Хото он поместил в «Русских ведомостях» и предварил своим вступлением, в котором указал на важность раскопок «мертвых городов», в которых «англичане и немцы нас предвосхитили в Китайском Туркестане и Турфане»²⁹. Анучин, сожалея, что из краткого описания Козлова нельзя увидеть, насколько подробно исследован город, тем не менее не сомневался, что «собранный материал обогатит науку новыми данными и либо даст добавочные материалы для ознакомления с той эпохой, которая стала известна из раскопок Штейна и Грюнведала, либо познакомит с древностями более поздней эпохи, исключительно уже буддийской и монгольской»³⁰.

Вторые раскопки в Хара-Хото начались 23 мая 1909 г. Причем Козлов проводил их без всякого плана и системы, как и в предыдущее посещение древнего города, давал своим спутникам только общие указания — где копать. С первого дня раскопок стали вновь попадаться части рукописей, монеты, ассигнации, обломки посуды и проч. Но все находки являлись незначительным дополнением к уже добытым материалам. Энтузиазм сотрудников экспедиции заметно падал. Чтобы как-то разнообразить их деятельность, Козлов предложил перенести работы за стены Хара-Хото, где находилось несколько субурганов. 30 мая приступили к исследованию самого крупного из них, «отстоящего на запад от города в 200-х саженьях»³¹. Решение оказалось счастливым, а этот субурган стал знаменитым. Во время его раскопок, продолжавшихся 9 дней (с 30 мая по 7 июня), была обнаружена целая библиотека (более 6 тыс.) прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском и уйгурском языках, сотни буддийских икон и скульптур, святыни из буддийских храмов.

Одновременно с радостью от неожиданного успеха возникла серьезная проблема сохранения собранного археологического материала и его транспортировки в Россию. Загруженный до предела караван не мог увезти с собой все находки и Козлов принял решение оставить часть вещей, главным образом крупную скульптуру, на месте, предполагая организовать еще одну экспедицию для продолжения раскопок³².

Прощаясь с Хара-Хото, 16 июня 1909 г. Козлов сделал в дневнике проникновенную запись: «Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой <...> жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта.

²⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 14. Л. 5. Письмо от 20 сентября 1908 г.

³⁰ Русские ведомости. 1908. 20 сентября. С. 2.

³¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 442 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³² Продолжить раскопки в Хара-Хото П.К. Козлов смог лишь в 1926 г. Но несмотря на подробное описание места, где в 1909 г. были оставлены скульптуры, ничего найти не удалось. См.: *Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.* / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. СПб., 2003.

Счастье вручило мне дорогой субурган!»³³ Но он прекрасно осознавал, что во многом этот успех был предопределен Григорьевым: «Сколько раз я с глубоким чувством, — писал Козлов, — здесь, на развалинах, вспоминал и еще вспомню несравненного Александра Васильевича»³⁴.

Археологические находки в Хара-Хото несколько затмили другие, не менее значимые достижения экспедиции по географическому изучению Монголии и Амдо.

Как и прежде, Козлов доставил в Петербург богатые зоологические и ботанические коллекции, которые были переданы для изучения в Ботанический сад и Зоологический музей Академии наук. Одной из наиболее ценных зоологических находок экспедиции стал маленький тушканчик, пойманный 22 мая 1909 г. вблизи развалин Хара-Хото. Как впоследствии выяснилось, это животное принадлежало к совершенно новому роду и виду. Сотрудник Зоологического музея Б.С. Виноградов, изучавший привезенные сборы, присвоил ему имя П.К. Козлова — *Salpingotus Kozłovi*³⁵.

Ход экспедиции широко освещался в российской и зарубежной печати³⁶. «Известия РГО» регулярно публиковали письма, посылаемые Козловым в Географическое общество, где он скрупулезно описывал пройденный маршрут и результаты исследований³⁷.

По возвращении экспедиции РГО устроило торжественный прием в честь Козлова. Чествование путешественника планировали провести в только что построенном собственном доме Общества в Демидовом переулке, 8 (сейчас Гривцов пер., 10). Однако ввиду слишком большого числа приглашенных лиц Совет РГО принял решение провести прием в 1-м Кадетском корпусе, на Васильевском острове³⁸. В новом же здании в Демидовом переулке было решено устроить выставку всего привезенного Козловым «научного богатства». Она открылась в начале февраля 1910 г. и имела большой успех: в течение месяца ее осмотрели несколько тысяч посетителей³⁹. Безусловно, для ученых главный интерес

³³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁴ Там же. Л. 448. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁵ Виноградов Б.С. Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг.: 1923. С. 540–545.

³⁶ Открытие мертвого города русским путешественником // Огонек. 1909. № 44. С. 5–6. См. также: *Kozloff P.K. The Mongolia-Szechuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal. 1909. Vol. XXXIV. N 4, October. P. 384–408; The Geographical Journal. 1910. Vol. XXXVI. № 3, September. P. 288–309; Kozlov P. Spedizione nella Mongolia e nel Seciuian // Bollettino della Societa Geografica Italiana. Serie IV. Vol. XII. № 6. P. 758–775; № 8. P. 865–885. Roma, 1911.*

³⁷ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III. С. 171–174; Вып. V. С. 299–316; Вып. VII. С. 453–458; Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 121–125, 147–173; Вып. VII. С. 407–432.

³⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 216. Письмо от 17 января 1910 г. Торжественное заседание прошло в присутствии великого князя Николая Михайловича. В зале собралось более двух тысяч человек.

³⁹ Большой фоторепортаж с выставки был опубликован в журнале «Огонек»: Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. полковника П.К. Козлова

представляли находки из Хара-Хото. Но и для просто любопытствующих здесь было много интересного: этнографические материалы, буддийская живопись и скульптура, ботанические и зоологические сборы и др. После окончания выставки книги и рукописи были переданы на хранение и изучение в Азиатский музей Академии наук, ныне Институт восточных рукописей РАН, остальные предметы — в Этнографический отдел Русского музея, где они хранились до 1934 г., после чего поступили в Государственный Эрмитаж. Здесь они экспонируются в Отделе Востока.

Очередной географический подвиг Петра Кузьмича Козлова был отмечен со стороны Генерального штаба производством его в марте 1910 г. в чин полковника; со стороны РГО — избранием в апреле 1910 г. в почетные члены Общества. Несколько позднее его заслуги, как было указано выше, были отмечены зарубежными научными учреждениями.

Особое значение материалы из Хара-Хото имели для расшифровки тангутской письменности. Разбирая привезенные находки, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Иванов обнаружил единственный известный до сих пор тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун чжу» («Перл в ладони»). Эта находка позволила начать работу над составлением тангутско-русского словаря. О своем открытии А.И. Иванов сообщил в статье «К изучению языка Си Ся», а затем последовал ряд других его статей, посвященных анализу документов из Хара-Хото⁴⁰. Но особенно важный вклад в тангутоведение внес ученик А.И. Иванова — Н.А. Невский. Его труд «Тангутская филология»⁴¹ заслужил репутацию одного из крупнейших филологических открытий XX в.

С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают до сих пор. Подробно описаны китайская⁴² и тангутская части коллекции⁴³. Как отмечал один из самых авторитетных тангутоведов Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах из Хара-Хото. Результатом многолетней работы с тангутскими рукописями Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря⁴⁴.

в залах Императорского Географического общества в Санкт-Петербурге // Огонек. 1910. № 6. С. 8–9.

⁴⁰ *Иванов А.И.* К изучению языка Си-Ся. СПб., 1909; *Иванов А.И.* Страница из истории Си-ся // Изв. Имп. АН. СПб., 1911; Документы из города Хара-хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Изв. Имп. АН. 1913. Сер. VI. № 14. С. 817–913; Памятники тангутского письма. 1918. Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1913; *Иванов А., Ольденбург С.Ф., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб, 1909; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

⁴¹ *Невский Н.А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

⁴² *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

⁴³ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов Азии АН СССР / Сост.: З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. 170 с.

⁴⁴ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов; со-сост. С. Аракава. Киото, 2006.

Но не только филологические вопросы помогли решить хара-хотинские находки Козлова. Изучение обнаруженной в Хара-Хото библиотеки (древние печатные книги, ксилографы и рукописи XI–XIII вв.) позволило выявить также новые факты в истории книгопечатания, проследить все этапы, технические достижения и особенности развития книжного дела в странах Востока⁴⁵.

Не менее выдающееся значение имеют вывезенные из Хара-Хото предметы буддийского культа, в частности иконы и статуэтки. Их уникальность побудила С.Ф. Ольденбурга «не откладывая дела» дать предварительное описание ценнейших находок уже в 1914 г.⁴⁶ В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники Государственного Эрмитажа⁴⁷.

В период 1911–1920 гг. Козлов подготовил несколько публикаций, в которых были отражены основные результаты Монголо-Сычуаньской экспедиции⁴⁸. Издание же обстоятельного труда отодвинули сперва организация новой экспедиции, не состоявшейся из-за начала Первой мировой войны, затем последовавшие бурные политические события в стране. Опубликовать отчет о путешествии удалось только в 1923 г. в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Уже несколько подзабытое открытие вновь привлекло широкое общественное внимание. Известный немецкий путешественник В. Фильхнер, находившийся в это время в Москве, попросил у Козлова разрешения перевести книгу на немецкий язык, чтобы познакомить своих соотечественников с замечательными достижениями русских исследователей. Книга вышла в Германии в начале 1925 г.⁴⁹ Предисловие к ней написал один из самых известных исследователей Центральной Азии Свен Гедин. Второй перевод на немецкий язык «Монголии и Амдо» был осуществлен в 1955 г. Книга также переведена на чешский (1929 г.), словацкий (1951), японский и китайский (2003) языки.

Сообщения о результатах раскопок в Хара-Хото заинтересовали западных исследователей. В 1914 г. в оазисе Эдзина работал А. Стейн, в 1923 г. там побывала американская экспедиция Л. Уорнера, а в 1927–1928 гг. этот район обследовал С. Гедин⁵⁰. Их экспедиции собрали большое количество интересных находок, но повторить успех Козлова никому не удалось.

⁴⁵ См.: *Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М., 1981.

⁴⁶ *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914.

⁴⁷ *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII — XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006

⁴⁸ *Козлов П.К.* Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото. СПб., 1911; *Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету. СПб., 1913; *Козлов П.К.* Мертвый город Хара-Хото // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 31–45; *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

⁴⁹ *Kozlov P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld&Henius, 1925.

⁵⁰ *Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford, Clarendon Press, 1928; *Warner L.* The Long Old Road in China. London, 1927; *Hedin S.* Across the Gobi Desert. London, 1931.

Этот очерк хотелось бы закончить словами академика С.Ф. Ольденбурга, дающего довольно точную оценку деятельности П.К. Козлова в период Монголо-Сычуаньской экспедиции: «Часто приходится слышать, что находки, делаемые путешественниками, являются результатом “удачи”. Такое утверждение несправедливо, ибо, если путешественник что-нибудь находит, то почти всегда только потому, что он искал и умел искать. Так было и с П.К. Козловым»⁵¹.

Т.И. Юсупова

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 11. Л. 50 об. Отзыв С.Ф. Ольденбурга о трудах П.К. Козлова, 1928 г.

Дневник № 1
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Кяхта

Осень 1907 года. Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Пройдут порывы первой радости и опять обстановка цивилизованной жизни, обыденность становятся тяжелыми. Таинственный голос будит душу, мысль уносит в покинутые места Центральной Азии. Короче — «даль зовет»! Словно в ней имеется высшее благо, которого не найти в России, в Европе. Да, это благо свободы и приволья странника, странника, всею душою любящего и понимающего природу, странника, хорошо читающего обстановку диких, неведомых до него картин природы, сделавшегося крестным отцом для многих представителей растительного и животного царств, мало этого — крестным отцом для многих гор, долин, речек и их обитателя — человека! Для меня, прошедшего столько лет среди природы Центральной Азии, вкусившего прелесть этой жизни вместе с Пржевальским, умевшим как никто другой зажечь пламень любви к науке, к путешествию, у меня сложилось убеждение, что самыми лучшими, самыми счастливыми годами моей жизни, годами, на которые я могу со спокойною совестью оглянуться, что они не пропали даром, есть года жизни в Центральной Азии. Сколько раз я бывал поэтически счастлив, стоя лицом к лицу с дикой грандиозной природой. Сколько раз поднимался на страшную абсолютную и относительную высоту, когда мог душою и сердцем чувствовать некоторую приближенность к высшему таинственному и удаленность от низшего земного. Сколько прелестных уголков среди скал и лесов, окаймленных серебристыми каскадами и ручейками, производящими волшебную гармонию, воскресают при моем воспоминании Кама и манят меня к себе! Сколько там осталось пернатых еще не виданных, не изученных! Как сильно зовут меня голосом природы известные ущелья, обставленные лесом и кустарником, где я мог часами сидеть и любоваться на храм природы с дивной гармонией звуков живых существ!

Этого признания достаточно, чтобы понять мою радость об экспедиции в Центральную Азию, вновь вверяемой мне и по желанию Государя, и по желанию и избранию ИРГО. По представлении Совета ИРГО, его вице-председателя, незаменимого Петра Петровича Семенова Тянь-Шанского, Государю Императору благоугодно было средства, дарованные им на Месопотамскую экспедицию, переименовать на экспедицию Монгольскую, вверяемую Козлову.

5 июля м[инувшего] года я отправился благодарить Е[го] В[еличество] за новое доверие монарха и за новый знак благоволения, выраженного прибавкой на экспедицию пяти тысяч рублей. Принятый в частной аудиенции (между прочим, я подносил Государю три тома научных результатов Тибетской экспедиции, тогда только что вышедших из печати)¹ как никогда просто и ласково, я пришел от Государя очарованный. На мои последние слова Е[го] В[еличеству]: «По примеру прежней Тибетской экспедиции, окончившейся столь благополучно,

позволяю просить нравственного благословения и на этот раз», — Государь заметил: «Нет, я не прощаюсь, я хочу вас видеть перед самым отъездом в ваше далекое путешествие. Ведь еще предстоит масса хлопот и времени на снаряжение экспедиции».

С искренней живейшей радостью я приступил к формированию экспедиции. Приехал в Питер и мой неизменный спутник Гавриил Иванов (Новгородской губ[ернии]). Осведомленный об экспедиции заблаговременно, я устроил мою семью поблизости в Гунгербурге², на балтийском побережье, с чудным купанием, с чудным пляжем. Усталый в городе, я радостно приезжал к семье на отдых.

Время бежало незаметно. Экспедиция сформирована. Тяжело было от назойливых приставаний желающих в путешествие — они меня совершенно изводили. С разными осложнениями и проволочками время затянулось до осени, до октября месяца, когда, наконец, можно было произнести слово: «Готово!». Вперед в счастливый час!

17 октября. Откланявшись Государю, Императрице и наследнику-цесаревичу (которого, между прочим, я видел впервые и который произвел на меня, как ребенок, самое отрадное впечатление), я на другой день, **18 октября**, уже был на вокзале Никол[аевской] ж[елезной] д[ороги]. Накануне же этого дня мой Иванов сдал багаж экспедиции, которого набралось свыше 30 мест в количестве 150 пудов. С живейшею благодарностью ценю внимание Общества, ходатайствовавшего перед М[инистерст]вом пут[ей] сообщ[ений], благосклонно оказавшим нам содействие представлением в мое распоряжение вагона II класса от Санкт-Петербурга до Верхнеудинска и о погружении экспедиционного транспорта в отдельный багажный вагон, имеющий следовать в общем с экспедицией поезде.

Проводить в путешествие на вокзале собрался самый дружественный мой кружок, самый дорогой, самый желанный: С.Ф. Ольденбург, А.В. Григорьев, Н.И. Григорьева, А.А. Достоевский, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, А.Д. Руднев, В.И. Липский, А.Е. Снесарев и Е.В. Снесарева, В.Ф. Новицкий, Н.Н. Кузнецов, Ю.М. Шокальский. Тут были и представители Академии наук, и представители Географического общества, и представители Генерального штаба и другие. При сердечных пожеланиях поезд отошел и скрылся во мраке ночи. Я мог отжаться в скором поезде, в отдельном купе, заполненном различными научными инструментами, сам себе, своим личным впечатлениям. Петербург оставался позади, впереди Москва, дорогая мне потому, что в ней, кроме моей дорогой семьи, имелись и искренние друзья. Петербургская толчея и беготня приятно сменилась в Москве тишиной, убаюкивающей жизнью. Моя дорогая жена самым заботливым образом обставила мой покой, мое пребывание среди семейного очага. Я мог и, действительно, отдохнул душой и телом перед отдаленным походом. Дела экспедиции делались исподволь, как приятное разнообразие. Свидание с друзьями, родными и знакомыми также. Особенно внимательно ко мне относились знакомые профессора М[осковского] у[ниверситета] и сотоварищи по полку.

Новый отец-командир, полковник Александр Иванович Чаплыгин, собрал товарищей в тесном кружке (кремлевское собрание) и весь полк в Манеже, где он от лица полка благословил меня и моих трех юных молодцов-спутников на-

тельными крестами с надписью «Спаси и сохрани». Самый момент благословения никогда не изгладится из моей памяти. Благоговейная тишина царила в Манеже при слушании полкового священника. Моя жена была свидетельницей этих минут. Я и трое гренадер стояли впереди. После краткой, сильной речи приятного священника, сказал искреннее слово А.И. Чаплыгин, одевая на меня и ниж[ние] чины символическое благословение. Не выдержала моя душа задушевных чувств и впечатлений, слезы брызнули при виде ласкового лица милой жены и я, едва-едва справившись, мог высказать благодарность, накопившуюся к полку с первых моих лет службы вообще и с первых дней московского пребывания, в частности.

Минуты, проводимые дома, с женою и детьми ласкали меня несказанным образом. При мысли о предстоящем расставании на сердце становилось тяжело, давила тяжестью предстоящая минута расставания.

Подкатило и это роковое число — **10 ноября**. Крепиться не было сил: малодушничал. Сумерки. Едем после прощания с домом, с детьми на вокзал. У выхода, крыльца, молодой человек просится в путешествие. А вот и вокзал. Милый М.А. Мензбир первый попал на глаза, там и сям товарищи-офицеры, друзья, родные, знакомые. Вскоре кружок мой перемешался, мило перетасовался — профессора, офицеры, юные, убеленные сединами и прочие. Приятнейшую речь с бокалом в руке сказал маститый Н.А. Умов, затем А.И. Чаплыгин, затем я, опять мои друзья, опять я. Сказал просто, искренне, с тактом и мой Иванов. Звучки ротной музыки усиливали подходящее душевное настроение. Тяжело было оторваться от горячей груди, от горячих, ласковых, жгучих поцелуев и благословений жены. Ее ласковый, живой, чистый, светлый образ запечатлелся сильно в моем воспоминании, и будет облагораживать мою душу, очищать от всяких неподобающих, нечистых помыслов.

Мое высшее желание оправдать мои вожеленные мечты! Помоги мне, Бог, в моем деле и в нравственном сохранении тела и души!

Наконец оторвалось все. Слова «до свидания!» перемешались со звуками екатеринославского марша³, все более ослабевавшим и ослабевавшим. Все дорогое оставлено в Москве. Тяжелый мрачный свод ночного неба окутал и мысли. Невольно отдаешься сам себе, хотя, идя в купе, я по дороге поздравил своих молодцов с походом.

Началось путешествие. Дни за днями бежали быстро. Промелькнул и красивый Урал, и степные, и лесные, и равнинные, и горные пространства колоссальной Сибири. Наше внимание останавливалось на Иркутске, где экспедиция по разным делам должна была прожить несколько дней, прежде чем начать двигаться дальше.

Морозы постепенно крепчали, в воздухе летали белые мухи. Зима надвигалась. Наконец и желанный Иркутск, где мы были радушно приняты и кружком Генерального штаба, и кружком сочленов ИРГО во главе с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Курмаковым.

В Иркутске к нам присоединился штабс-капитан, с 6 декабря м[инувшего] года капитан Петр Яковлевич Напалков (Штаба корпуса военных топографов) — наш четвертый товарищ. Из Москвы со мной ехали: геолог А.А. Чернов, коллектор, ботаник и энтомолог С.С. Четыркин, неизменный фельдфебель

Иванов и новички гренадеры: Демиденко, Санакоев и Давыденков. В Иркутске конвой увеличился забайкальцами Бадмажаповым и Содбоевым.

В Иркутске же меня баловали широким гостеприимством и старые, и новые знакомые иркутяне. Пришлось прожить шесть дней, из которых два дня — первый и последний — праздники. С.Н. Родионов особенно оказал внимание и заботливость. У него же я оставил и свою форму, нужную мне на обратном пути с Иркутска. Но особенной благодарностью я обязан генерал-губернатору г[енерал]-л[ейтенанту] А.Н. Селиванову и как начальнику края, и как человеку. В гостеприимном русском доме я был принят, обласкан, словно родной, и чувствовал себя самым непринужденным образом в милом о[бщест]ве.

26 ноября, праздник ордена Св[ятого] Георгия Победоносца, а для сибиряков — и их патрона Иннокентия, я бóльшую часть дня провел в гостеприимном доме А.Н. Селиванова, а вечером, напутствуемый лучшими пожеланиями кружка ИРГО с Н.Н. Курмаковым в заводе⁴, продолжал путь к Верхнеудинску. Сибирь. Красавица Ангара еще не думала о ледяном покрывале, равно как и ее суровый отец — Байкал, грозно ударявший о скалистые берега тяжелыми волнами. Ночной мрак и бесконечные байкальские тоннели усиливали своеобразность впечатлений.

В Верхнеудинске я был встречен и провожаем затем в дальнюю дорогу представителем ламаистского духовенства Восточной Сибири, бандидо хамбо-ламой Иролтуевым, поднесшим мне плат счастья — хадак. Лихая протяжная тройка, а местами и четверка, лихо катила в санях меня и А.А. Чернова сначала по Селенге, ее притоку Чикою, а затем наперерез более или менее гористой местности. Чем дальше, тем более и более сказывался грандиозный масштаб, в котором построена природа Азии. Мощные обнажения, скалы, утесы, россыпи вдали привлекали моего пылкого, пытливого геолога. Он своим восторгом, восхищением, подъемом чувств положительно радовал меня и приближал к себе приветственной связью. В Верхнеудинске он даже не утерпел — сходил в экскурсию, поднялся на вершину и долго любовался открывшейся перед ним картиной.

Наш тяжелый транспорт проследовал от Верхнеудинска до Кяхты на колесных двуколках под охраной конвоя. Фельдфебель Иванов присматривался к новичкам и поучал их «уму-разуму» перед выступлением в далекую экспедицию.

2 декабря. Около десяти часов утра я и А.А. Чернов прибыли в Кяхту. Благодаря почти полному отсутствию снега, ехать в санях затруднительно. Наш ящик, из Верхнеудинска, на четверке спустился на реку и по ледяной поверхности домчал быстро до Кяхты, до дома Общественного собрания, иначе — клуба. Здесь мы были встречены прежним слугою Осипом и, благодаря любезности кяхтинских старшин с В.Н. Молчановым во главе, нашли все удобства к продолжительному пребыванию на границе. Л.П. Молчанова позаботилась об убранстве наших спальных комнат. Не успели разобраться, явился любезный М.А. Бордашев, чтобы по поручению К.Х. Лушниковой пригласить нас к обеду. Как были, так и отправились. Здесь, в гостеприимном доме, мы были обласканы и накормлены. Этот дом для меня знаком с давних времен, я также давно знаю почти всех детей покойного Алексея Михайловича, с которыми дружил Н.М. Пржевальский. Юных членов дома не было, многие разъехались. На сле-

дующий затем день появились П.Я. Напалков и Четыркин. Осталось ожидать наш экспедиционный транспорт (с Ивановым).

Начались приготовления к сборам, сначала к их подготовке. С приходом транспорта, а на другой день забайкальцев — Телешова, Ар. Мадаева и Б. Мадаева, — дело пошло быстро. Нужно было все разобрать и освобожденные ящики сдать в переделку. Застучали топоры, молотки, завизжала пила. Самые разнообразные дела включались в требование экспедиции. По временам производилась практически боевая стрельба из трехлинейных винтовок.

Столяр-китаец подготовил ящики, мои молодцы-спутники клеили их и красили, затем обшивали углы, пристраивали веревочные петли для выючки. Словом, работа кипела вовсю. Молчанов и Лушниковы старались прийти к нам тем или другим делом на помощь.

Препараторы экскурсировали и кое-что сделали по части препарирования птичек. И в этом отношении В.Н. Молчанов приходил к нам на помощь: он любезно доставил птичек — пару рябчиков и пару свиристелей, первый и последний номера (1, 15)⁵, собранных в Кяхте. И.Н. Молчанов не преминул «угостить» меня и облавою на диких коз. Это удовольствие, о котором я мечтал еще будучи в центре России, мне было особенно приятно. Ведь в Кяхте я впервые, в 1883 г., с Н.М. Пржевальским, понял эту прелесть, но только отчасти — отчасти тем, что я тогда совершенно не умел стрелять и козы, пробежавшие подле меня, ничего кроме страха не получали — жизнь их оставалась вне опасности. Обстановка же охоты меня очаровывала. И вот, наконец, спустя 24 года опять стоишь на номере.

Чудный был день первой облавы. Мы приехали на тройках в Монголию, к табору. Здесь томились загонщики-монголы, предводительствуемые, с одной стороны, охотником-монголом (Лапсан), а с другой — русским Калашниковым, заводившим загонщиков, тогда как расставлял стрелков Лапсан, понимавший и знавший охот[ничью] тактику одинаково с Калашниковым. До завтрака загонное было сделано четыре. Я не стрелял, но видел стайку, мелькнувшую в кустах; одна коза даже постояла минуту и исчезла далеко. День выдался на славу. После завтрака, когда охотники сошлись было посидеть на солнышке, Калашников, однако, заметил: «Ну, господа, пора ехать в новое место!». Все повиновались, сели верхом и поскакали к открытой березовой поросли, где высокая трава привлекала косуль. По дороге на отдельных березах темными почками красовались косачи, грузно снимаясь при нашем к ним приближении. Быстро рассчитавшись на номера, мы слышали голоса загонщиков, а немного спустя увидели и самих коз, бежавших табунками или парочками. В волнении дрожащими руками сжимаешь ружье, но козы пробежали вдали! Больно охотничьему сердцу видеть высокие прыжки косуль, а еще более слышать выстрелы соседей! Но вот несется тройка коз и на меня. Старый гуран стал подсказывать ужасно... Еще минута, звери около меня. Первый выстрел по старику, второй по первому в гусевом порядке⁶. Оба зверя упали в расстоянии 15 шагов друг от друга. Радость моя была великая, понятная охотнику. Я с благодарностью вспомнил моего иркутского приятеля С.Н. Родионова, снабдившего меня патронами, снаряженными бездымными гильзами, преимущество которых ясно, и выражается в тихой трескотне и устранении дыма, мешавшего ранее наблюдать и замечать

самое падение зверя. Сколько прелести тихой я чувствовал в лесу: подле меня проскакивали зайцы, иногда до 6 штук, справа и слева; дятел долбил дерево, синицы процессией перемещались, оглашая свой путь благозвучными трелями.

По окончании облавы радостный, закутавшись в шубу, на тройке поехал домой. Сумерки пылали; темный небесный свод зажегся массами огоньков больших и малых звезд, дивной по блеску планеты Сатурн. Обвеваемый грезами о России, о далеко оставшейся семье, еду в семью экспедиционную.

Вторая моя облава была устроена любезным А. В. Швецовым — ныне стариком, но молодым душой. На этот раз весь день шел мелкий снег, погода улучшилась лишь к утру, хотя и вечером ясное солнышко красиво освещало лес. Теремов было очень много. Я искуссился выстрелить по черному, усевшемуся на вершину могучей сосны, под которой я стоял. Косач упал почти к моим ногам. Я также добыл пару чечеток.

Единственный выстрел по козе не пропал даром — шкура бол[ьшой] самки попала в нашу коллекцию. Интересно бежала мать-коза с бол[ьшим] детенышем. Она показалась было мордочкой издали, затем быстрыми прыжками понеслась вдоль опушки леса, у края сосен, детеныш прикрывался боком матери. Я выстрелил наудачу. Но монголы заметили, что зверь упал, отбежав шагов на 80 или 100. В общем коз было немало, стрельбы также, но убитых была лишь моя одна. На этот раз загон не был веден так удачно, как прежде. Тем не менее, лично я был очень доволен и с прежним чувством удовлетворения поехал домой.

Между тем время бежало, снаряжение подвигалось вперед. Больной переводчик Сахаров был счастливо заменен стар[шим] ур[ядником] Полютовым, который, таким образом, должен был собраться в двое суток. Кормился отряд по-походному — из общего котла. Периодически члены экспедиции пользовались широким гостеприимством кяхтинцев или, реже, троицкосавцев.

Желающие поехать с нами нас не забывали: почти ежедневно являлись то военные, то штатские с предложением услуг. Письма получались по-прежнему, но преимущественно из Сибири.

Кяхтинский музей⁷ на моих глазах растет и совершенствуется; музейная библиотека также. Последней я и А. А. Чернов пользовались во время пребывания в Кяхте.

В подотд[еле] Географического общества⁸ я и геолог были дважды, последний раз на общем собрании, в котором, между прочим, я изволил себе сказать и программу моего Монголо-Сычуаньского путешествия. Затем председатель Общества и секретарь предложили мне принять председательствование в дальнейшей части обсуждения. Многочисленное собрание мне представилось таким, каким я его видел шесть лет тому назад при первом докладе о моем Тибетском путешествии⁹.

Теперь о персонах экспедиции. Ее начальник я; мой ближайший сотрудник и товарищ — геолог А. А. Чернов, топограф П. Я. Напалков (капитан), заболевший было в Кяхте, но в дороге поправившийся, и четвертый член экспедиции С. С. Четыркин. В состав конвоя вошли: фельдфебель Иванов и прочие гренадеры-екатеринославцы: ефрейтор Влас Демиденко, Матвей Санаков и Мартын Давыденков; казаки-забайкальцы: старшие урядники Пантелей Телешов (препаратор), Ефим Полютов (переводчик); мл[адший] у[рядник] Арья Мадаев (младш[ий])

препаратор), казаки-конвоиры Буянт Мадаев, Гомбо Бадмажапов и Бабасан Содбоев, словом, отряд сформировался из четырнадцати человек.

Вначале я предполагал, что мы справимся к сочельнику, но оказалось, очень мало времени для обстоятельного снаряжения, в особенности если припомнить, что в предыдущее путешествие, в Алтайской станице, я собирался с 11 июня по 14 июля*, ныне же с 2 по 28 декабря. Праздники служили отчасти помехой, хотя экспедиция праздновала один, первый день, второй же и третий экспедиция собиралась.

К удовольствию и развлечению нашему получались разные корреспонденции — казенные, частные. Географическое общество заботливо дослало инструменты, книги. Но самым высшим наслаждением было получать письма из дома и, реже, от искренних друзей. Чтением заниматься не было времени; газеты пробегались одним из нас и самое важное читалось вслух.

На праздники и в будни в Кяхте и Троицкосавске, конечно, в богатых домах, пилось очень много шампанского. Я имел случай почти ежедневно там или сям, по поводу того или другого события выпить один-два бокала. Едят везде также много и очень вкусно.

Праздниками, на 3-й день, накануне нашего выступления в путь я получил почетный билет на спектакль, имеющий быть в пользу неимущих учениц высшей гимназии. Спектакль удался лучшим образом. Я был и видел еще раз, в целом, общество Кяхты и Троицкославца. То был последний день и вечер.

К этому времени экспедиция окончательно снарядилась. Лишнее, нужное на обратный путь, было сдано К.Х. Лушниковой на хранение. Мои: пальто, сабля, две корзины (одна побольше, другая — поменьше, с навешан[ными] замками), ящик темный с ошурочками¹⁰, ящик пустой (большой, от граммофона). Деньги — десять тысяч для расчетов на границе, по возвращении, также были сданы в местное Казначейство на текущий счет.

Общество приглашало нас нарасхват. Оно же позаботилось о снабжении нас в дорогу вкусными заедочками и отчасти усладочками. Больше всего позаботились дома Лушниковых (К[лавдия] Х[ристоворовна] и И[ннокентий] А[лексеевич] и Л[еоид] Н[иколаевич(?)]), Л.П. Молчанова, С.Я. Синицына и других. Лучшее и искреннее гостеприимство мы имели в домах Молчанова, Лушниковой и Собенниковой.

Два слова о Рождестве, елке. Первый день праздников Р[ождества] Х[ристова] — а мы только первый и праздновали — я провел отчасти в праздничных и прощальных (заодно) визитах, отчасти на обеде, елке и вечере у милых Молчановых. Обед был в 5 часов. В семь зажгли елку и впустили детей — малых и взрослых. Я мысленно тотчас перенесся в Москву, в свою дорогую семью, где также елка играла и играет немаловажную роль. Живо мне напонила елка минувшего года — своя и С.А. Пржевальской, где наш сын весело и оживленно проводил время.

Молчановская елка (точнее — сосна, из соседнего леса) была хорошая, убрана богато и симпатично. Полюбовавшись ею и поведив [хоровод] вокруг елки с детьми, мы все стали снимать подарки, с отметками кому! На долю участников

* Надо однако заметить, что в Алтайскую прибыли одновременно и я, и транспорт, тогда как в Кяхту я раньше трансп[орта] на 4 дня.

Монголо-Сычуаньской экспедиции подарков пришлось дов[ольно] много, а главное, каждый из нас получил по существенному — прекрасным рукавицам и по коробке конфет (мои конфеты — особенная малина). Удивительная по своим качества женщина, супруга Влад[имира] Ник[олаевича] Молчанова, Любовь Петровна. Она все устраивала с замечательным тактом: позовет ли пообедать — накормит и напоит замечательно, позовет ли вечером или на елку — все останутся в восторге.

Накануне выступления день (**27 декабря**) прошел в подведении итогов — в последней укладке, в последних расчетах.

28 декабря. Утро холодное, ветренное, небо заволочено слоистыми облаками. Мы все на ногах еще задолго до рассвета. Все прибирается, все укладывается. Вещи — багаж — после чая выносятся наружу, во двор, распределяемые на три линии — эшелона. Пришли наши друзья проводить нас. Люди поели и в 12 часов приступили к выючке. Несмотря на неопытность, ровно в один час выючка окончилась (30 вер[блюдов]) и отряд, усевшись на лошадей (за исключением Иванова, Демиденко и Содбоева, ведущих эшелоны) и взяв верблюдов, направились в путь — в Монголию. Во время выючки П.Е. Генке — комиссар — фотографировал нас. Проводив караван, мы отправились завтракать к милейшему Молчанову (еще утром Люб[овь] Петр[овна] приходила приглашать покушать в дорогу — и это вышло, опять-таки, весьма кстати). По дороге к Молчанову мы забежали на минуточку еще раз попрощаться с милой К.Х. Лушниковой.

У предупредительной Люб[ови] Петр[овны] завтрак был готов, и мы в 2 часа распрощались с замечательным семейством (В.Н. [Молчанов] снабдил меня письмами в Алашань — Ургу для оказания мне содействия), сели на оседланных коней и, сопровождаемые чиновником-монголом до Урги, быстро поскакали вслед каравана. Юный Молчанов — Иннокентий Александрович — не отставал от нас, чаще других проводывал во время наших сборов или сопровождал геолога экспедиции на экскурсии. На окраине Кяхты и Маймачена¹¹ мы уже заметили наш караван, широким темным пятном тянувшийся по дороге среди монгольского плато, убранного основательным (до 2–3 вершков) снегом. Скоро мы догнали караван, шедший в строгом порядке. Мороз крепчал. Сумраки надвигались, мы пришли в Гилян-нор, первый уртон-ночлег¹², в 12 верстах от Кяхты. Заря ненадолго зажглась дивным блеском. Первая заря Монголии. Бивуак скоро уснул, у нас был гостем Кеша Молчанов.

29 декабря. Сырое, холодное, снежное утро. Мы быстро поднялись и продолжили движение в прежнем, южном, направлении. Усевшись на лошадей, дружески распрощались со своим последним гостем — русским человеком. И.А. Молчанов быстро помчал домой, окутываемый снежной пеленой. Караван двигался к Ибицыку. Снег скрывал горизонт; встречных почти не попадалось. Довольно порядочные горы казались силуэтом: снег вился, клубился, но в воздухе было не особенно холодно и мы подвигались успешно — от уртона к уртому, или иначе от станции к станции. Надо заметить, что в Монголии передвижение происходит иначе, нежели у нас. Монгольские станции, по крайней мере, станции по Кяхта-Ургинскому тракту, устроены следующим образом. Станция представляет из себя монгольское стойбище, в 6–10 юрт, с ямщиками монголами, живущими «ямщиной». Самая ямщина — это повинность, в наше время (да кажется и постоянно) отправляемая четырьмя хошунами: Тушету-хана,

Сайн-нойона, Цицин-вана и Балдын-цзасака. Над всем трактом имеется начальник — чиновник-монгол в звании полковника (с розовым шариком на голове)¹³. Станционный же смотритель, своего рода, тоже чин, с белым шариком, с общей кличкой «цзангин» (подходящее звание нашему станционному атаману); в помощь или в замещение цзангина назначается лицо ему помогающее — с золотым шариком. Обыкновенно эти помощники становятся в последующем цзангинами. Каждый уртон снабжен несколькими десятками лошадей, иной даже сотней. По общему соглашению цзангин, и вообще станционные люди, живут всю свою жизнь ямщиной. Многие здесь и родились. Иногда цзангинство передается по наследству, и известная часть одного из четырех хошунов, перебравшаяся на уртон, живет этой новой жизнью несколько поколений. Случается, что за нерадение или другие отрицательные стороны, многих отправляют обратно, восвоаяси, требуя лучших заместителей. Начальники над уртонами в чине полковника назначаются китайским чиновником (ургинским амбанем), а цзангины назначаются и смещаются, если это нужно, начальником всех одиннадцати уртонов.

Других повинностей эти монголы уже не несут. Теперь, когда нужно проезжать тому или иному китайскому начальнику, китайцы делали распоряжение — сношение с полковником-монголом. Тот, в свою очередь, пишет бумагу, которую мчат без оглядки курьеры с приказанием сколько поставить юрт, как их разместить, сколько готовить лошадей верховых, сколько под вьюк, сколько заготовить дров, воды и прочее, с указанием тогда-то, приблизительно, поедет такое-то лицо. Почта в счет не входит. Она, как и у нас, идет своим чередом: приходит на станцию, сменяются люди, лошади, остаются лишь русские ямщики, собственно не ямщики, а чиновники или казаки, коим вверена почта. Для лучшего удобства почта имеет свой отдельный маршрут — путь, вьющийся поблизости телеграфных столбов. Параллельных дорог (колесных, вьючных) от Урги до Кяхты масса. Русская власть нанимает богатых чиновных монголов для транспортирования легкой и тяжелой почты не только между Кяхтой и Ургой, но и дальше, через юго-восточную Монголию, через Калган в Пекин.

Китайцы-чиновники не платят на уртонах, если не считать весьма редких исключений. Русские же чиновники всегда дают и, чем выше положение, тем больше. Монголы с этим обстоятельством считаются и служат очень хорошо.

Таким образом от Кяхты до Урги я устроился на счет передвижений личного персонала и ночевок, пользуясь уртонами. Для этого мне пришлось в Кяхте сообщить комиссару, последний снесся с цзангином и прочее, и экспедиция следовала от уртона к уртому, где уже нас ожидали приготовленные три юрты (для офицеров, для конвоя и для монголов-погонщиков). Наш багаж шел по особому, частному найму монголов на 30 верблюдах. А на трех верблюдах сидели мои люди — жоаки.

Общий караван был большой. Я следовал впереди с Бадмажаповым и одним монголом-проводником. Геолог экспедиции ехал также с монголом, могущим давать названия гор, речек, урочищ и т. д. Собственно караван следовал под ближайшим наблюдением капитана Напалкова (топографа, ехавшего пока свободным), двигавшегося впереди каравана. Четыркин следовал в аррьергарде.

Вставали мы до зари. С зарей снимались с бивуака и шли до следующего ночлега, часто весь день. Позавтракав утром, обедали почти вечером.

Мы с благодарностью вспоминали обитателей Кяхты, щедро снабдивших нас хлебом-солью. Это обстоятельство в дороге очень важно, и я никогда не забуду искренней симпатии домов Молчанова, Лушников и других.

До уртона Ибицк снег шел, не переставая, горами любоваться не приходилось. Досадно, что до уртонов, всегда почти устраиваемых в стороне, приходилось делать несколько верст лишних. Правда, из-за этого являлось неизбежное большее знакомство с местностью. В особенности в целях геологических и зоологических. В общем, вечером или днем монголы встречали нас, наутро провожали, за исключением одной станции — Урмукутуй 1 января 1908, на которой экспедиция дневала, и где стоит знаменитая в своем роде гора Шара-хада, послужившая объектом для изучений нашего А.А. Чернова, нашедшего в ней много окаменелостей (палеозойских).

30—31 декабря. Эти дни стояла ясная, тихая погода; воздух отличался дивной прозрачностью, свежестью. Во время движения даль открывала красивые виды: волны высоких и низких гор то группировались в беспорядке, то вытягивались в правильные цепи, вершины которых блестели матовой белизной. Дорога, местами тропа, змеей вилась на дне или по скатам. На главные дороги выбегали из сторон, из укромных, защемленных от «садкого», скверного ветра и открытых солнечным лучам мест, где вился дым, изобличавший жизнь номадов. С известной вершины дорожка правильной лентой извивалась прямо к стойбищу. Там, повыше, по скату пасся привычный монгольский скот — коровы, бараны, лошади и т. д. Подле жилых мест всегда было теплее. Там и сям рассыпаны в степи, в соседстве жилых мест, догыны — кумирни или куры, находящиеся в ведении ургинского хутукты или богдо-гегена. Последним назначаются и настоятели этих молитвенных мест. Куйтунский догын четыре раза в год громко отправляет богослужение при собравшемся народе. Теперь же он молчал; я не видел ни одного из лам.

Сделав в два дня 68 верст, в последний, накануне Нового года, — 41 [версту], (и еще в самый первый день Нового года 23 версты от Куйтуна до Урмукуту) мы расположились у южного подножья Шара-хада. Погода стояла ясная, морозная. Геологический молоток Чернова гулко стучал по интересным камешкам породы. Все в сумме — и интерес к Шара-хаде, и почти половинный пройденный путь — располагало нас устроить дневку. Здесь мы по-своему праздновали Новый год.

1 января [1908]. С прихода в Новый год, за прекрасное поведение, за искреннее отношение к делу экспедиции моих спутников я отдал по отряду следующий приказ:

«Урочище Урмукутуй, бивуак экспедиции, 1 января 1908 года.

Пять дней тому назад Монголо-Сычуаньская экспедиция перешагнула отечественную границу и вступила в Монголию. Сегодня первый день Нового года, который экспедиции суждено целиком провести в Центральной Азии. Этот день для меня будет особенно памятен, я его много раз, в будущем, вспомню с удовольствием. Моя новая экспедиция удачно началась: мои сотрудники от мала до велика меня радуют. Несмотря на необычайные холода, шутят товарищески и пренебрегают невзгодами. Мне приятно отметить этот день чем-либо особенным.

К сожалению, в моем распоряжении нет иных средств для выражения благодарности моему неутомимому спутнику фельдфебелю Иванову, кроме при-

знания и душевного к нему расположения за труды в экспедиции со дня ее существования. Прочих гренадеров: ефрейтора Власа Демиденко, рядовых Матвея Санакоева и Мартына Давыденкова я счастлив, согласно § 8 Всеподданейшего доклада¹⁴, сегодня произвести в младшие унтер-офицеры. Остальных душевно благодарю и надеюсь, что в скором времени все участники экспедиции сплотятся в одно стройное сильное целое и помогут мне достойнейшим образом выполнить поручение Державного вождя и Русского Императорского географического общества. В этот же знаменательный день, я, согласно Высочайшей воле, счастлив передать персоналу экспедиции нравственное благословение Его Величества на трудный славный путь!

Поздравляю Вас с Новым годом, а моих екатеринославцев-гренадеров и с производством».

На Новый год мороз ударил самый сильный $-47,3^{\circ}\text{C}$.

Усладились пельменями, ликером, конфетами; нижним чинам на радости дана чарка водки, сигары и общие услады.

День стоял морозный, ясный. Мои сотрудники несколько раз поднимались на гору. (За пару баранов здесь запласт[или] 10 рублей без шкуры и внутренностей).

Забыл было отметить массовое наблюдение бородатой куропатки, скопившейся в огромном количестве — штук до 200–300 среди монгольских юрт. Эти птички вели себя с замечательной доверчивостью по отношению к человеку. Они кормились, подобно курам, они подбегали вплотную к людям, заметив, что те что-либо выбрасывают. Среди полной тишины их голоса — свистяще-скрипучие — только и слышались повсюду. Днем, на солнце многие птички беззаботно ложились, пригревались, иные даже хлопали крыльями, обдавая себя темною пылью. От времени до времени куропатки поднимали тревогу и убегали группами под какое-нибудь прикрытие или продолжали лежать словно мертвые, чтобы не выдать себя налетевшему хищнику (*Saker, hendersoni = Falco*)¹⁵. Наш препаратор Телешов также временно нарушил покой этих доверчивых птиц, сделав по ним 5 выстрелов и убив 23 экз[емпляра]. Птички было разлетелись, иные разбежались, но через час, а то и раньше, их можно было видеть в том же почти огромном количестве и там же, где и прежде.

На следующих уртонах мы только любовались боролатыми куропатками, подбегавшими к нам вплотную. Птички от холода съеживались в клубочек, в рыхлый шарик, над которым красиво поднималась головка. Выбрали лучшие экземпляры, которые, между прочим, имели черное пятно на животе, развивавшееся во всей полноте или почти отсутствовавшее, с легкими лишь намеками на последнее.

3–4–5 [января]. В эти дни солнце забыло нас: яс[ная] погода сменилась на облачную, хотя ночной *minimum* все еще держался на $-37... -40^{\circ}\text{C}$. Двигались по-прежнему успешно. Хребет Манхадай приближался с каждым днем. Его внушительный абрис производил еще более сильное впечатление окутанный в сплошной снеговой покров, местами темневший сплошными лесными зарослями. Благодаря обилию того же снега мы главный проход оставили восточнее, а прошли по перевалу Сэпсул-дабану, поднятому над морем на 4500 фунтов. Подъем, хотя и крутоват, но мягок, камней мало. Мы поднялись на вершину,

увенчанную обо, в то время, когда солнце позолотило высшие точки гор, высшие скаты у перевала. Тетерева-косачи также уселись на верхней границе деревьев — берез, группами до сотни черных точек, резко выделявшихся на значительном расстоянии. У перевала видны были свежеставленные лежки косуль, по которым впоследствии стреляли ехавшие при караване, но безуспешно. Я и препараторы стреляли здесь птиц, соек, ястребиного сирина; эти птицы пополнили нашу зарождавшуюся коллекцию по орнитологии.

За хребтом Манхадай, к югу вскоре залегает долина Хара, с речкой того же названия, по которой, там и сям, китайские фермы — попытка желтолицых колонизировать эту отдаленную окраину. В целях сближения или слияния с монгольской народностью, китайское правительство не позволяет на окраину вывозить свои семейства. Таким образом, селяки обязаны вступать в законное или незаконное сожительство с туземцами и производить ублюдков, вероятно, в прямом и переносном смысле.

За Хара местность снова заволновалась отпрысками то же хребта Манхадай. Мой геолог утешался интересной работой, массами выходов, обнажений; он положительно не замечал, как бежало время в течение ежедневных передвижений каравана.

В этой же долине Хара нас навел монгол — чиновник, украшенный розовым (полковник) шариком, заведующий всем Кяхта-Ургинским трактом, чтобы осведомиться, как благополучно мы следуем в пути.

Здесь же мы встретили и русский дом — семью, ютившуюся в соседстве китайцев и монголов, русских людей с русской фамилией Калмыковы. Две женщины встретили нас радушно и угостили чаем; на столе пыхтел и парил бол[ьшой] самовар. Хозяйева отсутствовали в Кяхте за предметами продовольствия; молодая и престарелая женщины скучали одиночеством. Морозы сильные прекратили частое сообщение между Ургой и Кяхтой, к тому же, 5 января праздники еще не окончились.

«Бадмаевский»¹⁶ дом был обнесен стенкой; у ворот сторожили входящих злые собаки местной монгольской породы.

6—9 января. В последние четыре дня мы достигли Урги. Местность продолжала хранить горный характер. Самые ночлеги, уртоны, располагались также высоко, в области скал и границы древесной растительности. Дорога описывала гигантскую волну, в особенности на сокращенных тропах, доступных лишь для верховых путешественников. Караван же извивался по пути и в горизонтальном, и в вертикальном положении.

Особенно памятным осталось урочище Хунцыл, где скалы, сложенные из гигантских обнажений (местами матрасовидных), и среди скал валяющиеся, также гигантские, отторженцы привлекли внимание нашего геолога. Чернов потратил всю половину дня и следующее утро в целях большего ознакомления с горами. Он и Четыркин сделали фотографические снимки. В лесу добыта интересная уральская неясность — ютившаяся в верхнем поясе гор, среди леса и отвесных скал. В то время, когда Чернов и Четыркин переговаривались в горах, последнему подвернулась эта птица, летевшая, вероятно, на промысел, но сама попала в коллекцию!

Чернов поднимался довольно высоко и помимо интересных выходов он был награжден дивною панорамой, открывшеюся перед его очарованным взором.

«Так приятно было созерцать, — говорил А.А. [Чернов], — такое огромное скопление гор, развертывавшихся во всех направлениях, но уступающих в высоте тому участку, на котором я находился». Мне всегда доставляет великое удовольствие видеть и слышать Чернова, возвратившегося с экскурсии; его лицо в таких случаях прекрасно.

В первый день движения каравана (накануне, между прочим, наблюдали около 2–3 часов дня световой эффект солнца, halo, подобное halo, описанному мною на с. 123 «Монголии и Кам»¹⁷).

Ранним утром у самой дороги, по плотному снегу мое внимание было привлечено катившимися клубком — зверьками, хорьком и пищухой. Изящный верткий хорек извивался и грыз свою, превосходящую по компактности размеров, жертву. Завидя людей, он тревожно поднялся на задние лапки, свечкой, и торопливо покатил трупик *Lagomys*'а. Мой выстрел по хищнику не причинил ему мгновенной смерти — хорек успел вползти в нору пищухи, но пищуха, загрызенная хорьком, взята нами в коллекцию. Хорек прокусил грызуну череп и нанес рану на задней ноге острыми клыками.

На том же ночлеге, Хунцыл, мы встретили одного из учеников переводческой Ургинской школы — Кондакова, ехавшего в Кяхту с поручением от консульства. Этот симпатичный молодой человек рассказал нам об Урге и о том, между прочим, что мою экспедицию там уже ожидают. По совету юнца, я написал вторичное письмо Шишмареву с просьбой приютить экспедицию в консульстве и о точном дне прихода моего в Ургу.

Наутро следующего, **7 января** дня, когда мы перевалили высокий отпрыск хребта, дул леденящий, пронизывающий северо-восточный ветер — «садкий»; было холодно и неприятно так, как даже не ощущалось и при минувшем морозе в -47° . Мы все кое-что ознобили: кто нос, кто кончик уха, я — подбородок, Чернов — щеку и нос и так далее. Холод был анафемский — хотя minimum -29 только, но это «только» всегда останется памятным. Хорошо еще, что поднявшись на хребет, в область, освещенную солнцем, ветра больше не ощущалось. Монголы говорят, дует только в одном месте; они стараются пронестись по нему в карьер, но от этого становится еще холоднее. Ветер положительно проникает или, как г[оворят] казаки, «забивается» всюду.

С приближением к Урге у всех нас возрастало стремление попасть туда; отсчитывали дни и юные спутники. Солнце, поднявшееся к зимнему зениту, в тихое время пригревало немного, нежило и после холода утреннего клонило ко сну. Снег на ближайших вершинах гор искрился, блестел, на сопках кричали клушицы, вдоль горных скатов изредка проносились орлы, за которыми с клеткотом гонялись сарычи, удаляя царственных хищников от своего насиженного места. Часто, по крайней мере, чаще, нежели прежде, стали попадаться вереницы скрипучих монгольских телег, запряженных быками.

С последнего ночлега, Куй-Аюши, отряд снялся очень рано, до зари, пользуясь лунным освещением. Долго шли — вплоть до прямой дороги, прежде, нежели занялась красавица-зорька.

Я всегда следовал быстрее, и теперь, когда уже поднялись на перевал Тологойту (около 5 500 футов абс[олютной] выс[оты]), караван только вползал, как червяк, на его подошву. Пронизывающий ветер обдал нас на Тологойтэн-дабан.

Я с умилением остановился у обо, измерил вершину хребта и стал впиваться взглядом в темную, древесной растительностью одетую, святую гору Богдо-ула. «Здравствуй, моя красавица! — в душе произнес я. — Который уже раз я вижу тебя, люблю твою таинственную молчаливость, строгим видом, девственным одеянием. Ты все прежняя, оберегаемая монахами, ты все свято хранишь завет мудрейшего китайского императора¹⁸. Свободой самой независимой, непосягаемой пользуются твои лесные обитатели — звери и птицы!»

Так рассуждал я, подвигаясь вперед с перевала. Однако еще далеко до города Урги. Вот видна долина Толы, вот уже видна извилистая дорога вдаль на нашем предстоящем пути, огибающем Богдо-улу. Стали чаще попадаться обо, нарядные или парадные жилища-юрты, вот и масса собак, вот и людоеды свирепые, черные, с алчностью уничтожают приговоренный ламами к съеданию труп покойника¹⁹.

Траншееобразная дорога привела нас к монастырскому городу, из труб домишек которого поднимался дым и отгоняемый ветром стлался над долиной. Еще минута и мы среди шума и гама единственной базарной улицы, заполненной самой разнообразной пестрой компанией мужчин, женщин, лам, монголов, китайцев и прочих. Крики верблюдов, ржание коней, лай и свалка собак, громкие окрики туземцев — все сливается в непонятное, резкое, особенно поражающее пришельца с тихой дороги. Кое-где показались русские, с удивлением смотрящие на нас. Остался позади знакомый монастырь Гандан, где проживал Д[алай]-л[ама], остаются и русские колонии. Впереди, там и сям, китайцы на управлении, гарнизон, а там — доминирующе выглядящее русское консульство, где суждено нам провести последние дни, пользуясь удобствами цивилизованной обстановки. Однако, караван далеко поотстал. Тихо еду я, с Бадмажаповым и проводником, к белому дому с зеленой крышей.

Пребывание в Урге (с 9 по 24 января)

Неожиданно для меня в Урге, в консульстве, вместо особняка, напри[мер] Домелунксена²⁰, приготовили помещение в трех различных местах, деля, таким образом меня, моих помощников, ниж[них] чинов и багаж. Консул был болен, не выходил. С первого момента я видел только хорунжего Войлошникова, старавшегося оказать услуги экспедиции. Подойдя к дому [Домелунксена], холодному, заколоченному, я, тем не менее, тотчас решил сносить в него все, что придет с караваном, и самим войти также в него и начать топку печей. Так и сделали. Все засушилось, забегало. Разбитые стекла вставились. Температура -17°C к вечеру поднялась сначала (к 9 часам) до $-6,5^{\circ}$, а к 12 часам ночи, к нашему спанью, до 0. Огонь трещал, или, вернее, дрова трещали, а огонь весело пылал. Тем временем кое-где вставлены были вторые рамы, и экспедиция на 3—4 день своего пребывания в Урге чувствовала себя совсем хорошо. Все вместе. Багаж нужный рядом, подле нас. Менее необходимый размещен был по кладовкам. С первого дня повешены были барометры, препараты приступили к изготовлению чучел тех птичек, которые были убиты дорогою и замерзшими тушками привезены сюда. Мы начали приводить в порядок журнальные записи. Писание писем, а в особенности получение вестей с родины доставляло участникам экспедиции большое удовольствие.

Урга растет и растет: ныне русских насчитывают здесь свыше пятисот семейств, по преимуществу торговцев. Здесь престиж наш, по-видимому, прежний. Хотя городские монголы, по словам наших соотечественников, ныне посмеются, что маленькие японцы поколотили больших русских. Китайцы выпустили кредитные бумажные деньги, которые имеют тот же успех, что и доллар, и русский рубль или русские кредитные билеты. В наибольшем ходу здесь последние.

В Урге я получил купленное мною еще в Питере серебро через посредство Русско-китайского банка. Правда, серебро дорогое, то есть по высокой цене и худшего достоинства, за исключением, конечно, гамбургского²¹.

С первого дня прихода сюда нас дожимали подводчики-монголы, прослышавшие о том, что мы нанимаем верблюдов под вьюки для дальнейшего пути. Неожиданно прибыл транспорт верблюжий из Алаша-ямыня с письмом Бадмажапова, предлагавшего воспользоваться обратными животными по сходной цене. Это обстоятельство помогло осуществлению моего запасного плана, [составленного еще] в Москве — облегчить движение и работы участников экспедиции отпращиванием лишнего груза к Дын-юань-ину. Я подрядил проводника на 20 верблюдов с платой за каждого по 10 лан серебра²². Для меня же с остальными спутниками также нашлись подводчики до Балдын-цзасаковских владений в области Монгольского Алтая, к знакомым горам Гурбан-сайхан. Но на этом пути и местные монголы уже заставили нас дать им плату несравненно более высокую — 7 лан.

Таким образом, вовремя узнав и наняв в Алша-ямыне [верблюдов], мы использовали ургинское время частью на приготовление алашаньского транспорта. Мое имущество, хранившееся в складе конторы торговой компании «Собенников и бр[атья] Молчановы», было образцово сохранено, получено мною и размещено по частям, а кое-что вновь оставлено. Часть направилась с Четыркиным, часть с нами. Я с удовольствием пересмотрел весь запас моей, тогда не осуществленной поездки в Монголию, когда по просьбе Д[алай]-[ламы] я принужден был скорее ехать обратно в Россию, с его поручением²³.

Общее снаряжение экскурсии было идеальное, всего было в строгом пропорциональном размере. Многие, в особенности подарки, посуда и охотничьи принадлежности целиком пошли на пополнение моих общих запасов Монголо-Сычуаньской экспедиции.

17 января. Ранним холодным утром мы проводили в путь Четыркина, Буянты Мадаева и двух алашанцев. С ними пошли все основные запасы экспедиции на 18 верблюдах, плюс два верблюда им даны под верх. Выполнит ли Четыркин мое поручение честно, благородно, аккуратно? Не знаю. Но если выполнит и порадует меня, мой приход в Алаша, еще и успешными наблюдениями и сборами, то я его не забуду — постараюсь вознаградить по окончании экспедиции.

Свое выступление я назначил было на 21 янв[аря], но монголы-подводчики восстали против моего намерения, потому именно, что это начало их Цагансара²⁴. Пришлось уступить и переменить выступление из Урги до 24 числа этого месяца. Тем не менее, с уходом Четыркина, с уходом лишнего транспорта, и мы стали думать больше о дороге. Южное солнышко бодрит днем. Несмотря на значительное падение температуры ночью (до -35°), стремления нашим нет пределов. Делаем дела окончательных сборов. Все налаживается, все прибирается.

Скоро будет счастливый день настоящего отправления в Монголию. Здесь же, сколько ни сиди, ни живи, видишь одно большое перерасходывание денег. Являются все непредвиденные расходы. Невольно поддаешься искушению купить одно, другое, третье. Впрочем, я приобрел с удовольствием несколько вещей в подарок моей дорогой женушке, томящейся теперь в одиночестве в Москве.

Жизнь наша текла в Урге однообразно. Мы большей частью сидели дома и занимались. Чаще других я посещал Я.П. Шишмарева, с которым tet-a-tet просиживали за самоварчиком и малиновым вареньем до 10–11 часов вечера. Это единственный незаменимый человек, стоящий на стороне наших русских интересов. С его вступлением, приездом в Ургу, монголы обрадовались, увидели светлое предзнаменование. Консульство зажило нормальной жизнью. Князя монгольские — постоянные посетители генерала Шишмарева. Его фактическую поддержку я увижу в дороге. Как знатоки Азии с этой, восточной стороны, как участники заседаний в Министерстве иностранных дел по Монголо-Тибетским вопросам мы с Я[ковом] П[орфирьевичем] имели много общего и с великим интересом общались часами. Речи, разговоры не умолкали. Становилось досадным, обидным при мысли, кто же здесь после старика Ш[ишмарева] будет руководить политикой, будет отстаивать отечественные интересы.

20 января. Сегодня воскресенье. Оживленное движение китайцев, монголов. Еще вчера вечером раздавались выстрелы, развешивались праздничные украшения. Сегодня выстрелы праздничные с утра — говорят особенная трескотня начнется вечером. Торговая жизнь замирает. Празднество идет огульное, вероятно, огульное и пьянство. Чувствуешь общий подъем, как и у нас перед большим праздником.

А.А. Чернов усердно занимается, усердно коллекционирует, определяет; он время от времени экскурсирует в окрестности нашей стоянки.

Погода стоит непостоянная. То светит солнце, то проносятся облака, мгла; то набегают ночные холодные ветры с севера, несущие за собой тонкий снег. В воздухе все еще холодно. Зима и предстоящая весна, ее солнце, борются между собой.

Праздничные толпы нарядных китайцев и монголов сидят перед окнами нами обитаемого домика. Смешны, забавны закутанные китайцы, человек по 4–6 тащатся в колымагах, запряженных ослами, мулами, реже лошадьми. Пронесятся красиво, гордо сидящие монголы в цветных халатах.словно пришиты к седлу эти степняки: так ровно сидят они верхом на лошадях, составляя с последней одно стройное целое.

Близится день и нашего выступления в дорогу.

23 января. Обедали у милого секретаря консульства Корнелия Васильевича Лучича, обязательного молодого человека. В этот же вечер мне посчастливилось «поймать» звездочку покрытием Луны, то есть определить географическую долготу, а заодно широту и время²⁵. Таким образом установить первый астрономический пункт в Урге.

Чем менее остается времени до выступления каравана, тем более накапливается дел к исполнению — дописываются отчеты, письма, укладываются коллекции к отправлению в Россию, идет прощание со знакомыми и прочее. Мне в Урге, между прочим, удалось увидеть первую вновь открытую школу. Возрож-

дению своему она обязана маститому Я.П. Шишмареву, который смотрит на нее как отец на свое дите. Пока школа состоит исключительно из детей консульской прислуги. Отрядным включением сюда, между прочим, явилась девочка-бурятка, дочь консульского чиновника Цыренпилова — Пунцук, живая, бойкая, с темными, огоньком подернутыми, глазками. Мать Пунцук — монголка. Девочка эта единственная дочь у родителей. Школа эта (состоявшая из девочек и мальчиков и разделенная на две группы) была вверена симпатичной, любящей свое дело учительнице Марии Павловне Ткаченко. Ей помогала в занятиях ее сестра барышня Надежда. В угоду Я.П. Шишмареву мы (я и А.А. Чернов) посетили эту школу, и нашли постановку дела очень правильной. Дети выглядели бойко, смело, любознательно; видимо их учительница учит ласковыми наставлениями, а не угрозами.

До последних дней с Я.П. Шишмаревым виделись и часами беседовали о Монголии, о Тибете, об общих наших отношениях к этим странам, придумывали планы нашего правительства. Сравнивали двух великих личностей Д[алай]-л[аму] и Богдо-гегена. Последний в большом фаворе у Богдо-хана, при дворе, так как держится исключительно Китая, не заигрывая ни с кем из европейских, власть имущих дипломатов. В Пекине по положению стоит высоко и ему обязаны воздавать высшие почести. Этикет с ним выше, нежели таковой, воздаваемый Далай-ламе, несмотря на то, что тибетский властитель есть первое лицо в Тибете и [в] звании, и в представлении, как духовном, так и светском.

Канун выступления, наибольшие сборы. Вечерние изображения Луны, Юпитера и звезд дивные, великолепные. На моей обсерватории, на площадке (полуденной) дома Дом[елунксе]на перебивали многие из консульских обитателей, восхищаясь величием и стройностью небесных миров. Наибольший интерес ко всему звездному небу, неизменно проявляла учительница М.П. Т[качен]ко, которая, между прочим, оказалась и наиболее восприимчивой, и наиболее любознательной, и наиболее отзывчивой к принесению фактической пользы: она обязалась вести сборы жуков, мух и бабочек, чтобы затем доставить сборы П.П. С[еменову]-Т[ян]-Ш[анскому] и в Академию наук. Ввиду всего этого она снабжена мною двумя ящичками, сачком и скалянкой с цианист[ым] кали[ем].

Почтмейстер П.Дм. Ткаченко был на пути к отъезду (15 февраля) в Калгане, с детьми; его дочь Мария высказывала предложение собирать насекомых и на пути в Калган, и в окрестностях последнего.

Новый заместитель почт [почтовый начальник] — Василий Петрович Бурдуковский, симпатичный, обязательный, обещал доставлять нам через посредство консульства и монгольской администрации две почты, долженствовавшей прийти вслед за нами из России. Я лично ничего не жду, зная, что мои родные и знакомые уже отправляют письма через Пекин.

25 января для нас может считаться своего рода, знаменательным днем — мы окончательно распрощались с цивилизацией, с родной речью, с родною обстановкой. Мы покидали свое русское; выступали и получали все монгольское. Нас проводить собрались все, нас фотографировали. Подле меня устроились дети — учащиеся в школе с их наставницей. Дети желали меня проводить. Я полюбил детей, они меня также.

Я подрядил богатых монголов доставить меня со спутниками, с караваном, словом, экспедицию, во владения Балдын-цзасака, в систему Монгольского Алтая — Гурбун-сайхан за 7 лан серебра за животное — верблюда или лошадь. Юрту мы везли за соб[ственный] счет.

Зима, морозно, ветрено. По скату Богдо-улы ползут и стелятся слоистые облака. Богдо-ула, это своего рода холодильник, резервуар со снегом! Мы выступили. Большой свящ[енник] о[тец] Милий Чефранов через окно благословлял и караван, и нас. Он хотел отслужить молебен по выздоровлению, записав для этой цели имена всех нас.

18 вьюков и 12 всадников — 30 платных NN [номеров] за 210 лан (полпуда) серебра. Мы быстро пробежали вперед. Товарищи заехали к Н.О. Грязнухину кое-что купить и напомнить о снимке собаки на трупе монгола. Я же заехал к Галсанову, переговорить с последним по поводу телеграммы Доржиева и о поездке Д[алай]-л[амы] в Утай, а Доржиева в Забайкалье, а потом тоже в Утай. Распровавшись с ним (и с Далмой) я с Бадмажаповым поскакал вслед медленно подвигавшегося каравана. Курень остался, остался и знаменитый Гандан, в котором так недавно проживал Д[алай]-л[ама], и в котором мне суждено было познакомиться с тринадцатым Великим Перерожденцем, с 13 Далай-ламой.

В долине Толы я обогнал караван и поднялся на отпрыски западного продолжения Богдо-улы, любовался девственными ущельями, богатыми лесной растительностью, этой святой горы. Ветер производил стужу. Встречных попадалось мало — праздничное время. Общий характер местности пересеченный: горы, горы и горы. Долина, глубокая долина Толы была исключением, и она скоро закрылась от нас хребтом Гонгын-дабаном, протянувшимся валом вдоль левого берега этой данницы Орхона и Селенги. С востока шли горы второстепенные; между горами первыми и вторыми вклинивались бóльших или меньших размеров долинки, а затем настоящая большая, отрадная долина, носящая название Шархай-хундэ. Предательская долина ужасно скрадывала расстояние. Мы ею шли почти целый день. Она желтела прекрасной растительностью, по которой впервые в настоящее путешествие увидели цаган-цзере или белых антилоп (*Antilope gutturosa*). Звери паслись, чутко сторожа покой. В то время, когда я был в раздумье, как подойти поближе к первым зверям, неожиданно, со стороны, мое внимание привлек бол[ьшой] хорек, мешковато бежавший по направлению к дороге. Хорек [сам заметил] или хорька заметил пролетающий вблизи ворон и налетел на него, но ловкий хищник окрысился, зашикал, изогнулся дугой, и ворон, сделав круг, пролетел дальше. Я, догнав зверька, выстрелом дробы убил его. Мех зверя пушистый, отличный. В этой же долине особенно много держалось зимующих сарычей (*Buteo*), а также соколов (*Falco* типа *hendersoni* и *babylonicus* и *F[alco] tin[nunculus]*). Этих крылатых хищников привлекали многочисленные грызуны: пищухи, песчанки, изредка даже изящный хомячок. Один этот зверек был пойман, другой найден замерзшим. Очень замечательно-оригинальное явление, крайняя стужа монгольская кладет свою печать: я видел трупы замерзших верблюдов, лошадей, яманов. Жирная бойкая лошадка, сильно разогретая всадником, оставленная, конечно, на ветру и кр[айнем]

холоде без покрывала, ознобилась и пала. Суровый мороз сковал ее, и она лежит трупом, приставленная к жилищу боком.

Продолжаю описание долины. Она густо заселена монголами, ютившимися со своими многочисленными стадами, состоящими из верблюдов, лошадей, рогатого скота и баранов. У прекрасно-уютно расположенных юрт кочевников, там и сям, среди скота, ходят монголки с корзинами за спиной, ловко бросая аргал.

На своем дальнейшем пути мы только и видим широко расстилавшиеся долины, их замыкающие горы и по долинам стада скота, а по скатам гор — население. Мы идем по владениям богдо-гегена; его пятитысячные (количеством) косяки или табуны лошадей пасутся вблизи дороги. Богдо-геген имеет до 50 тысяч коней, до 11 т[ысяч] верблюдов и до тысячи баранов.

Здесь с каждым днем становится меньше снега; от этого местность, по моему мнению, улучшается. На душе отрадно. Днем, на солнце, очень тепло, ясно; при дивной прозрачности воздуха даль открывается замечательная, но как скрадывается в прозрачной дали расстояние! Ночи холодные, ужасные.

Стоит вспомнить и прошлые ночи, и настоящие. Зовет Луна, зовут прочие планеты, зовут звезды. Мы дрожим от стужи, раздеваясь и одеваясь. Ночь ясна, заманчива, но стужа ужасная. Быстро выскакиваешь за нуждой и быстро бежишь под одеяло, долго корчишься, пока не согреешься. Я просыпался с сосульками на усах. Что бы подумала и почувствовала, увидев меня такого, моя миленькая маленькая женка. Прочтем, даст Бог, эти строки вместе.

Вспомним и перевал Гонгын-дабан, показавший нам в последний раз нашу святую гору Богдо-улу, темную от вуали древесной растительности. На этой высокой плоской кровле, словно в океане, несутся слоистые облачко за облачком. Передайте наш привет не только Урге, но и нашим дорогим, болеющим за нас душою и страдающим по нас сердцем!

Встречные монголы сообщали нам вести о благополучном прохождении нашего каравана, порученного Четыркину и Мадаеву. Из встречных особенно интересным был монгол — ургинский лама, ехавший из У[лясу]тайя, говоривший, между прочим, о том, что там ждут верховного представ[ителя] Тибета — Далай-ламу.

Пройдя около сотни верст, мы обыкновенно устраиваем дневку; так было и теперь. Когда мы, свернув с дороги чуть к западу, у богатого монгола остановились на дневку — у урочища Дундугур. Здесь наладили своих животных — и лошадей, и верблюдов; купили и баранов. Какие чудные виды — фотографии, фотографии бивуака. Охота за дзеренами Чернова и гренадер. А.А. Чернов excursionировал с геолог[ическими] целями, и стрелял, но неудачно, не поставил прицела! Демиденко вернулся с Buteo(?). Новички не умеют взять подстреленного хищника — он им своими острыми лапами причинил поранения рук.

Сосед наш, монгол Церен Доржиев, оказался порядочным и хлебосольным человеком. Мало этого, он сделал мне приятную уступку, изменив мой маршрут с восточного на значительно [более] западное направление, с круговым заходом на озеро Тухум-нор. Таким образом, совершенно неожиданно, мы стали готовиться идти не к юго-юго-востоку, а к юго-юго-западу. Церен Доржиев за свой приветливый нрав был одарен подарками.

30–31 января. Последними днями первого месяца экспедиция пересекла окончательно долину Шархай-хундуй, оставив гору Хайрхан* к востоку, мимо гор, с одной стороны Сонин-хангай, с другой Орцик и Онгон-монгол (из розовых гранитов) и соседний Тангыт-тот. Перевал Улын-дабанг (около 4½ т[ысяч] ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]) открыл нам вид на замкнутую котловинную обширную долину соленого озера Тухум-нор. Бассейн Толы мы, таким образом, оставили на целых два года.

После долины местность заволновалась второстепенными складками: мягкими, луговыми, среди поднятий которых вклинивались долинки, выходящие в общую оставленную нами долину. Корм всюду был порядочный; питьем служит далеко к югу залегающий снежный покров, номады ютятся, по-прежнему, в укромных местах. Скот, скот и скот везде по долинам и скатам гор; табуны лошадей, многочисленные стада баранов везде, куда бы ни взглянул пытливый глаз наблюдательного путешественника. В горах, граничащих бассейны внутренний и внешний, преобладают отдельности и массовые выходы гранитов-матрасов, местами (по крутизнам) сильно обдутым, выветрелым скатом (у подножий).

В долине мы видели много дзеренов, но они очень осторожны. Двигаясь к югу, около 11 часов (может быть и 10), пришлось полюбоваться немного оригинальным явлением пустыни — миражом, который строил из южных гор фантастических, причудливых очертаний гигантские стены, здания.

У скалы сарычей царственный хищник — орел был прогнан обществом коренных обитателей (B[uteo] l[eucorrhous]); прогнанный, он с прежней гордостью улетел восвояси.

В последний день января мы наблюдали впервые большие и малые стада бульдуркуов. Они, как и жаворонки, 3-х видов, собрались огромными стадами на части долин, случайно обнаженных, лишенных снега. От массы птичек, взлетевших вверх, от их полета и криков стоял шум: такими тысячными табунами держались пичужки — *Otocorys*, *Melanocorypha*, *Alaudula*. С шумом бури срывались на взлет *Syrth[artes paradoxus]*. Чтобы не повторяться о птицах, дополню следующее: в бас[сейне] Тухум-нора встречены (на трупе) грифы-монахи, на самом озере *Buteo* мохноногий (заменивший собою белоголовок) и, что особенно интересно, белую полярную сову, сидевшую на солончаках Тухум-нора, таких же белых, как и сама птица. Орлы-беркуты стали встречаться изрядно. Как интересно их нападение на мал[еньких] зайцев, когда они спасаются от преследований царственных хищников только лишь бесподобными по высоте прыжками.

В долине озера Тухум-нор по вечерам раздавались волчьи концерты: то лайвой одинцов, то ласковый, на всевозможные грубые и тонкие голоса.

Кочевники, по-видимому, относятся к нам порядочно, но страшно дорожатся баранами, нашим неизменным повседневным продовольствием. В прежние времена мы платили за баранов 1–1½ лана, 2–3 рубля, ныне приходится платить 5–6 руб., возвращая хозяину шкуры и внутренности. Монголы избало-

* Проводник сообщил, что на плоской вершине Хайрхана имеется место с источником, на котором некогда жил один из предков Тушету-хана, и что будто бы до сих пор имеются следы его пребывания (помет скота — черная земля). Люди боятся сильных ветров, бушующих там на просторе.

ваны были повышением цен войною, когда они порядком-то понажились. Теперь, говорят они, времена плохи, войны нет, чай везет орус-тамыр-цзам или иначе русская железная дорога. Вот современный взгляд номадов Сев[ерной] Монголии на политику.

1–3 февраля. Первым днем мы стояли у перевала, затем направились западно-юго-западным курсом прямо к озеру. Обманчивость расстояний в Азии в последнее время сильно обманывает даже нас, привычных к такому явлению: все мы невольно убавляем расстояние до цели. Издали все кажется ровным, шероховатости сглаживаются. Вблизи — другое дело. Кажется, чем больше приближаешься к извест[ным] объектам: горе, озеру, арыку, тем он дальше отстоит. Утомительна подобная дорога. Снег еще больше ослепляет и придает удрученности. Мираж — «злой дух пустыни», словно смеется.

Наконец и озеро Тухум-нор, покоящее остатки свои в солончаковой котловине, наиболее приближенной к северным горам, нежели к южным высотам.

На северном берегу расположен (к северо-востоку от бассейна) монастырь Тухумын-догын с довольно новыми чистыми постройками, над которыми доминируют три в ряд храма: восточный — старинный, западный — новейший — это второстепенные; средний — главный, с храмом для лам — служителей и престолом для настоятеля — гегена. В главном храме, второй придел: там Ганчжур и бурханы; над ним второй этаж: субурганы с Ногон-дархэ. Постройки украшены на вершине золочеными ганчжирами. Здесь был даже богдо-геген. Выстроил монастырь Домын-хубилган, который является и настоятелем [монастыря]. Во время летних служб здесь собирается до 300 лам; еще больше молящихся монголов, живущих окрест.

Ныне здесь живет до семи человек ламишек, которые от скуки, словно дети малые, резвились. Показав нам храмы, они стали просить у нас русской водки. Вокруг догына числилось до десятка юрт, с бедными, грязными шибганцзами, собиравшими для паразитов-лам топливо в виде кустов (Сагагана) или аргала.

Мы расположились бивуаком у самого догына; вечером мне удалось произвести астрономическое наблюдение для получения географической широты и времени. Пали тонкие кристаллы изящных снежинок; Луна была опоясана радужн[ым] кольцом.

Наутро следующего дня (**2 февраля**) мы с А.А. Черновым направились на середину озера. Полное разочарование — воды и льда нет, соль. Общая ось тянется в восточно-северо-восточном — западно-юго-западном направлении около 6 верст, при наибольшей ширине в 4 версты. Берега низменные, изредка чуть-чуть возвышенные. Помимо зимы к озеру трудно добраться. Зато какое приволье пернатым пролетным или гнездящимся (конечно, плавающим и голенастым). На южном берегу паслось множество скота и располагалось много монгольских юрт. Преобладающей растительностью были: Сагагана, солянки, дэрэсун. Почва вязкая, но подалее плотный ровный слой, на котором росли низкие травы, теперь неразличимые.

Оставив догын и озеро, мы поехали вслед ушедшего далеко каравана. Я намеревался дневать, но мои подводчики оказались упрямыми, жалея лошадей. Долго мы шли вдоль и поперек долины, наконец, втянулись в холмы, вытянувшиеся правильным рукавом, а затем и следующим, носящим название котэлей

или (цайд[амские] монг[олы]) хутулей. У второго такого перевала — котэля возвышается доминирующий Хайрхан, увенчанный большим обо (и много мал[еньких] — 10). Я поднялся на эту интересную вершину (на главном обо сидел царственный хищник — беркут-орел), которая расширила мой географически-местный горизонт. Общая волнистая местность выделяет возвышения: на юго-восток — Б[?]-г[урбан]-чулу, на восток-северо-восток — Ихэ-г[урбан]-ч[улу], на северо-восток — Атацик, и еще севернее — наших знакомцев: Сонин-хангай, Орцик, Онгон-монгол, Тангыт-тот и другие (западный Ондур-баин-хара; северо-западный Цаган-ондур-хада). Вся долина словно на ладони. Вода у северных гор. Действительно, какой широкий горизонт!

Стоим у Ихэ-булык.

Ночные морозы продолжают изнурять нас. Утром холодно, но чуть покажется солнце, тепло, хорошо, даже жарко. Сегодня, 3 февраля, в 1 час в тени $-8,5^{\circ}\text{C}$. Мы на солнце чувствуем по-весеннему, ходим легко. На солнышке жаворонки ликуют: парят, поднимаются ввысь, и слышится первый намек на песнь любви.

4–7 февраля. Три дня идем в юго-западном направлении. Характер местности в общем — остается прежний, в частности — наблюдаются отличия. Те же гривы, те же бесчисленные, простые и сложные по очертаниям высоты; те же вглубленные между ними озерки или котловинки с колодцами. Подле последних ютится монгольское население с их спутником, скотом: баранами, верблюдами, лошадьми и так называемым рогатым скотом. Животная и растительная жизнь прежняя. Даже монголы и те, ввиду запутанности местности, имеют частые обо на возвышенностях, по которым и ориентируются как в хорошую, так, еще более, в худую, мрачную, погоду.

Далеко-далеко в юго-юго-восточном направлении, среди тех же плоских волнистых высот выступают или поднимаются темные силуэты Дэлгэр-хангая и его юго-западных соседей. Значительно на приближенном расстоянии с запада или востока выступают горы или горки, как например Терем-тара-мыцык или Боксу и другие. Между горами и высотами выклиниваются иногда обширные долины, как долина Эргенген-гоби. По таким местам создается впечатление настоящей пустыни Гоби: здесь нет ни пицух, ни их спутников — крылатых хищников; идешь положительно среди полного одиночества, среди безмолвия — томительной тишины. С напряжением всматриваешься вдаль, в долины или их окаймляющие гривки: не покажется ли человек или его скотина — «маль».

В монгольской равнине имеется неотъемлемое благо для путешественника — это прямолинейное движение каравана. Если не считать некоторых отмеченных гор, то положительно можно следовать в любом намеченном направлении, рисуя маршрут в виде чуть ли не строго прямой линии.

Жизнь наша течет однообразно: встаем с ранней утренней зарей, наскоро пьем чай или завтракаем и направляемся в путь, до двух или трех часов дня. В это время располагаемся бивуаком по возможности скорее. А.А. Чернов — неутомимый, сердечный работник, вечно верен себе, своей задаче. Как непохож на него мой второй спутник-сотрудник — топограф Напалков. Первый и второй — небо и земля.

Пьем, едим, затем быстро принимаемся за работу. Всех труднее достается опять-таки энергичному геологу. А там и солнышко садится за горизонт,

дневная деятельность заканчивается. Вечер проходит быстро, незаметно: завод и сверка хронометров приноровлены к вечернему чаепитию, когда наполняешь гор[ячим] чаем и хронометренные грелки²⁶; вслед за сим отмечается 9-часовое наблюдение и затем весь бивуак, за исключением дежурного, спит. Утром опять то же самое.

Дневка в экспедиции — праздник: с одной стороны, отдыхаешь от нудного похода, с другой — весь день проводим в массе дел: писаниях, приведениях в порядок коллекций, в организации охотничьих экскурсий. С каждым днем становится отраднее на душе — приближаемся к глубине Азии. Солнце поднимается выше, день больше; тепло борется с холодом. Днем, на солнце, замечательно приятно, даже не верится, что страшные холода монгольские оканчиваются, они уступают идущему на весну теплу.

5 февраля. Я утром наблюдал оригинальное явление: с одной стороны восходило солнце, с другой опускалась Луна. Оба диска в [один] момент лежали на гребнях высот. Одно светило приветствовало другое, или одно другое сменяло. Дивная прозрачность воздуха дает возможность видеть и наблюдать далеко: предметы чудно видимы на горизонте. Снег здесь энергично испаряется в воздухе, а не тает, как у нас.

6 февраля. Сегодня идет снег; температура невысока, но чувствуется скверно, а к вечеру совсем холодно.

На пути начали попадаться камни с загаром²⁷, камни выветрившиеся. Невольно берешь их в руки; невольно ими любишься. Я несколько образцов, характеризующих влияние солнца, ветра и других атмосферных агентов, взял и думаю брать таковые в будущем, специально для моего сына Володи.

Снег помог осуществлению дневки; хороший корм также. Снег, выпавший и не стаявший, понизил температуру. Покупаем баранов по высокой цене; ходили за дзеренами — напрасно. Монголы, продавцы баранов, выжиги — приносят свои плутовские весы и требуют уплаты стоимости баранов по их показаниям. Так и вспоминаешь, невольно, Николая Михайловича Пржевальского, его ныне покойного неизменного спутника Дидоша²⁸, который обычно говаривал: «На серебро маненько сомневаются, [надеются] на весы».

Мы все одинаково стремились к югу, к теплу, к природе, к новизне. Нас манят горы — звенья Монгольского Алтая, нас манит таинственный, засыпанный песками город — Хара-Хото. Нас, затем, манит или Эцзин-гол и весенний пролет птиц, или прямо — обширная южная Монголия, Алашань, ее пески, недра песков, чтобы в конце концов достигнуть Дын-юань-ина. Там склад, там полкаравана с Четыркиным во главе. С Дын-юань-инем [связана дума о] родине, которая присылает нам туда весточки.

8–11 февраля. Дни за днями бегут непрерывной чередой, быстро. Тянет время исключительно на переходе; исполнить переход — словно отбудешь службу, остальное проходит очень скоро.

Наутро, **8 февраля** разразился буран, впрочем, временно стихший, открывший горизонт до десяти верст по радиусам. Мы выступили в 9 час. 40 мин. утра, чтобы не потерять даром времени. Проводник отличный, курс южный, местность волнистая (увалистая). Больше всего мешал выпавший накануне снег — замаскировал все. Однако часто расставленные обо дали возможность нашему

ламе Дорже вести нас отлично, если не считать маленького уклонения к закату, миновав бол[ьшую] дор[огу] у станции Тугурюк, по направлению к монастырю Тугурюгин-догын.

Последний очень приличного вида, более богатого, нежели Тухумын-догын, также состоящий из трех частей. За незначительную мзду (после посещения) ламы предупредительно показали нам их сокровищницу — храмы. И здесь главное божество Бурхан-бакши (тибет[ский] — Шакчжэ-тубу). И здесь в настоящее время слушателей буд[дийской] церкви мало, собираются лишь летом.

Этот монастырь устроен с разрешения китайского правительства на добровольные приношения хорчинцев²⁹ — то есть монголов, обслуживающих большую куку-хотоскую или калганскую дорогу. Настоятелем монастыря является лама-монгол. Подле местных монастырей имеются батовидные возвышения, служащие для обжигания кирпича при постройке китайцами монастыря.

Пройдя затем несколько верст, экспедиция сумерками приютилась на ночевку. Ветер крепчал и к ночи успел перейти в настоящую бурю, несшую тонкую сыпучую пыль и пыль в прямом смысле. Только под утро буря стихла, температура еще понизилась.

Курс нашего движения прежний: южнее, с небольшим уклонением к западу. На пути залегают то глубокие, с соленым налетом, котловины (а в них и колодцы), то замыкающие их бóльшие или меньшие по высоте гряды или холмы. В котловинах часто желтеет пышная растительность, по скатам гряд и по вершинам — низкорослый кустарник *Caragana*. Жители тут и там, их стада пасутся вразброд и еще издали, темными точками обозначают присутствие человека.

Приближаясь к долине речки Онгиин-гол, открываются окрестные горы во всей красе и полноте: Дэлгэр-хангай, Ахыр и другие, меньших размеров. Долина обширна, движение утомительное. Вблизи Онгиин-гола мы встретили, впервые в это путешествие, саксаульную сойку (*Pod[oces] hendersoni*), сначала одну парочку, а затем, в долине самого Онгиин-гола, в особенности пониже на нашем пути много таковых, державшихся в близком соседстве, по хармыку, одевающему вершины песчаных холмов или солончаковые площади среди дэрэсуна. Тут же появились чилийские жаворонки, во множестве бульдуруки, ранним утром мелькающие в том или другом направлении. Вблизи горизонта, нередко, черный ворон, еще реже темный сарыч *Buteo*. Из млекоп[итающих] — дзерены, зайцы и более мелкие грызуны.

Поднялись на темный каменистый кряж Баин-гэче, где открылась глубочайшая долина, далеко убегавшая в полуденном направлении. Впереди и справа выделялись горы невысокие, красновато-желтые, пустынные, среди которых выделялся впереди Ахыр, а позади нас, в северо-восточном направлении, Дэлгэр-хангай (см. Монголия и Кам, т. II)³⁰. Более слабо выделялась долина Онгиин-гола, которая извивалась темной змеей среди разрыва гор и высот. На долине, в свою очередь, еще более темным [пятном] главный Онгиин-гольский монастырь — Хошун-убугун-хит или, как его здесь еще называют, Онгиин-догын. Далеко-далеко, на юге рисовался силуэт второстепенных гор, составляющих северную окраину общей системы Монгольского Алтая. В этом, южном и восточном направлении выделялась широчайшая долина, по которой проходил затем наш путь. Караван тащился по-черепашьи, и я с Бадмажаповым,

в его ожидании, заехал в айль, состоявший из 2–3 монгольских юрт. Монголы, как и всегда, нас приняли гостеприимно, радушно и продали нам двух баранов, за порядочную цену, несмотря на [условие] возврата шкур и внутренностей, но с доставкой баранов живьем на нашу стоянку. Надо заметить вообще, что цены на баранов во время войны страшно поднялись и этим набаловали монголов; теперь, видя появление русского или европейца вообще, они также запрашивают прежние высокие цены; в конце концов, уступают, но сравнительно очень немного. Словом, прежняя цена 1–1½ лана за барана ныне не существует и в поmine, говорят лишь 4–5 лан и не меньше.

Случалось и так (в горах Уньюгэтэ), что зашедший монгол на вопрос: «Нет ли продажных баранов?» отвечал отрицательно, но тут же, заметив лежавший русский пояс, замечал: «А вот если вы мне уступите такой пояс, то я доставлю вам барана и прочее!» Подобный пример одного монгола вызывает подражание в другом.

Вступив в долину, мы поехали быстрее. К востоку залегала котловина, блестящая белым ледяным покровом, окаймленным желтоватой растительностью, может быть отчасти и камышом. Оставляя горы, мы выдвигались на долину. Монастырь приближался; характер долины Онгиин-гол стал резче выделяться. Еще час, и мы были в монастыре, на северо-западной его окраине, как раз на береговой старой террасе, на окраине которой и устроен монастырь.

Ко времени прихода каравана в монастырь набралась масса зрителей, главным образом лам — свободных паразитов, между ламами виднелись миряне: мужчины, женщины и даже девушки; вероятно, в монастырь проникают не только желающие помолиться (женщ[ины] или девуш[ки]), но и весело провести с монашествующей молодежью время. После пустыни — свободы и простора, назойливость лам была крайне тяжела. Убеждение казаков стоять [лагерем] в отдалении не помогало. Ламы заглядывали и в наше, и в наших людей жилища; прогонишь двух-трех одних, на смену явятся вдвое больше. Вдруг, неожиданно слышим общее смятение и топот массы ног, уносивших назойливых посетителей. Это было появление настоятеля монастыря — да-ламы, недавно временно вступившего на этот ответственный пост. Общее смятение лам произошло на грозный окрик да-ламы: «Ламы по местам! Это не китайский торговый караван!» Исчезли все; ламы, как мыши, попрятались, и только наиболее любопытные показывали свои бритые головы.

Подобный порядок со стороны настоятеля мне очень понравился, и я пригласил его зайти к нам. Высокий, средних лет монгол-лама был крайне осмотрителен, боязлив; он извинился за назойливость его послушников, просил нас с ними не церемониться, а просто гнать. Зайдя на несколько минут, да-лама обещал затем посидеть у нас как следует. Однако в первый вечер не явился. Я воспользовался свободным временем и ясным состоянием неба и произвел определ[ение] географической ф³¹.

Наутро **11 февраля**, в день дневки мы пошли прогуляться среди многочисленных монастырских построек. Нас удивляла, с одной стороны, крайняя неряшливость служителей монастыря, оставлявших следы отдания дани природы на каждом шагу (этими красными ламами)³². С другой же, приятной для глаза, было удовольствие во внешнем убранстве монастыря. Три храма стояли в близком

соседстве друг друга. Ганчжуры, венчающие кровли, ярко блестели золотом. Северная окраина монастыря имела много субурганов. Один же субурган, самый большой, с большим изображением Будды внутри, красовался подле храмов. Перед южным парадным фасадом монастыря стояла башня вычурной, затейливой китайской архитектуры. Одно из помещений монастыря, где собирались все двести лам на молитву ежедневно в утренние и вечерние часы, было оживлено. Часами ламы молятся, не вставая с места, затем выходят, отдаляются шагов на 150 и среди открытой площади усаживаются орлами, скрывая отвратител[ьное] безобразие своими широкими одеждами. Затем идут продолжать молитву.

При осмотре главной части храмов мы вынесли впечатление, что внешность монастыря вообще значительно богаче внутреннего материального и качественного содержания. Ламы смеялись, глядя на наши одежды, на наши физиономии. Мальчишки-ученики шалили друг с другом, а то и просто дрались. Шутками, но другого рода, занимались и взрослые ламы. Всякой подачкой были довольны и все тотчас подбегали осведомиться — сколько?

К нам приходили и такие ламы, которые собирали якобы на бедных. Такие ханжи, придя, стояли со смиренным видом, быстро вынимали хадаки и с подобострастием, кланяясь, вытянутыми руками давали платы счастья. Первых мы дарили, дальнейших без особой чести удаляли.

Лучшее и более приятное впечатление производила на нас престарелая (около 60 лет), убогая монахиня, прозябавшая в своем бедном войлочном шатре, стоявшем вблизи нашего лагеря, на песчано-бугристой поверхности, поросшей дэрэсуном. Старушку одинокую оберегала такая же несчастная худая собачонка; обе — жалкие создания. Около полдня, когда достаточно пригреет солнце, эта низшая ступень человечества выползала из своей норы, усаживалась рядом с дверью и принималась за шитье или починку мешка, который служил старушке для сбора сухих стеблей дэрэсуна на топливо. Чтобы иметь возможность попасть к себе домой, совершенно слепая старуха имела в руках своих веревку, распускаемую до конца и вновь затем собираемую при возвращении в жилище.

Меня, подошедшего фотографировать старуху у шалаша, последняя услышала и говорит: «Кто здесь, здравствуйте!». Я ответил старухе (удивленной), которая затем еще спросила, хорошо ли я путешествую? Через полчаса старушке отнесли в дар чаю, дзамбы, кто-то дал и монету; она уже знала, что в ее близком соседстве остановился русский караван. Убогая старушка невольно заставила меня вспомнить Россию, а с нею и признание подобных женщин.

Отмеченный монастырь, в период летних хуралов, имеет до 500 лам, съезжающих и собирающихся вместе отовсюду — из домов, из других монастырей, куда иногда отпускают или затем, чтобы помолиться, или затем, чтобы навестить родственных лам в иных монастырях.

Во время нашего пребывания здесь молитвы в храмах устраивались ежедневно по несколько раз.

Как известно, во всякой почти семье монгольской имеются дети, которые или уже ламы, или только предназначены в них. Таких детей, по одному на семью, родители отводят сами (7—8—10-летнего возр[аста]), или же отдают знакомым ламам, поручая это сделать им. У таких, своего рода наставников и гувернеров, дети учатся уму-разуму, науке, заучивая в зубрежку псалмы из их священного писания.

Ламы-наставники смотрят за детьми, обучают и в свое время приводят как бы на экзамен. Дети, отвечающие удовлетворительно на вопросы лам-экзаменаторов, получают право вступать в отправление монаст[ырской] службе наряду с прочими, зачисляются в списки и штат. Теперь, хотя они и продолжают жить у своих прежних наставников, но уже обязаны подчиняться не только требованиям наставника, но и, главным образом, требованиям своего монастырского начальства. Состоятельные родители снабжают сына-ламу хорошей юртой, прислугой, жизненными продуктами, одевают прилично и прочее. Люди бедные часто ничем не удовлетворяются, и ламы, предоставленные собственным заботам и нуждам, нередко побираются, где придется, лишь бы убить время да быть сытым. Бывает, конечно, и так, что бедный человек-лама с лучшими способностями, по-своему талантливый, проторяет себе путь к известности и положению.

Первые сведения об этом монастыре смотри в «Монголии и Каме»³³. Прежде, до позднейших дунганских восстаний³⁴, монастырь красовался несколько (в 3 верстах) ниже, по реке, на противоположном, нежели теперь, правом берегу, словом, там, где ныне покоятся одни лишь развалины, в которые его превратили прежде времени все те же всеокрушающие грозные дунгане. Судя по развалинам, монастырские постройки делились на три группы. Уничтожено все, за исключением двух субурганов, стоящих на северной окраине.

Теперь по развалинам ютилась парочка сычей.

Выше, по берегу (тому и другому) в 8 верстах имеются еще два малых монастыря, расположенных почти напротив друг друга.

Китайцы-торговцы из Урги проживают в 5–7 юртах, приспособленных по-китайски и для жизни, и для торговли. Китайцы у юрт имеют двери со стеклами; в одной юрте живут, в другой держат товары. Нам китайцы продавали сакс[ауловые] дрова (с низовьев Онгиин-гола) по очень высокой цене. Они имеют предметы не только первой необходимости, но и соблазняющие местных модниц. В обмен на свои товары китайцы получают сырье, периодически отправляемое на север, в Да-куре³⁵. По Монголии на своем пути мы часто встречали торговцев-китайцев, которые, как пауки, расставили сети для высасывания состояний у номадов, хотя добродушные простаки-монголы находят в китайцах необходимость. Мы видели китайцев и в области гор Гурбун-сайхан при монастыре и при дор[оге] Кошун-кобэр.

Теперь о речке и долине Онгиин-гол*. Последняя зарождается в местных горах Хангай, в местности, богатой ключами. Эта речка начальные две трети, как говорят монголы, течет в юго-восточном направлении и только последнюю,

* Во время пребывания экспедиции в Онгиин-догыне вечером ко мне заглянул один бывалый лама, который, между прочим, спросил меня: «Правда ли, как мне говорили знакомые китайцы, Россия заплатила Японии контрибуцию?». Я ответил надлеж[ащим] образом, на что лама добавил: «На какие же деньги теперь японцы будут управляться, ведь они все израсходовали на войну! Российский же Император — Цаган-хан — и его страна богата и деньгами и дор[огим] имуществом. Наши старин[ные] предания гласят, что монголы-де бедноваты, а русские богаты, потому, что многие бол[ьшие] реки (как Тола, например) берут начало в Монголии, а текут в страну Цаган-хана, сплавления наше богатство». Приз[ывный] звук раковины на молитву прервал мою беседу со словоохотливым ламой.

нижнюю, почти строго в полуденном, если не считать низовье, на протяжении 20-ти с лишком верст, западного направления. В наше ранневесеннее время пребывания с места вступления на Онгиин-гол, равно ниже, на всем протяж[ении] и выше, на очень значительном, воды не было совершенно. По берегам, руслам имелись колодцы или ключи, первые до сажени глубиною, вторые разливавшиеся на значительном протяжении, покрытые льдом. Ширина долины до 1—1½—2 верст, обставленной, в большинстве случаев, высокими, футов до 70 обрывами. Каменисто-галечное русло извивается то посередине долины, то прижимается к тому или другому боку долины. Кам[енистое] русло 30—50 саж[еней] ширины, с невысокими бугристыми берегами, в период дождей несет много воды, затрудн[яющей] переправу.

Растительность Онгиин-гола: изредка тальник, часто по буграм, хармык, множество колючих полукустарников, во многих местах также пестреет золотистый дэрэсун и многие другие. Из животной жизни: цзере, лисицы, волки, зайцы; из пернатого царства — черный ворон, сарычи, сычи, сокол-пустельга, сок[олы] большие, изредка орлы; главным же образом, сойка, рогат[ые] жаворонки, вьюрки и немногие другие, Syrrhapt[es] par[adoxus].

Прибрежные речки в соседстве гор с хорошей растительн[остью], в соседстве равнины — пустынные, бедные.

По Онгиин-голу извивается большая дорога, то по правому, то по левому берегу. В последнем случае, постепенно удаляясь от долины реки и приближаясь, через котловину с красн[ыми] глинами (общую с Улан-нором), к северным, выдающимся горам, составляющим в сумме (совокупности) систему Монгольского Алтая — дорога Урга — Да-куре.

Весна надвигается, снега меньше и меньше. По дороге жаворонки, самцы, ретиво соперничают друг с другом за правообладание самочками; часто чернобровые красавцы, то сцепившись коготками, поднимаются вверх, то далеко преследуют друг друга на лету; даже усевшись за бугорком, словно петушки, стоя на месте, переступают с ноги на ноги, нападая друг на друга. Самочки, немые свидетельницы турниров своих кавалеров, смиренно и безучастно играют пассивную роль.

Приближаясь к подножью области Монголо-алтайских гор, мы стали еще больше, нежели прежде, встречать следы деятельности ветров в пустыне или довольно оголенной местности вообще. Песок, мелкий и крупный, движимый, несомый ветром или бурей, бьет, трет, обвивает, шлифует встречные более или менее крупные обломки, создавая или превращая в нерукотворные, оригинальные фигуры и фигурки. В зависимости от состава обломков, от их однообразности или разнообр[азности] массы, от того положения, в котором лежали обломки, в зависимости от соседнего мелкого продукта, как материала, которым ветры работают, в зависимости от всего этого и получается та или иная форма выветривания. Поднимаешь такой обломочек и невольно им любуешься; со многими жаль даже расстаться. Чтобы больше познакомиться с деятельностью ветра, нужно, прежде чем взять камешек, ориентировать его положение, тогда вы можете судить о ветрах, господствующих в стране, о ветрах второстепенных. Это как и на примере барханных песков: наблюдатель читает строение последних в зависимости от деятелей природы.

15 февраля. Большим 31-верстным переходом экспедиция прибыла в урочище Шовангын-хундэ, в соседство горы Унэгэтэ, где встретила высокие саксауловые деревья, а из птиц первых кэкэликов. К нам на бивуак явился цзангин уртона, устроенного в ожидании приезда штата кит[айских] чиновников-судей, для производства суда и следствия по редкому здесь делу — убийству человека (монгола монголом); ждали улясутайских чиновников уже несколько дней.

Дело разыгралось в пустыне с ехавшими партией в 7—8 монголов-подводчиков в Тушету-ханский аймак. При подводчиках был (или случайно след[овал]) старичок в чине. На его глазах у товарищей-монголов произошла ссора, у пожилого с молодым. Ссора перешла в серьезную драку, закончившуюся убийством: пожилой незаметным образом взял хомутовую (верблюжью) палку и подойдя к костру, вокруг которого сидели остальные и враг его, хватил последнего так, что тот и умер на месте. Чтобы избавиться от неминуемой в подобных случаях волокиты, монголы сообща порешили скрыть следы преступления, для чего ночью [труп] свезли в пески, в которых и зарыли несчастного товарища. Старичок же в чине, молчал, словно ничего не видел, но по приезде в управе хана поведал обо всем. Тут-то и начался суд или предварительное следствие.

Об этом событии говорили все монголы, которые, следует заключить, вообще относились к экспедиции очень хорошо, только, без этого не обойдешься, берут с нас, «богатых» людей, очень высокую плату за подводы, за баранов.

16—17 февраля. Этими двумя днями экспедиция пришла к подножию гор Гурбун-сайхан с севера, в урочище Цаган-иргэ-буцэ, где выделялись лучшие пастбища, несшие на далеком протяжении к северу вполне степной характер. На общем же пройденном досюда расстоянии, в 65 верст, картина следующая. Поднявшись на холмы, лежавшие севернее Унэгэтэ, нам открылась, на юге, цепь гор, силуэтом протянувшихся в поперечном нашему движению направлении. Это Гурбун-сайхан. Между нами же и горами обширная долина, изрезанная, пересеченная более или менее высокими холмами, грядами и глубокими котловинами, обставленными ханхайскими отложениями³⁶. На дне этих низких долин залегали пески с саксауловыми деревьями. 16 февраля в песках температура их поверхности в 12 час. 30 мин. была +16,7 °С.

В недрах песков, в зарослях, мы нашли жителей, пастухов богдо-ханских верблюдов, которых здесь насчитывается до тысячи голов. Эти монголы приняли нас дружелюбно, угостили чаем с молоком верблюжьим и рассказали о владениях Балдын-цзасакских. Среди песчаных холмов с саксауловыми зарослями чувствовалось очень тепло. Мы здесь, помимо многочисленных бульдуруков, встретили сорокопуга зимующего, первых саксаульных воробьев, а из млекопитающих — хара-сульту и очень крупную песчанку. Тут же я наблюдал первых в эту раннюю весну, играющих парами сарычей (*But[eo] leucosephalus*).

Более определенно о Балдын-цзасаке нам рассказал его подчиненный монгол, ехавший своим домом помолиться в Да-куре — Ургу. Он передал, что его начальник живет на южном склоне гор, против Дунду-сайхан, там его княжеское управление и печать — тамага; что нам лучше всего держаться в виденный прорыв средних и западных звеньев гор, составляющих Гурбун-сайхан. Мы так и сделали, держась свежих следов его маленького, в несколько штук верблюдов каравана. Лошадей у встречного монгола не было ни одной.

На своем дальнейшем пути, мы то спускались в долины, то поднимались на их береговые обрывистые возвышения, вскоре слагавшиеся из характерных фантастических очертаний ханхайских отложений, окрашенных преимущественно в красный цвет <...>, имеющие, впрочем, и серые, и зеленоватые оттенки, очень рыхлые. Среди них ветры и бури пустыни успешно строят всевозможные очертания и продырявливают большие гнездообразные выемки. По таким обрывистым ханхаям караван экспедиции успешно и картинно поднялся и пошел опять по галечной твердой дороге. Горы Арца-богдо еще лучше выделялись, нежели прежде от Унэгэтэ; показались и две характерные воронкообразные ее вершины. На большой караванной дороге в Куку-хото с северо-запада Монголии проходил как раз небольшой кит[айский] караван, потерявший несколько животных от холода и бескормицы. Вскоре мы достигли ключевых вод Тала-хашата, на которых с удовольствием разбили свой бивуак.

Ключ красиво ниспадал вниз, образуя на равнине открытую площадь воды, служащую приютом птиц. Теперь внизу всюду виднелся лед, а в голове источника открыто журчал ручей. Я детски обрадовался этим живым звукам, которых не слышал долгое, долгое время. Вода выходила из земли с температурой выше нуля (до +2°) и благодаря крутизне проходит до пяти сажени совершенно открыто, прежде, нежели успеет значительно охладиться, а затем и замерзнуть. По сторонам ключа росли травы, преимущественно, дэрэсун. Нас больше и больше тянули горы Гурбун-сайхан — цель нашего стремления. Лошади наши стали уставать, их копыта обносились, верблюды продолжали идти молодцами. С этими животными, с этими незаменимыми «кораблями пустыни» смело можно пускаться в пустынное море.

От Тала-хашата мы за ближайшими холмами ступили в чудную степную, падающую на север, полосу золотистой пищевой растительности. Горы вырастали; северный склон был густо усыпан снегом, в особенности у гор Дундусайхан. Животные и люди подтягивались, несмотря на сильный ветер с запада, все более и более крепчавший. По дороге всюду встречали табуны откормленных лошадей, стада коров; между домашними животными паслись смело стада антилоп то цаган-цзере (*Gasella gutturosa*), то хара-сульт (*Gasella subgutturosa*). Интересно, как две антилопы живут рядом бок о бок друг с другом?

Цепи темных гор уходили на запад — промежут[очно] между Г[урбун]-с[айханом] и Арца-богдо. На нашем дальнейшем пути мы встречали чаще и чаще обитателей. Мне хотелось заручиться местным проводником и я, воспользовавшись близостью тусулакчи-цзасака³⁷, заехал в его стойбище, состоявшее из двух довольно порядочных по внешности юрт, где был встречен любезной миловидной женой чиновника; сам же хозяин находился в отсутствии, в Пекине. Тем не менее, его жена, узнав мое желание, скоро устроила меня с проводником и снабдила тайчжи правом давать лошадей и проводнику, и моему посланнику Бадмажапову.

Простившись с приветливой монгольской чиновницей, я, с постоянно сопровождавшим меня Бадмажаповым, уехал наперерез пути подтянувшегося каравана, который, кстати сказать, красивой вереницей растянулся в долине и неподражаемо выделялся на золотистом фоне густой пышной травянистой растительности. Он шел в стройном порядке; сильный юго-западный [ветер] крепил его и сильно трепал наш красный (ламайский) экспедиционный флаг³⁸.

Вскоре нас догнал тайчжи, назначенный полковницей сопровождать меня и распорядиться об уртонах для Бад[мажап]ова. Прощаясь с полковницей-монголкой, я обещал прислать ей с обратным тайчжи подарок — ножницы за ее любезную готовность оказать экспедиции известное содействие.

Урочище Цаган-иргэ-буцэ приютило нас на ночь в виду всей почти стены Гурбун-сайхана. Почти, так как Дунду-[сайхан] своими главными вершинами закрывал вид на главные вершины Цзун-сайхана. Перед западной частью общего массива Барун-[сайхан] стояла довольно значительная гряда Халга, разделенная глубоким ущельем, открывавшим вид на частичку Барун-[сайхана]. К востоку продолжением гряды Халга служили одиночные горы: Буйлусэн, Дэн и Хучжар (двойная).

При этом урочище, равно и на пути к нему, экспедиция наблюдала и любовалась массою антилоп — цаган-цзере и хара-сульт, двух видов, живущих бок о бок друг с другом. Интересно, скрещиваются ли эти газели или нет?! Животная жизнь и сама Гурбун-сайханская степь напомнила мне очень степь Кукурнорскую. Вечером мой Иванов отправился пострелять антилоп. Его громкие (бердановские) выстрелы насторожили всех на бивуаке; препаратор Телешов не утерпел, оставил работу, вскочил и, смотря вдаль, куда отправился Иванов, говорил все: «Язви, как много, пожалуй убьет!». Действительно, старый капрал не осрамился — убил; молодой же охотник — маньчжурец (на съемках выпустивший с казаками 3000 патр[онов] и добывший несч[астную] 1 — антилопу) надавал промахов, стреляя на далекое — 1000 и 1200 шагов расстояние! Молодой самец G[azella] gutturosa попал в коллекцию, а чудное по вкусу мясо антилопы — на жаркое участников экспедиции.

18–19 февраля. Накануне с вечера сильно вспомнилась родина — Москва, где находилось теперь мое гнездышко, где, может быть, теперь также меня вспоминала моя дорогая женушка — завтра день ее рождения! Я в постели долго не спал, долго не мог сомкнуть глаза. Мне вспомнилось время моего возвращения из моего 3-го путешествия (экспедиция Роборовского³⁹). Вспомнился этот день, когда я, еще женихом, восторженный явился к моей прекрасной невесте, в момент моего появления сидевшей на диване и любовавшейся большой корзиной ландышей (цветы надежды), теми цветами, которые так любит моя женушка, и которые всегда я с любовью покупал для нее!

«Вспомнилась мне, ты, моя милая! Где ты? Чувствует ли это твое чуткое, доброе, отзывчивое ко всему прекрасному, сердце! Вероятно, да. Ни время, ни расстояние не может ослабить впечатление у искренне и горячо любящих супругов!» Мне так хотелось видеть во сне мою дорогую женку. Но, когда думаешь и желаешь известного сновидения, оно не появляется.

Спалось не особенно, проснулся рано и вновь мысленно у своего семейного очага. Там еще глубокий сон (если здесь 6 часов утра — там 1 час ночи), а я скоро встаю. Впереди Гурбун-сайхан, за которым первая цель — Балдын-цзасак, о котором я говорил и в Москве, и в Кяхте, и в Урге. Там, при ставке — тамага уже, вероятно, находился мой посланный Гомбо Бадмажапов.

Свежее, даже холодное утро. Резкий юго-западный [ветер] нас не забывает — дует ежедневно. Вообще весь февраль месяц крайне бурный; бури сменяются крепкими ветрами, крепкие ветры — бурями. В результате —

пыль, насыщающая атмосферу до полного омрачения. Тихие, ясные, а, следовательно, и теплые проблески, большая редкость. В такое время редкая жив[ая] жизнь торопится жить. Но как быстро появляется пыль, так быстро она и исчезает; за бурным днем настает тихий. Больше всего в Центральной Монголии хороши зори, в особенности вечерние. Долго стоишь под обаянием ее художественного величия; тихо смотришь в сторону заката, который постепенно тускнеет, краски меняются, сгущаются. На небе одна за другой выступают звездочки, сначала большие, затем средних и малых величин; наступает ночь — тихая, торжественная ночь, природа земная засыпает, небесная открывает свое дивное величественное царство, Луна украдкой выглядывает из-за отдаленных, резких по очертанию вершин гобийских высот, а затем постепенно поднимается ввысь.

Свежий ветер бодрит караван. Все мы, думая, что это последний переход к более или менее продолжительной стоянке, идем быстро, энергично. Даже проводники-подводчики и те повеселели и на лицах этих варваров уже заметна улыбка. Двое из них — ламы весь вчерашний вечер усердно громко молились за совершение благополучного перехода. Через несколько верст мы в ущелье. Горы приближаются, один вид их радует. Скалы, ущелья, травянистые золотистые лучи отчасти воскрешают, будят воспоминание Нань-шаньских гор. С некоторым подъемом нравственным идем весело: ветер крепчает, ощутительнее холодит. В Дунду — снежно, холодно.

По дну ущелья, на травянистой террасе нам встретились обычные «киргизур» или кэрекурсы в [виде] каменных неправильных нагромождений, включающих плоские холмы. И эти монголы о происхождении холмов ничего не знают. Поднимаешься выше, становится круче, каменистее; источник только один. Кочевники жмутся в пазухах гор, в укромных ущельях; через главное — несется гордый орел.

Мы у подножья верхнего пояса, где дороги разделяются на Ихэ-улын (улэн) и просто Улэн-дабан. Западный (Ихэ) высший; восточный ниже, удобнее; мы следуем последним, скоро достигая его плоской, занесенной снегом вершины, по обыкновению увенчанной обо. Здесь у обо мы открыли барометр, давший <пропуск текста> фут[ов] абс[солютной] выс[оты]. Вблизи нас плавно, без взмаха пронесся гриф бурый (*Vultur monachus*); внизу, в стесненной части ущелья, с поджарыми, подтянутыми к туловищу крыльями, несся в ликующем положении сокол, облетая засиженные хищниками скалы.

Вообще в горах быстро [становится] уныло-мертвенно, тихо; глаз напрасно пылливо всматривался в скалы; кроме клушиц да альпийских вьюрков (*Montifringilla alpicola*) мы ничего не видели.

При некоторой осмотрительности и поправке дороги мы успешно спустились с перевала, и, поднявшись на левый берег глубокого ущелья, взяли курс юго-восточный, наперерез бесконечных каменистых рытвин, прежде, нежели поздним временем достигнуть тамагына или управления — канцелярии Балданцзасака, в соседстве которого и приютились на ночлег.

Еще на перевале, куда к нам прибыл вестовой монгол, выяснилось, что управитель проживает южнее Цзун-сайхана и что нам остается еще пересечь многое множество рытвин и увалов на пути в долинную, свободную от снега

ставку князя. С этими мыслями я вновь перенесся воспоминанием о моей дорогой, далекой новорожденной! Мысль унеслась далеко...

Прямо на юге расстилалась котловина, словно озеро, занесенное белым слоем снега; за котловиной заполняли горизонт плоские горы Ихэ и Багааргалинтэ. Вспомнилась мне хорошо знакомая эта долина, из которой понесся курьером в Ургу мой незамен[имый] Бадмажапов⁴⁰. Теперь моя экспедиция приблизилась к первому акту исполненности после тяжелой зимы. Впереди много времени, много пространства, но еще больше новизны⁴¹.

Среди подобных дум я подвигался вперед; на половинном расстоянии миновал глубокую балку с кумирней Хошун-хит. Ленивые апатичные ламы ползли на склоны, облаканные солнечным пригревом, чтобы и самим обогреться. В их ограниченных головах без пищи высших духовных философских стимулов вмещается стремление к низшему, порочному физическому противоестественному удовлетворению.

Усталые верблюды тянули ношу по-черепашьи.

Всматриваюсь вдаль — предательские лога⁴². Наконец, неожиданно, слева выделились два всадника на отличных конях. Это чиновник-советник князя, нарядно одетый, и мой Бадмажапов, успешно выполнивший свою миссию и засвидетельствовавший уже привет князю и поднесший ему от меня приветственный хадак! Всадники быстро свернули навстречу и чиновник, почтительно поклонившись, приблизился, положив мне на руки хадак, и склонился на колени! Князь выражал мне через своего сотрудника «добро пожаловать» и прочее. После обычных фраз при свидании чиновник в карьер понесся с докладом, я же, обменявшись с Гомбо лошадьми (моя кляча устала), с удовольствием выслушал донесение моего ординарца, до некоторой степени, в этом случае, напомнившего мне моего Цокто Гармаевича.

Еще минуты три и я увидел юрты, палатку, красиво выделявшиеся на золот[ом] фоне травы. Это наш буд[ущий] бивуак, за ним скрытно бивуак-ставка Балдын-цзасака, урочище Уголцзин-тологой. Осмотрев место, предназначенное для экспедиции, и оставшись вполне доволен и выбором места, и расположением юрт, я с Бадмажаповым поехал к князю на, так называемую, чашку чаю. Княжеские юрты стояли скрытно — только крыши одни были видны. Число юрт три: одна парадная, для приема гостей, вторая — большая, в которой постоянно живет сам Балдын-цзасак с семьей, третья — юрта его зятя (и чиновника — помощника-советника), и в заключение юрта для прислуги.

Вблизи парадной юрты-приемной мы сошли с коней и были проведены подчиненными Б[алдын]-ц[засака] в ее опрятную внутренность. Здесь стены-ребра юрты были красиво задрапированы; на чистых, плотных войлоках, покрывавших земляной пол, были настланы ковровые подушки: слева (от входа) попарнее, справа — поскромнее, по рангам посетителей. Прямо против двери — входа, красовалось обычное место князя. Войдя внутрь этого помещения, мне предложили почетное место справа от хозяина, пребывавшего еще у себя дома, то есть в своей жилой юрте. Сопровожд[авшие] меня казаки Мадаев и Бадмажапов разместились вблизи входа (справа). Чиновник-зять и люди князя тотчас поставили на мой столик блюдо с хлебом, сахаром и изюмом и подали чай (очень вкусный) монгольский. Я с удовольствием уничтожал чашку за чашкой;

лепешки, состряпанные только для угощения нас, мне также пришлось особенно по вкусу. Вдруг прибежали дети — две мило одетые девочки, внучки князя. Еще несколько минут, появился сам князь.

Маленькая живая фигурка старичка князя, его симпатичное, довольно благородное лицо, живая общительная речь — все взятое вместе расположило меня к князю с первого моего к нему визита! Пошли приветствия, расспросы о житье-бытье и прочем. Князь не преминул спросить, куда и на какое время вы теперь идете? И прочее. Отведав предложенное угощение, я поблагодарил за гостеприимство и заметил, что сегодня я не могу и не имею времени разговаривать о делах, а вот с завтрашнего дня милости прошу ко мне пожаловать для этой цели. Приехавший А.А. Чернов также был в восхищении от князя, от его симпатичного, благородного лица; перед ним тотчас накрылась горка яств и чая. Мы все-таки торопились домой, к себе на новый, «княжеский» бивуак, так как уже показался наш караван.

В две-три минуты я доскакал до нашего стана. Головной эшелон приближался. Все были рады при виде гостеприимства Балдын-цзасака. Без слов конвой понял согласие и дружбу, царившую между мною и князем. В полчаса—час наш караван отлично устроился. П.Я. Напалкову князь прислал чай и угощение на бивуак. Вечером я послал князю подарочки с платом счастья. Князю: парча, кусок красн[ой] шелковой материи, муз[ыкальный] ящик, серебр[яные] часы, Завьял[овский] нож⁴³, порт[рет] Д[алай]-л[амы]; его жене: зеркало, ножницы, кусок мыла.

С прихода тотчас был повешен барометр, и начались регулярные по нему наблюдения вместе с наблюдениями метеорологическими. Намечен ряд астрономических определений, фотографические снимки и прочее. Нижним чинам поставлено в обязанность ежедневно приносить в известное место, рядом с нашей юртой, по пяти каменных обломков, в достатке валявшихся в окрестностях бивуака, как по сухим логом, сбегавшим от Цзун-сайхана, так равно и по луговым скатам, разграничивавшим лога и русла вообще. Делалось это с целью соорудить «русское обо» — показатель стоянки, воспоминание о русском лагере. Главное же — приметный астрономический пункт русской экспедиции.

Все было хорошо, не было лишь воды и в надлежащем количестве дров. Первую добывали таянием снега, хранившегося под обрывами оврагов и логов; второе — топливо, частью собирали сами, частью монгол, получавший в награду бараньи шкуры. Продовольствовались теми же баранами, покупаемыми у князя или его ближайших родственников за плату 4 лана или 7 руб. 20 коп. за барана.

С утра первого дня дневки к нам появились двое лиц: зять и чиновник-адъютант, дежурный при управлении князя. Они доложили о скором приезде к нам их начальника. Затем у нас начался деловой разговор о нашем дальнейшем движении на Эцзин-гол, об отправлении нашей почты (пакета и каз[енных] посылок) в Ургу и прочее. Осведомленные обо всем этом у князя, советники управителя вели речь смело и бойко. Появился, наконец, и князь. Встречаем. Вводим в юрту, усаживаем на почетное место рядом со мною и ведем разговор о «здоровствовании», угощаем, предлагаем музыку — граммофон. Затем вновь о делах. Три—четыре часа подряд переговоров о найме животных, проводника, юрты и прочем, постоянное уверение друг друга в дружбе и прочем утоми-

ло меня очень. Я с удовольствием встал и вышел на воздух размять ноги. Как хорошо, тихо и приятно на воздухе. День угасал; надвигались сумерки; запад вспыхивает чудной гобийско-монгольской зарей. Показался на восточном небосклоне красавец Юпитер.

Князь и приближенные уехали. В конце концов, я был рад результатам переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поскупились содрать, заломить с нас высокую плату — 12½ лана. Причем, мы должны были платить серебром, вешая таковое на весах княжеских, очень выгодных для его казны и разорительных для нас.

Все остальное улаживалось само собою. Князь искренно уверяет, что все распоряжения к удовлетворению нас сделаны. Посланы люди за верблюдами. Мы виделись ежедневно. Княжеские родственники нас посещали часто. Всех их влек к нам наш «чудовишный» граммофон, слава о котором распространилась очень быстро по владениям Балдын-цзасака. Очень интересно то обстоятельство, что граммофон равно нравился и детям и взрослым в исполнении им хороших русских песен с гармоникой в особенности, или военные, удалые, плясовые, или только военная музыка, марши и т. п. Но всего больше монголов занимала пластинка «подражание собаке, петуху, ссора собак и прочее». От этой пластинки они были, Бог знает, в каком восторге, и эта пластинка, обыкновенно нами почти не употребляемая, должна была сослужить службу как следует. Монголы, как дети, чуть не лезли головами в рупор, желая, может быть, увидеть там что-то. В заключение, они просили пластинок, изображающих ржание лошади, бляение барана и тому подобное; просили они также и своих монгольских песен.

Познакомившись с князем, я, таким образом, увидел и многих членов его семьи, состоявшей из 3 сыновей и 3 дочерей. Князю уже за 60 лет и самая младшая его дочь могла бы быть женою. Княгиня — представительная, здоровая, с крупными и приятными, по монгольским понятиям, чертами лица — заправила и хозяйка дома. Двое старших сыновей князя — ламы, один при его хошунном монастыре, второй, старший, в Урге изучает цанит⁴⁴. Оба ламы болезненного вида, но зато третий, их младший брат, Цюльтум, произведенный кит[айским] прав[ительством] в дворянское достоинство тайчжи, молодец хоть куда <...>. Красивый, здоровый, 27-летний. Я с ним хорошо познакомился; он мне подарил книгу; я ему малахит[овый] ящик.

Старик князь не мог лучшего придумать, как только [дать] пару баранов и [просить] взять обратно из подарков парчу и муз[ыкальный] ящик (послед[ний] у него уже был от прежней моей экспедиции). Взамен этого он усиленно домогался получить револьвер. Оружие вообще страсть номадов, страсть варваров. При виде оружия они забывают болезнь, как забыл больной князь, занемогший было чем-то вроде старческого недуга. Увидев винтовку, а, главное, уверившись в возможности ею воспользоваться, больной преобразился: его глаза расширились, он все забыл, он стал нежить, гладить, ласкать, обнимать оружие. Здесь старик не выдержал, «потерял лицо»! По-моему, за ружье у номада можно получить все, но только за ружье.

Из личных княжеских кремниевых самопалов, присланных в наш отряд для чистки, я облюбовал большое старинное дедовское ружье, отделанное серебром.

Оно мне нравилось очень, как предмет для этнографической коллекции. Князь всеми силами отнекивался, ссылаясь на память и прочее, но затем, уверяя меня в преданности и дружбе, уступил в обмен на берданку.

Как-то раз я пошел запросто навестить князя, который один день не был у меня. Вышло кстати — он был болен, мучился с болью в спине, в лопатках. Княгиня и слуга, так н[азываемый] «нянька», охотник, размял, намочил бол[ьное] место, сжег бумажку в горшочке и быстро прижав к бол[ьному] месту, оставил горшочек висеть прижатым. В таком положении, у очага, я и застал бол[ьного] старика, попросившего меня помочь ему. Я решил лечить его горчичниками; послал ему три листка, объяснив, одним воспользоваться теперь, а два других спрятать в запас. Объяснил переводчику Гомбо, что, намочив листок приложишь его на бол[ьную] часть спины на сколько можно терпеть. Бадмажапов же назвал время держания на спине бол[ьного] около 2 часов.

Вдруг скачет «нянька» в наш лагерь и с ужасом говорит: «Лекарство крепко действует, князь очень страдает, просит позволения снять лекарство, так как он не сможет выдержать таких страданий в течение двух часов». Я, разумеется, велел освободить больного от напрасной пытки и его «соратник по охоте», тотчас помчался исполнить это. На следующий затем день, 25 февраля, князь выздоровел и, перемогаясь, явился ко мне с благодарностью, заметив, что скоро явится и его жена навестить меня и послушать живую музыку, живое пение.

Но человек предполагает, а Бог располагает. Покуда мы об этом говорили, явился гонец от больной сестры кн[язя] с недоброй вестью: «Больная скончалась». Старик грустно опустил голову и так находился несколько минут в тяжелом раздумье. «Ну, жена теперь не приедет, там плач, рыдание и прочее. Как тяжела весть! А [ее] дети, дети?!» Чтобы вывести князя из тяжелого впечатления, я велел принести оружие наше и, оказывается, действительно, я достиг цели: князь немного оживился, заговорил и вновь постепенно пришел в хорошее состояние. Из дальнейших разговоров выяснилось, что у князя еще жива его мать, столетняя старуха, еще проживающая в вожделенном здравии.

Пока я занимался днем с князем, пока производил вечерние астрономические определения, люди отдыхали, чинили свои одежды, писали на родину письма и так далее. Затем и мы, члены экспедиции засели за это занятие. Я писал отчеты в Географическое общество и в Генеральный штаб. Чернов написал предварит[ельный] геологический отчет для О[бщест]ва, Напалков составил схематические карточки 40-верст[ного] маш[таба] для отчетов. Затем писали частные письма, поздравляя родных и друзей со светлым, веселым праздником⁴⁵. Помимо пакета писем сдали три ящика каз[енных] посылок с геологией (2) и зоологией (1).

Следует упомянуть, что на прощание с Дорчжи-ламой и двумя другими нашими ургинскими подводчиками мы наскоро написали по одному письму домой, так сказать на ура! Дойдет — ладно, не дойдет... жаль и очень жаль. Главное, целой неделей раньше, а то и больше, может прийти предвозвестница, по которой слегка могут ориентироваться, где находится экспедиция, и ждать новых сведений.

Прямым и косвенным образом Балдын-цзасак дал понять мне, что ему было бы лестно, служа второй раз русской экспедиции, получить почетное поощре-

ние, вроде, например, «производства в улусун-туши гуны», что увеличило бы его материальное положение. В чине или звании цзасака Балдын получает сто лан ежегодно от б[огдо]-х[анского] двора; в звании же у[лусун]-т[уше] гуна он будет получать триста (то есть, в три раза больше). Этот чиновник подчинен Сайнойону⁴⁶.хлопотать же нужно о производстве или прямо через М[инистер]ство и[ностранных] д[ел], китайский Цзунли-ямынь⁴⁷, или непосредственно «поухаживать» за монгольским сановником — Сайн-ван-еф, проживающим в Пекине.

О смене ружей мы условились таким образом. Нынче осенью, примерно в сентябре, Ц.Г. Бадмажапов возвращается в Россию через Балдын-цзасака, которому передаст мою берданку, взамен же примет его «дедовское» ружье (с принадлежностями) и доставит в Ургу.

Так незаметно бежало время пребывания у цзасака. Мы (я, Чернов и оба препаратора) едва собрались съездить в горы Цзун-сайхан (соседние) и чуть-чуть с ними познакомиться. В общем, эти все три «сайхана» представляют массив, разделяющийся в своем строении не только на три части, как говорит и само название, но они еще строго делятся в вертикальном отношении, а именно: на страшно крутой луговой, степной пьедестал с характерным большим падением на оба ската, северный и южный, и на самый хребет, как таковой, посаженный на пьедестал. В.А. Обручев также обратил свое серьезное внимание на подобное явление. Он склонен считать, что возвышение пьедестала над долинами превосходит [относительную высоту самого] хребта, лежащего на этом пьедестале*.

Название северной низкой долины — Булык-тэн-тала, название южной — Устын-тала. С севера ложбинообразная долина глубже, нежели с юга. Седловины или перевалы хребта подняты над уровнем моря около 7 200 футов, вершины же доминируют еще на 1 000 футов, конечно, наиболее главные. От нашего бивуака — Угольцин-тологой, 5 500 ф[утов] н[ад уровнем] м[оря] виден был отлично Ц[зун]-сайхан, его восточное продолжение, колено, в котором виднеющиеся вершины Хайрхан и соседние к востоку, определ[енные] тригонометрически, дали около 8 200 [футов над уровнем моря].

Как раз этой части гор имеется фотография. Ущелья круты, каменисты, галечны. Общая окраска гор — темная. По руслам имеются колодцы с отличной водой. В ущельях гор достаточно травянистой и полукустарниковой растительности, дающей стадам управителя и его подчиненных отличные пастбища, тем более что летом здесь значительно прохладнее, нежели в соседней, в особенности к югу и востоку, Гоби. В некоторых местах, на запад, по словам Балдын-цзасака так жарко, что яманы — козлы не могут жить, падают и умирают. В наше время, в ущельях гор Г[урбун]-с[айхан] снега было довольно и чувствовалось очень свежо, даже холодно.

Ветры дули почти постоянно от запада с отклонением в ту или иную сторону. Нередко крепкие ветры достигали напряжения бури и несли или поднимали в воздух тучи пыли. В затишья, очень редкие, по вечерам погода была восхитительная и на утро ближайшее открывались далекие горизонты. Атмосфера делалась дивно прозрачной. Светила изображались в трубе отчетливо. Здесь я поймал

* Предложение скорректировано по: Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923. С. 71. (Прим. сост.)

две звезды для определения географической долготы. Туземцы, преимущественно двор князя, с восторгом любовались ночными светилами: Луной, Юпитером, Сириусом (?) и другими. Туземцы любили подолгу смотреть и в бинокль.

Пополнение нашей коллекции зверей шло из рук вон плохо; в отношении птичек также нельзя было сказать удовлетворительно. На наш бивуак заглядывали лишь: чер[ный] ворон, вьюрки (*Montifringilla alpicola* et *P[yr]gilauda davidiana*), саксаульная сойка — вот и все. Вдали иногда пролетали черные грифы, соколы, орлы и бульдуруки, чаще выдававшие себя оригинальным голосом.

Наша поездка в горы ничем не вознаграждена. Зверей не видели; добыли *Ascentor fulvescens* и только. Филин-пугач показался на минуту, взлетев с горного ската, да и был таков. Геолог, конечно, кое-что собрал из пород, слагающих часть восточных массивов.

Мой Ванька (Г.И. Иванов) усердно хлопочет с заготовкой сухого бараньего мяса до Эцзин-гола, так как монголы не ручались, что мы можем встретить жителей и наверняка купить у них баранов. Князь, в виде одолжения, продал нам небольшое стадо баранов.

Канун нашего пребывания, последний день февраля (этого бурного, холодного месяца) прошел особенно в хлопотах. Все лезли, кто за деньгами, кто за подарком, кто обменивал подарок, кто о чем-либо просил. Мы заканчивали почту, собирались. Режим изменился — ложились в полночь, а то и позже. Послали писем порядочно.

Зимой слышно было, говорил князь, что алашаньцы, несколько человек, уже заглядывали с целью встретить или узнать, где находится ваша экспедиция.

Накануне выступления люди dokonчили кладку высокого обо, долженствовавшего собою служить воспоминанием об экспедиции Императ[орского] Рус[ского] географич[еского] об[ществ]а.

Пакет и посылки препровождены, между прочим, при моем (по-монгольски написанном) с печатями) письме и приветственном хадаке Тушету-хану.

Итак, десятидневное пребывание в ставке монгольского князя Балдын-цзасака окончилось. Мы уже взирали на юг и юго-запад — цель нашего дальнейшего стремления, на горы Ихэ-аргалинтэ, их высшую часть Шара-яматынхада. В этих горах, некогда, в пору молодую, частенько охотился Балдын-цзасак; теперь он об этом сказал моим препараторам по секрету: «Возьмите чайничек, воды и дзамбы, остановитесь в горах на пути, поохотитесь!».

1—3 марта. Верблюды приведены накануне; все больше самки и молодые; гигантов верблюдов — два-три. Мы все должны ехать верхом также на верблюдах. Пустынный путь иначе осилить невозможно. В виде особой любезности князь распорядился о трех лошадях для нас — членов экспедиции, имеющих возможность проехать первую станцию на этом благородном верховом животном. Князь и его постоянный адъютант — зять приехали проводить нас до Бартан-худука. Семья княжеская уже уюковала в горы, и князь живет на нашем бивуаке в специальной княжеской палатке со своими слугами в течение двух-трех дней.

Холодное, пасмурное, ветреное утро: мы в пути. Покатость быстро доводит до дна долины, кол[одец] Бартан рядом, в двух верстах восточнее от Шины-кобэр, где экспедиция следовала в обратном, к дому, направлении⁴⁸. Подле ко-

лодца Бартан толпилось много верблюдов, которых поили двое китайцев; явился третий — торговец из ближайших юрт. Холм Чандомын, который я так хорошо помню, был виден отлично. При колодце мы расстались с князем и его спутником, быстро помчавшимися в западном направлении, к стойбищу монголов.

Опять начали подниматься вверх. Опять луговая степь. Жаворонки чилийские, отрадно певшие, остались. Наш курс юго-западный, которым экспедиция первым днем лета [**1 марта**] втянулась в горы Аргалинтэ, состоявшие из красных порфиристов, протянувшиеся большими или маленькими грядами в широтном пространстве. Вторым же [днем, **2 марта**] прошла насквозь и остановилась у гряды, на замершем колодце, правильное ключе Нюдун-булык (Глазной ключ). Я поддался искушению, остался в горах Шара-яматын-хада, южном окраинном массиве в целях поохотиться. Караван прошел прямо и скоро приютился. Я, Телешов и Гомбо, втроем, разошлись; звери скоро показали себя, но держались страшно осторожно — видно, что монголы их постреливают, попугивают.

Одно и то же стадо, надо отметить, было замечено и Телешовым, и мною. Мы подходили с двух сторон, сверху и снизу — звери поскакали раньше; я успел стрелять только вдогонку и... промазал, главным образом было далекогато; к тому же — первые горные звери. Потом мы видели яманов опять — они показывались только на момент. Всех удачнее был бы расположен охотник, оставшийся (если бы он был) при лагере или, как говорят в Сибири, при таборе, где спокойно, небольшими скачками, ровной побегой, с остановками проследовало все то же стадо до 10 голов.

Так мы и уехали к себе на бивуак, как г[оворится], несолоно хлебавши. Здесь витали и курсировали два черных грифа и орлан (?), прогнанные неудачной стрельбой Напалкова, вообще любителя и горячего любителя пострелять на всевозможные расстояния. К вечеру выяснилось, что монголы упустили одного (ящичного) верблюда — он ушел домой, «на старь»⁴⁹; к тому же впереди предстоял большой переход без воды и нам, волей-неволей, суждено было стоять здесь до полудня третьего марта.

Сделав распоряжение о розыске верблюда с вечера еще, я утром **3 марта** с обоими препараторами и прежним монголом <слово неразборчиво> отправился вновь в соседн[ие] горы, отстоявшие в 3–5 верстах от Нюдун-булык.

Особенно холодное утро; даже солнце и то не грело. Только въехав в ущелье южного склона, мы почувствовали себя лучше, привлекательнее. Мы глазами положительно впивались в скаты гор, смотрели вовсю и всюду. Вдруг стадо горных козлов! Я успел увидеть лишь двух, замыкавших следование гусем. Последним шел бородатый, с большущими рогами козел. По сторонам тишина абсолютная, лишь при въезде в горы вылетали на долинный дозор могучие крылатые санитары — грифы-монахи. Чуть только козлы скрылись за увал, мы тотчас остановились, спешили и пока монгол возился с животными, громко крикнущими раз-другой, мы, взяв винтовки, направились вслед за зверями.

Удачнее нас пошел Телешов, выше, и тотчас же увидел, но уже других зверей, 4-х бор[одатых] самцов, брызнувших от него с такою стремительностью, что Телешов не успел и моргнуть, а только мог, спустя некоторое время, заметить их, перебежавших через наше ущелье ниже, и затем удиравших в соседние красные скалы. Первое же замеченное нами всеми стадо, поднялось было, затем

спустилось вниз к подошве и, огибая горы, шло с редкою осмотрительностью. И я, и Мадаев были вверху. Я несколько минут любовался козлами, шедшими в такой последовательности (гусем): впереди старая самка, за нею в линию молодежь, а в арьергарде, замыкающим движение, старый опытный боец — отец. Звери вначале бежали, затем шли шагом, чутко прислушиваясь и хорошо всматриваясь. Пока они шли на виду у меня, я не двигался, как только же скрылись, я, переменяя позицию, наткнулся на Мадаева, с которым и возвратился на охотничье стойбище.

Телешов уже был здесь и рассказал нам про четырех козлов. Попив чаю, мы разошлись в новых направлениях. К неудаче, я потерял связь с Мадаевым и не заметил его сигнализации, приглашавшей меня к нему, заметившему мое стадо, вдвоем атаковать зверей. В одиночку он только прогнал их — стадо направилось путем телешовских козлов. Я не видел ни одного зверя. Телешов, увлекшись преследованием козлов, неожиданно набрел на дремавшую на скале самку, стрелял по ней... [но] обвысил; выстрел громким эхом отдался в горах и понесся в равнину, где его отчетливо слышали гг. Чернов и Напалков, экскурсировавшие сравнительно недалеко.

Тем и окончилась наша охота. Мы быстро собрались, вернулись на бивуак, пообедали и в 2½ часа дня выступили в дальнейший путь. Верблюда посланные разыскали — он прямо шел домой, словно по азимуту, и пришел бы, если бы по дороге догадливые монголы его не изловили бы. Бадмажапов пополнил запас продовольствия, купив пару баранов. Из птиц, кроме бур[ых] грифов, сокола, клушицы, да одинокой *Rut[icilla] eryth[rogastra]* я ничего больше не видел.

Путь наш наперерез пустыни шел в юго-западном направлении. Нам пришлось пересекать каменистые лога, вступить затем в холмы знакомых мне гряд Кэнтэ и прочее. Горы Цзурумтай, также знакомые, оставались правее, к северо-западу. К закату солнца мы расположились бивуаком, который вскоре запылал ярким костром у очага, словно маяка, на который держались запоздавшие с бар[аньим] мясом монголы*.

4–6 марта. При раннем свежем утре в пути. Однообразная картина степ[ной] пустыни. Камешки, обдугые песком, затейливые по очертаниям, то и дело попадают на глаза; нагибаешься, берешь, любишься и либо прячешь, либо бросаешь. Любуются деятельностью ветра все — и члены экспедиции, и многие из людей конвоя; всех одинаково занимает деятельность природы, не считающейся с типами и видами, создающихся человеком, форм. Время бежит; а тут еще и антилопы хара-сульты. Их сегодня на пути к урочищу Буктэ я видел до сотни, а то и более штук, державшихся большими или меньшими группами, но, по-прежнему, крайне строго. Вскоре, затем, начали показываться обрывы то желтой, то красноватой глины, вырвавшиеся в мираже огромными, преувеличенными и измененными в очертаниях. У подножья обрывов и были колодцы, на одном (лучшей воды) из которых экспедиция приютилась бивуаком.

Солнце пригревало хорошо. Стоянка выпала отличной: воды в достатке, превосходные саксауловые дрова рядом в лесу. Корм для животных отличный,

* Севернее, вблизи ночлега линией протянулась бол[ышая] дорога в Куку-хото, через Цзурумтай и Цохоньн-шили.

словом, стоянка из первоклассных. Люди, почуяв тепло, стали мыться, стричься, менять и мыть белье. Выстрелы то и дело раздавались то на соседнем колодце за птичками полевыми и саксауловыми воробьями, чечетками, хохлатыми жаворонками, то в буграх саксауловых зарослей за крупными грызунами.

Вскоре на нашем бивуаке появились монголы, поглядывавшие украдкой на наш шедший караван. Эти отшельники, положительно, прозябают. Тем не менее, по-своему живут счастливо: сыто и будучи одетыми. Детей у отшельников много, старшему 13 лет, а остальные, до полудюжины, мал-мала меньше. У этого монгола мы приобрели помимо двух баранов еще и хорошего молодого пса, окрещен[ного] именем Лянга — китайское слово «два» или «второй», как понимают наши казаки. Первого своего пса — суку Ургу монгольской породы мы принуждены были сдать на руки этому же монголу, так как она наградила нас потомством, целых четырех. Вначале сильно сокрушался Ванька, поздно узнавший об Урге, о ее тяжелом для каравана положении. Но делать было нечего, очень жаль было Ургу, прекрасно сторожившую бивуак. Бедная собака, чувствуя приближение роковой развязки, вырыла в обрыве себе уютное гнездышко, в которое и положила четырех щенят.

Монголы соб[ачьей] семьей воспользовались, а нам отдали отличную собаку, выговорив в придачу денег, ножи и еще какую-то безделицу — кошелек для денег.

В обширном по занимаемой площади саксауловом лесу — корявом, пыльном, ютилось множество грызунов, два вида песчанок, преимущественно крупных, которых бедняки монголы ловко излавливают при помощи деревянных капканов себе в пищу, уверяя, что мясо крупной песчанки нежностью превосходит даже баранье. Ловкий ловец может в течение дня изловить до тридцати мал[еньких] зверьков. Получая таким легким путем подспорье в мясном продовольствии, те же пустынные-монголы без особых усилий добывают и зерновой хлеб сульхир⁵⁰, так же, как и алашаньцы. В прилежащей к урочищу Буктэ долине, да и в самом Буктэ очень много сульхира, и я вновь видел целые копны уже обмолоченного растения, на месте оставалась одна лишь мякина. По-прежнему в местах молотьбы круглый, блестяще-гладкий пол.

С этой, очень хорошей стоянки экспедиция выступила после обеда, часов около 11–12, так как следующий колодец отстоял в пятидесяти верстах. Начальный путь наш пролегал саксауловой зарослью, где корявые деревья мешали движению*, постоянно задевая и обдавая тонкою, пропитанной солью, пылью. Пришлось оставить лесок, обойти его с севера и пересечь по западной стороне, с низкой порослью. Чтобы окончательно оставить котловину, поросшую саксаулом, мы сделали почти весь свой переход — около двадцати верст, до первых скатов холмов. Здесь нам часто стали попадаться следы хуланов (*Asinus*), заходящих в эту часть пустыни от Эцзин-гола, где они, говорят монголы, довольно обыкновенны. Прочих зверей, даже хара-сульты, мы уже не встречаем.

Стоянка наша была в урочище Сэрбэнь-нуру, в котловине среди холмов, с обилием отличных саксауловых дров. Мои казаки справедливо замечали, что

* Быстро прилетел с высоты орел, быстро опустился вниз; может быть, заметил песчанку и улетел; может быть, орлан этот был пролетный.

в сильные холода у нас редко было порядочное топливо, здесь же и тепло, и чудные дрова. Как хорошо было бы иметь такое топливо на стоянке у Балдын-цзасака!

Мы находились в области моих маршрутов, того и другого — гобийских; первый оставили у Шара-яматын-хада; второй пересекали теперь, приближаясь к Шильбису. Начали показываться на полуденном горизонте высоты, а немного позже обрисовываться силуэты больших корявых деревьев — ильмов. Там и там в пустыне, в особенности в некотором приближении к колодцам мы всюду видели пасшихся верблюдов. Лошади, бараны, коровы или совсем не попадались, или попадались крайне редко.

Аллея ильмов указывала нашу стоянку в урочище Бага-мото. Когда мы приблизились к нему, пришел сильным валом юго-западный ветер, который, затем, не переставал до полуночи. Одновременно с нашим караваном сюда прибыл один дов[ольно] богатый лама — торгоут, по имени Чойбол или правильнее Чойнбол-тен, направлявшийся из своей кумирни на Эцзин-голе — Хойтэ-суме к одному из окрест живущих гегенов, с целью попросить его исцеления от бедствий и прочего. Я познакомился с этим ламой, он меня приглашал к себе, на Эцзин, в гости. Теперь он страдал желудк[ом] от солено-горькой пустынной воды, пользовался из моей аптеки желудоч[ными] каплями.

При Бага-мото проживали монголы, имевшие хороших верблюдов; в загородках, устраиваемых из саксауловых деревьев, на мягкой наземной постели разрешались одна за другой тыменицы (верблюдицы). Я с удовольствием наблюдал картину нежной любви к маленьким верблюдам у монголов, преимущественно у молодых монголок или девиц: они ласкали этих косматых тварей с такою же нежностью, с такою же любовью, как это свойственно видеть по отношению к детям. Одна девица-монголка возилась с верблюжатами, схватывала за мордочку и сжатой рукой притягивала последнего к своим губам. Некоторые верблюжата бывают украшены цветными тесмянными уздечками с помпонами.

При этом Бага-мото урочище, я собрал обстоятельные сведения о двух дорогах, ведущих в один и тот же пункт — озеро Сого-нор. Первая дорога, по которой предполагалось вначале идти на Шильбис, более кружная, более пустынная и в общем меньше продуктивная, нежели вторая, прямая, на Торцо. После тщательного обсуждения я решил следовать второй, в надежде скорее прибыть к Сого-нору и лишний день провести в теперь уже близком к нам таинственном городе Хара-Хото. На этом и покончил.

Бага-мото дало в коллекцию интересного сорокопута, ушастых сов и первых жуков, откопанных на сухом каменистом русле П.Я. Напалковым, подающем признаки пристраститься к сбору энтомологической фауны вообще. Здесь же я впервые видел в пустыни пару горных ворон (*Cogone cogone*), с ними одинокую галочку (*Monedula*) и краснохвост[ку] краснобрюхую (*Phoenicurus erythrogastra*).

В день прихода экспедиции в Бага-мото разразившаяся буря помешала охотничьим экскурсиям. Наша юрта стояла под высоким, развесистым, сажени 4 ильмом. Соседняя аллея примыкала вплотную и мы не без удовольствия слушали шум леса, «Лес шумит!», которого ухо наше так долго не воспринимало, да и мудрено думать об этом в пустыне. Вечерняя сравнительная тишина в воздухе дала возможность нам услышать крик совы, а утренняя экскурсия Мадаева

вверх по ильмовой аллее — убедиться воочию в ее зоне обитания. Арья принес экземпляр ушастой совы и приглашает меня и Телешова сейчас же отправиться с ним на хитрых сов, целою колонией державшихся поблизости в аллее. Сам он неожиданно наткнулся на них, идя по аллее; совы, числом до десяти, взлетели с одного развесистого дерева после выстрела, сделанного Арьей по сове, которая и была убита. Остальные птицы разделились, разлетелись в стороны, попарно, поодиночке усаживаясь на деревья или просто летая, но уже в меру выстрела не подпуская охотника. Последний, сколь не скрадывал, — напрасно, совы снимались шагов за 80—100 и, таким образом отвлекли нашего препаратора на значительное расстояние вверх. Тогда он зашел выше и пригнал сов в соседство нашего бивуака (около 10-ти часов ясного утра) и доложил нам. Сообразив, как можно добыть этих хитрых птиц, я, Телешов и Мадаев отправились к ним. Мы с Телешовым стали снова на №№ [номера], пересекли ущелье; Арья, в роли загонщика, стал нагонять их на нас. Таким способом мы в течение 15—20-ти минут добыли еще три отличных экземпляра, а повторив такую же охоту на пути каравана еще, добыли и пятый экземпляр. В компании с совами ютился и одинокий сычик, не подпустивший к себе на вероятный выстрел. В конце концов, следовательно, коллекция пополнилась редкой добычей и в редком количестве экземпляров. Вообще нынче на сов пока очень прибыльно.

Общая характеристика местности вообще от Гурбун-сайхан до озера Сого-нор, или низовья Эцзин-гола, следующая: довольно пустынная, в особенности на второй половине крайнее бесплодие. Вода попадает только в руслах, галечных, сухих, в виде колодцев (5—7 футов глубиной до воды и со слоем последней от $\frac{1}{2}$ —1 до 2 футов мощи). Преобладавшими растительными формами служат: саксаул, позже — тамариск, много полукустарников и жесткие пустынные травы, [которые] охотно поедаются только верблюдами. Это дом[ашнее] животное исключительно только и попадалось нам на половине, ближайшей к Эцзин-голу; на отдаленной [половине], кроме обычных верблюдов, — изредка коровы и бараны. На пути то залегали кряжи гор, холмов, грядок, с извивающимися среди них руслами (галечными, сухими, во второй половине обсаженными аллеями ильмов — по-монг[ольски] «хайлас»), то открывались обширные долины, в юго и юго-восточном и юго-западном направлении уходившие за горизонт. В северном же [направлении] постоянно выделялись горы — сначала Аргалинтэ, затем Цзурумтай, позже Нойон-богдо. Этот массив с зубчатым профилем мы видели довольно долго; от него шла общая покатость, по которой направлялись русла в общую котловину Цапчэрин-холэ, залегавшую у северного подножья Хонгорчжэ.

Туда впадает и Шильбис. Попутные монголы-пустынники живут, по-видимому, в достатке и, по-видимому, по-своему счастливо. Обстановка юрт прежняя. Сделав два обыкновенных перехода, остальные десять у нас сложились из пяти очень больших, безводных, которые мы осиливали следующим образом. С ночлега при колодце мы выступали довольно поздно — около полудня. После обеда, рано устраиваемого, пройдя около 30 верст, ко времени низко стоявшего солнца располагались на ночевку в пустыне. С восходом солнца ее покидали и шли до колодца, где вновь проводили целые сутки. Таким образом, то полные сутки шли, то полные сутки отдыхали. Это тяжело, но иначе нельзя. С урочища Ихэ-гун нам попала большая дорога до озера Сого-нор; мы ею

и шли, повстречав один лишь караван, нагруженный просом, везомым китайцами в <название пункта пропущено>. В урочище Ихэ-гун мы обменялись визитами с монголом-олётом⁵¹, в достатке проживающим в пустыне, распол[агающим] бол[ьшим] ст[адам] верблюдов. Монгол-лама, будучи у нас, с интересом смотрел книгу Потанина, [про] будд[ийские] монастыри⁵², в одном из которых <название пункта пропущено> — его колыбель духовного воспитания.

Более нудным тяжелым временем были переходы послеобеденные, тем более что весна, в смысле тепла, надвигалась все ощутительнее. Иногда встречное солнце положительно расслабляло нас. Целые часы идешь-идешь по однообразной унылой местности, утомительно ждешь — не дождешься остановки. Ни зверя, ни птички, лишь один мираж — этот злой дух пустыни играет и обманчиво соблазняет фантаст[ическими] красот[ами] природы, озерами и прочим. Красиво нередко выделялся Нойон-богдо; его крылья положительно, словно мысы, вдавшиеся в море, омывались водою. Также интересно было оглянуться назад на караван; последний точно шлепал по воде, а соседняя собака плыла. Кстати о собаках.

Сначала мы, как сказано выше, приобрели одну собаку, с кличкой Лянга; она привлекла и расположила к себе ли, к каравану ли, другую, такую же молодую, сильную, легкую, как и сама. Эту, охотно пошедшую собаку, похожую немного по окраске на нашего покойного Карсу, здесь, в Алашаньской земле упокоившегося⁵³, мы назвали Гарзой. Гарза и Лянга прекрасно стерегут караван, бивуак; в дороге прекрасно играют, но за косточки или за воду, на безводных переходах у этих друзей происходят легкие недоразумения. Они, псы, легки и в дороге увлекаются пока зайчиками.

7–12 марта. В этот период экспедиция осиливала самую безотрадную дикую пустыню и благополучно достигла второй своей задачи по части исследования Монголии: Эцзин-гола. Если первую можно считать удачной, удовлетворительной, то вторую — хорошей. Отрадно видеть совершенно новую дорогу, нами исследованную; приятно взирать на уже совершенное. Но еще много, много интересного впереди, но и много трудов и лишений.

Оставив место сов, экспедиция направилась на пересечение все тем же юго-западным курсом пустынной местности. Шла долго, пересекая или описывая долинки, лога, кряжи, между могил, торговцев-китайцев, достигнув сначала места ночевки Гэнгэтэ-ихэ, где А.А. Чернов запоздал возвращением, увлекшись окаменелостями. Мы развели костры сигнальные и послали проводника на встречу, а затем направились в Ихэ-гун.

От Ихэ-гуна до Балбырха-цончжи — тот же характер мест, и тот же характер передвижения, и тот же характер пустыни. При этом предпоследнем ночлеге, где мы стояли в буграх, при восточном колодце Цзун-худук (а всех колодцев три) экспедиция встретила алашаньских монголов, проживавших в юрте, со стадами верблюдов числом до 80.

Отличное это явление, потому именно, что здесь при границе (Балбырха-цончжи — граница Балдын-цзасака и Торгоут-бэйлэ) монголы одного ведомства, одного аймака свободно переходят в землю, во власть другого. Это среди монголов легко допускается, в особенности, если известные районы бывают обречены на долгий период под снег или общую бескормицу. При подобных явлениях монголы свободно переходят. Здесь свобода, приволье, простор.

Мы не дождемся прихода на озеро. Нас манит растительная и животная жизнь; нас манит весна, пробуждение природы, охота, птицы и прочее. Подъем энергии вызывает веч[ер] на воздухе, а здесь заря, чудная гобийская, пустынная заря. Багрянец расплывается, мерцает, блекнет, зажигается тысяча звезд и планет [как] бриллианты.

Последние две станции — сильная покатошь к озеру. Нойон-богдо слабеет в очертаниях; Ринчин-обо виднеется своей шишкой и хребетиком, распластавшимся в мираже. Поверхностный слой земли укрыт темной сплошной галькой; на поверхности светлеет пучками или деревцами саксаул. Показалось Боро-обо, венчающее собою вершины высоты, поднимающейся над северо-западным (низменным) берегом Сого-нора.

В последнее утро, на протяжении 17 верстного перехода, мы уже невольно приковывали взгляд к Сого-нору, светло-серебристой полоской протянувшегося в меридиальном направлении. Рамкой для светлой, льдом укрытой поверхности, с чуть-чуть заметной голубой полосой воды служит золотистый камыш, широкой полосой окаймляющий озеро. Там, над водным участком, над голубым пространством, словно снежные хлопья взмывались, клубились и опускались на воду чайки. Неудержимо тянуло скорее попасть к бассейну, к жизни, к жизни ликующей, весенней, когда невольно просыпается чувство обаяния природы, интерес к ее развитию, к жизни радостной, ликующей, к чудесным голосам, будящим тишину матери природы.

Неведомый уголок пройден; пустыня частью завоевана. Немые свидетели этого — остовы павших караванных животных, попадавшие почти ежедневно, остались позади. С приближением к растительной полосе Сого-нора жизнь забила ключом, показались стада хара-сульт, табунки хуланов и огромные табуны домашних животных — лошадей, пасшихся среди высоких камней. Попались навстречу и трое охотников, ехавших на указанных зверей.

Пройдя немного, мы миновали колодец Торцо, расположенный среди песко-глиняных бугров в обширном урочище этого же имени. На этом колодце мы не остановились, как предполагали ранее, потому именно, что он был загажен, запущен, завален песком, и направились далее к выходу. Версты через две, в юго-западном направлении наткнулись на отличные озерки с пресной водою, где и приютились, быть может, на значительный период.

Разбив бивуак среди высоких бугров, граничащих с тростниковым ровным пространством, мы видели стаи пролетных гусей, направлявшихся через наш бивуак к Сого-нору. Немного позже меня привлекло голубое небо благозвучными музыкальными звуками, гармонично разносившимися по окрестностям. Эти звуки издавались крыльями белоснежной красавицы птицы — лебедя, серебристой, мелькавшей на солнце, лентой несшейся также к открытым водам Сого-нора.

Немного устроившись, мы начали осматривать озерки; я тотчас же с Ивановым убил нырка, стремительно пролетавшего над нашими головами. Шум выстрела вспугнул пару турпанов — лама-шубу⁵⁴, с оригинальным криком улетевших на отдаленные озерки.

Весна манила в объятия природы, тепло еще больше располагает к этому. Тотчас же с прихода сюда, в 1 час дня измерен южный склон песчаного бархана, температура его поверхности, согретой до +43,5° (на солнце).

Спутников не удержать — кто рвется на птицу, кто за зверями, кто просто осмотреть место. Наша орнитологическая коллекция стала заметно обогащаться; ее пополняют отчасти мест[ные] оседлые птички, но, главным образом, разумеется, прилетные, прибывающие и днем, и ночью.

Самые существенные, самые насущные вопросы, являвшиеся к исполнению в Торцо, были следующие: а) съездить в ставку Торгоут-бэйлэ и выяснить, хотя бы приблизительно, дело о дальнейшем движении экспедиции в Алаша-ямынь и б) приобретение баранов, которых у нас нет, для продовольствия. Сухое мясо, с такою заботою приготовленное, изводить жаль. Пока, в ожидании посланных, мы всецело занимаемся наблюдением животного царства — весеннего пролета птиц.

Вечерняя экскурсия Чернова и Арьи выяснила присутствие соседнего, в трех верстах к северо-западу озера, в окружности с версту, на котором, по словам пришедшего в восторг А.А. Чернова, пир горой у пернатых. «Там, Петр Кузьмич, — говорит геолог, — настоящий птичий базар: шум и гам далеко разносятся по сторонам, гул, о котором я только читал, но тут воочию услышал». Чернов принес отличного чекана, а Арья — камышов[ую] стренатку.

Вечером же, под впечатлением рассказа А.А. Чернова, и мы назавтра решили съездить на озерко большой охотничьей компанией; все верхами на верблюдах, с чайником и дзямбой для подкрепления.

13 марта. Утро отличное. Снаряжаю Гомбо к бэйлэ, Полютова — за баранами. Монголы, да и мои молодцы, часто выбегают на «обсервационный» холм, увенчанный нашим флагом, чтобы в бинокль полюбоваться и посмотреть вокруг. Оттуда раздаются голоса: ходят дзерены; плавают утки, летят гуси и лебеди. Пишу, а над юртой несутся эти птицы и своим криком нарушают дремотную тишину воздуха.

Оканчивая разные дела, текущие и накопившиеся, едим макароны с остатками сыра, слив[очным] маслом и с крошками от кяхтинских булочек-печений; собираемся на охоту. Беру с собой любимое отличное, ловкое ружье Гано⁵⁵. Товарищи тоже энергично собираются, имеются и винтовки.

Готово! Мы, пять человек: я, оба сотрудника и оба препаратора с шестым человеком — монголом, едем верхом на верблюдах. Камыш высокий, шелестит, табуны интересуются нами, приближаются. Там и сям показываются из камышей антилопы. От этих картин невольно отрываешь глаза и переносишься в лазурное, [не]омраченное пылью небо, откуда несутся радостные, звонкие голоса прилетных странников, завидевших воду и спускающихся к ней с шумом бури и с быстротой стрелы. По горизонту везде живые линии птиц, то темные, то серебристо-белые, то сероватые. По мере приближения к озеру оно выдает себя. Над его водами, словно толчея — носятся, опускаются и поднимаются птицы. Среди однообразной тишины слышится словно жужжание, переходящее в шум или гул; шум сильный, непрерывный: это ликование птиц, в особенности черноголовых чаек, которым вторят гуси, утки, реже турпаны. Тем временем солнце спускается ниже, мы у цели. Часть охотников остается на восточной окраине отдел[ьного] озера, лежащего почти на полпути к Сого-нору*;

* От нашей ст[оянки] в Торцо до волчьих бугров «Чонын-сондо» 3 версты; против нас — наше озерко; еще 2 версты к западу — северо-западу, Сого-нор, всего 5 верст.

другие же, я и Телешов, обходим с северного берега на западный и скрываемся там в камышовых зарослях.

Тихо в смысле пальбы; птицы пируют, что называется вовсю. Товарищи ждут, пока мы не усядемся. Я занял лучшее место — линию перелета; птицы носятся в ту и другую стороны. На озере преобладает гам крикливых черно-головых чаек; преобладает и их белая окраска; эти птицы словно снежные хлопья носятся в воздухе. Солнце греет сильнее; в недрах камыша жарко, от ожидания и волнения еще более жарко. Каждую минуту проносятся птицы. Грянули один за другим несколько выстрелов, на мгновение тишина и затем столпотворение. Шум удесят�ерился, воздух потемнел над озером: там повисла темная, живая сетка из плавающих птиц. К этим взволнованным птицам несутся новые и новые. Колыхающиеся массы приближаются, из темных становятся более или менее светлыми — лебединые стаи просто очаровательны, их благозвучный музыкальный полет чарует ухо охотника, а глаз восторгается красотой их матовой белизны. Я стреляю, падает чайка, над нею скопилось свыше двух-трех сотен подруг, огласивших воздух пуще прежнего. В кружащей стае черноголов[ых] чаек изредка встречается большая, светлая, вроде чайки серебристой, пролетавших в другое время отдельными парами, следуя через 20—40 шагов вслед друг дружке.

Изредка тянут вместе серые цапли с обычным противным криком. Но как мил этот крик охотнику, давно не видевшему все это, в особенности после однообразной, утомительной и скучной пустыни. Опять новые стаи гусей и лебедей, опять новые стаи уток. Радует сердце. Вблизи каркает ворона, мелодично трещат стренатки и красавицы синицы-бородатки⁵⁶; вдали вьются коршуны; над озером описывает круги царственный орлан-белохвост, там, над мелким камышом плавно, беззвучно, словно дозором, пролетает коричневый лунь. Забудешься, и мысли унесутся, Бог знает куда, далеко-далеко! Этому способствует молчание товарищей. Наконец бо-о-омм! Опять сжимаешь крепче ружье и смотришь со стороны на озеро.

Опять тишина, тишина вечерняя, гам то прекратится, то возрастет с новой силой. Пора, однако, к дому. Бинокль показал присутствие товарищей на охотничьем бивуаке. Торопишься туда. Между тем, справа, слева, над головой проносятся все те же прилетные гости пернатые. Среди вечерней тишины особенно мелодично выделяются звуки лебяжьего полета, особенно картинна их вибрирующая лента. Где-то гукнула выпь и опять тишина, исключая птичий гам. Бредешь к огню, спотыкаешься. На сухих кустах тамариска выделяются две точки по вершинкам — это чеканы, парочки, прилетевшие и облюбовавшие себе местечко. Выстрелом одного снимаешь. Поздно, очаг, голоса товарищей, домой! По дороге смеемся, дружно говорим, рассказываем. А.А. Чернов мечтает завтра поехать один на берег самого озера.

С приходом на берега пустынного озера список птиц стал пополняться ежедневно по несколько номеров. Наш сигнальный костер осветился ярким пламенем; молодцы гренадеры заблаговременно устроили маяк, манивший нас к себе к обеду и отдыху! И тут все вспоминаешь камыши и птичий базар, и здесь знакомые голоса гусей, уток и цапель продолжают раздаваться. Не видим и не слышим голенастых птиц.

Дома, в тепле, в освещенной юрте еще милее, рассказов еще больше. Возвратился с охоты на антилоп и наш многоглаголивый Гавриил, пространно повествовавший нам о своей охоте. Под впечатлением общения с природой, под впечатлением весенней жизни пернатых, их голосов, их резвости приятно забываешься на весеннюю ночь. Однако дрема угоняется вновь оживляющим впечатлением, невольно рисуются картины озерной обстановки, невольно вспоминаются голоса и манят вас к себе. Действительные крики пролет[ающих] ночью гусей усиливают впечатление и долго-долго не дают уснуть.

14–15 марта. Эти дни были вторым и третьим или последним днями нашего пребывания в урочище Торцо, в соседстве побережья Сого-нора. Кстати, об этом побережье с могучими камышами, посередине которых, там и сям разбросаны озерки, меньшие, но в большом числе, — подле нашей стоянки в Торцо, большие, в очень ограниченном количестве, — по направлению к самому озеру. Свободное от воды, покрытое камышом, пространство года четыре тому назад, по словам местных торговцев, было водною частью, юго-восточным заливом Сого-нора. В то время воды по самому восточному рукаву Эцзин-гола — Мунунгин-голу текло несравненно больше, нежели теперь. В настоящее время, как и в ближайшие четыре года, излишек этот направился в Морин-гол, а по этому последнему, в озеро Гашун-нор. Китайцы старались удержать воду в прежней норме, устраивали что-то вроде плотин, но напрасно.

В общем, характер речек эцзин-гольской системы совершенно такой же, какой имеется и прекрасно описан многими путешественниками для системы Тарима или Яркенд-дарьи. Стоя на берегу и Сого-нора, и Мунунгин-гола, и всматриваясь как в водные части, так и в прилежащие побережья, сразу поражаешься сходством общей картины. Если бы я невзначай очутился на каком-либо из этих двух мест, то есть, в области ли Лобнорской котловины или Сого-норской, сам не видел, где именно я нахожусь, то никогда бы правильно не мог ответить, иначе как только случайно — так поразительно одинаковы, так похожи эти две системы речек — Тарим и Эцзин-гол. Повышенное ложе, окаймленное камышом, присыпанным песком, постепенно повышается, поднимая постель реки, текущей часто выше соседнего уровня. Таким образом, как и на Лоб-норе, в Тариме стоит лишь прокопать сбоку канаву, и вода хлынет для затопления прилежащей местности. Недостает здесь по берегам тограка; но зато тамариск, саксаул, камыш в достатке; общий список травянистых колючих растений почти один и тот же.

Даже животный мир значительно сходствует между собою. На памяти людей, стариков, русла меняли направление; не единичен случай современного явления — когда на памяти людей замечена убыль воды в Мунунгин-голе и прибыль в Морин-голе. Как некогда существовал город Лоб, Таримской котловины, так одинакова история существования и Хара-Хото (низовье Эцзин-гола). Быстрое, стремительное течение Мунунгин-гола, его грязные воды, содержащие размытый лесс — суть все то же, что вы наблюдаете и для Лоб-нора.

Та же соленая пыль, тот же вид затуманенной атмосферы, тот же бледный диск дневного светила, те же короткие горизонты и та же крайняя сухость воздуха!

Весенний или осенний прилет пернатых еще больше создает сходных, общих картин. Да и зима, значит[ельно] суровая также.

На второй день дневки я сидел дома, приводил в порядок журнальные записи. Гам пернатых, картины серебристых линий, крики уток на соседнем болотце, голоса мелких пташек на бивуаке привлекали меня, давали возможности разнообразить время. Таким образом, я добыл интересного ♂ крохали, и лунька, и белую плиску. Охотничья экскурсия моих спутников не увенчалась успехом.

Наконец, после обеда возвратились почти одновременно и Гомбо, и Полютов, исполнявшие поручение. П[олютов] купил баранов. Бадмажапов съездил к Торгоут-бэйлэ, который, вначале, принял вид надменный, но, затем, «отошел» и стал человеком. Обо всем выслушал и на все дал уверения: «Не печальтесь и не сомневайтесь!». Дал Бадмажапову полицейского проводника с наказом доставить нас в соседство его ставки Даши-обо на левом берегу Морин-гола.

Относительно поездки в Алаша-ямынь через пустыню, относительно посещения развалин Хара-Хото, проводников и всего прочего бэйлэ дал положительный ответ. Мне, конечно, были присланы вежливые выражения почтительного приветствия. Решаю стоять еще день, необходимый на мою поездку на озеро Сого-нор и на общие сборы в дорогу.

В сумерках возвратился на бивуак А.А. Чернов, восторженный поездкой или вообще осмотром картины весеннего дня на Сого-норе. Птиц «видимо-невидимо, в воздухе только их голоса, только их блуждающие живые тени!». «Непременно съездим, Петр Кузьмич!», — говорит мне А.А. Чернов. Это как раз совпало с моим планом и моим пламенным желанием!

Под впечатлением поездки на озеро мне с вечера даже не спалось, да и спалось затем крайне чутко, тревожно. Проснулся раньше, нежели был разбужен. Вот уже зарекалась ворона — наша ранняя посетительница. Ветер «бручит», выражаясь словами «рыбалки» Н.М. Пржевальского⁵⁷. Мечтаю в постели взять кроме Гано винтовку. Вероятно, еще до приезда на озеро встречу хара-сульт, буду стрелять, а если убью — пошлю с монголом на бивуак! Наконец встал, собрался и в компании Арьи и ламы-сыча едем на озеро. Ванька провожает. Идем вперед на волчьи бугры! Вдруг, антилопы! Спешиваюсь, иду, бегу сторбившись, прижимаясь к земле, триста шагов, выстрел за выстрелом по антилопам — одна, молодой самец, пал. С добычей! На выстрелы едет Ванька, кстати, берет мой трофей и увозит на бивуак.

Мы следуем дальше. Вот и бугры. Вот и открытый вид с одного из них: камыши, бугры и так далее. Как отрадное явление — наше озерко, на котором, по-прежнему, хозяйничает орлан-белохвост, атакованный чайками. Там дальше другой. На горизонте гуси, лебеди, утки в различных направлениях. Торопимся на озеро, попав сначала на речку, текущую в высоких песчаных холмах. С вершины этих холмов озеро видно далеко и всюду на его поверхности птицы: белые, словно пена морская, лебеди, темные массы — гуси, всевозможных оттенков серого утки, пестрые нырки, почти белые крохали, черные бакланы и красивее прочих *Fadorna (cornuta)* — утки-пеганки; вперемешку снуют турпаны и черноголовые чайки. Кулики отсутствуют; только одна пигалица — чибис, словно пьяная птица, с пиканьем своим шатается из стороны в сторону! Многие гуси лежали, иные стоят беззаботно; подле них также беззаботно, словно мраморные статуи, стоят лебеди, другие ныряют за пищей, словно утки, опрокидываясь вверх ногами. Сколько охватывает глаз, вооруженный биноклем — всюду

птицы, птицы, птицы. Там летят, там жируют, там прилетные опускаются. Все же больше птиц собралось на отдельное озерко, в защите от ветра, там они ликовали в полном смысле.

Наше появление на берег озера несколько нарушило покой птиц, многие гуси встали, пошли к воде, прочие, оставаясь на местах, очень насторожились! Иные с криком переместились подальше — видно опытные странники. Но что произошло, когда грянул первый выстрел — настоящий содом! Крики самые разнообразные перемешались самым разнообразным образом, птицы неслись во всех направлениях, более отдаленные, однако, скоро успокоились, иные даже не взлетели.

Однако главная масса птиц отплыла от берегов в открытое пространство озера, частью на воде, частью на ледяной поверхности чувствовала себя свободнее.

Отправился я по открытому берегу, лишенному камыша или иной высокой растительности, — никто не подвертывается под выстрел! Все птицы держатся почтительного расстояния. Тогда я залег, и только таким образом мог в меру выстрела пустить заряд крупной дроби в пару гусей; самец упал, словно скошенный. Доставая его с краю отдельного маленького бассейнчика, я нашел здесь экземпляр интересной рыбы — мертвой, дугою изогнутой и всплывшей на поверхность воды. Накануне еще добыл экземпляр, несколько меньших размеров А.А. Чернов, и я думаю, что удастся выяснить род и вид этой интересной рыбы, общим хабитусом⁵⁸ похожей на окуня: с крупной чешуей и колючими, сильными, массивными плавниками.

Та часть побережья, с которого мы познакомились, несет характер низменный, топкий у воды и постепенно высыхающий по мере поднятия или удаления от воды. Всюду залегают наслоения глинисто-лессовой почвы, еще выше песок, а там и песчаные холмы-барханы.

Цвет водной поверхности зеленоватый; вкус солоноватый, но настолько слабый соленый вкус, что при нужде этою водою можно пользоваться для питья, ведь Сого-нор — проточный бассейн; последний бассейн, нижайший, Гашун-нор с горько-соленой влагою.

На этом наши наблюдения над озером и весенней жизнью пернатых исчерпываются. Мы собрались в дальнейший путь!

16—17 марта. Тихое ясное утро, обещающее, казалось, прекрасную тихую погоду, но только обещающее. Я пошел осмотреть наше озерко, еще более ставшее приветливым после прибыли воды и освобождения ото льда. На тихой голубой его поверхности, по которой скользили утренние лучи солнца, плавало десятка два-три птиц. У камышей только что выплыли наружу темные лысухи и тихо скользили по поверхности, у другого берега частью нырки (№ 48)*, частью утки-кряквы, а посередине озера-пруда — нырец-чомга в одиночестве. Со всем этим пернатым миром я прощался, мысленно говорил: «Если полетите на мой север, то снесите на своих легких, быстрых крыльях привет моей семье и друзьям! Прощайте!».

Караван уже готов к выступлению, мы направляемся в обход многочисленных бугров, среди которых извивается сухой рукав, несший некогда порядочно

* Здесь и далее указываются номера на этикетках экземпляров, взятых в коллекцию экспедиции. (Прим. сост.)

воды, есть указатели существования мельницы. Там повышенный, равнинный, узкой полосой протянувшийся грунт обсажен аллеей ильмов, вниз низвергается покатошь, возможно служившая стоком вод к колесу.

Нам можно было следовать двумя путями: или по самому берегу, непосредственно, или в обход, среди бугров и высоких барханных песков, напрямик — через колодец или урочище Омук-тала. Вначале мы предполагали идти по речке для большого ознакомления, но вышло так, что мы направились окружной пустынной дорогой, во избежание частых обходов и недоразумений с речкой, только что разлившейся. С востока, юго-востока пошла буря; огромный пояс гигантских горообразных барханов задымился, словно вулкан. По скатам мело со страшной силой. Особенно эффектно песок взвивался на вершинах барханов и посыпал, словно вихрь, столбом пыли.

Огромные, метров до 25-ти высоты, барханы тянулись вдоль речки, в некотором от нее отдалении. Барханы протягивались главным образом от севера к югу, хотя встречались и отклонения; равно огромные барханы то стояли отдельно, то тянулись огромной змеей. Имеют самые причудливые очертания, из которых выделялись равнобокие скаты, то есть указывающие на б[ольшее] или м[еньшее] постоянство, периодичность или последовательность западных и восточных ветров.

Пойдя в обход речки, и вступив в барханы, где песок несся со страшной силой и в огромном количестве, залепляя глаза, уши и набиваясь всюду в одежды, наш проводник лишился надлежащей ориентировки и... заблуднул. Общими усилиями, мы, однако, вскоре пришли в урочище Омук-шала и разбили бивуак у двух колодцев, подле приветливой площадки камыша. Вокруг стояли высокие бугры с тамариском; на высоте на них доминировали обо. Подле колодца ютились скрытно монголы, один из которых на следующий день ранним утром привел нас на берег Мунунгин-гола, в то урочище Торой-онца, которое было указано князем. В 5-ти верстах, на полпути, мы отметили развалины башни Арца-цончи, слож[енной] из сырца-кирпича с тростником; башня современна Хара-Хото, прежняя, своего рода, сигнализация.

Мне лично, да и всему отряду одинаково приятно было расположиться на правом берегу речки, имевшей одинаковый характер с Таримом. Вскоре по разбиении бивуака, явился чиновник с синим (майорским) шариком на шляпе, с приветственным хадаком и многословными пожеланиями от князя. В общих чертах ответ явился благожелательный. Посещение Хара-Хото, проводники, животные — все обещалось. Вопрос о дальнейшем движении выяснился в положительном смысле.

Мунунгин-гол нес массу грязной воды, течение речки плавное, но очень стремительное. Правый берег присыпан дюной песка, сдерживаемого камышом; противоположный берег ровно-низменный. Там и сям выделялись отмели, на которых отдыхали пролетные пернатые странники. На берегах речки пасся исхудалый скот — лошади, коровы, ослы. Жителей было немного, они расположились скромно. На наших глазах через речку, имевшую около 10-ти саженой ширины, местами и больше, переправлялись всадники, которым вода доставала до брюха и немного выше в бол[ьший] уровень, и значительно меньше по утрам.

18 марта. Утро хмурое, облачное; северо-западный ветер понизил температуру и омрачил воздух пылью. Ветер крепчал и крепчал и только после 3 часов

стал стихать! Гуси то и дело кричали, пролетая ранним утром. Вода к утру значительно убывла. Гомбо ездил на свидание к торгоут-бэйлэ, от которого к нам прибыла юрта, палатка и люди для услуги. «Пока вас окончательно не устрою, — говорит князь Гомбо, — не приму больше подарков! Сам приеду и все сдам! А теперь, пока, нойон ваш поедет в Хара-Хото или Байшин-хото (до которого, кстати, очень недалеко), [братя не буду]».

Растительности не видно; тепло надвигается, хотя сегодня утром падала снежная крупа.

Звери, свойственные долине речки: хара-сульта, заяц, дик[ая] кошка, мелкие грызуны, затем волки, лисицы (красная, стая и, как исключение, очень темная, дорого ценимая торговцами), изр[едка] рысь. Из птиц же (оседлых): фазан, чер[ные] вороны, бородастая синица, сорока, лунь (коричн[евый] и седой), сарыч, стренатки, воробьи, саксаул[ьяная] сойка, сокол-пустельга, чилийский жаворон[ок], *Rhopophilus* (?), *Synchramus schoenicius*, *Galerida cristata*, *C[orvus] monedula* (одиночка при кумирнях), сычик, изредка черн[ые] грифы и немного других. Среди зимующих — сорокопут, краснобрюхая красноростка.

Ящериц не видели, мухи показываются на солнце, жуков откапываем.

Теперь несколько слов о весеннем пролете на Эцзин-голе, эта заметка лишь может осветить известный момент, среди общего весеннего пролетного периода. Он уже начался давно, равно как и окончится лишь много времени спустя, как мы отсюда уйдем.

В день прихода на отдаленные берега Сого-нора, 12-го марта, экспедиция отмечала стадо за стадом прилетавших серых гусей (*Anser cygnoides*), лебедей (*Cygnus musicus*), уток-полух (?), уток-крякв, серых нырков (№ 48). В этот же день был замечен и сорокопут (*Otomela*), и темный (А.А. Чернов) чекан, и чибис, и орел белохвост (*Haliaëtus albicilla*), и многочис[ленные] черног[оловые] чайки. Турпан, конечно, уже был налицо, держался парами. Стада или стаи гусей неслись острыми углами высоко, лебеди также красивой серебристой лентой, извивающейся, словно брюссельское кружево, колыхались в воздухе, разнося по сторонам благозвучие своего лебединого полета. На бол[отном] озерке гукала выпь.

13 марта на озерке: цапля серая (*Ardea cinerea*), чайки бол[ьшие] белые, может быть, серебристые, крайне осторожные, пролетавшие парами; в этот же день замечен коршун черноухий, круживший над нашим бивуаком, и чекан-попутчик (*Saxicola isabellina*).

14 марта ранним утром объявилась на нашем бивуаке белая плиска, вечером вновь и в два послед[них] дня также. В этот же день, 14-го марта, на соседнее озеро прилетела парочка крохалей-луток (*Mergus albellus*). 14-го же марта замечены утки-кряквы.

Температура поверхности бархана южного склона на солнце, в 1 час дня была 45,5 °С.

На С[ого]-н[оре] (А.А. Чернов) — утки-чирки.

15 марта на берегу самого озера — черный баклан (баклан, впрочем, уже замечен А.А. [Черновым] накануне. 15-го — *Dafila acuta*), красавица утка-пеганка (*Tadorna tadorna*), утки-широконоски (*Spatula clypeata*), <слово неразборчиво> *strepera*, утка-нырок-красноносый (*Fuligula rufina*); *Saxicola* (№ 60).

16 марта на нашем соседнем озере показались черные лысухи (*Fulica atra*), нырец-чомга (хохлатая) *Podiceps cristatus*.

18 марта объявился бол[ьшой] кроншнеп (*Numenius arquatus*).

19 марта на берегу Эцзин-гола замечен первый единичный экземпляр черного аиста (*Ciconia nigra*).

26 марта вдоль речки, внизу, летели стайки около 10–12 особей, отмеченных уже выше больших кроншнепов.

На этих отрывочных записках мои весенние наблюдения над пролетными странниками, оканчиваются.

Тепло понемногу надвигается: 28 марта день был особенно приятным, тихим (сравнительно) и очень теплым; песок на полуденных скатах нагрелся до +54,4°С (на солнце). Напалков изловил много мух, жука, ящерицу; у речки я видел небол[ьшую] серую стрекозу.

Буря или очень крепкий ветер тормозят развитие весны более успешным ходом, хотя местные торговцы замечают, что нынешняя весна особенно бурная, вероятно поэтому же пройдем пустыню Алашаньскую вполне благополучно, опередив ее жаркое и знойное состояние. Перед нашим выступлением с Эцзин-гола уже пробивалась первая свежая зелень на песчаной прибрежной поверх[ности]; скоро животные, в особенности бараны и козлы, будут иметь возможность ею наесться досыта.

Последние дни марта также бурны и вызвали понижение температуры с одной стороны, омрачение пылью, с другой. Накануне, 30 марта, днем на солнечном пригреве выползла змея, типа <слово неразборчиво>, извившаяся в три кольца, но крик моего верблюда, вызванный моим «цоканьем», напугал ее, она ушла в свое укромное логовище. Ящерицы встречались на кам[енной] поверхности маленькие.

Ночью на 31 марта вода замерзла основ[ательно] в ведре и покрылась тонкой ледяной коркой на поверх[ности] колодца, имеющего мощность слоя около 3 футов и 2 фута до его поверх[ности].

1 апреля во время движения каравана в песках я наблюдал серых гусей, несшихся углом к северу; вскоре затем одинокого серо-голубого луня, стремившегося в том же направлении; от времени до времени показывались прежние плиски, иногда усаживаясь на минуту подле каравана, и обманутые надеждой на «водопой» — летели дальше.

При вступлении экспедиции в долину Гойцзо, 1 апреля, я видел на западной окраине снявшихся и улетевших на север больших дроф, числом шесть.

2 апреля в Гойцзо по озеркам, окаймленным камышом: утки-чирки, луни (№ 63), орлан, шеврица (?), желтая плиска, серые журавли, серые цапли.

3 апреля — *Cygnus bewickii* (одиночкой на оз[ерной] норе) в дол[ине] Гойцзо. Этого же числа добыт уродливый (куцый) экземпляр черногив[ого] дрозда (*Merula atrogul[aris]*).

4 апреля — *Motacilla* (черноспинная) замечена одиночкой при озерке. Какой-то кулик?

5 апреля объявился угод-пустынный (*Uripo erops*), парочка зуйков-галстучников (*Aegialites*), и еще какой-то кулик. По-прежнему гусей и уток много; лебедей две пары.

8 апр[еля]. На Элькэн-худуке мелодично пела пустынная славка (S[y]lvia aral[ensis]).

14-го, на Алт[ын]-булыке: малый песочник (Tr[agopan] temminckii), Anthus и впервые Cotile rupestris (одиночно).

Первая легкая поездка в Хара-Хото

19–21 марта. Так много говорилось о Хара-Хото еще в Петербурге, в Москве и по дороге к границе! Затем от Гурбун-сайхана стали говорить с местными, балдын-цзасакскими обитателями чуть ли не ежедневно. Сам Балдын-цзасак отлично был осведомлен об этом мертвом городе. Старик рассказывал мне, что там торгоуты втихомолку копают, ища скрытые богатства. Что будто бы там, внутри крепости, у субурганов вырыли ров достаточной глубины и уже достигли крыши кладовой, или могил двух жен батыра Хара-цзян-цзина (по одним сведениям, умерших от руки своего грозного властителя в дни осады города, по другим — умерших собственной смертью), но вдруг появились со стороны ямы две большие змеи красноватой и зелено-серой окраски, что привело суеверных «искателей богатств» в неопикуемый страх и ужас! Они прекратили поиски.

С приходом на Эцзин-гол мы, разумеется, еще больше расспрашивали об этом таинственном месте. В общем, у всех сведения были более или менее согласные. Особенно резких противоречий не встречалось!

Странно, что здесь, не как в восточн[ом] Туркестане, спроса нет на предметы, нет и поисков за ними. Здесь многие боятся даже проходить там в одиночку. Мои вопросы, мои предложения высокой платы за что-либо, добытое в Хара-Хото, не увенчались успехом. Со стороны же как торгоутского бэйлэ, так и его подчиненных я ни разу не встретил никаких возражений не только против моего намерения посетить Хара-Хото (кстати лежащего на большой исторической, кратчайшей дороге, ведущей в Алаша-ямынь, равно и в монастыри, ютящиеся на Желтой реке), но даже и проводить исследования, до раскопок включительно.

Предполагая пробыть в Хара-Хото, в безводном городе и окрестности, возможно больше, у меня выработалась маленькая программа, простой план, а именно: захватить с собою помимо обоих сотрудников еще Иванова и Мадаева, кроме, конечно, двух проводников — одного от Балдын-цзасака, другого местного торгоута. В то же самое время взять с собою все наличные инструменты для работы и большой запас воды на всех нас семерых человек; продовольственных запасов также. Эти дни я особенно усердно штудировал предварительный отчет М.А. Stein'a, с благодарностью вспоминая усердие друзей Моллер⁵⁹. Таким образом, в два дня организовалась поездка маленьким караваном в 12 верблюдов (7 верховых, 5 вьючных).

19 марта. Холодное, мрачное утро. С вечера у нас все готово. После утреннего метеорологического наблюдения выступаем. Привязанные собаки стали беспокоиться, и одной из них (Лянга) удалось высвободиться и пристроиться, было, к нашему каравану; однако, гренадеры скоро поймали беглеца и водворили на место. Мы продолжаем путь. Я чуть не с места стал разговаривать через посредство переводчика о Хара-Хото, который мы должны увидеть через четыре с небольшим часа времени! Наше волнение увеличивалось и увеличивалось,

в особенности, когда после 3–5 верст юго-юго-восточного движения нам стали попадаться черепки фарфоровой и глиняной посуды, равно гранитные жернова четырехугольной формы с закругленными гранями, гранитные же валы для молотыбы, наконец, монеты и прочее. Вначале мы шли самым прямым курсом. Но проводник, сообщив мне о старой дороге с субурганам, изменил наш маршрут, удлинил на версту-две. Мы, взглянув на одинокий, затем на пять и два субургана, расположенные на известном расстоянии один от другого, еще больше заимели стремление скорее попасть в мертвый город. Наконец показались развалины, справа у дороги, Актан-хото. В них по преданию был сосредоточен кавалерийский отряд, защита Хара-Хото. Эта цитадель устроена на возвышении берега мертвой реки с остовами погибших сухих тополевых деревьев, валявшихся вдоль русла, «старого ложа» вод Эцзин-гольских, некогда омывавших с двух сторон Хара-Хото. По сторонам последнего залегали культурные долины с земледельческим поселением.

Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов. А вот и уголок самой крепости. Еще томительных полчаса и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменистую равнину с запада, где мертвый город весь на виду, вблизи и еще больше манит к своим скрытым сокровищам.

Западными воротами (устроенными совершенно так же, как обыкновенно устраивают крепости и ворота китайцы) мы вошли во внутренность крепости Хара-Хото. Нашим глазам представилась пустырь-развалины. Грустно же то обстоятельство, что песок был присыпан не только с внешних сторон крепости, но он был и внутри ее, в особенности мощным скатом, или дюной у северной и восточной из ее стен. Одни из развалин еще высоко поднимались над поверхностью, как развалины № 1 и прочие, или как таковые, сосредоточенные у юго-западного угла, где, вероятно помещался гарнизон. Сам же начальник, надо полагать, или жил в высоком помещении (несколько комнаток, устроенных на насыпи — развал[ины] № 1), или же в помещении, разрытом «искателями богатств» у северо-западных субурганов, у самой стены. По удобству это лучшее место; отсюда был устроен и вход к субурганам, чтобы любоваться на окрестность. Значительно поднимались над землею и стены большой кумирни, севернее центр[альных] развалин, у самой почти северной стены.

Там и сям стояли субурганы бóльшей или меньшей сохранности. Другие из развалин, многие кумирни (вдоль западной стены), многие жилые помещения были разрушены до основания и представлялись в виде плоских закругленных возвышенностей, увенчанных песком, гравием, перемешанным с массою больших и малых, толстых и тонких, темных и светлых, одно- и многоцветных глиняных и фарфоровых черепков посуды, к которым во множестве примешивались куски и кусочки темных железных или чугунных изделий; медные попадаются редко, еще реже серебряные. По малой диагонали вела проходная улица, среди городских улиц к восточным воротам. Вся внутренность крепости правильно разбивалась на кварталы и проходы. Между теми и другими словно извивалось узкое русло (может быть, редких дождевых потоков).

Дома большие, зажиточные редки; средних много. Валялись и жернова, и другие орудия. Стоило копнуть любой закругленный холмик [бывшего] дома,

как за сухой землей вскоре обнаруживались солома, циновки, устои дерева и прочее, свидетельствовавшие о крыше, обрушившейся внутрь жилища. Откапывая дальше, мы и находили понемногу все то, что в конце составило наше маленькое «собрание предметов Хара-Хото». В центре, несколько поодаль от северной и ближе к южной стене еще имеются развалины большого помещения и насыпной холм, по-видимому, кожевенного завода. Мусорные же кучи можно было найти подле любого дома; в таких кучах мы также рылись и находили любопытные предметы или лоскутки материи. Тут же часто встречалась скорлупа грецких орехов.

Следовало, однако, заметить, что мы остановились лагерем почти в центре крепости, подле развалин № 1. Тихо, одиноко, угрюмо по сторонам, ветер несет песок, взвешиваемый по вершинам стены. Наш лагерь, наши животные внесли оживление. Всюду видно стало жизнь. Показались, конечно, и чеканы, и сойки саксаульные, а вечером пронесся зловещий монотонный голос мохноногого сычика.

С самого приезда мы сразу не могли уравновеситься — брались за одно, за другое, за третье; жадно схватывали то один найденный предмет, то другой. Копали, рыли, ломали, рушили, бродили по поверхности. К вечеру наша большая палатка уже представляла маленький музей, маленькое «собрание предметов Хара-Хото». С истинным удовольствием и глубоким интересом мы рассматривали все найденное. Не забуду той счастливой минуты, когда я взошел с кайлом на вершину развалины № 1 и после нескольких ударов увидел рукописи, бурхана (иконопись) и прочее. Ко мне явились другие сочлены экспедиции (большие или маленькие). Конечно, всего интереснее рукописи — это документы своего рода.

Надо считать наиболее ценной находкой, по отношению к количеству и прекрасной сохранности рукописей, находку в субургане А, найденную утром **21-го марта**, в день моего отъезда из Хара-Хото! Арья и Напалков были так счастливы — раз-другой копнули сверху, с вершины субургана — и такая богатая находка. Может быть, это относится к религиозному вопросу, к памяти большого ламы, или какого-либо учителя религии? Должно быть, крайне интересно, так как косвенным образом полагаю, будет пролит свет и на современников, непосредственно живших в этом, ныне мертвом городе. Так как письма почти исключительно на китайском языке, а чудный золочено-красный, написанный на холсте бурхан также скорее китайского буддизма, надо думать, что здесь жили устроители и управители города также китайцы-буддисты. Письмена монгольские или маньчжурские встречаются редко; несколько больше в нашем собрании — относящихся к тибетскому тексту. Какая масса отдельных тетрадей, отдельных книжек! Среди последних, по внешности, с цветными матерчатыми обложками, более всего занимательны три.

Полагаю, что этими письмами, письмами, добытыми там и сям по развалинам города, равно бумажками, включенными в цацы, будет пролит достаточный свет, чтобы разгадать, кто же жил и когда устроен и кем устроен был Хара-Хото!? Бумажные деньги, медные чохи*, часто хорошей сохранности, также помогут в выяснении этого вопроса.

* Чох — китайская медная монета = 1/6 русской копейки, с дырочкой в середине, через которую продевают веревку; чохи носили в связках.

Очень любопытна глиняная посуда огромных размеров, оригинальных рисунков, служившая, по всему вероятно, для хранения напитков и, может быть, самого существенного, самого необходимого — воды. Загадочна и тонкого фарфора цветная посуда. А бусинки, а гребешки, а серьги, а стремена, вачир, молитвенные, жертвенные чашечки, молоток и многое-многое другое...

На вопрос, кто жил, кто обитал в таинственном Хара-Хото, современные обитатели отвечают: «Китайцы!». Это с первого раза по некоторым же размышлениям находит собственное противоречие — субурганы, предметы буддизма вообще и прочее. Как прекратился, как перестал существовать или жить Хара-Хото? Торгоуты замечают следующее: прежде всего, город Хара-Хото или Хара-байшэн и его главный начальник батыр Хара-цзян-цзюнь существовали в очень отдаленные времена. Мы, торгоуты, пришли на Эцзин-гол уже давно, у нас 10-й управитель-начальник, но мы иначе не знаем Хара-Хото, как только в развалинах, в том виде нашли его и вы. В нашем народе продолжают жить предания, что некогда, очень давно, когда не было и Эцзин-гола, ниже урочища Боток-безрек (а воды из Нань-шаня неслись по руслу более северо-восточному — Хара-башиэнгэн-голу, в далеком низовье образовывавшему бассейн, аналогичный современным Гашун и Сого-нору, бассейн Ходан-хошу, лежавший на северной линии — Гашун-нор, Сого-нор и Ходан-хошу), что будто бы лет еще 75 тому назад, может даже 100, в этой котловине туземцы собирали соль. Старик же, отец нашего проводника Бата, ездил туда в молодости за солью, но не мог добыть ее, так как песок уже будто бы сравнял поверхность и засыпал соль.

В то еще отдаленное время, когда жизнь Хара-Хото была ключом, откуда-то пришли враги и осадили город. Но так как войско батыра Хара-цзян-цзюня тоже было стойко, то пришельцы, подумав-погадав, решили не воевать оружием, а всю наличную силу истратить на отвод реки в другую сторону. Местные физические условия грунта этому вполне удовлетворяли, вода потекла к югу, хара-хотосцы частью перемерли, частью бежали в какой-то город Дугу, на этом жизнь города прекратилась. Пришельцы разграбили, разрушили и тоже были таковы... На этом все и окончилось! Жизнь замерла, город опустел, воды не стало. «Все поросло травой забвенья», все прикрыто сыпучим обильным песком.

Пески надвигаются, главным образом, с севера. Рисунки, точные фотографические снимки дают понятие о том, какой мощности они достигают с внешних сторон крепости, равно и внутри ее. Достаточно упомянуть, что по песчаному заложению, мы свободно поднимались или опускались со стен, мало этого, наши верблюды также дважды взбирались на вершину северо-восточного угла или на вершину западной стены, и только очутившись в безвыходном положении, подойдя к пропасти, начинали, видимо, беспокоиться и трусить за свое безвыходное положение.

Не знаю, как будут удачны мои снимки, я фотографировал и с внешней, и с внутренней стороны. Фотографировалась и зарисовывалась в отдельности и находящаяся одиноко (с юго-запада) магометанская постройка, нечто вроде мечети.

Восточные ворота, выводящие за стену, на пригорок, на развалины домов и субурганов, устроены, как и западные, но не строго один против других: западные ближе к южной стене, восточные — к северной. Хара-Хото омывался двумя

рукавами речек с северной и южной стороны, сливавшихся затем в северном направлении в общее русло.

За интересным делом, за всякого рода наблюдениями время бежало страшно быстро. Сокровища наши обогащались с каждым последующим часом. Наши проводники, глядя на нас, на наши поиски и успехи, отбросили страх и стали помогать нам фактически. С сумерками активная деятельность наша прекращалась. Мы работали на Хара-Хото пассивно, записывали, кое-что укладывали, делали обобщения, где лучше на следующий день производить раскопки. Каждый по возможности намечал себе район и в нем без усталы рылся, копался, разглядывал.

Настал и день предполагаемого отъезда. Но жаль было расставаться с «нашим» Хара-Хото, как мы стали его называть, мы успели познакомиться, свыкнуться с ним, с его скрытыми тайнами; между ним и нами установилась связь, связь духовная, тесная.

После некоторого обсуждения А.А. Чернов остался с Мадаевым еще на двое суток, я уехал с Напалковым и Ивановым с проводниками и животными в главный бивуак. Там предстояло свидание с торгоутским бэйлэ и производство астрономических работ.

На бивуаке нашем оказалось все благополучно и люди наши с живым нетерпением ожидали нашего возвращения, нашего результата. Интересно, накануне за вечерним общим чаепитием я попросил балдын-цзас[акского] проводника, ламу, погадать нам о завтрашнем дне, то есть о 21-м марта. Он сжег можжевельник, помолился, почитал вслух молитвы, затем принялся за гадание, результатом которого было предсказано: 1) необычайная, интересная находка Мадаева и 2) добыча путем охоты зверя на пути к дому (я убью по дороге дзерена). Точь-в-точь так и случилось: Мадаев и Напалков наткнулись на богатую находку в субургане А, а я, действительно, на пути к главному бивуаку убил отличного самца хара-сульту.

Пребывание на правом берегу Эцзин-гола, в ур[очище] Торай-онца

22–23 марта. Утро первого дня прошло в хлопотах по снаряжению помощи и продовольствия нашим харо-хотинским отшельникам — А.А. Чернову и Мадаеву. Туда отправлено двое гренадеров с монголом-проводником, с запасными верблюдами для возвращения отшельников. Затем надо было рассчитать балдын-цзасакцев и распорядиться о снаряжении, о заготовке сухого мяса на предстоящий тяжелый переход по пустыне Алашаньской.

Тихие монотонные берега с восточным рукавом Эцзин-гола мало представляли отрадного, весеннего. Если и случались ясные, теплые, лучшие проблески, в которые весенняя жизнь шла ускоренным ходом, как на следующий день уже воздух сердито шумел от западной или восточной бури. Эти два течения очень часто сменяли друг друга; с востока приходила очень густая пыль, омрачавшая воздух, с запада ее угоняло течение обратно, и к окончанию бури воздух очищался. Препараторы аккуратно экскурсировали в северном и южном направлениях долин и скупно вознаграждались за неутомим[ость] охоты.

В окрестности жила пара фазанов, и наши препараты усердно ходили за ней дважды в день. Фазаны постоянно удалялись перемещением на противоположный берег; досадно было охотникам, специально ради фазанов, перебродивших речку. И все напрасно. В конце концов, самец был добыт. Как ни бедна река, а все-таки она давала себя чувствовать. Вдоль ее берегов нет-нет, да и протянет стадо гусей, стая лебедей, крикливая чайка, тихим, неслышным полетом черный аист и прочие. Вначале раздавалась вечером протяжная песенка *Rhopophilus*, но препараты напугали пустынных певуний (парочку) и удалили.

Над бивуаком часто проносились черноухие коршуны, свистели в воздухе и с быстротою стрелы бросались на куски развешанного мяса. За их дерзость наказывали выстрелами из дробовых и нарезных ружей. Частенько мои молодцы упражнялись в стрельбе из винтовок в тех птиц, которые усаживались точками — шапками на возвышениях.

Речка то поднималась своим уровнем, то опускалась, постоянно неся за собою массу земляных частиц осадка. Терпеливый усердный А.А. Чернов занимался определением количества грязи, несомой мутными волнами этой речки.

Ранним утром следующего (**23 марта**) дня к нам пожаловал торгоутский бэйлэ Хагочин-торгоут-Даши-бэйлэ с визитом в сопровождении одного из своих чиновников — зангинов (украшенного розово-красным шариком). Высокий, худошавый, с киргизским лицом управитель торгоутов выглядел не старым, моложе своих лет (50), с манерами чисто китайскими. Приниженный, забитый как будто, он старался на все мои вопросы ответить положительным образом. Весьма возможно, что это и не забитость, а только вежливость, своеобразная благовоспитанность, внушенная, привитая китайцами и проявленная, как результат писем моих хороших знакомых — монголистов. Основными вопросами были предъявлены два: доставка экспедиции с Эцзин-гола на Алаша-ямьнь через пустыню центральной Монголии и свободное посещение Хара-Хото. Нужны были животные, проводники, а, главное, определенно указывалось много дорог через Хара-Хото, Гойцзо в Дын-юань-ин. Короче, самая кратчайшая, самая новая диагональ — неизученный, старинный, исторический путь, некогда связывавший Хара-Хото с Желтой рекой, с обителями ее долины.

Не отказывая ни в чем, бэйлэ только извинялся за бедность своих владений, за бедность и малонаселенность. Его владения многократно подвергались магметанскому разгрому. Теперь он снарядит нас всем, что мы ни спрашивали: и людьми, и животными и даже кое-чем из продовольственных запасов — мукой, сахаром, гуамяном и прочим. Баранов, для продовольствия и заготовки сушеного мяса, мы также покупали у бэйлэ.

Говорят, он очень жесток и богат. Он поднялся в управители случайно: по болезни (душевной) молодого управителя, сына старшего брата, ламы в настоящее время. Случайно, мы его встретили в Бага-мото. Управляет он своими торгоутами около десяти лет. Всех подчиненных у бэйлэ до сотни юрт, большинство с малым достатком. Семья состоит кроме самого бэйлэ еще из его престарелой жены и семи человек детей — трех сыновей, четырех дочерей. Старший сын — лама, в наше время временно управлял монастырем, соседним с низовой ставкой бэйлэ — Даши-чойлэн; следующие двое малолетних сыновей (фотогр[афии])

еще ребята, около 9–11-летнего возраста, старшего готовят в управители. Дочери, частью — большинство — замужем, меньшинство в девицах.

Бэйлэ с визитом засиделся у меня довольно долго, завтракал, пил чай и с удовольствием курил сигару за сигарой, обкурил меня так «сердечно», как это проделывал в свое время только И.Л. Фатеев. Я остался на всю половину дня со страшной головной болью.

На память я снял с бэйлэ фотографию — два снимка, но ему за это должен был дать свой портрет. Бэйлэ как диковинка был показан граммофон, производший то же самое впечатление, что и у Балдын-цзасака. И здесь больше всего понравилась пластинка «подражание собаке» и прочим, затем марши, хоровые песни с гармоникой и тому подобное.

Уезжая, ван выразил свое удовольствие и несказанное явно желание принять меня с товарищами у себя дома.

Вечером этого дня возвратился из Хара-Хото А.А. Чернов и его спутники. И это лишнее пребывание дало новое интересное дополнительное увеличение «предметов Хара-Хото».

Арья, как охотник-препаратор, выследил сычика на стене у субурганов в глубоких сумерках и казнил. Не стали больше раздаваться в Хара-Хото зловеющие звуки хищника...

24 марта. Время проходит в самых разнообразных занятиях. Иванов все готовит мясо на пустыню. Я повторяю астрономическое наблюдение. Чернов усердно заносит свои геологические наблюдения и занят соображениями о приведении в систему сведений о низовьях Эцзин-гола. Кое-чем занимается и Напалков, но с какой неохотой, с каким принуждением. По вечерам, мы стали выносить граммофон на открытый воздух и им услаждать себя. Это тем более кстати, что мы здесь писали письма — вести на родину родным и друзьям. Хара-Хото, интересные находки и, главное, слухи у бэйлэ о движении из Урги через Гурбун-сайхан европейской экспедиции заставили нас засесть за предварительные отчеты, за выделение кое-чего из писем для отправления в Санкт-Петербург. Пришлось писать и в Географическое общество, и в Императорскую Академию наук. Страшно интересно: большой сбор хорошей сохранности документов-писем поможет ли доискаться, помимо духовных вопросов, еще до гражданских, исторических о жизни и положении города?

25 марта. Следовало раньше заметить, что уезжая от нас, ван получил подарки, но не все из них взял с собою. Например, часы и музыкальный ящик оставил с целью, чтобы двое его подчиненных выучились обращаться с ними.

Накануне дня Св[ятого] Благовещения нам были присланы по распоряжению вана верховые лошади и проводник. Без последнего движение по крайне запутанной местности долины Эцзин-гола невозможно, по зарослям и буграм не попадем куда надо. С другой стороны, ставка бэйлэ была запрятана за четырьмя грязными, один многоводнее другого, последующий предыдущего, рукавами, между которыми, там и сям, устроены колодцы (часто с солоноватой водою). Это обстоятельство устройства колодцев в долине речки связано тесно с непостоянством характера местной гидрографии, с непостоянством течений по одним и тем же рукавам.

Холодное, пыльное, ветренное утро сопровождало наш выезд в гости к торгоут-бэйлэ. Мы последовательно пересекли два рукава, прежде, нежели

достигли кумирни и красивого белого нового субургана вблизи нее, а затем еще два [рукава], более многоводных и нудных по переправе, с глубиной выше стремени, с тонким илистым дном, затыгивающим лошадей. Мы, кроме Напалкова, переправились благополучно, наш же капитан, храбро выступавший за проводником и говоривший, что он еще ни разу не падал с лошади, свалился в воду и вышел мокрый, словно курица. Мы смеемся, ему бедняге не до смеха, ему <слово неразборчиво> ванна не желательна. Переправившись через все рукава и проследовав вблизи обо, между 3-м и 4-м рукавами, мы увидели, а вскоре затем и прибыли в ставку бэйлэ.

Наш проводник Бата заранее сошел с лошади (все подчиненные начальника обязаны проходить в виду ставки бэйлэ, ведя в поводу лошадей), мы же подъехали к коновязям, спешились, отдали лошадей встретившей челяди и направились вовнутрь двора-крепости, имевшей издали вид сада, огороженного частоколом. Только садовые деревья здесь заменялись классическим тамариском, росшим довольно пышными деревьями. Среди тамарисковой рощицы ютились юрты управителя, в одной из которых толпилось много народа; нарядно одетые женщины перебирались в другое помещение, украдкой посматривая на нас; здесь же стоял сам бэйлэ с чиновниками, в параде, вежливо встретивший нас и пригласивший зайти внутрь его жилища. Хозяин дома, видимо, волновался: и голос, и руки дрожали. Значительно спустя, он справился с собою и принялся нас угощать капитально пельменями и китайской едой в чашечках. Сначала же, да и потом, все время подавали чай с русскими усадлами: мармеладом, бел[ым] сахаром и прочим. Особенного внимания с нашей стороны заслужили пельмени и печеный хворост. Давно мы не лакомились так, как угостил нас бэйлэ. Теперь он получил от нас подарки и часть серебра, сто лан, доплатных сто пятьдесят, полученных незадолго до нашего оставления Эцзин-гола.

Во время пребывания у бэйлэ мы разговаривали сравнительно мало, да и разговоры были шаблонные. Интересного об интересовавшем нас Хара-Хото он ничего не сказал, даже, видимо, избегал такого разговора. Сказал, впрочем, что он и его народ степные дикари, ничего не знают, наукой не занимаются, не понимают ее, совсем не то, что мы, русские. Бэйлэ также заметил, что Хара-Хото торгоутский народ, насчитывающий у себя десятого начальника, иначе не знает, как в развалинах; что он, бэйлэ, не стесняет подданных отправляться «попытать счастья», поискать кладов, но, продолжал он, как видно никто ничего особенного не нашел, чтобы заслуживало показать нам или воспользоваться. Бата говорил, однако, мне, что ходят попытать счастье, главным образом молодежь; хаживал и он молодым, но «путного» ничего не видел, ничего не нашел. Наталкивало же его отправиться туда то обстоятельство, что он от старых людей слышал, что прежние «искатели» вознаграждались иногда крупным успехом: находили серебро и золото. Я лично ни у кого из торгоутов не видел ни одного предмета, добытого ими в развалинах. Стали, собственно, интересоваться они после того, как видели наши радостные, счастливые лица каждый раз после отыскания новых предметов. Возможно, что для следующих исследователей торгоуты что-нибудь припасут.

Кое-что мне удалось спросить у торгоутов об их прошлом, но это кое-что, действительно, очень ограничено.

Эцзин-гольские торгоуты пришли сюда несколько сот лет тому назад с Кобук-сайра [из Джунгарии]. Нынешний управитель Хагоучин-торгоут-Даши-бэйлэ считает себя десятым управителем (он украшен темно-вишневым шариком), первым управителем торгоутов был <пропуск текста>. У местных торгоутов большие родственные связи с кобук-сайрскими торгоутами. И те, и другие пользуются случаями завернуть друг к другу и погостить. В передний путь оставляется исхудалый скот [отъедаться], берут свежий, в обратный — получают свой здоровый и сдают по принадлежности усталый. В наш визит к бэйлэ у него проживала жена кобук-сайрского вана, которую в ее паломничество в Гумбум сопровождал цахиракчи ее мужа — чиновник с красным шариком на шляпе, являвшийся ко мне с хадаком поздороваться, познакомиться. Когда я разговорился с ним об их родной стране Джунгарии, когда цахиракчи понял мое знакомство с ней, мое знание и в общем, и в частности, он стал еще более любезным, выражая в будущем желание свидеться у его господина — вана.

Этому обстоятельству я должен быть обязан и высокому ко мне вниманию, хотя и заочно выраженному, ванши, сожалевшей, что этикет не позволил ей со мною познакомиться здесь, тем не менее она выражает мне приветственным хадаком лучшие пожелания в моем далеком путешествии и у себя дома расскажет о хорошем впечатлении, произведенном русской экспедицией в доме Даши-бэйлэ.

Для иллюстрации нашего пребывания в гостях бэйлэ помогут, если удачны, мои снимки, снятые с семьи и ставки гостеприимного хозяина.

В частных разговорах с ближайшими чиновниками бэйлэ я узнал, что проезжие чиновные люди — китайцы ложатся тяжелым бременем на торгоутское население и что, поэтому, торгоуты по возможности стараются уклониться от таких амбаньских повинностей, и что даже, когда здесь следовал Далай-лама с множественной свитой и походным огромным хозяйством, бэйлэ вначале почему-то также дерзнул отказать Его Святейшеству. Своенравные тибетские курьеры пришли в неистовство, силой, угрозами приказали выполнить «албан», чиновник-адъютант бэйлэ, позволивший было что-то сказать против, был наказан нравственно (а, может быть, также и физически): ему обнажили голову, сорвав фирменную шляпу и разбили полковничье отличие — розовато-красный шарик.

Надо полагать, что когда бэйлэ получил от нас подарки и почти все, сразу, наличное серебро — свыше двухсот пятидесяти лан, он был очень тронут и прислал мне утром, **27 марта** в подарок пару (хороших, а одна и оригинальная по окраске) лошадей. В другое время, в ином, горном кормном месте я воспользовался бы любезностью бэйлэ и принял бы его подарок, но здесь, у порога пустыни великой, у начала большого «исторического» пути, мне пришлось отказать от такого бэйлэйского внимания.

Как они, номады, плохо понимают уклад европейцев! Сколько раз я наглядно давал понять, что меня интересуют в высшей степени шкурки кошки диц[ой] — цогонды, или какой-либо предмет, характеризующий буддийский культ, а не предметы, высоко ценимые номадами.

Так или иначе, понявший, видимо, это Даши-бэйлэ, **28 марта**, явился неожиданно рано, так рано, что мы еще были в постелях и совершенно просто, по-домашнему одетый, с выражением своей благодарности и пожелания счаст-

ливой дороги. Бэйлэ, доставая роскошный хадак, спросил: «Справедливо ли сведение, что вы симпатично относились к нашей религии и уважаете ее догматы?» Я ответил в утвердительном смысле и бэйлэ, достав из-за пазухи бурхана в хадаке почтительно (приложив его с благоговением предварительно к своему лбу) вручил мне его, говоря: «Это мой, с ним я расстался только для того, чтобы доставить вам приятное, вы не приняли лошадей» и прочее.

Так закончилось наше пребывание на берегах Эцзин-гола, на берегах столь интересных, поучительных.

Повторяю, очень много аналогичного в низовьях реки Тарима и Эцзин-гола и это тем более любопытно, что названные реки текут в различных направлениях: первые к югу, вторые к северу. Вполне разделяю мнение геолога А.А. Чернова, что любая бы из европ[ейских] стран на Эцзине устроила бы наблюдательную станцию и следила бы за изменением реки, и за передвижением сыпучих песков и образованием грандиозных барханов.

Указываю, что низовье Эцзин-гола приманит к себе пытливых людей — и физиков, и этнографов, и археологов. Наблюдения вверенной мне экспедиции как над Эцзин-голом, так и Хара-Хото подняли высоко завесу и открыли общий вид. Думаю, это вызовет большое желание специалистов приблизиться вплотную и рассмотреть, познакомиться глубже.

Оставляя Эцзин-гол, мне очень жаль, что я так недолго пробыл в Торцо на берегах Сого-нора, и это тем более будет досадно, что пустыня Алашаньская не оправдывает нашего опасения наступлением ранних жаров в ней, которые одни только и не дают мне там или там провести лишних два-три денька.

Исходя из того же сожаления, я, желая провести лишний день в Хара-Хото, отправляю утром, накануне, трех своих младших спутников во главе «счастливица» Арьи. Предоставляю ему полную свободу действия.

Сами сидим и дописываем письма. А.А. Чернов затянулся отчетом, заинтересовался гидрографией Эцзин-гола и, начав писать только маленькую заметку, невольно написал общий взгляд. Для этого ему пришлось напрячь силы и последнюю ночь писать до утра, когда была запакована почта и слана заждавшемуся гонцу-торгоуту, командированному бэйлэ до Балдын-цзасака.

29 марта. Хмурое, холодное утро! Восточный ветер понизил температуру и омрачил воздух. Горизонт короткий. Мы идем, держась почти строго южного направления. Дорога с субурганами осталась западнее. На этом пути мы в середине отметили тоже развалины — крепость с внутренностью, двором 50×60 шагов. Здесь был приют, по преданию, живущему среди торгоутов, земледельцев, как развалины Актан-хото — приют кавалерийского отряда. Несмотря на то, что я уже достаточно был знаком с Хара-Хото, по мере приближения к последнему меня больше, сильнее он тянул и манил к себе, то же ощущали и мои новички-спутники. Вот и знакомые шпицы субурганов, венчающих собою северо-западный угол крепости. Еще десять минут, и мы проходим логом среди песков и поднимаемся на террасу, на которой залегает Хара-Хото. С севера и <слово неразборчиво> пески грозно приближаются к крепости, ведут атаку — второй физический удар (первый — лишение воды) и окон[чательно] погребут [город].

Указав направление через западные ворота для движения каравана, я проехал прямой дорожкой в северную брешь и сразу очутился в знакомом городе —

своем Хара-Хото. Подъезжая на верблюде к бивуаку, мне издали уже стали видны мои спутники, работавшие в юго-восточном углу развалин, над ними вилась пыль столбом.

Арья меня порадовал добавлением тяжелых металлических предметов, вроде круглой, овальной доски, стремени, новых монет, новых писем и прочего. Устроившись лагерем и попив чаю, мы все, кто где, группами и в одиночку стали вновь пытаться счастья — искать. К вечеру энергия падала: люди были набалованы прежними, первоначальными успешными находками; теперь, копнув немного безрезультатно, меняют места — не стало прежней энергии. На этот раз в течение дня более других обогатил «сбор» Гомбо Бадмажапов, экскурсировавший по поверхности и нашедший около восьми монет.

Вечером люди скоро уснули с мыслью назавтра, **30 марта**, последний раз поработать. Из Хара-Хото мы должны были выступить в полдень. Ночь быстро спустилась на вечно сонный отживший город. Я еще гулял по развалинам, меня сопровождала мысль, скоро ли явятся сюда более детальные исследователи, специалисты? С другой же стороны хотелось разгадать тайну писем. Ужели они не скажут нам, кто и когда жил?! А как ведь интересно знать все это! Что заключено на страницах так хорошо сохранившихся писем субургана А и многих других?

31 марта. Холодное утро, более, нежели прежде. Предоставляю самостоятельности каждому искать и рыться, кто где пожелает. Забайкальцы сосредоточились на соседнем доме (в 80–100 шагах к северо-востоку от разв[алин] № 1), стали усердно копать землю до пола. Успех значительный, найдены: вачир, четки, чашечка, гиря, молоток и другие предметы. Санакоев в это время работал у субургана А, по-видимому, обставленного пристройками, заключавшими в себе большие глиняные бурханы. Ему (Санакоеву) удалось добыть маленький бурханчик, несомненно, китайского типа и китайского изделия из мыльного камня. После изучения и определения этого бурханчика я его оставляю себе на память — единственную вещицу из Хара-Хото.

Находки всегда поднимают дух и силы «искателей», они с удвоенной энергией принимаются за дело! Но всему бывает конец. Я уже начал складывать последние находки, последние «предметы», как вдруг монголы-ламы тащат собрание однообразных по виду и различных по размерам китайских рукописей или, быть может, оттисков с красною правительственной печатью. Эта находка, хотя и повторная, но с отличным видом сохранности, предполагаю, в значит[ельной] ст[епени] осветит время!* А может это денежные знаки?⁶⁰

В конце концов, мы также можем считать свою добычу, как европейцы, не пакетами или мешочками, а ящиками: у нас их три-четыре, притом довольно много писем.

Итак, прощай, Хара-Хото! Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут, ты, невольно, открыл мне новую отрасль занятий, новую пылкость. А кто знает — какая, быть может, еще великая радость впереди... Во всяком слу-

* P.S. После я узнал, что Содбоев (юный и умом, и летами) наткнулся на скр[ытую] в южной стене комнату, пустую, с куполообразным верхом, на окне он нашел только одну монету.

чае о тебе говорилось много, начиная с самого Петербурга, дороги и Урги, везде ты занимал меня. Прощай, отживший приятель, ты раньше других воскреснешь, и память о тебе победит по всему ученому миру.

Выступили в теплое ясное состояние воздуха. Еще больше, нежели прежде, я стал уверен в том, что островная терраса города кругом омывалась водами Нань-шаня, что по обе стороны текли бол[ьшей] или мен[ьшей] мощности речки, что хара-хотосцы часто запасали воду в большие посудины или при своих поездках по соседней пустыне принуждены бывали такие запасы брать с собою. Особенно широкий оазис-пригород распространился к западу, а к востоку население Хара-Хото занимало всю внекрепостную террасу. На этой террасе еще стоят открытыми такие же развалины построек, какие мы находим и внутри крепости.

Настоящее русло (прежнее русло с востока-юго-востока или точнее, с юго-востока), выражено явственно; с течением времени здесь образовались те породы растений (тамариск, саксаул), которые имеют способность достать себе питание — влагу со значительной глубины, они приспособились, живя в песок[ах] и пыли.

За руслом, круто обставленным с обоих берегов (в обрывах или сами обрывы состоят из ханхайских отложений то серых, то красных), мы поднялись, словно на пустынную, пестро-каменистую скатерть, с которой, вскоре, по миновании двух-трех логов, направлявшихся, как и рукава хара-хотоской реки, от юга к северу, увидели цончжи — глинобитные башни-маяки, отчасти напоминающие таковые, устроенные современными китайцами в Кашгарии. Башни эти имели назначение служить придорожными знаками-указателями с одной стороны по «исторической» дороге к Желтой реке, а впоследствии к Дын-юань-ину (Алаша-ямыню).

Другая линия башен шла в поперечном направлении. По словам проводника Янхо, от Гань-чжоу, к северу в Халху⁶¹ — в Да-куре. Многие из башен еще уцелели, но многие продолжают стоять в широкой пустыне, в той пустыне, которая своею частью оставалась неисследованной. Нам стоило только вступить на дорогу, по характеру хрящеватой местности, как легко было догадаться, что дорога эта большая, древняя. Тот же проводник сообщает, что по направлению к Алаша-ямыню часто будет видна эта дорога по хрящеватому грунту и [будет] постоянно теряться в местности, засыпаемой сыпучими песками.

В общем, говоря вначале конспективно, Эцзин-голо — (низовье) Хара-Хото — алашаньский рейс, довольно краткий, но и довольно трудный. Его можно разделить на три части: маленькую пустыню с запада до Гойцзо, лучший уголок пустыни, Гойцзо, где можно идти с легким роздыхом, запастись силами, чтобы иметь возможность переплыть третью, в три—четыре раза бóльшую пустыню, состоящую из песков, выветрелых красных или розовых гранитов, гряд, холмов и целых горок, где вода, главным образом, колодезная, где из растительности камыш, саксаул, тамариск, кендырь или, реже, целые аллеи тограков, сопровождающие галечные, сухие обыкновенно, русла, где население крайне редкое и проч., и где, в заключение, можно рискнуть, пройти лишь зимою, весною или, лучше всего, осенью, но никак не летом, где голубое небо можно видеть крайне редко, но пыльная дымка постоянно висит в воздухе, благодаря ежедневным ветрам, часто переходящим в бурю.

Крайне скучно путешествовать по такой однообразно-монотонно-мертвенной пустыне. Не нужно никогда в пустыне долго оставаться, это строгое правило. Путешественник в ней тратит силы, энергию, все то, что так необходимо в далеком путешествии. В пустыне является или может явиться даже и у сильных натур, у таких людей, которые беззаветно преданы делу исследования природы, апатия или упадок духовной силы, нравственной мощи. Я только пустыней и объясняю, что много раз нынче мне бывало страшно тяжело, страшно скучно, сердце сжималось до боли (между прочим, **31 марта**) именно в недрах пустыни. Тяжесть впечатлений увеличивается, может быть, и потому еще, что последний самый тяжелый период пустыни пришелся на весну, когда особенный подъем нравственных сил, особенно увлечение природою, а здесь мертвенность, запустение. Дай Бог, скорее горы, горы, да еще лесные, с шумными, пенными студенными водами.

Довольно. Перейдем к реальной действительности. Стоило подняться на правую террасу берега, оглянуться назад, как город Хара-Хото, его серо-грязная, землистая крепость почти совершенно потонула в пыльной, серой мгле. Я старался вглядываться вдаль: на юго-восточном горизонте виднелись длинными рядами или островками ханхайские отложения. К тем из них, которые лежали на нашем пути, чаще и обращались наши взоры. На них, кое-где стояли цончжи, эффектно игравшие в мираже. Первой нашей станцией от Хара-Хото также была цончжи — Боро-цончжи, где залегают, между прочим, довольно хорошие пастбища, где ютились туземцы со скотом, где проходила граница торгоут-бэйлэ и Алаша-цин-вана и где, с юга на север, проходит путь Гань-чжоу — Да-куре.

Боро-цончжи высится на характерном красном ханхайском острововидном пьедестале-возвышении. По сторонам жметя равнина с камышом и спорадически разбросанными тограками. Водный горизонт проходит вблизи, не более двух-трех футов, чаще даже и того меньше.

В долине Боро-цончжи, между прочим, мы встретили монголов, смешанных пришельцев с разных мест — с северных и юго-восточных или северо-западных хошунов, живших здесь в это время в небольшом еще числе. Летом же, по словам наших проводников, их здесь бывает довольно много. Здесь же нам попался на глаза в компании с монголами и китаец, своего рода Хлестаков, заручившийся бумажонкой, вероятно, подделавший таковую, вроде бумаги, выданной из управления. С этим документом он приставал к темным монголам с требованием немедленно возвратиться в свои родные места или они должны были платить за это известную сумму. Говорят, что подобного рода мошенничества в пустыне совершаются нередко, конечно, только со стороны выжиг-китайцев. Сами же монголы — народ довольно честный, добродушный и очень далекий от каких-либо мошенничеств, в особенности по отношению к чужой собственности. В этом легко убедиться при виде оставленных монгольских жилищ, не всегда запертых на замок, а частенько закрытых лишь ремешком. Раз жилище без обитателей, этого достаточно, чтобы знать и видеть запрещение входа туда.

Через Боро-цончжи проходит бол[ьшая] дорога из Гань-чжоу в Да-куре, по которой ходили, говорят, не раз дунгане — инсургенты⁶². За кормною долиной Боро-цончжи опять пустыня, встают и приближаются от юго-востока к северо-западу высокие песчаные барханы, своими языками стремящиеся в северном

направлении. Наш путь проходил, то отсекая их, то попадая в их сплетение — в маленький лабиринт, и блуждая в нем. Дорожки, тропинки уничтожаются ветрами, лишь кое-где еще можно видеть помет животных. Монголы имеют в песках обо из саксаула, поставленные на возвышениях, на ребрах песчаных высот. Проходя среди барханов в то время, когда дует ветер, видишь движение песка. Последний несется, словно поземка снежная, гонимая ветром. Вершины же барханов положительно живут, действуют как вулканы, дымятся. Это в ветер, большей или меньшей напряженности. В бурю же положительно трудно стоять лицом к ее направлению, не только песок, но и довольно крупная галька несется в воздухе и чем выше, тем легче, и сечет до острой боли лицо.

Пески построены довольно типичными барханами, главным образом, меридионального простираия; красивыми змеобразными грядами они залегают тут и здесь на нашем пути, но самые массивные все же отстоят к югу. До 200–300 и более футов высятся гиганты барханы, имеющие довольно крутые то оба склона, западный и восточный, то, чаще, западный, как наветренный, пологий и плотный, и восточный, подветренный, крутой и рыхлый. Барханы то теснятся друг к другу, то стоят раздельно, вытягиваясь по равнине змеями. В промежутках барханов залегают то песок значительной крупности, расположенный волнами, то оголенные блестящие площадки с налетами соли; нередко также, у подножия круто ниспадающих барханов полулунные углубления, в которых имеется вода на поверхности или очень близка к ней. На подобных местах туземцы останавливаются привалом или на ночлег и зовут их обыкновенно норами, то есть, озерами. Пески по нашей дороге, то сближались, то вновь размыкались (крылья из барханов), давали нам простор или вновь сжимали нас.

Преобладающей растительностью в песках были камыш, саксаул, реже тamarisk или *Synotrag[um] soccin[eum]* и прочее. Из животной жизни — бедность; зайцев почти нет, более же мелкие грызуны, в особенности песчанки, встречаются нередко. Среди песков мы встречали пролетавших пролетных птиц: гусей, плиску, садив[шихся] над проход[ящим] кар[аваном], седого луна и прочих перн[атых] стран[ников] к северу. Ящерицы еще спали, змеи только проснулись, жуки (*Carabus*) энергично забегали. Пески сменяли саксауловые заросли, саксаул — песчаные барханы.

Через 75 верст от Боро-цончжи (в Боро-цончжи, между прочим, проходит восточная граница владений торгоут-бэйлэ и западная — Алаша-цин-вана), экспедиция пересекла маленький участок пустыни и с последнего песчаного кряжа-увала увидела широкую, далеко убегающую к востоку долину Гойцзо, ее западный край, отливавший желтизной волновавшегося от ветра камыша. Лучшему, более широкому виду мешала все та же пыль, висевшая в воздухе. Однако горные кряжи и высоты отдельные, как Хайрхан (южная окраина горного поднятия Эргу-хара) видны были довольно отчетливо. Барханы отступили к югу и дали простор долине Гойцзо, этому заметному понижению, этой наиболее глубокой впадине — около 2500 [футов] над уровнем моря, граничащей с севера поднятием горных пород, с юга, также, но только засыпанных высокими песчаными барханами.

Подъезжая к первому колодцу Гойцзо с запада — Оролгэн-худуку, мы подняли небольшую стайку, по всей вероятности, пролетных больших дроф, тотчас

улетевших в северном — северо-западном направлении. Движение по долине у всех у нас подняло дух, здесь глаз с удовольствием останавливался как на проявлении жилищ человека, его табунов, так равно, и на животной жизни — хара-сультых, зайцах, но, главным образом, на пернатых, тут и там пролетавших вдоль горизонта. Часто встречаемые источники воды, то в виде ключей, то отдельных озерков, окаймленных высоким камышом, — все это в сумме напоминало Цай-дам, но только в меньшем размере. Местные обитатели ютились подле высоких камышовых зарослей, в которых домашний скот находил готовые отличные стойла и днем, и ночью. Высокий камыш напоминал таковой [на] Лоб-норе.

Прелестный теплый ясный день в Хашата закончился еще более прелестным вечером, когда поднялась Луна и красиво озарила долину. Гуси, лебеди и другие пролетные крупные птицы нередко подлетали к нашему озерку и потом или усаживались на него, или же, прокричав раз-другой, уносились дальше. Днем, на озерке, держались табунки уток, преимущественно чирят [чирков], нисколько не стеснявшихся нашим соседством. Вечером прилетали гуси, квакали всюю лягушки. Словом, чувствовалась на каждом шагу жизнь.

Я еще раньше решил идти по долине Гойцзо небольшими переходами, с одной стороны, для отдыха, с другой, для большего ознакомления с нею, с продолжением развития весны.

В общем, долина Гойцзо представляет значительную по размерам котловину, протянувшуюся от востока-юго-востока к западу-северо-западу, согласно ориентированию и горных гряд, и холмов. Приблизительные размеры ее таковы: в длину около 80–90 верст, в ширину от 10–15 в узких и от 20–30 в широких местах. Сама же Гойцзо, как кормная долина, как таковая в представлении туземцев несравненно меньших размеров. Ее границы растительности непосредственно приближаются к ханхайским отложениям, ханхайским массивам, массивам, погребаемым песками, но имеющим затейливые очертания. Эти очертания издали напоминают развалины городов, окруженных стенами, на окраинах, словно обдутые, обточенные богини. В ханхае⁶³ А.А. Чернов нашел кости жив[шего] древ[него] чел[овека].

Очень интересно то обстоятельство, что источники вод в Гойцзо заполняли собою большие или меньшие бассейны на дневной поверхности, не на самом дне общей котловины, а на второстепенных частных котловинках, располагавшихся, словно на подошве южных высот.

В Гойцзо мы тотчас нашли жителей, через сведения которых чувствовали себя уже приближенными к цели нашего движения, к Алашаню.

Здесь появлялись торговцы-монголы по своим делам. Заявился в наш лагерь и лама, незнакомец-знакомец, казначей нашего подводчика, взявшегося доставить и теперь доставившего нам экспедиционный транспорт, вверенный Четыркину. От этого человека мы знали, что Четыркин прошел благополучно в Алаша-ямынь, что имел двухдневный отдых в Цзагин-худуке, местожительстве нашего подводчика и прочее. Лама этот отыскал гойцзоского старшину, которому я вручил письмо с наказом послать его в Алаша-ямынь, Бадмажапову, у которого приютился транспорт.

В Гойцзо мы встретили высокую, сравнительно, температуру воздуха днем, но довольно низкую по ночам. Обилие водных источников, болот отражалось:

по вечерам и даже днем летали комары. Особенно памятно по удобству стоянок два урочища — Нор и Зуслэн, располагавшиеся рядом друг за другом. В первом случае, вблизи нашего лагеря, рядом стояли озера с камышом, скрывавшим нас. На озерко прилетали гуси, утки, лебедь, вокруг нашего лагеря неслись их оживленные голоса, над камышом сновали коричневые луни. Здесь ловили жуков-водолюбов и других. Здесь же имели хорошую охоту, и здесь мне посчастливилось застрелить дикую кошку «цогонду», которую искал с самого Эцзин-гола. Дикая кошка ютилась в зарослях камыша, по берегу (сухой части), вероятно с целью караулить птиц и схватывать их в то время, когда последние выходили на берег отдохнуть. Кошка держала себя очень доверчиво к человеку, не убегала при виде нас, и только пустилась на уход тогда, когда мы, несколько человек, приблизились к тому тамар[исковому] кусту, под которым она скрывалась, совершенно вплотную. На рану она очень крепка: пробитая дробью № 2 в лопатку, она имела возможность пробежать саженей 30–40, прежде, нежели упала мертвой. Помимо отличной шкурки и скелета мы попользовались ее будущим, погибшим также с ее смертью, потомством — тремя котятками (поместили в спирт). Наш проводник, подойдя к цогонде и рассмотрев ее, заметил, что присутствие белых пятен около ушей и такая хорошая шерсть выделяют подобный экземпляр в самый редкий и дорогой, стоящий три лана (около пяти наших рублей). Немного позднее на соседнем озере я убил лебедя, плавающего с гусем. Туземцы мне сообщили, что этот «эребень»⁶⁴ прилетал к ним из года в год и постоянно держался одиночкой среди других плавающих птиц.

На следующий день, **4 апреля**, экспедиция перенесла свой лагерь к востоку на 16 верст, в урочище Зуслэн, расположившись у головы превосходного источника, выбегавшего из-под обрыва. Это было лучшее место — сухое, травянистое, привольное. Вблизи тихо струилась холодная, чистая влага, принимавшая более стремительное течение вдали. С вершины обрывчика открывалась картина прилегающих озер, больших или меньших размеров (1–3 версты в окружности), а за озерами, в том же восточном и северном направлениях синели или темнели силуэты трех хайрханов, стоящих от запада к востоку в такой последовательности: Хайрхан, Зуслэн-хайрхан (летний) и третий Ходжэмыл-хайрхан. На крайнем, отдаленном востоке горизонт замыкался более неясными очертаниями отдел[ьных] гор, превышавших хайрханы. В этом урочище я произвел астрономическое наблюдение географической широты.

Пользуясь теплом, чудной водой и объемами топлива мы все здесь учинили мытье, мытье генеральное. Впервые после Урги сбросили с себя грязь, пыль и прочее, впрочем, относительно прочего могут подумать неправильно; я намекаю о паразитах. Паразитов не только не было у членов экспедиции, но их не замечали ни у кого и из нижних членов. Вообще надо заметить, что в путешествии трудно уберечься от грязи, в особенности во время похода, на бивуаке же, более или менее продолжительном в горах, мы держали себя по возможности опрятно, а летом даже чисто.

Туземцы по-прежнему навещали нас. От местного старшины или цзангина, я узнал, что им получена бумага из Алаша-ямыня со строгим наказом дать тотчас известие о русской экспедиции, как только она объявится где-либо на той или другой дороге, ведущей от Эцзин-гола на Алашань или Дын-юань-ин.

5–6 апреля. Прекрасное весеннее утро. Солнце выглянуло из-за холмов и сразу стало светить и греть. Птицы носились в ту и другую сторону, особенно много их было на открытой окраине на востоке озера. По отмелям и грязям держались плиски, шеврицы и зуйки-галстучники; были также крупные кулики, но они держали себя очень строго. Проходя в том же направлении, как и прежде, мы слегка поднимались; скат, богатый ключевыми родниками, становился круче. Следы стойбищ или сами стойбища чередовались часто. Наш караван гигантской змеей извивался у окраины прилежащей сухой песчано-глинистой, местами галечной, площади, незаметным образом, приблизившись к интересному обо — Ар <пропуск текста>. Здесь высится холм, в свою очередь увенчанный старым обо. У обо сделан сруб из дерева для предохранения самой головы источника, катящегося вниз после наполнения небольшого бассейнчика, в котором, в прежние времена, говорят, находили исцеление больные желудком, ревматизмом и другими недугами. Это обо читается как святыня: сюда ежегодно стекаются окрестные монголы числом до 15 домов для отправления благодарственных молитв. Ламы служат хуралы, жгут можжевельник, возносимый дым которого равносителен фимиаму православной церкви.

Я фотографировал это обо, не знаю, что получится.

С соседней вершины общей высоты открывается довольно значительный горизонт на севере и востоке. Забыл было отметить, что за время пребывания экспедиции в долине Гойцзо мы много раз услаждены были своеобразной музыкой птиц — то днем на озерах, то по утрам, в тростниках, откуда неслись голоса сорокопутов или камышовых синичек.

Оставив историческое обо, мы вскоре затем оставили и последние ключи; дорога наша стала подниматься выше, грунт перешел в хрящеватый, мы держали курс на рошу тограков почти в течение 1½–2 часов прежде, нежели ее достигли и оставили за неимением воды. Здесь имелись лишь следы колодца, обвалившегося и засыпанного землей. К тому же, по словам проводника, вода эта «не хорошая!», со значительной примесью соли и горечи. За лесом мы вскоре приблизились к окраине барханных и грядовых песков, местность еще более повысилась, камней, отточенных ветром и отшлифованных песком, стало попадаться больше.

Колодец Цзамын-худук, на который мы затем пришли и который расположен у северной окраины песков, удержал нас на целые сутки независимо от нашей воли, нашего желания — по случаю сильной западно-северо-западной бури, прекратившейся только к вечеру **6 апреля**. Накануне бури день был особенно жаркий, терм[ометр] в 1 час дня, в тени, показал +29°, а поверхность южного ската барханов согрелась до +59,8°. Мы все почувствовали большую потребность сбросить с себя весеннее одеяние и переменить его летним. Однако буря понизила температуру наполовину, и нам вновь пришлось возвратиться к первому, тем более что мы оставляли самую низкую часть Центральной Монголии и поднимались выше. Буря унесла всю пыль и открыла дали. А.А. Чернов ввиду послеобеденного выступления отсюда, утром экскурсировал в соседние колодцы и нашел кости некотор[ых] животн[ых] — лошадей, грызунов, рептилий и амфибий, животных, по всему вероятно, сопровождавших древнего человека. Вообще Чернов весь уходил в наблюдение ханхайских отложений. Это

с одной стороны, с другой — немало интересовали и соседние пески, у северной границы которых мы все еще продолжали двигаться. Во время бури, главным образом, западного направления, пески начинали жить — их очертания менялись, они росли в одних своих частях, зато, нередко, в других понижались. Вершины барханов, очертания трудно было рассмотреть — оттуда сыпался песок сплошной массой, особенно густой и темный в нашей части и более просвечивающий по мере поднятия вверх. Всякие следы существования до бури во время бури уничтожаются. Там, где раньше караваны проходили хорошо, свободно — после бури иногда не могут и помышлять об этом. Нам приходилось бывать в песках во всякие времена: в тихую погоду, хорошо, если не жарко, в ветреную — всегда неприятно. Нужно принять за строгое правило в песках иметь запас воды и всегда быть сопровождаемым превосходным проводником. Стоит взглянуть книгу Пржевальского «Монголия и страна тангутов» или Свена Гедина «В сердце Азии»⁶⁵, чтобы еще больше убедиться в справедливости этих доводов. Первый путешественник пережил немало трудных часов в алашаньских песках из-за плохого проводника, второй чуть не погиб только потому, что должным образом не осведомился о запасе воды, взятой с собой в безводную часть пустыни.

На колодце Цзамын-худук мы нашли несколько видов птиц: саксаул[ьную] сойку, таких же воробьев, маленьких сорокопутов, а также и серых, больших, из которых добыли в коллекцию трех экземпляров, один другого лучше. Здесь же найдена и добыта песчанка крупная (*Gerbillus*).

7–8 апреля. Сколько раз в пустыне приходилось выступать не с утра, а с полудня. Послеобеденные переходы и безводные ночевки несравненно более утомительны, нежели переходы экспедиционные нормальные, то есть утренние выступления и стоянки-ночевки при колодцах. Начиная от самого Гурбунсайхана до торгоут-бэйлэ, мы из 12 переходов шли десять, выступая не иначе, как только после обеда. Здесь, на рейсе Эцзин-гол — Алаша-ямынь безводные переходы также значительно преобладали над переходами нормальными. Все в сумме сильно утомило участников экспедиции. Как прежде, так и теперь держусь того взгляда, что всякого рода пустыню надо осилить возможно скорее, но зато в первом подходящем месте необходим более или менее продолжительный привал для отдыха и приведения в порядок всякого рода сборов и заметок.

Так, после раннего обхода выступили и с Цзамын-худука. А.А. Чернов остался еще попытать счастья, еще покопаться в ханхайских отложениях, провести лишний день, чтобы догнать караван на следующей, Элькэн-худук, остановке. Наша дорога, или местами только ее слабые признаки, извивалась хрящеватой или песчано-глинистой местностью до половины пути, отмеченного названием «тэк», что означает задвижка или запорка. Тэк, действительно, представляет из себя обрыв — ханхайский, вдавшийся в виде полуострова в низменное пространство. Отсюда, благодаря прозрачности воздуха, открылся широкий вид по сторонам. Я до сих пор сожалею, зачем у меня в это время не было фот[ографического] аппарата, я имел бы возможность снять замечательно типичный участок песков, располагавшихся многочисленными барханами общего меридиального простирания, располагавшихся грядами. И здесь преобладающими ветрами, судя по строению песков, были западные ветры: с этой стороны скат песков был пологий и более плотный и, наоборот, с восточной — крутой

и сыпучий, куда расстояние от гребня простиралось только на одну треть, а две остальные трети приходились на ширину песчаной массы пологого и плотного склона. В 3—4 часа дня положение светила давало резкое освещение в общем, и в частности. Пески красиво пестрели серовато-желтой окраской; гигантскими пышными складками лежали они на покатоности, сбегавшей от юга к северу.

На северо-северо-западе темнели и чуть-чуть синели горы, известные по моему маршруту под названием Эргу-хара. Среди этой общей массы выступали командующие вершины Ханас, Куку-морито и многие другие. На северо-востоке выделились неясные очертания еще более мощных складок, которые трудно было отделить и разобрать по отдельным названиям. По крайней мере, наш (хоть и опытный) проводник не мог этого сделать. Тотчас за сим мы вступили в пески и, пересекая их или лавируя среди их змееобразных гряд, продолжали двигаться и вместе с тем еще более подниматься. Выходы коренных пород, главным образом красных, растрескавшихся гранитов, стали учащаться. Между песками всюду виднелась крупная галька, темневшая или пестревшая от загара, продукт разрушения пород, тут и там выходящая более или менее заметными холмами. Среди песков и темных площадей мы приютились на ночевку в урочище Хая, где, позднее, живут туземцы со скотом, добывая воду, как выше было замечено, в котловине у подножья крутого бархана. Обыкновенно берут лопату и вскопе, через какой-нибудь один, много два фута добывают воду.

Люди не ставили палатки и спали под пологом неба, устроившись посреди бивуака среди многочисленных выюков. В такие переходы они долго не говорят, попьют чайку с дзамбой и один за другим засыпают. Ночь скоро регулирует мертвую тишину; ни звука кругом, словно вся жизнь замерла. Среди тишины пронесся зловещий вихрь и опрокинул палатку, в которой спали только двое: я и казак, постоянно при мне находившийся Бадмажапов. Палатка упала так, что его слегка накрыла и он, молодой, здоровый юноша, ничего не слышал и продолжал спать богатырским сном. Только на мои несколько окриков он проснулся, но скоро подняться не мог, да и не скоро понял, в чем дело...

Теперь мы вступили на мою дорогу и весь следующий переход с легким постепенным подъемом вверх среди еще больших обнажений розовых гранитов шли по моему маршруту⁶⁶. Пески выросли, среди них я снял движущийся караван, который проходил вдоль того длинного, вроде змеи, бархана, который проходит у самых высот, граничащих нашу следующую стоянку Элькен-усунэ-худук. Указанный бархан простирался в отдельности около 2 верст. Ввиду того обстоятельства, что мы отсюда также должны были выступить с запасами воды после обеда, мы прожили здесь целые сутки. Прекрасный колодец был бережно закрыт тагарой⁶⁷ и придавлен тяжелыми сучьями саксаула, засыпанными толстым слоем песка. Если бы не принимать подобных мер, то большинство колодцев в Монголии непременно было бы засыпано песком. Теперь же мы имели чистую, прозрачную воду, и на нашей обязанности лежало по уходу закрыть его, что и было, конечно, сделано.

На этом колодце нас догнал А.А. Чернов, оставшийся вообще очень довольным результатами своего пребывания при Цзамын-худуке. Здесьняя местность также немало занимала его, с одной стороны, ханхайскими отложениями, с дру-

гой — песками, с третьей — многочисленными выходами коренных пород: розовых, выветренных гранитов.

Коллекция зоологическая обогатилась здесь интересным приобретением некоторых видов ящериц, между прочими и бол[ьшие] формы *Eremias Przewalskii*; из птиц добыли впервые славку аральскую (*Sylvia aralensis*), а из грызунов — зайца.

Вслед за Черновым прибыл в наш лагерь монгол — чиновник, командированный большим чиновником с южной дороги, ждавшим нашего прибытия, чтобы выяснить наш маршрут и встречу с экспедицией. От этого посланца мы еще более обстоятельно узнали о благополучном прибытии нашего транспорта и прочем. Решено было следовать до урочища Табун-алдан, где предположительно встретиться с людьми цин-вана, который заблаговременно принял заботы оказать нам содействие. Надо заметить, что ван уже выставлял уртон на северной — ургинской дороге осенью (согласно моему плану первому, сообщенному Ц.Г. Бадмажапову); по прибытии же Четыркина он определенно знал наш маршрут и отдал приказание облегчить нас, помочь нам пересечь пустыню и выслал встречу чуть ли не в Гойцзо.

Теперь я более, нежели прежде уверен был, что наш караван благополучно доташится в Алашань, мы не застрянем, не потеряем даром времени; иные мысли беспокоили меня, когда с Гойцзо нужно было нанять чуть не десяток свежих верблюдов.

9 апреля. За Элькэн-худуком мы стали пересекать второстепенные гряды, песчаные холмы, подниматься и спускаться логами, богатыми обнажениями. Солнце пригревало, ветер пылил, омрачал дали. В укромных местах, у каменных выходов нарядно красовалось кустарниковое растение хату-хара, сплошь унизанное светло-розовыми цветами, на которых останавливались мухи и реже шмели. Черные жуки бегали по песчаной поверхности во множестве. В одном месте я наблюдал интересную картину. Эти блестящие черные жуки забрались в подветренный скат песка и гонялись друг за другом (самцы за самками); в одном же месте была сплоченная группа этих жуков, и когда я внимательнее стал их рассматривать, то оказалось, что несколько жуков терзали одного, они его ели, уничтожив его бока. Несчастный, как мог, стремился уйти, когда я разогнал его алчных товарищей. Когда подошел ко мне мой казак, также заинтересовавшийся этой картиной, то он поступил иначе: он убил одного из нападавших жуков и, разорвав его на части, бросил его остальным; последние с жадностью набросились на эту подачку и очень скоро ее уничтожили. Эти же самые жуки съели у нас несколько экземпляров хороших мух, которых мы излавливали в коллекцию и держали для умерщвления в общей банке с жуками, в особенности во время следования в дороге. Циан-кали⁶⁸ действовал на мух страшно быстро — они умирали через минуту, тогда как эти хищники боролись в течение нескольких часов, в которые и съедали мух. Не зная этого, мы, таким образом, поплатились несколькими экземплярами добычи.

Высота (двойная) Холбо-тологой или Цаган-тологой среди довольно равнинной местности выдает себя на значительном расстоянии. Точно так же и соседние, далеко, впрочем, отстоящие гряды, вроде Аргалинтэ и Хайрхан. Обо виды отлично. Лога и кряжи выходов на пространстве нашего движения местами сильно были засыпаны песком. Вспоминаю при этом, на пути от Элькэн-худука

бархан типичный, высокий, с простираем юго-юго-восточным — северо-северо-западным, лежавший у берега лога, его каменистую основу, доходившую до вершины. Острые каменные бока еще не совсем скруглены песком, но песок энергично засыпает неровности. Надо полагать, что в далеком будущем каменных выступов не будет заметно, как их не замечаешь у многих подобных барханов и считаешь их, по крайней мере, склонен считать, состоявшими исключительно из песчаных толщ, масс. Поучительны в этом отношении минувшие мои беседы с покойным великим русским геологом И.В. Мушкетовым.

К вечеру поднялся буран, пыль закрыла горизонт, и мы скоро принуждены были остановиться, спустившись по каменистому, опять-таки засыпанному песком руслу у начала широкой долины, граничащей каменистыми высотами, в которых нам наши проводники обещали зверей — аргали.

Кстати о проводниках эцзин-гольских, о четырех человеках, сопровождавших нас в роли подводчиков. Один из них, по имени Янхо или Янхова, лучший эцзинский охотник, был или считался проводником за плату пять цин⁶⁹ в день, другие трое — простые подводчики, служили по назначению начальства. Эти люди должны были пасти животных, наблюдать за стадами, за распределением животных под вьюки и так далее. Они же помогали вьючить, а дорогою вести эшелоны каравана. Бывая свободными, в особенности по вечерам, эти люди играли в карты со страшным азартом, иногда засиживаясь до поздних часов. Мы смеемся над ними: чуть свободная минута — они за картами. В общем же, люди, на всем пути по Монголии сопровождавшие нас, были очень усердные, исполнительные, добросовестные. С подобными людьми хорошо путешествовать, и я пока не раскаиваюсь, что продолжаю не заводить собственных, экспедиционных животных, а продолжаю держаться найма. Таким только способом можно иметь лишних и проводников, и людей, знакомых с местностью. При том небольшом составе русских людей, какой имеется теперь, все службы по отношению к животным каравана были бы очень тяжелыми и обременительными, не говоря уже про те печальные обстоятельства, неизбежные в путешествии, когда животные подвергаются заболеваниям и массовой гибели, как это было в мое Тибетское путешествие подле Дуан-хита, когда экспедиция неожиданно, в какие-нибудь три дня, потеряла четвертую часть из своего наличного каравана в 60 отличных верблюдов⁷⁰. Со своими животными есть одна выгода — свобода движения, но и это обстоятельство, при строгом рассуждении, условно.

10–11 апреля. Утро довольно тихое, прохладное, горизонт открыт. В следующем экспедицией направлении тянутся поперечные высоты, залегающие более или менее правильными грядами преимущественно розовых выветрелых гранитов. В северном отдалении высоты массивные, в южном — наоборот. На пути нашем в поперечных ущельях, обыкновенно сухих в это время года (мелко-галечных, дресвяных), обсаженных аллеями ильмов, иногда проживают кочевники, довольствуясь водою из колодцев, выкапываемой здесь же, в руслах. В одном таком русле мы встретили развалины кумирни, которая около десяти лет тому назад была перенесена на южную окраину тех же мелкосопочных высот, среди которых экспедиция двигалась в течение всего перехода. Постройки новой кумирни опрятные, преимущественно глиняные, храм обнесен высокой стеной (глинобитной), маскирующей с серым или желтоватым горным холмом, при-

крывающим молельню от господствующих ветров (северо-западных). Небольшая кумирня эта — Шара-тологойнэн-сумэ вмещает до десятка лам, которые налицо бывают редко, в летнее молитвенное время. В наше время храм этот не давал о себе знать ничем, словно в нем не было ни одного живого существа!

Между развалинами и современной постройкой храма имеется светлое обо с чудным источником, заключенным среди гранитов наподобие плоских длинных бассейничков, названных туземцами Чюлун-онгэцу, что в переводе означает «каменная лодка». Вода повсюду из бассейнов продолжает бежать дальше на небольшое расстояние. Сюда приходят на водопой аргали, боро-дзерены, следы этих диких животных видели наши препараторы.

Вокруг этого обо особенно типичны сплошные выветрелые граниты, сильно обглоданные, обточенные бурями, со сквозными отверстиями, пижами, словом таких форм, таких очертаний, на которые так часто указывал в своих отчетах В.А. Обручев. Здесь вы видите и глыбы, и матрицы и шарообразные, округлые формы, покоящиеся на массивных пьедесталах. Поверхность или твердокаменная или засыпанная гравием, переходящим в круглый или мелкий песок.

Преобладающими растениями из древесных пород являются ильмы, которые тянутся то в виде аллей, то стоят в одиночку или по несколько штук, сосредоточенных на небольшом участке. Нередко стоят столетние, вековые экземпляры, коренастые, развесистые и посередине самого русла. Затем следует характерный кустарник, хату-хара⁷¹, в это время особенно приятно ласкавший глаза своими чудными розовыми цветами, сплошь нанизанными на ветви, затем более мелкие кустарники, еще только разворачивавшие лепестки. *Reaumuria*, *Muricaria* и друг. *Tamarix* начал зацветать. Из травянистых — прежние, характерные для Монголии вообще, из них первое растение с голубыми (бледно-голубыми или сиреневыми) цветами было касатик (*Iris*), затем несколько видов лапчаток (с желтыми и белыми цветами). Что касается животной жизни, то она начала обнаруживать себя больше и больше: мы продолжаем наблюдать, хотя и изредка, пролет птиц — показались гуси, дрофы, особенно много чеканов. Начали, затем, усердно ловить многочисленных ящериц, проснулись и выползли змеи, серые, тонкие, длинные. Жуков было много по количеству, но страшная бедность разнообразием. В особенности теплые дни и в самое теплое его время летали мухи, шмели и т[ому] п[одобные] двукрылые, особенно любившие цветы единственного здесь пышного кустарника хату-хара. На одном из них нам удалось поймать до десятка интересных пчеловидных мух.

Будучи увлечен ловлей насекомых, я наблюдал интересное ухаживание друг за другом парочки аральской пустынной славки, которые, перепрыгивая со звонкими криками среди серых кустарников, приблизились к нам (ко мне и казакам) вплотную. Птички издавали веселые голоса, были страшно подвижны, хвостики их были значительно приподняты вверх и птички ими действовали как веерками, поднимая и опуская. Любовная парочка так была занята собою, что не замечала выстрелов, и мой казак несколько раз порывался поймать их тем сачком, которым упражнялся при ловле насекомых.

В урочище Хара-бургу мы нашли одинокого китайца, сильно испугавшегося вначале, который проживал в фанзе, разделенной на две половины, в одной он сам жил (очень бедно), в другой был склад его таких же бедных товаров, прода-

ваемых или обмениваемых местным монголам. Китаец верен себе: у него имелся очень маленький огорожок с чесноком и луком, но бури все время засыпают его труды, несмотря на это, он терпеливо борется. Подле фанзы расхаживали две курицы и петух, но яиц не оказалось.

Здесь температура сильно понизилась, стало холодно так сильно, что мы надели полушубки. Ночью порядочно морозило, бури положительно омрачали и убивали собою все то, что пыталось пробиться наружу и начать весеннюю жизнь. На дороге к Табун-алдан весь переход стояло очень холодно. Горы Аргалинтэ приближались, приближались и пересекались нашим караваном поперечные высоты и гряды коренных пород (все изверженных), между грядами или высотами залегали долины, часто покрытые саксаулом, произраставшим, по обыкновению, на песчаной почве. Высота горки Нарин-хара, известна больше под многочисленными названиями по участкам. Так, на запад виднелись вершина Го, или Хо-ула, и Го-котэль рядом с нею, а в месте пересечения экспедиции — Илисэн-котэль и прочее. Пройденные горы едва поднимаются на 400, самое бол[ьшее] 500 футов над соседними долинами и падают в полуденную сторону круче и короче, нежели в противоположную.

Спускаясь с них и следуя к открытому урочищу — колодцу Табун-алдан, мы видели движущихся с запада монголов на небольшом караване верблюдов. То были алашаньцы — монголы с чиновником во главе, командированным навстречу экспедиции Алаша-цин-ваном. Приближаясь к колодцу, мы увидели и фанзы китайцев-торговцев, капитально устроившихся и на этом месте. Алашаньцы нас приветливо встретили и тотчас поставили юрту, предназначенную для экспедиции. Пока пришел и развьючивался наш караван, чиновник успел накрыть стол печеньями, чаем с сахаром и прочим, чтобы приветствовать русских от имени вана на его, ванской, земле! Мы были искренне рады, что заочно получали поддержку большого сановника! Тут же чиновник-посланец вручил мне пакет с двумя письмами из Дын-юань-ина, а перед тем поднес приветственный хадак и визитную карточку от цин-вана. Из писем я узнал, что наш караван, врученный Четыркину, пришел по назначению 23 февраля вполне исправно, благополучно. Бадмажапов приютил его, содержал моих двух спутников и в письме, любезный ко мне, приглашал меня с экспедицией устроиться под его кровлей.

При последующих подробных переговорах с чиновником оказалось, что он прожил на западной дороге в ожидании нашего прихода около сорока дней, выехав из Алаша-ямыня 1-го марта, но что он теперь очень рад и просил меня написать со своей стороны в Дын-юань-ин о произошедшей встрече. Я наскоро написал Бадмажапову и Четыркину и вручил посланцу кроме того мою визитную карточку и приветственный хадак любезному цин-вану.

Под названием Табун-алдан («пять (ручных) саженей») туземцам известно урочище в более широком смысле и колодец (глубиною до 3 сажен) с прекрасной водою, извлекаемой со значительной глубины воротом, в частности. Колодец имеется у правого обрывистого берега сухого русла. По соседству с колодцем проживали торговцы-китайцы, капитально устроившиеся здесь, у которых и нам удалось кое-что приобрести, как, например, сахар-леденец, муки, крупы, бумаги оберточной и прочего. Напалков разыскал яиц по числу всех нас. Мы,

так или иначе, ожидаем светлого весеннего праздника, который в этом году пришелся на тринадцатое апреля!

Свежо было, как зимою, в особенности на восходе солнца. Вода, остававшаяся на ночь в колее, промерзла основательно, ледяная корка достигала вершковой мощности.

12–13 апреля. Отсюда у нас был также переход послеобеденный с расчетом в праздник сделать небольшой переход и провести великий день родины нашей более или менее торжественно, хоть бы на душе. Теперь наш караван значительно увеличился и оживился. Прибавилось и животных, и людей. Симпатичный чиновник с первого дня стал внимательно и предупредительно относиться к нам. Кое-кого из прежнего состава погонщиков мы оставили или сменили. Теперь выяснилось, что отсюда мы можем выйти в Алаша-ямынь при наличии «благополучия» приблизительно в десять дней. Эти дни — переходы мы стали считать аккуратно. Пустыня стала тяготить нас, мы ели почти все время сухое, консервированное мест[ным] способом баранье мясо, которое нам порядком-таки надоело. Даже чиновник и тот не всегда мог достать нам барана, свежего мяса, да и бараны были в это весеннее время страшно худы. Словом, действительно, Алаша-эцзинская дорога — пустынная, дала нам себя почувствовать и неудивительно, что каждый из нас стремился ее оставить.

Местность с Табун-алдана носила тот же безотрадный характер, как и прежде. Те же песок или галечник, видоизмененные, устлали наш путь, те же пустынные формы растительности, те же бедные представители животной жизни. Горки Аргалинтэ приближались. Наша дорога все еще не могла принять надлежащего юго-восточного курса и виляла, уклоняясь значительно к востоку. На северо-северо-западе из ряда горной высоты Нарын-хара выступали желто-красные обрывы с острыми возвыш[енностями], названные проводником Цаган-эргэ-цончи.

Пройдя двадцать пять верст по монотонной, удручающей волнистой местности и миновав отмечаемую туземцами местность [с] названием Чжинсэтэ, мы разбили бивуак, с тем, чтобы назавтра пораньше выступить и достигнуть холодного, пресного и также не мелкого колодца — Мандал, при котором красуется оригинальное обо.

13 апреля. Утро свежее, бодрящее. Солнце всплыло над пыльным горизонтом в виде бледного некрасивого диска. Мы с утра обыкновенно шли пешком, отчасти согреваясь, отчасти разминая ноги. По-прежнему караван наш состоял исключительно из верблюдов и мы очень привыкли ехать верхом на этих животных, почти не находя разницы с ездой на лошади. Все условно, все относительно, человек привыкает ко всему, привыкли и мы к кораблям пустыни, не оставившим в нас никаких болезненных последствий, ни в начале, ни тем более под конец путешествия по пустыне. Более плотный песчано-галечник, залегавший широкой полосой, окаймлявшей соседний массив Аргалинтэ, давал возможность подолгу не садиться на животное, предпочитая идти прогулкой, пешком.

Наконец и колодец — урочище Мандал. Растительность энергичнее выступает, показались касатики, белые и желтые придорожники. Славочка аральская дает о себе знать ежедневно, белые сорокопутье также.

Бивуак разбит легче и скорее обыкновенного. Солнышко бодрее, веселее светит и чуть-чуть стало пригревать. Моемся. Поздравляем друг друга с праздником —

христосуемся. Выходим к выстроившемуся отряду, с ним проделываем то же. Я вместо красного яичка подарил людям по золотому. Достали питье, заедочки, усладочки. Люди пьющие получили по чарке водки, непьющие — лишних услад. Следует, однако, отметить, что вслед за поздравлением друг друга с «Христос Воскресе» мы сплотились в нашу юрту (так кстати присланную алаша-цинваном) и здесь певчие во главе с П.Я. Напалковым пропели священные псалмы, приличествующие торжественному празднику. «Христос Воскресе» пропето было в начале и в конце с троекратным повторением. Здесь же после чарки водки все съели по традиционному яйцу. Мы полакомились своеобразным пирогом (подарок С.А.), консервированным поросенком, кофе, ликером, шоколадом, печеньем и прочим. Кроме того, мы и нижние чины усладились сардинами, оставленными специально на этот праздник. Попивая чай с прибавлением малой толики чудного рома, мы забыли все тягости и невзгоды пути. Варенье малиновое «моей дорогой женки» было самым высоким для меня лакомством.

Последние дни перед праздником — дни страстной недели, дни ранневесенние, мысль невольно уносилась на родину, к родному очагу, в Москву. Вспоминаю и живо представляю себе, что и как обстоит дома, как солнечные дни бодрят моих, как Н[адя] готовится к празднику, как, устраивая пасху и раскрашивая яйца, вспоминает меня и прочее. Все представляю, все чувствую, зная, как в то же время меня вспоминают: вспоминает женка, детки, рядом с нею сидящие; то вдруг раздастся звонок и из уст Олечки или Володи раздастся: «Крестная!». Как входит бабушка, что-либо несет внучатам. Разговор, чаепитие и прочее.

Все что я пишу выше, все это много раз, само собою, воскресает в памяти... Мысль о доме не дает забыть и, чем ближе праздник, тем сильнее мыслишь, сильнее чувствуешь. Только умом соразмеряешь разность времени.

К полудню пригрело солнышко, на душе стало так же тепло, приятно. Я гулял в окрестностях бивуака, поднимался к обо, смотрел вдаль и где бы ни находился и о чем ни думал бы, мысль независимо от моей воли опять приятно дает знать мне о доме — подсказывает сердце.

Гуляю и слушаю граммофон, особенно приятно разносящий свой голос по открытому воздуху. Начал (А.А. Чернов) с пластины «Хр[истос] Воскр[есе]!», а затем перебрал почти все, что было из пластинок (малых) с нами. Гренадеры и казаки, а также и монголы, все столпились у инструмента и наслаждались им. Нам, членам экспедиции, нравится одно, гренадерам и казакам другое — лихие русские песни с гармошкой и прочим, марши; монголам, как и прежде, хорова, плясовая с гармошкой и собачка. Эти пластинки вызывали у монголов желание влезть внутрь рупора и узнать причину. И монголы, и наши собаки любопытствовали больше всех. Наши псы даже бегали вокруг, тревожно взвизгивая и лая, так хорошо выражалось подражание собакам.

Поздний вечер положил конец нашему празднику!

14–15 апреля. Наутро следующего (**14 апреля**) дня экспедиция направилась обычным порядком в дальнейший путь. Горизонт открыт. Горы Аргалинтэ остаются к западу, по словам проводников, они крайне пустынные, безжизненные, так как в них не имеется источников. Курс движения юго-восточный, дорога становится более легкой, так как песков мало, грунты крепче, и мы успешнее продвигаемся вперед. Местность заваливается. На горизонте виднеются —

на востоке — горки Бичиктэ. Весь путь почти слагается из розовых выветрелых гранитов, обдутых, обточенных на всевозможные лады. Опять там и сям пестрят каменные русла с большими или меньшими насаждениями хайлисов.

Источник или ключ Алтын-булык представляет из себя родник, обложенный высокой, круглой глиняной стенкой, внутри которой порос камыш, скрывающий влагу от жара. У юго-восточного — восточного участка стенки имеется выход воды на площадку, до 60 шагов в окружности и до 5—10 дюймов глубиной, с темным илистым дном. Тут мы заметили куличика-песочника и парочку *Anthus(ов)*, оживлявших тишину, царившую как здесь, так еще более в прилегающей окрестности. Кочевники держались в стороне.

Так как здесь была смена некоторых добавочных верблюдов, то нашим алашаньцам приходилось хлопотливо. Они то и дело или посылали, или уезжали сами за свежими животными к монголам. Наш бивуак оживлялся приходившими и уходившими туземцами, которые были, в общем, довольно оживлены, разговорчивы, смелы. Наряды монголов чисто китайские; оригинально одеваются их женщины, представляя из себя издали очень широкие фигуры с широкими же головами. Головы повязывают черными накидками. Дорогое убранство — серебро и камни, преимущественно кораллы, у здешних модниц сильно отличаются от других, северных монголок. Ноги у обоего пола маленькие, часто очень красивые, в особенности у привилегир[ованных] чин[овничьих] кланов. Слышимые мною у алашаньцев песни, были большею частью китайскими. Вообще китайцы вложили и влили в монголов Алаша много своего и продолжают в этом отношении успешно прогрессировать. Манеры алашаньцев также чисто китайские; говорят, что многие монголы даже курят опиум и прочее.

Ветры по-прежнему нас не оставляют, донимают, омрачают воздух пылью. Последняя, в затишье, способствует сильнейшему нагреванию воздуха. Пресмыкающиеся и земноводные стали давать о себе знать ежедневным появлением.

15 апреля. Через 12½ верст движения в том же юго-восточном направлении экспедиция достигла урочища Чангазен, где находился большой, широко распланированный, по-китайски, дом некоего монгола, питавшего большие симпатии к сынам Небесной империи. Дом многочисленными постройками примыкал к ключевому месту, ключевой площадке, посередине которой были устроены колодцы с приспособлениями для водопоя многочисленных животных, которыми когда-то располагал любивший китайцев монгол. Ныне его состояние заключалось в этих, почти заброшенных постройках, и небольшом сравнительно (до 200 голов), стаде баранов и яманов, из которых мы купили себе барана на (свежее) мясо. Мальчуган, подбежавший ко мне с почтительным (китайским) приветствием, был одет чисто по-китайски (деревенским мальчиком) и настолько походил во всех чертах на китайца, что весьма трудно было согласиться с доводами монголов о его монгольском происхождении. Мать его, дородная, красивая некогда монголка, выглядела монголкой, с весьма приличными манерами, обличающими ее знакомство с китайской благовоспитанностью.

С другой стороны высился холм, с вершины которого открывался вид на пересеченную местность; горные складки придавали этой части пустыни довольно волнистый характер.

При ключе или роднике, окаймленном песчаными холмами, покрытыми кустами густ[ой] растительности, сновали бульдуруки, шеврицы и, вероятно, монгольские розоватые вьюрки, прилетевшие напиться. Путь наш в вертикальном направлении описывал слабую волну. В выемках имелись колодцы с большим или меньшим удалением от дороги. В наших целях было идти значительными (27–30 верст) переходами, и мы строго, еще издали, наметили себе стоянку возле четырех деревьев или по-монгольски Дурбун-мото, которой в полдненное время и достигли. Юго-восточный ветер усиливался и вновь заполнил горизонт сплошной пылью!

Вблизи колодца, в полверсты к юго-востоку, стояло на возвышении обо, знаменовавшее собой присутствие небольшой кумирни Цаган-обонэн-сумэ с 10–12 ламами. Постройки этой обители с полуденной стороны были скрыты прилегавшей вершиной. Об этой кумирне мы узнали на следующий день, при выступлении каравана.

У самого колодца проживал монгол со скотом — баранами, с двумя детьми, пасшими животных. Они ютились в палаточке. Впоследствии я нередко встречал таких пастухов-алашаньцев, которые, отделившись от юрточного дома, откочевывали в те места, где уже достаточно сильно пробивалась зелень для скорейшего откармливания исхудалых баранов и коров.

Окрест, в особенности по берегам русел, залегали массивные выходы роз[овых] гранитов. Четыре дерева — столетние великаны ильмы — стояли по руслу, в их разветвлениях гнездились коршуны, сокол-пустельга, сороки (вновь появившиеся). На этих же деревьях часто обнаруживал себя и белый сорокопут, который ценнее прочих гобийских птиц, а потому и был предметом наибольшего преследования со стороны препараторов.

На этом же переходе мы поймали первую змею, серую, тонкую, длинную, того типа — который нам впервые попал на глаза в нынешнюю весну вблизи Хара-Хото; появились и скорпионы, и новые формы жуков.

16–18 апреля. Облачно, ненастно, свежо. Упало несколько капель грязного дождя. Невольно чувствуется тяжесть гобийского долгого перехода, самочувствие неважное; монотонное однообразие сильно действует на душевное расположение. Другое дело горы, лес, живая, движущаяся, кричащая, поющая природа, живые струи воды, кипящие каскады, лесной шум, богатая, яркая окраска животных форм — все это радует, занимает, увлекает наблюдателя и насыщает в духовно-нравственном отношении настолько, что совершенно забываешь о пище физической, о других невзгодах.

Утром в душе произносишь: «Опять на службу!» Сегодня на юго-восточном горизонте горы. Мы к ним приближаемся, они вырастают в размерах. Баиннуру — общее название, также мало отрадного из себя представляют, хотя несравненно богаче совершенно пустынных, безводных. Здесь мы вскоре заметили изумрудные береговые лужайки, вроде бордюров каменных русел. Одно из русел постепенно ввело нас в горы, где лужайки увеличились, где стояли такие великаны деревья, на которых мы нашли парочку розовых *Carpodacus*(ов) (*C[arpodacus] roseus*), где мы встретили табун лошадей, державшихся в боковом ущелье — том самом, где имелся родник хорошей воды, наз[ываемый] Атун-худукэн-ама, что в переводе означает: «Ущелье водяных лошадей» или

«Вода, добываемая копытами табуна». Горы эти тянутся в северо-восточном и юго-западном направлении до 40 верст, будучи по ширине заполнены или разделены множеством второстепенных ущелий. Относительная их высота, в общем, незначительная, абсолютная так же. Мы пересекли их в западной половине, по тому ущелью, который проводники нам назвали Улан-хадан-шили. Проход этот весьма удобный, подъем считался справедливо лишь на северном скате, на южном же он перешел в каменистую (опять же выветрелый розовый гранит) возвышенную равнину, пересеченную массивными выходами прежних изверженных пород.

Урочище Цакэлдэктэ отмечено нами как тупик, при котором нам пришлось прожить лишние сутки из-за страшно сильной сначала пыльной, а затем снежной бури, бушевавшей с полуночи до вечера, точнее, тоже до полночи следующих суток (с **16** на **17 апреля**), оставившей после себя массу снега, сбившегося в сугробы до 2–3 футов мощности.

Приход на стоянку эту не предвещал ничего худого со стороны «небесной канцелярии», как мы тоже нередко выражались. Кое-кто из нас занимался ловлей ящериц, жуков, мух и прочих; были, между прочим, добыты интересные маленькие ящерицы. Полдневный отчет термометра +21,5 °С показал, что весна идет дружным ходом, мы постепенно одевались легче, вечер был приятный, я с удовольствием гулял по грандиозным обнажениям. Наши монголы-спутники соблазнили нас устроиться бивуаком на возвышении, а не под могучим ильмом посередине русла, как мы склонны были сделать и сделали. Во время путешествия, повышенных переходов дневная деятельность прекращается к вечеру, а с ночной темнотой почти весь бивуак спит, монгольские голоса умолкали значительно позднее. Мы же все спали крепким сном с расчетом раннего выступления назавтра.

Как вдруг я просыпаюсь, будучи разбужен сильным порывом ветра, дувшего мне в голову и сильно охладившим сразу нашу юрту. Оказалось, буря уже бушевала с полуночи, но так как юрта наша была укреплена дежурным, то мы спали, не ощущая ее, до высшего напряжения, когда поднялся войлок, его край, впус-тивший струю со снегом. После этого малоприятного ощущения я уже в продолжение всей остальной части ночи не мог сомкнуть глаза. Злые порывы, казалось, были еще более сильными, нежели предыдущие. Юрта стонала, скрипела, сжималась от мощных объятий бури. И среди ее стонов я слышу голоса монголов и их стук, удары молота, заколачивавшего тероны палатки, которую у них, конечно, сорвала буря и которую они с большим трудом перенесли в наше соседство, под подветр[енную] сторону нашей юрты, и с еще большими усилиями старались прикрепить к земле. Порывы ветра заставляли стонать наш устой — юрту, прикрепленную к ящикам и к дереву. Ветви дерева тоскливо шумели.

Замечательна была картина утром. В воздухе неслась крупная галечная масса со снегом, местами перебегавшим как поземка, местами наслаивающим сугробы. Навстречу буре стоять было невозможно. Снежная пыль пробивалась во все, какие существовали, отверстия и сыпалась, падала без конца на нас, на все, что было в юрте. Мы забились в свои углы, под одеяла, как сурки, и могли по временам смотреть, как снежная пыль равняет все внутри юрты. На столике и хронометр[ическом] ящике, да и кругом, снег наметен был до двух вершков.

Не знаю, какой бы толщины он мог бы достигнуть, если бы мы, по очереди, не сметали его и не удаляли за дверь. Так продолжалось весь день и часть ночи; мы кое-как утолили свой голод и жажду. Температура спустилась до 7–8 градусов мороза. Несчастные туземцы со скотом, с барашками, верблюжатами, ямнами не знали, что делать. Многие за эти несчастные сутки лишились многого из своих живых богатств. Ощипанные, остриженные и начавшие в Гоби рано линять верблюды жались под защиту наших жилищ, нашего лагеря. Картина — словно зимою <...>. Вот так метаморфоза...

18 апреля. Наутро, после того, как буря утихла, солнце ярко блестело и ослепляло глаза. Пришлось надеть очки и не расставаться с ними до тех пор, пока снег не испарился. Однако его было так много, что он лежал пятнами в ближайшие два дня и первый переход; энергично таявший снег испортил нам дорогу: поверхность земли стала скользкой, верблюды на ногах были неустойчивы, общий ход замедлился.

Стайка стрижей около 10 часов дня со страшной быстротой неслась в обратном направлении, то есть от севера к югу. Этих насекомоядных пернатых испугала стужа и они, имея превосходные крылья, быстро отступали к югу. Стремительность их была поразительна. В этой местности мы наблюдали и бол[ьших] дроф. Несмотря на послеобеденный переход, мы прошли 27 верст; общий характер местности оставался прежний — волнистый, песчано-галечный с массою выходов все тех же выветрелых розовых гранитов. Остановка бивуака произошла при ключе Цаган-булык, представляющем из себя порядочное урочище с родниками, образовавшими небольшие болотца, при которых держались кое-какие птицы — турпаны, плиски, шеврицы.

Здесь, при Цаган-булыке, я произвел астрономическое определение географической широты. Лагерь наш располагался вблизи дороги, между ручьями ключевых вод: с запада — тонкой, прозрачной струйки, с востока — болотистой, тонкой, более широкой полосы.

19–20 апреля. Опять переход послеобеденный. Ночью погода испортилась, подул ветер с запада-северо-запада; небо покрылось тучами облаков и пыли. Ко времени выступления в путь, к полудню, разразилась настоящая буря все того же направления, то есть северо-западная, не мешавшая, наоборот, способствующая нашему движению. Мы вскоре миновали ключ, довольно приветливый, Эрдэни-булык, выбегавший со ската, расположенного у ханхайских отложений. По мере приближения к горам Баин-ула мы спускались по значительному падению; самые горы, благодаря крепкому ветру с порывами бури, застилавшей воздух тучами пыли, были скрыты от нас; порою немного прояснялось, и можно было с большим напряжением видеть лишь силуэт гор.

У северного подножья залегает долина с влажною песчано-солончаковой почвой, прикрытой хвойником, характеризующим наибольшие впадины. Здесь имеется колодец, как и у нашего подножья гор.

Кочевники встречались очень редко.

Подъем порядочный вскоре переходит в довольно крутой и поднимается на северную цепь, за которой выклинивается южная. Мы остановились в лошине между цепями гор, в закрытии; кругом нас были [горы] бóльшей или меньшей крутизны. Переночевав здесь (веселый костер вечером, у костра мои товарищи

и конвойцы пели довольно стройно), мы ранним утром (морозным на рассвете) направились вперед с целью полюбопытствовать с вершины южной цепи видом в следуемом нами направлении. Нам скорее хотелось увидеть горы — хребет Алашаньский. Но, как оказалось, напрасно. Туманная дымка сокращала горизонт. В выемках логов, по каменистым теснинам была вода, по тенивым скатам лежали пятна снега; все это было результатом снежной бури, отмеченной выше. Наша дорога змеею извивалась еще более круто в полуденном или юго-юго-восточном направлении. Не знаю, что нас влекло вперед, но влекло одинаково всех. Мне также, кажется, никогда еще не надоедала так пустыня, скажу больше, само путешествие, как теперь. В каждой темной точке, виденной на южной части горизонта, нам желательно было иметь гонца с письмами к нам. Короче, Алашань представлялся почти вроде обетованной земли.

Через 18½ верст мы достигли на своем пути небольшой кумирни, наз[ванной] Цаган-субурган по белому надгробию, издали красовавшемуся у северной стены храма. Кумирня небольшая, небогатая, но имела чистый, новый вид. Она стоит немного в стороне от дороги. Здесь, вскоре, происходит соединение дорог — нашей и [другой], немного восточнее нашей, идущей от горной высоты, пройденной нами 18 апреля, у вост[очной] окраины. При кумирне этой мы нашли монгола — чиновника, ехавшего обратно из ямыня, куда он доставил мои письма с Табун-алдана. Он прибыл к месту назначения после бури, одновременно с письмом, доставленным с Гойцзо. Писем, на что мы все рассчитывали, не было. Чиновник, однако, нас утешил, что завтра, на дороге, у торговцев-китайцев, приютившихся у Шара-бурду, мы найдем Цокто Гармаевича Бадмажапова, который, вероятно, доставит нам все, что нам желательно. Он будет ждать экспедицию там.

В двух верстах севернее, за песками, узким языком протянувшимися к северо-востоку, следует упомянуть о китайской лавке и китайцах, человек до 15, приютившихся в коммерческих целях при колодце Цзамын-худук. Удивительно, как пауки, пристроились эти хищники-торговцы и бросаются с торговлей на всякого едущего монгола.

Вскоре затем мы имели свой ночлег при Уцзур-худуке (предпоследней станцией был Хату-худук), пройдя двадцать четыре версты. Теперь уже осталось недалеко до Алаша-ямыня, а у нас терпения — еще меньше. Днем, на солнце, чувствуется значительное тепло, даже томительная жара, в особенности при пыли; вечером же свежеет.

21–22 апреля. Эти два последних дня нашего путешествия по Алашаньской пустыни крайне интересны, любопытны. В первый из них мы встретились с Бадмажаповым, доставившим нам порядочную почту, во второй — закончили трудную дорогу, вступили в Дын-юань-ин, сделав первый переход 24 версты, а второй — 36, всего — 60! Подтянулись!

21 апреля. Ясное, тихое, светлое утро. Мы чуть не ранее обыкновенного выстуаем в путь. Я по-прежнему всматриваюсь в даль... И наконец вижу северный силуэт могучего, величественного Алашаньского хребта. Радость не преминула отразиться на моем душевном состоянии. Большая дорога все сильнее наезжена, она извивается широкой полосой по илисто-песчаной, местами каменистой почве. Мы понемногу ускоряем ход своих усталых животных. С вершины увала,

наконец, увидели вдали темную точку, в которой наш спутник-чиновник и указывает байшин, где ютятся китайцы, а у них теперь мой Бадмажапов. Какие-нибудь полчаса меня отделяют от много нового.

Быстро идем вниз, воздух согревается ощутительнее. С долины речки-ручейка Шара-бурду уже залетают к нам вестницы тепла и культуры — деревенские ласточки *Hirundo gutturalis*, представительницы ласточ[ек] Восточной Монголии. В этот же день заметили и ласт[очку] земляную или береговую *Cotile riparia*. Жуки, ящерицы попадают часто.

С ближайшего песчаного увала, примыкающего к береговой линии (Шара-бурду), мы вначале увидели подле дороги ключ, сильно и круто падающий в северо-восточном направлении к Шара-бурду. На этом ключе, наз[ванном] монголами Хошегу-булык, видимо, останавливаются прохожие; в нем порядочная вода, тогда как в Шара-бурду вода соленая. Эта речонка, имеющая два рукава в нашем пересечении, своими истоками отстояла версты в 20 к юго-западу; там были камни китайцев⁷² и виднелись участки таловых или ивовых высоких деревьев.

Оба рукава несли очень немного воды (северный — до сажени ширины, едва прикрывая илистое ложе; южный — немного более и до полуфута глубиной). Ширина же общего плеса довольно значительна, свыше 30 сажень; самое же ложе речки, по которому текла вода, было довольно тонко. Переправившись через речку на возвышении берега, мы тотчас достигли урочища Дамбу, где проживал торговец-китаец. Бадмажапов меня встретил за речкой, и мы проехали в его обществе к китайцу, где, попивая чай, принялись за поверхностное ознакомление с письмами.

Я радовался (да и все) как ребенок. От моей жены было три хороших письма, кроме того письмо от сына и милая открытка от малютки-дочери. Не знаю, как известить жену о моем искреннем согласии на ее заграничную поездку. Я понимаю, что она устала от многих причин долгой зимы: мое отсутствие, смена гувернанток, приближение экзаменов сына. Все в сумме могло очень отразиться на ее физическом и нравственном состоянии. Эта мысль всецело заняла меня, и я стал обдумывать, как поступить в этом случае.

Моллеры меня не забыли; Академия наук уведомила о получении трех посылок *Mammalia* и <слово неразборчиво>. Географическое общество, секретарь Достоевский, верен себе — молчит, как всегда молчал в России при переписке с ним. Пробежав домашние письма и весточки от близких друзей, я тотчас покатился вслед каравана, который, в этот день прошел еще четыре версты и уже к моему приходу расположился лагерем на колодце Хату-худук. Всех занимал <слово неразборчиво>, конечно, личный интерес, все сосредоточились на себе. Вырезки из газет перенесли, приблизили нас к европейским событиям. К сожалению, отрадного в них ничего не было, все шло, казалось, в прежнем полумраке, в прежнем болезненном состоянии Отечества. Известие о смерти [Д.Д.] Покотилова еще более омрачило меня — единственный порядочный дипломат, и мне лично известный, скорострительно скончался 23 февраля. Кто его заменит? Как я надеялся на поддержку моей экспедиции этим человеком, в особенности при выполнении моего третьего, самого удаленного пункта экспедиции⁷³. Вновь нужно писать об экспедиции, но кому? И что?

Весь вечер я жил невольно воспоминаниями о родине. Независимо от моей воли Азия оставлена, я перешел и мысленно, и, казалось, всем существом в культурные страны, в круг цивилизованных людей. Здесь была только форма — внешность; внутреннее содержание отлетело на далекий родной северо-запад. Теплый, ясный вечер способствовал мирозерцанию, кругозор наполнился, горизонт умственный расширился, страшно не хотелось прятаться вновь в скорлупу, замуравливать* себя!

Жар свалил, братья Бадмажаповы укатили в Алашань, их свежие лошади быстро, лихо понеслись одна с другою рядом.

Сумерки надвинулись быстро, опять наложив молчание, сон смежил глаза.

При раннем утре мы в пути, идем усердно, успешно также шагает и караван. Оглянешься, и он тут как тут, все почуяли приближение конца, все понемногу торопятся. Большой караванный переход в 36 верст еще с вечера решили осилить в один день с 2-часовым привалом посередине, в урочище Цзуха. Характер местности тот же, что прежде — волнистый. Волны стали увеличиваться по мере приближения к горам, к подножию Алашаньского хребта, очертания последнего видны, но все еще слабовато, так как в воздухе пыльная дымка, которую ветер то утолщает, то делает более тонкою, прозрачною.

К полудню, еще раньше, мы уже чаевали по дороге. Местность вправе называться змеиною. Мы на этом переходе видели такую массу змей, какую едва ли где еще мне придется наблюдать. Приблизительно три формы, три типа змеи: [первая] серая, тонкая, длинная, большая, извивающаяся в три, четыре кольца, у придорожных обрывов или быстро перебегающая по дороге; вторая — несколько серовато-коричневатая с темным ремнем по хребту, очень редкая, и третья — широкая, пестрая, держащаяся по корням пустынных кустарников, у невысоких холмиков. Нами за первую половину перехода было поймано свыше десяти экземпляров, из которых попало в нашу коллекцию свыше половины. Во вторую — мы уже не брали, тем более что их, во-первых, стало меньше, а во-вторых, попадалась исключительно обыкновенная, серая, тонкая змея. Ящерицы встречались во множестве, преимущественно плоскоголовые, узкоголовые (*Eremias*) реже. Попался очень интересный дрозд Науманна (*T[urdu]s naumanni*), вероятно, пролетный, так как я его нашел подле пустынной дороги, в 15 верстах на северо-запад от оазиса Дын-юань-ина.

Песчано-глинисто-каменистый путь стал разнообразиться логами и галькою. Уже давно видны стали контуры и угловые башни крепостной стены Дын-юань-ина. Хребет тянется величаво, видно горное сложное строение, характерная расчлененность. Подножие гор выражается отдельными высотами, более или менее глубокими логами. Вблизи оазиса холмы ханхайских отложений грандиозны. Ущелья вынесли массу горного материала в пустыню, выражающуюся желтым фоном волнистой поверхности, над которой, почти постоянно, висит пыльная дымка.

Верстах в двух от Дын-юань-ина нас встретили Четыркин и Мадаев, прожившие здесь ровно два месяца до нашего сюда приезда. Прожили они отлично под кровом дома фирмы «Сабенников и бр[ать]я Молчановы», будучи на попечении

* Так в тексте. (Прим. сост.)

доверенного Ц.Г. Бадмажапова, моего спутника по тибетскому путешествию, который очень обстоятельно оборудовал дом с магазином, службами и садиком. Четыркин отдохнул и кое-что собрал за большой промежуток времени.

Багаж и караван вообще он доставил в порядке, но, по наведенным справкам, в дороге держал себя барином, требовал прежде развьючки каравана, установки для себя палатки, куда и забирался скорее, помогать развьючивать было не в его правилах. Еще труднее было с ним людям утром, перед отправлением — долго спит, неохотно встает и не прочь прибегнуть к несдержанной ругани. Свое ружье он сломал в темной истории с раненым журавлем, от которого защищался ружьем, взятым за ствол.

После пустыни оазис Дын-юань-ин показался нам чуть не райским углом, хотя нарядной прелести нанес жестокий удар снежный шторм, о котором я упоминал выше. Вся нежность, весь весенний блеск растительности были сражены, листья почернели и помертвели. Сирень словно обожжена. Бадмажапов страшно скорбел, что оазис не удивил нас так, как должен был удивить, если бы не случилось шторма, пронесшегося за хребет и убившего все на западном склоне.

В доме Бадмажапова экспедиция очень хорошо устроилась. Члены нашли отдельные, уютные помещения и могли и отдохнуть, и умыться, и привести свои коллекции и журналы в порядок. Конвой экспедиции также. Столовались мы у Бадмажапова, люди — собственным хозяйским способом путешественников. Верблюды и наемные люди-подводчики отправлены. Можно было спокойно вздохнуть и в душе произнести: «Слава Богу».

Сумерки пришли незаметно. Спокойное звездное небо спустилось на землю; молодая Луна выделялась тонким серпом. Долго не спалось, я невольно покинул комнату и вышел на воздух. Временами раздавалась пальба, трескотня — [типичные] городские принадлежности. Лучше всего мне нравились звуки молитв[енных] буддийских барабанов, труб, раковин. Эта, не лишенная мелодии, стройности, музыка в тихое вечернее время производила оригинальное, своеобразное впечатление. Звуки этой музыки уже с давних времен мне нравились, и я всегда с удовольствием к ним прислушивался. Так и теперь я их почти не замечал: они лились в воздухе как приятный шелест листьев, как жив[ые] голоса птиц и прочее. Мечтаешь, мысль уносится в далекие страны, а здесь и молитвенные звуки, и стрельба из пушки, возвещающая закрытие городских ворот — 9½ часов вечера.

Дни за днем в Дын-юань-ине бегут непрерывной чередой. Прежде всего, мы написали письма и поторопились их отправить. Затем препараты и Четыркин в течение трех дней снарядились и отправились в горы, в целях коллектирования и наблюдения.

С цин-ваном мы обменялись карточками. Сын его, Арья, прибыл от имени отца меня приветствовать. Вскоре, затем, были посланы вану и сыновьям подарки: граммофон, несколько серебр[яных] часов, коралловые браслеты, парча и прочее. Выяснился день моего и моих спутников визита к местному управителю.

24 апреля. День визита к Алаша-цин-вану. Мы успели умыться, принарядиться в парадную форму и в двух княжеских тележках, сопровождаемых нарядными гренадерами и казаками, проследовали городом в старинное поме-

щение князя. Последний нас встретил далеко от помещения, тяжело спускаясь со ступеней, в сопровождении двух младших своих сыновей, нарядно одетых. По лицу, по радушию, с которым я был встречен ваном, нетрудно было видеть, с какою неподдельною радостью местный начальник встретил представителей экспедиции. Поздоровавшись, мы вошли в приемную, где сидели около полу-часа времени. Шли общие разговоры о трудности пути, о новостях в Европе, о дальнейших планах. Я искренне благодарил цин-вана за его дружеское отношение ко мне, за его руку помощи, протянутую мне в пустыне. Не сделай этого ван, нам пришлось бы очень круто! Ван искренне, деликатно выражал удовольствие во всем, что он сделал очень кстати, слыша мое искреннее заявление благодарности. На будущее он также ответил в положительном смысле.

Далее, зная, что при экспедиции состоит горный инженер или геолог, знаток горных пород, и ван, и его сыновья наперебой показывали нашему А.А. Чернову, прося его дать свое заключение о многих камнях, каменных вещах, преимущественно табакерках и прочем. Ван с интересом отнесся к экскурсии Чернова в горы, заметив: «Есть ли в них (Алашаньских горах) золото и серебро, а также драгоценные камни?». «Мне, — говорит далее князь, — покойный Николай (Пржевальский) показывал образцы камней и говорил, что в наших горах есть драгоценный красный камень. При следующем посещении намечал Н[иколай], что он привезет с собою геолога. Вот теперь вы поедете, — обращаясь к Чернову, продолжал ван, — узнаете все, и много интересного нам поведаете!». Вана, как человека, понимающего блага культуры хлеба и расширения растительности оазиса, интересовало также и то обстоятельство, каким образом можно извлечь возможно больше влаги из хребта Алашаньского. Я предполагаю в вана представление о кэризах⁷⁴ Восточного Туркестана — Люкчунско-Турфанской низменности; и здесь, по-моему, можно так, как там, сберечь лишнюю трату (в особенности знойным летом) влаги.

Поприветствовав семью (мужскую часть) вана и его в особенности, мы тем же путем и порядком направились восвояси. На пути везде видели вытянутые любопытные физиономии. Город и пригород выглядели по-прежнему, теперь, в самое перво-весеннее развитие растительности, да еще и после пустыни нам показалось все очень хорошим. Нами даже замечено, как нечто особенное, городской шум, городская суতোлка — после удивительного монотонного молчания и однообразия пустыни. По возвращении к себе домой мы с радостью сбросили с себя форменное платье и нарядились в свои походные костюмы.

Роль ответственного, патентованного переводчика при свидании с ваном нес Цокто Гармаевич Бадмажапов, мой старый знакомый, мой незаменимый спутник тибетского путешествия; будущий переводчик Полютов присматривался, прислушивался.

Близкое соседство дома Бадмажапова, примыкавшего к улице «Крепостной стены» с запада, притом неимение экспедицией собственных перевозочных животных — верблюдов, лошадей — развязывало руки в городе и давало возможность расположиться главным лагерем — имуществом где угодно, даже в самой населенной части Дын-юань-ина. В настоящем же случае — в русском доме мы нашли все удобства и для работы, и для отдыха, и для склада, и для метеоролог[огической] станции.

Благодаря жизни соотечественников, в особенности Бадмажапова, сумевшего с должным достоинством поддерживать обаяние русского имени, добившегося получения через Пекин еженедельной почты, и мы имели близкую связь с нашими родными, и мы, сверх ожидания, получаем еженедельно, имея возможность и писать так же. Таким образом, мы отделены, запаздываем всего лишь на два месяца. Какою особенною радостью, действительно, мы отмечаем дни, в которые приходит почта! Это нечто особенное, это величайший экспедиционный праздник. Получаем много и пишем столько же, мало получаем и мало пишем. Если нет вестей, нет и охоты брать в руки перо! Всем известно, что всем приятнее получать — нежели писать!

25–26 апреля. Отправив почту, я поторопился в то же время снарядить и экскурсантов (ботаника и препараторов) в горы. Четыркин, Телешов и Мадаев в полном походном порядке перенесли в западный, ближайший склон Алашаньских гор и в них, в ущелье Субурган-гол, расположились. Горы, хотя, следовало бы сказать далее, вода, шум водопадов и прочее, что вообще бывает свойственно горам (но только не Алашаньским), должны были бы приветствовать наших исследователей природы! Но должно и суть — две вещи различные. Если не считать колодцев (колодцы в горах) — горы мертвы; тем не менее, мои спутники, в особенности в первое время, после опять-таки пустыни, вполне были удовлетворены и целыми днями забивались в ущелья и носились там. В первые две недели добыли свыше двадцати не записанных номеров птиц и трех зверей — маралов. Живая деятельность, величественность гор, появление новой, свежей растительности, перекочевки вполне наполняют жизненный интерес и в то же время выполнение прежней задачи.

На главном бивуаке все заняты: кто приведением в порядок работ, коллекций, дневников, кто собирается в разезды, строит станцию для метеорол[огических] наблюдений и определяет астрономически географический пункт.

Тем временем обычные свидания, обычные расспросы, обычные приобретения на деньги этнографических и других коллекций; все — идет своим чередом.

Геолог экскурсирует в горных увалах, прилежащих к крепости.

Я определил и широту, и долготу, и время.

Напалков чертит две схематические карточки к отчетам.

Едим сытно, спим мягко; по вечерам, иногда, услаждаемся граммофоном; познакомились с семьей шведской (миссионер) М[агнусен], состоящей из супругов (молодых) и малютки, которая исключительно наполняет жизнь проповедников Христова учения, просветителей (светлых идей и мыслей и дел) и насадителей культурных начал.

Как и следовало ожидать, людный центр вызывает и большой расход денег: больше соблазна, искушений, местных изделий, каменные привозные вещи, бурханы буддийского пантеона; одна вещь интереснее другой — хочешь иметь и то, и другое. Добываю я, добывают и старшие, и младшие сотрудники.

Подходят или приближаются затем дни, когда почти невольно ждешь весточек с родины, хочешь еще больше слышать, знать, чувствовать дорогую родину. Как искренне я желаю дорогой стране, моей России успокоиться, упорядочиться и новой, здоровой жизни, чтобы все болезненное, переходное скорее миновало, как нежелательный сон!

Вот и молодые князья очень сдержанно спрашивают о состоянии нашей страны. Они воспитаны и деликатным образом, вскользь, открывают вопросы, которые их так сильно интересуют. С хорошо сохранившимися подробностями ван вспоминал и мою минувшую экспедицию, мой обратный путь. Внимательно всматриваясь в мои штаб[ные] офицерские эполеты, цин-ван перебирает вишюльки пальцами и говорит вполголоса «Уже дослужился до отличий, равных таковым, виденным мною у Н[икола]я [Пржевальского]»⁷⁵ и прочее. Вопрос, кто заменит Покотилова, также немало интересовал местного управителя.

Вообще надо заметить, что ван (выглядит, по-прежнему, здоровым и интересующимся) очень глубоко вдумывается в предметы и беседы с ним мне всегда крайне интересны, поучительны и в будущем желательны.

Не могу не говорить об очень печальном явлении для путешественников в особенности, явлении, исключительно вызванном нашей несчастной кампанией Маньчжурской, нашей войной с японцами. Постоянные отступления и частое бегство русских войск давали обильную пищу алчным, хапужеским наклонностям китайцев, которые воровали русские скорострелки, увозили их на западную окраину и наводнили ими, таким образом, горные дикие племена настолько, что теперь во многие места европейским путешественникам не представится больше возможности показать даже носа. Подойдем поближе, лучше увидим и лучше узнаем; но факт фактом (печальным в данном случае) остается. Здесь чувствуется пониженность престижа, не так еще давно столь сильного, столь обаятельного среди народа Южной Монголии.

Тепло стало надвигаться заметно, жарче становится с каждым из первых майских дней. Воздух спокоен и тих, редко прозрачен, когда дивно открываются алашаньские черты, их очертания видны, как на ладони. Видны вершины, видны ущелья, видны скалы, леса, издали отмечены падения пород, слагающих этот, не старый, скорее молодой, по заключению Чернова, хребет. Но вот поднимется западный или юго-западный или юго-восточный ветер (друг друга сменяющие), как пыльная мгла закроет и покроет все вокруг, наложит свой мрачный отпечаток. В открытой прилежащей пустыне зной и высокие, затейливого очертания вихри. Сера, бедна прилежащая огромная пустыня и жалкий вид этот она старается навязать на прилежащую к горам оазисную полосу.

Последние пять лет сплошная засуха и неурожай в Алашане. Население беднеет, беднеет и управитель. Положим, он получил в наследие хошун более богатый и с долгом в Пекине в 130–150 тысяч, но теперь хошун беден, следовательно, и долг возрос в два раза, стал 300 тысяч. Впрочем, Алаша-ван может поправить свои обстоятельства, поднять благосостояние края. Ему удалось убедить пекинское правительство на отпуск ежегодных субсидий в количестве двадцати лан на, якобы, содержание в боевой готовности своего монгольского гарнизона войск. В наш приход в Дын-юань-ин, как раз, старший из сыновей — Да-е был в Лянь-чжоу-фу, получая там первые 20 тысяч рублей.

В лучшее, вечернее или утреннее, состояние неба и воздуха мы поднимались на соседнюю дому высоту и оттуда любовались горами, оазисом и прочим. Удивительно, поразительно ясно открывались очертания. Высшая гора, Баин-сумбур, святая, с обо, привлекающим ежегодно в июне или в июле месяце

алашаньцев с молитвою, жертвами и торжеством; в бинокль выделялась также и алашаньским лугом, и лесною растительностью среднего пояса.

Прогуливаясь по оазису или пригородной, внестенной части Дын-юань-ина, я больше и больше убеждаюсь в значительном числе его населения. Основная линия домов (торговых) сосредоточена вдоль южной крепостной стены, к которой, приблизительно в середине подходит «Большая торговая улица», вытянувшаяся по меридиану к южной дороге, направляющейся вдоль подножья Алашаньских гор и далее к Нань-шаню. В юго-западном углу оазиса сосредоточена маньчжурская часть или маньчжурское подворье, в близком соседстве (вокруг) домов покойных бр[атье]в цин-вана, Си-е и Сан-е, вдовы которых живут и теперь со своими детьми. Их дома, недавно великолепные, теперь походят на монастыри или приюты, там тишина, там бабье царство. Действительно, во время прогулок к широкой, чистой улице, по которой катится и прозрачный арык, осеняемый во многих местах развесистыми вековыми великанами-ильмами, я всегда видел женщин и детей, сидевших группами или у своих домов, или у арыков, на берегу чистой, холодной горной воды.

Парки, сады князей выглядят прекрасно; в них много беседок, много уютных, приветливых мест, манящих на отдых. Огороды, ал[ашаньские] поля или луга здесь разделаны так мило, так красиво, что не остается никакого сомнения в чистой любви и умении, с которым местные туземцы возделывают землю. Здесь, как и в Кашгарии, дайте только воды и вы пустыню превратите в рай земной.

Как хороши, как привлекательны парки и дома покойных князей и как мрачны развалины, остатки княжеского или ванского дворца, располагавшиеся тут же. Воображаю, как уютно было у отца нынешнего цин-вана, дворец которого омывался глубокими рукавами — каналами, отделявшими дворец от театра, беседок, павильонов, в совокупности и в миниатюре напоминавших собою дворец богдо-ханский. Непосредственно к дворцу, расположенному в пониженной равнине, примыкают высоты, изрезанные логами, — это бывший зоологический сад — парк в несколько десятин пространством, в котором гуляли местные представители животного царства, преимущественно, обитатели алашаньского хребта — маралы, куку-яманы и прочие. Нынешний правитель помнит все это и с грустью вспоминает восстание дунган с 1869 года, когда Гань-су (провинция) и соседняя часть Монголии подверглись беспощадному разгрому со стороны этих инсургентов. Князья с остатками и частью имущества успели укрыться за стену и там с подчиненными счастливо выдержали осаду, но зато вне города грабители разрушили и опустошили все.

Дни за днями шли здесь, в Дын-юань-ине, непрерывной чередой весьма быстро, незаметно. С раннего утра солнце греет ощутительно, в спокойном воздухе реют и щебечат ласточки, воркуют голуби, баботонят⁷⁶ удода! Из стороны в сторону пролетают с жужжанием мухи, нередко показываются маленькие бабочки. С криком, резко оглашая воздух, промчатся стрижи; однажды замечена даже пара бол[ьших] дроф, протянувшая над домом, в котором проживала экспедиция.

Постройка метеорологической будки подвигается вперед, главные строители Иванов и Полютов; большое затруднение было с приобретением леса. Нако-

нец, место выбрано, лес кое-как добыли за порядочную цену, и работа по сооружению закипела, пошла оживленнее.

С местным управителем мы всегда были в общении. **1 мая** неожиданного для меня цин-ван пожаловал ко мне с визитом, известив, по этикету, заблаговременно, за $\frac{1}{4}$ часа присылкой своей визитной (красной с маньчжурским иероглифом) карточки. Надо заметить, что ван выезжает крайне редко — однажды в год, по какому-либо важному случаю. Визит его я считаю за удовольствие и нравственное удовлетворение. Раньше алашаньские князья экспедициям такого внимания не оказывали, ограничивались присылкой или только братьев (IV пут[ешествие]), или своих сыновей (мое Тибетское путешествие)⁷⁷. Улица, по которой должен был следовать князь убиралась, чистилась, мылась. Даже в следующие дни приятно было по ней ходить — так поусердствовали ее обитатели.

Князь прибыл к нам, как и следовало ожидать, около 3 часов дня с многочисленной свитой, в рядах которой нарядно выделялись его двое сыновей: старший все еще был в отсутствии в Лань-чжоу-фу. Ван приехал в коляске, свита верхом на блестящих убранством, бойких иноходцах. Нарядных гостей я со своими принаряженными спутниками встретил при входе в первые ворота. Князь был любезен, словоохотлив и долго сидел у меня в лучшей комнате (кабинете) Бадмажапова, с удовольствием попивал ликер (Бенедикт[ин]) рюмку за рюмкой; по вкусу ему пришлось также и наши лучшие угощения — южнобер[ежные] вишни⁷⁸, сочные, сладкие. В отношении чинопочитания у алашаньцев царит тот же этикет, что и прежде. Сам князь сидел у меня, его же сыновья в столовой, где мои оба спутника угощали их и вином, и чаем. Там они сидели, но когда появлялись к нам (по зову отца, который давал собственноручно им отведать вишен), они стояли, почтительно отвечали на его вопросы и тотчас удалялись, когда с ними прекращался разговор.

В разговоре ван был искренен и чужд скрытой политики. Говорили о современных событиях в Китае вообще и в частности в европейских крупных государствах. Ван интересовался деятельностью каждого члена экспедиции, его специальностью. Чернов вновь выступал как геолог, ему и теперь привезено было на показ много каменных предметов. Часов около $2\frac{1}{2}$ ван просидел у нас, заходил в мою комнату, интересовался книгами с иллюстрациями, физическими инструментами и прочим, ему были показаны также и коллекции. Ван не преминул спросить вновь о результатах нашего посещения исторического Хара-Хото и тому подобное. Уезжая к себе, князь дал мне слово вновь прибыть ко мне вечером, кстати, в тот день, когда можно было бы полюбоваться светилами в мою трубу.

Наша будка начинает привлекать массу зрителей, все спрашивают друг у друга, что такое строят русские. Будка возводится в саду.

По-прежнему мы стали прогуливаться в соседних улицах — маньчжурском предместье, или, охотнее, поднимаемся на соседнюю горку, командующую вершину и оттуда любуемся на город, оазис, пустыню и горы. Самый лучший вид — это на горы, в особенности при прозрачном воздухе, столь сильно приближающем.

Самый большой праздник здесь для нас — это все тот же незабвенный праздник путешественников — получение писем. Так набаловались, и склонны

видеть получение вестей с родины еженедельно. Каждая почта приносит нам что-либо новенькое. Правда, новости, в большинстве случаев, не важные — все еще огорчения, расплата за несчастную минувшую войну! Позорно говорить приходится вану о вещах, ранее меня ему известных: о результате суда над Стес-селем⁷⁹. Мы в душе скорбели о выходках наших выживших из ума генералов, вызывающих друг друга на дуэль и прочее. Лишь вести частного характера нас поднимают нравственно, вселяют силу, и мы становимся несколько бодрее.

6—8 мая. Первый день мы кутили: обедаем у цин-вана. Выражение «обедаем» справедливо, так как попала на обед вся экспедиция (все члены, за исключением трех «горняков»). В этот же день мы нанесли, предварительно, визит супругам М[агнусен]. Миссионеры, подвижники алашаньские, страшно томятся в Дын-юань-ине. Нет здесь им пищи ни для души, ни для ума. Отчужденность от родины, малообщительность на чужбине, недостаток духовных и физических средств, лишения, все это сильно влияет на человека и заставляет их в первые, притом еще молодые годы, усиленно отсчитывать год за годом обязательного срока пребывания за воспитание. Говорят, однако, да видно и на примере, что отбыв этот семилетний период, люди свыкаются с обстановкой и добровольно свыкаются с чужбиной. Съездив на родину, они начинают там же вскоре чувствовать потребность вновь отправиться к месту религиозного служения. А прибыв вторично, люди не мечтают о возвращении!

Ван принял, как и всегда, радушно. Мы сразу прошли в столовую, открытую окнами на сцену домашнего театра, который уже действовал. Третий сын цин-вана — У-е, любитель-театрал, был все время после встречи с нами, вблизи представления, давая вовремя советы и приказания. Он большой актер сам и очень волновался за отличный исход представления. Пока был дневной свет, общее впечатление было не очень хорошее; мы сидели с ваном, разговор не клеился. Но вот стемнело, зажгли керосиновые лампы, зрелище стало эффектнее, к тому же ван распорядился о подаче обеда, стол накрылся, словно по волшебству быстро и в то же время с соблюдением тишины, спокойствия. Красиво расставленные всевозможных величин чашечки, запах съестного стал вызывать в нас пущий аппетит. Мы увлеклись едой, запивая вначале рисовым вином, а под конец и европейским отличным шампанским. Актеры старались вовсю. Теперь, главным образом, шли представления военно-героической эпопеи. Фигурировала дама — герой, одержавшая несколько блестящих войн с непримиримыми воинственными соседями. Картины представляли (с живой наглядностью) трогательные моменты — отъезд героини на войну, прощание с матерью, затем доблестное возвращение на родину. Комичная сторона: как героиня, собираясь в один из походов, внезапно заболела, почувствовав приближение родов, она разрешилась двумя младенцами, которых тут же и показали в виде кукол. Грим, костюм, оригинальная китайская музыка не оставляли желать лучшего. Мы угощались в парадной комнате, наш отряд в соседней слева, иногда, как говорили нам, в соседней справа скрыто присутствовали княгини, княжны и вообще дамская половина, наблюдавшая театр.

По мере продления обеда мы чувствовали себя лучше и лучше! Блюд подавали много, около 30—35 с включением и знаменитого — ласточкиных гнезд! Но лучше всех блюд, с нашей точки зрения, оказалось блюдо — целиком за-

печенный отличный баран, которым мы угостились на славу; наш отряд также. Князь лично присутствовал несколько минут подле молодцов наших и выпил за их успех и здоровье рюмку вина. Один из молодых князей и чиновники присутствовали при обеде нашего отряда, сам ван обедал с нами, изредка заглядывал сюда кто-либо из его сыновей, которым разрешалось поднять стакан за наше здоровье и прочее. По этикету мы послали актерам серебра, не забыли и поваров. Таким образом, наш княжеский обед стоил около ямба серебра — пять фунтов.

Поздно вечером мы возвращались домой, сопровождаемые фонарным освещением нескольких человек прислуги вана. Обрато шли пешком, тогда как [возчики] следовали в экипажах. Ворота города, по случаю нашего пребывания у вана не были заперты до нашего возвращения. Иначе они всегда запираются в 9 часов 30 минут вечера при двукратных пушечных выстрелах.

Раз в неделю, в известные праздничные числа, здесь раздается пальба — трескотня ракет, петард и прочего. Порою слышится дробь, напоминающая пальбу пачками из наших скорострелок.

Обедом у цин-вана закончилось наше торжественное свидание; жизнь экспедиции входила в колею. Мои спутники, Чернов и Напалков, начали готовиться в экскурсию. Вызван был с гор младший препаратор для сопутств[ующих] разъездов.

Приняв ванский обед 6 мая, я десятого уже был у любезных миссионеров, которые, несмотря на удаленность, сумели угостить нас очень хорошо. Мадам, видимо, отличная хозяйка. Я с удовольствием ел все, но последнее — сладкое блюдо, пудинг — с величайшим и удовольствием, и аппетитом. Просил добавления не один раз. Чтобы меньше мешала хозяйевам их малютка-дитя, они имели старуху-монголку в роли няни, такую же, что и наши женщины в этой роли. Она также носила, также качала на руках и также монотонно усыпляющее напевала. Ребеночек, затем, был положен в колыбельку шведского типа и заснул. Кажется единственное развлечение у супругов Магнусен — их маленький ребенок: вечно они возятся с ним. И на упреки: «Вы забыли» — их ответ: «У нас чжалхэн-кукут, то есть у нас маленькое дитя!».

11 мая. Отъезд сотрудников в экскурсию на месяц (в Алашаньские горы и далее в долину реки Хуан-хэ, в окрестности (ниже и выше) Нинг-ся или шире, в области ее протяжений у восточной окрестности того же Алашаньского хребта. Во главе разъезда стоит геолог экспедиции А.А. Чернов, которого сопровождают топограф и трое нижних чинов; среди последних Мадаев, в качестве препаратора. Поездка Чернова рассчитана приблизительно на месяц. Главная цель этого разъезда — геология с картографией, а остальное — поскольку удастся в сравнительно легкой поездке. Караван разъезда составил из 8 верблюдов и 2 лошадей.

По отъезде товарищей я принялся за систематическое укладывание «предметов Хара-Хото»; всего, таким образом, уложено до десяти казенных посылок. Тем временем постройка станционной будки приходила к концу. Установили инструменты, с 15 мая ст[ационарная] ст[анция] и будка-станция стали функционировать. Ответственный наблюдатель м[ладший] у[нтер]-о[фицер] Мартын Давыденков порядочно подготовлен для своей деятельности; надо

заметить, что до поступления на военную службу он учительствовал в сельской школе. Не знаю, как он будет заниматься дальше, но пока я уверен, что занятия его будут в высшей степени добросовестны и продуктивны.

13 мая. Наследник вана, возвернувшийся из Лань-чжоу, нанес мне визит. С этим будущим управителем Алаша мы встретились как старые знакомые, очень хорошо. Он держит себя по-европейски, прислал мне белую (мал[енькую]), европейского образца визитную карточку. При свидании много расспрашивал о России, о политике (внутренней и внешней, главным образом). Через несколько дней и я отдал долг вежливости — визит. Наследник принял радушно, предупредительно, на мужской половине. Противоположная, с окнами, давала понять о женской половине, где без особенного труда можно было видеть его высокую, довольно миловидную и, говорят, очень симпатичную супругу. Там взад и вперед сновало много женщин маньчжурок и монголов, довольно чисто и прилично одетых. Здесь присутствовало несколько человек, знакомых и <слово неразборчиво> свою должность.

Наследник усадил меня (и Бадмажапова, моего драгомана) в мягкие стулья, по-европейски, перед столом, накрытым бархатной скатертью. На столе появились угощения вроде сигар, сигареток, чая, печений и в заключение шампанское, до которого, как вообще до вина, алашаньские князья очень падки. Также падки, сильно пьют, и алашаньские монголы. Здесь в большом ходу рисовая водка для богатых и противный ханшин⁸⁰ для селян.

Тепло надвигается заметно, чуть не с каждым днем. В полдень очень жарко, вернее с 10 часов утра и до 3—4 часов и даже раньше, и позднее представляется возможность легко дышать. Я, по возможности, стараюсь разнообразить время: утром пишу, днем читаю, укладываю коллекции, иногда пишу, вечером экскурсирую в окрестности. Иногда фотографирую и возжусь с проявлением и печатанием, изучением аппарата.

16 мая. Мне нанес визит англичанин — член Пекинского английского посольства, Dr. W.J. Garnett, Secrétaire de la Legation de Sa Majesté Britannique*, направившийся затем на Гуй-хуа-чен и на Ургу, Улясутай, Кобдо, в Илийский край.

Сидение на месте, с одной стороны, посредничество обстоятельнейшего Ц.Г. Бадмажапова, с другой, дало мне возможность, между прочим, собрать маленькую, но обстоятельнейшую коллекцию по буддизму (увеличить мое личное собрание божеств буддийского пантеона и пополнить, отчасти, предметы собраний в этом роде Императорской Академии наук, к сожалению, не переведшей мне в Нин-ся, как обещано, кредит на этот счет). Особенно интересные предметы хранятся и с большим усилием и искусством приобретаются у молодых дворян, тайчжи, детей, так наз[ываемого] по Н.М. Пржевальскому, «гыгена»⁸¹. Дорогие вазы старинные, за которые дворяне спросили пятьсот лан, надо иметь в виду — попытаться сторговать на обратном пути. Конечно, эти предметы заслуживают внимания, как тот посох, который я уже добыл для Академии.

19 мая. Я поехал в горы, в ущелье соседнее Субурган-голу — Цзосто. Мне сопутствовали мой ст[арший] у[рядник] Полюттов, И.М. Симухин, товарищ-

* Доктор W.J. Garnett, секретарь миссии Его Британского Величества (фр.).

помощник Бадмажапова. День выдался серенький, с ветерком. Мы ехали успешно; миновали город, людную грязную улицу и поднялись на вершину соседней, ближайшей с юга высоты Дын-юань-ина, почувствовали особенную свежесть и приятный ароматический запах. На сером фоне зелень выделялась особенно рельефно, особенно мягко, приятно; хребет рисовался в неясных очертаниях. Над широким, но мутным горизонтом пустыни стояли серо-желтые, узкие тучи, еще угрюмее омрачаемые пыльными столбами серых вихрей. Алашаньский оазис, правильнее — Дын-юаньский, расположен на сети речек, ручейков, логов и выбегающих в них ключевых источников вод. Оазис разрывается на три части серыми, безжизненными высотами. Особенности великаны деревья из породы ильмов и ив; имеются спиленные; у озера развилась пышная тростниковая растительность.

Масса дорог, нитями сбегающих по направлению к оазису; там и сям стада баранов; поближе к горам группируются войлочные юрты; также они группируются и ниже оазиса, полукольцом. Короче, оазис Дын-юань-ин расположен на последних предгорьях собственного хребта; с одной стороны от оазиса разверстывается необъятная пустыня — то каменистая, то песчаная до высокой линии (круговой) барханов включительно; с другой — высится меридиальный Алашаньский хребет; величаво он круто встает скалистой стеной, то поднимающейся в голубую высь, то понижающийся в местах разрыва. В крутобокие каменные склоны включены зеленые пространства лугов, но чаще древесные или пустынные заросли. В прозрачное состояние воздуха хребет бывает виден из оазиса превосходно, детально. Особенно красиво выделяются тона мягких переливов в вечернее время; яркость лучей смягчается, внизу появляется сизая дымка, вверху последние лучи золотят скалистый хребет, гребень, наконец, и он покрывается фиолетовым тоном; в красивом небе появляются блестящие точки звезд и планет, людской говор и шум смолкают.

Увалы и ущелья, ущелья и увалы привели нашу компанию к подножью главной части оси хребта. Белая палатка наших горных отшельников была видна еще издалека. Миновав затем узкий каменный проход, наподобие ворот, и поднявшись на один-другой увал, мы пришли к месту бивуака. Необычайная крутизна горных скатов, крайняя сухость, отсутствие старых больших деревьев — вот общая характеристика гор и впечатление, которое получает наблюдатель.

Дела препаратора шли не особенно успешно, так как небогатая орнитологическая фауна недели в три предыдущие была уже почти собрана, оставались наблюдения за гнездением и последние, дополнительные сборы. Четыркин был более занят сборами растений, жуков, мух и бабочек. Я после города с удовольствием отправился в горы, в их глубину. Но ни их густые лесные заросли, ни окаймляющие ущелья скалы не поразили меня присутствием в них жизни. Больше всего раздавалось звуков в кустарниках — пеночки, горихвостки, фруктоеды; реже, в подножье — серые куропатки, кекелики; всего меньше несло звуков с высоты гор — там преобладала клушица, да изредка проносились белые или снежные грифы, грифы-монахи и случайные бородачи-степняки. Как большая редкость встречался орел-беркут.

В горах ютилось много рабочих китайцев — эксплуататоров леса; у их окраины, при входе в ущелье жили алашаньские монголы, наполовину утратившие

свой коренной облик, заменив его чисто китайским. Обстановка жилья, утварь, одежда — все у алашаньских монголов стало китайское. Их речь монгольская сменилась или сменяется на китайскую. Монгол не выглядит лихим, грозным наездником, как в Халхе — нет; он стал вялый, тщедушный, за исключением лам, виденных мною в монастырях алашаньских гор Барун- и Цзун-хитов. Монголы и китайцы как-то перемешались между собою! И в горах, и в городском, или правильнее пригородном, Дын-юаньском оазисе.

Фауна гор в отношении млекопитающих небогата так же ни разнообразием, ни даже количеством, за исключением куку-яманов. Маралов и кабарги немного. Маралов цин-ван запретил стрелять и они довольно смирны и доверчивы к человеку, в особенности первые. Маралы стреляются по приказанию самого вана его лучшими придворными охотниками в целях добычи рогов-пантов, которыми ван гордится как подарками его сановным родственникам при его поездках в Пекин. Из прочих зверей Алашаньским горам свойственны: волки (редко), лисицы, зайцы, суслик (у окраины) и, быть может, очень немногие грызуны.

Странное впечатление производят алашаньские горы в растительном отношении. Горы, если смотреть с вершины перевала, кажутся очень нарядными: то скалистыми, то мягкими, словно прикрытыми зеленой вуалью или лентой. Множество самых разнообразных складок затейливо пестрят и по одному, и по другому из склонов гор. Молодой, везде чистый лес одевает горы. Китайцы истребляют всякую природу деревьев в известном возрасте и размерах. Они, как паразиты, рассеялись по всем ущельям, срубают и обдeldывают деревья на месте, очищая их от коры и оставляя сохнуть. Стоит лишь вооружиться биноклем, чтобы в любом из ущелий, по его скатам, увидеть светлые пятна, которыми пестрят деревья. Прислушаешься, и непременно ухо улавливает стук топора, неприятно действующего на мирное впечатление гор. Китайцы промышляют до самого верхнего пояса гор, и только дикие скалы, их вершины, ставят преграду и ютят переросшие деревья! Везде в лесу дороги, по которым возят лес; везде встретите быков, ослов, двигающихся в целях перевозки леса. С западного, более богатого склона, лес доставляется в Дын-юань-ин, с восточного — в Нин-ся. Предательские лесные тропинки, нередко, повергают охотника, в особенности рассеянного, в замешательство. Отдавшись тропинке, можно дойти до такой крутизны скал, при виде которых становится жутко, а китайцы по ним спускают тонкие свои бревна и жерди. В таких каскадных местах их становища, отсюда уже нитями идут тропы.

Лесные звери в горах совершенно освоились с рабочими-китайцами и их не боятся. В самом начале лета, в мае, пока лес не оделся еще в летний наряд, охота моих препараторов была успешна, они добыли и марала, и куку-ямана, но затем стали промышлять только за птицами. Голос голубого фазана часто разжигает охотника, но эта умная птица, наученная горьким опытом, умело хранится от преследования монголов. Эти дикари-охотники ставят на голубого фазана ловушки-петли по гребешкам увалов: фазаны любят переходить пешком через гребешки. Монголы устраивают лесные валежные заграждения таким образом, что фазаны, обходя их, невольно ищут первое подходящее отверстие, но в них-то и заключается замаскированная ловушка. Птице стоит только вступить ногою, как дощечка проваливается, нога по ней скользит, попадает в петлю,

и несчастная птица висит в воздухе. Китайцы и монголы ценят гол[овы] фазанов из-за хвостовых перьев, идущих на украшение китайских чиновничьих шляп. Добыть фазана в Алашаньских горах весьма трудно без собаки; мы пока купили экземпляр у местных птицеловов, заплатив 50 копеек за птицу.

Побыв в горах, я возвратился опять на склад в городе. Здесь всегда находилось порядочно дела, здесь я занимался изучением фотографии, здесь снаряжал патроны для Нань-шаня или Гань-су и Сычуани, здесь, периодически, производил астрономические определения. В город влекло также и то обстоятельство, что здесь получалась корреспонденция. Таким образом, получая письма из Пекина, я в то же время получил большую корреспонденцию **23 мая**, и из Урги, благодаря заботливости Я.П. Шишмарева. Последний присылал и газеты «Н[овое] В[ремя]»⁸². Москов[ские] газ[еты] мы читали, получая их от алашаньцев. Очень приятно было мне получить весточку от Агвана Доржиева, уже побывавшего в Забайкалье и приехавшего в Пекин. Скоро, быть может, получу и узнаю о его свидании с Далай-ламой. О том, между прочим, что этот высокий гость Китая возвратится в Гумбум, и прочее. От времени до времени я упражнял моих молодцев в стрельбе из винтовок. На этот вопрос нужно смотреть иными глазами. Горные обитатели Нань-шаня и более южных гор уже заручились бóльшим или меньшим количеством русских скорострелок и несравненно грознее, нежели прежде. С этим необходимо считаться. Попробовал я также впервые пострелять и из штуцера Ланкастера — память незабвенного Н.М. Пржевальского⁸³. Результаты прекрасные. Хочу убить из него нескольких зверей, в особенности медведя и марала!

По временам я имею также свидание с княжескими сыновьями. Один из них занимался фотографией. Наша метеорологическая будка перестала привлекать досужую китайскую толпу, она с нею освоилась. Азиата интересуют всякие новинки только одну минуту, и он уже равнодушен.

Жара, между тем, надвигалась и надвигалась, в городе душно, пыльно. Вечера и утра немного бодрят, полдень расслабляет. По-прежнему моим лучшим и приятным уголком для прогулки была маньчжурская часть города и сады князей, в особенности обширный сад с цветами и беседками покойного Си-е. Там теперь полная мертвечина; никого не видно, не слышно ни говора, не видно жизни; словно все уснуло, умерло. Дело в том, что по местным обычаям, со смертью мужа на дом накладывалась нравственная печать — в него не входит мужской элемент, женщины же являются, чтобы посудачить, перемять косточки или даже немного поплакать. Та же тишина царила и в доме другого покойного князя — бывшего гегена Сан-е, несмотря на то, что после него имеются сыновья (три, двое женатых), по одному от каждой жены. Вдовы (три) покойного отдельно живут по кварталу общих Сан-е'ских построек, над которыми и подле которых царит такая же тишина, какая описана у Си-е. Эти два брата вана почти одновременно сошли в могилу, говорят, что Си-е был любезнее многих, имел много друзей и его похороны представляли необычайно многочисленную, трогательную картину, тогда как похороны и церемонии Сан-е были просты и за исключением своей дворни, почти никого не было. Воздать последний долг Си-е собрались без зова многочисленные друзья и почитатели. Представительная вдова покойного заперлась в доме отшельницей и проживает со своими двумя дочерьми-

подростками. Их дома выходят окнами в прекрасный сад, гордость покойного хозяина, вывезшего из Китая много превосходных садовых кустарников, украшающих беседки и летние комнаты князя.

В саду немало стоящих великолепных деревьев. Особенно хороша аллея, ведущая во двор и к дому княжескому. Я ее сфотографировал, снял также на память и тот домик в ванском саду, в котором отдыхал Н.М. Пржевальский.

27 мая. Ко мне явился с визитом немецкий инженер М. Karius, проживающий в Китае, в Пекине, около десяти лет и занимающийся, главным образом, постройкой мостов. Ныне он взялся построить мост через Желтую реку в Лань-чжоу-фу, начал там работу (частью с собствен[ными] мастерами, частью с китайскими рабочими); надеется, что через год эта работа будет окончена и мы с ними встретимся на его мосту, когда экспедиция будет следовать обратно в Россию. М. Karius был сильно помят — разбит своими хорошими верховыми лошадьми (высокими, красивыми, гнедыми, чистыми, на которых заглядывались туземцы) при подъеме на гору; бедный, он ходил медленно, тяжело ступая на больную, правую ногу, опираясь на палку.

Через день, вечером, в то же время, **29 мая**, когда я со своими спутниками любовался с соседней горки окрестными видами в трубу, М. Karius уезжал из Алашаня. Внимательный, он с другой стороны высоты поднялся на гору, полюбоваться в нашу трубу, сфотограф[ировал] меня со спутниками и распрощавшись, удалился. Четыркин помог ему спуститься. Как приятны бывают здесь свидания с европейцами; только в сравнении и чувствуешь превосходство европейца над дикарями. Я долго не мог забыть г. Garnett'a и г. М. Karius'a; в их лицах, в их европейском воспитании скрывалось много приятного и привлекательного. Дикарь и европеец — небо и земля!

Месяц **июнь** начался благодатным дождем, сразу оживившим не только Алашаньский хребет, но и прилегающую с запада часть равнины — небольшие оазисы, питающиеся горной водой. До этого времени сухость сказывалась страшная, в воздухе постоянно висит сухой туман или пыль; горы бывают в дымной пыльной мгле; над пустынею всегда проносятся вихри, иногда смерчи; нередко вся видимая часть равнины бывает заполнена сплошным вихрями, несущими целую стену, словно дождевую тучу, пыли, то серо-желтой (на западе и юго-западе), то темной, совершенно похожей на дождевую (на северо-западном горизонте). Если эти тучи стремятся и приближаются к Дын-юань-ину, то здесь можно слышать их неприятный зловещий шум. До того времени прозрачный, воздух тотчас превращается в тонкую сплошную пыль, которая положительно пробирается всюду и нет возможности ничем от нее уберечься. Только один дождь, приносимый от юго-запада, от обильной влажной части Нань-шаня, временно уничтожает пыль, а главное, поддерживает оазис и соседнюю равнину. Но даже и обильный дождь, ливший иногда в течение полусуток кряду, удаляет пыль и сухость на самое короткое время — на ночь; со следующего утра, часто, наблюдатель уже отмечает омрачившийся воздух: это обратный, северо-западный и западный ветер, зародившийся где-либо на удаленной части пустыни, повернул в восточную сторону и все отбросил к Нань-шаню обратно, и так далее.

Дневник № 2
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Алашань

8 июня. Я опять в горах. Наш охотничий лагерь перенесен на новое местечко, в ущелье Хотэн-гол, в котором, при вступлении внутрь гор, имеется родник воды, собираемой с давних времен в небольшой резервуарчик — прудик. В прежние времена трудолюбивые китайцы в ущелье (как в иных ущельях этого хребта поступают и теперь) сеяли хлеб и собираемой водой его поливали. Нынче сюда приходит на водопой монгольский скот: бараны, лошади, коровы, ослы и верблюды. Как жалки и бедны горы, когда они имеют скудное орошение!

Однако после июльских дождей, о которых я упомянул выше, Алашаньские горы ожили, нарядились в свежую зелень, омылись и просветлели. Животная жизнь под ее сенью успешно запряталась. Приходится зачастую ограничиваться только отметками по голосу или другим признакам той или иной формы общей фауны. Коллекции растут, но медленно, тихо, притом крайняя ограниченность в разнообразии не дает полного удовлетворения и полного заполнения времени, которым коллекторы располагают.

С приездом в горы — лесные, скалистые, местами, в среднем и верхнем поясе, дикие — я нравственно вновь ожил и с утра и до вечера экскурсировал. Самыми лучшими минутами для меня бывали те минуты, когда я в полном одиночестве сживал где-либо в возвышенном участке гор, на вершине увала или даже гребня. На обе стороны уходили, словно морские, дали, в обоих случаях окутанные пыльной дымкой. Самый хребет состоял из гигантского вала с выпуклыми и вогнутыми частями скатов, одетых сплошной зеленью; выпуклости пестрели яркими оттенками, вогнутости были затемнены мраком. Контрастно вырисовывались также серо-желтые скалы, часто располагавшиеся отвесными уступами одна над другой. Порою на сотни футов сбегали вниз отвесные стены известняков или песчаников. Мощные конгломераты окаймляли подножие гор и разрывались в оригинальные балки живыми силами периодических вод, со страшной стремительностью бегущих по крутизнам Алашаньских гор. Сидишь, бывало, целыми часами и любишь мощными формами гор. Но Алашаньские горы бедны представителями животного царства, в особенности для тех наблюдателей, которые побывали в соседнем районе Нань-шаня или отдаленном, райском Каме. Восточный Нань-шань с Тэтуном и Кам с Меконгом балуют натуралиста. Под воспоминанием таких мест действительно Алашаньские горы бедны и количеством, и разнообразием форм. Здесь глаз не набалован, ухо или слух также. Тишина иногда целыми часами не нарушается никем, как нельзя видеть в продолжение тех же часов и живые точки, обыкновенно вырисовывающиеся то на фоне неба, то на вершине или вершинах гребней или мягких увалов. Сиротливо проворкует голубь, монотонно, протяжно ему повторит кукушка, пронесется звонкой трелью голос пеночки или синицы, оригинально

прозвучит в кустах дубонос или в верхнем поясе гор сорвется голос альпийской клушицы и все тут. Часами можно сидеть и не видеть, кроме очертаний, гор никого; разве подле утесов мелькнет каменный голубь, повыше гордо пронесется сокол, еще выше — орел-беркут или черный и белый грифы. Если день спокоен от голосов живых существ, то ночь и подавно. Глубокая могильная тишина царит в Алашаньских горах: она здесь не нарушается монотонным, поэтическим бурлением вод по камням; тут вы услышите только неприятный в высшей степени голос запоздалого китайца или отвратительный крик его коз или ослов.

10 июня. Моя поездка с горного лагеря в монастырь Барун-хит. Утро хмурое, облачное; сеет мелкий осенний дождик. Я отправился с Полютовым и монголом — сыном Баин-дамыла. Мы ехали верхами на лошадях; наш единственный вьюк тащила упрямая, ленивая коза. С левой, восточной, стороны выступали горы в порядке выделения, с правой, западной, залегала открытая пустыня, равнина, особенно неприветливая серым ненастным утром. Спуски и подъемы чередовались между собой, балки погружены глубоко, в особенности в больших, приветливых ущельях Ямата и соседнем ему с юга Цостэн-гольском, названном так потому, что там по вершинам и скатам зимой наибольшее скопление снега.

С утра нерешительный, дождь понемногу превратился в настоящий и в продолжение трех с половиной часов смочил нас самым настоящим образом, в особенности вблизи монастыря, когда мы пробирались по скользким скатам среди дождевых, низко опустившихся туч. С меня, моих спутников и лошадей бежали ручьи, мои сапоги до верха наполнились водой, словно я бродил по глубокому болоту; как назло макинтош не был взят из города. Вероятно, мы представляли собою жалких путников, мокрых как курицы, когда под уже проливным дождем добрались до монастыря и вблизи его главного храма не без труда нашли себе приют. Пришлось сменить все одеяние и, за неимением запасной пары белья, обвернуться простыней и одеялами и в таком красивом виде разговаривать с ламами, встречавшими нас дружелюбно. Дождь еще более усиливался, и мы за горячим чаем чувствовали себя хорошо. Все преходяще... Вместо молчаний и хмурых лиц, мы стали оживляться разговорами как мы плелись черепашьям ходом последние 4—5 верст. Дождь хлестал и барабанил до поздней ночи, когда вдруг перестал; облака поднялись, поредели и одно за другим исчезли. В два часа ночи, когда я выходил на воздух, последний был замечательно чист и спокоен. Небо было унизано ярко-ярко блестящими звездами и планетами, кругом нас обдавало сыростью.

Продолжительный здоровый сон подкрепил нас. Я, прислушиваясь к шагам разбудившегося люда, прислушивался и к тому, не идет ли дождь; пение птишек меня успокоило, я открыл глаза и через ближайшее окно вперился в красивые, пересеченные скаты гор, в их каменные выступы с изображением богов буддийского пантеона. Солнце еще не заглянуло своими лучами на соседние склоны и я, прождав немного, встал и с первыми ясными проблесками пошел бродить по месту расположения монастыря. Горы всегда придают красоту. Монастырские постройки, как то можно будет видеть на моих негативах, живописно лепятся по скатам. Главный храм также. Остальные шесть, равно обо, субурганы — каждый в отдельности манит полюбоваться собою. Сколько оригинальной прелести вносило в монастырь еще и то обстоятельство, что тишина нарушалась

своеобразной монастырской музыкой! С первым проявлением проблеска утренней зари, тишина нарушилась монотонными звуками раковин, в которые дули ламы, стоя на плоских кровлях главного храма подле тельцов и колеса⁸⁴.

11 июня. Дивное, ясное, прозрачное утро; солнце позолотило гребень гор, окаймляющих полукольцом монастырь. Густая синева неба, яркое солнце, зелень и крутые скалы, сбегаящие к монастырским постройкам — все в сумме производило превосходное утреннее впечатление. Необычайная крутизна восточной горы Буту-дабан и пестрящие, высеченные в ее отвесной стене изображения божеств в соединении с соседней горой Гурбун-ула, дополняли картину. В прозрачном, ясном и теплом утреннем воздухе картинно выделялись в выси белые голуби-турманы, кувыром низвергавшиеся с высоты.

Общий вид монастыря чрезвычайно живописный! Я истратил все утро на фотографические снимки и осмотр внутренних помещений храмов (семи); меня сопровождал любезный да-лама, заявивший мне, что денег в монастыре нет, но имеется много бурханов. В мое время здесь был приезжий из Нин-ся китаец — торговец рисом, доставивший транспорт этого «хлеба». Он переждал дождливую погоду, и с первой возможностью направился восвояси. Дождь всегда мешает движению в горах, в особенности в верхнем поясе.

Монастырь Барун-хит расположен при выходе из крутых гор Ихэ-гола, звонко струившего свои воды по крутому галечному руслу; основание ему положено в год Красной коровы⁸⁵ — около 153 лет тому назад. Штатный численный состав братии, согласно веденным спискам, выражается 850 человеками, тогда как налицо можно встретить половину — человек четыреста. Правят монастырем ответственные трое лам: да-лама, дэмчи-лама и сан-лама, которые избираются одним порядком со старейшими ламами Яманского монастыря [Ямунь-хит]. См. ниже. Главное же лицо монастыря Барун-геген или Чжалсрай-геген, считающийся перерожденцем самого Далай-ламы — Цан-ян-чжамцо. Почетным святителем известное время считался и состоял, по крайней мере, жилал в монастыре периодически брат современного цин-вана (в миру — Сан-е). После выхода его в мир, монастырь не имел старшего гегена до того времени, пока не последовала смерть Сан-е. За смертью же последнего, последовало избрание перерожденца в лице семилетнего мальчика из собственного хошуна по указанию Далай-ламы. Современный геген считается шестым перерожденцем.

За Чжалсрай-гегеном следует Эрдэни-хамбо-лама, считающийся перерожденцем учителя знаменитого пятого далай-ламы, прах которого покоится в одном из храмов (северо-западном) в субургане имени этого великого перерожденца. Рядом с субурганом Цан-ян-чжамцо стоят надгробия с прахами одного из первых алаша-цин-ванов и одного из первых старших местных гегенов — Чжалсрая.

Нынешний, младший перерожденец — родственник алаша-вана, ему уже под сорок лет. По общим отзывам этот святитель на высоте своего положения: чист нравственно, крепок в религии и светел разумом.

С самого начала существования монастыря последний был расположен где-то около Цзун-хара, в ущелье, затем был перенесен на место нынешнего Цокто-куре, а 152–153 года существует на теперешнем месте. Надо заметить, что грозные дунгане в период своего большого мятежа (семидесятые годы)⁸⁶ разрушили

все, что можно было разрушить, монастыри подверглись той же жалкой участи; превращался в развалины и Барун-хит*.

Познакомившись очень кратко, бегло с монастырем Барун-хит, я стал собираться в обратный путь. Погода отличная с ярким солнцем на безоблачном лазоревом небе стояла только до 11 часов, после подул сильный западный или северо-западный ветер, принесший из пустыни массу пыли и вновь воздух омрачился до неузнаваемости. Равнинная даль сократилась, над соседними горами повисла туманная, пыльная дымка. Мы шли теперь не как в передний путь, ничего не видя дальше собственного носа, [сейчас] мы видели пересеченность местности, много обо. Перед нами открывался не один раз монастырь, будучи глубоко погружен среди лесистых склонов. Поднимаясь на перевал отрога у характерной шатрообразной горы Куку-дабан, мы очутились еще выше на 500 футов. Дальнейшая дорога шла в бесконечных спусках и подъемах, на одном из которых резвая лошадь проводника взвилась на дыбы, опрокинула всадника и со страшной стремительностью унеслась по направлению к равнине.

Невдалеке, затем, на своем дальнейшем пути мы встретили монгола, родственника нашего проводника, рассказали ему происшествие с лошадью и стали торопиться на бивуак, которого достигли около 4 часов дня. Вскоре возвратился и Телешов (в нетрезвом виде: объяснял ошибку холодной дождливой погодой), командированный на север в ущелье Бугутуй с целью осмотреть последнее, в каком оно отношении к экскурсиям. Я знал, что оно богато водой, на которой живет и Дын-юань-ин, я помнил, что с покойным Н.М. Пржевальским я ездил именно к Бугутуй. Выяснилось, что ущелье сравнительно со всеми теми, в которых жили мои экскурсанты, бедно во всех отношениях, за исключением воды и жителей-китайцев, что оно узко, каменисто.

Вечерком явился ко мне Баин-дамыл и маньчжур — владельцы животных, на которых я совершил поездку или паломничество в их западный монастырь. В совокупности с теми данными, которые я сам имел из личного знакомства с горами Алашаньскими и распросными сведениями, добытыми от туземцев, мои собеседники помогли мне обстоятельнее разобраться с основными чертами рассматриваемого хребта.

Алашаньский хребет тянется в меридиональном направлении или почти в таком. Северная окраина имеет стремление к востоку, и она отделена, словно отрезана рекою Хуан-хэ, которая омывает хребет, его основную часть с востока и дополнительную — с запада. Внутренняя — средняя часть гор, или середина хребта, поднята выше; главный массив к окраинам имеет более или менее крутое понижение. Общий массив имеет сложное сочетание из разобщенных низкими, продольными и поперечными седловинами, повышенных частей хребта. Наиглавнейшим ущельем монголы считают не одно, а два: первое Цастэн-гол, второе Ихэ-гол, на котором, или при устье главной оси хребта которого, ныне расположен Барун-хит; главной же, даже святой вершиной с обо — гору Баин-сумбур, которая в прозрачное состояние воздуха выделяется своим очертанием

* Показания aner[оида] 63 в 7 часов утра 12. VI = 587.0+20.0 <неразборчиво>; в 12 часов дня 587.8+22.5 (с поправкой) и <неразборчиво> бар[ометра] 194 = 600 = около 6.200 фут[ов] аб[солютной] в[ысоты].

и луговой, альпийской поверхностью. По словам монголов, в летнее время эта вершина иногда покрывается пеленой снега, а соседнее ущелье Цастэн-гол вообще самое богатое снегом, отчего и носит такое название — Снежное.

На большее богатство водой указывают и большие глубины балок и большие выносы горных продуктов. Ущелья богатой растительностью и водой части хребта как раз заключены в пространство, отделяющее Цзун-хит от западного монастыря, притом западный склон гор и лесистее, и многоводнее. Водой туземцы страшно дорожат и в подходящих к тому ущельях с давних времен имеют заграждения, пруды. Из прудов при надобности пускают воду, как в мельнице, для поливки хлебных полей, в большинстве случаев располагавшихся вне ущелья гор на пологих скатах. Поля ограждены глиняными стенками.

При входе в ущелье Хотэн-гол, в котором последний месяц жили наши курсанты — ботаники и препараторы, к югу имеется могила одной из жен нынешнего вана — матери третьего сына, У-е, и двух ее детей, погребенных с нею рядом, в отдельных насыпях-могилках. Место упокоения китайской принцессы обнесено глиняной оградой и украшено аллеей из горных елей. Вблизи, в самом устье горного ущелья, с севера, имеется в скале оригинальная обитель ламаистского аскета, иногда проживавшего здесь. Дверь и окно, забранное клеткой, напоминают сказочную постройку. Так как эта постройка всегда находилась в невыгодном отношении для фотографического снимка, я ее не фотографировал, могила же — усыпальница княгини с детьми и прилежащие горы мною сняты.

12 июня мною было использовано на подъем на вершину хребта по Хотэн-гольскому ущелью; мне сопутствовали Четыркин и гренадер Демиденко. Мы шли медленно, с остановками, занимаясь ловлей насекомых и сбором интересных форм из растений. Подъем становился круче, тем более что мы уклонились от дороги на низкую седловину; нас влекли высокие скалы. Пока шли тропой промышленников, лесом китайцев, все было доступно, но с уклонением на крутизны, в обход водопадов, стало трудно. Двигались по-черепашьи медленно, с остановками для отдыха. Наконец подножье главных доминирующих скал, и с уступов открылся вид на две равнины — на Алашаньскую (на западе) и желтореченскую (на востоке), окутанные по обыкновению тучами желто-серой пыли. Водная лента Хуан-хэ едва была заметна, она тускло блестела. К северу стояли громады скал, к югу, вдоль хребта, открывался вид на его гребень, извивавшийся зеленой змеей в затейливое очертание. Казалось, помимо скал, все было закрыто молодой однообразной зеленью.

Высшая точка, которой я достиг, по анероиду определилась в 10 часов утра (12 [июня]). Показания ан[ероида]: 548.0+20.0, с поправкой 560 (приблизительно), или 8.000 [футов]! Вблизи нас витали стрижи, вдали пронеслись пара черных и один снежный гималайский гриф. С глубины ущелья долетали звуки кукушки и голубя.

Следует упомянуть, что я со своими спутниками, полюбовавшись картиной гор, видами отсюда открывавшимися, стал с ними пускаться по кручам камни. Тяжело повернется иной великан, затем, повернувшись раз-другой и взбороздив почву, летит дальше, ломая и коверкая все, что не встретится ему на пути. По возвращении к себе на бивуак, вскоре мы были в обществе моего прежнего, незаменимого спутника Ц.Г. Бадмажапова, вырвавшегося, наконец, из душного

города и прибывшего ко мне с целью устройства общей компанией в лучшее охотничье ущелье — Ямата. Вечером туда отправился г. Бадмажапов, а утром я прибыл к нему.

13 июня. Новое, приветливое ущелье меня оживило; несмотря на моросивший дождь, я глядел в бинокль во все стороны широкого, богатого ответвлениями, лесного, местами также скалистого, участка Алашаньских гор. Вблизи пробежал куку-яман, подальше неслись голоса голубых фазанов. Дождь перестал, и мы отправились, каждый в отдельности, на охоту. Я в осмотре ничего существенного, нового по части животной жизни не заметил. Из растительной же Четыркин собрал кое-что. Попало в энтомологическую коллекцию несколько интересных мух и ночных бабочек.

14 июня. Утро дня было проведено на облаве, устроенной Бадмажаповым из местных монголов. Досужие китайцы, нахалы, в период «пантовки»⁸⁷ десятками человек заполнили ущелья с целью богатой добычи. Они даже не идут на лучший заработок — на поля, засеянные маком (опий).

Утро было превосходное, мы на конях поднялись к верхнему поясу гор и с лучших мест от средней зоны стали размещаться по номерам. Я занял красивое место в стрелке нескольких ущелий, там, где проложены были старые следы благородного зверя.

Вернусь несколько назад. Не спалось мне в эту ночь: природа давила впечатлениями, предстоящая облава интересом. С вечера еще долго не погасал костер в нашем горном лагере, речь туземцев слышалась до полуночи. Четыркин возился с растениями; он запоздал в горах, над ним теперь подтрунивали, ему пришлось устраивать сигнальные выстрелы. Но он явился, нагруженный сборами: в темноте ловил ночных мотыльков. Дрема взяла свое — я уснул. Но чуть только забрезжило утро и пронеслись в воздухе голоса мелких птишек — синиц, пеночек, славков, лагерь оживился, все проснулись, слышались голоса. Недолго пришлось собираться, мы уже сидим на своих местах. У местных охотников имеются раз навсегда приспособленные места для охотников на подобных облавах: вершины выступов скал, замаскированных сухими ветвями, откуда открываются широкие виды. Кругом меня влево раскинулись высокие мягкие увалы, укрытые зеленью, вправо и передо мною вблизи громоздились скалы почти отвесными кручами, по которым местами оригинально торчали деревья или кустарники. Одинокие ели красиво выделялись на вершинах скал. Голоса мелких птиц неслись отовсюду. Тихо, спокойно в горах, в особенности в далекой, высокой синеве неба. А вот и голоса загонщиков, надо держать ухо остро! Солнце залило скаты гор, тени укорачиваются. На небе только одна облачка, маленькие кучевые, говорят о жизни, о движении. На глазах наблюдателя их величина, очертания меняются — они тают в пространстве. Внизу раздался выстрел. Внимание охотников ушло в ожидание, в появление зверя, но его нет и нет. То был ободряющий дух и силы сигнал. Выстрел сверху говорил другое: там пронеслась пара оленей.

Еще пуще забилося сердце охотника, руки невольно судорожно, горячо сжимали винтовку. Торжественная тишина; где-то пробирались словоохотливые в пути, но к счастью их голоса скоро замерли в лесных зарослях. Ветерок пробежал по вершинам деревьев, где-то заворковал турлушка⁸⁸ и опять тишина, среди которой, наконец, слышались голоса ближайших охотников, направ-

лявших к общему пункту. Облава кончилась, вернее первый загон, и мы интересуемся результатом стрельбы.

Солнце, между тем, жжет ощутительно, воздух наполнился жужжанием насекомых. Мы повторяем еще один большой, трудный загон и безрезультатно возвращаемся на бивуак, где нас ждет сытный обед и чай, чай, чай.

После временного отдыха под грозовой дождик я стал собираться на главный бивуак. Мой компаньон решил денек-другой остаться для горного отдыха. Кстати, он мне сообщил еще при встрече только, что мой сотрудник капитан Напалков возвратился из разъезда в сопровождении казака Содбоева 11 июня, отделившись от геолога Чернова по истечении десяти дней позже выступления из Дын-юань-ина.

По дороге домой я заехал на стойбище Баин-дамыла и фотографировал как обстановку — дом, так и самих, имевшихся налицо обитателей. Сняты на отдельной пластинке⁸⁹ и прилежащие горы. Поздним вечером я возвратился на главный, городской бивуак, где встретился с Напалковым.

П.Я. Напалков шел при общем караване с геологом экспедиции всего лишь десять дней, ведя, главным образом, ответственную съемку и наполняя часы досуга сбором насекомых. В то же время, работы по картографии и специальные по геологии не могли укладываться в подходящие формы; один может идти скоро и должен пользоваться светлыми проблесками погоды, другого удерживают интересные выходы с окаменелостями. Кончилось тем, что разъезд разделился: геолог продолжал исследовать методически свою задачу, картограф, отделившись, направился иным путем, оба через Нин-ся различными затем путями — пересечениями Алашаньских гор.

Напалков, по-видимому, искренне и спокойно поведал мне частности, из чего я заключил, что штатские и военные элементы часто не могут ужиться один с другим.

15 июня. На другой день моего возвращения из гор прибыл на главный бивуак и геолог Чернов, вполне довольный своим разъездом. Ему удалось собрать ценный материал и, вероятно, вполне выяснить историю строения этого, сравнительно молодого Алашаньского хребта. Итак, общими усилиями, общими работами первой половины года хребет Алашаньский изучен. Разъезды пересекли его в разных направлениях и местах. Ботаник-коллектор и препараторы жили в ряде ущелий: Ямата, Цзосто, Субурган-гол и Хотэн-гол, и по силе возможности, выяснили богатство гор. Помимо растений, птиц, зверей, усердно также собирались насекомые: жуки, мухи, бабочки. По общему выводу, как в горах, так и прилежащих равнинах, в оазисах или в поле, жуков сравнительная бедность наблюдается и собрана, но зато мух в Алашане и в качественном, и в количественном отношении достаточно.

Фактический сбор насекомых выражается превосходством в численном отношении мух над жуками. В то время, когда общими усилиями экспедиция собрала жуков четыре ящика, мухами наполнялся восьмой ящик! Какое богатство и разнообразие этих последних! Вероятно среди них найдутся и интересные новые формы.

В флористическом отношении сказалась сравнительная бедность, как равно и в орнитологическом приращении. Всех номеров растений в горах и в оазисах

триста с небольшим, по крайней мере, столько собрано экспедицией. Список птиц увеличился на 54 номера, из которых около десяти-пятнадцати добыты на весеннем пролете, остальные ложатся на горных представителей отчасти оседлых, отчасти гнездящиеся.

Из растительного царства Алашаньскому хребту свойственны: ель, сосна, ильм, осина, дикий персик, можжевельник — *Juniperus Pseudo-Sabina*, прелестная сирень (в нынешнем году побитая в цвету морозом), барбарис, жимолость, карагана, курильский чай, и многое другое, даже смор[одина] и крыжовник.

Цветковых, травянистых форм относительная бедность: горечавки, мытники, мак, гусиные лапчатки, астрагалы, мальвы, касатик, хохлатка, курослеп, адонис. В верхнем поясе: мыкер, желтоголовник, сухорембрица, камнеломки, лук, анемон и другие, сравнительно немногие.

Что касается до млекопитающих и птиц, то в этом отношении, как то было замечено выше, сказалась большая бедность: из зверей чаще других встречаются куку-яманы, затем марал, кабарга. В северной части гор добавляются аргали, изредка волк, лисица, заяц; по части грызунов: суслики и домашняя мышь. Ласка-хорек, длинная мустелька также попадает изредка.

Из птиц — три крупных представителя хищников: грифы черный, снежный (*Gyps himalayensis*), бородатый ягнятник, реже еще орел беркут, сокол типа *Hendersoni*, сокол пустельга всюду обыкновенен; коршун залетает только в ущелье. Ночных пернатых хищников не наблюдали, хотя, вероятно, они здесь имеются.

Затем следует черный ворон, особенно многочисленна черная ворона, сорока, два вида сорокопутов, краснохвостки: седоголовая и *R[uticilla] rufiventris*, малые синицы, пеночки, пеночки-корольки, стенолаз краснокрылый, желтые и черноспинные плиски (?), дубоносы, *Pterorhinus*, *Carpod[acus] roseus*, в нижнем поясе угод и немногие другие.

К характернейшим оседлым птицам можно отнести альпийских клушиц, кэкэликов или скалистых куропаток, серых или бородатых; самым же характерным и самым выдающимся видом служит голубой фазан «куку-така» (*Crossoptilon auritum*), украшающий горы своим представительным видом. Жаль, что эта оригинальная и очень интересная птица терпит здесь жестокое преследование из-за своих хвостовых перьев, идущих на форменные шляпы китайских чиновников.

Таким образом, по выполнении главной задачи, члены экспедиции начали собираться на главный бивуак, чтобы привести в порядок добытое, отдохнуть и пуститься с новыми силами в новый дальнейший путь!

Горняки наши — ботаник и препараторы начали скучать по главному бивуаку. У меня оставалась еще одна поездка в Восточный монастырь [или] Цзун-хит, и я к ней стал готовиться. Мой план в этом отношении несколько изменился — запоздал; я, по совету молодого князя Арьи выступил в новое паломничество не 18-го, как предполагал, а лишь 20-го июня, так как 21-го там должен был состояться, и действительно состоялся, праздник Майдари — нечто вроде нашего крестного хода.

18 июня. Я неожиданно получил от консула Я.П. Шишмарева массу газет Н[овое] В[ремя] с его любезным письмом. В экспедицию из России было одно лишь запоздалое письмо на имя моего фельдфебеля отряда. С приближением

отъезда мы все зашевелились, пошла более энергичная работа. А.А. Чернов стал укладывать свои богатые геологические сборы. Он также надумал съездить в горы, в ущелье к нашим отшельникам, чтобы и в этом уголке заглянуть на строение хорошо ему знакомого Алашаньского хребта.

20 июня. Как и предполагал, я отправился в Цзун-хит. Погода полуясная, полужаркая вполне благоприятствовала нам. Мне на этот раз сопутствовал казак Буянты Мадаев. Так как в Цзун-хит уже проехал князь Арья, то по дороге, несмотря на тридцативерстное расстояние, стояло два уртона, и я мог на них отдохнуть несколько минут и выпить чашку чая. Общий характер местности оставался прежний — пустынный с постепенным поднятием вверх и приближением к горам. За последним отпрыском оазиса следующая за ним глинистая гряда на пересечении дороги в монастырь увенчана большим обо, которое по-тибетски объезжают с двух сторон⁹⁰. По мере склонения к востоку путь становился каменистее: горы вырастали и явственно вырисовывались своими мощными очертаниями. Было хорошо заметно, что, по мере движения к северу лес редел — по крупным скатам верхнего пояса в особенности пестрели серые оползни, разрезавшие луговые площадки. После полудня красивые мощные кучевые облака картинно плыли вдоль гребня, выше и ниже последнего, в полуденном направлении.

Наконец, спуск в бурую балку, обставленную мощными конгломератовыми берегами, повел нас к монастырю. Общее восточное направление менялось часто на частные северные или южные уклонения; начали появляться деревья, кустарники, знаки буддийского поклонения — мани (на тряпицах и каменных плитах, высеченные в скалах и выкрашенные) — бурханы и многое другое. За передовым храмом крутой поворот к востоку, где от мощной части хребта сбегает живописные, богатой растительности склоны, на одном увале которого, разделенным речками, приютился богатый красивый монастырь Восточный [или] Цзун-хит. Он был оживлен. Мы обгоняли пеших мелочных торговцев-китайцев, несших лук на коромыслах, переброшенных через голые бронзовые плечи нетребовательных сынов Небесной империи. Лук, редиска, длинные огурцы — местные улады. Мы, удовлетворенные красотой монастыря, незаметным образом проследовали среди создавшегося ярмарочного базара из алашаньских китайских торговцев ввысь, поближе к главному храму, подле которого были предупредительно и любезно встречены нашим знакомым ламой (встречавшим нас с чинов[ником] Хошен в Табун-алдане), проводшим нас в отведенное помещение подле квартиры старейших лам монастыря. Мы с большим удовольствием устроились в чистом помещении, застланном новыми коврами и с окнами, имевшими стекла. Через несколько минут заботливый хозяин — Арья уже прислал одного из своих чиновников осведомиться о нашем благополучии, а еще через два часа нанес мне визит. Я искренне благодарил за милое отношение, как у себя дома, так и в помещении князя, куда я прибыл тотчас по возвращении Арьи с прогулки и визитов к почетным членам монастыря. В этот же день двадцатого июня мне удалось снять несколько фотографий и посетить храмы с массой чистых шелковых стенных иконописей. Везде шли приготовления к торжественной службе!

Затем на землю спустилась ночь. Всюду в домах теснились паломники. Монастырь оживился. И днем, и ночью он напоминал мне тибетскую картину.

Стоило, бывало, подняться на увал к храму, как вы уже видите чуть не все внутренности домов — что там находится, что делается, а также в какой из этих домов кто и на чем приехал. По природной красоте он наряден, к тому же прибыли на праздник нарядные посетители! Золотое солнце, золотые ганжиры, местами части кровли, белизна монастырских храмов, мягкий зеленый фон окрестностей — все в сумме производило обаятельное впечатление. По руслу рек — Намага и Барун-гола, по каменистым галечным кругам звонко струилась кристаллически прозрачная влага. Абсолютная высота этого монастыря, та же что и Барун-хита — 6.200 футов (590.0+19.7), ан[ероид] 63 в 9 часов вечера 20 июня.

21 июня. Наутро мы встали очень рано. Нас подняла отличная погода, мы вновь повторили снимки с разных мест; нам удалось фотографировать церемонию шествия лам со всеми знаками храмов их больших хуралов⁹¹; я снял и несомого в носилках бога Майтреи⁹². На том снимке видна пестрая лента, тянувшаяся змеею по скату гор и по дну ущелья, короче — головою вползающая в храм, а хвостом еще извивающаяся в ущелье. Стройная музыка дополняла прекрасное впечатление. Смотрел я и мыслил о родине, о русской деревне с подобным крестным ходом, с голосами духовных певцов и певчих, с хоругвями и проч., а также и с нарядным мужским и женским элементом!

По окончании хода все молящиеся собрались в молитвенное помещение под навесом во дворе храма, в котором стояла парадная навесная палатка, где было поставлено тяжелое большое металлическое изображение Майтреи. За ним, с кровли храма до низа на приспособлениях из лент и веревок, в наклонном положении спускалось шелковое цветное, золотое изображение того же бога Майтреи. Всюду кругом сидели молящиеся, слева от кумиров мужчины, справа — женщины. Князь занимал почетное место на мужской половине, его жена — на дамской. Оба они были одеты по-монгольски. Я был усажен рядом с князем. Председательствующее место занимал да-лама, справа и слева перед ним его двое помощников, от которых посередине молящихся сторон тянулись линии лам. Вначале было служение — нечто вроде нашего освящения воды, затем, после молитв о ниспослании богатств, ламы выстроились в ряд, кто с гау, кто с бурханами, кто со шкатулками (в них, говорят, также бурханы) и начали подходить, подносить князю, княжне и прочим по старшинству для прикладывания реликвий ко лбам, точь-в-точь как наше целование крестов. После публички ламы прикладывают священные атрибуты ко лбам своих собратьев, начиная с да-ламы и его помощников, которые вешали хадаки на изображения, подносимые учтиво ко лбу. Когда шло прикладывание простолоудинок-женщин, там было немало курьезов, вроде наших сельских; ламы торопились и прикладывали не только ко лбам, но и к носам, к щекам, задевая и сдвигая на бок головные украшения женщин и стучая по голым бошкам мужчин; получался смех, искренне смеялась публика, а с нею и князь, и княжна!

В промежутках подходили к изображению Майтреи особенные 6 человек, длинноволосых, с секирами, которые в такт с оркестром, окружавшим [статую] Майтреи (превосходные, между прочим, флейтисты), плясали и делали стройные эволюции с секирами, перевортывая их острия. Затем три старца — ламы, каждый поочередно, в известное время ударяли по три раза в звонкий гонг, произнося нараспев молитвы. Заключение службы состояло в том, что да-лама со-

шел с престола, одел китайского образца сапоги и направился к Майтрее. Пройдя к окраине навеса, он трижды простерся наземь, затем направился к Майтрее, чтобы возложить на него хадак. Для удобства простирания да-лама предварительно снял набедренное отличие и еще что-то; встав, он их одел вновь. Затем поднялись все молящиеся, чтобы поклониться кумиру и одеть на него или просто положить более или менее богатый нарядный хадак. Встали с места и князь с княжной, когда я и нашел подходящим оставить храм и удалиться домой!

Монастырь Цзун-хит был основан также очень давно, и первоначально в долине, в нескольких верстах севернее города Дын-юань-ина. Спустя же некоторое время, а именно в год Черной собаки, приблизительно около 107 лет тому назад, — на месте современном. Список штатных лам Цзун-хита составляется по старине, в 1 000 человек, тогда как их живет постоянно не более 450 человек.

Настоятелем монастыря является Цзун-геген, состоящий в <слово пропущено> перерождении. Современный святитель из рода тайджи⁹³ — дворянин, родственник вана; после старшего гегена идут двое гегенов младших: нынешний да-лама — Тэву-лама и Уйцзун-лама. Фактическими же правителями являются да-лама, дэмчи*-лама и сан-лама.

Монастырь Цзун-хит лучший и высокий во всем алашаньском княжестве, как по строгим его правилам, так и по отправлению церковных служб. Подобный порядок был установлен в нем знаменитым алашаньским ламой Дандарлхарамбо⁹⁴, написавшим самую лучшую грамматику монгольского языка, а также переведшим немало книг тибетских на монгольский; цзун-хитцы свято сохраняют и поддерживают традиции их выдающегося предшественника, стоявшего в рядах их монастырской братии.

И этот монастырь был разорен дунганами, появившимися совершенно неожиданно с телегами для нагружения награбленного имущества. Сопротивление повстанцам, конечно, не было оказано и они совершенно свободно распоряжались всем, как дома. Потерявшие от страха головы ламы убежали в горы, и в лесной чаще скрылись от разбойников. Тяжело было смотреть, говорили мне двое старцев-лам, когда наши храмы очутились в огне. Мятежники сначала все выкрали, затем постройки предали пламени. А сколько у нас было интересного, драгоценного, чего никогда не добудешь. В нотах рассказчиков слышалось и чувствовалось глубокое сожаление о содеянном инсургентами в Китае и то непримиримое озлобление, которое они питают к общим врагам Китая.

За короткое время пребывания в монастыре я сошелся с помощником да-ламы, который имел представительную наружность и привычку одеваться прилично, нарядно. Равно мне понравилась обстановка келий, в которых проживает он и его святитель — чистые, широкие, комфортабельно обставленные комнаты, с богатыми домашними бурханами, гау и проч. Из окон больших лам можно было любоваться красивыми горными скатами, по которым лепились постройки — опрятные домики, перекинута мосты и густо стелется растительность.

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, я в тот же день, 21-го вечером, возвратился на главный бивуак, куда вскоре прибыли и Чернов с Четыркиным, а на следующий затем день и препараты. Словом, участники экспедиции

* Так у Козлова. Корректный вариант: эмчи-лама. (Прим. сост.)

собрались воедино. Все оживилось, задвигалось, каждый ушел в дело, чувствуя отлет к югу.

П.Я. Напалков, получивший от меня в принципе согласие на командировку в восточный угол или точнее, треугольник, составленный сторонами Дзиндзину — Лань-чжоу (оба в долине Желтой реки) и Пин-лян-фу, энергично отдался приведению в порядок отчетности по выполненной поездке и сбору в этот новый разъезд.

Геолог перебирает и укладывает сборы и пишет отчет. Я не знаю, как много времени у меня уходит на общие труды и работы. Положительно не хватает дня для занесения обстоятельных наблюдений по всем отделам.

Все это было под силу, если бы только не являлись нравственные огорчения, причиняемые мне моими спутниками, то старшими, то младшими. Первые больны честолюбием, вторые, старики, привержены к яду — пьянству, питию ханшина, от которого, как известно, погибло много юных офицеров в минувшую русско-японскую войну. Да, тяжело быть руководителем сложной научной экспедиции. Если бы знала хоть долю тех тяжких испытаний, которые я переношу нравственно в экспедиции, то уверен, что моя дорогая женка приняла все зависящие от нее меры к удержанию меня дома. Впрочем, Бог знает, это испытание может послужить мне к лучшему выздоровлению. Я должен возвратиться к жене обновленным, испытанным, и вернуться таким, каким я хочу быть. Она не узнает меня, она удивится и скажет, что из трудного путешествия могут возвращаться с зарубелыми чувствами. Нет, из такого путешествия могут возвратиться совершенно переродившиеся люди и высоко ценить святое, искреннее отношение.

Теперь несколько слов о третьем большом алашаньском монастыре, находящимся в Дын-юань-ине, внутри крепости, рядом с двором Алаша-цин-вана.

Ямын-хит основан в год Черной собаки, т. е. приблизительно 167–168 лет тому назад. Следуя учению Цзонхавы⁹⁵, как и другие монастыри, этот насчитывает в своем списке четыреста лам, тогда как налицо их бывает около 150 человек. Представителем Ямын-хитского монастыря считается геген Ганчжур-лама, имеющий седьмое перерождение. Современный святитель очень далек он того высокого положения, которое занимает: слаб в религии, предан светским удовольствиям [вплоть] до пития крепких напитков, игры в карты и удовольствий с женщинами. Ему в настоящее время сорок лет, родом он из Сан-чуани (южное Амдо).

На первое отправление святительских обязанностей в созданном монастыре современником ваном Алаша был приглашен Ганчжур-лама из Сан-чуани; эта страна продолжает давать и последующих перерожденцев.

Вершителями монастырских дел являются: да-лама, дэмчи-лама и сан-лама, которые назначаются на трехлетний срок алаша-ваном, утверждающим на эти должности лиц из общего списка кандидатов, намеченных советом монастыря. Означенные три должности замещаются соответствующими лицами в монастырях, устроенных по императорскому указу. Собственно говоря, алаша-ван лишь намечает избранных, а окончательное утверждение их в должностях закрепляется высшим монгольским представительством по делам религии в Пекине, согласно существующим китайским законоположениям для монгольских монастырей.

Кроме отмеченных лиц в монастыре имеются и низшие должности, которые замещаются ламами, назначаемыми самим алаша-ваном, как например, должности казначея, старосты и проч.

Местоположение Ямын-хита ранее было вне крепости, против южных ворот города, на западной стороне нынешней торговой улицы, где до последнего времени сохранились отдельные небольшие сумэ. Как и прочие монастыри, этот существует исключительно на добровольные мирские приношения и жертвования.

Покончив с работами по Алашаню, мы все свои помыслы теперь сосредотачиваем на предстоящей деятельности. Писание, укладка, снаряжение всецело заняли участников экспедиции.

Сравнительно богатая облачность с осадками не давала возможность до завтрашнего вечера (25 июня) поставить астрономическую трубу для наблюдений. Станция же метеорологическая работает по всем правилам. Прохлада сменяется жаром; поля хлеба пожелтели, созревают; китайцы покончили дело с опийкой, этой язвой китайского человечества, как водочная язва для россиян⁹⁶.

Последние дни июня месяца бегут непрерывной чередой замечательно быстро. Мы все, каждый в отдельности, всецело ушли в занятия, но так как первым составляет бивуак П.Я. Напалков, то, естественно, мы его снаряжаем.

26 июня. Ц.Г. Бадмажапов закатил лукулловский или, выражаясь по-китайски, мандаринский обед⁹⁷, на который был приглашен Алаша-цин-ван с молодыми князьями-сыновьями и наша экспедиция. Гости прибыли к 6-ти часам и с этого времени до половины 11-го мы, главным образом, провели за столом, оригинального художества — круглым, уставленным и уставляемым по мере течения времени всевозможными кушаньями китайского кулинарного искусства. Еда перемежалась выпиванием европейских напитков. Ван допустил присутствие сыновей за общим столом. Сыновья вели себя корректно, хотя и допускалась игра в пальцы⁹⁸. Обед закончился шампанским, которого я с удовольствием выпил два-три бокала. Затем с соседней вершины пушены были две ракеты, удачно взвившиеся на значительную высоту и там рассыпавшиеся змеями. В заключение мы, наконец, могли показать вану и его свите астрономическую трубу, в которую он наблюдал месяц и звезды.

Поздним временем мы разошлись по своим помещениям. День прошел оживленно, как и добрая половина ночи.

27 июня. Раннее прекрасное утро: небо синее, горы темнеют, оазис залит ярким, еще не совсем жарким солнцем. В прозрачном, спокойном воздухе по оазису реют ласточки, стрижи, над золотистыми полями хлеба порхают бабочки, с жужжанием проносятся мухи... жизнь развернулась всюду, лишь один люд лениво показывается в той или другой стороне. Совершив утреннюю прогулку, я возвратился к себе, чтобы начать заметки и продолжить писание многочисленных писем, но, вероятно, придется ограничиться только наиглавнейшими.

Торгоутский хошун, который официально известен под названием Хагоучин-торгоут, т. е. старый торгоут, расположен по долинам речек, составляющим общую систему среднего и нижнего течений Эцзин-гола (от урочища Адаг-цагана вверху и до озер Сого- и Гашун-нор внизу или на севере).

С основания своего, то есть со времени прихода сюда с Кобук-сайра около 400 лет тому назад, торгоуты⁹⁹ или торгоутский хошун вообще, подчинялся непосредственно Ли-фань-юаню (колониальному министерству) в Пекине¹⁰⁰, а в 1755—56 гг., т. е. в 20-х годах царствования императора Цзян-луна, по-монгольски Тэнри-Тэтхэксун, со своим молодым князем Бэйлэ Лубсан Данцаном был подчинен знаменитому алашаньскому цзин-вану Лубсан-Дорчже. Но через 40 лет, в конце царствования того Цзян-луна и уже при другом алашаньском цзин-ване Махабале торгоуты, во главе со своим новым князем Ванчжил-цереном, просили колониальное министерство освободить от подчинения алаша-цзин-вану и были удовлетворены богдоханским разрешением. С тех пор торгоутский хошун вновь подчинен Ла-фан-юаню, но только через посредство гань-чжоуских властей, а именно, через ганьчжоуского чжи-фу и лань-чжоуского вице-короля.

Торгоутский хошун управляется у себя своим родовым князем третьей степени, бэйлэ; имя нынешнего бэйлэ — Даши. В военном отношении хошун этот выставляет полуэскадрон, т. е. 75 человек кавалеристов, подчиненных командиру — сумун-цзангину.

Жителей в торгоутском хошуне очень немного — 130—140 юрт или семейств, живущих бедно в войлочных жилищах или юртах. Торгоуты-монголы земледелием почти не занимаются, специально ведя скотоводство, отправляя кочевую жизнь.

У торгоутов всего две небольшие кумирни: Субургайн-хурал, который находится недалеко от урочища Даши-обо, восточнее, и Дод-хурал. Название последней произошло от слова «доде», то есть нижний, так как кумирня находится несколько ниже другой по течению реки Эцзин-гол. В первой кумирне насчитывают лам до 30—40 человек, а во второй немного более.

Торгоуты дики, невежественны, темны, негостеприимны и крайне грубы. Ближайшим советником бэйлэ является престарелый мэйрэн-цзанги Цыдэн-Дагво, который один замещает все должности между бэйлэ и его чином, но который женат на молодой 26-летней дочери бэйлэ. К торгоутам мало кто проникает из соседей, точно также и торгоуты держатся особняком, довольствуясь своим миром. Если бы торгоуты входили в состав одного из сеймов, составляющих Монголию вообще, то они, вероятно, были бы просвещеннее; теперь же у них нет ни одного мало-мальски грамотного человека даже по-монгольски, не говоря уже по-китайски, по-маньчжурски. Поэтому вполне справедливо соседние монголы дали торгоутам обидное, смешное название-поговорку: «Модонэ муни — торой, монголэ муни — торгоут», т. е. «Последнее дерево — торой (тограк *Populus diversit*), последний (в смысле худший) монгол — торгоут».

Торгоуты, придя в девственную долину Эцзин-гола, были поражены могучестью зарослей леса и долгое время, около трех лет жгли их, чтобы создать пустыри для приюта стойбищ и пастьбы скота. То было давно, говорили мне проводники и сам бэйлэ, около 400 лет тому назад.

Легенда о развалинах Хара-Хото или Хара-байшэн в устах торгоутов гласит так: Последний владетель города Хара-Хото батыр Хара-цзянь-цзюнь, угрожая войсками, намеревался отнять китайский престол, вследствие чего китайские власти принуждены были выслать против него войска. Ряд битв, схваток меж-

ду императорскими войсками и войсками батыра Хара-цзянь-цзюня начался около настоящих северных границ Алашаньского хошуна, в горах Шарцза и был неудачным для последнего. Имея перевес, императорские войска заставили противника отступить и, наконец, принудили их укрыться в последнем их убежище — крепости Хара-байшэн, и выдерживать осаду. Долго ли продолжалась осада императорскими войсками крепости — неизвестно, во всяком случае, крепость взята была не сразу. Осаждающие, не имея возможности взять крепость прямым приступом, штурмом, решили лишить осажденных воды, для чего реку Эцзин-гол, которая, как говорят, тогда протекала у стен города, вблизи, пришлось отвести налево, западнее, что они успешно и сделали, запрудив прежнее русло мешками, наполненными песком. И поныне там еще сохранилась запруда эта в виде вала, в котором, говорят, недавно находили остатки от мешков, что совершенно согласуется с нашими предметами, нашими находками хорошей сохранности.

Не имея возможности более доставать воду, осажденные стали копать колодец в северо-западном углу крепости, где расположены все крепостные субурганы, но пройдя углублением около 80-ти чжан (чжан = 5-ти арш[инам]), говорят монголы, водного горизонта не отыскали. Тогда батыр Хара-цзянь-цзюнь решил дать осаждающим последнее решительное сражение и, в случае неудачи, он заранее использовал выкопанный колодец, скрыв в нем свои богатства, которых, по преданию, было около 80 арб, по 40 пудов груза в каждой только серебра, не считая других ценностей, а потом умертвил своих сына и дочь, дабы неприятель не надругался.

Сделав такие приготовления, батыр приказал пробить брешь в северной стене крепости, вблизи того места, где скрыл свои богатства. Этой брешью он со своими войсками устремился на неприятеля. В этой последней битве он погиб сам, а войска его были разбиты. Взятый город императорские войска, по обыкновению, разорили дотла, но скрытых богатств все-таки не нашли. Брешь, через которую вышли осажденные, существует и поныне. Говорят, что сокровища лежат там до сих пор, несмотря на то что китайцы соседних городов и местные монголы не раз пытались овладеть ими. Неудачи свои в этом деле они всецело приписывают заговору и заклятию, которые были положены на богатство-клад.

Достоверность этой легенды отчасти подкрепляется тем, что начиная от Шарцза (северная граница Алаша (северный Алаша) по пути к Хара-байшэн встречаются на вершинах гор и в долинах маяки-караулы, которые были построены ввиду неприязненных отношений с Китаем.

Далее, местные жители рассказывают, что как в городе, так и в окрестностях его находили и находят до сих пор разные предметы, закопанные и заваленные остатками построек. Большею частью находят принадлежности буддийского культа. В развалинах, в особенности внутри крепости бросается в глаза обилие черепков больших глиняных, муравленых посуды, которыми, по всей вероятности, пользовались для сбережения запасов воды во время осады.

Судя по постройкам, как то: храмам, субурганам, а также по множеству статуй вправе заключить, что хозяева в городе были буддисты, а кроме них были и китайцы или другой какой-либо культурный народ, знакомый с земледелием и системой оросительных каналов и канав. Вообще говоря, население Хара-Хото

должно было собой напоминать приблизительно современный алашаньский оазис — город Дын-юань-ин.

29 июня. Очень много пришлось похлопотать, чтобы обстоятельно снарядить разезды. Вначале, еще в Петербурге, предполагался лишь один разезд — через Нань-шань, приблизительно маршрутом Алашань, Лань-чжоу-фу, Куку-нор. Совместная же поездка моих сотрудников в Алашаньский хребет убедила меня в невозможности отправить вновь Чернова и Напалкова, не будучи уверенным в успехе, которому помехой служат невозможность общего совместного труда, разность взглядов, страшная общительность одного и полная необщительность другого. Между тем, в отдельности и тот, и другой могут отлично работать, в особенности геолог. Пришлось поступиться средствами, пришлось разделить участников на две части, дав каждому известную задачу. Чернов остался на первом, предположенном в Петербурге предприятии. Для Напалкова нужно было создать или наметить задачу здесь, в Алашане.

Таким образом, в целях успеха общего дела я решил выделить и Напалкова с равным числом помощников, с равными средствами, намеченными для Чернова. Капитан Напалков получил в помощь гренадера Санакоева и казака Буянту Мадаева; на общие расходы по экскурсии ему дано 300 лан серебра. Задача разезда следующая: дойти до Дзинь-дзину на Желтой реке, затем, выяснив на месте, двинуться в полуденном направлении по одной из долин речек, сбегających от главного хребта (Северного Тэтунгского, правильнее, его восточного продолжения) Нань-шаня в области Пин-лян-фу — Лань-чжоу-фу. Познакомиться с населением, собрать полезные наблюдения, сведения; помимо главной топографической работы в разезде собирать зоологические коллекции — жуков, мух, бабочек. В конце августа быть в Лань-чжоу-фу, а в 20-х числах сентября — в окрестности Синина.

На таких условиях мы расстались с Петром Яковлевичем и его спутниками, пожелав им всем счастливого пути.

Проводив Напалкова, мы энергичнее принялись оканчивать сортировку багажа, писание писем, выделение коллекций для отсылки через Ургу в Россию. Набралось много ящиков пудовых посылок, а именно: этнографической, с предметами, добытыми в развалинах Хара-Хото — десять ящиков; геологической — восемнадцать, их них два в Москву с палеонтологией; зоологической коллекции — один ящик с 4 ящичками жуков. Кроме того, два небольших ящика с негативами, по четыре коробки тех и других. Все это сдано с препроводительными бумагами. Через Ургу я направил и пакеты с карточками в Географическое общество и в Генеральный штаб. Частные же письма мы направили на Пекин.

Погода в последнее время дождливая, воздух прозрачен, сыр. Горы и прилежащая равнина-пустыня видны отлично. Но главное дождь, которого так ждали алашаньцы и который так неожиданно радует их своим обилием. Пуше прежнего воспрянет пустыня. Удушливая страда окончилась. Жар, словно сон, будто его не бывало. Поднимутся облака, и далеко открывается вид на песчаные грядовые барханы. Соседний же хребет кажется близким на версту-две. Последние несколько дней, конец июня и начало июля, я тщетно пытался выставить универсальный инструмент и произвести определение времени перед отходом экспедиции. Прозрачного, свободного от облаков, неба не стало.

В проблески полуясные, там или там, по горизонту сверкает молния, слышится отдаленный гром. Полосовые тучи скользят в виде гигантских щитов в различных местах полузападного кольца, точнее, западного полукольца горизонта. В то же время по земной поверхности оригинально несется пыль, иногда поднимаясь высокими столбами.

2 июля. После обеда мы проводили в путь Чернова, которого сопровождают младший препаратор Арья Мадаев и гренадер Демиденко. Совершенно неожиданно для меня представилась Чернову возможность проложить новый путь по пустыне до Сого-хото (Чжэнь-фань). Итак, экспедиция начинает действовать: помощники понесли крылья, сам я направлюсь серединою, имея при себе младшего сотрудника Четыркина и стариков, входящих в состав конвоя. На душе светло, прекрасно, выступление вперед меня страшно радует. Я мечтаю о Нань-шаньском пересечении, о горах и речках, а за ними уже вижу интересную деятельность на Куку-норе. Там предполагаю провести период осеннего перелета птиц; в соседнем же южно-кукунорском хребте надо поохотиться за медведями. Новый путь до Синина, по крайней мере, в области пересечения гор, для меня интересен. Что встретится на этом пути в отношении флоры и фауны? Меня интересуют альпийские луга, скалы, там можно встретить любопытные формы.

3 июля. Собираясь в дорогу, я поехал к алашаньскому вану попрощаться. Ван с сыновьями Арьей и У-е принял меня любезно, по-свойски. Мы искренно говорили о той дружбе, которая нас связывает с давних времен. Ван мне дал свой портрет, просил мою семейную группу, и я ему обещал прислать ее через моего Бадмажапова. Последний сумел себя здесь очень хорошо поставить, а через это принести нам существенную пользу.

Алаша-ван расспрашивал о плане моих дальнейших работ, о самом маршруте, о времени моего возвращения на бивуак, в Алашань, где остается склад и метеорологическая станция.

Ван, между прочим, в день выступления первой партии Напалкова (29 июня) прислал мне в подарок серого иноходца, даже двух, одного — на выбор, с блестящим местным монгольским седлом. Я искренне поблагодарил, но от подарка уклонился, находя его малоподходящим. Лошадь я всегда могу добыть, что же касается до седел, то их у меня два. Может быть, алаша-ван надумает прислать мне более подходящий, небольшой местный предмет, который послужит мне и в будущем отличным воспоминанием, как в настоящем может пригодиться в научном, этнографическом отношении. Вот как, например, поступили его двое младших сыновей, один из которых прислал мне старинную, извлеченную из земли в Китае чашечку и принадлежности на письменный стол, другой (У-е) принес в подарок альбом, снятый им фотографически и составляющий виды Алаша, труппу домашнего китайского театра, виды монастырей — Западного и Восточного и проч.

Так окончилось наше, свыше двухмесячное, пребывание в Дын-юань-ине. Мы познакомились и с городом, и с оазисом, и с горами, и даже с долиной Желтой реки, прилежащей к Нин-ся, выше и ниже этого города. Более подробно изучен хребет Алашаньский, гордо поднимающийся ввысь. Его геологическое строение, его флора, фауна, его население — все изучено.

Наше стремление теперешнее — вперед к югу. С вечера 3-го июля караван готовится в дорогу. Все радостно зашевелились. Ночь, облака сплошные, удары по крышам дождя вселяли сомнение в раннем выступлении.

4 июля. Просыпаюсь, дождь громко барабанит по кровлям, во дворе лужи. Раннего движения незаметно. Дождь продолжает идти, но уже из сильного перешел в слабый, осенний. Ласточки витают, медленно на большой высоте; голуби съжились в комочек, наохлились, собаки запрятались по углам, съжившись в калачики. Тихо в воздухе, только одни воробьи энергично кричат и дерутся, вероятно, не поделили ласк подруг. Над Алашанем сплошной серый купол небес. Вот уже одиннадцатый час, погода словно думает думу, в какую из сторон направить энергию.

Два дня, 4 и 5 июля, дождь, непрерывно шедший, помешал нашему выступлению. И днем, и ночью он шел, почти не переставая. Воздух наполнился сыростью, температура понизилась. Облака густые, серые, иногда свинцовой окраской окутывали все горы и нередко даже прилежащую равнину. Пятого июля алашаньские ручейки, бегущие в широких каменистых руслах, к 2 часам дня превратились в грозные потоки, катящие желтую воду высокими гребнями или волнами. Мосты были тотчас снесены, обрывы то и дело подмывались и с гулом обрывались в воду, замучивая ее еще больше. По берегам шумных потоков собралось много жителей, китайцев и монголов. Не обошлось и без жертв со стороны мелких животных. В дождливое время всегда падают глиняные стенки [домов]: курьезно, отваливается стена и видна вся внутренность жилья.

Под вечер, когда солнце осветило сырой, грязный оазис, мы воспользовались свободным временем и обошли весь круг (кругом весь город) по городской стене. Форма стены — пятиугольная, вытянутая от востока к западу. Вершина венчается каменным барьером с бойницами. По углам и посередине стены имеются фланкирующие башни. Вершина плоской части стены обделана также обожженным кирпичом. Вообще можно заметить и относительно стены-крепости, и относительно внутреннего убранства города — желательно много лучшего. Везде мерзость запустения. Ван на все, по-видимому, смотрит спустя рукава. Его дворовые постройки, мостовые нуждаются в капитальном ремонте. Даже летний дворец и многие беседки, кумирни, придававшие отличный вид ванскому двору, — плохи. Один только главный храм хорошей сохранности гордо выделяется над общими постройками.

Внимательно всматриваясь во внутренность города, в крепостную стену, я чаще и чаще со своими спутниками вспоминал город Хара-Хото. Если бы не масса субурганов в Хара-Хото, и не только внутри, но и вне крепости и на самой стене, то Хара-Хото можно было положительно сравнить с Дын-юань-ином.

Здесь также двое ворот: с юга и востока. Северная возвышенная часть, внутри города, еще совершенно свободна и дает в будущем возможность производить постройки.

6 июля. В воскресенье мы, наконец, завьючили караван и в 9 часов утра выступили к югу. Непролазная грязь тормозила движение: верблюды скользили, падали, в особенности внутри оазиса; вне — стало лучше и мы к полудню могли достигнуть благодатного ключа Байшинтэ, где приютились караваном. Восемь лет тому назад мы здесь стояли южнее развесистого дерева; здесь страдал Гар-

за и умер. Тяжелое воспоминание. Теперь мы расположились на берегу ключа и все мылись, купались. Все еще следы разрушения видны по дороге, по руслу. Атмосфера дивно прозрачна и дает возможность любоваться и горами, и пустыней. Горизонты далекие. Тепло, хорошо. Мы так рады, что вновь среди природы. Опять наши сборы стали обогащаться. В пустыне вода блестит озерами. С нами почетный конвой. Наша собака томится — она страшно жирна. Пройдет ли благополучно пустыню?

А вот едут и наши городские друзья гг. Бадмажапов и Симухин по вечернему прохладному воздуху. Опять оживление... Кстати, вечер удался на славу: дивен был закат — на солнце лежало небольшое облачко, из-за него лучи солнца выбивались наружу. Невольно пришлось повторить избитую фразу: «Нарисуй, не поверят!». Сумерки спустились на землю очень быстро, за ними явилась и ночь — тихая, теплая, ясная. Мы вчетвером уютно расположились и очень скоро забылись сном праведников. Насмешил только наш паж Серж [Четыркин]¹⁰¹, сбегавший к родничку выкупаться, а затем, в мокрой сорочке, слегка дрожа, забравшийся в свой мешок.

7 июля. Бивуак проснулся очень рано — до зари. Движение бодрит, оживляет. Ясное небо; в воздухе свежо. Над гребнем гор всплыла яркая планета Венера, называемая в простонародье «утренняя звездочка»; она быстро поднималась вверх, и ее свет, особенно резкий вначале, начал понемногу тускнеть. Караван готов. Мы прошли с $\frac{1}{4}$ версты пешком и сердечно распрощались с нашими соотечественниками, пожелав друг другу успеха в предприятиях. Мы остались окончательно одни и с мыслью о Куку-норе, а раньше еще о Нань-шане энергичнее поплыли на кораблях пустыни! Слева стояла стена Алашаньских гор, меняясь в очертаниях; справа убежала слегка покатая на запад пустынная равнина; на далеком горизонте желтели сыпучие пески, залегавшие высокими грядовыми барханами; на ближнем зеленела песчано-глинисто-каменистая поверхность; еще отраднее зелень расстилалась по направлению гор. Наш путь вначале пересекал окраинные холмы — подножье, затем, последовательно отходя к равнине, пересек ровную подгорную покатошь, оставил колесную дорогу и вступил на караванный путь к Синину. Наш маршрут долгое время шел вдоль русла Ихэ-гол, т. е. того, при котором, у подножия главного гребня, приютился вышеописанный монастырь Барун-хит.

Русло несло след недавнего пребывания высокой воды; ее остаток еще сохранился, в виде значительных луж в урочище Дарбахай. И на этой части дороги русла разрушены, берега обточены, скругления нарушены так, что тропа сразу обрывается. Придорожное обо Бомбото предательски видно и с Байшинтэ, и с Дарбахайя. Местность в расстояниях по-прежнему страшно обманывает. Сегодня по дороге особенно много наблюдали дзеренов — хара-сульт, пробежавших вдаль и вблизи от нас; повсюду также виднелись туземцы. Налево, ближе к горам, постройки китайского типа, направо, в равнине — войлочные юрты, и одинаково везде были стада баранов, коров, верблюдов. По большой дороге тяжело громыхали высокие арбы с впряженными по 3–4 лошадьми или лоцзы¹⁰².

Унылая остановка среди песков. Жара томительная, тяжелая; больше всех страдает наша собака Сигнал; Гарза и Лянга ушли в разъезды: первая с Напалковым, вторая — с А.А. [Черновым].

Вечером мы были неожиданно порадованы гонцом, привезшим вдогонку нам письма. Я, между прочим, получил весточку из дома. И хорошо, и тяжело. Хорошо, что благополучно, что дети растут на глазах жены-матери, ее радуют, ей наполняют жизнь. Тяжело — за ее огорчение. Весть о ворах, кравшихся в нашу квартиру, сломавших замковое отверстие, еще минута и открылась бы дверь, и появились бы нежеланные гости, но все обошлось благодаря присутствию и случайной бдительности жены. На некоторое время уляжется поползновение, но, справедливо замечает жена: «Надо быть настороже, за нею следят!». А как тяжело переживать это здесь! Помочь, пособить делу не можешь, не в состоянии. Сколько дум передумаете в постели лежа или сидя верхом на лошади в течение долгого, жаркого перехода!

8 июля. Я проснулся под утренние раскаты грома, фантастические змееобразные вспышки молний и барабанье по палатке крупных капель дождя. Грозовая туча шла как раз через наш бивуак. Темную массу наземную ярко освещала молния. Бивуак находился в движении. Молодцы вышли и вовремя выступили. Дорога была крайне утомительная, в особенности последние 15 верст, ведь сегодня мы сделали переход в 42 версты — порядочный! Вначале было свежо, хорошо, но затем, когда начались увалы, бесконечные увалы, жарко, монотонно. Горка Шангын-далай показалась еще вчера, очертания ее становились отчетливее. Путь пересекал высунувшие языки равнины, шел у порядочных луж, где держались турпаны, ходулочники, пара крякв, на возвышении берега — орел, по прибрежью — серый куличок и немногие другие.

Утром над Алашаньскими горами разразилась гроза, затем было прозрачно; вечером уже горы окутаны пыльной дымкой.

По дороге выходы конгломератов и бурого песчаника. Из пестрых конгломератов очень много обо — и одиночных, и двойных, и малых, и больших. Без обо здесь трудно ориентироваться.

Соседние горки Лоцзы-шань, называемые по-китайски «Гора-мул», отстояли очень близко, верстах в 1½, хотя до вершины, увенчанной большим обо, добраться очень нелегко.

9 июля. Утро мрачное, томное; в воздухе, наполненном насекомыми, мелькают летучие мыши. «Утренняя звездочка» высоко поднялась; мы выступили около ½ 5 часов утра и первое, прохладное время двигались очень успешно. Мы поднимались на высоту — перевал в течение 6-верстного расстояния. С Дэрэстэн-хотула, составляющего, вероятное продолжение массива Лоцзы-шань, в следуемом нами юго-западном направлении открылась долина, подернутая вуалью из пыли. На этой долине в бинокль можно было рассмотреть светлое пятно, занятое монастырем Цокто-курэ. Вправо от монастыря блестели полоски вод, окаймленных зеленью полукустарниковой и травянисто-пустынной растительности. За монастырем, да и на всей части юго-западного горизонта всюду виднелись сыпучие пески. Караван шел успешно, под гору; к тому же твердая, сухая почва и ровная дорога. Жара между тем усиливалась; сухой, горячий воздух припекал ощутительно, во рту пересыхало. Мы, не дойдя до монастыря, остановились при кол[одце] Баин-худук. Здесь, у пустой колоды стояло несколько ослов, тщетно ожидавших утоления жажды; вблизи валялся труп ямана. Вода в колодце была далеко неважная — испорченная выделениями жи-

вотных: баранов, рогатого скота, ослов и других. В соседстве колодца ютились монголы и их стада.

10 июля. Ночь тихая, облачная, очень томная; дышать было тяжело; перед утром по палатке забарабанили крупные капли дождя, к сожалению ненадолго. Люди спали под открытым небом. Ночной тишины ничто не нарушало; монастырь отстоял в расстоянии трех верст. Утро раннее, мы уже в пути. Южная окраина Алашаньских гор покрыта пыльной дымкой, по небу несутся медленно кучевые или слоистые облачка.

Неожиданно по дороге к монастырю мы встретили интересную парочку — очень нарядных ламу и монгольскую девицу, шедших мило в столь ранний час. Заметив нас, интимная парочка уклонилась в сторону от дороги, чтобы близко не попасть нам на глаза. Девица несколько раз с улыбкой посматривала на нас, в особенности, когда мы ее рассматривали в бинокль. По-видимому, эта молодая монголочка ночевала в монастыре, и быть может у своего возлюбленного-рыцаря; на утренней же заре рыцарь провожал свою Дульцинею, чтобы взоры старших лам не соблазнились молодой поэзией. Но тут, как на грех, неожиданная встреча с большим, да еще и русским караваном, растянувшимся на порядочное расстояние. Молодой паре пришлось ретироваться, укрыться от чужих и своих (монголов) наблюдателей. К тому же вообще ламам не подобает быть в обществе женщин.

Подле монастыря Цокто-куре мы проходили, таким образом, в очень ранний час и, за исключением одного-двух монахов, да землебитов, ремонтировавших ограду монастырского храма, никого не видели. В общем, монастырь порядочный. Кроме главного храма имеются второстепенные. Монастырь не содержится в надлежащем порядке. В окрестности расстилается болото, обильное водой по случаю сильных горных дождей. Среди монастырских построек имеется несколько довольно глубоких колодцев.

Монастырь основан более ста лет тому назад в честь бога Гомбо (Арья-бало)¹⁰³ — его металлическое, нарядное изображение стоит на обычном месте бурханов в главном храме. Да-лама по имени Чжалсэ. Число монахов простирается до 50 человек в обыкновенное время и удваивается в периоды хуралов — четырех, в средних месяцах времен годов. Во главе монастыря стоит да-лама. Монастырь исповедует учение Цзонхавы; существует на собственные средства (сто голов верблюдов, 100 лошадей, 100 баранов, мелкий рогатый скот) и добровольные приношения. При случае навеш[ает] монастырь Да-е (проездом). С южной стороны к Цокто-курэ примыкали низменные участки, бывшие также под водой. Над ними пролетела небольшая стайка гусей; далее, в полуденном направлении вставали пески, в которые незаметно мы и втянулись караваном. Среди песков залегает отличный колодец, до 2 саженьей глубиной, Сархэ-худук. На нем мы запаслись водой на дальнейший путь. Сначала тут никого не было; но через несколько минут появился рогатый скот на водопой, а за ним и подростки, державшие себя крайне робко, в отдалении. За колодцем путь наш среди песчаных барханов, протянувшихся грядами в меридиональном направлении, становился еще более трудным. Мы поднимались вверх. С высоты пески стали еще более величественными, они заполнили собою весь видимый горизонт. Дорога, или тропа, то шла твердым землястым грунтом, среди которого выступали обнаж[ения]

светлого конгломерата и масса сделанных обо — указателей дороги, то все заполнял собой ярко-желтый сыпучий песок. Местами песок раздвигается, словно дает место для углубленной долины, залитой зеленым ковром травянистой растительности и хармыка, обильного красными ягодами, на которые даже и мы, волнимые жаждой пустыни, жадно набрасываемся! Первая такая долинка нас не удержала, там паслись лошади, там блестели лужи воды (горько-соленой, хотя местами имеются и колодцы со сносной влагой). Вторая долинка, разобшенная с первой грядой песков до 2 верст шириною, носящая название Ширигин-долон («Выкипяченные семь озер») дала возможность хорошо устроиться нашему каравану. Тут имеются озерки с водой, с камышом; на озерке держались птицы: турпаны, семья пеганок, улит-прудовик, щеврица, улит-травник; кроме того — лунь и мохноногий Buteo.

В озерке мы все выкупались по несколько раз, но в песок, накаленный до 65 °С, ложились только некоторые, желавшие полегчить от застарелых ревматизмов. В озерке плавают головастики; мы добыли в коллекцию лягушек.

Поросшее камышом озерко Ширигин-долон давало возможность приютиться на гнездование Circus'у. Его одинокого птенца мы добыли в коллекцию. Здесь также держался табунок светло-серых зуйков и меньший табунок песчуровых песочников. В мое настоящее пересечение алашаньской пустыни от Дын-юань-ина к Пинь-фаню, в местности, где залегают окраинные углы сыпучих песков Сэрхэ и Тэнгэри (интересно, между прочим, что проводники с Байтун-цзы не знают, незнакомы с подобными названиями), валялось немало трупов животных — верблюдов, лошадей и немного бар[анов], павших от дождя, шедшего несколько дней кряду и понизившего сильно температуру. Любопытно то обстоятельство, что монгольские животные, как и их хозяева, способны переносить Бог весть какую жару, но холод, в особенности мокрый, влажный в летнее время, т. е. переживать контрасты, не в состоянии. Заморенные с весны бескормицей и сухостью, наиболее отощавшие животные падали; верблюды в такое время особенно отзывчивы к холоду, будучи совершенно голыми.

11—12 июля. В эти дни, в особенности в последний, жара свалила, будучи парализована 11 июля ветром, довольно крепким, а 12-го дождем, шедшим периодически. Напоследок мы идем по пустыне, в наиболее безводной ее части, послеобеденными переходами. Ввиду этого мы спим больше, и первая часть дня, когда еще не так жарко, в нашем распоряжении для работ. 11-го июля, в день именин моей дорогой дочки, я мысленно уносился на родину и, чтобы осязать чувствительнее, я писал жене письмо, беседовал с ней.

Выступили в начале третьего часа при сильном восточном ветре. Первые 3—4 версты двигались по песку, затем вступили в крайне пересеченную поперечными увалами местность. Увалы вырастали в мощности и на юго-востоке перешли уже в гряды горок, одну из которых нам назвали Хонгор. По вершинам увалов у дорог всюду стояли обо, иногда даже по несколько, с плитами — мани, испещр[енными] буд[дийскими] молитвенными формулами. Среди логов, также поперечно нашему движению, извивались тропы кочевников, от жилья к жилью или от жилья к колодцам. Одна дорога, ухотившая к западу, на шестом переходе достигала соленого бас[сейна] Цаган-дабасу, ее восточное продолжение [достигало] китайского небольшого городка Дэрэсун-хото.

Даже и на безводных переходах мы нередко видели животных и не только верблюдов, но и лошадей, поэтому мое заключение прошлого путешествия об отсутствии больших безводных пространств в Монгольской пустыне еще более подтверждается.

Отправившись с Ширигин-долона после обеда с мыслью в середине безводного пути ночевать, я принужден был изменить свой первоначальный план, так как весь переход вышел только в 30 верст и мы, подтянувшись, осилили его в один прием. Правда, последние две версты мы шли положительно ощупью и без палаток приютились ночлегом, вытянувшись караваном вдоль дороги. Темная ночь надвинулась быстро благодаря облачности. Усталые, мы быстро уснули крепким сном. Я мыслью перенесся в родной край, где теперь собиралась моя праздничная семья только к обеду!

Усталые, мы расположились в темноте под открытым небом. Но на заре крупные свежие капли дождя заставили поставить шатер, который опытными людьми отряда был принесен на руках и поставлен на стойки над местом, где мы располагались.

Только утром можно было рассмотреть нашу местность — вся она состояла из песчано-глинистых бугров, покрытых кустарником, преимущественно хармыком. По соседству ютились монголы, уступившие нам барана. С мясом нам стало плохо: жара не дает возможности убереечь его в свежем виде; мы питаемся, главным образом, сухим, консервированным мясом.

Облачность и некоторая свежесть в воздухе дала нам возможность, без особых усилий, перевалить последний солидный рукав сплошных сыпучих песков Тэнгэри. На колодце Ихэ-Тунгун-худуке с их северной окраины мы остановились на самое короткое время, достаточное лишь для того, чтобы запастись водой. Здесь вдоль обрывистых песков тянется отличная луговая долина, еще издали отливавшая в это время мягкой изумрудной зеленью, на который пасся многочисленный скот. И здесь мы наблюдали трупы, частью схороненные, частью лежавшие наружи, павших животных, разносивших по окрестности зловоние.

В этой местности мы встретили двух чиновников-алашаньцев, пересекших пески и следовавших домой, обратно из Лань-чжоу-фу. Этим алашаньцам я передал мою просьбу позаботиться о распоряжении доставить одну из караванных, усталых и оставленных тут лошадей, чтобы после отдыха и поправки отправить ее в Алашань. Другой наш инвалид Сигнал — сторожевой, монгольской породы пес, начал идти лучше, так как его взял под покровительство Иванов, тщательно делавший его ногам перевязки и одевавший на две особенно больных ноги чехлы. Накануне и в этот день дождь примял, уплотнил песчаную поверхность, облачность же понизила температуру, и мы очень успешно осилили переход по песчаным высоким волнам. Красивой змеей извивался наш караван, в особенности, когда следовал по скатам высоких барханов. Одна часть каравана — передовой эшелон поднимается на одну вершину, третий на другую, средний в то время скрывается в промежутке песчаных волн и т. д. Животные тяжело дышат, но идут покорно; шелеста лап не слышно вовсе... разве только один-другой тяжело вздохнул; собака скакивает, сокращает расстояние и нередко обрисовывается то на одной вершине бархана, то на другой. Втянувшись в глубину песков, ничего другого не видишь, как только сплошную желтую массу этого сыпучего

продукта. Высокие барханы и полулунные¹⁰⁴ или даже воронкообразные углубления чередуются между собой. Иногда вершина грядового бархана извивается, словно гигантская змея в ту или другую сторону, храня, впрочем, общее меридиональное, или близкое к нему простирание. Перед закатом дневное светило вышло из-за туч и картинно осветило скалы и гребни барханов. В течение нескольких минут наш караван еще в песках и закат солнца на темно-сизых грядах гор производил чарующее зрелище. Такие картины никогда не забываются. С любой высшей точки вокруг ничего не видно, кроме желтизны песков да голубого, чистого или подернутого облаками неба. Жуков масса, ящерицы изредка. На высшем месте песков стоит в виде маяка обо.

Сумраки легли на землю, но слабый отблеск заката еще прорезал темноту, как мы уже вышли из песков и на первой гладкой площадке разбили наш бивуак. Перед сном, в 10 часов мы расстались с чиновником-конвоиром, отправив через его посредство несколько писем на родину. Я написал жене и Ц.Г. Бадмажапову в Алашань. Не знаю, попадет ли и когда это письмо по назначению?

13 июля. Выступили ранее 5 часов утра и прежним курсом продолжали двигаться более успешно, нежели в песках. Местность заволновалась. Мы вскоре прошли холмистые цепи Ихир-улын, за которыми на запад шла гряда других высоких холмов — Аргалинтэ. На востоке и юго-востоке высились горные гряды, за ближайшей из которых протекала Желтая река. Затем мы вступили в широкое русло, извивавшееся по песчано-глинистой открытой долине Долонэ-гол, на которой были видны следы недавней высокой воды, местами смывшей дорогу. Мы весь переход ориентировались на седлообразную горку, увенчанную обо, и называемую Долонэ-обо. Подножье горки-высоты омывается тем же руслом Долонэ-гол. На этом русле, в урочище Цзаха-долон, на верхнем из трех, по соседству расположенных колодцев, мы и ночевали. Но пользовались водою не из колодца (желтая, с зеленью), а случайно найденной под скалистою частью берега, в омуточке.

Побаловавшая нас было облачная погода опять сменилась душно-жаркой. Невозможная томящая жара, тем более чувствительная, что мы не в состоянии нигде от нее укрыться; нет и источника, который мог бы хоть немного освежить нас...

Сегодня по дороге много жуков; попадают и небольшие пестрые, очень злобные змеи. На (Хор) Хоир-худуке была поймана большая змея и тоже пестрая, но светлее; монголы назвали ее «хонин-могой», часто жалящая животных, у которых места укусов змеями опухают и томят животных болью в течение нескольких дней, до 1½–2 недель. Вторая — маленькая змейка, пестрая, очень красивая была поймана при Цзаха-долон и так же, как и первая, была страшно злобной. Особенной свирепости, силе, мне кажется, способствует жаркая, сухая погода. Тут же был застрелен и тушканчик, которых на Баин-худуке наблюдалось до шести штук, бежавших от проходящего домой стада баранов. Забавны эти быстрые зверьки, сгорбленные, скачущие вприпрыжку, с длинным хвостиком, увенчанным черным султаном, наподобие которому эта кисточка держится тушканчиками во время их побежек.

14–15 июля. Последние дни, но только не 15, когда стояла облачность и пал дождь, красавица планета [Венера] по утрам, когда мы вьючим и выступаем,

ярко светит высоко над горизонтом. Затем ее свет бледнеет в приближающихся лучах солнца и совершенно исчезает. При свежей температуре воздуха мы подвигались успешнее, обыкновенно вначале мы все идем пешком — верстую другую. Седлообразная горка приближалась; как приближались и вообще горки, в особенности же с юго-востока. На этой стороне гряды гор, вероятно, теснили Хуан-хэ, к которой мы в середине перехода очень приблизились. Хребет Куань-гоу-ченский также открылся в своей верхней части, а в нижней его заслоняет передовой Ма-чан-шань. Пройдя 11 верст, мы достигли старинного (поддерживаемого и теперь) субургана в память погребенного здесь Банчен-богдо¹⁰⁵. Субурган этот высотой не более двух саженей, типа монгольского или современного, но отнюдь не индийского. Пройдя еще пять верст, экспедиция вступила на большую Нин-сяйскую дорогу и по ней еще успешнее последовала вперед. К северо-востоку вблизи виднелось китайское селение Ин-нань-шуй. Ранее вблизи этого места отделилась веточка на Лань-чжоу-фу, как раз в местности со следами придорожных развалин и с остатками на вершине холмистой гряды сторожевой башенки — цончжи. Отрадно действовали на душу приближающиеся цепи гор. Пустыня с ее бесплодием и душным жарким воздухом надоела окончательно. Однако китайцы селятся с земледелием; пользуясь случаем обильно смоченной земли, они и в пустыне вновь запахивали места, наиболее приближенные к горам и наиболее обуславливающие успех. Вскоре затем мы миновали знакомый для меня пограничный знак Алашаньской границы (знаков пограничных два, выше и ниже селения, на карте значится лишь один, который выше) и земли, состоящей в ведении Гань-суйского вице-короля, а затем и развалины, еще хорошо сохранившиеся, селения Тянь-лоба. Мой спутник Четыркин чуть-чуть копнул в развалинах, как добыл остатки женского фарфорового браслета с красивым красно-синим рисунком. Попалась и монета, но отжившая свой век, хрустнула в руках от малейшего напряжения.

Спустившись по одному из сухих крутых русел, у окраины высоты мы расположились лагерем. Жара нас душила страшно. К вечеру 13-го ветер понизил ее, к ночи еще больше, когда стали падать капли дождя. Ветер крепчал, и в один из бурных порывов сорвал нашу палатку. Холодный дождь, пронизывающий ветер, послужили нежеланным холодным, холодным душем. Палатку поставить не могли, несмотря на усиленное желание. Укрылись брезентом, но предательский дождь так забивал его, что образовал подо мною целую струю, которая меня холодила в течение ночи — мучавшая, не давшая уснуть и проч. Словом ноченька пренеприятная. Однако все скоропреходяще. На свету мы были под шатром, поставленным на нашу берлогу. Тут, под защитой, привели себя в порядок, а к полдню уже имели возможность собраться и в дальнейший путь, хотя, как говорится, с грехом — везде были тучи, самые грозные в юго-восточном углу гор. Благодаря прозрачности воздуха дали были открыты, и переход на протяжении двадцати пяти верст в Са-янь-цзинь был виден отлично, равно и самый город-таможня, выделявшийся издали своими высокими деревьями тополей.

Юго-западным курсом, словно по проложенной линии, караван двигался весь переход. В долине вправо виднелось соленое озеро, лежащее вблизи селения Бай-тунь-цзы, между которым и озером тянулась полоса зелени из низкорослого белолозника. Мы шли прямым путем, оставляя богатое верблюдами селение

к западу. По дороге в холмах долины встретили двух лам-промышленников, ехавших из Гумбума в Монголию с предметами культа — свечами, тиб[етским] сукном, цацами и проч. За равниной встали поперечные холмы и развалины селений на старых, заброшенных в большинстве пашнях которых собралось много дождевой воды. Горы Ма-чан-шань приближались, стали явственно выделяться их контуры: вершины, скаты. Растительность бедна, видно, пол-лета горы не получали влаги. Пошел дождик и мочил нас около часа; затем прекратился вовремя и мы при полуясном закате солнца расположились у стены паршивого городишки-таможни. Что здесь хорошо — это родник, окаймленный наподобие колодца. Здесь проживает чиновник с солдатами, очень деликатно встретивший моего посланного с паспортом, открывший нам свободный пропуск.

По случаю поздней остановки толпы мы не видели, как обыкновенно бывает. В городишке не нашлось ничего съестного, кроме небольшого пучка лука; хлеба не едят сами.

Этот день для меня, а, следовательно, и для моих спутников, был особенный: у меня дома сын — именинник. Ранее, 11-го июля, дочь, поэтому я совместил празднование вместе — 15 июля. С прихода я поднес людям по чарке водки, а все вместе разделили коробку сардин. Кроме того, угостились консервированным кофе, конфетами, печеньем; я вдобавок, традиционным малиновым вареньем. Несмотря на 5-часовой переход и бурную ночь мне с вечера долго не спалось. Кругом бивуака и самый городок спали крепким сном. Моя мысль в такие дни, независимо от моей воли, улетает к родному очагу. Здесь я уже в постели, думается мне, а там мои бодрствуют, гуляют до обеда, вспоминают папу — это дети, жена — мужа. Господи, взываю мысленно, ведь еще день придет такой на будущий год и в этой же Азии, когда же настанет момент возврата, когда, наконец, эти дорогие, обаятельные дни я буду проводить вместе с семьей, с моими подрастающими птенцами. Однако действительно тяжело; пора прекратить бродячую жизнь, по крайней мере, на такие большие периоды.

Человек живет будущим. Я отсчитываю время периодами: монгольским, кукурским, сычуаньским, а там виднеется и радостный горизонт.

16 июля. Просыпаешься, чуть забрезжит заря. Планета во всей прелести; как номад ее приветствуешь первое из первых! Город спит: не слышно ничего кроме пения петухов, отдельных бляений баранов и лая псов. Наш караван быстро снимается и направляет свой обычный ход к югу, с большим или меньшим уклонением в стороны. Медленно двигаемся вверх крутого, местами узкого, затененного ущелья, местами по коренным выходам, местами по песчаной глине поднимаемся, спустимся в русло-ущелье, снова поднимаемся и опять спустимся; перед нами открывается сквозная долина, граничащая на юге [с] хребтом, более высоким Лоу-ху-шань, который на крайнем западном крыле поднимается до такой высоты, на которой белел временный снег. Долина была дивно открыта; южные горы также; отлично была видна лесная зона, отчетливо выделялись устья ущелий, где располагались селения. Оба городка, Юн-тай-чен и хорошо знакомый мне Куань-гоу-чен, видны были так же хорошо, что не верилось, что они отстоят на значительном расстоянии. Выйдя на передовые южные холмы Ма-чан-шаня, мы склонились к западу и шли до

речки Да-ша-хэ, до той ее части, где приютилось селение Ван-цзи-цзинь, где и распол[ожилась] бивуаком.

Теперь мы имеем ежедневно отличную горную воду. Горько-соленая и ей подобные — все остались позади вместе с пустыней. То же солнце, даже более южное, в горах не жжет, а только ласково греет. Население, когда-то сплошное, здесь пока встречается изредка. Пустыри возрождаются туго; полей заброшенных масса; имеются даже прежние жилища в лессе, составляющем характерный продукт в материке Желторечного бассейна. Тишину нарушают крикливые клуш[ицы] (*Pyrrh[ocorax] grac[ulus]*); появилась и соечка (*Podoces humilis*), особенно много кам[енных] голубей; из зверей все еще попадает на глаза антилопа харасульта (*Gazella subgutturosa*); из мелких грызунов — суслик и песчанка *Gerbillus*.

Жители местные не пользуются в глазах монголов доброй репутацией, а в наших, кроме того, и мало-мальски человеческой внешностью. Монголы говорят, здесь ночью плохо, не попадайся — не только ограбят, но и убьют. Нами виденные селяки грязны, безобразны до крайности; все гармонирует одно с другим: голые, грязные, сопливые дети (голыши в 7–8 лет — мальчики; девчонки прикрыты только наброшником), паршивые собаки и отвратительные свиньи, с животами отвислыми до земли.

17 июля. Всегда на заре большая облачность, тем не менее, планета ярко блестит; с восходом солнца облачность почти исчезает. Следует заметить, что наши подводчики с вечера ежедневно стреляют из своих ружей — наших старых крынок¹⁰⁶, Бог ведь каким путем попавших к ним, на страх тем людям, которые не умеют отличать своего от чужого.

Обширную долину под названием Годя-вопу-тан экспедиция пересекла по диагонали своего маршрута — северо-восток — юго-запад; здесь некогда, до дунганского восстания, процветало обширное земледелие, о чем свидетельствуют следы многочисленных заброшенных полей. Нынче сравнительная бедность в дождях; еще большее безводие переживалось в течение предыдущих 4–5 лет. Для удержания на полях влаги китайцы, после того как засеют, аккуратным образом устилают поле камнями, обыкновенно добываемыми в окраинах полей, где стоят глубокие ямы, ходы, указывающие на поиски подобного материала; по уборке хлеба, камень остается в середине непах[анного] участка; этот участок вроде хранилища влаги; от него вода просачивается и на соседние поля, их орошает, им дает пищу.

По дороге открывалась долина у устьий ущелий того и другого хребтов, в особенности у подножья Лоу-ху-шаня. Вдоль последнего виднелось очень много селений; селения, как и города, обнесены стенами, вроде крепостных. Долина на западе преграждалась второстепенными отпрысками отрогов соседних гор; на востоке выклинивалась горами, расположенными на левом берегу Хуан-хэ, в том числе и горою Лу-фан-сы. За этою последней, от ее подножья верстах в пяти и протекает Хуан-хэ (от сел[ения] Ван-цзи-цзинь до Желтой 80 верст).

Мы все время поднимались, с 6 до 8 с лишком тысяч футов абс[олютной] высоты. Селяки-китайцы здесь любезнее и предупредительнее; охотно появлялись на нашем бивуаке, просили лекарств, приносили нам яиц. Мы видели

парочку антилоп Пржевальского, взятых китайцами при рождении и воспитанных дома, вспоенных молоком коров. Антилопы-малютки резвы и свободно держатся вблизи домов-фанз <...>.

Сегодня по долине мы видели массу антилоп; они по утрам очень резвы и строги; днем, говорят китайцы, антилопы лежат и пускают охотника довольно близко.

Городок Куань-гоу-чен остался влево — южнее; от меридиана этого городишки к востоку Лоу-ху-шань высок и лесист. У полей собрано порядочно растений, мух и жуков. Из птиц наблюдали: беркута, мохноногого Buteo и немногих других.

Попалась навстречу компания тибетских монголов, ехавшая в Утай молиться. У одного пилигрима берданка за спиной¹⁰⁷.

18 июля. Идем небольшими переходами, но зато не делаем дневков. Сегодня прошли 16 верст: 10 до перевала и 6 — после, вступив на правый берег речки, у юго-западной стены городка Сун-шань-чена. Таким образом, мы миновали хребет Лоу-ху-шань. Эти горы круто и широко расплываются в пройденную нами долину, и наоборот, полого и коротко опускаются, сливаясь с высокой долиной, богатой пастбищами, которыми пользуются многочисленные стада баранов, коров и лошадей, главным образом, кажется, принадлежащих тангуту — гегену Нян-чжику, живущему в юго-западном углу крепости и возведшему тут кумирню, которая через два месяца будет совершенно готова. Лам — тангутов около 40 человек; при гегене состоят двое приближенных — старик и энергичный тангут во цвете лет.

Вступив на берег речки и устроившись бивуаком, я послал Нян-чжику приветственный хадак, геген вскоре явился с визитом и приглашением навестить его. Я так и сделал — отправился с Четыркиным [и] Гомбожапом. Нас сначала угостили, а потом пригласили пройти через цветник в комнату самого хозяина, встретившего нас посередине цветника.

Обменявшись обычными разговорными фразами свидания, и записав имя гегена у себя, и он у меня, и наоборот, я по приглашению отправился осмотреть временную кумирню-молельню. Здесь геген высказал пожелание быть со мною близким знакомым, даже больше, и, взяв затем один из бурханов, стоявших на престоле в гау, преподнес мне. Я был искренне обрадован подобным знаком внимания и расположения и тотчас же по возвращении домой послал гегену ½ куска парчи, произведшей на всю братию хорошее впечатление. Ламы во главе с гегеном приглашали на обратном пути к себе, с остановкой.

Пройденный по колесному перевалу Го-люн-дун хребет, высоко поднимается против городков, расположенных у его северного подножья; по моему мнению, эта максимальная высота равна высоте гребня Сумбур Алашаньских гор. В высшей, средней части гор на северном склоне растет порядочный, подобный алашаньскому, лес. Выше зоны леса — альпийский луг. В месте нашего прежнего пересечения горы безлесны; нет здесь и кустарников настоящих. Но луга порядочные, даже богатые в года, обильные дождем. В этом ущелье мы насчитали четыре селения: снизу вверх — Гангу-коу, Ши-ва-цза, У-тан-шань и Го-люн-дунь, расположенные в равных расстояниях одно от другого. Селения небольшие, до 8–10 домов, не больше; занимаются китайцы земледелием

и скотоводством — главным образом, баранами, которых прячут от воров в отдельные помещения-крепостцы. У верхнего селения, в верхнем поясе гор — границе, имеются живописно расположенные уступами две молельни.

В горах отметили первых тарабаганов, игравших друг с другом на скате гор, где расположены их норы. Нередко тарабаганы попадают в острые когти беркуту, дозором пролетавшему вдоль горных скатов, вблизи самой поверхности земли, чтобы застать зверьков врасплох. В долине интересное наблюдение относится к антилопам, которые забегали в стада бараньи и производили там суматоху со стороны собак.

С вершины перевала далеко на юго-западе виднелся в поперечном положении один из массивных отрогов хребтов Нань-шаня; там виднелись скалистые части гор, темнели лесные участки и кое-где белели пятна временно упавшего снега. Пыли к великому нашему удовольствию не стало; томной, душной жары также. Мы спим лучше, едим с аппетитом и чувствуем себя вообще значительно бодрее.

Дело к вечеру: горизонт на юго-востоке, юге и юго-западе весь в тучах. Слышны трубы, бубны и прочие монастырские атрибуты. Подле нас пернатые: соколы, вороны, галочки, клушицы, шеврицы, стрижи, сойки.

19 июля. Выступаем после обеда. Вчерашняя облачность помешала астрономическому наблюдению. Сегодня день также облачный и до полудня прохладный, свежий, после же полудня наоборот жаркий, душный. Мы снялись бивуаком и направились юго-западным курсом, как раз наперерез степи, западное продолжение которой нам известно по Н.М. Пржевальскому под названием Чагрынской. Здесь же китайцы мне дали два названия: первое, близкое к городу Сун-шань-чену — Сун-шань-тан, более же южная ее часть — Хун-ту-дун.

По долине, богатой пастбищами, но бедной водой, с каждого нового увала (а увалов очень много, все они преобладающее направление имеют от юго-востока на северо-запад) открывались новые селения, стоящие со времени дунганского разгрома в развалинах. Некоторые возрождаются; но чего особенно много, так это стад баранов и табунов лошадей. Первых пасут китайцы, которым сопутствуют целые своры собак, за лошадьми же присматривают молодцы-тангуты, имеющие за плечами скорострелку, бережно содержимую. Тангуты молодцами с лихостью, с красивой посадкой на резвых иноходцах подъезжали к нашему каравану, чтобы удовлетворить свое любопытство. Рядом с баранами и лошадьми в степи паслось много антилоп Пржевальского, красневших своею летнею одеждою. Эти дикие животные отлично распознают нас от китайцев или монголов, которых игнорируют, нас же сильно боятся. Поохотившись за ними безуспешно во время дороги, мы в то же время хорошо двигались.

С полпути, на западе, юге и северо-западе открылись скалистые части Нань-шаня, некоторые были покрыты снегом. Полюбовавшись на величественные массивные формы, мы некоторое время полого спускались, затем стали подниматься и отрезать вдавшиеся к северу концы отрогов, входящих в состав гор, отделявших нас теперь от Пинь-фаня. В одном из ущелий — Фый-гу, при селении того же названия мы имели ночлег, с колодцем до 6 саженей глубиною. Кругом по скатам гор пестрели поля хлеба, а между ними селения и полуразвал[ившиеся] башни по высотам и главным вершинам.

20 июля. Мы сделали переход в 30 верст — весь горный: осилили караваном хребет с довольно высоким перевалом. Подъем крутой, 8 верст, спуск более пологий привел нас через 22 версты на речку гор Пинь-фаня. И опять пашни, население, стада скота нас заставляли развлекаться. Везде замечательно хороший корм. Видно, атмосферных осадков здесь довольно. У Четыркина разбегались глаза, не хватало рук, чтобы в достаточной мере справиться со сборами растений. Сегодня, между прочим, показались многие формы и флоры, и фауны, характеризующие приближение к Нань-шаню. Различные *Gentiana*, *Delfinium*, а из бабочек — аполлон. Среди птиц — сифаньская куропатка, завирушка, овсянка, орлы, сарычи и проч. Орнитологическая коллекция обогатилась молодым орленком в горах, и серпоклювом в равнине, на речке, рядом с городом.

Нижний пояс, предгорья, пройденных нами гор выжжены солнцем по скалам; тут же встречены лессовые толщи. На других вершинах холмов, круто спускающихся с высот правого берега красными глинами, замечательно живописно выделяются пагоды, вроде древних замков, например, на Кавказе.

Внешность пинь-фаньской долины с шумящей рекой очень опрятна, нарядна. Здесь заботятся о посадках деревьев, в особенности из рода *Populus* и ивы. Стена города очень солидная — облицована кирпичом, по углам округлые башни, в серединах массивные выступы (как фланкирующие [сооружения])¹⁰⁸. Над выступами легкие, вычурные беседки. Говорят, город построен около трехсот лет тому назад.

С прихода в Пинь-фань-чен я отправил Полютова в ямынь с паспортом и с просьбой к начальнику города дать нам проводника, равно указать, где здесь остановился мой хороший Чортэнтанский знакомый лама Аван. Китайские власти оказались нелюбезными: проводника дали, но об Аване позволили себе лгать, говоря, что он отправился в Утай, тогда как этот монах пребывал в городе и почти ежедневно бывал в управлении и, следовательно, виделся с китайцами.

21 июля. Дневка. Опять облачность мешает мне производить астрономическое наблюдение. Сверх ожидания здесь мы имеем отличную стоянку вблизи города, на свободной части долины, ее острове, омываемом светлыми рукавами Чагрын-гола. Эта речка берет начало далеко на северо-западе из родников, в свою очередь выбегающих из горы, китайцами называемой Мая-сюэ-шань. Как известно, она несет свои воды подобно Тэтуңгу и Синин-хэ в главную артерию — Желтую реку.

Особенную красоту окрестности придают на юго-западе две кумирни, Тантан-мяо («На горе гора») и Лун-ван-мяо («Змей — бог воды»), расположенные на крутом гребне красноглинистых высот, сбегаящих вниз к реке. Первая кумирня располагается к юго-западу, вторая — к северо-западу. Во второй кумирне, посвященной богу вод, китайцы молятся патрону о том, главным образом, чтобы их источник существования — вода не иссякала в количественном отношении. На северо-восточном холме также красуется башня.

Потратив утро на писание письма Анучину, я после полудня отправился выкупаться. Единственное местечко в светлой спокойной второстепенной веточке реки было вблизи стены города, подле тополевых посадок и макового поля. При нашем приближении (со мною был Четыркин) детишки быстро выскочили

из воды и подрали в сторону, теряя на пути части своих одежд. Мы не обращали внимания, пришли и стали купаться. Китайчата и дети далдов¹⁰⁹ потихоньку приблизились к нам, более смелые стали вновь купаться в компании с нами; другие расселись вдоль берега и наблюдали нас вблизи.

В то время, когда мы благодушествовали в воде, к нам шла компания лам, среди которой был мой приятель Аван. Мы поторопились возвратиться к бивуаку, на котором Аван был уже встречен моими старыми спутниками Ивановым и Телешовым. Аван узнал о нашем приходе от алашаньцев. Мы оба с Аваном искренно обрадовались свиданию: все прежнее живо вспомнили. Дорджи и Мани были также вне Чартэнтана, первый поблизости, второй около Куку-нора. Здесь Аван был по делам юридическим: двое чортэнтанских лам были посажены в тюрьму; китайцы требовали взятки. Аван очень просил меня зайти в их монастырь хотя бы на обратном пути, когда они все соберутся воедино.

Между прочим Аван мне сообщил, прося быть осторожным, в особенности на пути к Куку-нору и на самой долине этого большого озера, так как кукунорские тангуты в значительной мере обзавелись скорострелками различных образцов. Слышно, будто бы где-то тангуты разбили оружейный склад и вот теперь эти энергичные лихие горцы действительно представляют из себя силу, с которой надо считаться. Обзаведясь оружием, которое содержат образцово, тангуты организуют шайки грабителей человек в 6–20 (наполовину вооруженных скорострелками, наполовину своими оружиями) и разъезжают с целью нападения на караваны! Это сообщение вселило в меня некоторую тревогу за благополучие Ч[ерно]вского разъезда.

Город содержит в себе администрацию, торговцев и земледельцев. Войска — пехотинцев, кавалерию и артиллерию, всех до пятисот человек на бумаге, фактически же менее половины. Солдаты живут дома и отправляют домашние работы, по первому требованию обязаны явиться. Солдат, говорят, не на что содержать — денежное довольствие почти не высылается. Штат оружия налицо; вооружение скорострельное, но различных систем. Артиллерия содержит 5 медных пушек, возимых парой лошадей.

Главного начальника в наше время не было; в некоторых случаях его замещал полицеймейстер.

Торговцы носили в наш лагерь хлеб, дрова, зелень; немало также приносили на показ китайских и монгольских бурханов, на которые очень дорожились. Один бурхан красного толка (сидящий на трех слож[енных] подушках), по моему, крайне любопытен; он, говорят, некогда был уворован в Барун-хитском монастыре (Алашань).

В низкой долине нас подпекает солнышко; воздух все-таки довольно влажен, небо заполнено облаками. Птицы в долине: серпоклювы, серые цапли, зуйки, стрижи, сороки, вороны, воробьи, коршуны, чеглоки и немногие другие.

22 июля. Утро, в особенности полдень, жарко, душно! Мы успели перед обедом выкупаться. Томно выступать при безветрии. Речка пинь-фаньская несла порядочно воды, разделенной на много рукавов. Оставив ее и вступив в лессовые траншеи, мы положительно изнывали от палящих лучей солнца, от пыли и проч. Из Пинь-фаня, на 15-верстном расстоянии к Синину, имеется две дороги: прямая, с перевалом и кружная, западная, без перевала с одним

лишь постепенным поднятием вверх. Незадолго до слияния дорог нас пробрал град, довольно крупной величины; затем стал падать дождь, по ущелью понесся мутный, желтый поток, к счастью скоро сбежавший, тем более, мы все продолжали подниматься к перевалу Син-джанфо-лин (перевал «Новой остановки»), идучи, конечно, кружной дорогой. Лессовые толщи попадались чаще и чаще. Мягкое ущелье ютило до перевала и после целый ряд селений с большим или меньшим количеством домов. По случаю большого движения по этой Пинь-фаньской дороге во многих селениях имеются постоянные или заезжие дворы.

Такой большой, обстоятельный двор нами был встречен у перевала, в селеении Син-джан, где на всем видимом пространстве виднелись красивые поля по высотам, а среди них картинно выделялась маленькая кумирня Нан-нань-мяо, посвященная богу плодородия Гуань-ши-ин-пуцзе. Эта кумиренка основана около 700 лет тому назад, подвижником хэшеном [священником]. Перед посевом китайцы всегда молятся этому богу.

Северное ущелье нам назвали китайцы — Тан-фан-да-ша-гоу.

Особенно характерное явление на этом Пинь-фань — Сининском пересечении Нань-шаня вообще и Тэтунга в частности, это мягкие формы Северно-Тэтунгского хребта, перевал через который, в северном [направлении], почти незаметен и только к югу несколько крутоват вверх, хотя колесная дорога прекрасная.

Более дикие формы гор остались к западу — путь Чортэнтанский. Лес отсутствует. Наши ожидания лесов, кустарников, альпийских лугов и соответствующей фауны далеко не оправдались.

Постоянно бегущих речек нет; селения пользуются глубокими, от 10 до 16 и глубже саженей колодцами, из которых воду достают при помощи воротов; вода в глубинах очень холодная — до $+0,2^{\circ}\text{C}$. Для водопоя стад имеются пруды с грязной водой. Здесь уже попадают сарлоки и хайныки¹¹⁰, которыми туземцы пользуются при обработке полей.

23 июля. Утро прекрасное: тихое, ясное. Планета [Венера] льет яркий свет на сумеречную землю. Мы успешно идем вниз по извилистому, мягкому, оживленному населением, ущелью. Пока солнце освещает вершины, нам свежо, но чуть оно коснется дна долины, а, следовательно, и нас, тотчас тепло, а затем жара, постепенно усиливающаяся. И в это жаркое время нам приходится наблюдать, как в пешем порядке бредут тангуты, тангутки, китайцы на заработок в Пинь-фань, жать хлеб. «Хочется заработать несколько чох (медных, с отверстиями монет)», — всегда отвечали нам такие путники. Другое дело, когда следуют нарядные экипажи, или даже тяжелые колымаги, нагруженные достаточными китайцами, или, еще лучше, бренчащие всадники на мулах или резвых иноходцах. Какой контраст они составляют с пешими рабочими, иногда семейными; мать тащит за ручонку 4–5-летнего ребенка, отец несет малютку! Рядом с нуждой слышишь и пение. В этой местности мое ухо нередко с удовольствием воспринимает китайскую мелодию, преимущественно на высших нотах, исполняемую самым приятным музыкальным образом. Чаще поют молодые китайцы во время дороги или поднимаясь в горы для осмотра табунов или вообще животных.

24 июля. Последнее время наступила отличная ясная погода; днем жарко, даже очень, но вечера, в особенности утра восхитительны, тем более по утренним зорям, на востоке неподражаемо блестит Венера. Сегодня, в ожидании реки Тэтунга, мы выступили раньше, в 4 часа 50 мин[ут], и по долине-ущелью с крутым падением успешно подвигались вперед. По нашему пути, в полутора верстах лежала деревенька Сё-дя-тур. За несколько верст мы уже заметили приятную культурную зелень долины Тэтунга. А в 8 час[ов] уже были вблизи переправы через эту реку [в] урочище Па-ба-цоань, миновав в долине, на пути к переправе три селения, одно вблизи другого, с высокими стенами, на манер крепостных. Видно, здесь начали думать о будущих недоразумениях, подобных дунганским.

Долина Тэтунга по первому впечатлению заключена глубоко между горами, ее сопровождающими. Она ориентирована в прилежащем районе от северо-северо-запада на юго-юго-восток. Все массивные горы, скалы, участки леса остались далеко на западе; к востоку горы еще более уменьшаются, сглаживаются в очертаниях. Следует заметить, что с пер[евала] Северо-Тэтунгского хребта, за мягким Южно-Тэтунгским, массивною стеной возвышался хребет Нань-дашань, простирающийся вдоль течения реки Синин-хэ, с юга. На одной из западных вершин, возвышающихся характерным конусом, по словам китайцев, тангуты насыпали из массы камней грандиозный купол-обо. Соседние притэтунгские ближайшие горы выжжены горячим солнцем; вдаль виднеются кверху по Тэтунгу Ланченские альпы и темные лесистые склоны. Повсюду, по выдающимся вершинам, стоят башни.

Я знаю Тэтунг в его истоках, знаю в окрестности Чортэнтана, теперь вижу в широкой долине, и он всего менее мне нравится здесь, всего же больше, конечно, в Чортэнтане. Там он дик, стремителен, рвет и мечет, бушует, обдавая пеной и брызгами, суживается и теряется на дне узкой расщелины, как гигантская стальная змея. Я помню увлекательные рассказы о поэтической прелести «красавца» Тэтунга Н.М. Пржевальского, о его скалах, лесах, о картинных уголках, где Пржевальский экскурсировал, сидел часами, будучи убаюкиваем гулом этой могучей реки.

Здесь он стремится быстро, местами высокими волнами-перекатами ударится об один берег, отпрыгнет, прижмется к другому и проч. Стон стоит от его течения, за версту и более слышишь его шумный рокот. Ширина долины до $\frac{1}{2}$ —1 версты; высокие береговые террасы заняты культурой хлеба. Там сплошная живая лента растительности, там оазис, живущий на счет воды, отводимой ирригационными каналами с реки. С вершины береговой террасы открывается чудно течение Тэтунга, оно змееобразно — то ровно, то волнисто, то широко, то узко. Галечное (замечательно округло, плоско окатана галька тэтунгская!) дно до 40—70—100 сажень, иногда дробится на рукава.

Ширина и уровень Тэтунга в наше на нем пребывание считались средними; высокий (от ливней) уровень опустился, о нем свидетельствовала долина — русло, носившее следы мокроты. В местах переправы ширина Тэтунга не превышала 30 сажень, тогда как в прочих местах она простиралась до 40—50 и свыше сажень.

Переправа казенная; перевозчики-китайцы живут поколениями, отбывая этой повинностью все остальные. За переправу платят караваны с головы вьючного животного по 7 фын, около 10 наших копеек. Судно, нечто вроде малой баржи, плоскодонной, с настланным верхом поднимает одновременно трех вьючных верблюдов, да человек 6—10 людей. Несмотря на отсутствие перил мы, за исключением самого важного багажа, не развьючивали, а поэтому переправились очень скоро, менее, нежели в 2 часа. Словом, к началу 11-го часа утра мы уже окончательным бивуаком располагались на правом берегу реки.

Купанье здесь прекрасное, мы этим удовольствием побаловались несколько раз. День прошел незаметно, наступил чудный вечер, давший возможность мне произвести астрономическое определение долготы и широты живого урочища-переправы. Блестящий метеор озарил небо.

Вечером же мы слышали — разносился по долине плач женщины-матери о бедной дочери, 18-летней молодой жизни, нашедшей себе смерть в Тэтунге от тирана-мужа. Теперь происходит суд, присудивший в пользу пострадавшей семьи — матери.

Чудная ночь на Тэтунге. После астрономических наблюдений мне долго не спалось: все думалось о минувшем, о настоящем, о будущем. Сердцем я далек был от бивуака экспедиции. Монотонный гул и рокот реки уносили мыслями далеко, далеко...

25 июля. Поднялись на береговую террасу правого берега и пошли по населенной линии 4 вер[сты] до сворота в ущелье на западе, а потом и на северо-западе до интересного селения Бин-гоу, откуда дорога круто склоняется вновь на юго-запад, через 4 версты поднимается на перевал того же имени, спускается через 1½ версты опять-таки в селение Бин-гоу, где мы располагаемся бивуаком.

На Тэтунге кипела рабочая пора, там и мужчины, и женщины, и дети — все возили сжатый, высушенный хлеб с полей; там влага, зелень, свежие струи воды; только чуть-чуть в сторону и опять сухость, сухость и сухость; опять колодцы и грязные лужи. Воду берегут чуть не выше хлеба, за нею ездят или ходят далеко вниз. Странное явление — пашни на вершине плоского плато. Как красиво должно быть здесь в мае, в лучшее возрождение природы. Весь хребет слагается в оси из глинистых и кремнистых сланцев. По окраинам, в основной толще залегают красные глины, сверху же всего лесс, лесс и лесс. Этим и объясняется сплошное поле, вверху в особенности — больше дождя, более свежо.

Характерный излом ущелья в месте ключа-родника. Мы шли на запад — северо-запад. На вершинах, соседних перевалу, как равно и на самом перевале, также плоском — везде поля.

За неимением свободной площадки, мы принуждены были зайти на постоянный двор — подвергнуть себя и животных форменному заключению.

На этом пути, говорят китайцы, худые люди пошаливают; даже в дом, где мы ночевали, в эту самую ночь ломились грабители, подкапывая стену. И только заявление китайцев о ночлеге здесь русских принудило воров оставить этот дом в покое.

Не особенно задолго до нашего прихода сюда, в ближайшей окрестности появились также грабители, в количестве 7 человек, с китайцем-сычуаньцем,

изловленным затем; остальные, вероятно, тангуты, вооруженные пиками, ворвались в дом богатого китайца, убили его самого, трех женщин изнасиловали и, захватив деньги и более ценные предметы, скрылись.

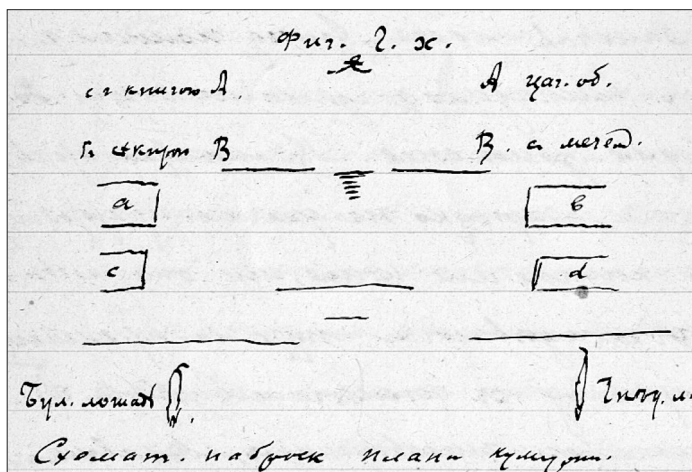
На этом переходе нам удалось поймать аполлонов-бабочек, мух и жуков. Среди птиц прежнее затишье.

26 июля. Следовало упомянуть о перевале Бин-гоу-лин, о том, что здесь также поля и селение и от него, его вершины открывается лучший вид на полуденную сторону, где горизонт преграждается высоким валообразным хребтом Нань-да-шанем, темневшим своим северным склоном, по всему вероятно, богатым луговыми травами, тогда как соседние горы поражали безжизненностью и чахлостью, обуславливающими собою богатство пыли, поднимаемой ветрами на воздух и ею омрачающей окрестность.

Из высокого селения Бин-гоу мы продолжали спускаться 15 верст в юго-западном направлении, прежде, нежели достигли долины Синин-хэ — отрадного зеленого сплошного оазиса и кипучей рабочей поры среди земледельческого населения, долины, по которой разносился шум вод реки Синин-хэ, такой же богатой, многоводной, как и Тэтунг; долины, по которой, кроме того, проходит большая дорога в Лань-чжоу-фу, от раннего утра до ночи оживленная многочисленными караванами, проходящими в ту или другую сторону. Над траншееобразной дорогой сплошное облачко пыли от мулов, побрякивающих своими бубенцами, до которых китайцы и тангуты большие охотники. Путешественник развлекается и арбами, везущими китайцев, и всадниками, гордящимися справедливо заслуженной славой так называемых гумбумских иноходцев, отличающихся своею следующею характеристикою: во-первых, невысоким, скорее даже низким ростом, во-вторых, некоторою округлостью спины и зада, в-третьих, самое важное, сравнительно высокими, узкими (на манер стаканов) копытами, превосходящими по крепости копыта всех соседних лошадей.

Я забежал несколько вперед. Нужно сказать несколько более о переходе — спуске с Южно-Тэтунгских гор по оставлению постоянного двора. Мы сразу вступили в траншееобразную, змеюю извивающуюся выемку — дорогу, круто ниспадающую до главного дна долинки-ущелья, которое вывело наш караван. И здесь вверху залегал лесс, внизу красная глина; все это было обмыто, круто ниспадало и делало дорогу во многих местах опасной для движения. В местах крайней крутизны устроены зигзаги, нередко на значительном расстоянии, но так как туземцы часто конные или пешие, то они, невзирая ни на какую крутизну, прокладывают путь напрямик. Очень плохо встретиться каравану с телегами, как это случилось с нами и с китайским чиновником, ехавшим в Нин-ся, к месту службы со всем своим домом, семьей, домочадцами на 6 телегах, запряженных каждая тройкой или парой несчастных животных — мулов или лошадей. С этим тележным караваном мы едва разъехались.

На этой дороге, в 4 верстах от ночлега, устроена китайская кумирня, посвященная знаменитому Гэсэр-хану, большое изображение (деревянное, крашенное) которого красуется в храме, на престоле, перед коим возжигаются свечи. Справа и слева вблизи Гэсэр-хана, его фигуры, стоят — справа [Цаган-обогун]¹¹¹ с книгой, слева Цаган-обогун с хадаком в руке; рядом с ними, слева, воин с секирой, справа (все — от фигуры Г[эсэр]-х[ана]) воин с мечом.

В комнате против входа на стенах замечательное художественное изображение китайских философов, в особенности в а) (сов[ершенно] живое изображение). Комната d) ютит каменный обелиск с начертанием истории основания этой кумирни, называемой вообще двойко Ма-ван и Нью-ван, по именам двух животных, [вроде] коней, считаемых <несколько слов неразборчиво>. Кумирня расположена на крутизне, открывающей дивный вид — амфитеатр полей, а за ними, через западное крыло, хребет Нань-да-шань. И на этой дороге нам по-прежнему попадались монгольские паломники, возвращавшиеся из поездки в монастырь Гумбум.

По лесовым ущельям из птиц держались *Capodacus stoliczkae*, обогатившие нашу коллекцию тремя экземплярами.

27–28 июля. Итак, мы в долине реки Синин-хэ, катящей свои воды в Желтую, с которой невдалеке от Лова-чена, ниже, сливается; еще ниже принимает и Чагрын-гол. Долина Синин-хэ ориентирована, как и соседние горы, в северо-западном — юго-восточном направлении; ее ширина от $\frac{1}{2}$ до 1 версты, а русла, такого же каменистого, как Тэтунгское, на половину меньше. Размеры вод, да и характер, близки у этих соседних речек; здесь река Синин-хэ также стремительна, бурна, шумна, как и Тэтунг; но этот последний все-таки прозрачнее. Синин-хэ красновата от разлива красноглинистых толщ. Мы вступили на Синин-хэ в городишке Лова-чен — маленьком, невзрачном и, пройдя четыре версты, на ключе, приютились бивуаком. Подле нас снуют взад и вперед пешие, конные и проч. В воздухе пыль и звон бесконечных бубенчиков. Как глаз видит, везде поля, а на полях — и на хлебных, и на маковых — масса людей; много здесь и мельниц, открывших живую работу. Интересно устройство их главного механизма — камня и его двигателя. Нижний жернов на месте, верхний движется [с] помощью оси, приводимой в движение горизонтальным колесом, в которое с силою бьет вода, ниспадая по наклонной плоскости в 30 градусов. Внутри мельницы, против серединного колеса, у стены, вдоль нее проложены две жердочки, позволяющие владельцам хлеба падающую муку брать тотчас и просеивать одновременно в два сита, ударяющиеся друг о друга ближайши-

ми концами и о жердочки — противоположными; [таким образом, чистая мука сразу отделяется от отрубей], т. е. два человека, в четыре сита, справляются с мукой и везут смолотый материал уже перебранный в два мешка: с чистой мукою один и с отрубями другой. Мельницы обыкновенно устраиваются на притоках главных рек или же на их отводных арыках. Мельницы выделяются маленькой рощей деревьев, уплотняющих борта берега водной струи, которая, кроме того, бережется еще и валами, сложенными из речной гальки.

27 июля. Караван выступил при серо-мглистой погоде с юго-восточным ветром, всегда приносящим дождь; еще ночью упало несколько капель, утром же около 10 часов начал падать настоящий, напоминающий наш осенний и сеял весь день и всю ночь до утренней зари. Мы принуждены были под дождем остановиться бивуаком; правда, местечко выпало отличное — чудная вода и очень хороший корм и для лошадей, и для верблюдов. Мы стояли на правом берегу прозрачной, довольно многоводной и очень бурливой речки Су-ма-хэ, текущей от наивысших вершин соседнего района Южно-Тэтунгских гор.

Городок Нянь-бо-сянь отстоял от нас всего лишь в версте к западу — северо-западу. Четыркин и Полютов побывали. Полютова (переводчика) чиновник принял хорошо. На переданное мной приветствие он принес мне визитную карточку начальника города, снабдившего экспедицию провиантом. Городишко небольшой, торговля слабая, население также небольшое; постройки стары, крепостная стена солидная. В клетках, висящих в воротах крепости, вместо обычных голов преступников, находились изношенные туфли славных прежних правителей города. Кроме китайцев в городе проживают с давних времен дунганы, называющие себя «ло-хуй-хуй» — старыми (дунганями).

За грязными стенками дворов всюду скрывалась приятная мягкая зелень: огородная, садовая. Я заметил породы южные: кипарис, каштаны и др.

В окрестности городка мы добыли дятлов — зеленого и мандаринского, а также голубую сороку; есть здесь также и синицы, и вертишейки, и плисицы¹¹², и сороки обычные. Вблизи Нянь-бо-сяня, к северо-западу стоят интересные обрывы красной глины, напоминающие развалины старинных дворцов-замков, с колоннами. Сверху лессовые отложения. Все это на левом берегу. Тогда как на правом берегу, в области рассматриваемого района имеются три значительных ущелья, расположенных снизу вверх: Хулан-гоу, Лоба-гоу и Ганза-гоу, выходящие устьями, широкими и заполненными сплошной оазисной растительностью; по этим трем ущельям сосредоточено большое население. Второе, Лоба-гоу, интересно еще и тем, что в нем имеется порядочный, около двух наших десятин, пруд, а в третьем, в середине приблизительно, через двадцать верст монастырь тангутский Чюн-тан-сы, насчитывающий до 500–600 лам, ревниво берегущих золото, добываемое китайцами в соседстве их монастыря.

Из Нянь-бо-сяня дорога вначале проходит под самым карнизом, что представляет большое затруднение с приближением высокой речки к этому обрывистому берегу. Так было с нами. Дождь повысил уровень речки, и мы с трудом провели наш караван верблюдов поодиночке. Затем тропа или дорога вышла на простор, и мы успешно двинулись вперед; солнце припекало порядком. К счастью, по дороге располагались бахчи, и мы утоляли томительную жажду дынями и арбузами. Везде на полях шла работа по уборке хлеба. Дальше долина

замкнулась поперечными отрогами, оставившими узкое ущелье для Синин-хэ, которая грозно и стремительно несется высокими, желтыми волнистыми перекатами на простор.

Действительно, вскоре за тесниной река несется плавно, ровной скатертью; там берега, да вероятно и дно, песчано-гладкие. На противоположном берегу (правом), при входе в ущелье, под утесом туземцы исправляли дорогу, оригинально спуская камни с бокового склона гор. Как все это делается примитивно, просто; какая масса труда тратится даром! С шумом, грохотом катятся камни, но большинство из них падало в реку.

Вскоре, по выходе на просторную луговую площадку, мы расположились лагерем. По дороге поймали отличную змею, которую посадили в спирт.

29–30 июля. Утро ясное, тихое; идем бодро. От времени до времени на том и другом берегу выделяются типичные темно-красные обрывы прежних отвесных, затейливых очертаний, в особенности по левому берегу, т. е. тому, которым следовала экспедиция. Здесь еще издали внимание наше было привлечено таким обрывом, пестревшим белыми монастырскими постройками. Это — особенно оригинально приютившийся под кручами старинный буддийский монастырь Марцзан-лха, как его зовут буддисты, или Пэй-ма-сы, по-китайски, как кажется очень древнего происхождения. Узкий, высокий, выдержанный по архитектуре монастырь этот не внушает доверия за безопасное существование; на эту мысль наводят многочисленные большие и малые обломки, упавшие с кручи. На мое подобное замечание единственному монаху-отшельнику, любующемуся на действительно широкую картину-панораму — долину реки и южные прилежащие горы (уступами второстепенными и главными Нянь-да-шань), монах ответил: «Сколько времени существует монастырь, еще не известны случаи обвалов на монастырь, тогда как по соседству это случается».

Я поднялся к монастырю по крутой тропинке, мимо большого изображения, высеченного в отвесной круче, Будды <...>. У входа в дверь меня встретил престарелый лама и вежливо предложил войти в монастырь; собака, энергично лаявшая сверху, замолкла. Монотонное воркование голубей продолжалось все время, карканье черного ворона также. Я поднялся в жилую комнату отшельника, в окно которого глядит описанная картина. У подножья стоит тангутско-земледельческая колония — селение, среди которого на площадке были сложены скирды хлеба, обмолачиваемого частями так же, как эта работа производится китайцами. Тут же проходит и большая караванная дорога, все время оживленная движением в ту или другую сторону; особенно слышны бубенцы на лошадях китайцев-всадников. Немало проходит и пешего люда.

Поднявшись наверх монастыря, я увидел в главной части уже молитвенное помещение с бурханами, среди которых выделялось изображение реформатора буддизма Цзонхавы. Все же другие молитвенные помещения стояли пустыми, хотя и заново отделанными. По словам ламы-отшельника, этот монастырь существует чуть не свыше 1500 лет, но во всеобщее разгромление страны подвергся, подобно прочим, разорению и только в недавнее время, благодаря заботам Тугэн-гегена, начал возрождаться.

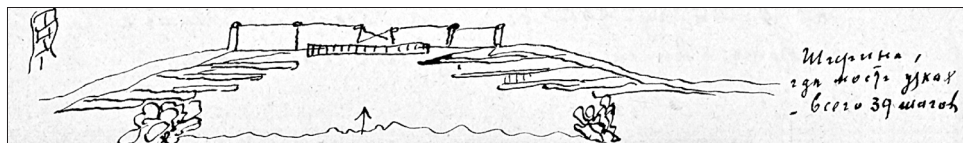
Сняв фотографии и пожелав ламе и храму полного достижения желаемого благолепия, я со своими спутниками поехал вдогонку каравана, успешно ша-

гавшего по свободной, открытой на порядочное расстояние долине все того же левого берега Синин-хэ. Вскоре за монастырем, повыше последнего, отделяется дорога к северу по ущелью Хуан-най-дцы-гоу, к богатому и большому монастырю Ай-гу-лан-сы. [Монастырь] Чю-тан-сы, который расположен на одной из долин, впадающих справа в Синин-хэ, пониже Марцзан-лха, почти при устье, где виднелось крепостное селение, насчитывает в своих постройках до 500–600 человек лам, а в этом, — Ай-гу-лан-сы — до 1 000 человек, исповедующих учение Цзонхавы. До этого монастыря (Ай-гу-лан-сы) от Синин-хэ, говорят, около 40 верст. Он расположен в живописной местности, на левом берегу. Кобжуг-тугун-сан есть имя гегена, заботящегося о братии. Самый монастырь Ай-гу-лан-сы, по сведениям, очень богатый, с хорошими постройками. Около ста лет тому назад богдо-хан проездом в Нин-ся через Синин навестил оба монастыря и Чю-тан-сы, и Ай-гу-лан-сы, оба тангутских, оба желтого толка.

Вскоре затем караван вступил в район земледельческой полосы и на речке Халачжэ-гоу расположился лагерем. Солнце пригревало страшно; мы продолжали испытывать удовольствие в купании; нередко купались и совместно с китайскими детьми, понимавшими эту привычку. Шум звонких голосов китайчат всегда служил признаком, что дети купаются, и мы определенно шли на то лучшее — мягкое, глубокое место с той же целью.

Кучевые облака между тем скопились на западе и севере, затем стали сближаться, образовалась гроза с ливнем, окончившимся к вечеру, когда темно-голубой свод неба был унизан яркими звездами.

30 июля. Мы ранним-ранним утром пустились в путь, мимо многих крутых лессовых или конгломератовых береговых возвышений, откуда можно было лучше видеть характер долины и самого русла Синин-хэ. Через 4 версты достигли сужения, каменной теснины, которой китайцы воспользовались, чтобы устроить мост. Последний сделан по-китайски, довольно прочно, но только для вьюков и аккуратных чиновничьих телег; арбы же могут быть перенесены лишь разобранными. Высота середины дугообразного моста значительная — около трех сажень. На прочных каменных береговых устоях настланы бревна; последующие ярусы — с большими выступами, пока не получается такая ширина, какой длины имеются одиночные перекладины, которые прочно соединяются рамками с клиньями, забиваемыми снизу.

Настилка моста дощатая, поперечная. От тяжести верблюдов мост раскачивался. Тем не менее, мы перешли по нему удачно и дальнейшее движение до Синина совершили правым берегом. Покидая теснину, перед самым выходом из нее, мы опять видели следы моста с крепостными береговыми устоями, еще порядочно сохранившимися. За ними стоит китайская кумирня. Затем вскоре открывается вид через растительность долины на крепостные башни Синина. Дорога стала еще более оживленна. Мы шли, нетерпеливо ожидая приближения

города. Вершины соседних высот выделяли оригинальные башни, в особенности на правом берегу. Говорят, эти башни служили своего рода беспроволочным телеграфом, на них зажигались костры, последовательно один за другим, до внутренности Китая — Лань-чжоу-фу и т. п.

Восточнее города Синина, в 2½ верстах, в урочище Цав-дя-цзай караван приютился на маленькой, свободной от пашен площадке, к которой примыкало болото и колодец. Соседнее население не протестовало, наоборот, очень дружелюбно относилось к нам. Может быть потому, что нас сопровождали городские (Нянь-бо-сянь) курьеры — пешие полицейские, выгодно расположенные к нам за денежные подачки.

Ранний приход под Синин дал возможность мне и моим трем спутникам (Полютов, Бадмажапов и монгол) в три часа отправится налегке в город, с целью остановиться у знакомых китайцев фирмы Цянь-тай-мао. Переезд на лошадях произошел быстро. Солнце пригревало порядком. Неожиданное наше появление не вызвало обычного многолюдства. Мы нашли своих знакомых и очень скоро приютились под их кровлей. Мои старые знакомые меня отлично, с радужием встретили и устроили в прежнем помещении. Все было, как 7 лет тому назад. Приятное воспоминание прошлого легко отозвалось в моей душе. Интеллигентный китаец этой же фирмы Хабур-Хабур особенно сердечно встретил меня. Мы с ним долго, до поздней ночи беседовали, вспоминая прошлое и делаясь сведениями о настоящем.

Еще в этот день мой Полютов успел сходить в управление цин-цайя и передать ему мою визитную карточку. Таковые карточки были переданы и прочим четырем чиновникам города, а именно: дао-тайю, чжен-тайю, фу-тайю и сэ-тайю, словом, стольким, скольким предстояло нанести визит на следующий день утром.

Тем временем, мои знакомые купцы стали собирать для меня редкостные этнографические предметы на продажу, как то: бурханы, картины, каменные изделия и проч. Время бежало быстро, незаметно. Я забылся сном ненадолго.

31 июля. Ясное тихое утро. Меня разбудили голоса китайцев, возившихся во дворе перед моими окнами. Вскоре поднялся весь наш двор. Тележка и мул для меня были приготовлены, и в 10 часов в форме я отправился с визитом. Сначала, как подобает, навестил цин-цайя. Высокий, довольно энергичный старик выглядел бодрим, здоровым. Он меня встретил и принял так же корректно, так же предупредительно, как это делали вообще сининские амбани по отношению к европейцам, русским и ко мне в частности. Амбань не преминул спросить, где же мои помощники, значащиеся в охранном цзун-ли-яманском листе. Дальше разговор перешел о моей предстоящей дороге, о посещении Куку-нора. «Там живут, — говорил амбань, — дикие, непокорные тангуты! Ныне не то, что было прежде, когда они не были вооружены скорострелками; теперь эти обитатели грозны и для нас, для наших войск, не говоря про вашу малочисленную партию. Все-таки я буду усердно просить вас не углубляться далеко, не быть долго на Куку-норе и держать себя возможно строже. Я уверен, что на мои доводы — не идти туда совсем, вы не поступите, а исполните порученное вам вашим начальством; в таком случае я для вас сделаю все: выдам вам дополнительный лист (бумага на трех — китайском, монгольском, тибетском языках) к куку-норским

начальникам-кочевникам, снабжу вас переводчиком (китайского, монгольского и тибетского языков), дам вам маленький конвой — из четырех кавалеристов, вооруженных скорострелками (ружья вроде берданок), но за то обяжу вас гарантировать меня спокойствием, т. е. выдачи мне, в свою очередь такой расписки, которая слагала бы с меня ответственность в том случае, если произойдут какие-либо недоразумения!». Я благодарил за любезное отношение амбаня к русской экспедиции. Далее амбань предложил мне вопрос, когда я вернусь? Узнав, что через 1—1½ месяца, спросил: «Что же вы там так долго будете делать? Там неспокойно, там холодно, на остров теперь не попадете, да и ничего там нет; там никто не живет, туда ходят лишь зимой по льду». Я заметил почтенному амбаню, что иду не в первый раз и, что на Куку-норе многие из европейцев производили исследования, то, что я теперь намерен существенно пополнить промерами глубин этого интересного альпийского бассейна, для которого у меня имеется лодка! На все на это, конечно на последнее, амбань чуть не рассмеялся, заметив строго: «Да там на воде никакой предмет не держится и эта ваша затея, попомните мое слово, не приведет ни к чему. Ваша лодка, как и все то, что вы будете спускать на воду, тут же у берега потонет, и вам там нечего будет делать, и вы возвратитесь назад раньше. В Тибет, пожалуйста, не ходите! Строго оберегайте себя от тангутских партий, которые рыщут как волки, в надежде пограбить!». Словом, повторилось все то, что и прежде. Со своей стороны, я вновь благодарил цин-цайя, заметив на прощание, что сделаю так, как подскажет мне моя готовность служить отечественным интересам, науке и, как подскажет мне мое внутреннее, испытанное в таких случаях убеждение. А бумажку мне все-таки затем подсунули для подписи, чтобы обезопасить себя.

Дао-тай, к которому я затем направился, оказался еще большим стариком. И этот чиновник в общем вел со мной тот же разговор, что и сам амбань. На мой вопрос: «Какие читаете газеты?» дао-тай ответил: «Никаких! Газеты — только в Лань-чжоу-фу, а мы здесь забытые люди на краю». Про Далай-ламу слышно, что он теперь в Пекине, ждет представления богдо-хану! Дао-тай с не меньшим усердием предупреждал меня относительно кукунорских разбойников и так же, как и первый сановник, уверял меня, что в Куку-норе все тонет!

Сининский чжэн-тай — молодой, жизнерадостный, сильный, красивый полковник сильно извинялся вначале за промедление, с каким вышел мне навстречу, мотивируя тем, что не знал времени, в которое я прибуду, во-вторых, в этот день — день богдоханши — он не мог ни открыть средних ворот, ни одеть самого парадного платья. В дальнейшем он мне показывал много интересного новейшего оружия. Он ловкий сравнительно стрелок; любит также и хороших лошадей. Его брат служит в министерстве иностранных дел; от него чжэн-тай почерпнул сведения обо мне как об исследователе Центральной Азии.

Утомительны, тяжелы, но вместе с тем интересны визиты в Китае, в китайском городе. Толпа тотчас собирается во дворе того лица, к которому вы следуете; по дороге на вас смотрят во все глаза; многие нагибаются, чтобы лучше видеть под балдахин. С толпой не церемонятся — дуют палками. Протестов не слышишь, а лишь один дикий смех!

По дороге я навестил гражданского чиновника — судью, самого младшего — сэ-тайя, а в заключение поехал к фу-тайю, который замечательно радушно

меня принял, сказав: «А я ведь с девяти часов утра вас жду, и терпение начал терять!». Было за полдень, я извинялся долгим промедлением из-за интересных переговоров с амбаном и дао-тайем. Фу-тай помимо традиционного чая угостил меня арбузом. В дальнейших беседах, опять-таки о куку-норских тангутах, я и он понравились друг другу. Мы стали друзьями. Фу-тай — энергичный, любитель чистоты и порядка, стал говорить мне, что ему предстоит немало труда по усовершенствованию и упорядочению мостовых и вообще чистоты! В его апартаментах уютно, чисто, даже красиво. В его приемной мне лучше всего понравилось; здесь были и дорогие картины, и вазы, и ковры! Все было чисто, нарядно, щеголевато.

Сад и огород также отличны. Кумирня, горки, беседки, сирень, абрикосы, яблоки — всего вдоволь! Везде ходил, все видел с розеткой сирени. С балкона храма открылся вид через сад на южные горы, а второй, с другого балкона, на северные. Внизу, в загородке, достаточно обширной, разгуливал здоровый трехлетний марал, воспитанный здесь же. Осенью, в период течки, этот благородный зверь становится дерзким, беспокойным, в другое же время — кроток с людьми, которые за ним ходят. Рога фу-тай не спиливает.

Я обошел все хозяйство любезного чиновника и восторгался, между прочим, его отличными лошадьми, одну из которых дарил мне этот мой приятель. Я почему-то уклоняюсь от подобного рода подарков. Тогда он тотчас по моем прибытии на квартиру, прислал мне арбузов и консервированного (европейцами) молока две жестянки. Я не остался в долгу и тотчас отправил ему мой портрет, в обмен на его, и подарок — изделие Завьялова, от которого фу-тай был в восторге. Словом, с этим господином мы всерьез сдружились и оба выражали удовольствие в новом, после куку-норской поездки, свидании.

На квартире я сбросил парад и вполне отдохнул. Ел вкусный китайский обед, пил чай и развлекался всем тем, что было припасено мне на продажу. Оставшись наедине сам с собою, я стал вдумываться в прошлое и современное по отношению к куку-норским тунгутам. Я сам всегда говорил, что эти номады-дикари не опасны европейцам, пока в их руках имеются примитивные фузеи¹¹³, но раз заведутся скорострелки — дело другое. Я немного начал беспокоиться о разъезде геолога экспедиции. Только один из чиновников меня успокаивал, что тангуты не имеют целью непременно убить человека, а лишь его поранить и обобрать до нитки. Город Синин, как город, как меновой центр, как центр управления не только Куку-нором и Цайдамом, но даже и отдаленным Восточным или правильнее Северо-Восточным Тибетом описывался много раз и моими предшественниками, и мною. Во всех отношениях он тот же окраинный город. Предместья этого города понемногу оживляются: пустыри призываются к жизни. Долина Синин-хэ и ее боковые долины — притоки в совокупности (бассейн верхней Синин-хэ) весьма плодородны и часто, почти ежегодно отправляют в Лань-чжоу-фу много хлеба. Я постоянно встречал караваны с зерном, везомым в вице-королевскую резиденцию. Весь Сининский округ становится многолюднее и многолюднее.

По-прежнему этот меновой центр с кочевниками, которые сюда везут сырье в обмен на предметы не только первой необходимости, но даже и на предметы своеобразной роскоши. Кочевники любят наряжаться в яркие цвета материй —

шелковых и простых; они носят также много серебра и камней. В зависимости от спроса, китайцы готовят товары. У всякой фирмы имеются свои знакомые кочевники: монголы или тангуты или даже тибетцы; все они едут прямо к своим знак[омым] купцам и у них имеют приют иногда на несколько дней. Кочевники богатеющие — клад для китайцев; разоряющиеся — также не убыток, последние везут на продажу ценности, отдаваемые за бесценок; продают даже бурханы. В Синине и Донгэре основались сарты-кашгарцы; они торгуют своими шелковыми материями, чистыми цветными кошмами. Сами охотно скупают пушнину. Мне доставила удовольствие встреча с этими кашгарцами. Они дали мне много сведений; не преминули угостить также и своим традиционным пловом. Относительно иностранных фирм можно утвердительно сказать, что их нет. Сартышки в год ухитряются, между прочим, привезти сюда 2–3 винтовки Бердана и сбыть их тангутам за очень высокую цену — до 100 руб.

В двух городах, расположенных по соседству, в Синине и Донгэре, экспедиция значительно обогатилась в этнографическом отношении предметами буддийского культа и нарядами Куку-норских тангутов; правда, здесь надо считаться и с тем обстоятельством, что я навесил Гумбум, который дал мне немало интересного! Но зато в этих трех пунктах пришлось потратить немало серебра.

Возвращаюсь вновь к кочевникам, в особенности к тангутам, тибетцам и нголокам¹¹⁴. Они, несомненно, заставили сининские власти несколько напрячь свое внимание, военный отряд подтянуть и вооружить не фузеями или даже пистонками¹¹⁵, а скорострельными ружьями, вроде нашей отжившей берданки. При слове тангут китайцы вытягивают лица и говорят: «Ведь это теперь не то, что прежде».

Исходя из этого, конечно, сининский цин-цай настоятельно просил меня воспользоваться на Куку-норе его конвоем — 4 кавалеристами, равно проводником-чиновником (он же и вышеуказанный переводчик для «иностранцев»).

Во время пребывания в Синине я познакомился также с англичанином миссионером Н. French Ridley, который проживает здесь с семьей вот уже пятнадцать лет. Супруги Ridley меня встретили как родного, согрели и приласкали. С ними был лишь один ребенок — 3-летняя Розочка, со светло-золотистыми кудряшками. Двое старших детей учатся в Чифу. Н. Ridley много рассказывал мне о текущих событиях в России, о том, что Дума отказала в прибавке содержания офицерам, далее, что Король Английский гостит в России¹¹⁶ и проч. Миссионер также просил меня быть осторожным по отношению к кукунорским обитателям.

Цель, для которой проживает в Синине англичанин, вполне им достигается. Его церковь по воскресным дням полна народа — до ста человек, в том числе и женщины, для которых сделано слева возвышение, застланное красными войлоками, наподобие ковров. Школа также действует. Во время моего пребывания в школе сначала занимался с мальчиками и девочками сам Ridley с помощником, а затем люб[езный] мис[сионер] повел меня к себе, а детей и школу поручил своему помощнику.

Где бы ни был англичанин, он имеет при себе свою Англию, свою родину: комфорт, порядочность, а на окраине или на чужбине — и великую гостеприимность. Попав к отшельникам в чистую комнату, на стенах которой масса портретов [вплоть] до Королевы Виктории, Китченера¹¹⁷ и других замечательных

англичан включительно, я невольно перенесся на родину! Любезная мадам начала беспокоиться угощением и я вместо четверти часа, как предполагал в начале, пробыл добрых 2–3 часа. Миссионер фотографирует; он дал мне на память его и его супруги портреты, снятые в тангутских костюмах.

Живя в Синине, Ridley имеет возможность за бесценок приобретать интересные предметы, все еще втихомолку выпускаемые «из-под полы» повстанцев-дунган, в свое время немало награбивших в селениях и монастырях. Между прочим, мне очень понравилась древняя бронзовая ваза, купленная англичанином что-то вроде за 4–5 руб.; изредка он приобретает и бурханы. Я его просил приготовить мне кое-что интересное, подобно тому, как он это делал для доктора Тафеля.

Последний, по словам миссионера, трижды подвергался ограблению тангутов и в последний раз основательно (кажется, когда попал в цепкие руки нголоков), с поранением. Про Свена Гедина миссионер заметил, что этого путешественника разыскивают так, как некогда разыскивали и беспокоились за участь моей тибетской экспедиции. Власти не только европейские в Пекине, но и китайские озабочены за его целость. Сининскому амбаню немало хлопот по этому случаю; он все отписывается незнанием. По мнению англичанина, Свен Гедин сидит в Шигатзе, и в ус себе не дует о том, что где-то беспокоятся о нем; таким образом, он изведет многих — современную публику — до нервности, а затем объявится. Возможно, что этот проход[имец] выждет там в Таши-лумбо возвращения Далай-ламы в Лхасу и потом туда направится, крича: «Ай да я! Я первый посетил Его Святейшество после возвращения из продолжительного странствования этого великого богочеловека, энергично отстаивавшего Тибет за тибетцами!¹¹⁸».

1 августа. Утром или в полдень я расстался с любезными супругами Ridley, напоследок показавшими мне все апартаменты — жилые, приемные, большой во дворе цветник и проч.; показали также и аптеку, и кабинет с туземными зубами, извлеченными европейским дантистом. За угощение шоколадом мы послали малышке коробку конфет. М[ада]м опять не осталась в долгу — прислала прекрасного домашнего печенья.

В 2–3 часа по полудни я был у себя на бивуаке. Нужно было изготовить хотя бы небольшую почту в Россию, предназначенную к отправлению через любезное посредство цин-цайя, который, кроме того, обещал к нашему возвращению из Куку-нора затребовать письма из Лань-чжоу-фу, в адрес экспедиции, ее членов.

Тем временем, когда я был в Синине, в ночь на 1-е августа разразилась сильная гроза; тяжелые раскаты грома, в особенности один-два, кажется, потрясли весь город и окрестности. Дождь сначала редкий, вскоре превратился в ливень, наделавший у нас, на бивуаке, немало хлопот, так как подтопил лагерь, в особенности офицерскую палатку, стоявшую в ложбине.

2 августа. Все ушло на писание писем и сборы в дальнейший путь. Отсюда я решил отправить караван прямой дорогой на Донгэр-тин, вверх по заселенной долине Синин-хэ, а сам посетить Гумбум с различных точек зрения, главной из них — прислушаться к современному течению жизни и выяснить вопрос пригодности к зимовке в Гуйдэ-тине, который от Гумбума отстоит лишь за хребтом, западное продолжение которого Н.М. Пржевальский назвал Южно-Кукунорским, или в одном дне пути на доброй лошади.

3 августа. Сказано — сделано. Утром караван и мой маленький разезд одновременно выступили в дорогу. Разведенная дождем грязь тормозила движение верблюдов, в особенности в самом городе, который неминуемо нужно было пройти до южных ворот. Публика, толпа глазели; встречные животные мешали свободному ходу. Проводив караван за ворота города, мы все легче вздохнули и я, попрощавшись, направился к югу — юго-западу вверх по речке Нан-чан-хэ («южная длинная речка»), впадающей у самого Синина в Синин-хэ. Для движения к Донгэр-тину через эту речку имеется мост, которым и воспользовался наш главный караван. В моем легком разезде мне сопутствовал Гомбо Бадмажапов, алашаньский монгол и двое проводников, назначенных сининским управлением.

Как раз от юго-западного угла крепостной стены я вступил на Гумбумскую дорогу и проследовал верхним берегом речки; еще выше дороги, на вершине холмов красовалась китайская кумирня, много выигрывавшая в художественном отношении благодаря живописности самой местности. Вскоре дорога спустилась на дно речки, ее разливного участка, и мы еще успешнее направились вперед. Отдаленные холмы в следуемом нами направлении нас очень интриговали — в них скрытно ютится исторический знаменитый монастырь Амдо — Гумбум. Дорога наша была очень оживлена, по ней двигались взад и вперед. На прилежащих полях работа по уборке хлеба шла вовсю. Извилистое ущелье втянуло нас в себя окончательно. Интересно заметить, что весь гребнистый скат горы по вершинкам убран обо. По дороге, перед последним холмом к монастырю также имеется обо; за отсутствием камней оно сложено из дерна.

Горы приближались, в их изумрудных полях, разукрашенных золотистыми пашками созревшего хлеба, дышалось легко, свободно; необычайная глубина ярко-синего неба возвышенной лазурью влекла к себе. Я невольно всматривался в чистоту небес, в чудную зелень и в отдаленный гребень гор, порою открывавшийся то там, то тут в голубых пространствах все того же небосклона. По дороге, в середине пути (по нашему счету от Синина до Гумбума 35 верст, а от Гумбума до Донгэра 55 верст, т. е. столько же, сколько от Синина до Донгэра.) мы устроили чаепитие с завтраком, а затем, миновав захудалый городишко Сю-дя-цзай и ряд мягких изумрудных холмов, в 5 часов вечера поднялись на последний монастырский холм, его вершину, когда, наконец, увидели место родины и место упокоения знаменитого реформатора буддизма [Цзонхавы] — Гумбум, живописно расположенный по крутым скатам амфитеатром. Золотые кровли некоторых храмов, исторические субурганы, общий вид приличных монастырских построек произвели отрадное впечатление.

Вступив в Гумбум, я все искал глазами моего Гомбо, посланного вперед с письмом к одному из гумбумских гегенов. Но его не было. Он не мог найти адресата ни в монастыре, ни в китайском примонастырском торговом селении (колонии), расположенном ниже Гумбума, рядом, в месте впадения с запада другого оврага. Гомбо явился мне навстречу озабоченный. Попутные ламы обязательно хотели помочь нам, выручить нас и один на мой вопрос: «Где проживает Чжой-геген?», к которому у меня было рекомендательное письмо моего приятеля-буддиста¹¹⁹, рукою показал на соседний дом, заметим в скобках, очень приличный. Мы, недолго думая, въехали в него и, спешившись, пошли во внутренние помещения — целый ряд домиков, с колодезными квадратными пустотами,

на которые глядят большие окна и двери помещений для приезжающих. В отсутствие гегена, нирва нас вначале принял весьма нелюбезно, протестуя против нашей у него остановки. На его протест я также протестовал, стараясь убедить, что гостеприимство основная черта кочевников, не говоря уже про монастыри, поддерживаемые теми же кочевниками. Нирва внял моему убеждению, велел открыть для меня приличные две-три комнатки, выходящие к гегенскому храму и его личному помещению. Вскоре затем мне была прислана хлеб-соль, и мы с ламой Сонэн-Цорчжи незаметно вступили в дружеские отношения. Геген был в Пекине; его имя Чжайк-геген.

4–5 августа. Два дня я провел в монастыре самым лучшим образом. Я был совершенно самостоятелен: ко мне являлись все те, кто желал и хотел меня видеть! Ко мне не попадали лишь те ламы, которые намерены были сбыть прикопленные предметы культа.

Первый день я осматривал китайский пригород и фотографировал монастырь. Второй [день] осматривал чудные, богатые, солидные храмы и произвел дополнительные снимки. Гумбум по богатству построек, по архитектуре, по массе самых интересных бурханов, по золотому величественному храмовому субургану — словом по всему внешнему — монастырь, подобный которому мне еще ни разу не приходилось наблюдать. Может быть, что-либо похожее имеется в Урге, в Ургинских монастырях, но всех его храмов там я не видел. Самый старинный храм, как и три прочих главных, уцелели от рук грабителей дунган, так как гумбумские монахи, числом около трех тысяч, бросив все монастырское, сосредоточились в четырех храмах и с оружием в руках успешно отстояли свои главные святыни. Много лам в борьбе с дунганями пало, но немало поплатилось головами и хой-хойев [дунган]. В рядах защитников Гумбума, его, по большей части, молодой братии, стояли, несомненно, и кукурские тангуты — эти лихие воины, любящие всегда, при случае, подраться. Я немало удивляюсь Г.Н. Потанину*, который, прозимовав в Гумбуме, не упоминает о защите храмов монахами¹²⁰, как некогда защищали наши монахи Троице-Сергиеву святыню. А, между прочим, говоря, что монастырь был разрушен и постепенно устраивается, в то же время противоречит себе указанием об одном празднике в Гумбуме, когда торжественно вывозится на показ одежда Далай-ламы, телега Банчин-эрдэни, седло императора и шапка Цзонхавы. Всем нам известно, что дунгане грабили и жгли и, если бы действительно они завладели бы четырьмя главными храмами, то от них бы ничего не уцелело. Тогда как на самом деле эти храмы сохранились образцово; сохранены и знаменитые субурганы, бурханы, книги и все то, что и теперь, при торжественных службах выносятся на показ. Сколько времени нужно для того, чтобы молящиеся, стоя босыми ногами, на паперти «золотого храма, простираясь поклонами» на деревянном полу, в этом полу сделали бы (как это есть) глубокие выемки для сгибающихся пальцев ноги и желобки для опускания и

* Между прочим, его хорошо помнит мой знакомый Сонэн-Цорчжи, не преминувший показать мне портрет нашего трудолюбивого, обстоятельного исследователя Азии и его подарок — раскрашенные портреты царей: Александра III, Мар[ии] Фед[оровны], наслед[ника] цес[аревича] и Великого Князя Владимира Александр[овича].

поднимания тела молящимся. Таких выемок в дереве от простирающихся растяжными поклонами я также никогда не видел.

По сведениям, добытым мною от гумбумских лам, главным образом, ламы Сонэн-Цорчжи, монастырь Гумбум основан около 500 лет тому назад. Основание ему положил богдо-геген, который вскоре, в большое свое паломничество в Тибет, в Цзу¹²¹ совершенно основался там, а образованная им гумбумская община с монастырем перешла в ведение Ачжа(Чжан)-гегена. Ныне этот представитель Гумбума считается в пятом перерождении. Пока я его не видел, но судя по прекрасной его фотографии, исполненной в Японии (где, следовательно, Ачжа-геген был), эта личность очень интеллигентна и красива. В современном состоянии Ачжа-геген не старый, очень строгий и очень умный, держит себя аристократом.

Этот святитель есть, конечно, высшее лицо в управлении гумбумского монастыря; в помощь ему, по выбору, назначается секретарь из разумнейших и представительнейших лам общины; помощники от времени до времени сменяются. Всего гегенов в Гумбуме вообще 63; наиглавнейших храмов 10 или 12. Количество лам было когда-то очень большое, по данным Гюка, до семи тысяч¹²². В нынешнем штате, согласно списков, 3500 человек, налицо же значительно меньше; все еще виден недочет после дунганского мятежа; все еще заживают раны, причиненные этими инсургентами. Состав монахов: тангуты, монголы и тибетцы.

Старейший из храмов Чжамчин-гун-сук [Чжам-ин-гун-сук] — в центре монастыря, там, где и другие главные храмы, расположен вблизи восьми субурганов. Этот храм, говорят, в числе первых молитвенных зданий, может быть, даже устроенный богдо-гегеном, его архитектором Сэр-чжямцо. В этом старинном храме, впрочем и во всех других 10–12-ти наиглавнейших, восседал сам Далай-лама в его пребывание. Конечно, Далай-лама занимал первенствующее место посередине храма, на престоле, стоящем у стены, противоположной входу. Говорят, в присутствии Далай-ламы и стройность, и торжественность службы отличались в высшей степени, в особенности в большом храме Сокчин-догын [Цокчэн-дуган] (красный, со многими ганчжурами), вмещающем в себя до 5000 молящихся лам. Но воздух в этом молитвенном здании мог бы быть гораздо лучше и свежее. Дольше пяти минут я не в состоянии был пробыть в нем — так тяжел, сперт, затхл был он в этом храме, по выходе из которого, при виде светлого голубого неба, и, дыша горной атмосферой, я получил физическое облегчение. В одной из сторон паперти с массивными, дикого камня ступенями, подле двери я заметил деревянные посудины для носки воды и над ними висели в ряд семь, одна другой солиднее, нагаек и большая из них, крайняя, была украшена голубым хадаком. Нагайки из черного кожаного ремня с деревянными рукоятками. Выходящие ламы видят их постоянно, и может быть, это обстоятельство незаметным образом на них действует воспитательным способом. Битье палками по спине, рукам и плечам, подобно тому, как это практикуется в Урге, здесь также бывает в ходу. Может быть, и в эту общину монахов проникает соблазн, но только в редких случаях; в большинстве здесь чинно, благородно.

Ламы, ушедшие втихомолку в китайскую торговую слободу, могут, и, вероятно, предаются искушениям. Такие господа, как китайцы, хуже всякого «лукавого» —

все подстроят, только бы лама принес что-либо, даже нечестным путем добытое. В китайской слободе — притоны и приют всего запретного, искусительного.

За большим храмом, к горе, рядом красуется очень богатое здание с ярко-золотой кровлей и отменными стенами (особенный глазированный кирпич, приготовлявшийся здесь же мастерами-китайцами) — храм, под названием, Алтын-сумэ-Цзу, внутри которого, посередине картинно возвышается, до пяти сажень, золоченный субурган. Эта большая святыня, как кажется, включает в себя останки (прах) реформатора буддизма Цзонхавы. Субурганов вообще в храме этом порядочное количество; на стенах писанные золочено-красные бурханы, а вдоль стен металлические или глиняные, вызолоченные и выкрашенные в краску.

Как характерное явление в Гумбумском монастыре — это то, что во всех, не только больших и малых храмах, не только в домах наистарейших лам, но даже часто и на груди, в гау, вы видите маленькое изящное (металлическое, глиняное или иконописное) изображение Цзонхавы у простых смертных молящихся. Как раз перед этим храмом паперть, которую отшлифовали и углубили мозолистые руки и ноги молящихся, простирающихся постоянно перед великою святынею.

В ряд с Алтын-сумэ красуется следующий храм — Чжюхын. Дверь входная повернута к зданию Алтын-сумэ, на которое смотрится изображение Цзонхавы, устроенное на престоле, посередине Чжюхына. Вообще, самый храм устроен парадным входом под прямым углом к таковым [парадным входам] всех прочих молитвенных зданий. Величественное, золоченое изображение способно возвысить у паломников молитвенное настроение, проникнуться торжественностью и проч. К сожалению, эти храмы так скученны, что фотографировать их очень неудобно, за исключением желания получить общие виды группы храмов.

В мое время во многих храмах шло служение. Встречные служители монастыря имели строгий, напыщенный, важный вид. Подле Цзу теснились молящиеся, ждавшие очереди для занятия углублений, в которых действуют руки и ноги простирающихся ниц и вновь поднимающихся. Это, своего рода, молитвенная гимнастика; молодые паломники изящно и грациозно проделывают простираение.

Спускаясь вниз по оврагу, на том же левом его берегу живописно расположены два стоящие рядом, храма: первый, с деревом «улан-цзан-дан» (сиренью), выросшей, по преданию, на месте зарытого в землю послета Цзонхавы; по другим версиям — там, где были спрятаны волосы после пострижения знаменитого в будущем святителя.

Зайдя во второй или третий раз во внутренность двора этого храма, где постоянно дымится фимиам, под деревом я тотчас сорвал ветку святой сирени и пока издали полз привратник (согбенный не годами, а случайностью), я вложил веточку в книжку и решительными шагами спокойно последовал к себе на квартиру. Протестующий монах смолк; ему что-то шепнули на ухо полисмены, сопровождавшие меня от Синина.

Рядом с этим храмом стоит более величественный — Шамтэ-лхакан [Шабдэн-лхакан]* — подле восьми субурганов — темно-красный, с богатой блестящей

* В книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (М.; Пг., 1923. С. 282) П. К. Козлов пишет, что дерево улан-цзан-дан растет в храме Шабдэн-лхакан. (Прим. сост.)

золотом, крышей. В этих двух храмах, в их пристройках, на балконах, а в первом и внутри, стоят чучела зверей: тигра, леопарда, медведя, яманов, антилоп и других. На балконе второго — два больших диких яка и джара (*Nemorhoedus*)¹²³, сделанные и пожертвованные тангутами окрестных мест. Искуснее прочих набиты чучела дикого яка; здесь видно знание образа жизни этого интересного животного, равно и его лихих повадок. Як-бык представлен в свирепой позе: с поднятым вверх хвостом, с готовностью поднять на рога врага; к тому же шерсть на яке превосходная — свежая, лоснящаяся.

Вот список наиглавнейших храмов: 1) Чжамчин-гун-сук [Чжам-ин-гун-сук], 2) Алтын-сумэ, 3) Чжюхын [Чжгохын] (с вел[ичественной] фигурой Цзонхавы), 4) Шян-кхан [Шянь-хан], 5) Гон-кхан [Гонк-хан], 6) большой храм Сокчин-догын [Цокчэн-дуган]. Вторая группа: 7) Шамтэ-(лха)лакын [Шабдэн-лхакан] 8) Цзанхын-кхан [Найчун-цзан-хан] со священным деревом улан-цзан-дан. Третья группа: 9) Чжюба-лхагын, [Чжюба-лхакан] 10) Мамба-дуган [Маньба-дукан], 11) Донгэр-дуган [Донгэр-дука] и 12) Улан-лабрэн [Улан-лаврэн] — в последнем имел пребывание Далай-лама*.

Здесь же следует упомянуть о том, что все храмы, все постройки монашеские в образцовом порядке. Все сделано прочно, красиво. Общей чистоте Гумбума в значительной степени способствует горный рельеф местности; каждый дождь смывает нечистоты и несет их в общее русло оврага, по которому вследствие значительной крутизны все уносится далеко вниз. Что мне особенно понравилось, так это любовь монахов к растительности: свободные уголки обнесены глиняными стенками, оберегающими неприкосновенность к посадкам деревьев и пышным луговым травам. В гущине растительности скрываются журчащие ручьи кристаллически прозрачной воды, оживляющей пейзаж. Внутри многих домов посередине красуются большие или меньшие цветники.

К внутренним удобствам монастыря можно отнести похвальное слово относительно главной — братской кухни и ее остроумной, гигантской центральной печи, в которую (в очаг) вделано три котла, каждый вместительностью <пропуск текста> ведер. Диаметр медных котлов около 3 аршин, при высоте со дна чаши до верхнего края — около 2 аршин. Топка производится снизу соломой или мелким кустарником. Как котлы, так и тот глазированный кирпич, который красит храм Алтын-сумэ, сделаны мастерами-китайцами на месте, здесь же в Гумбуме.

Напротив центральных главных храмов, на противоположном скате разбит или просто огорожен лесок, издали напоминающий наш сад, в котором нередко собираются на прогулку ламы, испытывающие друг друга в знании догматов. Можно представить себе, какой гвалт, крик несется из этого открытого диспутического места, крик молодой, в несколько сот человек толпы, отвечающей нараспев на вопросы, предложенные товарищами. Вначале я [даже] подумал, что в Гумбуме произошло нечто необычайное — нападение на Гумбум разбойников, или что-нибудь в этом роде. Разочарование было приятное. Относительно ежедневных отправок учения, богослужения, можно заметить, что здесь виден порядок, установленный строгим начальником. Его велениям все и всюду

* В квадратных скобках приведены названия храмов по: Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923. С. 276. (Прим. сост.)

послушны. Все ламы держали «ушки на макушке!». Болтунов, говорунов, лентяев, слоняющихся из угла в угол, я здесь не видел. С первого раза до отъезда мое хорошее впечатление не омрачилось.

Там же, на скате между первой и второй группами храмов стоит большое здание — управление монастырем Гумбумом. В помощь Чжан-гегену по светским делам назначается (выбирается) лицо через известный период времени.

Забыл было сказать, что в Гумбуме имеется несколько субурганов: два очень больших, один из коих с арочным проходом (удачно снят Грум-Гржимайло); в некотором отдалении еще два, меньших, рядом Чортен-чжат (справа — в честь Аюши¹²⁴, слева — Намчжимын-цорчжэ).

Гумбум покоится на границе земледельческого и кочевого населения. Стоит лишь подняться на вершины южно-монастырских холмов, чтобы иметь возможность видеть к северу вниз полосу земледелий — шашки полей, а к югу цепь гор, составляющих восточное продолжение Южно-Кукунорского хребта (Пржевальского). Большой типичный Наньшанский хребет, за которым катит свои воды Желтая река и расположен Гуй-дуй, много раз манил меня на свой северный склон, где выделялись приветливые лужайки, скалы и россыпи, сбегавшие языками вниз от гребня хребта. Неизвестность, приветливость, горный воздух и простор — всегда влекли меня от душной, неприятной китайской среды. С холмов этих отлично видна дорога, змеею извивающаяся по долине и капризно по горному склону. Эта нить поведет нас осенью через грань Хуан-хэ в Гуй-дэ-тин на зимовку.

Гумбум как религиозный центр с давних времен служил пунктом, куда стекаются богомольцы из Монголии, Тибета, Куку-нора. Наши забайкальцы также не забывают эту высокую святыню! Ежегодно они стремятся сюда, к тому центру, где в известные праздничные периоды вращаются чуть не все народные элементы Азии. Со всех концов буддисты тянутся к месту упокоения, месту родины и месту славы Цзонхавы.

Здесь, между прочим, был китайский император, кажется достойный современник Петра Великого¹²⁵, посетивший одновременно и два прочих монастыря — Чю-тан-сы и Ай-гу-лан-сы, всем трем на память подаривший по экземпляру Ганчжур-Данчжура¹²⁶, исполненному золотыми буквами. Сюда паломничал и знаменитый пятый Далай-лама¹²⁷.

«История монастыря Гумбума», составленная на тибетском языке, мною приобретена. В ней включено все; читатель не найдет лишь описания последнего события, имевшего место в период осени — зимы и весны 1906—1907 гг., — посещения Гумбума тринадцатым Далай-ламой, находящимся в это время в Пекине и намеревающимся зимою или к зиме вновь вернуться в Гумбум — центр сосредоточения далай-ламского имущества. Здесь я и нашел двух его чиновников — ламу и черного мирянина — хранителей добра Далай-ламы, имевшими в мой приезд пребывание в Синине. Чиновники на мое требование для свидания явились тотчас. Они сказали мне, что очень скудно получают сведения из Утайя. Несколько времени тому назад к ним прибыл денежный транспорт серебра в десять тысяч лан, опечатанный, с наказом хранить, как и прочее имущество, в здании Управления Гумбумского монастыря.

Люди Далай-ламы жили здесь очень скромно, вблизи монастыря — храма Улан-лабрэн <...>, где, в свою очередь, имел пребывание сам Далай-лама. Это

помещение наряднее и просторнее того, которое Далай-лама занимал, будучи в Урге¹²⁸. Отсюда, сверху открывается широкий вид на отдаленные северные и южные цепи Нань-шаня; вверху только лазоревое небо... Вниз убегают монастырские постройки, из однообразной массы которых справа резко выделяются золотые кровли и ганчжуры наиглавнейших храмов. Отсюда, между прочим, видны и внутренности многих монастырских дворов, своеобразный контроль в занятиях [лам].

Как некогда была ключом Урга в пребывание Далай-ламы, так забилося сердце Гумбума, когда сюда явился Правитель Тибета и Глава буддийской церкви. Денно и ночью неслись звуки раковин, барабанов, тарелок и проч. День и ночь служились службы, шли благословения — Гумбум жил торжественно, повышенно. Храмы и их служители прониклись торжественностью минуты, торжественностью событий. Все подчистилось, все подтянулось. Купцы ликовали, их товары разбирались нарасхват. Богатела казна Далай-ламы, богатели храмы, богатело и купечество — китайцы. Со всех концов потянулись сюда многочисленные паломники. Далай-лама как светоч, как религиозное солнце, влек к себе. Только и говорилось всюду «о нем». Все прочие интересы отошли на задний план. Уехал «Он», и настала тишина велья¹²⁹.

Уютное расположение монастыря Гумбума, красивый амфитеатр, луговые вершины, от которых в некоторых местах сбегают лесочки, какая-то уединенная скрытность — все в сумме делает из этого монастыря и красивый уголок, и подобающее молитвенное место, способное погрузить человека в созерцание, приближающее к понятию чего-то высокого, таинственного, того, кто будит душу философа.

Быстро мелькнули два дня, проведенные мною в Гумбуме. Я не сидел на месте, за исключением необходимого времени, да и это сидение старался заполнить писанием заметок, расспросами и проч. Без усталости бродил по монастырю, с интересом дважды побывал в китайской торговой слободе Гумбума, обошел все лавки и, в конце концов, положил основание некоторой, полной в религиозном отношении, этнографической коллекции. Это скромное собрание после приведения его в порядок на месте, в Петербурге, я предполагаю предложить Императорской Академии наук через посредство С.Ф. Ольденбурга.

6 августа. День нашего полкового праздника, на котором, вероятно, мои дорогие товарищи вспомнят путешественников, как вспоминаю я их, их сердечное «до свидания». Я оставил Гумбум довольно рано! Мы взяли северо-западный курс; дорога шла сначала наперерез холмов, затем долиною, занятой полями хлеба, на которых местные селяки работали семьями — жали. Селения их молчали в середине и шумно оживлены были по окраинам, где дети, предоставленные себе, резвились вовсю. По мере движения вниз, к проходу речки, орошающей маленький попутный из Гумбума и из Синина в Донгэр городок, я частенько оглядывался к югу на хребет, отделявший от нас Хуан-хэ. Зоны, в особенности альпийские зоны, влекли мое сердце и душу к себе, они будили пытливость географа, а еще более пытливость исследователя природы. Но делать нечего — надо было эти горы оставить на дальнейшее, позднейшее время. Теперь на очередь выступал Куку-нор, этот красивый, оригинальный, высокоальпийский бассейн, почитаемый как святой кочевниками, пользующимися его

благами. Надо спешить в Донгэр, куда уже направлен караван и теперь уже прибыл и ждет моего возвращения.

Вскоре затем я со своим спутником действительно вышел к западной окраине городишка, за которым большая сининская дорога еще успешнее повела нас в Донгэр. Мы ехали скоро, наш вьюк отставал. Большая дорога была оживлена китайцами, тангутами, далдами. На полях по-прежнему кипела уборка хлеба. Незаметным образом мы доехали до горбатого, отжившего свой век моста через Синин-хэ и здесь учинили привал. Солнце перевалило за полдень. Детишки маленького селеньища высыпали на мост глазеть на нас. Глазели также и проезжие, и проходившие путники. Развлекаясь всем этим, мы дождались незаметно своего вьюка. Тем временем, сопровождавшие нас солдаты добыли яиц и хлеба и я, сидя на каменных заложениях устоев моста, оригинально подкрепился. Вокруг меня теперь уже собралась досужая компания китайчат, то и дело просящих бинокль «посмотреть!».

С приходом вьюка я расположился на разостланном на лугу войлоке с большим удобством. Наши кони и верблюды благодушевствовали вполне. Окрестные холмы и долина были привлекательны, и я не уставал часами смотреть на них. От гор и близкого пейзажа я порою уклонялся, любопытствуя и на проходящих. Больше всего из людей меня занимали так называемые донгэр-ва — метисы китайцев и тангутов или далды, особое племя, особая народность, очень интересно, а часто и шеголевато одевающаяся, к тому же несравненно благообразнее, нежели, в большинстве случаев, грязные китайцы или китайки с изуродованными ногами. Одна компания, видимо порядочных, зажиточных донгэр-ва наиболее осталась в моей памяти. Эти вполне порядочные люди: положительная мать, красивый, [как] наш южанин, сын и под стать 16—17-летняя дочь. Все трое, проезжая, учтиво отвечали на мое «дэму!» — здравствуйте; затем, вблизи остановились на короткий отдых. Как оказалось при знакомстве, они возвращались к себе домой из гостей. Я сожалел, что запас моих стекол-пластинок иссяк в Гумбуме, иначе мне без труда удалось бы приобрести интересную картинку типов и нарядов сининских обитателей. Распрощавшись с хорошей компанией, мы поспешили отправиться в дальнейший путь. Было уже два с лишком часа дня. Верблюды наши без капризов прошли по мосту, о лошадях и говорить нечего, и мы опять ускоренным шагом двинулись вверх по речке. Последняя становилась понемногу беднее водою, но зато грознее в движении.

Местами, в сужениях ущелья долины, она падала страшно круто, ревела, пенилась, кружилась и положительно не давала возможности разговаривать. Местами река подмывала берег, видны были энергичные труды человека справиться с ней, оттолкнуть ее и оставить место, усланное каменными глыбами и камнями, для дороги. Местами высокая вода смывала с берега дерн и даже пашни с хлебом; несчастные земледельцы с досадою, стоя в грязи, извлекали забытые землей колосья. Местами жницы с веселой улыбкой смотрели на нас, спрашивая звонким голоском: «Куда идете?» Дорога спорилась, незаметно мелькали селения, поля. Вот идет кто-то такой, кто не походит на местных обитателей, а скорее олицетворяет русского. Это молодой, симпатичный купец-андижанец катит на белой лошади из Донгэра в Синин. Изысканно-вежливо поздоровавшийся со мною, он приветливо и хорошо доложил мне о состоянии нашего ка-

равана, расположившегося бивуаком на берегу речки. Он знал, что встретится со мною и теперь уверенно говорил, что скоро вернется из Синина и явится ко мне. Теперь я убедился, что знание мое тюркского языка, кашгарского наречия мною усвоено порядочно, и я совершенно свободно говорил с Юсуп-ахуном добрые минут десять. Он мне справедливо доложил, что мне осталось следовать всего десять верст. Мы еще с большим нетерпением понуждали коней. Вот красивое место, где я несколько лет тому назад любовался горной мельницей, а еще больше перекинутым через свирепую, большую речку высоким легким мостом, переступив который попадаете в превосходный березовый лес, ниспадающий по крутизне от верха до низа. Это красивейшее местечко во всем ущелье-долине мне памятно еще по Тибетскому путешествию. Справа чаще и чаще приходили звонкие, бурливые ручьи; горы в северном направлении вырастали. Наконец мы уже увидели башни Донгэра. Подул встречный ветер, облака надвинулись, и дождь, сначала маленький, незаметно превратился чуть не в ливень, когда мы с Бадмажаповым уже были на бивуаке, здороваясь с товарищами. Вьюк прибыл только через два часа, в 7 часов вечера. На бивуаке чувствуешь себя словно дома, тем более что здесь было вполне благополучно. Караван прибыл сюда на третий день, идя очень малыми переходами по причине большой грязи, в особенности в первый день и переход от Синина, и остановился на заранее указанном мною месте — на берегу речки, в соседстве города.

Все прошлое быстро встало в памяти. Донгэр-тин посещался многими путешественниками и понемногу всякий раз описывался. Я его видел раннею весной, когда он производит крайне неприятное впечатление — сырое, грязное, пыльное. Окрестность такая же. Видел я этот городишко и в конце лета; тогда другое дело. Зелень, южная зелень, многочисленные пашни наряжают его до неузнаваемости. Так было и теперь. Но этому посещению испортил многое дождь, почти все время ливший и задержавший наше выступление на несколько дней (с 5 по 12 августа). Мы уже заранее окопались от дождя, но ливень всю ночь с 7-го на 8-е положительно подтопил нас. Четыркин и Телешов под ливнем в темноте, хоть глаз выколи, углубили канавку, превратив последнюю в маленький ровик, этим только и предотвратили большие неприятности, нежели те, которые случились!

Дождь, дождь и дождь донимал нас все время. Как неприятна сырость, мерзлость. Дождь с ветром пробивал полотно палатки и тонкой пылью садился на предметы; о том, чтобы писать в это время, нечего было и думать. Приходилось смиряться, покоряться необходимости и, свернувшись в клубочек, читать. Поэтому следует помнить, что в путешествии нужно иметь помимо специальных научных книг еще и беллетристику. Я с удовольствием читаю теперь роман Мельникова «В лесах»¹³⁰.

Впрочем, в каком бы то не было малом городишке, как Донгэр, а все-таки есть кое-какое развлечение. У меня нашлись даже и старые знакомые — торговцы, отделение сининской фирмы Цян-тай-мао. Эти торгаши кое-что уже приготовили мне по части буддийского культа и этнографии вообще. Я лично дважды по делам побывал в городе и вынес то же впечатление, что и прежде. Донгэр — меновой город, посредник обмена товаров. С одной стороны сырье: скот, шерсть, овчины, масло и проч. привозят в город окрестные жители-номады (тангуты, монголы); с другой — торговцы-китайцы предлагают кочевникам все:

и самое необходимое, и своего рода роскошь в обмен на сырье. Номады на вырученные деньги покупают, нередко с увлечением. Китайцы вкус кочевников хорошо знают и стараются степняков завлечь, раззадорить цветистым, в особенности падки на все такое женщины.

Почти у каждого мало-мальски зажиточного кочевника есть знакомый торговец китаец, у которого он и останавливается. Городишко часто кишит от приезжих, в особенности осенью, когда сюда, а также заодно в Синин и в Гумбум, наезжают даже цайдамские монголы; бывают здесь и северные или северо-восточные тибетцы все с одной и той же целью — обмена. Конечно, у хошунных начальников являются и дела к местному амбаню, в ямыне.

В Донгэре на единственной торговой улице вы увидите и тангута в полном вооружении, гордого, смелого, дико несущегося на степном иноходце, не смущаясь никого и ничего, и донгэр-ва, этого мирного, как и китаец, селяка, и среднего, между тем и другим — монгола. Тангуты нередко напиваются, когда представляются крайне забавными. Как дополнение всего на базаре появляются колодники (в железах), которым не отказывают в добротном подавании, несмотря на то, что эти несчастные, в большинстве случаев, сами не просят. Моим казакам один такой колодник <...> говорил, между прочим, что он мог бы снять кандалы и бросить их с разрешения местного начальства, которое говорит де «Будет уже тебе отбывать наказание!», но колодник на это ответил: «Нет! Я совершил, хотя бы и в пьяном виде, грех великий, а потому должен со смирением и покорностью отбывать возмездие — я сильно виноват перед Богом и перед людьми». Моим спутникам нравятся гордые, лихие тангуты, о которых они любят рассказывать при возвращении из города.

Вскоре и на нашем бивуаке образовался базар; к нам торговцы несли бурханов, одежды тангутские, гау, шкурки зверей и прочее. Таким образом, здесь мне удалось приобрести кое-что из приносимого. Между прочим, очень интересны женские украшения кукунорских тангутов — их красные, ниспадающие по спине ленты, богато унизанные серебряными с цветными камнями гау, или только верхними крышками их и множеством серебряных тибетских монет, распределяющихся рядами выше и ниже гау. Приобретены также кольца и серьги. Для полноты желательно иметь хотя бы холодное оружие. Что-либо интересное, изящное местные торговцы не держат. Обыкновенно отвечают нам: «Нет спроса, кочевники народ темный, дикий».

Вообще к характеристике китайских торговцев надо отнести следующее: когда вы зашли к ним в лавку и торгуете вещь, нравящуюся вам и по цене подходящую, непременно, тотчас берите ее, иначе, в следующее посещение за нее с вас не постесняются сорвать в $1\frac{1}{2}$ –2, а то и в три раза большую цену. Таков обычай у китайцев; если же он сам пожелает принести вам вещь за предложенную вами цену в его магазине, вы тогда храбритесь — вы купите ее в $\frac{3}{4}$, а то и меньше или дешевле предложенной платы; и китаец отлично это знает и покоряется; последнее, обыкновенно, случается редко.

Возвратившийся из Синина сарт¹³¹ Юсуп-ахун тотчас явился ко мне с дашарханом¹³² и с приглашением «откушать у него запросто плов». Я охотно откликнулся на приглашение и пошел вместе со своим младшим сотрудником. Сарты нас приняли очень радушно и на славу угостили пловом. Прислуживали

они вдвоем с товарищем и их наемный мальчик-дунганин — очень симпатичный и красивый, впоследствии неоднократно приходивший ко мне на бивуак с целью посмотреть чучела птиц, растений, бабочек, жуков и проч. Не преминул также попроситься путешествовать со мною. Пылкие, любознательные дети везде одинаковы, везде они стремятся к глубокому познанию природы. Дождь тем временем лил и лил настолько, что речка и речонки вздулись, переполнились, грозили нашему бивуаку более, нежели ливень. Китайцы, темным вечером везшие лес в Донгэр, в попытках спасти товарища, спасавшего уходившие бревна, в свою очередь поплатились жизнью — в какие-нибудь две-три минуты все трое утонули. Отчаянные крики выяснились только впоследствии. Помощь не пришла, да и как и прийти темью вовремя.

Наши верблюды начали серьезно болеть (лапы распухли) и внушать мне опасения за дальнейшее следование. Пришлось призадуматься и решить: здесь в Донгэре оставить тяжелый багаж, все, без чего можно обойтись, а тронуться в дальнейший путь лишь с облегченным выюком. Тогда мы становимся подвижнее, что особенно важно, в особенности среди разбойничьего тангутского населения — это раз, другой же — мы лучше сбережем свое имущество, свои коллекции. Предложенная мною мысль, моему капралу Иванову очень понравилась, и он с товарищами горячо принялся за переснаряжение багажа. Нужно было «ловить момент» проблеска неба и солнца, работать и в то же время держать наготове брезенты. Тем не менее, мы дружно, очень скоро справились со своей задачей. **11-го августа** тяжеловесный багаж на 8-ми верблюдах был свезен в ямынь и сдан под расписку на хранение самому начальнику уезда. Последний, очень симпатичный чиновник, по мнению моих спутников Четыркина и Иванова, сделал порядок приема и установки на хранение и, в конце концов, пригласил их обоих к себе на чай!

На этом наше пребывание в Донгэре и окончилось. Перед оставлением его ко мне явились на осмотр четыре кавалериста, вооруженных скорострелками типа берданки, командированные со мною, мне в сопровождение, самим цин-цайем. Как я ни отговаривался — ничего не мог поделаться, пришлось согласиться на прием конвоя и на его совместное путешествие со мною на Куку-нор. Кроме конвоя, в распоряжение мое прибыл переводчик в предстоящих сношениях с тангутами. Впоследствии я был очень доволен людьми, командированными любезным цин-цайем. Тангуты по этому одному уже относились к нам хорошо. Бумага, полученная кочевниками заблаговременно, давала им понять о важности моей персоны; к тому же, впечатление еще более усилилось счастливым совпадением обычной амбаньской поездки на Куку-нор совершать моление богам, поддерживающим обилие вод, одновременно с нашим вступлением на берега Куку-нора, когда цин-цай собравшимся хошунным начальникам заявил лично о том, кто мы такие и как следует к нам относиться!

В Донгэре я заказал местному серебряных дел мастеру два серебряных гау по тангутским образцам; мастер-китаец обещал изготовить к нашему возвращению в Донгэр. На гау ему дано наше гамбургское, высокопробное серебро в количестве десяти лан, немного меньше фунта (в одном фунте одиннадцать лан). Погода обещала исправиться окончательно и действительно стала хорошей — ясной. Мы готовы двинуться в путь на Куку-нор.

12 августа. Наш лагерь хотя и поднялся рано, но не рано караван выступил — обычное дело после долгой стоянки. Забыл было сказать, что в Донгэре на речке мы попробовали свою лодку. Последняя вначале дала маленькую течь, но вскоре «забухла», как говорит Ванька, и четверо молодцов отлично, с успехом прокатились. От Донгэра на Куку-нор ведут две дороги: южная, через перевал Шара-хотул, по которой ездит ежегодно высшая администрация Синина, и северная. Последняя, мимо Дацан-сумэ, удобна в том случае, если следовать северным берегом Куку-нора, как это было со мной в передний путь минувшего путешествия.

В 8 часов утра наш облегченный караван потащился по южной дороге вдоль ущелья речки, сливающейся с главной ветвью у Донгэра. У окраины оазиса все еще было довольно грязно, но выше почва стала песчано-каменистее, суше, и мы довольно успешно подвигались вперед. Вся долина ущелья заполнена пашнями, волнующимися, местами прилеглими от тяжести колосьев хлеба из-за минувших дождей. На полях работали селяки — жали. Горная речка несла кристаллически-прозрачную воду; на каменных перекатах она звонко гремела, рассыпаясь пенными брызгами. Дорога тянулась змеей то одним, то другим берегом, иногда поднимаясь на высокие обрывы, откуда открывались затейливые красивые местности. Переправы через речку, за исключением ближайшей к городу, в теснине, где переброшен мост, производятся вброд. Вода в это время стояла невысокая, средний уровень, и наш караван везде удобно переправлялся, в особенности повыше, где самая речка становится меньше и меньше.

Гораздо больше затруднений нам причиняли и, как назло, в самом узком месте ущелья, встречные тангутские караваны на яках. Приходилось, едучи впереди, сдерживать их, иногда по косогорам до прохода наших верблюдов. Тангуты везли соль из долины Дабасун-гоби и сырье. Партии кочевников были небольшие — 5—7 человек, но их караваны в десять раз больше числом; примерно на одного человека рассчитывают десять быков с грузом. Тангуты все были вооружены: ружьями, саблями и пиками. Скот их, всех 7 или 10 караванов, отличался хорошим, сытым видом. Наполовину были яки, наполовину хайныки; последние несравненно надежнее и лучше в качестве вьючного животного, нежели первые — свирепые, ретивые, взбалмошные.

Первый день мы прошли 18 верст, второй, выступив, как обычно, рано — 20, оставив в стороне городишко Шара-хото, выбравшись из сферы земледелия и став бивуаком в области чуть не альпийских лугов, у подножья гор, отделявших нас от прелестного, давно желанного Куку-нора. Итак, мы оставили культуру. Впереди лежала страна кочевников, скотоводов. Ширь, простор, куда ни помотришь. Воздух чист, прозрачен; небо ярко синее. Многолюдство уступило место безграничному простору. Ближе к природе иные мысли сопровождают исследователя. Душевно-нравственное состояние повышается; весь отдаешься созерцанию видов, растительности, животной жизни. По низинам развертываются ковры золотистых цветов, над которыми с жужжанием проносятся насекомые — мухи, шмели, бабочки. Появились многочисленные пищухи, а из пернатых — их враги и друзья; к первым относятся сарычи, сокола, кярсы¹³³, вороны; ко вторым: земляные вьюрки (*Purgilauda* и *Onychospiza*).

Экскурсировавшие в горах еще выше бивуака видели антилоп-ада (*Procapra picticauda*); кроме того, Четыркин сачком поймал интереснейшего грызуна

типа *Dipus* [тушканчик], державшегося в верхнем поясе гор, свыше 11 000 футов а[бсолютной] в[ысоты], подле кристаллических пород, обнажавшихся среди пышных альпийских лугов. Интересное, дорогое приобретение, по моему мнению, новая форма.

Теперь уже мы стояли так высоко, что далекие-далекие виды гор отлично открывались и на северной, и на южной частях горизонта. Для меня большой интерес и приманка сосредотачивается в южных горах, которые служат западным продолжением Гумбумского хребта, за которым должна быть в недалеком будущем сосредоточена деятельность экспедиции. Что нас там ожидает? Поможет ли вновь счастье?

Если в ясную погоду хороши дни, то и вечера в горах отличаются еще большею прелестью, еще большим обаянием. Сумраки проходят быстро, на горы спускается ночь; в воздухе сильно посвежело. Взгляните теперь кверху: над вами раскинулся темно-голубой свод неба, по которому, словно алмазы или бриллианты, блещут небесные светила. Тихо, торжественно вверху, тихо и среди горной природы... ничто, ничто не нарушает здесь торжественной гармонии спокойствия, один лишь монотонный шепот ручья, но и он скорее вносит чарующее, убаюкивающее впечатление, способствует поэтическому отдохновению, нежели какую-либо дисгармонию. В полном одиночестве сидишь часами на воздухе и только вполне обласканный, и убаюканный природой, машинально возвращаешься в палатку и укладываешься спать. Словно сурок забираешься, укутываешься в меховое одеяло, быстро согреваешься с желанием скорее уснуть, так как завтра, ранним утром, нужно следовать дальше. Но сон долго не может овладеть тобой: мысль убегает к дому, силишься представить себе, что там теперь делается; переводишь в уме разницу часов и живо чувствуешь и видишь или, по крайней мере, представляешь домашнюю обстановку. Утешая себя мыслью, что Бог даст опять светлое будущее в личной жизни, забываешься сном на короткую ночь. Чуткое ухо слышит голос дежурного, поднимающего лагерь; перевернешься на другой бок: прелестная яркая утренняя красавица Венера сквозь палатку смотрит на тебя и дает понять о времени.

14–15 августа. В эти два дня экспедиция перешагнула горы и вступила на юго-восточный берег красавца великана Куку-нора. Голубую поверхность этого прелестного бассейна я увидел в первый день, 14-го, в ожидании прихода каравана на перевал, поднявшись на его северную, соседнюю вершину. Я был исполнен великой радости, хотя передо мною открылась лишь одна южная половина, западной окраиной сливавшаяся с небом. В этой части горизонта вставали горы, временно укрытые снегом, который еще больше картинно сливался с кучевыми светлыми облаками; на юго-юго-западе, из-за луговых холмов выступала резкой серебристой острой спиной цепь Южно-кукунорских гор. А вот и караван, надо спускаться к седловине, нужно открывать барометр, чтобы определить его абсолютную высоту.

Наш барометр показал: 509,2, $t + 12,4$ °C; при температуре наружного воздуха в 8–9 °C; это в $7\frac{3}{4}$ час[a] утра. На вершине дул пронизывающий западный ветер. Даль была заполнена горами, имевшими преимущественно мягкие луговые очертания. Особенно поражали своим богатством пышные пастбища, прибрегаемые тангутами к осени.

У самого перевала мы догнали транспорт цин-цайя, имевшего в скором времени прибыть на Куку-нор для отправления годичного служения Богу — хранителю вод. Для сининских властей везли всякого рода припасы продовольствия, живьем также гнали стадо баранов; ослы тащили мебель и проч. Все это направлялось к месту новой, недавно построенной китайской кумирни. Маленькая эта кумирня видна с другой, южной дороги; она расположена у развалин китайской цитадели. Невдалеке, к северо-северо-западу, на вершине увала стоит молитвенное обо; в прежнее время подле него совершались богослужения в виду голубых вод самого озера. К северу от перевала стоит высокая гора, с осыпями; тангуты ее называли Имтын-гыр-дэн-рок [Намаргэ]*. Эту гору мы обошли полукругом с юга; она видна с долины Донгэр-хэ. К югу от перевала также возвышалась гора, засыпанная на вершине снегом; она называется Нагун-мао [Соргэ]. На западе же в линии плоских гор, окаймляющих бассейн Куку-нора виднелась вершина, с лежавшим на ней облачком, Сэр-чим.

Покончив наблюдения, я направился вслед уходившего каравана по отличной проторенной дороге, пересекавшей увалы, с одного из которых открылось озеро, по-прежнему отливавшее мягкой темной синевою. Мы шли как раз на южный берег озера, к подножию Сэр-чима. В этом направлении далеко виднелись черные шатры банаг тангутов и их многочисленные стада, пасшиеся на приволье. Вскоре стали попадаться навстречу тангутские караваны с быками, тангутские кавалькады. То везли соль с озера Далай-дабасу и съезжались тангуты Куку-нора с начальниками хошунов во главе для встречи сининского амбана. Встретился нам и начальник хошуна Чамри, в котором нам предстоит прожить немалое время. Владения Чамри — район кочевков — вытянут как раз по долине, примыкающей к юго-восточным береговым очертаниям Куку-нора. Высокий, представительный, он ехал в большой компании. Узнав от переводчика, кто я, он вежливо поздоровался со мною, сказав, что «о вас уже имеется бумага от ямыня и я сделал все распоряжения. К вам отнесутся с уважением, народу приказано не подходить близко к вашему бивуаку. В мое отсутствие имеется мой помощник, к которому и следует обращаться с деловыми вопросами».

Через час-другой мы достигли урочища Цзяо-цзун-тай, где и расположились бивуаком. Тангутские стойбища все еще отстояли в порядочном расстоянии, за исключением 3—5 банагов, располагавшихся по соседству с нами. Здесь, в долине прелестного Куку-нора веяло иным — простором, свободой, дикими представителями народности, которая почти окончательно вытеснила народность монгольскую. Куку-нор — это пастбищный перл, за обладание которым происходят частые недоразумения. Днем здесь было тепло. Небо красивое — синее, обуславливающее собою ту прелестную темно-голубую окраску поверхности вод Куку-нора, которая послужила основанием к названию. Вечером заря просто очаровала меня. Скрывавшееся за горы солнце, одной стороной лучей поглощалось, другой разливалось по небосклону, спускавшемуся к озеру. Прозрачные легкие перистые облачка стояли или лежали одно над другим словно тонкие кружева, окрашенные в огненно-золотистый цвет. Тишина воздуха спо-

* В квадратных скобках приведены названия вершин по: Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг., 1923. С. 308. (Прим. сост.)

собствовала улучшению картины природы, постепенно видоизменявшейся в зависимости от умаления лучей светила, спрятавшегося за горизонт. Надвигались сумерки — в природе все смолкло. Сумеречную, в особенности же ночную тьму стали прорезать бесконечные огни тангутских стойбищ, а тишину — голоса людей, перекликавшихся между собою, ржание коней, мычание быков, бляение баранов и неистовый лай свирепых собак.

15 августа. Мы шли в области течения речки Ара-гол, затем других, маленьких, несших воду уже от южных гор, там, где теснились кочевники, их банаги, где вдоль дороги толпились яки, разрывавшие своими большими рогами мягкие земляные обрывы, где поодаль дороги паслись большие стада баранов. Когда все это окончилось, когда мы вышли опять на простор, то вскоре нашли себе уголок на берегу речки, вблизи впадавшей в озеро. Эта стоянка в урочище Цунгудзэра была самой красивой, самой удобной, самой близкой к водам Куку-нора. В первый же день нас убаюкивал монотонный гул вод, волны, разбивавшиеся о песчаный берег. На солнце лазоревый цвет Куку-нора был просто обаятелен. Впечатление моря, а не озера произвел на всех нас Куку-нор. Его уходившая за горизонт поверхность, окраска, его общее величие, его глубина, высота и размер волн, по которым часто несутся водяные кони, его соленость — все в сумме говорило и составляло славу моря, а не озера. Мы невольно с первого до последнего дня пребывания здесь величали его морем. Только и слышал я на устах моих спутников «Ой, как море сегодня бушует, как высоки изумрудные волны, как несутся пестрые барашки!». Мы купались с удовольствием, с наслаждением, при температуре воды в 15–16 °С. Дно превосходное, песчаное, глубина тотчас у берега саженная и больше. Легкость плавания давала возможность отдаляться от берега, а затем, отдавшись волнам, к нему приближаться. Прозрачность воды замечательна. Когда мы купались, в воде давали собою любоваться большие рыбы, приплывавшие к берегу. Мои спутники нередко излавливали их на удочку. Но самая лучшая рыбная ловля, самая занимательная обыкновенно бывала в речке, в омутках, где рыбы старались спрятаться от наших наблюдений. Мы в первый же день прихода на Куку-нор ловили и неводом и сачком, добыв достаточное количество и для коллекции, и для еды и не только нашего отряда, но даже и для наших спутников-китайцев.

Над озером носились серебристыми точками чайки (*Lar[us] ichth[yaetus]*), крачки-мартышки; там и сям сновали вереницы пролетных серых или индийских гусей, уток, турпанов, гоголей, бакланов и проч. По обрывистым берегам сидели в наблюдательных позах орланы, издававшие свой оригинальный клекот. В то же время по долине пролетали сарычи, сокол Гендерсона [*Hendersoni*] или сокол-пустельга, коршуны, черные вороны (сычкики). Изредка заглядывали и царственные пернатые: бородатый ягнятник, белый и черный грифы. Среди мелочи характерны: жаворонки (*Mel[anocorypha] maxima*, *Mel[anocorypha] Mongolica*), *Otocorys*, *Alauda arvensis*, земляные вьюрки (*Onych[ospiza]* <слово неразборчиво>) и *Pyrgilauda*, но только не одного вида (*ruxicollis*), как показывалось раньше и Н.М. Пржевальским, и много, а целых трех — *ruxicollis*, *barbata* и *kansuensis* или *dawidiana*. Кроме того, в воздухе носились стрижи, но главным образом, земляные ласточки (*C[otile] riparia*); в заключение можно добавить плисок, варакушек, соловьев красношеек и других, отлетавших на юг. Из млекопитающих особенно

часты на Куку-норе, [в] его долине, антилопы Пржевальского, которые бродили не только парами или небольшими группами, но иногда и огромным стадом (200—400 особей). К сожалению, наши охоты за этой антилопой, особенно строгой, по причине жестокого преследования охотниками-тангутами были безуспешны, несмотря на то, что охотились и стреляли по ним почти ежедневно.

Что касается пернатой дичи — гусей и уток, равно и рыбы, то в этом отношении, мы были счастливее.

Продолжаю дальше о зверях: кроме антилопы Пржевальского, кукунорской долине, ее прилежащим холмам и горам свойственна антилопа ада (*Procapra picticauda*); тангуты говорят, с юга иногда приходят кабаны в наиболее влажные места берега, как раз в участке южного берега, бродят кабаны и по старым стойбищам. Волки, лисицы, кярсы, хорьки и рыжие *Mustella* также обыкновенны на Куку-норе. Здесь повторилось наблюдение этого маленького хищника в излавливании многочисленных на Куку-норе пищух. Добытый в коллекцию экземпляр как раз поедал задавленного *Lagomys*'а [пищуху]. Имеются на Куку-норе и тушканчики, хотя и крайне редко. В долине Куку-нора часты и тарабаганы (вблизи нашего лагеря в Урто [также]).

16—17 августа. Погода продолжает стоять хорошая; мы все восторгаемся прелестью Куку-нора. Днем на теплом солнце в воздухе не смолкает жужжание насекомых, таким образом, энтомологическая коллекция обогащается, пополняется. Дни бегут за днями быстро, незаметно. Ночи [для тех], кто стоит на дежурстве, тянутся медленнее. Стою и я. В тиши ночной сколько передумаешь, сколько переживаешь... Сколько раз мысль унесется на родину, к родному, милому очагу. Образ жены и детей невольно сам собою встает: сердце и душа страдают. Перенесешься к знакомым небесным светилам и по ним видишь проходящее время. [Звезда] α Bootes¹³⁴ приблизилась к краю горизонта, низка и *Sorone borealis*¹³⁵, это на западе, тогда как с востока поднимаются и [созвездия] Овен и Плеяды. Прислушаешься затем к морю, Куку-нору; с его стороны с вечера слышался прибой. Теперь только мягкий, убаюкивающий шепот. Незаметно летит ночь в постели после дежурства. Не успел крепко заснуть, ан, уже вас будят обычным голосом «Ваше выс[окоблагороди]е, пора вставать!» Встаешь, проглатываешь чашку горячего чая; тем временем караван готовится к выступлению; незаметно снимается и наша палатка.

Соседка-гора Сэр-чим еще спит; на ней в виде покрывала стоит или лежит сонное облачко, вытянувшееся по гребню. Гуси гогочут, кулики кричат, жаворонки, обеспокоенные, поднимаются ввысь... Караван ходко шагает. Блеснули лучи дневного светила по вершинам, облачко тает и невидимкой исчезает. Постепенно, вытянувшись по дороге, мы двигаемся вперед. Море заговорило с ветром. Масса тангутских караванов идет навстречу; верные себе номады перекочевывают с одного края долины Куку-нора на другой, с западного на восточный. И центр нашего притяжения — остров Куйсу наконец показался. Как велика сила обаятельная обширной голубой поверхности озера! Другое забываешь, все наблюдение сосредотачивается только на Куку-норе.

Встречные тангуты как-то особенно смотрят на нас — не то злобно, не то ласково, вернее, с завистью, и не только на нас, как, главным образом, на наше превосходное вооружение.

Первый день мы располагались лагерем у подножья гор, откуда на юго-западе открылись вовсю мысы, приближенные к острову Куйсу. Наше намерение было стать на остром мысу, наблюдать за озером, производить пробное плавание — испытание нашей лодки¹³⁶. Порешив так, утром 17-го направились мимо кочевников на пересечение долины. Оставшиеся черные палатки обречены были на одиночное [долгое] стояние; здесь были больные скарлатиной, от которой на днях умерло двое детей; на подобную участь готовилось еще больше. Тогда все большинство [людей] откочевало вдаль, оставив на произвол больных заразной болезнью. Этим [было] не велено трогаться с места впредь до полного исчезновения болезни.

Через 15 верст, в десятом часу утра мы были уже в урочище Урто, где нам суждено было прожить ровно три недели (с 17 августа по 7 сентября). Общая картина стоянки такова: на севере, в трех четвертях версты залегает самый Куку-нор, на юге, в 6–7 верстах встают горы, от которых стремится речка, пересекает чуть-чуть покатую долину и перед последним высоким береговым валом образует озеровидный, замкнутый бассейн до двух верст в окружности. На этой самой речке, на возвышении второго берегового вала, сливающегося с материковой равниной, мы и имели свой лагерь, откуда открывались широкие виды во все стороны. Быстрая, прозрачная речонка оживляла наш бивуак и капризно его опоясывала с двух-трех сторон. Расстояние между береговыми валами простиралось до 600–700 шагов. Почва крупно-песчаная, постепенно одевающаяся луговой растительностью. Между валами углубление — впадина, заполненная горной водой, разлившейся в виде озера.

На речку, а еще больше на озера постоянно прилетали утки, трех видов гуси; по берегу самого озера сидели бакланы, чайки. Вблизи нас на озерах также бывало жизни порядочно. Те же чайки, гуси, утки, турпаны не особенно избегали нашего соседства. Там и сям витали в воздухе орланы: старики — темные, со светлой головой и белой полосой в хвостах, и молодые — однообразно серые. Орланы сторожили рыбу, появляющуюся на поверхности озера или выбрасываемую высокими волнами Куку-нора. Как только орлан поймает рыбу, начинает издавать клекот, на который тотчас слетаются серые экземпляры и, схватив добычу, жадно поедают ее. Пролетавшие большие и малые чайки также старались что-либо стянуть от орланов в то время, когда те ссорились между собой. Пролетные птички — воробьиные, также заглядывали к нам; на нашем бивуаке доверчивее прочих держались плиски, вьюрки и соечки; над самым бивуаком парили ласточки (*Cotile giragia*), иногда высоко кружились грифы, и с криком пролетали кулики и гуси. По вечерам мы иногда стояли на «стойках» в целях охоты на гусей или уток, пролетавших в разных направлениях, но ввиду того, что надежных укрытий (камышы и проч.) не было, успех стоек был очень неважный. Так же редко можно было и добыть уток днем на луговых болотах.

Куку-нор, как таковой, в ясную погоду всегда привлекал мой взор и доставлял неопишное удовольствие своей лазоревой поверхностью, обширностью или необъятностью, песчаным берегом, глубиной и прозрачностью вод, обилием рыбы. Также бесконечно влек к себе, манил неизвестностью остров Куйсу, который в прозрачное состояние атмосферы был отчетливо виден простым глазом, не говоря уже про бинокль или, еще более, про трубу, в которую нетрудно

было отметить гребень нагорного острова, обо, кумирню и проч. Часами просиживал я на берегу Куку-нора или гулял вдоль его очертаний. Хорош он в ясную погоду, хорош и дик в ветреную. Зеркальная поверхность сморщится, морщины вскоре превратятся в высокие складки — живые, движущиеся, убеленные барашками. Молчание или шепот вод с берегом превращаются в сильный, морской прибой: берег сглаживается, могучая волна перекачивается через вал и бросает воду во второстепенные береговые бассейны. Наслоение гальки идет так быстро, что в течение ночного прибоя она утолщается до четверти аршина. Нам это известно из личных наблюдений, когда заносились на берегу наши инструменты, оставленные на ночь. Мысы и косы говорят о бурном состоянии «моря».

С прихода на Куку-нор мы купались ежедневно, иногда даже по нескольку раз. Впечатление купания — чисто морское: легкость держания на воде поразительна.

Людей — тангутов по соседству с нами не было. Мы жили на полной свободе и природном просторе. Впервые наш лагерь был широко размещен. Под нашим крылом удобно пристроился и китайский конвой. Общие животные паслись и пользовались полным привольем. Тангутов мы видели только тогда, когда они или проходили вдаль по дороге на север, или непосредственно являлись в наш лагерь, доставляя нам баранов, масло, чюру и вообще продовольствие. Люди отряда на свободе ловили рыбу, охотились за антилопами. Рыбная ловля просто феноменальна по успеху: в один раз закинули невод и поймали 150 рыб, весом каждая 3—5 фунтов. Китайцы с пользой эксплуатировали наш улов; они наготовили копченой, сухой и прочей [рыбы]. Монголы, да и китайцы также от времени до времени собирали грибы — шампиньоны, сушили и нанизывали на бечевку.

18 августа. Я послал в рекогносцировку Иванова и Бадмажапова выяснить вопрос о пастбище и об удобстве отправления на лодке на Куйсу. Посланные осмотрели местность — побережье на пространстве десяти верст к западу, к тому месту, где начинается большой южный залив и где берег уже отдаляется от Куйсу и донесли, что наше Урто лучше всей окрестности, но что удобным пунктом для отправления, для спуска на воду нашей лодки перед отъездом на Куйсу есть место западнее бивуака на 7—8 верст и западнее обо — места, откуда богомольцы сходят зимою на лед на четыре версты.

Тем временем мой спутник Полютов усердно занимался с лодкой и выяснял все ее недочеты. Чтобы изучить ее свойства, мы спускали на воду и в сравнительно тихую погоду, и в самую бурную. И в том, и в другом случае она удовлетворительно держалась на воде, весел слушалась и довольно ходко подвигалась вперед. Однако весла стали с первых дней «мочалиться» в местах уключин, сами уключины сидели неустойчиво, лодка колыхалась, разваливаясь в ту или другую сторону, борта расходились на широком расстоянии и поэтому они сделались очень низкими, отчего вода то и дело захлестывала в лодку. Мой рыболлов Полютов успешно разрешил все недочеты: мы сделали на лодку ромбоидальный закругленный деревянный пояс и одели его таким образом, чтобы нижний край пояса касался воды, закрепив его английской бечевкой и проволокой; равно уключины; а весла снабдили ремневыми накладками из кожи. Вновь спущенная лодка стала внушать большее доверие и первый раз мы стали свободно выходить

в открытое пространство. Через сто гребков устраивался промер, который дал следующие результаты: (надо заметить, что пробные плавания всегда бывали у места, лежащего против бивуака по направлению к Куйсу, или как его называют китайцы «Хайси-шань», т. е. «Морская тоненькая гора»).

Таблица первых промеров:

1-й (через 100 гребков/сажень) — 5 м; 2-й — 7,5 м; 3-й — 9,5 м; 4-й — 9,5; 5-й — 15,0 м; 6-й — 15,5 м; 7-й — 17,0 м; 8-й — 18,0; 9-й — 18 ½ м; 10-й — 20 м.

Таблица промеров показывает равномерное постепенно углубляющееся дно, совершенно такое, какое мы видим у старого ложа — крупно-песчанистое, пологое. Деятельность, интенсивность волны очевидна: в бурю она всегда перекатывается в боковые, второстепенные резервуары, озерки, пополняя их запас. Вода в озерках должна быть также даже больше солона, нежели в главном бассейне, хотя бывают и обратные случаи, когда дождь в течение долгого периода опресняет озерки.

Производя промеры в лодке, мы поймали на металлическую приманку отличный экземпляр рыбы, а на удочку еще. Из добытых таким образом экземпляров два было выбрано в коллекцию и заспиртовано.

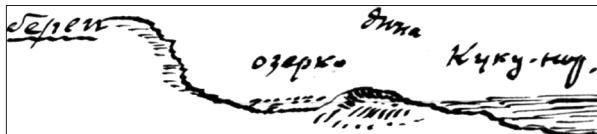
21 августа. Нас посетили гости — ламы, ехавшие в свою походную кумирню, бывшую в наше время в горах Южно-Кукунорских, в их северных отпрысках, по направлению нашего бивуака Урто и горы Хату-лапци. Кумирня эта называется Энчжи-гомба; она небольшая, помещается в юрте; ее состав 12–20 человек. Для этих лам мы заводили граммофон, произведший на них такое же впечатление, какое было производимо этим инструментом на монголов и китайцев. Расспрашивал я также об острове Куйсу — особенно интересных сведений не получалось. Обитатели чамрийского хошуна все больше и больше осваивались с нами. Согласно переговорам, я подждал к себе хошунного (Чамри) начальника, но как оказалось, напрасно. У этого человека не было времени, да он был и настроен по-другому. Прежде всего, приезд сининского цин-цайя требовал его присутствия у кумирни. Второе — предстояло разбирательство судебного процесса у двух хошунов: у Чамри и Гоми, лежащих по соседству, граничащих между собою. Гомийцы клином заходят за Гумбум (восточнее), у них имеются чудные пастбища вдоль «сининских альпов»; эти тангуты полуоседлые и в годы хороших урожаев на хлеба и травы не всегда используют пастбищный или кочевой район. В начале нынешнего летнего сезона произошло следующее: чамрийцы своим табором вторглись на владения гомийцев, расположились черными шатрами и стали без разрешения довольствоваться свой скот на чужих пастбищах.

Проведав о том, гомийцы собрались сотенным отрядом во всеоружии и лихо напали на чамрийцев, беспощадно гоня их восвояси. Чамрийцы в беспорядке начали убегать со стадами на юго-восточные берега озера, где, в свою очередь,

успели собраться соседи их и завязать настоящее сражение; в результате со стороны чамрийцев было убито четыре-пять человек. Затем чамрийцы демонстративно отвлекали внимание своего неприятеля выставленными у северо-западного предгорья Сэр-чима палатками. Гомийцы направились на них с целью разнести, но палатки оказались пустыми. Тем временем чамрийцы собрались превосходным числом, налетели на неприятеля и оттеснили его в свои владения. Третья неприятность, постигшая чамрийского хошунного начальника, это довольно серьезное поранение его старшего сына однохошунцем-тангутом за то будто бы, что сын начальника позволил себе грубо указать на родственника, как на виновника кражи одной из лошадей их общего начальника. «А еще ты считаешься нашим родственником!» — с упреком заключил сын чамрийского цаньху. Рассерженный виновник схватил ружье, выстрелил и поранил собеседника в ногу. Большой, говорят, сильно страдал с опухшей ногой, «лежал и стонал».

23 августа. Ночью был крепкий юго-восточный ветер, «море» вновь нахмурилось. Вчерашней улыбки нет, как нет и того прелестного бирюзового тона у берегов и темно-густого синего морского оттенка вдали, на горизонте, которые вообще свойственны Куку-нору в ясные проблески и которые справедливо его прославляют. Цин-хай¹³⁷ грозен, величествен; его сильный глухой прибой волн всегда дает вам впечатление соседства моря! Куйсу рассматриваем в трубу — его очертания хорошо видны на расстоянии 30-ти верст. Остров в виде горки ориентирован с северо-запада на юго-восток. На вершине обо, кумирня, к воде обрываются светлые скалы. Море живо: оно сильно, напряженно дышит. Вот понеслись белые барашки, появились изумрудные скаты волн; чайки рыболовы и бакланы носятся над волнами, тогда как орланы сторожат ту же живую добычу с ближайших обрывистых берегов.

Сегодня я сделал значительную экскурсию вдоль берега в западном направлении. Везде берег несет довольно однообразный характер, слегка приподнятый и лишь кое-где значительно. В последних случаях удобно наблюдать старую береговую линию, превышающую настоящий или современный уровень сажени на две, а то и более. Отсюда, или приблизительно в таком виде местности, устроено обо, и туземцы в зимнее время совершают паломничество на Куйсу [по льду].

Осмотр местности меня убедил, что лучшее, прямое направление находится за обо, верстах в 3–4, так как только оттуда курс на Куйсу в 340°. Таким образом, нам надлежало перенести свою пристань на 7–8 верст западнее. На этом месте я сложил маленькое обо, у которого много минут просидел в приятной задумчивости. Море шепталось с берегом... Из его темно-синих волн поднимался Куйсу. Вот действительно настоящее место для молитвы, для уединения. Этот маленький изолированный мирок тянет к себе, хочется взглянуть на него — кто там и как живет... Смотришь и не насмотришься, не налюбишься на Куйсу,

в особенности же на его темно-голубой фон, на живую, движущуюся поверхность озера.

На видимом пространстве побережья раскинулись богатые пастбища, прорезаемые большой дорогой, по которой ежедневно проходили большей или меньшей численности караваны. Там и сям бродили стада или небольшие группы антилоп Пржевальского; всюду под ногами теснились норы пищух, за которыми охотятся четвероногие (лисицы, хорьки, ласки) и крылатые (*Buteo*, *Gen-naia*, *Athene* и др.) хищники.

Обозрев местность — вблизи безлюдную, и в бинокль вдали — заполненную на южном берегу банагами тангутских стойбищ, я направился к бивуаку, так же, как и прежде держась соседства открытой лазоревой поверхности Куку-нора.

Приближаясь к бивуаку, я заметил на нем большое оживление, а в его соседстве чужих животных: лошадей и мулов. Этим давалось понять, что А.А. Чернов, которого мы последние дни усиленно ожидали, наконец возвратился. Так в действительности и оказалось.

Он отсутствовал 53 дня, в которые прошел около восьмисот пятидесяти верст по следующему маршруту: Дын-юань-ин, Чжень-фань — Лян-чжоу-фу, Датунг, Му-бай-шин, Донгэр и Куку-нор. Теперь несколько подробнее. Он отправился с двумя спутниками — препаратором Мадаевым и гренадером Демиденко, при переводчице-проводнике и подводчиках. Вначале А.А. [Чернов] следовал к северо-западу по маршруту Казнакова (с Эцзин-гола)¹³⁸, затем прямым путем — новым, безлюдным, прежде, нежели достиг Сого-хото. Здесь, или отсюда, пришлось повторить маршруты Обручева и мой¹³⁹. В.А. [Обручев] шел одним берегом, Чернов — другим до Лян-чжоу-фу. В Лян-чжоу-фу пришлось разъезду прожить около недели, затем отправится далее на пересечение Нань-шаня в направлении к Тэтунгу, в г. Датунг. Это пересечение считалось новым и очень интересным. И в этом районе в области Южно-Тэтунгских гор (вернее Северно-Тэтунгских) Чернов нашел интересную цепь вечно-снеговых гор. От Датунга А.А. [Чернов] прошел на Му-бай-шин. Таким образом, он уклонился от диагонали северного берега Куку-нора; а еще более тогда, когда взял направление на Донгэр, с которого уже перевалом Хомутэн-дабан вступил на юго-восточный край Куку-нора и вскоре потом прибыл на наш бивуак в Урто. Исполнению намеченного плана в Алаша, проложению полной диагонали Лян-чжоу-фу — Куку-нор помешали будто бы китайские власти в Му-бай-шин, введением Чернова в заблуждение о направлении дороги. Китайцы, вероятно, всеми силами старались отвлечь внимание моего сотрудника от поставленной задачи из могущей в том районе встретиться неприятности со стороны тангутских разбойничьих шаек.

В числе китайцев, сопровождавших Чернова, был и такой, из Лян-чжоу-фу, который некогда был проводником Потанина и Обручева. Этот Пиетро* — христианин, и, кажется, выжига.

24–26 августа. Первые дни с приезда А.А. [Чернова] мы всецело были заняты осмотром его работ, сбором зоологических и геологических образцов, выслушиванием его доклада. Затем дни побежали прежним обычным порядком.

* Так в тексте. (Прим. сост.)

Море колыхалось, бушевало; не забывал падать дождь, дул постоянно ветер. Вопрос о Куйсу надвигался все больше и больше. В первую очередь, в первую очередную поездку я назначил самого себя. С таким расчетом лодка была переведена к месту отплытия, к моему обою; перевезено было и все то, что требовалось при поездке на остров или даже только в открытое море, насколько позволяют средства. Тихие проблески погоды, а с нею и Куку-нора, редки и непродолжительны. Тот, кто только сам побудет на этом озере, тот лишь в состоянии понять о бодрствовании, о неугомонности этого красивого бассейна. Надо пользоваться случаем, надо выжидать подходящих моментов. Море сравнительно скоро становится бурным, но успокаивается довольно медленно. Так дорожишь тем временем наблюдения, так ценишь тихую, зеркальную поверхность, когда волны Куку-нора, словно ласкают, словно шепчутся с берегом. Тишина полная. Куку-нор спит и улыбается.

27 августа. День такой же, как и предыдущий. Ветер меняется. Облачно, сыро. Куку-нор мрачно хмурит брови. В особенности это выразилось утром **28 августа**, когда соседние горы были укрыты снегом. Куку-нор ревел, стонал и яростно бил волнами о песчаный берег. Между тем барометр показывал на улучшение погоды; к полудню действительно стало ясно, и я стал собираться в путь. Но как бы там ни было, лодка наша, как маленькая скорлупка в сравнении с Куку-нором, давала понять, что в высокую бурную волну придется тяжело, может быть, тяжелее всех моментов в экспедиции; поэтому отправляясь в ней на Куйсу, предпринимая рискованное предприятие «быть или не быть». Исходя из этого, я наскоро набросал завещание (первый раз в жизни). «До свидания экспедиция, до свидания мое сокровище! Если я погибну, все, все, чем я располагаю — моей дорогой жене Надежде Степановне, которая лучше меня знает и будет знать в будущем, что выделить сыну, что дочери. Из моих собственных предметов в экспедиции должно все ценное (деньги, роскошные] вещи, мои личные — все нарядные, бурханы в особенности, подаренные мне ламами, гегенами-друзьями, безделушки, альбомы) быть доставлено жене. Жена все пересмотрит, и с бурханами, может быть, долгое время не расстанется. Моих личных денег в экспедиционном ящике, в общей казне имеется тысяча рублей, из которой я тратил главным образом на бурханы и предметы для семьи — жены и детей. Примерно истрачено около 300 руб. Конечно, разобраться в бурханах мудрено помимо меня, придется действовать по общему указанию: нарядные поступают Надежде Степановне, старинные, имеющие высокий научный интерес и все докшиты — Императорской Академии наук, равно китайские картины и тибетские книги — С.Ф. Ольденбургу, оставляю [ему и] весь этнографический материал в обработку. Птиц, по-прежнему, В.Л. Бианки, млекопитающих — Сатунину К.А., бабочек — Н.Я. Кузнецову, жуков — А.П. Семенову-Тянь-Шанскому, мух в распоряжение Императорской Академии наук и Императорского Географического общества. Растения — моему искреннему другу, В.И. Липскому.

ИРГО не оставит без внимания моей семьи и, горячо приняв к сердцу, доложит Императору о моей судьбе. В благосклонное, сердечное отношение Государя, много раз меня ласкавшего, я твердо верю и с верой всегда брался за свое любимое, святое дело — исследование Азии, перешедшее мне в наследие от Пржевальского.

Экспедиции, по моему глубокому убеждению, предписываю тотчас возвратиться в Россию, ведя исследования по специальности на пересечении Наньшаня, Алашаня и Гоби. Денег достаточно на все и на расчет с участниками на границе. Из 10 000 руб., хранящихся в Кяхтинском казначействе, 3 000—4 000 руб. экспедиционные, остальные — суть достояние казаков-забайкальцев, если им оставят вознаграждение или норму содержания согласно Высочайше утвержденного (Всепопданнейшего доклада) проекта экспедиции. Д[алай]-л[ама] состоит должным экспедиции пять тысяч рублей (имеется расписка Доржиева). Таким образом, средства материальные с избытком.

“Ланкастер” и “пёрде” — наследие от Пржевальского¹⁴⁰ — должны быть в распоряжении Географического общества. Может быть, оно придумает музей имени, хотя бы, Пржевальского, и поместит туда в числе прочего и ружья первого исследователя природы Центральной Азии.

Мысленно прощаюсь с дорогой женой и детьми. Отряду экспедиции говорю до свидания... В наследие — совет: “Честно дослужить родине в последний период!” Руководителем экспедиции назначаю геолога Чернова, если он откажется — капитана Напалкова. Предоставить Иванову и Гомбо уложить отдельно в желтые ящики все мое личное достояние; алашаньское — в другие, красные ящики».

Вот и все, что я могу сказать, взирая на колышущуюся, безграничную голубую поверхность прелестного озера.

Между тем, сборы закончены, обедаем рано, и я готов к выступлению на место отчаливания от берега. Ветерок стих, поверхность успокаивается. Куку-нор лишь шепчется с берегом. Солнце величаво клонится к горизонту. Я иду вдоль берега... Не могу отвязаться, не могу отстать от образов Иванова и Телешова — старых друзей-спутников, они словно шепчут мне: «Не поезжай, оставься с экспедицией!».

А вот и Полютов, с которым я рискнул съездить, он уже прилаживает лодочку. Если бы это было сделано накануне, то этот день, 28 августа, был бы незаменимым для нашей экскурсии. На вечерней заре Куку-нор совершенно успокоился, и мы ласкали себя надеждой на рассвете пуститься в путь. С таким предположением и уснул мой маленький лагерь. Меня сопровождали Иванов, Гомбо и Бальчжир, не считая Полютова. Что касается меня, то я долго не мог уснуть, тем более что картинно всплыла Луна и залила своим ярким светом и прилежашую долину, и соседний нашему стану уголок озера. Все слилось в торжественной, ночной тишине.

Копия донесения в Генеральный штаб

Третьего октября (1908 года) экспедиция прибыла в оазис Гуй-дуй, где приютилась в китайской кумирне Вю-цзы-мяо, красиво расположенной на высотах, окаймляющих оазис с юга.

Три месяца прошло с тех пор, как мы оставили Алаша-ямынь. За это время нам удалось побывать в Южно-Алашаньской знойной пустыне, восточном Нань-шане и на высоком альпийском озере Куку-норе, другими словами, выполнить второй акт программы экспедиции. В алашаньские пески экспедиция

заглянула в самое жаркое время, в Нань-шань — в пору развития растительной и животной жизни, на Куку-нор — в сравнительно лучшее состояние погоды.

Сердце Куку-нора, его таинственный остров Куйсу, наконец посещен. Это обстоятельство произвело не только на кукунорских туземцев, но и на сининских китайцев сильное впечатление, под обаянием которого и те и другие допускали возможность, что мы укротили морского дракона, перед нами расступилась вода, мы прошли по дну, поймали золотую рыбку и проч. Несомненно однако то, что и китайцы, и тангуты стали относиться к нам с большим уважением и большей предупредительностью.

Остановимся несколько подробнее на каждом из посещенных районов.

Дождь, не перестававший лить в течение недели, задержал выступление главного каравана из Дын-юань-ина до шестого июля. (Восточный разъезд во главе с капитаном Напалковым оставил город 29-го июня; западный — во главе с геологом экспедиции г. Черновым 2-го июля). Городской шум и сутолока сменились глубокой тишиной пустыни. Обмытый воздух сделался прозрачным и давал возможность с одной стороны следить за Алашаньским хребтом, его очертанием, с другой — за широко расстилавшейся к западу песчаной равниной, скрывавшейся за горизонт. Маршрут экспедиции пересекал пустыню в ее кратчайшем — Дын-юань-ин — Са-янь-цзинь — юго-западном направлении, отрезая восточные мысы песков, простиравшихся к волнистым высотам левого берега Желтой реки. Наш караван состоял исключительно из верблюдов в тридцать голов, успешно шагавших по раскаленной песчаной поверхности. У ног шныряли ящерицы, песчанки, повсюду ползали жуки, летали мухи, наполнявшие воздух обычным жужжанием; реже порхали бабочки. Среди птиц ощущалась большая бедность; еще беднее пустыня млекопитающими, дававшими о себе знать в виде призраков или силуэтов быстроногих антилоп, появлявшихся на гребешках горных гряд или песчаных увалов. Томительно однообразно и тяжело передвижение в пустыне летом. Еще по ночам чувствуешь себя удовлетворительно, но чуть блеснут лучи летнего солнца, как начинается чувствительный жар, притупляющий всякую энергию. Даже прославленные «корабли пустыни» — и те тяжелее бредут в самое жаркое время. Чаще и чаще посматриваешь на часы, напряженнее вглядываешься в даль, ищешь зеленый клочок, долженствовавший приютить караван у колодца. Для более легкого передвижения в пустыне, в особенности на больших безводных переходах мы обыкновенно выступали с колодцев после обеда, в 2–3 часа, и шли до сумерек, когда развьючивали караван вдоль дороги и, наскоро подкрепив себя едой и питьем, укладывались спать. Чуть же забрезжит заря, караван готов к выступлению, стараясь по возможности скорее достигнуть новой стоянки с водой.

В первой половине песков нас сопровождало знойное солнце, давшее почувствовать полную «прелесть» пустыни. Песок накалялся до 70 °С и через тонкую подошву сапог прожигал ноги; бедные собаки страдали чувствительнее нас, несмотря на большую заботливость и предусмотрительность фельдфебеля Иванова, который через каждые полчаса отвязывал от вьюка корытце и бережно наливал собакам воду. Собаки отлично знали это и к известному времени без зова подбегали к передовому эшелону, вопросительно глядя на Иванова.

Песчаные барханы громоздились один над другим выше и выше. Верблюды натягивают бурандуки-поводья, тяжело дышат; вереница этих гигантов то поднимется на вершину бархана, то спустится к его основанию. По песчаной поверхности мягко ступает широкая лапа верблюда; ее своеобразный шорох едва слышен, будучи заглушаем тяжелым учащенным дыханием животных. Поднимешься на высокий бархан, опять прежняя картина — песок, песок и песок. Во рту давно пересохло — сухость пустынного воздуха крайняя.

Целые сутки экспедиция отдыхала в приветливом урочище Ширигин-долон, в одном из небольших озёрок или луж которого мы купались много раз, тщетно ища прохлады.

Вторую половину песчаной пустыни, так называемые пески Тэнгэри, нам посчастливилось перешагнуть в облачное состояние неба. Незадолго с севера набежала мрачная грозовая туча, полил дождь и приятно освежил воздух. В такую погоду мы без труда справились с песками. Верблюды молодцами оставляли бархан за барханом, наконец оставили и священное обо, по преданию заложённое буддийским святителем банчэн-богдо, который положил начало этой дороге. В память о великом паломнике, об открытом им пути, говорят, и дали пескам подобающее название «Тэнгэри», т. е. «Небесные».

За песками вскоре дорога втягивается в глинисто-каменистые высоты или холмы, а затем и в горные кряжи — северные отпрыски восточного Нань-шаня, пересекая едва заметные следы Великой Стены у маленького захудалого городишки Са-янь-цзинь, известного местопребыванием таможенного китайского чиновника.

Здесь впервые после Дын-юань-ина мы напились хорошей воды. Отсюда пошло сплошное земледельческое население вплоть до городка Шара-хото, граничащего с перевалом того же имени, откуда начинается кукунорский бассейн, дающий привольеномадам.

С каждым днем движения по восточному Нань-шаню воздух становится прозрачнее, небо синее, растительность наряднее — зеленее. Только оглянувшись назад, на север, висевшая над равниной пыльная дымка напоминала пустыню. С Чагрынской степи, с высот городка Сун-шан-чена, мы уже любовались массивными цепями гор, в особенности в юго-западном направлении, где скрывалась стремительная горная река Тэтунг, которая неоднократно была посещена моим незабвенным учителем Н.М. Пржевальским. В этом городке приютился небольшой буддийский монастырь, во главе которого стоит симпатичный геген Нян-чжик, который на собственные средства построил очень нарядный храм. С этим святителем мы очень скоро сошлись, так как у меня с ним нашлось немало общих приятелей — старейших лам наньшанских монастырей. При расставании мы обменялись подарками; геген поднес мне в храме превосходное металлическое изображение Цаган-дархэ — белой богини.

Восточнее, на нашем пути через город Пинь-фань, скалистые цепи понизились, расплывшись на много второстепенных луговых гряд, с верха до низа занятых пашнями китайцев. Еще сравнительно недавно здесь была пустынь, напоминавшая о грозном дунганском восстании; ныне же почти все заполнено населением. Положительно нет свободного, необработанного клочка, пригодного под пашни.

Первой значительной речкой на нашем пути была речка Чурмын-гол, второй Тэтунг и третьей, последней, Синин-хэ, с ее притоками, по долине которой мы круто уклонились к западу и, постепенно поднимаясь вверх, вышли из области культуры. Через речку Чурмын, разбитую на рукава, мы без особенного труда переправились вброд у города Пинь-фаня, вблизи самых стен которого имели хорошую стоянку. На более многоводном и более стремительном Тэтунге имеется паром, к сожалению, с довольно высокой палубой, затрудняющей вход и выход животных, река же Синин-хэ, вдоль которой проходит бойкий торговый тракт — Лань-чжоу-фу — Синин — снабжена несколькими горбатыми мостами.

Все три долины означенных рек простираются подобно окаймляющим их горам в северо-западном — юго-восточном направлении, несут одинаковый характер и обогащают водами своих рек главную артерию — Хуан-хэ.

В восточном, новом пересечении Нань-шаня, характер этого последнего значительно видоизменяется в сравнении с его более западным районом, где не только средние, но и окраинные цепи богаты кристаллическими выходами в виде острых вершин, пиков или мощных скал, громоздящихся одна на другую в живописном, чарующем глаз, величии. Здесь же путешественник сравнительно легко поднимается на вершины перевалов, даже с верблюжьим караваном или в китайской телеге, запряженной лошадьми или мулами, так как везде преобладает лесс, большей или меньшей мощностью прикрывающий, главным образом, ханхайские отложения, ханхайские красные песчаники и лишь в небольшом количестве известняки или кремнистые сланцы. Колесные дороги глубоко врезаны в лессовые толщи и бороздят поверхность траншеями, в которых встречным путникам очень трудно, а местами даже и невозможно разъехаться.

Города или населенные пункты вообще на пути следования главного каравана ничем существенным не отличаются от прочих городов Западного Китая, уже хорошо известных из отчетов прежних путешественников. И здесь города обнесены каменными или глинобитными стенами, и здесь в городах группируются администрация, торговцы, войска, ремесленники и проч. И здесь управления и базары в течение дня полны народом. Можно утвердительно сказать, что китайские города с давних времен созданы и продолжают создаваться по одному шаблону; достаточно видеть один-другой населенный пункт, чтобы правильно судить о прочих. Изменяются лишь величины городских участков и мощность или солидность городских стен.

Во время нашего прохождения по Нань-шаню во второй половине июля в долинах, а также в нижних и средних поясах прилежащих горных скатов приступали к уборке хлебов. Поля были оживлены народом: на них работали и мужчины, и женщины. От палящих лучей солнца селяки укрывались широкими соломенными шляпами. Деревни, как и у нас на родине, оставались на попечение старых и малых.

В конце июля месяца экспедиция приблизилась к Синину и расположилась лагерем в восточном предместье города, в небольшой деревушке Цав-дя-цзай. Караванные животные были стеснены пастбищем: их пришлось поставить на сухой корм, или лишить свободного движения.

Синин — большой областной город (по данным китайских летописей, построенный 2225 лет тому назад, следовательно, еще в 317 году до Р. Х.), с рези-

денцией китайского сановника, ведающего не только номадами Куку-нора, но и номадами отдаленного Северо-Восточного Тибета. Чтобы успешнее и скорее покончить со всеми занятиями в Синине я налегке, с двумя переводчиками, перебрался в этот город, найдя приют в китайской торговой фирме Цянь-тай-мао, знакомой мне еще по моему минувшему тибетскому путешествию. В течение трех дней, проведенных в Синине, мне удалось разрешить все вопросы в положительном смысле. Синин уже за несколько месяцев был осведомлен о нашей экспедиции. Китайская администрация встретила меня весьма любезно и изъявила готовность помочь мне в предстоящем посещении озера Куку-нора, хотя все власти в один голос твердили: «Вы знаете, что времена изменились, что многие тангуты и тибетцы вооружены скорострелками, что эти “дикари” чаще, нежели прежде, собираются разбойничьими шайками, нападают на караваны и немилосердно разграбляют их... Пожалуйста, не ходите на Куку-нор! Тангуты не оставят вас в покое, произойдут неприятности, которые доставят много хлопот всем нам». Цин-цай же зашел еще дальше. Из продолжительной беседы со мной он узнал, между прочим, что мы собираемся плавать по Куку-нору, и что для этой цели имеем в своем распоряжении брезентовую складную лодку. Китайский сановник даже подпрыгнул в кресле и, повысив голос, стал утверждать, что это безумие, так как кукунорская вода особенная, что в ней не только камень, но и дерево тонет. «Поедете, сами увидите. К тому же, — продолжал цин-цай, — на острове Хайсин-шань, теперь никого нет; паломники собираются только зимою». Хайсин-шань, «Морская новая гора» — так называют остров Куйсу китайцы. Куйсу же слово монгольское, буквально означает «пуп». Со своей стороны, я очень благодарил почтенного сановника за любезную предусмотрительность, но не мог не заметить ему, что теперь имею еще большее намерение посетить Куку-нор, чтобы убедиться в справедливости его необычайного свойства — поглощать на дно сухие деревья. После этого цин-цай сказал: «Хорошо, я все сделаю для облегчения вашей поездки на Куку-нор — напишу хошунным начальникам, снабжу вас конвоем, но буду просить вас выдать мне бумагу, что вы, невзирая на мои предупреждения и вежливые уговоры, тем не менее, идете и отвечаете сами лично за все тяжелые последствия, могущие произойти от посещения Куку-нора».

Знакомый с подобного рода выдачей подписок, я и на этот раз удовлетворил желание строптивного китайского чиновника, который сдержал слово по отношению снабжения экспедиции переводчиком китайского, монгольского и тибетского языков и четырьмя кавалеристами, вскоре сдружившимися с моими гренадерами и казаками.

Что же касается до сообщения сининских чиновников о большей смелости и предприимчивости кукунорских и других тангутских разбойников, об их вооружении скорострелками, то в этом мы уже имели случай сами убедиться, наблюдая воочию большие или меньшие разъезды наньшанских тангутов, за плечами которых красовались немецкие или чаще японские, а то и русские винтовки. Глядя на диких энергичных номадов, лихо пронесившихся на резвых конях с европейским оружием, мыслишь, что в недалеком будущем эти вольные сыны степей Куку-нора и Тибета станут грозными соседями Китая. Сининские китайцы это сознают, как сознают и собственное современное бессилие

и непрременную потребность в возможно непродолжительном времени обучить и вооружить войска на европейский лад.

Покончив с делами в Синине, я отправил караван прямым путем в Донгэр, сам же с казаком Гомбо Бадмажаповым свернул к югу с целью познакомиться с большим амдоским буддийским монастырем, отстоящим от Синина в одном переходе. Гумбум словно спрятан в глинисто-лессовых складках высоких холмов, непосредственно примыкающих к очень высокому альпийскому хребту, южное подножье которого уже омывают стремительные волны Желтой реки.

Монастырь Гумбум основан около пятисот лет тому назад. Основание ему положил богдо-геген, который затем совершил паломничество в Тибет, в Лхасу, где и остался на постоянное пребывание; основанный же им монастырь поступил в ведение Ачжа-гегена, считающего себя в наше время в пятом перерождении.

В двадцати гумбумских храмах, говорят, находится шестьдесят три гегена, ведающих монастырской братией в две слишком тысячи человек. Наиглавнейших храмов четыре, которые были спасены от дунганского разгрома монастырскими силами — молодыми, фанатичными ламами, отлично сражавшимися с оружием в руках с дерзким неприятелем.

Древние, солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжурами; внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления. Особенно пышен и чтим храм «Золотой субурган», перед которым молящиеся простираются ниц и движением своих рук и ног от времени сделали в дощатом полу паперти большие углубления, в которых свободно помещаются передние части ступни с пальцами и скользят руки при земных растяжных поклонах. В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть меня поразил вид семи основательных плетей, развешанных по стенам, причем наиболее основательная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старейшие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря, монашествующей молодежи. Красив и богат также храм, стоящий рядом с восьмью белыми субурганами, по преданию построенный на месте спрятанного в землю послета ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзонхавы. Белые субурганы — надгробия над восьмью гегенами, казненными здесь приказом китайского принца, отличавшегося особенной жестокостью и строгостью при учинении судебных разбирательств. Сей принц был командирован богдо-ханом в Гумбум для усмирения взбунтовавшихся тангутов; причину возмущения принц отыскал в 8-ми гегенах, которым сказал: «Вы — перерожденцы, все знаете не только прошедшее, но и будущее, скажите мне, когда вы должны умереть? — Завтра, — ответили они. — Нет, неправда — сегодня», — и велел тотчас их казнить.

Гумбум тщательно бережет своего рода музейские предметы, как то: одеяния далай-ламы, банчэн-эрдэни, Цзонхавы; кроме того, телеги далай-ламы и банчэн-эрдэни, шапку реформатора и седло богдо-хана, с трепещущимся у передней луки драконом.

В мое пребывание в Гумбуме настоятель этого монастыря, Ачжа-геген отсутствовал в дальней, продолжительной поездке на Восток — в Пекин и Японию. По сведениям, полученным от окрестных обывателей, Ачжа-геген — сторонник

японцев. Последние, от времени до времени, заглядывают в этот монастырь, а в исключительных случаях, как, например, пребывание Далай-ламы, и живут подолгу, по году и более под видом обучения тибетскому языку. Говорят также, что Ачжа-геген имеет до шестисот японских винтовок с соответствующим количеством к ним патронов. Предусмотрительный святитель боится неприятных неожиданностей, подобных дунганским восстаниям, когда монастырь приходится спасать собственными силами и собственными средствами.

Ранним утром шестого августа я покинул Гумбум, а вечером уже прибыл в Донгэр, у южной окраины которого, на островке, омываемом рукавами местной речки, белели шатры экспедиции. Караван прибыл сюда лишь накануне моего возвращения из Гумбума.

Так как начальник города Донгэра вовремя получил официальное уведомление о нашей экспедиции, то мы кроме предупредительности и любезности с его стороны ничего не видели. Участники экспедиции могли свободно разгуливать по городу, заходить в любой магазин или лавку и вообще чувствовать себя, как дома. В этом меновом городе особенно много толпилось на улицах кукунорских тангутов и тангуток; последние заставляли обращать на себя внимание пестротой одежд и оригинальностью спинных украшений в виде двойных-тройных лент, богато убранных монетами, раковинами, гау, бирюзой и проч. Еще большее оживление вносили тангутские всадники, в карьер мчавшиеся по улице в полном вооружении. Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись, наоборот, скорее внушали страх и приниженность у местных китайцев.

Дождь опять задержал наше выступление на Куку-нор на несколько лишних дней, до двенадцатого августа, когда, наконец, мы тронулись в дальнейший путь. На третий день и переход, с соседней перевалу Шара-хотул вершины экспедиция радостно приветствовала мягкую голубую поверхность Куку-нора, убегавшую далеко на запад. На юге теснились горы, среди которых выделялась каменная вершина Сэр-чим, посеребренная недавно выпавшим снегом. Это вблизи Куку-нора, вдали же, все в том же полуденном направлении гордо высились к небу еще более величественная цепь гор, отливавшая матовой белизной массивного снегового покрова. В дивно прозрачном воздухе стояла торжественная тишина, солнце ощутительно пригревало, по ярко-синему фону неба там и сям носились царственные пернатые: гималайский гриф, гриф-монах и бородатый ягнятник; последний, впрочем, нередко пролетал вблизи нас и давал возможность любоваться на его гордый полет, особенно прекрасный, когда ягнятник без взмаха крыльев скользил или плыл по воздуху вдоль гор.

На следующий день, пятнадцатого августа экспедиция вступила на самый берег альпийского бассейна, когда Куку-нор еще более приветливо улыбнулся нам. Перед нами развернулась его лазоревая поверхность, слегка колыхавшаяся мягкими волнами, начавшими убаюкивать нас с первого дня монотонным своим гулом. В тихую, ясную погоду Куку-нор был просто обаятелен. Не озеро, а впечатление моря производил на всех нас этот величественный бассейн. Его действительно грандиозный масштаб (Куку-нор имеет в окружности около 350-ти верст), убегаящая за горизонт поверхность, окраска и соленость воды, глубина, высокие волны и по временам могучий прибой — скорее дают понятие о море, нежели об озере. Мы невольно с первых до последних дней пребывания

здесь величали его морем. На устах моих спутников, я только и слышал: «Ой, как сегодня разбушевалось море, как высока морская изумрудная волна, как быстро и грозно по морю несутся серебристые барашки!» и проч.

Купание в Куку-норе превосходное: мы купались ежедневно по несколько раз. Легкость держаться на воде давала возможность отдаляться от берега на порядочное расстояние, затем отдаться воле волн, чтобы вновь приблизиться к берегу. Прозрачность воды так велика, что песчаное дно и, плавающие по нему рыбы, хорошо видны на значительной глубине.

Но если Куку-нор красив днем, то вечером, в особенности в приятную погоду, он поистине очарователен, как был очарователен в первый день вступления экспедиции на его берег. Солнце, совершив свой дневной путь, склонилось к горизонту, отдавая одну часть лучей горам, другую же разливая по видимому нам небосклону, картинно отражавшемуся в лоне вод. Прозрачное тонкоперистое облачко, словно золотое кружево, тихо, стройно несло к югу. Там, в горах стояла полная тишина, успокоившая и Куку-нор; он уже не бушевал, не стучал грозно о берег, а лишь только тихо шептался с ним.

На следующий затем день, чуть забрезжила на востоке заря, наш лагерь пробудился. Сэр-чим еще спал, на нем в виде покрывала лежала слоисто-кучевая тучка, вытянувшаяся вдоль гребня. Со стороны озера гоготали гуси, кричали и свистели на разные лады кулики, издавали клекот орланы; на мокрых лугах проснулись жаворонки и начали с песней подниматься ввысь. Караван уже шагал по мягкой проторенной дороге. Блеснули лучи дневного светила по Сэр-чиму, тучка — небесная странница, поднялась вверх и растаяла. Через час пронесся первый резкий порыв ветра, вскоре второй и третий. Куку-нор нахмурил брови.

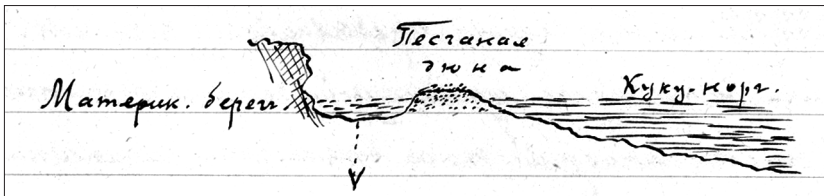
Мы следовали южным берегом. Навстречу то и дело попадались тангутские караваны из яков; номады перекочевывали с одного края долины на другой, с западного на восточный, где стояли нетронутыми богатые степные пастбища. Показался, наконец, и центр нашего притяжения — остров Куйсу. С лугового откоса берега, где теперь проходил наш караван, открывалось еще большее пространство лазоревой и голубой поверхности, по-прежнему скрывавшейся за горизонт. Куйсу, словно гигантский военный корабль, выступал из темно-синих волн Куку-нора и манил к себе своею неизвестностью.

Следует заметить вообще, что Куку-нор из года в год усыхает, уровень его понижается, береговая линия сокращается. Наблюдательные туземцы, в особенности прежние обитатели Куку-нора — монголы передают, что Куйсу растет, что во времена давно прошедшие, как говорят старики, этот остров был едва заметен, теперь же он представляется порядочной горкой.

Семнадцатого августа караван экспедиции расположился лагерем в ближайшем со стороны южного к Куйсу берега, урочище Урто, где простоял около трех недель, пользуясь привольем и простором кочевников, отстоявших от нас верст на пять. Общая картина стоянки на Куку-норе такова: к северу, в трех четвертях версты залегает самый Куку-нор, к югу, в шести верстах тянутся горы — западное крыло Сэр-чима. От гор стремится речка, пересекающая слегка покатую к озеру долину и образующая вблизи берегового, предпоследнего к Куку-нору вала, второстепенный или частный замкнутый озеровидный бассейн, до двух верст в окружности. На этой самой речке, на возвышении третьего берегового

вала, сливающегося с материковой равниной, мы и имели свой лагерь, откуда открывались широкие виды во все стороны. Быстрая, прозрачная речонка оживляла наш бивуак, капризно его опоясывая с трех сторон. На речку, а еще больше на соседнее озерко постоянно прилетали гуси, утки, турпаны; по песчаному берегу самого озера большими или меньшими обществами усаживались бакланы, чайки и одиночками, в виде темных точек, орланы.

С приходом на Куку-нор мы достали из выюков свою складную брезентовую лодку и, бережно собрав ее, начали производить пробные плавания, отдаляясь от берега до пяти верст и более.

Второстепенное реликтовое озерко, тянущееся полосой вдоль берега. Глубина Куку-нора у берега почти сажениая, далее, постепенно увеличивается: через версту уже простирается на 15 метров, через 5–6 верст от берега глубина возрастает до 20–25-ти метров.

Плавание производилось во всякую погоду, в бурное и тихое состояние Куку-нора. В общем, пробные плавания по Куку-нору дали удовлетворительный результат. Лодка качалась на волнах словно поплавок, слушалась весел и довольно ходко подвигалась в желаемом направлении; это ее положительные качества. К отрицательным же, в частности, можно было отнести следующие: непрочность весел, которые в местах уключин с первых дней плавания начали мочалиться, сами уключины сидели неустойчиво, борта широко расходились, отчего высокая волна постоянно захлестывала на дно лодки; словом, пришлось порядочно поработать прежде, нежели наше суденышко стало внушать к себе хоть маленькое доверие при мысли о попытке сплавить на Куйсу. Деревянный ромбовидный пояс, положенный по бортам, основательно скрепил всю лодку, и крепко зажал уключины; весла же были снабжены кожаными накладками.

Испытав лодку, надо было позаботиться о продовольственном снаряжении — еде и питье, о приспособлении измерительных и других инструментов, а также выяснить вопрос и о составе участников плавания. Точкой отправления должно было служить безымянное урочище, отстоящее от нашего Урто-ского лагеря в семи верстах к западу и в четырех верстах от берегового обо, служащего указателем пути для паломников-номадов, имеющих сообщение с Куйсу зимою по льду.

Таким образом, среди интересных занятий незаметно промелькнула первая неделя пребывания на Куку-норе. Тем временем возвратился из экскурсии геолог экспедиции А.А. Чернов, прошедший около восьмисот пятидесяти верст. Пересек алашаньскую пустыню диагональю Дын-юань-ин — Лян-чжоу-фу. Геолог поднялся на хребет Нань-шань и по направлению к городу Датунгу, в новом, никем до этого не посещенном районе, открыл несколько ледников,

зашемленных ущельями северного склона высшей цепи Нань-шаня. Затем, спустившись в долину Донгэр-хэ, А.А. Чернов направился по большой караванной дороге на соединение с экспедицией.

Первые дни по возвращении на главный бивуак геолог приводил в порядок свои наблюдения и сборы. Мы же по-прежнему заняты были Куку-нором, следя ежедневно за состоянием его поверхности, которая не всегда и не везде бывала одинаковой. Так например, юго-восточный залив Куку-нора тих, спокоен, отликает прелестным лазурным оттенком небес, тогда как северный район озера уже порядком колышется изумрудными волнами, в то же самое время с северо-запада бегут темные высокие валы, украшенные барашками. Из тихого в бурное состояние Куку-нор переходит сравнительно очень скоро и, наоборот, долгое время не успокаивается после более или менее серьезного шторма.

Тих ли, взволнован ли Куку-нор, всегда он величественно прекрасен. Часами я просиживал на его берегу или далеко уходил вверх или вниз от бивуака, никогда не уставая смотреть на его бесконечный водный горизонт, как одинаково не уставал и слушать его монотонный прибой, напоминавший мне берег Крыма.

В первую очередь плавания на Куйсу я назначил самого себя. Все было приготовлено, и к вечеру 28-го августа я с урядником Полютовым перекочевал к точке отправления. Куку-нор успокаивался; солнце скрылось за чистый, прозрачный горизонт, барометр стоял хорошо. На землю стали спускаться сумерки. Едва потухла солнечная заря на западе, как на востоке всплыла луна, чудно озарившая всю видимую поверхность Куку-нора. Досадовал я на себя, что не приготовился к отплытию на Куйсу днем раньше, чтобы воспользоваться сегодняшним состоянием погоды. Что-то будет завтра?!

Вдоволь нагулявшись по берегу и насладившись лаской природы, я отправился в палатку, чтобы уснуть. «Море» также дремало. Абсолютную тишину воздуха ничто не нарушало. Моряки, может быть, справедливо не любят подобного затишья, замечая, что оно часто бывает зловеще. В два часа ночи меня разбудил Куку-нор, со страшною силой ударявший о берег тяжелыми волнами. К рассвету, ко времени нашего предполагавшегося отплытия, он расшвирипел еще больше. Пришлось смириться и ждать у моря погоды. К полудню начало было стихать и мы несколько раз пытались отчалить от берега, напрасно — девятый или двенадцатый вал сердито отбрасывал нас обратно к берегу.

Возвратившись на главный бивуак, я предложил моим сотрудникам гг. Чернову и Четыркину перебраться к точке отправления и терпеливо выжидать лучшего состояния Куку-нора. Они были счастливее меня. Уехав в безымянное урочище 30-го августа, 31-го в 1 час дня мои товарищи оставили берег с мыслью, если поверхность озера не успокоится проследовать хотя бы до половинного расстояния. Однако по мере удаления от берега погода стала улучшаться, ветер окончательно стих, волны понизились. Обрадованные этим обстоятельством, мои сотрудники поплыли смелее, с большей надеждой на осуществление предприятия. Прошло пять часов непрерывной тяжелой работы с веслами. Большая половина расстояния, отдалявшего берег от острова, осталась позади, хотя самый остров ничуть не выделялся крупностью очертаний. Товарищи сильнее налегли на весла, еще прошел томительный час, а остров по-прежнему отстоял далеко для глаз. Желание во что бы то ни стало добраться до Куйсу, подняло

было энергию и повысило силы. Между тем, совершенно незаметным образом спустились на землю сумерки, поднялся ветер, быстро разведший сильное волнение. С каждым последующими десятью минутами становилось темнее и темнее. Остров уже давно исчез из наблюдений. Высокая волна то и дело обдавала студеной струей, заливая дно лодки. Товарищи надеялись исключительно на собственные силы, но запас сил понемногу начал истощаться. Работая веслами, борясь в темноте с пенистыми валами, они подбадривали друг друга предположением о близости острова. Еще томительные полчаса, еще четверть часа, еще пять минут... и вдруг, словно темное чудовище встал Куйсу! Наши путники счастливо очутились у мягкого, доступного для лодки берега; справа и слева возвышались скалы. Можно представить себе, с какою радостью мои сотрудники вступили на землю Куйсу!.. В избытке приятных чувств товарищи поздравили друг друга с успехом. Тем временем облака поредели, выкатилась луна. Куйсу, его южный скат, предстал во всей красе. Усталость, голод и холод от мокрых одежд на время были позабыты.

Всего мои сотрудники пробыли на воде, не расставаясь с веслами, семь с четвертью часов, в течение которых проплыли около двадцати семи верст. Лодка значительно намочила и, будучи притом на треть наполнена водою, представляла из себя такую тяжесть, с которой усталые товарищи не могли справиться, не могли вытащить лодку на берег, прежде, нежели не освободили ее от общего груза. Только тогда они втащили ее на берег, опрокинули, сделав себе место вроде навеса, под который и укрылись.

Подкрепившись затем коньяком, яйцами и чаем, мои сотрудники думали уснуть, но не тут-то было — их мокрые костюмы не давали им покоя. Товарищи почувствовали сильный озноб, признаки лихорадки, и, недолго думая, пошли бродить по острову в направлении к обо и кумирне, расположение которых им было хорошо известно еще до прибытия на Куйсу из многочисленных наблюдений в бинокль или астрономическую трубу с берега. По дороге к обо мои сотрудники наткнулись на лошадь, тревожно заржавшую и быстро отскочившую в сторону. Это открытие навело их на приятную мысль о присутствии людей. Осмотрев обо и кумирню, товарищи вернулись было к лодке, но вскоре вновь пошли гулять по острову, на этот раз в другую сторону, вдоль берега, когда напали на жилище человека — пещеру, обставленную оградой, откуда на наших путников смотрело с любопытством стадо коз и баранов. Боясь испугать кого-нибудь, товарищи последовали дальше, вскоре найдя маленькую свободную пещерку с запасом топлива (аргал). Здесь, как робинзоны, добыли огня, устроили костер, согрелись, обсушились и только в два часа ночи, согнувшись, как говорится, в три погибели, могли забыться сном.

Утром первого сентября, по выходе из пещеры гг. Чернов и Четыркин шагах в полтораста от себя увидели дым, тонкой струей поднимавшейся из пещерного жилища. Зайдя к лодке и захватив там хадак и подарки, взятые на всякий случай, товарищи отправились с визитом к невидимому еще отшельнику. Приблизившись к пещере, они слышали голос монаха, отправлявшего утренние молитвы: «ом-ма-ни-пад-мэ-хум», т. е. «О, сокровище лотоса!». Лотос (*Nelumbium*) — прекрасное растение, которое согласно индийской мифологии, служит тронем Творцу мира, а также считается и символом земли.

Чтобы дать понять о своем приближении и намерении войти, г. Четыркин громко кашлянул, невидимый отшельник стал энергичнее молиться, голос его повысился, задрожал и стал обрываться. Когда же товарищи вошли в пещеру, монах был в ужасе: вытянул физиономию, затрясся, расширились зрачки и, показывая на горло пальцем, скороговоркой твердил: «Тэр-занда, тэр-занда?», т. е. «Что делать, что делать?» Товарищи, насколько могли, успокаивали отшельника, заметавшегося по жилищу, в целях угощения неожиданных, негданных гостей. Долгое время монах не мог прийти в себя, да вероятно и не пришел бы, если бы товарищи не показали ему лодку, при виде которой отшельник улыбнулся, просиял и дал себе разумный отчет, что имеет дело с обыкновенными людьми, а не теми, которые наполнили его воображение.

Знакомство с остальными двумя отшельниками (один из лам — выходец из Лаврана, другой — из Гумбума, третий остался не выясненным), обитателями острова, такими же, как и первый, ламами-тангутами, прошло более спокойным образом, так как они или были уже осведомлены о прибытии русских на Куйсу их третьим товарищем, или самое свидание происходило в его присутствии.

Четыре дня прожили мои сотрудники на острове Куйсу, занимаясь его изучением и знакомясь с бытом истых монахов. Геолог экспедиции даст более подробное описание о поездке или плавании на Куйсу¹⁴¹, я же касаюсь лишь основных ее черт, усвоенных под впечатлением первых живых рассказов возвратившихся на берег товарищей.

Остров Куйсу расположен почти посередине Куку-нора, несколько ближе к южному берегу, и ориентирован с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Он слагается из гранита, биотита, гнейса, сильно обнаженных у берегов и на возвышенных частях острова, в прочих же местах, прикрытых слоем песчано-глинистой почвы, большей или меньшей мощности, одетой в свою очередь пышным ковром травянистой растительности. Относительная высота гребня Куйсу простирается до двухсот футов; длина же береговых очертаний едва ли превышает пятиверстное расстояние, при длине острова по оси в две версты и наибольшей ширине приблизительно у середины до полуверсты.

Наибольшая скалистость острова выражена вдоль южного и западного берегов, вдоль прочих Куйсу поднимается мягкими, пологими скатами. Растительность острова та же, что и на южном побережье Куку-нора; ключей или источников не имеется. Довольствуются отшельники и их скот дождевой водой, собираемой в специально устроенные углубления.

Помимо кумирни и обо, устроенных на вершине острова, Куйсу украшен субурганями, молитвенными пещерами, второстепенными обо и проч. В кумирне и пещерах имеются довольно интересные старинные бурханы.

Главное занятие отшельников — систематическое отправление богослужения, переписывание молитв, приготовление многочисленных цаца — глиняных изображений божеств. Вне же этих занятий они возятся со скотом — баранами и козами, общее число которых простирается до ста пятидесяти голов. Каждый монах живет в отдельной пещере, с оградой для собственного стада. Животные пасутся все вместе, но при возвращении с пастьбы разделяются на три группы, причем каждая самостоятельно направляется к своему стойбищу. Лошадь — достояние общее.

У монахов сосредоточены большие запасы сухого творога (чюра), масла, топлива (аргал). Отшельники питаются исключительно молочными продуктами, чем ежедневно любезно угощали и моих сотрудников.

На острове в соседстве с монахами и их стадами живут восемь лисиц; вероятно, есть пищухи и другие более мелкие грызуны. Что же касается птиц, то здесь преобладающими видами являются из отрядов плавающих и голенастых: гуси, утки, турпаны, бакланы, разнообразные кулики и другие; особенно много бакланов и чаек, обыкновенно усаживающихся на скалистые берега или на песчаные отмели. На острове также обыкновенны вьюрки, державшиеся компаниями. У берегов острова постоянно держится рыба, стаями разгуливающая на солнце. Интересно, что в Куку-норе нет рыб больших размеров; самые крупные экземпляры не превышают аршина длины или веса пяти—шести фунтов. При спускании бакланов на воду эти стаи рыб направляются в сторону птиц и следуют за ними на далекое расстояние. И здесь за рыбой охотятся орланы, там и сям сидящие на скалах; замечен также и одинокий, вероятно, пролетный коршун, кружившийся над пещерами или пролетавший с одной стороны острова на другую.

Неоднократные расспросы у туземцев, равно и личные наблюдения относительно пребывания в Куку-норе какой-либо формы ластоногого, не дали положительных результатов, за исключением сведений, добытых от сининского дао-тайя (губернатора), который утверждал, что видел шкуру зверя, изловленного в кукунорских водах, очень сходную по описанию с таковой, про которую впервые сообщает В.А. Обручев. Видеть эту интересную находку нам лично, как в свое время и г. Обручеву, не удалось, так как она, говорят, давно увезена на пекинский рынок¹⁴².

В зимнее время отшельники разнообразят свое прозябание: сюда по льду приходят паломники. Впрочем, ледяная поверхность Куку-нора не каждую зиму бывает доступна для передвижения из-за непрочности самого льда и образования многочисленных трещин.

С вершины Куйсу открывается красивый вид на все четыре стороны. Прекрасно виден маленький скалистый островок, расположенный к юго-западу и особенно рельефно выделяется мыс или полуостров на западе. Северного берега мои сотрудники не видели вовсе, тогда как южный выделялся отчетливо.

Пятого сентября, после часового барометрического и метеорологического наблюдения, мои сотрудники покинули Куйсу и гостеприимных отшельников, которые приглашали «первых летних гостей» и «первых иностранных посетителей» прожить до зимы, чтобы вернуться на берег более безопасным образом, «а не в этой скорлупке», — показывая на лодку, говорили провожавшие монахи, покачивая головами.

На обратном пути товарищи произвели четыре промера, давшие следующие результаты: первый промер, в непосредственной близости к Куйсу, показал максимальную глубину южной части бассейна (если, условно конечно, считать Куйсу гранью, делящей весь Куку-нор на северную и южную части бассейна), выразившейся тридцатью семью метрами. Второй и третий промеры, приходившиеся на середину общего расстояния, оказались одинаково глубокими — в тридцать пять метров. И последний, в расстоянии пяти—шести верст от берега Куку-нора, вышел вполне согласным с уже произведенным промером при

испытаниях лодки, а именно в двадцать пять или немного более метров. Температура поверхностного слоя воды Куку-нора 14,5 °С. Дно прибрежной полосы, шириною от пяти до восьми верст, песчаное, далее илистое.

В обратном плавании товарищи пробыли на воде восемь с четвертью часов, стараясь держать курс на главный бивуак — урочище Урто. И на этот раз мои сотрудники, приближаясь к берегу, выдержали сильную трепку и страшную усталость.

Пока гг. Чернов и Четыркин плавали на Куйсу, я совершил стоверстную охотничью экскурсию в Южно-Кукунорские горы. Моя экскурсия была совершена в течение трех дней. Накануне моего отъезда (30 августа я выехал) ночью разразилась буря со снегом. Снег, однако, скоро испарился; правильнее сказать, дождь со снегом или очень мокрый снег, утром скоро исчезнувший. Цель экскурсии заключалась в ознакомлении с животной жизнью Южно-Кукунорских гор. Меня сопровождали младший препаратор Мадаев, сининский тунши и проводник-тангут по имени лама-гэлун Рансен (Чамрийский хошун).

Мы выехали в десять часов утра. Море колыхалось. С каждым часом мы поднимались выше на пологий скат гор. Горизонт Куку-нора становился шире; остров контрастнее выделялся своими очертаниями, так что его западный придаток виден был отлично, равно и гребень и скат Куйсу. Вблизи по дороге проезжало много охотников-тангутов, промышлявших за антилопами.

Пересекая холмы, мы вспугнули у дороги большую компанию снежных грифов (*Gyps himalayan[is]*), пировавших на трупе домашнего яка. Затем, показались животные, принадлежащие походной тангутской кумирне. Неподалеку, на юго-западе, мы вступили в русло речки Хату, довольно каменистое с хорошим лугом; здесь чувствовалось очень тепло, даже жарко. Воздух был наполнен жужжанием насекомых.

Далеко у головы ущелья мы наткнулись на воровской разъезд в 5–7 человек тангутов, которых мы обнаружили заранее, по дыму. Тангуты быстро кинулись к коням, оправляя свое вооружение. Затем остановились, давая бессвязные ответы на наши вопросы. Тунши и проводники уверяли меня, что это «худые люди».

Вскоре затем мы поднялись на перевал — луговой, альпийский, под названием Хату-дурфун. У перевала нашли антилоп-ада, прыгавших с изяществом и быстротой; тут же было и рытье медведя. Рельефнее выделилась священная гора Хату-лапци, которая была видна с бивуака. В ее окрестности кормные луговые ущелья с кустами лозняка, с признаками свежих кочевков. Зверей, медведей не видели ни этот, ни следующие дни, в которые экскурсировали на протяжении 100 верст; приближались даже к Сэр-чиму. Плато шириною напомнило тибетское нагорье. В глубоком, узком ущелье подле св[ященной] горы также не оказалось медведей, несмотря на уверения проводника, что они всегда здесь бывают. Птицы: снегиревидная стренатка Пыльцова, дрозд Кесслера, дрозд рыжегорлый, *Leucosticte*. Нас ночью приняли за разбойников восточного бивуака. С плато вниз всюду вели тропинки на обе стороны гор. К югу открывалась долина — восточное продолжение Дабасун-норской. Везде масса пищух. По утрам там и сям вдоль ущелий тянулись бородатые ягнятники. Возвращение ущельем (кусты белол[озника], *potent[illa]* и верблюжий хвост). Я убил молодую аду, взяв ее в коллекцию. Буря и холод по ночам.

При моем возвращении на главный бивуак, Иванов радостно заявил мне: «Вчера, т. е. первого сентября, на Куйсу была ракета!». Этим давалось понять, что наша «скорлупка» доставила путников на остров. У меня с товарищами было условлено, что с их отплытием от берега на главном бивуаке ежедневно в 9 часов вечера будут следить за Куйсу, за появлением двух ракет. Первая ракета должна быть пущена в день вступления на Куйсу, или на следующий, как и случилось, вторая — накануне оставления острова. «Маленькой огненной змейкой мелькнула ракета», — повторил мне несколько раз мой неизменный спутник Иванов. «Слава Богу, — говорю я, — теперь будем следить за второй весточкой товарищей!». Три вечера подряд: второго, третьего и четвертого сентября стоял и я у астрономического столбика, окруженный своими спутниками, а также сининскими китайцами и алашаньскими подводчиками-монголами. Все мы собирались минут за десять до условного времени и, вперив глаза в непроглядную тьму по направлению к Куйсу, стояли, словно на молитве. К девяти часам тишина превращалась в святую, торжественную; все смолкало, слышны были лишь удары часов, которые я держал в руке, следя за временем. В последний вечер четвертого сентября, ровно в девять часов полную тьму прорезал огненный штрих, блеснувший на один момент. Тишина была тотчас нарушена радостными голосами, особенно громкими на устах китайцев и монголов, не видевших появления первой ракеты.

На другой день около девяти часов вечера, когда Куку-нор начал порядочно постукивать в берег, а наша надежда на ожидание бледнела, я слышал голоса своих товарищей, подошедших к палатке. Радости нашей не было конца. Пошли бесконечные вопросы и расспросы, рассказы и пересказы, которые, повторяю, и легли в основу вышеприведенного описания плавания на Куйсу.

С возвращением моих ближайших сотрудников из плавания, экспедиция перенесла свой лагерь на двенадцать верст восточнее, к основанию полуострова или мыса Чоно-шахалур, т. е. «Волчий загон», оканчивающегося узкой песчаной косой, вдавшейся в озеро. С этой косы г. Четыркин с урядником Полютковым произвел два плавания: к северу на семь верст и юго-востоку обратно на берег — на пятнадцать; первое плавание в области открытых вод Куку-нора, второе — в заливе, образуемом с одной стороны косой полуострова, с другой — прилежащим к ней с востока берегом Куку-нора. На последнем плавании приблизительно у середины случилась авария: железная поперечная скрепа лодки лопнула, что вызвало расхождение бортов, отказ уключин и быстрый поворот лодки в сторону. Борясь с порядочной волной, наши путники едва справились с лодкой, ее маломальской починкой, и поспешили выбраться на берег.

Результаты промеров глубин

Между лагерем и косой два промера, через две версты; тот и другой равняются одиннадцати метрам; дно илистое.

9 сентября. Промеры от косы на север (в 11 час[ов] 45 мин[ут] утра t воздуха $+7,0$; t воды $+9,5$ °C).

Через первую версту: расстояние от косы 7,2 метров, на дне песок; через вторую — 14,5, песок и ил.; через третью — 17,5, ил; через четвертую — 17,2,

ил с водорослями; через пятую — 20,5, ил; через шестую — 25,2, ил; через седьмую — 25,9, ил.

10 сентября. Промеры от косы на юго-восток (в 9 час[ов] 30 мин[ут] утра t воздуха +6,5°; t воды +7,5 °С).

Через две версты расстояние от косы 22,5 метра; на дне ил; через четыре — 27,2, ил; через шесть — 29,1, ил; через восемь — 29,5, ил; через десять — 27,5, ил; через двенадцать — 24,3, ил.

На этом наши работы на Куку-норе и окончились. Я счел вторую задачу экспедиции посильно выполненной и отдал распоряжение к выступлению в обратный путь к Синину, которого и достигли прежней дорогой шестнадцатого сентября (накануне дня Надежды)¹⁴³.

В Синине мы радостно встретились с нашим товарищем П.Я. Напалковым, успешно совершившим поездку в провинции Гань-су.

Разъезд капитана Напалкова охватил своим маршрутом бóльший район, нежели тот, который предполагался вначале; кроме того самый маршрут удачно расположен по отношению к местам, исследованным нашими предшественниками. Таким образом, моему помощнику удалось посетить совершенно неведомый угол Гань-су и впервые поставить на карту названия девяти новых городов.

На этот раз сининские власти отвели для экспедиции отличный дом, специально для экстренных посещений, расположенный в центре Синина, и встретили нас, что называется, с распростертыми объятьями. Они были уже осведомлены через посредство переводчика и кавалеристов, прибывших в Синин накануне нашего вступления, обо всем том, чем мы занимались на Куку-норе, и как к нам учтиво относились кукунорские обитатели, а главное, что мы все целы — живы и невредимы, из нас никто не утонул. Цин-цай и прочие чиновники Синина при встрече с нами исключительно говорили о нашем плавании по Куку-нору, о посещении острова, и все они с большим интересом рассматривали лодку, в собранном и разобранным видах, а также гг. Чернова и Четыркина просили показать руки, на которых все еще сохранились основательные мозоли. В конце концов Цин-цай заметил: «Вы, русские, первые плавали по Куку-нору, первые сообщили нам о глубине Цин-хайя и первые из иностранцев, посетившие остров Куйсу или Хайсин-шань. Обо всем этом я непременно сообщу в Пекин».

Чтобы не ослаблять прекрасных отношений и того хорошего впечатления, которое я выносил после каждого нового свидания с сининскими властями, я счел излишним напоминать прежние уверения цин-цайя о том, что в Куку-норе тонут не только камни, но и дерево, — это было само собою очевидно.

По приглашению чжэн-тайя, командующего войском сининского гарнизона, я почти со всеми моими спутниками присутствовал на смотре китайской пехоты и кавалерии. На меня этот смотр произвел впечатление серьезного улучшения сравнительно с тем, что я наблюдал восемь-девять лет тому назад. Китайские офицеры и солдаты, несмотря на то, что еще не расстались со своими старинными построениями, в значительной мере усвоили японскую тактику, впрочем, самими японцами уже оставленную. Войска были представлены на смотр хорошо одетыми (в старой форме), кавалерия на отличных лошадях местной породы. Традиционные большие флаги здесь еще не отменены и по-прежнему составляют гордость китайских кавалеристов. Примерная стрельба

холостыми выстрелами из пистонных ружей (однзарядные скорострелки берегутся) велась толково, залпы не срывались. Молодые офицеры значительно превосходят своих старых товарищей выправкой, молодечеством и знанием службы вообще, как равно и нижние чины — молодежь, с нетерпением ожидающая полного изменения уставов на европейский лад.

На смотре китайских войск присутствовало много окрестных тангутов, заранее прибывших в Синин специально для этой цели. На общем плацу, в стороне, нарядные, богатые номады часто запускали своих резвых иноходцев, представляя зрелище не менее занятное, чем китайские войска.

В Синине, между прочим, члены экспедиции имели удовольствие познакомиться с семейством англичанина Н. French Ridley, проживающего здесь более пятнадцати лет в качестве миссионера. В кругу симпатичных англичан мы прекрасно проводили часы досуга, вспоминая культурные европейские страны. Н. French Ridley также интересовался нашим плаванием по Куку-нору и всегда в подходящих случаях сводил разговор на эту тему. Будучи старожилом Синина, любезный миссионер дал нам много ценных сведений про местный край, равно в значительной мере способствовал приращению нашей этнографической коллекции путем приобретения образцов таковой у местных обитателей.

В Синине же, благодаря улучшению почтового сообщения вообще в Китае, мы получили порядочно писем, точно так же и сами могли отправить лишнюю восточку на далекую дорогую родину. Как всегда, письма приносят одним радостные известия, другим печальные; так было и теперь. Наш А.А. Чернов получил новые грустные сообщения из дома и в силу необходимости принужден был отправиться в Россию преждевременно. На обратном пути через Алашань, среднюю и северную Монголию геолог экспедиции будет вести геологическо-географические исследования.

Пользуясь случаем, я отправил в Алаша-ямынь, на склад экспедиции, семь лишних вьюков, преимущественно с коллекциями. В дальнейшем пути мы перешли с верблюдов на мулов, которые отличаются редкой способностью хорошо двигаться в горах, но зато и требуют внимательного ухода и обильной хлебной кормежки. Хороший мул везет, по-видимому, без особенного труда, груз до шести-семи пудов, строго уравновешенный по обеим сторонам животного.

Как мы ни старались сократить багаж, число вьюков осталось прежнее — двадцать два, что с одиннадцатью верховыми мулами составило караван, растягивающийся по дороге на значительное расстояние.

Таким образом, город Синин экспедиция оставила двумя караванами, выступившими разновременно. Верблюжий караван во главе г. Чернова выступил 27-го сентября; с геологом отправлены двое забайкальских казаков — Бадмажапов и Содбоев, из которых первый должен вернуться в экспедицию из Алаша-ямыня, второй, по достижении геологом Урги, из этого города — на склад экспедиции.

Главный же караван экспедиции покинул Синин 30-го сентября, а 3-го октября уже благополучно прибыл в оазис Гуй-дуй, пересек на пути высокий альпийский хребет по перевалу Ла-чжи-лин, поднятому над уровнем моря свыше 13 000 футов.

В заключение позволю себе сказать несколько слов о результатах экспедиции, достигнутых в течение второго ее периода (еще в Петербурге время

и деятельность экспедиции были мною разделены на три периода: монгольский, кукунорский и сычуаньский), так называемого, кукунорского:

Пройдено главным караваном и двумя разездами со съёмкой маршрута 2 500 верст, опирающихся на три новых абсолютных астрономических пункта. На всех путях велись систематически метеорологические наблюдения, выдающиеся точки определены гипсометрически, собирались коллекции: геологическая, зоологическая и ботаническая; последняя, впрочем, лишь при главном караване. Каждая из этих коллекций, а зоологической и каждый из отделов, представляют солидный список образцов.

По части же этнографических сборов выделяются предметы буддийского культа, как то: металлические и иконописные бурханы, гау или ладанки, предметы, необходимые при отправлении богослужения, тибетские книги. В основу собрания металлических бурханов, в особенности дорого стоящих в материальном отношении, я клал и продолжаю класть весьма ценные указания и советы, которыми меня любезно снабдил в дорогу академик С.Ф. Ольденбург.

Экспедиция располагает также порядочным собранием образцов китайской живописи и собственными фотографическими снимками видов и типов пройденных мест.

Дополнения и примечания как на Куку-норе, так и в дороге к Синину, при пребывании в этом городе и приходе на продолжительную стоянку в Гуй-дэ-тин

С возвращением с Куйсу, с окончанием больших плаваний, мы смотрели на Куку-нор другими глазами. Его рокот волн, могучий прибой в берег нас стали занимать с другой стороны. Словом, всегда Куку-нор нас привлекал к себе.

Птицы, пролетные и местные, продолжали поступать в нашу коллекцию.

6 сентября. Иванов и Гомбо ездили осмотреть место для стоянки у косы, с целью перенесения лагеря в то урочище. Пошли энергичные сборы. Нам, путешественникам, одни и те же места быстро наскучивают, надоедают, равно наскучивает скоро и долгое сиденье на месте. Жаждешь движения.

7—9 сентября. После обеда, наконец, экспедиция снялась с обсиженного места. Тяжеловато тронулась. Следование вдоль берега, с большим или меньшим приближением к бассейну вод. Вскоре показались тангуты. Мы следовали среди их стойбищ. На наш караван бросались большие свирепые псы. Кое-где у черных банагов виднелись люди, осторожно поглядывая на наш караван. Трудно хорошо распознать тангутов — они скрытны, злобны, вороваты; к тому же страшные ханжи и суеверы. Миновав тангутские стойбища, мы уже приблизились к своей цели — стоянки у основ[ания] Чоно-шахалур.

Расположились привольно; с одной стороны открывался Куку-нор, его залив вдоль косы, с другой, залегали пресные бассейны, носившие характер болотистых озерок, на которых держалось немало гусей, уток, турпанов; изредка также и куликов.

В первую ночь с вечера вблизи бивуака монотонно гукал филин, перемежив несколько раз свое, занятое сначала место. На берегу Куку-нора среди шума

его волн гуканье филина звучало особенно интересно по своей оригинальности. На следующий день мы втроем (я с двумя помощниками) в сопровождении китайского кавалериста отправились верхом на мыс Чоно-шахалур и его продолжение — косу. Высокий песчано-глинистый мыс, по мере удаления в область озера, суживался, сузившись у конца до 5 сажен и крутовато оборвавшись к началу песчано-галечной косы, еще протянувшейся почти на версту. Коса завертывалась полукругом. Со стороны открытых вод (северо-запада) гремела высокая волна, сбиваясь в пену, на другой стороне вода слегка колыхалась, будучи темно-голубой, тогда как на открытой части — зеленоватой. Вся отмель косы была унизана птицами: чайками, гусями, утками, бакланами; была здесь также и парочка лебедей, скоро уплывшая с детенышами далеко от берега. На всем видимом пространстве воды, в особенности ближайшем к берегам залива, качались на волнах птицы. Там и сям пролетали или сидели на возвышениях берега орланы, промышлявшие за рыбой.

Идя на косу с Четыркиным, мы неожиданно были удивлены предметом, лежавшим у низ[ины] берега косы со стороны залива. Подойдя, мы обнаружили в нем лисицу, прилизанную водой, постоянно обдававшей труп «хитрого зверя». Вытащив на песчаный берег и встряхнув несколько раз в воздухе, мы убедились, что наша находка недурна; лисица, вероятно, утонула недавно, к тому же холодная, соленая вода только консервировала труп, от которого не выделялось даже присущего лисице запаха. Еще же через четверть часа, когда мы значительно повалили свою лисицу в сухом песке, ее мех принял очень нарядный вид. С этой добычей мы и направились обратно к бивуаку, белые палатки которого отлично выделялись на отдаленном берегу урочища Чона-шахалур.

Решено было на другой день, 9 сентября, г. Четыркину с Полютовым перебраться на оконечность мыса и произвести плавание к северу, примерно около полудня или, как сложится вообще состояние погоды. Затем, 10-го сентября Четыркин с Полютовым должны непременно оставить мыс, сесть в лодку и держать плавание на юго-восток, в угол залива, присматриваясь к движению каравана вдоль берега, намеревавшегося в этот день бивуакировать на прежнем месте, в урочище Цунгу-джэра, т. е. там, где экспедиция впервые была расположена лагерем при передовом своем движении по Куку-нору. Мои спутники выполнили и ту и другую задачи. Вторую, впрочем, не совсем законченным образом, так как в области открытых вод Куку-нора с ними случилось несчастье: железная скрепа лодки лопнула, и они поторопились выбраться на берег.

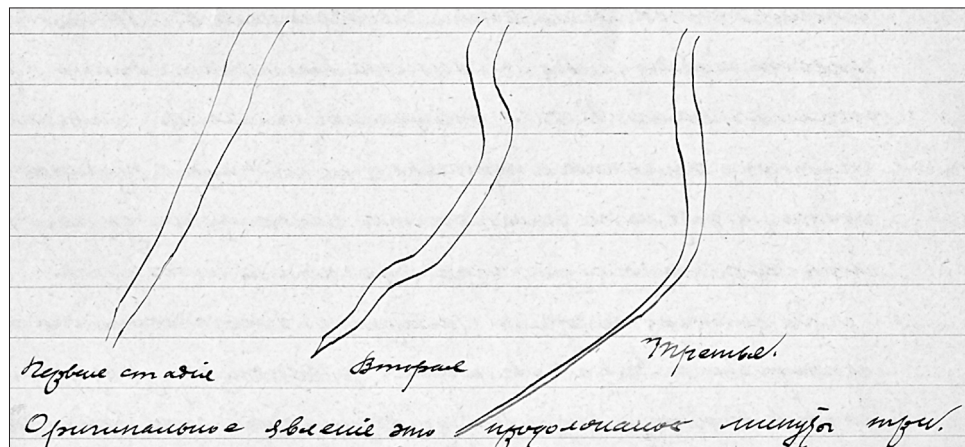
Мы их подобрали на своем пути, идя вдоль берега. Лодка наша, таким образом, отслужила, и мы ее вскоре высушили, разобрали и спрятали во вьюк. Так или иначе, но она вполне стала заслуженной нашей спутницей. Она помогла выполнить задуманный еще в Питере план. Правда наше предприятие было страшно рискованное, и оно удалось, по счастью, только раз. Наперед скажу, что наш пример увлечет и других, и по всему вероятно, англичан. Не надо забывать, что пускаться с такими средствами [в] плавание не стоит; нужна лодка такого типа, но значительно больших размеров. Впрочем, у нас, путешественников повторять пути, проложенные другими, не бывает охоты. Впрочем, по отношению к Куку-нору дело обстоит иначе. Ведь мы только учинили попытку

плавания, наша экспедиция изучила южную часть бассейна, тогда как северная, большая, еще осталась нетронутой. Зато посещен Куйсу и там прожито четыре дня. Но как жаль расставаться с Куку-нором. Сколько раз я вспоминал о небольшом паровом катере, в котором так часто быстро проносятся по волнам Невы морские офицеры, компанией в 3–5 человек. Как скоро можно было бы сплавить с берега, с любой его части, на остров и обратно. Правда, тогда не было бы той великой прелести, какая получилась теперь при наличии маленькой брезентной лодочки. И много, много раз я вспомню Куку-нор — лазоревый, грозный, и наше плавание, и ту высокую пенистую волну, которая так часто не давала возможности даже отчалить от берега. Прощай, грозный, величественный красавец. Ты много-много раз очаровывал меня своею волшебной гармоничной красотой. Ты — вечно живущее море, грозное, лазурное, но порою и тихое! Ты, Куку-нор, прекрасен всегда. Сколько заключено в тебе чарующей прелести, чарующей неги. Ведь ты сторожил самых диких первобытных людей, как и сторожил многие-многие пастушеские поколения. На твоих привольных пастбищных берегах номады изливали избыток сил, дрались, оспаривая право на его владение. Тибетцы сменяли монголов, монголы — тибетцев. И только твое сердце — Куйсу — было чуждо борьбы; под защиту твоих высоких грозных волн истые монахи были обеспечены и изолированы от всяких житейских волнений. Твой жертвенный престол всегда дымился фимиамом; всегда к нему возносились горячие молитвы отшельников-буддистов. Как в недоступных ущельях Амнэ-Мачина и Амнэ-нокора гнездятся истые молитвенники, так еще больше и уютнее гнездятся они на твоём сердце. Еще раз, красавец-дикарь, прощай! В последний раз не хмурь темные брови, а улыбнись мягкой, лазоревой улыбкой. По твоему светлому и гладкому челу станут пробегать вереницы тонко-перистых облаков, золотых, прозрачных, в ясные и тихие часы вечернего заката. В такое время ты ни с чем не сравним, и я люблю тебя, гиганта-великана, как и вершину Сэр-чима, сторожащую тебя! Действительно, в последние минуты, часы и дни Куку-нор провожал нас приветливо.

В то время, когда наши пловцы катились по волнам от косы на юго-восток, наш караван длинной вереницей тащился на восток, обратно. Кочевники уже знали, что мы плавали, что их Куйсу посещен, тем не менее, при встрече с нами спрашивали нас «удалось ли нам побывать на острове» и когда от нас слышали, что за остров и кто там живет — улыбались и кивали головами! В то же время поднимали вверх большие пальцы и нередко высовывали языки, что выражало высшее одобрение, высшую похвалу. Повторяю, кукунорские номады частенько показывались нам с европейским оружием за плечами. Надо видеть, как берегут подобное оружие тангуты, как нежат его, как лелеют. Я уверен, что они своим храбрым леди (которые частенько едут с пиками в руках рядом со своими мужьями) не оказывают такого внимания, какое всегда воздают лучшему оружию. В этом кукунорцы или тибетцы вообще напоминают туркменов, текинцев¹⁴⁴, которые в столь великую почесть возводят лошадей.

В четверть 9-го часа утра того же десятого сентября над северо-восточными горами, в верхнем поясе убранными снегом, и подножьем, ниспадающим к пастбищным берегам Куку-нора, стояла темная густая туча, от которой обрывалась

однообразно-серая дымчатая завеса, по фону которой спускалась сначала одна, более густой и более темной окраски лента, резко выделяющаяся на небе; немного спустя она стала видоизменяться — змеиться то в виде второго чертежа, то принимая форму третьего.

Оригинальное явление это продолжалось минуты три.

Ночи продолжали быть тихими, ясными, морозными (до $-6,1^{\circ}\text{C}$). Земная поверхность серебрилась инеем. В горах дольше и дольше лежал снеговой покров. Почуввав приближение осени, гуси, утки, и прочие пернатые странники ежедневно уносились к югу, на чужбину! Показывались также и кулички и некоторые, более нежные формы из семейства воробьиных; всех одинаково манил далекий теплый южный край.

В своем любимом месте, на первой и последней стоянке озера Куку-нора, мы вновь экскурсировали в целях полюбоваться или поймать рыбы в светлых водах быстрой речонки. Но ожидания наши не оправдались. Теперь рыбы здесь не наблюдалось. Солнце не было так близко и так тепло к нам. Пожелтевшая растительность, утренние заморозки, отлетные пернатые — все говорило о приближении осени, а затем и зимы, которая наложит на долину Куку-нора свою тяжелую, угрюмую печать.

Расставаясь с этим прелестным бассейном, мы фотографировали и бивуак с озером, и соседку гору Сэр-чим. Первый вид [на фотографии] еще кое-как да вышел, второй исчез бесследно.

11–12 сентября. Погода устанавливалась, становясь лучшей и лучшей осенней; в прозрачном воздухе неподражаемо было видно далеко; можно было любоваться прозрачностью атмосферы и днем, и ночью, когда темно-голубой свод унизывался небесными светилами, словно алмазами. Мы теперь проходили как раз в той местности, где в передний путь не было номадов, и пышные травы, волнующие ветром, склонялись своими головками к земле. Теперь же везде теснились стада — и в долине, и в прилежащих горах. Стада пестрели животными: баранами, яками, лошадьми, и травы — увы, языками и зубами животных подкошены были под корень.

Вблизи придорожных черных банагов стоял и лагерь хошунного Чамрийского начальника, с которым мне не удалось повидаться вторично. У него случилось новое несчастье. К нему прибыла дочь для разрешения от бремени, но несчастная не пережила родовых мук — умерла.

Мы поднимались выше и выше. Оглядываясь назад, любовались Куку-нором. Куйсу, или как его называют тангуты — Цхо-ртигэ-жэ, т. е. «Морская внутренняя горка» или «Внутренне-морская горка», уже давно перестал быть видимым. Еще выше, как уже остались и речки Ргмын-чю, правый приток Куку-ра-чю, и развалины китайских ямыней и ямпаней*, некогда служивших китайцам, судившим и рядившим, а также и сдерживающим натиск свирепых, энергичных тангутов.

У перевала вилось много грифов и бородачей. В соседнем распадке горного ущелья показалась и лисица, по которой я тотчас выстрелил из винтовки; бедная патрикеевна упала, свернулась в клубочек; однако, когда мой казак побежал к ней, лисица, собрав последние силы, дотащилась до норы, в которую и скрылась под самыми руками Гомбо.

Шара-хотул открывал прежние виды. Я невольно бросил последний прощальный взгляд на Куку-нор и Сэр-чим. Еще минута, и все осталось позади, все закрылось горами, идя подле которых, мы вскоре прибыли на прежнюю нашу стоянку в урочище Уй-ю, откуда открылись знакомые виды на отдал[енные] к востоку горы и на шашки полей по склонам.

Последние дни мы встречаем тангутские караваны из домашних яков численностью в 50—70 и 100 голов животных. Кочевники эти в обмен на свое сырье: шерсть, масло и прочее, получили хлеб, чай, далембу и многое другое, необходимое в обиходе кочевника.

По мере нашего опускания в глубину долины речки, впадающей с юга Донгэр-хэ, мы ощущали все большее и большее тепло. Дожди почти прекратились; и здесь наступила сухая осень.

13 сентября. Экспедиция сделала большой переход по знакомой дороге, достигла Донгэра и расположилась на той, что и раньше, береговой луговой площадке. Наши знакомые китайцы не замедлили явиться; многие пришли с торговлей. Опять, как и прежде, наш лагерь оживлялся зрителями. Здесь же выяснилось, что от нашей дороги, только что пройденной, на половинном ее расстоянии отделялось ущелье, в вершине богатое каменноугольными залежами; это обстоятельство заинтересовало геолога Чернова, и он вернулся назад для ознакомления с ними. После Чернов догнал экспедицию уже в Синине.

Экспедиционное имущество, оставленное нами на хранение в управлении местного начальника, соблюдено образцово. Вообще необходимо отметить, что китайская администрация почти во всех встречаемых на нашем пути горах несравненно лучше, нежели в прежние времена — предупредительна и любезна; вероятно, в силу этого обстоятельства мы никогда теперь не слышим вслед себе, обычного «ян-гуйцза», т. е. «заморский дьявол» — эпитет китайцев к русским.

В Донгэре на этот раз мы не засиделись — продневали только <число пропущено> дней и в путь к Синину, где нас ожидал Напалков.

* Вероятно, игра слов. (Прим. сост.)

15–16 сентября. В эти два дня экспедиция совершила движение от Донгэра до Синина — вниз по долине реки, имея ночлег у моста, перейдя на правый берег частью по отвратительному мосту, частью просто вброд. Дорога эта очень оживлена торговым людом и обывателями, селяками, хлопотавшими с уборкой хлебов с пашен. Солнышко припекало, в особенности в полдненное время. Навстречу нам на страшной высоте голубого неба неслись журавли в необычайно многочисленных стаях, непрерывно следовавших одна за другой. Выдавал этих птиц их оригинальный крик, превратившийся в сплошной мелодичный свист, заставлявший призадуматься, что это такое и откуда и отчего происходит. Затем мы этих птиц наблюдали почти ежедневно на протяжении всей остальной половины сентября месяца; наблюдали в полях, наблюдали и в Синине.

Река Синин-хэ по-прежнему громко бурлила и стремительно неслась по галечному ложу, в особенности там, где долина сужена горными отрогами и дно усыпано горой больших валунов, по которым река бушует настолько, что шумом своим заглушает все остальное. Высокие волны отрывают землю у хлебопашцев и уносят ее вниз по течению. Дорога ремонтируется камнями, отваливаемыми с ближайших горных скатов.

По мере приближения к Синину дорога была еще больше оживлена путниками. Следовало два слова сказать о маленьком городишке Джэн-хэй-буа, лежащим почти посередине пути, между Синином и Донгэром, и там, где гумбумская дорога в Донгэр вступает на сининскую дорогу.

Вблизи Синина на одном из кустов я нашел такое обилие ос, как никогда, и в течение 5–10 минут поймал их два или даже три десятка. Осы смиренно сидели на листе тальника: стоило сачком, подставленным под листву, тряхнуть эту последнюю, чтобы осы прямо падали в сачок. Подле Синина, в долине реки того же названия, погода продолжала стоять не только теплая, но даже жаркая и воздух был полон жужжанием прямокрылых.

В 1 час дня экспедиция вступила в Синин и свободно разместилась в казенном китайском помещении. П.Я. Напалков вручил мне два пакета с письмами экспедиции. Бедный, он томился до нашего прихода, не распечатав конвертов пекинских, среди которых находилось и ему несколько писем из дома. Из этих вестей я узнал, между прочим, что Германское Географическое общество или Общество Землеведения избрало меня своим почетным членом.

17 сентября. В день многочисленных именинниц на Руси святой, мы также праздновали торжественный «день Надежды». Точно я предчувствовал, что моя женушка лежит в постели с больной ногой, так было тяжело, так нелегко на душе, что и сказать трудно. Удивительная причина передачи впечатлений на большом пространстве!

По-своему усладились, нижние чины за именинниц выпили по чарке. Праздник что-то не клеился. Общее настроение в значительной степени омрачил Чернов своей ипохондрией и мыслью о скорейшем достижении России.

Около двух недель мы просидели в городе, занимаясь разными делами, но главным образом, снаряжением в дорогу алашаньского каравана и стонущего, плачущего геолога.

Сининская администрация отнеслась к нам на этот раз еще лучше, еще любезнее. Я послал спросить цин-цайя когда он примет меня, а он спросил когда

я его и, действительно, приехал в экспедицию первый; был до крайности ласков, любезен. Вместе с прочими чиновниками он с вниманием осматривал лодку и очень разносторонне расспрашивал о Куку-норе, об острове Куйсу, а также и о номадах, населяющих кормную, привольную пастбищем долину. Цин-цай искренне был рад нашей удачной поездке на Куку-нор. Он говорил: «Вы счастливы, вам удалось сделать великое дело; а сколько здесь было иностранцев, пробовавших измерить Куку-нор, его глубину по льду, но ничего не вышло. То Куку-нор вовсе не замерзал, то замерзал, но таким рыхлым слабым льдом, что не представлялось возможности работать как следует. А вот ваша экспедиция первая справилась с трудной задачей и ответила, как глубоководный Куку-нор, что из себя представляет Куйсу. Эти новости я сообщу непременно в Пекин».

Чиновники приводили своих знакомых, те, в свою очередь, своих. Наша лодка стала предметом удивления. Скоро весь Синин знал о ней, о нашем плаваньи, тогда и стали порождаться толки, что русские укротили кукуноорского дракона, перед русскими расступилась вода, русские поймали золотую рыбку, тщательно скрываемую от всех. Много раз навестил нас в Синине, как и мы его, англичанин-миссионер Н. French Ridley, приходивший нередко с женой и маленькой дочуркой. Пришлось показывать лодку всем, часто для этой цели мои сотрудники усаживались в нее и примерно показывали веслами, как они плыли.

Несмотря на мое, по-видимому, крепостное сидение в Синине, при массе всевозможных работ: прием знакомых тангутов, монголов, китайцев, сортировка записей, вещей, просматривание этнографических предметов, приносимых на показ и продажу, писание писем, — время бежало быстро. Меня тянули к себе и гостеприимные китайцы-чиновники. Цин-цай просил снять с него фотографию. Чжэн-тай показывал оружие и пригласил на смотр войск сининского гарнизона. Фу-тай любезно надавал немало фотографий его сада, его самого, его беседок с прекрасным благородным оленем и проч. Казалось, нам в Синине все старались оказать внимание тем или другим способом.

Наши верблюды на это время держались подле Гумбума. После гостей приятно было также остаться одному. Мое помещение, благодаря любезности китайского офицера, было изолировано от других; в глубине двора, как и вообще все китайские помещения (ямыней). Оставшись наедине и усевшись на солнышке, я предавался спокойно думам и планам относительно последнего периода экспедиции. Сильно стеснил меня в моих дальнейших стремлениях Далай-лама. Желание и возможность свидания с ним затягивали невольное пребывание в сининском или гумбумском районе. Мысли уносились и на родину. Особенно мне было тяжело — болели душа и сердце, начиная с двадцатых чисел сентября. Иногда так было тяжело и грустно, в особенности когда меня изводили оба моих сотрудника Ч[ернов] и Н[апалков], что кажется, бросил бы все разом и повернул оглобли домой, сказав в душе: «Дальше невозможно». Если вспыльчивый, нервный Н[апалков] потом скоро приходил в себя и, извинившись, бывал на известные периоды корректным; то что же касается до Ч[ернова], то это настоящий, даже злой, «тихий омут». Без всякого сожаления снаряжал его в дорогу, желая, чтобы он оставил экспедицию возможно ско-

рее, но он, как назло, копался как неживой, за что и получил общее прозвание «копун». Он всегда всех задерживал, он всегда всех просил, клянчил и проч. Да простит мне Бог осуждение над ним. Ведь я сам же его избрал, правда, основываясь на солидной рекомендации.

А солнце продолжало в ясные проблески нежить и ласкать. Синее небо машило к себе; там часто носились городские голуби, издавая своеобразную гармонию из многих свистулук, пристроенных любителями-китайцами к спинам или хвостам турманов. Я люблю такое тихое время дня, когда с высоты голубого неба лились нежные звуки голубиных свистулук. Я любовался, слушая волшебные звуки, и представлял себе китайца, его довольную физиономию, умиленную также при виде высоко вздымающихся голубей и нежную гармонию их свистулук. Такие свистульки я наблюдал исключительно в одном Китае, нигде больше. В Синине на базаре нам удалось приобрести живую дикую кошку у тангута, привезшего ее из южных гор — за несколько переходов. Эта кошка успела немного привыкнуть к хозяину, хотя ее вид был очень свирепый. Безжалостные, мы отдали ее в лабораторию препарировать.

Здесь удалось приобрести еще несколько бурханов, интересную тибетскую книгу, кое-что из китайской живописи и проч. В Синине такие предметы дороги, так как сюда, по словам Ridley, часто заглядывают европейцы, которые коллекционируют, увлекаясь, и часто платят столько, сколько с них спросят вначале. А мы знаем, что это за торгаши китайцы и какие у них своеобразные приемы: не взял сразу, в другой раз заплатишь дороже, хотя и он, также не уступив, не продав сразу рискует потерять несколько лан при вторичном приходе, при вторичном предложении уступить за предложенное вами.

У нас во дворе помещалась милиционная полиция¹⁴⁵, заведенная в Синине впервые. Косные китайцы на нее смотрели с недовольным видом, предчувствуя лишний налог на ее содержание. Милиционеры на подбор, юноша к юноше, в синих рубашках, в таковых же шароварах, с красным узким лампасом. Их учителя — стройные молодые офицеры, в особенности один, только что окончивший школу в Лань-чжоу-фу, красивый, мускулистый, с изящной выправкой и основательным знанием новых уставов — он нас заставил верить в лучшее будущее китайских войск. Он умело, с тактом, благородством объяснял и показывал солдатам. Объяснив на словах, он показывал на примере сам. Приятно было смотреть на такого учителя. У меня в комнате он упражнялся с винтовкой, и я не уставал часами любоваться на его совершенство.

Мои впечатления о возможности постановки у китайцев военного дела на значительную высоту подтвердил затем и смотр китайских войск. Пред нами развернутый плац, где упражнялась пехота и кавалерия в своих старых и новых построениях. Молодежь — офицеры и солдаты-молодцы; их лошади — прелесть. Посадка и езда китайских кавалеристов отличные — они сидят крепко, уверенно. Отрицательным качеством длинноносых¹⁴⁶ и желтолицых солдат является то, что китайцы страшно слабосильны и, вероятно, маловыносливы, уступают противнику, более сильному в физическом складе. Это всегда в значительной степени будет уменьшать их успех, а может быть и не доводить его до конца. Правда, китайский солдат довольствуется очень малым, но оттого-то он и бессилен.

Китайцы на смотре выстрелами делают много шума и грома. Пускание пыли в глаза слабосильным наблюдателям. Офицеры китайские и чиновники, не принимавшие активного участия, а лишь пассивное, сидели с нами рядом и всячески хотели угадать наше настоящее мнение о способности их войск. В душе они стыдились и откровенно говорили, что «мы (т. е. китайцы) сумеем сравняться с европейцами разве лет через десять! — не раньше».

Препараторы и энтомологи в лучшую погоду старались не сидеть дома, а экскурсировать по оазису, прилежащему к стенам города или вдоль берега Сининхэ, шумно струившей свои высокие грязные волны. К сожалению, и птицы, и насекомые только повторялись; новых форм не прибывало. Хорошая погода чередовалась с дождливой; в альпийской же области, в окрестности Гумбума, вместе с дождем падал и снег, и чем выше, тем основательнее.

Раз или два мы имели удовольствие и откусать хлеба-соли у англичан, пообедать. Симпатичные люди убирали стол цветами и флагами — русским и английским. Чистая, европейская обстановка заставляла забывать нас китайщину и чувствовать себя, словно на родине. Еще более и сильнее сказывалась эта иллюзия европеизма по вечерам, когда мы чаще сидели за чайком, просматривая хорошие издания по географии Азии, а также и многочисленные альбомы супругов Ridley, слушая звуки фисгармонии и пение миссионера и его маленькой и милой дочери Розы, которая к нам вскоре привыкла и смело подбегала здороваться или прощаться.

Так незаметно пришло время отправления каравана в Алашань; я вздохнул свободнее. Трогательно попрощался с нами симпатичный алашаньский монгол Бальдчжир, которого все в отряде очень любили; не то было с его товарищем ламой — криводушным человеком. Бальдчжира же все ласково провожали, желая встретиться с ним в Алашане.

Итак, алашаньский транспорт ушел.

Последними днями мы сами стали энергично собираться в дальнейший путь. Случайно мои люди встретили Чойбзэнского ламу-тангута, который явился и ко мне. Я с радостью узнал о том, [что] Чойбзэн-хутухту у себя дома и послал ему подарок: парчу, портрет Д[алай]-л[амы] и приветственный хадак, все это при монгольском письме. Вскоре после этого явился приближенный к гегену лама с приглашением в Чойбзэн погостить. Мне очень хотелось это сделать, но в то же время жаль было весь караван задерживать в Синине. Условились отложить мой визит на месяц, когда я мог пользоваться большим временем с места зимовки в Гуй-дуе.

В последние же дни пребывания экспедиции в Синине наш граммофон гостил у англичан; говорят, что все окрестные китайцы — и стар, и мал — собрались слушать русскую музыку, русский театр. Зрители не вмещались в большом дворе миссионера, многие забралась на крыши. Чиновники, да и простолюдины тоже не прочь были полечиться русскими лекарствами; по возможности мы их просьбы удовлетворяли. Фу-тай же пришел в восторг от Syndetikona¹⁴⁷, которым я удачно прикрепил головку крышки табакерки.

Из Синина среди писем я отправил и Далай-ламе, и Доржиеву, все с одним и тем же напоминанием об уплате денег и освобождении меня от ценного груза¹⁴⁸.

На этом наше пребывание в Синине и окончилось. Мы стали энергично собираться в дальнейший путь в Гуй-дуй. Городские власти помогли относительно найма крепких, сильных мулов, мастерскидвигающихся по горам.

В городе бесконечная трата денег. Наконец, прощальные визиты, и мы готовы к выступлению.

30 сентября. Накануне я съездил за город, на высоты кумирни и оттуда произвел несколько удачных снимков. Около полудня экспедиция выступила из города и, миновав кумирню и спустившись на дно долины речки, ведущей в Гумбум, успешно зашагала в юго-юго-западном направлении. Солнце пригревало порядком. Русло речки оживлялось рокотом стремительных вод, а прибрежная низменность — сновавшими взад и вперед обитателями. Нам хотелось следовать через Гумбум, но возчики воспротивились; пришлось покориться необходимости и следовать прямою дорогою к перевалу. По дороге стоит захудалый городишко с несколькими десятками фанз, но обнесенный стеной. Вообще говоря, в провинции Гань-су стеной обнесены не только города, городишки и большие селения, но и обособленные группы (5–7 [дворов]) во избежание набегов со стороны дунган, призрак которых постоянно висит в воздухе по заверению китайцев, воочию видевших деяния этих мятежников.

Между прочим, относительно последнего их восстания 1895–1896 гг. Ridley сообщил мне очень много интересного. Движение в этом районе пошло от Датунга. Энергичный сининский чжэн-тай выслал навстречу отряд численностью человек в 300. Дунгане, взвинченные попутным успехом, разорив несколько городов, вооружившись и стар и мал (мальчики до 10 летнего возраста), энергично шли к Синину. Высланный вперед отряд китайцев был ловко окружен дунганями, которые почти без выстрела заставили сдаться китайских солдат. Все последние были немилосердно перерезаны; в резне упражнялись и самые юные головорезы-мальчишки. Ridley рассказывал свои наблюдения, поясняя картиной кисти местного художника. Дунгане грозной волной понеслись к Синину и обложили его. Обложили также и цитадель. Не проходило дня без резни с той и другой стороны. Энергичный джэн-тай не давал покоя дунганам, производя частые вылазки. Вот во время таких вылазок попадало дунганам, но попадало также и китайцам, в особенности однажды, когда последние увлеклись, а дунгане, устроив засаду, дружно напали. Китайцы поспешно побежали в город, где у ворот произошел беспорядок и давка, наконец, ворота были закрыты. Несчастный хвост китайской колонны весь был жестоко перерезан. Ridley видел эту ужасную картину. Он говорил: «Резали китайцев, как баранов, а мы стояли, будто загипнотизированные; резали, словно луг косили; упражнялись и мальчишки, и старики дунгане. Дунгане старались подкопать ворота, но напрасно их смельчаки один за другим приносили себя в жертву. Обыкновенно 20-летний дунганский воин подбегал к воротам и копал или резал пилой или работал топором. В это время сторожившие китайцы стреляли. Убитого дунганина сменяли поочередно иногда до десяти». Работы миссионеру с ранеными было пропасть. Стрельба не переставала ни днем, ни ночью, за исключением промежутков отдыха или еды. Англичанин со стены наблюдал интересные картины: дунгане, расположившись завтракать у южных ворот, были недовольны, что на них со стены смотрят китайцы и начали ругаться. Пошла ужасная ругань

с обеих сторон. Тем временем, китайцы втихомолку поставили пушку на башню и сделали удачный выстрел по противнику, отступившему на кумиренские высоты. Устав порядком, не видя успеха, не видя возможности взять Синин, дунгане стали меньше стрелять, меньше подступать к осажденному городу, который существовал микроскопическими дозами еды.

Дневник № 3
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Гуй-дэ-тин

30 сентября (1908 г.). Продолжение пути к альпийскому хребту. Мы постепенно поднимались, идя среди культуры — селений и полей. К закату солнца мы достигли дунганско-далдайского селения — Шин-джун, бывшего также разоренным. Здесь стоял в то время небольшой отряд. Дунгане частями работали в окрестности, но большие их отряды стремились к Синину и Гумбуму; и там, и там им приходилось плохо. С одной стороны, оказывали сопротивление китайцы, с другой — ламы и тангуты, также ненавидевшие ху(э)й-ху(э)йев¹⁴⁹ за их грабительство. При вступлении в означенное селение, все его население высыпало в виде зрителей. Наш караван приютился лагерем на ровной площади «тока».

1 октября. Мы выступили с первыми лучами солнца, успевшего позолотить высокие, снегом укрытые вершины хребта, на который мы имели направление. Местность заволновалась луговыми складками, сбегавшими от подножья хребта. Миновали последнюю пристань караванов и путников в узле дорог, направлявшихся в три стороны — в Гуй-дуй, Гумбум и Синин. На этой станции была самая разношерстная толпа, с жадностью поедавшая хлеба, яйца и запивавшая неизменным чаем.

Теперь мы уже вступили в русло, строго направленное по ущелью, ведущему к перевалу. Проводники указали вправо, в юго-западное, соседнее нашему ущелью, куда пошла дорога, приводящая к горячим ключам. О нем нам говорил и англичанин. Горы вообще приближались. Навстречу нам шла масса тангутов веселыми пестрыми богатыми компаниями. Молодежь заливалась веселым, задорным смехом. Старые шли или ехали, нахмурившись, перебирая в руках четки и бубня известную молитву: «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум!». До самого перевала на протяжении почти десяти верст нам видна была змееобразная колонна паломников, местами лишь порванная на более или менее короткие звенья.

Ущелье по мере поднятия вверх становилось круче, каменистее, уже. Рокот реки усилился*. По кустарникам и горным приближенным скатам ютились тангуты — все те же паломники, стремившиеся в Гумбум на праздник и неизбежную при празднике ярмарку. Китайцы из Гуй-дуйя везли мешки груш, иные — посуды для воды, иные — лопаты, лес и прочее.

Самый хребет тянется ровной пилой, с массой скал, особенно богато разбитых во всех поясах — в верхнем, среднем и нижнем того и другого склонов. Крутизна наибольшая в верхней зоне, и вообще перевал Ла-чжи-лин, поднимающийся около 13 000 фут[ов] над морем, можно считать высоким и очень трудным, в особенности на северном склоне, где задерживается снег и лед. Южный

* С той и другой стороны хребта устроены пикеты с десятком солдат, назначение которых сопровождать чиновников, каз[енные] транспорты, корреспонденцию, а при случае и излавливать воров, рыскающих там и сям по горам.

же скат не менее крут, но так как там постоянно сушит солнце — южное солнце, то сухая, пыльная, змеобразная тропинка постепенно возводит, или низводит путника.

На обе стороны сбегает крутые лога, ущелья; там залегают луговые пастбища, а еще ниже, по дну долин — пустые заросли облепихи и других кустов, в недрах которых ютятся многочисленные фазаны Штрауха, сифанские куропатки, крикливые *Pterorh[inus] davidii* и *Trochalopt[eron] elliotii*, а также рыжекрылые дрозды, синицы и мал[енькие] синички [*Leptoroesile sophiae*], рыжебрюхие краснохвостки, дятлы, водяные оляпки и немногие другие. Из зверей наблюдались лишь лисицы, зайцы, да самые мелкие грызуны. В верхнем поясе гор высоко в синеве неба кружились грифы, <слово неразборчиво> и реже всех царственный хищник орел-беркут, гордо пронесившийся вдоль самых высоких вершин.

Южный склон кажется еще более крутым, нежели северный. Здесь горы столпились, чтобы вновь разделиться. Против селения Чан-ху высится гора Гуши-цзай, снятая фотографией, равно [как] и соседняя ей китайская кумирня с западной частью альпийского хребта. Видно, между прочим, и селение Чан-ху, и долина речки, сливающая воды с перевальной в одну общую, стремившуюся к югу. Там виден страшный провал, большое углубление, созданное Желтой рекой, которую обступают обрывы лесса самых затейливых форм. Эти обрывы проникают далеко вглубь соседних, второстепенных ущелий-долин — притоков Хуан-хэ.

Здесь на южном склоне население почти исключительно тангутское, земледельческое. В среднем поясе особенно много населено. Тут же по дну ущелья мельницы, а наверху террас монастыри, издали блестящие белыми стенами, из ряда которых поднимаются ввысь различные атрибуты, характеризующие буддийские храмы.

На левом, возвышенном берегу, у другого монастыря красуется солидный дом местного тангутского князя — Чан-ху. Против него, вблизи в горах отраднo виднелись участки елового леса, росшего по крутизнам. По сведениям, в том лесу из зверей держатся: лисицы, волки, зайцы, кабарга, а из птиц (охотничьих) красные и голубые фазаны.

2 октября. Имея ночлег близ селения Чан-ху, как раз между двумя фотографическими видами, мы выступили еще в темноте с целью осилить сорокаверстный путь до Гуй-дуйя в один переход. И мы его осилили, придя к месту переправы еще до заката солнца. Полютов, накануне отправленный в город, попал туда уже поздно, заботясь о приискании квартиры [для] экспедиции на значительное здесь пребывание.

У встречных путников, везших шерсть или груши, мы беспрестанно спрашивали: «как велико расстояние, отделяющее нас от Гуй-дуйя», который показался только тогда, когда экспедиция вступила в долину Желтой реки. Тут к западу-юго-западу тянулся сплошной лес, преимущественно из тополей, красиво осенявших и прятавших серо-желтые глиняные строения обитателей. Глаз видел оазис, широко раскинувшийся на правом берегу, но до оазиса было еще порядочно и мы едва-едва могли добраться до его соседства. Усталые, мы с радостью расположились на единственной укромной луговой террасе, в соседстве одной

семьи китайца, проживавшего со своей семьей в лессовом тесном жилище. Этот старичок доставил нам дров на топливо и говорил, что летом существует дыня-ми и арбузами, покупаемыми у него проезжими, а зимой, по спадении Хуан-хэ и сокращении дороги, трудом трех дочерей, собирающих дрова и продающих также путникам, которые живут иногда подолгу в ожидании перевоза. Местный гуй-дуйский тин-гуань¹⁵⁰ позаботился о представлении в наше распоряжение кумирни для жилья, и лодок — для переправы нашего многочисленного багажа и животных.

Хуан-хэ катилась быстро по каменистому змеобразному ложу; ее воды довольно прозрачны, и не вмещались в одном русле, а неслись и по боковым рукавам, глубина которых достигала по брюхо лошади.

3 октября. Наш лагерь пробудился рано. На переправе толпилось много народа. По временам долетал до нас шум разнородной массы, нагружавшей плоскодонную ладью-паром или ее разгружавшую. К этой участи и мы подготовились. Солнце между тем поднималось выше и выше. У нашего бивуака начали кружиться запоздалые пролетные коршуны. Украдкой, неслышным полетом, пронеслась и красавица — цапля-чепура *Ardea alba*¹⁵¹, серебристо отливавшая на фоне мертвенно-пожелтевших горных прибрежных скатов.

Наконец к 10-ти часам утра мы у места переправы. Переправа здесь казенная. Суда приобретаются тин-гуанем и сдаются двум партиям перевозчиков — китайской и тангутской, установившим между собою дежурство по неделям: одну неделю перевозят тангуты, другую китайцы, с расчетом по 7 человек на каждую из двух лодок в обыкновенное летнее и ранне-осеннее время и человек по 30 в худшую пору, в особенности, когда приходит туча. Плата, взимаемая за перевоз: 10 чох с человека и 70 чох с головы животного. Половина всего вырученного (350 л[ан]: 2-я часть — 175 л[ан]) поступает тин-гуаню в его распоряжение, другая половина — труженикам.

За невозможностью переправляться в лодках пользуются бурдючными средствами. Бурдюки всегда в ходу на Хуан-хэ выше лодочной переправы, на западной окраине оазиса.

Так как лодки-паромы очень вместительны, наш багаж был погружен сразу и даже часть лошадей. В два же приема мы окончательно переправились на правый берег реки, которая в месте переправы имеет широкое, до половины версты, каменистое русло, но сама река своею главною струей не превышала полутораста сажень. Оттолкнутая ладья отдавалась воле течения и волнам, несшихся стремительным течением вниз с постепенным приближением к противоположному берегу, так как здесь, как и при других переправах, имеется характерная излучина. Перевозчики кричат, работают усиленно гигантскими веслами, поднимаемыми несколькими людьми. На переправах усердно помогают и добровольцы-пассажиры. Приставшая к берегу ладья быстро опорожняется. Первыми выпрыгивает часть перевозчиков, старающаяся за брошенный канат закрепить, удержать ладью. Затем прыгают кони, мулы, бросаются люди со своими манатками. Происходит суматоха, крик, визг, перемешанный с ругательствами, смехом, а то и подзатыльниками или чаще нагайками.

Оба берега запружены народом, среди последнего толкаются продавцы и продавщицы все одних и тех же неизбеж[ных] груш.

На правом берегу мы были встречены чиновниками города и в [их] сопровождении доехали (головною частью) до места стоянки, в кумирню Вю-цзы-мяо (или иначе «Южная морская гостиница» — Нань-хай-дянь), красиво и командующее расположенную на высотах, окаймляющих оазис с юга. Вначале нам была предложена кумирня внутри города, но я уклонился от подобного помещения в городе, где неизбежная толпа все толкалась бы у нас и служила бы помехой и различными мотивами к недоразумениям.

В 1 час дня я прибыл в Вю-цзы-мяо, а в 3 часа — и остальные колонны эшелона. Пошла работа по устройству и приспособлению многочисленных комнат, конур и клетушек. Вообще вся кумирня разделена на две части, каждой из которых заведовал особый старик-«лохан»¹⁵².

Я поместился сначала в большой парадной храмине, где свободно расположился с коллекциями и прочим добром, и где мог уединиться и засесть за писание отчетов в Генеральный штаб и Географическое общество.

Первое время с прихода в Гуй-дуй было тепло, в полдень до +16° в тени, листва на деревьях стояла более, нежели наполовину, хотя в садах груш было не много. Словом, оазис был наряден. В воздухе стояла пыльная дымка. Мы поднялись на вершину и долго любовались всей площадью оазиса, их прилежащими горами, разорванными знаменитой рекой Китая — Хуан-хэ.

Преобладающим людом в Гуй-дуйе были, как и есть всегда, китайцы и тангуты, с присоединением их общей помеси.

По дорожкам оазиса, по лощинам, везде, в особенности по утрам и вечерам, копошились женщины (всюду носительницы тяжелого труда), собиравшие упавшие листья с деревьев, заготавливая последние для топлива. Рядом с листвою они подбирали и навоз животных, отчего оазис выглядел очень чистым, прибранным.

Через оазис, в виду нашей кумирни, периодически проходили большие или меньшие караваны тангутов, направлявшихся то в Лавран и Рарча-гомба, то в Гуй-дуй и далее к Синину.

Немного устроившись, я с помощниками съездил с визитами к местным двум начальникам: тин-гуаню и сэ-таю (военному). Оба они были весьма любезными и предупредительными чиновниками. Видно было, что Синин им предписал должным образом.

5 октября. У меня произошел неожиданный праздник — прием китайских представителей. И молодой, и старик (военный) были очень милы, в особенности, когда отведали предложенных им коньяку и «доморощенной» водочки. В свое время им были посланы подарки (одному бол[ьшой] игральный инструмент, другому, военному — бинокль). Теперь они благодарили, покуривая наши сигарки. Военный говорил о том, что знает русских путешественников, двух братьев «Голо-Моло», при дальнейших расспросах выяснилось, что Голо-Моло — никто иные, как братья Грумм-Гржимайло, о которых сэ-тай (тогда в Да-тунге) отзывался отлично.

Мы скоро вошли в колею, и каждый принялся за свое дело. Я разнообразил времяпрепровождение. Встав к 7 часам утра, я производил наблюдения по метеорологии, затем, выпив чаю, отправился совершать утреннюю прогулку, знакомясь с оазисом. Затем с 9-ти часов я уже сидел за работой — писанием,

чтением, печатанием фотографий и прочим. Капитальной работой считал отчет за второй период путешествия — кукунорский. Среди дела писались и письма частного характера.

Препараторы систематически ежедневно экскурсировали по оазису в надежде стрелять птичек, пополнять коллекцию. Однако нового в этом отношении было мало: формы птичек, б[ольшей] ч[астью], попадались те же, что уже у нас были.

Кусты сирени еще продолжали цвести или сохранили цветы. Особенно отрадны они были в загородках внутренних дворов нашей кумирни, что доказывают фотографические снимки П[этра] Я[ковлевича] [Напалкова].

К 12 часам дня, или в 11–12, мы обыкновенно завтракали, в 1–2 часа пили чай, а в 5 часов дня исправно обедали. Продукты здесь ни дешевы, ни дороги. Дешевы были вначале только местные груши, которые мы уничтожали, пока не надоели, в баснословном количестве. Селяки люди славные — во время встречи старались непременно угостить фруктами.

7–10 октября. Дни по-прежнему проходят однообразно и сравнительно скоро. Осень постепенно надвигается. Каждый крепкий ветер, чаще северо-восточный, сбрасывает листья с тополей, и их усердно собирают в корзины и относят домой.

Селяки больше и больше привыкают к нам, не сторонятся, не чуждаются нас. Начали приходить лечиться и чем дальше, тем больше. Здесь больше всего страдают глазами, ушами, спиной и оконечностями. Вскоре наше жилье систематически стало посещаться больными, и мы в шутку называли Четыркина «доктор»: «доктор принимает больных», «у нашего доктора прием» и прочее. Имеются фотографические снимки.

Туземцев, иногда приходивших помолиться, удерживало простое любопытство — посмотреть русских. Многие, как передавали нам, приходили под видом молиться, смотреть, как диковинку, иностранных путешественников. Недаром же гуй-дуйцам перед тем предсказал большой, окрест живущий геген, что предстоящий, 1909-й год будет благоприятным и урожайным в том лишь случае, если в Гуй-дуй приедет с севера «большой человек». В нашем приходе местные обитатели увидели исполнение предсказанного перерожденцем. Это усиливало к нам народные симпатии.

По этому поводу тин-гуань даже благодарил меня, что он ничего другого, как только одобрительное пишет в своих донесениях об экспедиции сининскому цин-цайю, по временам спрашивающему о нас. «Я, — говорит тин-гуань, — созвал старших селяков и спрашиваю их по поводу вашего здесь пребывания, как они смотрят на русских. Старшины, не колеблясь, ответили: “Русские нам только полезны, а никак не вредны!”». Это мнение всех тех, кто хоть немного видел или сталкивался с русскими.

Конечно, туземцы вскоре начали говорить про нас, как про очень богатых людей, много поедающих мяса и хлеба. Действительно, туземцы правы, приводя к нам через день большого, жирного барана. Все добытое путем охоты — фазаны, а в другое время утки, гуси и прочее, в счет не шли.

Одинаково, с доверием относились к нам не только китайцы, но и тангуты, как ближние, так и сравнительно отдаленные, живущие в окрестностях. И те,

и другие вскоре стали доставлять нам в продажу кроме продовольствия, дрова и фураж для наших двух лошадей.

По временам мы поднимались на свою горку и оттуда любовались широким видом: на долину Хуан-хэ и на окрестные горы, гребешки которых стали серебриться снегом. Листопад еще более усилился, за исключением ив, на которых еще шапками темнела летняя одежда. Тем не менее, Хуан-хэ все более и более открывалась своею светлою змееобразною лентой.

Наше помещение стало осаждаться просителями видеть и слушать русскую музыку — граммофон, слава о котором пронеслась, словно по телеграфу. Первыми видели и слышали чиновники, приезжавшие со свитой, а ведь эта последняя что биржа. Приходили слушать граммофон большими компаниями, в несколько семейств с детьми. Этим слушателям нравилась музыка несколько [более] возвышенная, нежели монголам. Гуй-дуйцы более развиты и культурны. Забавно видеть, и в душе покатываешься со смеху, как сердобольные кумушки, держащие на руках детей, по окончании действия граммофона, смиренно складывали на груди руки и кланялись граммофону, словно какому божеству.

Надо заметить, что местные китайцы, живя рука об руку с буддистами-тангутами, в большинстве случаев, исповедуют буддийскую религию. Перед моими глазами в занятую нами кумирню проходило много китайцев всяких положений и возрастов. Заглядывали сюда также и тангуты-ламы с тою же целью, как равно китайцы, сопровождавшие когда-либо меня в окрестные буддийские монастыри, при входе в эти храмы, всегда почтительно подходили к божествам и молились.

Теперь скажем о Гуй-дуйе вообще.

Гуй-дуй состоит из города, очень маленького, обнесенного глинобитными стенами, за которыми укрываются ямыни или небольшое количество купцов и ремесленников. Главный же базар сосредоточен вне города, где протянулось несколько торговых улиц, часто кишаших народом: китайцами — торговцами и обитателями, и пришлым людом — тангутами. Этот пункт, подобно Донгэру, меновой. Номады везут сюда шерсть, масло, пригоняют скот. Взамен этого покупают у китайцев хлеб (зерном на дзамбу и муку), чай, материи и все, все необходимое в кочевом обиходе туземцев.

Проезжие тангуты платят с головы животного за пребывание в городе 70 монет (чох).

Теперь сами китайцы за свои лавки, за право торговли вносят ежегодно в местный ямынь 7—8 лан — самые крупные торговцы, 1—3 лана — средней руки и ничего не платят те торговцы, которые торгуют вручную или, по-нашему, на лотках, в походной лавочке.

Название «Гуй-дуй» китайское. Тангуты же его называют «Чика» (собака). К городу примыкает вплотную оазис, который двумя речками — западной Дун-че-гоу (тангутское — Дун-че-лун) и восточной Лан-дю-гоу (тангутское — Лан-дю-лун) — делится на три части: восточную, среднюю и западную. Первая и последняя вытянуты вдоль левого и правого берегов, которые узки и длинны, убегают вглубь ущелий. Основная часть: город и прилежащий к Вю-цзы-мяо оазис, представляют неправильный квадрат, стороны которого простираются до двух верст. В середине оазиса ютятся преимущественно китайцы, на окраинах,

ближе к горам — тангуты, занимающиеся также земледелием и отчасти (большей или меньшей) скотоводством.

Коренного китайского населения в Гуй-дуйе насчитывают 7–8 тысяч душ обою пола; тангуты же представляют собою 5–6-ю часть китайцев: 1,5–2 тысячи человек. После восст[ания] дунган, дунгане здесь не селятся, кроме лишь двух случайных семей (одна — земледельцы, другая — торговцы).

Эти оседлые обитатели живут с китайцами довольно дружно, иногда вступая между собою в родственную связь. Китайцы свободно говорят по-тангутски, последние знакомы с китайским языком, но лишь живущие в большом соприкосновении с китайцами; прочие почти незнакомы и не говорят ни слова. Тангуты — и мужчины, и женщины не прочь выпить китайской водки (ханшин), которая, следует отметить, играет видную роль в торговле вообще и в прочих всех делах в частности.

Гуй-дуйскими тангутами ведают тангутский старшина Чан-ху, у которого имеется четыре помощника — бэй-ху. Китайцы платят с количества земли натурою — зерном. Тангуты отбывают повинности тем, что по первому требованию китайских чиновников являются с должным количеством подвод для передвижения их в желаемом направлении, от места до места.

Глинобитные китайские фанзы то разбросаны в одиночку, то сгруппированы по нескольку штук и обнесены стеною, вроде крепостцы. К их деревням, домам-фермам прилегают огороды и поля. Первые засеиваются луком, редькой, морковью, горохом, капустой, картофелем, бобами; не редкость встретить дыни и арбузы, а также и цветники. Стали встречаться огурцы и все чаще и чаще картофель. Поля гуй-дуйцев засеиваются пшеницей, ячменем (двух сортов), горохом, также двойного качества, просом и прочим. Маку (на опиум) отводится немалое место.

Земля у китайцев очень дорога. Му — 1/16 часть нашей десятины — стоит 10–12 лан серебра. Богатые располагают участками земли в 120 му, средние достатком — 80 (чаще же 40–60) му и бедняки 8–10 му. Безземельные китайцы не в почете. Китаец вообще, говорит, любит землю, холит и нежит ее, поля возделывает словно картинку; короче, он землю символизирует. Здесь развита система орошения. Для поливки земли существует целый ряд канав и канавок, умело проводимых китайцами — из двух, упомянутых выше речек, впадающих в Хуан-хэ.

На этих же быстрых, светлых струях устроено много мельниц, протянувшихся по окраинам оазиса.

Китайцы платят с каждой му одну меру или, точнее, с 2-х му — одну посудину (шин¹⁵³) зерна, что выходит в среднем 10–11 фунтов.

Гуй-дуй славится грушами (трех сортов): тьян-ли, дунчо-ли и вуар-ли. Тьян-ли — длинные, крепкие, сахаристые, тяжелы для желудка; дунчо-ли морозят впрок и вуар-ли — высший, любимый сорт — очень сочные. И зажиточные, и средние, и бедняки имеют у себя эти плодовые деревья. Для богатого доход исчисляется в 35 лан, для среднего обывателя на половину меньше, а бедняку на 1/4–1/5 ч[асть] того, чем располагает средний крестьянин. Караулят сады бобыли за плату 8–9 цин лан (1 рубль 20 копеек — 1 рубль 50 копеек) в месяц. Стоимость груш по качеству и времени исчисляется в 2 или 4 цина — (50–80 копеек)

за сотню. Сбывают груши обыкновенно в Синин или Гумбум, а иногда, как, например нынче, возят и в Лань-чжоу-фу, где этих плодов большой недород и где они поэтому в цене.

Гуй-дуйцы держат из скота: лошадей, мулов, ослов, коров, овец и яманов. Куры — достояние каждого поселянина. Многие любители имеют голубей, в городе — свиней. Собаки держатся на привязи, злые сторожа дома, имущества.

Китайцы нередко возделывают землю с шестой части труда, с шестого снопа¹⁵⁴. Урожай в Гуй-дуйе считается отличный сам-12¹⁵⁵; средний — сам-8 и так далее.

Мужчины крайне ленивы, женщины, наоборот, замечательно трудолюбивы, здесь они не уродуют ног; вероятно, местные китайцы смотрят на женщину более реально с практической стороны, а не как прочие — с поэтической: «Ножка женщины, словно золотая лилия». Одеваются местные обитатели, в общем, скромно, по-сельски. Преобладающий цвет одежд у обоего пола синий; женщины иногда, даже часто, имеют короткую красную курму, шитую на вате, и синюю тонкую — всегда длинную. Когда синяя длинная одевается на красную ватную, женщина выглядит короткой, толстой, неуклюжей. Штаны шьются щеголихами из материи фиолетовой окраски; поверх летних штанов надеваются широкие, черные с тесменной отделкой по низу. Походка гуй-дуйек частая, мелкая; держатся женщины грациозно. Замечу два слова об обуви. Гуй-дуйские китайки, имея обыкновенные здоровые ноги, кокетства ради, к обуви подбивают на дно подошвы второстепенную, маленькую, чтобы в ее изящном следе видели напоминание о «золотой лилии»¹⁵⁶.

Среди молодых женщин и девушек нередко симпатичные физиономии. Они очень приветливы и, как женщины вообще, не прочь при встрече поболтать и вежливо ответить на приветствие. Детей у местных китайцев много; детишки одеты легко; удивляешься, как они не мерзнут.

Мужья любят, когда их жены наряжаются, и ревниво их оберегают от поползновения посторонних. В случаях крайних обид женщины бросаются в Хуан-хэ, чаще из-за романтических интрижек. Хотя случается и так: например, однажды молоденькая, только что вышедшая замуж женщина шла, летом, вдоль поля, засеянного бобами. Не видя посторонних, она искусилась ими и, набрав в мал[енькую] корзиночку этих овощей, направилась домой, как вдруг сзади раздался голос мужчины: «Стой, воровка, как тебе не стыдно похищать бобы, ты ведь не маленькая — замужняя, тебе уже совестно этим заниматься!». В заключение подкарауливший хозяин бобов ударил молоденькую женщину по лицу. Та ужасно обиделась и, придя домой, выбросила злосчастные бобы, а сама неизвестно куда скрылась. Есть предположение, что она сильно обиделась и с горькой печали бросилась в Хуан-хэ. Виножник содержится под стражей. К нему предъявлен [иск] о разыскании бедной женщины и о доставлении ее в дом родных мужа, которых она оставила.

Гуй-дуйцы вообще народ скорее угрюмый, нежели веселый. Песня поселянина раздается крайне редко. Скорее ее услышишь на устах молодежи, в особенности вечерней порою, когда она возвращается к дому. Говорят, что поют не от веселья или желания петь, а с целью лишь поразвлечь себя, свое одиночество среди темноты — короче, чтобы удалить страх. Песенка местных гуй-дуйцев,

как и сининцев вообще, весьма приятная и в большинстве случаев выводится на тонких высоких нотах.

Единственным развлечением в Гуй-дуйе служат осенний праздник и зимнее торжество Нового года. Осенний в наше время пришелся на последнюю треть октября. Из Синина приезжала странствующая труппа артистов, и в течение нескольких дней шло непрерывное представление. Театр помещается рядом с главной кумирней, в одном общем дворе. Мы были приглашены на праздник и могли видеть чуть не всех гуй-дуйцев в сборе, в праздничном нарядном виде. Для нас любезные власти города отвели одну из лучших лож, откуда нам открывался хороший вид как на сцену, так равно и на толпу. Было особенно много женщин и детей. Зрители занимали всю внутр[енность] двора и все сплошь плоские кровли. Народ приходил и уходил восвояси. Среди толпы сновали продавцы с оладьями, грушами и арбузными семечками. Музыка монотонно гудела и скрипела. Многие подвергались дремоте, а то и просто всхрапывали. Среди зрительниц — местных франтих выдавалось два семейства: китайское и тангутское. Первое, принадлежащее к культ[урному] богатому классу — «золотые лилии» нарядные и слегка нарумяненные; второе — княжеское семейство, дородная мать и три красавицы-сестрицы — шеголевато и оригинально одетые. Мне особенно нравятся пестрые одежды и их ленты, богато убранные, которые спускаются по спине.

Солнечная погода, тихая, теплая, усиливала прелесть праздника. К тому же, когда мы стали чувствовать голод, нам была предложена тут же в ложе закуска, а внизу, когда мы, осмотрев кумирню и внеся ей мзду — серебра, направились было к толпе, нас встретили власти и усадили кушать, заметив, что в толпе стоять нам не подобает. К тому же тогда и все китайские чиновники обязаны будут стоять, раз я стою. Когда мы разговаривали, все чиновники почтительно стояли перед одним столом, а тун-лин — перед другим, упрашивая меня сделать им честь — вместе со всеми моими спутниками откусать. Столы были аппетитно уставлены, и мы не заставили себя долго просить — уселись. Масса взоров, конечно, была устремлена в нашу сторону, но мы не смущались и ели с удовольствием, за исключением нашего Сержа, все еще не привыкшего к китайской стряпне и вкусу.

Отблагодарив за гостеприимство, мы уехали домой. Через несколько дней, перед моим отъездом в Синин, Гумбум и Чойбзэн, я получил новое приглашение к тин-гуаню на театр, его зрелище, а затем в его дом отобедать. Симпатичный хозяин дома держал себя здесь еще более симпатично, нежели по отношению к городу. Он угостил нас всем, чем только мог. Жирная свинина, приходившаяся нам не по вкусу, хотя и была приготовлена и даже неслась к столу, но предусмотрительный хозяин повернул ее обратно, дабы не смущала наши дальнейшие аппетиты. Обед проходил со всеми китайскими церемониями, с массой блюд.

Милиционеры Гуй-дуйя в числе 3600 человек обязаны встать на защиту родного города при первом к тому требовании. Они вооружены, но в мирное время живут, отправляя свои домашние дела, за исключением текущих обязанностей при ямынях, где постоянно находится 26 человек (по 13 на каждое управление). Эти 26 человек несут службу на протяжении 10 дней, после чего приходит новая смена.

В протяжении октября месяца гуй-дуйцы старались напоить свои пашни последнюю водою, строго распределяя на всех обитателей, на их поля. И в этих

работах принимали видное участие женщины. На рассвете дня, с орудием копания земли, женский голос уже слышен там и сям.

От времени до времени мы также видели картины похорон и слышали громкий плач и причитание. И здесь, как и в других местах Китая, могилы китайцев устроены на их полях, в углах, где обыкновенно потом произрастает колючий кустарник — хармык. Мне было странно, просматривая описания Гуй-дуйя, не находить в них заметок о тангутских монастырях. О них не упоминают ни Н.М. Пржевальский, ни Потанин, никто другой. А между тем, монастырей здесь достаточно и такие, как, например, Гомба-сы или отлично виднеющийся издали на прот[ивоположном] левом берегу Хуан-хэ, Хурдэ-сы (родина современного перерожденца, первого, старшего в Гумбуме, Ачжа-гегена) — имеющие свои истории. Гомба-сы расположен в юго-западной части оазиса, в восточной линии. Его храмы очень нарядны и украшены многими интересными тибетскими бурханами*. Общее число лам простирается до 235 человек. Во главе их стоит геген Гыпсэч-тосю-ринпоче. Тангуты называют этот монастырь «Одю-гомба». Он построен во времена пятого Далай-ламы, то есть сто лет тому назад. Название части оазиса и прилегающей горы — Вар-дун. Выстроен монастырь на средства первого гегена, вокруг которого вначале собралась лишь маленькая община, с течением времени достигшая означенной цифры. По мере нашего пребывания в Гуй-дуйе, однообразного течения времени, осень переходила в зиму. Листва опала, оазис оголился, северо-восточный ветер чаще и чаще стал взбудораживать лессовую пыль и ею омрачать воздух, а на оазис налагать полную мертвечину. Все живое стало прятаться по углам, по конурам. Днями иногда никого не видно. Однако и среди осенних и даже зимних месяцев, в тихое, ясное состояние дня, воздух солнцем согревается настолько, что лед на ручьях тает, около глиняных стен тепло и слышно жужжание пролетавших мух и прочих. В такие проблески все двери домов гуй-дуйцев открыты на солнце и обитатели их, усевшись подле пригретых стен, составляют компании, и за работой мирно беседуют, в особенности женщины и неизбежные компании ребят.

В летнее время Гуй-дуй должен быть особенно привлекателен**. Ведь огромное, целое, изумрудное, свежее, густое покоится среди серо-желтого лессового пейзажа, накаляемого здешним горячим солнцем. Оденутся поля, зашелестят тополя и садовые деревья, зарокочут многочисленные арыки, а сколько здесь тогда в гущине укроется пернатых, свободно проводящих брачное время.

В осенне-зимнее время, повторяю, оазис мертв, мрачен, грязен, оголен; тем не менее, список пернатых довольно значительный. Вот он: три представителя царственных пернатых — бородатый ягнятник (*Gypaetus barbatus*), гриф-монах (*Vultur monachus*), гриф гималайский (*Gyps himalayensis*). В ясное, синее-прозрачное состояние неба, в вышине гордо и плавно носятся эти хищники-санитары. Только мучимые голодом они спускаются к жилищам оазиса и пролетают дозором у мест заклания животных. К вечеру они непременно улетают

* Патрон [покровитель] храма «Бол[ьшой] бурх[ан]» снят стереоскоп[ом].

** Традиционное место остановок тангутских и нголокских караванов это обширный луг Муджик-чю, где нголоки и прочие тангуты набегают своих лошадей перед продажей в городе.

в скалы, с которыми никогда не расстается более изящный, гордый в полете, орел — беркут. По оазису, чаще на окраине, проносится стрелой, сокол типа [*Falco cherrug*] *hendersoni*, два вида ястребов — тетереватник и перепелятник (*Astur palumbarius*), первый из которых сторожит в садовой растительности фазанов или голубей, второй — схватывает более мелких птишек — воробьев и им подобных. По вечерам, да и ночью, подле обрывов или высоких стен раздается гуканье филина, которому нередко зловеще вторит серенький сычик (*Athene*).

Подле нашего дома всегда держатся домашние санитары: черный ворон (*Corvus corax*), черная ворона (*Corone corone*), две галочки и (*Monedula monedula*, *M[onedula] daurica*), сорока (*Pica [pica] bottanensis*), в ближайших горах, порою, появляется клушица-грион (*Graculus graculus*), звонко кричащая на окрестность. По оазису, его деревьям, там и сям держатся голубые сороки (*Cyanistes*) (*Cyanopolius cyanus*), по стволам деревьев всегда и везде присутствует мандаринский дятел (*Picus mandarinus*.) В садах вообще замечены удод-пустошка (*Upupa epops*), овсянка (*Emberiza godlewskii*), в гущах береговых зарослей Хуан-хэ много раз наблюдались: кам[ышовые] стренатки, фруктоеды (*Caprodacus rubicilloides*, *C[arpodacus] stoliczkae*), *Pterorhinus davidii*, синицы — *Leptopoeile sophiae*, *Poecile* sp., *Acredula vinacea*; всюду по оазису — шумела в сухой листве, сбившейся у крон синица малая (*Parus minor*), розокрылый выюрок (*Phodospiza obsoleta*), к которому можно прибавить монгольского выюрка (*Erythrospiza mongolica*), ютящегося по окраинам, *Rhopophilus pekinensis*, завирушку (*Spermolegus fulvescens*), поползня (*Certhia [familiaris bianchii]*), рыжебрюхую краснохвостку (*Ruticilla erythrogastra*), рыжегорлого дрозда (*Turdus ruficollis*); кроме того Гуй-дуйю свойственны: полевой и каменный воробьи (*Passer montannus*, *Petronia petronia*); первый живет соседом с человеком, второй по холмам и обрывам, там, где встречается, правда, редко краснокрылый стенолаз (*Tichodroma muraria*). Из жаворонков отмечены: *Otocorys elwesi elwesi*, хохлатый (*Galerida cristata*) и великан (*Melanocorypha maxima*). По лугу, на муджике, водяная оляпка (*Cinclus cashmeriensis*), шеврица (*Anthus sp[inoletta] [blackistoni]*), дупель-отшельник (*Scolopax* sp.), водяной пастушок (*Rallus aquaticus*). По галечному ложу серый кулик-серпоклюв (*Ibidorrhynchus struthersi*).

Из плавающих зимуют: стайка (3–5) серых гусей, турпанов, утка-пеганка (*Tadorna cornuta*), а из крупных голенастых: цапля белая (одиночка). К первым прибавляется крохаль большой (любитель быстрых незамерзающих речек), да еще обыкновенные, может быть кряковые утки (*Anas boschas*). В заключение: фазаны, кэкаэлики, и куропатки (*Perdix barbata*, *P[erdix] sifanica*) и каменный голубь (*Columba gupestris*). Из зверей в окрестности Гуй-дуйя держатся: волки, лисицы, зайцы, в предгорьях добыта горная пищуха *Lag[omys] rutilus*, а по кустарным зарослям долины Хуан-хэ — средней величины — долинная. В пополнение этого бедного списка может служить домовая мышь, изловленная в наших помещениях, в количестве двух (в спирту) экземпляров.

Для успешного пополнения зоологической коллекции в Гуй-дуйе, помимо ежедневных экскурсий, производимых препараторами систематически, мною снаряжались поездки и в окрестности Гуй-дуйя, до горы Джахар включительно. Первая такая поездка (Четыркин и оба препаратора) продолжалась несколько дней. Охоты в крутой труднодоступной горе Джахар были счастливы: Мадаев

убил пару рысей, все вместе несколько птичек, из которых наиболее интересные оказались *Accentor [collaris] erythr[opygius]*, *Capodacus dubius* и *Cinclus sordidus*. Местные обитатели, придорожные тангуты, на пути туда и обратно относились к моим спутникам предупредительно и учтиво. Один тангутский тусы¹⁵⁷ даже приглашал к себе в гости. Это симпатичное распоряжение тина. Дни в самой экспедиции в Гуй-дуйе идут обычным чередом. Пишем, читаем, экскурсируем. Снимаем фотографические снимки. Самое высшее наслаждение — получение почты. Тогда на несколько дней члены экспедиции оживают, шумно, радостно беседуют, беседуют о родине — пробегают с напряжением газеты, стараясь найти в них новую на родине жизнь — тихую, спокойную, дающую материал прогрессу во всех отношениях. Но надежды наши видеть успокоение еще не сбываются — отбрасываешь в сторону газеты, словно не уезжал из России, словно только вчера был там и пробегал утренние телеграммы.

По вечерам толкуем о предстоящей нашей деятельности, в предстоящем Новом году. А как мне жаль местной прекрасной осени! С какой бы великой пользой мы ее провели бы, если бы не было совсем «далайского» вопроса!¹⁵⁸ Пришлось в силу этого обстоятельства остановиться прежде времени, не забываясь вглубь. Если бы это был Кам или Сычуань, страны богатые и интересные не только с естественноисторической стороны, но и со стороны главного представителя — человека!

Пополнение заметок здесь идет туго, вяло. Изредка лишь объявляется к нам экспедиционный поставщик бурханов, доставляющий [их] периодически с конца минувшего лета с Донгэра. Видимо, этот переторгаш-китаец имеет знакомство с дунганями, которые до сей поры, втихомолку, продолжают выпускать «из-под полы» награбленное при разорении буддийских монастырей.

Гуй-дуй же в отношении пополнений этнографических сборов оказался нулем, если не считать случайных приобретений нескольких экземпляров тибетских книг, гау, колец и прочих безделушек.

К концу октября отчеты и письма были готовы, и я стал собираться в Гумбум, Синин и Чойбзэн. Местные чиновники внимательно навестили меня и помогли в найме животных и даче хорошего проводника. Наш багаж был громоздкий: пришлось свезти подарки Далай-ламе и пока сдать их его людям. Письма, всю корреспонденцию, я захватил с собой, чтобы выдать ее в Синине лично цин-цаю, которому вручу и портрет его.

2 ноября. В 9 часов утра я оставил бивуак. Мне сопутствовали урядник Полютов и переводчик из ямыня. Мы старой дорогой ходко подвигались вперед. Забыл сказать о переправе, где нас ожидала лодка и где один полисмен безжалостно стал было наносить удары женщине, направляющейся с транспортом груш в Гумбум. Пришлось вступиться, обуздать ревнителя порядка и восстановить нравственное равновесие. Зрители были довольны. Путь до Гумбума мы выполнили прекрасно, имея по дороге ночевку в гостеприимном доме Чан-ху.

Перевал представил некоторые затруднения в движении, в особенности на северном склоне*, замерзшем, обледенелом. Животные падали, разбивались

* На южном же, откуда стремится речка Ча-жа, дорога, хотя и каменистая, но сухая, пыльная.

в кровь. Многие вьюки путники тащили на себе. Дорога, как и прежде, была оживлена пешими и конными, но уже не было многочисленных паломников.

Среди птиц на перевале отмечены: белоспинные голуби (*Columba leucopota*), завирушки (*Accentor collaris erythropygius*), и там и сям, в вышине, царственные пернатые всех трех родов.

4 ноября. Под вечер я вступил в Гумбум* с новой для меня, юго-восточной стороны. Мы обгоняли на своем пути много туземцев, направлявшихся в монастырь или [на] его базар. Вступив в Гумбум, мы поражались многолюдством. Оказывается, здесь был период праздника — один из больших дней памяти Цзонхавы. Во всех храмах шла служба с утра до позднего вечера. И ламы, и миряне толпились всюду по торговой улице монастыря; центром торговых частей можно было считать субурган <...>. Вверх и вниз от него вдоль дорог, и [по] прилежащим скатам располагались торговцы. Были даже жонглеры из-под Пекина, искусно прыгавшие через пояс, унизанный массивными ножами. К довершению был ручной медведь. Рядом стоял экипаж — нечто вроде локомобиля, который будучи пущен в ход, своими внутренними машинами производил дикую, громкую музыку. Самая разношерстная публика обступала зрелища, давила друг друга, стараясь протиснуться ближе. Бедный скупой народ бросал китайские чохи. Действующие лица зазывали публику.

5 ноября. Самое торжественное время праздника в Гумбуме происходило вечером, когда по знаку сигнальной трубы Гумбум покрылся звуками труб и раковин, которым слабо вторили тысячи лам, выстроившихся на возвышениях главных и второстепенных (домашних) храмов. Особенный эффект Гумбуму придали тысячи огней вдоль порталов храмов и, так как Гумбум построен по скату гор амфитеатром, то огни красиво возвышались стройными многочисленными линиями. К 8-ми — 9 часам все смолкло. Так, наружно был отпразднован день перехода реформатора буддизма в бессмертие.

Два с лишком дня, проведенные мною в Гумбуме, прошли самым незаметным образом, в крайнем разнообразии. Я жил в монастырском подворье Чжан-гегена, который, по-прежнему, отсутствовал в походе по северной Монголии, в Да-курэ. Много времени у меня ушло на различные переговоры с чиновниками Далай-ламы и сдачей, временной, им драгоценностей (высоких подарков).

Настоятель монастыря Гумбума Ачжа-геген уклонялся от знакомства со мною. Он, по болезни, проживал в горах, на прозрачном источнике. Гумбумская же вода производила на его желудок удручающее действие, отчего перерожденец заболел, расстроился нервами и потому удалился в горы. Моя попытка завязать сношение посылкой нарядной парчи не имела успеха. До сих пор сожалею, что скормил японофилу хороший, ценный подарок (даром). Этот святитель, как некогда богдо-геген в Урге, жил и рассчит[ывал] жить в большой вражде с Далай-ламой. Мотивы к вражде одни и те же. Говорят, отношения так обострялись, что все сининские власти являлись примирителями, но ненадолго. В одной берлоге двум медведям тесно. Престиж местного гегена падает, его омрачает или убивает

* У восточного подножья холмов, за которыми расположен Гумбум (в долине речки Нань-чан-гоу), стоит захудалый городишко Нань-чан-ин.

свет Далай-ламы. Казна последнего богатеет неимоверно, в ущерб денежным интересам местного монастыря.

Урывками, в утреннее ясное состояние дня, я доснял фотографические снимки, вышедшие на редкость прекрасными, в особенности те два, верхний и следующий, то есть на храм-мон[астырь] Чжюба-догын и на скопление храмов, в центре которых «Золотой субурган»¹⁵⁹; впрочем и другие снимки: субурган и красный храм (с юго-востока), не оставляют желать лучшего.

Между прочим, в Гумбуме я встретил много цайдамских монголов, моих прежних знакомых, были даже и те, которые служили нам в ролях проводников или охранителей наших верблюдов. Говорят, что цайдамцы отлично помнят многих из нас, берегут станцию и надеются на мой непременно приход в их край. Попадались на глаза также и монголы Курлык-бэйсэ, сообщившие мне, что их молодой князь был на пути в Пекин, но по дороге (около Куку-нора) с ним случилось большое несчастье — умерла жена. Он остановился в нерешительности, что делать дальше.

Но что особенно курьезно и интересно в Гумбуме — это встреченные мною там молодые буряты, беглецы, упорно, в особенности вначале, скрывавшие свои места жит[ельства], но потом проговорились моим спутникам. Эти наблюдения не первые. Такие проходимцы, бегущие от военной службы, проникают и в центр Тибета — Лхасу, по крайней мере, в мое минувшее путешествие было наблюденно несколько случаев. Буряты заходили на нашу метеорологическую станцию и моим людям открывали свое incognito.

6 ноября. Ранним утром я в пути к Синину по знакомой, крайне оживленной дороге, тянувшейся вдоль речки, наз[ывающейся] вверху Моша-гоу-ся, а внизу, у Сининского моста, преображ[енной] в Нань-чан-гоу. В 10 часов показался и самый Синин, а через полчаса я уже был встречен любезным Mr. Ridley, которому я дал слово воспользоваться его приютом, его гостеприимством. С семьей миссионера я встретился, словно с родными, и никогда не забуду их культурных, лучших знаков внимания и их предупредительности как сининцев.

7 ноября. Я отправился совершать визиты. Все власти были любезны отменным образом. Лично цин-цайю я вручил и почту. С этим сановником пришлось вновь говорить о Сычуани. Он удивил меня, что получил бумагу из Пекина о том, что наше русское посольство уведомило цзунли-ямынь, что путешественник Козлов не будет стремиться туда, куда сининцы находят неудобным и небезопасным [под]полковнику Козлову.

8 ноября. Я направился в монастырь Чойбзэн. Утро морозное, ясное, со свежим пронизывающим ветром в долине Синин-хэ (у моста шла шуга) и тихим состоянием в долине реки шин-ченской, вдоль правого берега которой нам много попадалось встречных телег, нагруженных каменным углем, добыв[аемым] в окрестных горах. Дорога была удивительно пыльна, над нею стояло целое облако лессового осадка, падавшего на проезжих.

Переночевав в Шин-чене, на другое утро мы прошли через шин-ченский мост, под которым клубились прозрачные стремительные волны, отбрасывавшие по сторонам льдины, с грохотом наслаивавшие ледяные забереги. Далее, в холодной топи, лежавшей в ущелье гор Лоэ-шань, мы мерзли, и в то же время любовались живописным гребнем этих гор, где картинно, недосыгаемо при-

ютился целый ряд китайских кумирен. Весь северо-западный скат Лоэ-шаня убран древесной растительностью, среди которой стоят в виде отдельностей скалы, придающие горам — ущелью еще более очаровательный вид.

Наше ущелье теснилось к востоку. Животные по холодку подвигались успешно. Красивые виды гор и селений среди них развлекали нас. Фазаны кормились табунками, красные самцы эффектно блестили своими перьями на солнце. Маленькие пташки лили свои голоса по всему ущелью. Каменные голуби толпились сотенными стаями по скалам, освещенным солнцем, рядом с селениями. Вверху гордо пролетали грифы и красавец орел-беркут. Полет этого хищника на меня всегда производил особенное впечатление, я следил за ним до тех пор, пока он не скроется из глаз.

У перевала мы встретили нарядную молодую парочку тангутов, ламу и девушку, паломничающую в один из ближайших монастырей. Остановившись минут на пять, мы познакомились с ними. Меня заинтересовало оригинальное гау, которое лама вывез из нголокской земли. К сожалению, лама неохотно шел на торговую сделку, да и денег у меня при себе, в кармане не было. Они (слитки серебра) везлись всегда во व्यюке.

Еще полчаса и мы на перевале, откуда открылись чойбзэнские холмы с еловым лесом. Внизу, в долине мы были встречены ламами, прослышавшими о нас. Встречные ламы сошли с коней и вручили мне приветственные хадаки, а затем, сказали, что они были посланы в Шин-чен и далее, но встретили неожиданно у самого монастыря. Затем они поскакали вперед доложить о нас Чойбзэн-хутухту. Еще полчаса и мы там, в кумирне, среди обширного монастыря, приютившегося на дне долинки, обставленной, словно кольцом, холмами, с прорывом лишь для входа.

Целая шеренга лам стояла в виде почетной встречи при нашем въезде во внутренность двора. Мы вошли в прекрасное уютное помещение и скоро в нем устроились по-домашнему. Здесь были столы с яствами и питьями. Немного подкрепившись, я отправился к гегену, в его покои — новые, отстроенные, имеющие сообщение с садом, устроенным по-европейски: с беседкой, горкой и растениями. Геген радушно меня встретил и принял в своих жилых комнатах, а не в кумирне или официальной приемной. Перерожденец постарел, стал тучным. Лицо было оживлено умными глазами, голос при смехе звонко звучал. Много и много было у нас разговоров за чаем и сладостями. Затем мне были показаны все помещ[ения], отделанные с большим вкусом. Небольшие, но уютные комнаты все были обставлены бурханами, хурдэ, гау. В одной нише красовалась русская олеография «Коронование Императора Николая II». Это обстоятельство меня умилило.

С этого первого дня я стал «дорогим» гостем, по выражению самого гегена. Каждый из четырех дней, проведенных здесь, я бывал по два раза и более, поздно вато засиживаясь по вечерам. Хутухта дал мне интересные сведения о его перерождениях и прочем. Конечно, он получил отличные подарки, и давать их ему приятно — ведь он тщательно бережет, гордится всеми ими. У него все сохранено, полученное даже от Н.М. Пржевальского.

В комнатах много стальных часов, с кукушкой и без. В окнах, вставл[енных] по-русски, [между стеклами] проложена вата. Живет с русскими удобствами.

На окнах занавески или щиты, скрывающие и от солнца, и от зрительства прочих. Любимые комнатные собачки. Для моего осмотра и ознакомления мне было представлено все, и я мог свободно производить фотографические снимки. Геген без всяких предрассудков фотографировался у меня во всех парадных комнатах. Один замечательно интересный — целая система художественно-отделанных слоновых цепей из слоновой кости <...>. В ответ на подарки, чойбзэнский геген поднес мне старинного, худож[ественной] раб[оты] бурхана Манджушри¹⁶⁰, чудную книгу, еще лучшее хурдэ. В заключение еще достал двух бурханов и браслет-четки с оригинальным дорогим ножом, полученным им когда-то от богдохана.

Но дороже всего для меня было искреннее радушие гегена — неподдельное, дружеское. Я с ним мог вольно говорить обо всем, ничуть не стесняясь, не боясь ничего. Фотографировал также и его друга, и весь его штат приближенных лам. В заключение мы расстались большими друзьями, нежели прежде. Хутухту пенял за мое кратковременное у него пребывание. Со снимками условились так: геген пришлет своего помощника ко мне в Гуй-дэ-тин. Кстати, я ему еще кое-что обещал прислать. Другого моего приятеля — гань-ченьского гегена, постоянно отсутствующего из своего прелестного уголка, я не мог видеть, хотя подарок (набор инструментов) вместе с хадаком я ему послал через лам моего чойбзэнского приятеля.

Большой главный чойбзэнский храм стоит по-прежнему. Внутри него, перед главным, средним божеством — бурхан-бокши я произ[вел] удачный снимок. Слева от него, у входа, стоит такое же большое изображение Мунчюк-куа (докшит); справа — Мон-ла; по краям, слева — Манджушри, справа — Дочжи-сонхуа. Все пять главных бурханов дороги, прекрасно исполнены. Перед средним в недавнее время было похищено две чаши — золотая и серебряная, весом каждая в 50 лан. Исследование кражи выяснило китайца из Синина, разоренного китайскими властями в пользу пострадавшего монастыря. Вдоль трех смежных стен храма помещается в стенных шкафах тысяча исторических изображений будд. Этот богатый храм остался нетронутым грабителями-дунганями, которые вошли в сделку с администрацией монастыря; они получили золотом и серебром на сумму шестьдесят тысяч лан. Этой заметкой пока, на этих страницах я и оканчиваю описание монастыря, впоследствии намерен много пополнить выборкой и развитием конспективных заметок, разбросанных в книжечке и отдельных листках вместе с оттисками печатей, дружественно доверенных мне моим приятелем.

13–14 ноября мы провели в дороге к Синину, имея ночлег в Шин-чен, где впервые узнали о смерти китайского императора и старой императрицы. Это событие народ толковал по-своему, и еще больше — назначение на престол пятилетнего ребенка¹⁶¹. В Синине по улицам болтались белые флаги — траур. Точно так же и солдаты свои черные куртки опоясали белыми полотенцами¹⁶².

Нас ожидали миссионеры, где многое лишнее все оставалось в наших комнатах и мы здесь нашли все по-старому. Нас здесь встретили прежние любезность и предупредительность. Опять вечера шли в воспоминаниях о культурных странах и прочем.

15 ноября. День был посвящен Синину, траурному Синину, представителям, одетым или в темное, без металла, или в белое. Фу-тай при встрече со мною зарыдал и только спустя несколько минут был в состоянии говорить. Он зрело

смотрел на событие, предчувствуя в совершившемся нечто недоброе: «в два-три дня» оба отошли в вечность. Что будет дальше? Надо готовиться ко всему, в особенности весною.

В следующие три дня, с **16 по 18 ноября**, мы прибыли в свой Гуй-дуй*, где все было благополучно! На переправе было жарко, в три часа понеслись по долине вихри пыли, небо омрачилось и во все последующие дни не было возможности что-нибудь наблюдать в молодую фазу Луны для определ[ения] долготы.

У меня накопилась масса всевозможных дел, записей и прочего. Затем я проявил все чойбзэнские и гумбумские снимки и приступил к печатанию. Среди дел изготовил большую почту к первому декабря — с докладом в Генеральный штаб, деловым очерком посланнику И.Я. Коростовцу. Но каково же было наше удивление, узнавши, что наша почта потеряна! Мы день жили в тревоге за нее. Она нашлась разорванная, с нее сорвали марки. Привели в надлежащий вид и отправили вновь. Сколько волновался бедный тин-гуань! Все окончилось хорошо.

Стали приходиться сведения тревожного характера о дунганских вспышках. Одновременно и слухи о движении люда тибетского правителя Далай-ламы.

Пытливые, жаждущие мы за все ухватывались лихорадочно. Слухи усиливались и снова затихали, замирали. Опять наша жизнь входила в прежнюю колею.

Настал месяц декабрь, с ним настала зима — оазис выглядит мертвым, серо-желтым, оголенным; вместе с природой спят и люди. Все попряталось по конурам. Сидение стало надоедать, несмотря на то, что я лично в течение целых дней не расставался со столом и писанием. Для меня дни бежали за днями незаметно. Развлечением всего отряда теперь был наш новый член — бурый гриф (*Vultur monachus*)¹⁶³, купленный мною в Гуй-дуйе за 2,5 лана (около 5 рублей на наши деньги). Этот пернатый великан с первых дней стал держать себя непринужденно, получая по утрам баранье легкое в пищу. С голоду он набрасывался и на кости, из которых одни обглаживал, другие, поменьше и повкуснее, глотал целиком. Ночи проводил в закрытии, дни у дома, на воздухе; целый день сидит наш «монах» и смотрит на окружающую местность. Иногда позавидует пролетавшим братьям и сам взлетит, но недалеко. Опять водворят мои спутники на прежнее место, и опять «монах» сидит. Впрочем, он часто взлетает на месте, широко расправляя крылья. Когда он ест на воздухе — подле него целое общество: вороны, вороны и сороки. Каждая из этих птиц норовит что-либо своровать у грифа; ворон, подсакивая сбоку или сзади, пытается даже клюнуть за длинные крылья и за хвост, отстраняющие ворона. Однако, довольно гневного взгляда в сторону нахалов, как они все разлетаются в стороны. Наши псы сначала набросились на стервятника, но получая наказание с нашей стороны, скоро освоились с ним и оставили себя и его в покое. Лишь по временам молодой Марс, любящий играть, подбегал к грифу и обнюхивал его. Гриф слегка петушился, обыкновенно же принимал спокойную позу и был невозмутим.

Первая неделя декабря прошла в преобладающей облачности, холодных северо-восточных ветрах и омрачениях атмосферы тончайшею лессовою пылью, сокращавшей горизонт. Стало еще более уныло, бедно, серо, безжизненно.

* Между Синином и Гуй-дуйем имеется вроде городка селение Сю-дя-цзай. На холме кумирня, селение обнесено глинобитной стеной. Почему-то я представлял его городком.

6 декабря. В царский день¹⁶⁴ выдался редкий отличный проблеск: южное солнце согрело воздух, у стен, обращенных к югу, залетали мухи. Мы провели день по-праздничному. Нижние чины получили по чарке водки. Я долго сидел на солнце, наблюдая синее небо и нежась на теплых, ласковых, его лучах. Думалось, сильно думалось о семье, и я лист исписал жене отвлеченным явлением.

Вечером неожиданно получили записку от Ц.Г. Бадмажапова, прибывшего к месту переправы и ждавшего целые сутки. И мы волновались, и хлопотали, пока на следующий день не встретились с ним. Он прибыл с братом, проветриться, освежить свои впечатления. С ними прибыла к нам обильная почта, особенно интересная для меня многими полуофициальными письмами.

А.В. Григорьев, в качестве помощника председателя, извещал меня о П.П. Семенове и о моих работах или результатах их в Хара-Хото. Оказывается — это тангутская столица Си Ся, существ[овавшая] с XI по XIV век¹⁶⁵. Этим открытием Географическое общество, видимо, очень довольны и решается предложить мне на обратном пути завернуть вновь в исторический город, пополнить их высокого интереса материалы, которые уже добыты и частью прибыли в Петербург.

Такое приятное известие и вытекающая из него комбинация мне была очень кстати. К тому же Далай-лама посадил меня совсем впросак своим упорным молчанием — неизвестностью, что будет дальше — явится он сюда или нет, пришлет ли доверенных лиц или также нет. Словом, письмо А[лександра] В[асильевича] развязывало мне руки и сближало меня еще больше с сининским цин-цайем: мой маршрут к югу, в область нгологских земель сокращался, возврат в Алашань ускорился, что и требовалось сининскому сановнику.

Ц[окто] Г[армаевич] внес нам массу нового, разнообразного и письмами и сведениями. Мы узнали о складе, о станции, о геологе, покинувшем Алашань первого ноября и прочем. В общем, все было сносно, удовлетворительно.

Три дня прогостил у меня Бадмажапов. С ним я отправлю два главных письма — жене и Ольденбургу, которого знакомя с изменением маршрута и прочим.

Проводив Ц[окто] Г[армаевича], тотчас нагрянули чойбзэнцы, с которыми провозились два дня, снарядив их гегену письма, снимки и новые дополнительные подарки: стереоскоп, кусок отличной парчи и лучший ножичек. Ламы уехали с чувством полного удовлетворения и довольства.

Тем временем появился проблеск лучшей погоды, и мне посчастливилось поймать пару хороших звезд и, таким образом, установить абсолютную широту и долготу пункта.

Незаметно приблизились праздники, перед которыми Полюттов съездил в Гумбум и взял обратно все три «дорогих» места, тщетно ожидавших Далай-ламу. Однако о его выезде из Пекина — 8 декабря — уже стало официально известно. Пришел его новый транспорт в 200 вербл[юдов] из Утая; стали прибывать чиновники и прочие.

Всех интересуется Далай-лама. Сининцы или шире, Гань-суйцы с неудовольствием говорят о предстоящем проезде тибетского властителя. Он им уже изрядно стóбил в первое следование в столицу Китая. Ган-суйский вице-король всеми силами отклоняет маршрут Далай-ламы в другую сторону, то есть севернее или восточнее. Но как бы ни следовал Великий перерожденец, он неми-

нуемо прибудет в Гумбум. Вопрос — долго ли тут посидит? Мне кажется, нет, и вот почему: правитель Тибета с первыми теплыми проблесками будет держать путь к дому. Приедет в Гумбум, побудет и уедет, на зависть и злорадство местного гегена — Ачжа.

С возвращением Полютова из Гумбума и с доставкой подарков обратно, я окончательно решил совершить зимнюю экскурсию в области Рарчжа-гомба, Лавран, Лань-чжоу-фу и обратно в Алашань. Чиновники Далай-ламы с грустью выдавали обратно предназначенное Далай-ламе, записав маршрут экспедиции. Представляю себе, что весть о Далай-ламе я услышу в монастыре Лавран, откуда, может быть, я лично сверну на Гумбум, а караван отправлю прямым путем на Лань-чжоу, где произойдет свидание и откуда, с теплым весенним проблеском, радостнее побредем в Алашань. Такова в общих чертах моя намеченная программа.

17 декабря. Отличная погода и я отправился с утра на гор[ячие] ключи Чигу, отстоящие от Гуй-дуйя в 15-ти верстах к юго-западу по дороге в монастырь Рарчжа-гомба, до сел[ения] Ранэн-жяцзон, выше которого, к югу, подле обо и выбегают горячие источники. Температура самого горячего из них значительно выше 83 °С. У меня термометр имел предполное показание 83°. Мы ехали вначале к западу, но пересекли долину Муджик, склонились к юго-западу, а, миновав заставу или пикет, направились уже прямо к югу по ущелью Луан-цонгоу. Напротив пикета — второе ущелье, где был найден оригинальный камень, часть которого попала и в нашу коллекцию.

От горячих ключей, выбегающих у восточного обрыва, отвесно ниспадающего на дно русла (до 3-х саж[еней] высотой), стремится темная или темно-голубая лента, постепенно охлаждающаяся по мере удаления к северу. На протяжении 3—4 верст она не имела ледяного покрова или даже ледяного забереговья. Из-под глинисто-галечного наноса гор кл[юч] с шумом выбегает; он словно живой, ритмически правильно издает тяжелый вздох, слышный за 50—70 саженой. Рядом с самым горячим выбегают и другие, меньшей температуры. У подножья обрывистого берега сложено до 12 самых примитивных ванн (из булыжника), к каждой направлена струйка гор[ячей] целительной влаги, над этим курортом поднимается пар. Левая терраса представляет некоторое удобство для размещения путников. При нас здесь жило 5—6 человек нголоков ближайшей окрестности. Говорят, что эти воды очень помогают от боли спины, ног, головы. Обыкновенно больные берут ванны (сидят по часу и более, накрывшись сверху одеждой, спускающейся по стенкам ванны) в течение 2—2,5 недель. Для пищи и питья употребляют ту же воду.

Мне этот уголок сильно напомнил Аксуйские горячие источники к востоку-юго-востоку в 12 вер[стах] от Пржевальска.

Ущелье в голове обставлено крутыми складками, среди скал <...>, западнее, включены мощнейшие красные глины, издали пестр[еющие] на общем сером фоне. Красиво вились в небе Gyps him[alayensis]. По дну, оживленному гор[ными] стр[уями], стелются длинные, зеленые водоросли.

Подошли и **праздники Рождества Христова**, которые мы встретили и проводим обычным экспедиционным способом. Пели утренние праздничные псалмы и славословия. Кто пил рюмку коньяку или водки, кто получал сигары, кто

лишнюю усладеньку или заедочку. Ели сардины, пили чай и кофе с печеньем Эйнема¹⁶⁶. Заводили граммофон и дружески беседовали, вспоминая много-много раз родину, своих дорогих родных, свое милое гнездо, представляя, что оно в данную минуту делает и прочее. Ох, лети, лети скорее времечко...

«Старики» держались крепко, на второй день праздников Ванька подвыпил и вечером на ветру громко-громко пел, «вспоминая родину». Пригляделись мне картины Гуй-дуйя — хочу я более активной работы, пассивную привожу к концу. Теперь, до отъезда, осталось лишь написать письма — последние весточки в этом году. Будущий год, уже скажем, что частью проведем в кругу своих дорогих семейств.

Солнышко здешнее силится с ветрами, охлаждающими и омрачающими воздух. Однако в тихое, ясное состояние допускаю возможность, что гуйдуйцы с 7—9 февраля уже приступят к пахоте сухих полей и в конце означ[енного] месяца — к работе на полях, с осени напоенных влагою.

Затем, в течение лета земледельцы пускают на свои поля воду дважды, но непременно до цветения хлеба.

Вдоль оросительных канав стоят деревья — тополя, там и сям лепятся кусты хармыка и облепихи. К зарослям последней в долине Хуан-хэ прибавляются два вида барбариса, а пониже оазиса и рослый тамариск с солончаковой почвой, напомнившей мне Цайдам.

27 декабря. Этими строками я и подхожу к окончанию заметок, веденных в Гуй-дуйе и дописываемых теперь, на третий день праздников. Сегодня день порядочный. Я ездил на Хуан-хэ с целью фотографировать еще раз долину реки, лессовый высокий обрывистый левый берег, самую реку, несшую сплошную или на 2/3 русла, шугу¹⁶⁷. На возвратном пути заезжал на базар, чтобы снять его. Теперь перед большим праздником номады тянут в город с сырьем, рассчитывая выменять нужные предметы. Базарные улицы полны народом. Сняв фотографии, я должен был торопиться домой — там у меня назначено было собрание местных чиновников для обсуждения вопроса о движении в путь, в Рарчжа-гомба.

Долго судили и рядили, призывали тунсы и прочее. Все они рассыпались в любезности все сделать, но не скрывали того, что сами там никогда не бывали, ничего не знают. Рассчитывают, что мы туда доберемся, но как попадем в Лавран — трудно предположить. Не будут удивлены, если мы явимся обратно и из Гуй-дуйя должны будем совершить круговой объезд на Лавран.

В заключение мы угостили гостей водкой, чаем и сладостями. Они просили наших карточек на память и сами просили сняться в общей группе с нами. Таким образом, пришлось позировать несколько раз.

Сегодня же я получил пакет с тремя письмами в адрес членов экспедиции и пакетом Пекинской поч[товой] конт[оры] — глупым по содержанию.

Последние дни старого, истекающего [1908] года мы усердно заняты снаряжением в дальнейший путь. Вьюки наши не убавляются, скорее, наоборот, прибывают. Все подтянулись при мысли о походе. В то же время строчим, веро-

ятно, последнюю большую почту. Мне удалось написать и англичанам в Royal Geographical Society, познакомить их с истекшею деятельностью экспедиции и указать на предстоящую заключительную ее задачу.

Погода в последнее время самая удручающая: холодная, ветреная, пыльная. Дали скрыты совершенно: солнца не видим, а мы к нему так привыкли. Что-то нас ожидает впереди. Вместе с Новым годом начинаем и новый период, заключительный. Так или иначе, но последующий шаг будет приближать к дому.

Если строго взглянуть на истекший год, его деятельность, его полезность, с полным сознанием можно быть вполне удовлетворенным. За год сделано порядочно и в Монголии, и в Кукунорской области. Этот успех только и спасает от великого удручения, в которое я столько раз повергался, благодаря недостойным людям, моим двум сотрудникам. Итак, прощай старичок, 1908 год, никогда я тебя не забуду. Ты весь срок, весь свой век держал меня в Азии, вдали от любящей семьи. Встретил я тебя на границе северной Монголии и провожаю в Китае... Бесспорно, для ума ты дал отличную пищу, не раз доставлял также поэтическое наслаждение и очарование природою, ее несравненными красотами, но и много раз душил меня нравственными душевными муками.

Что же такое принесет мне молодой, не високосный год? Человеку свойственно жить будущим. Поживем — увидим...

«Сегодня последний день старого, 1908-го года*, который я целиком провел в недрах Азии. Оглядываясь на все прошлое, содеянное в экспедиции, чувствуешь некоторое удовлетворение, хотя нравственная усталость так велика, так тяжела, как я еще ни в одно из путешествий не ощущал. Только беззаветная любовь и преданность делу, во главе которого стою, подкрепляет меня и вселяет надежду с должной полнотой довести экспедицию до конца. Никогда не забуду последних глубоких слов замечательного Петра Петровича [Семенова-Тянь-Шаньского], заметившего как-то мне незадолго перед моим отъездом в путешествие: «Не берите много помощников, это, скорее, вред, нежели польза». И эти замечательные слова великого человека, на протяжении большей части истекшего года, я вспоминал очень часто и в будущем дал себе большой зарок.

Это маленькое, но сильное предисловие вылилось потому, что давно не говорил с людьми, которые своими душевными качествами напоминают таких путешественников, таких любителей природы, таких людей, которые ради святого дела все забывают и в невзгодах и лишениях, неизбежно являющихся в путешествиях, видят лишь своеобразную прелесть. С такими людьми я воспитался путешественником, я привык работать: с такими людьми дело спорится, молодеешь и нравственно и физически.

С людьми же нового пошиба, я бы сказал людьми-ремесленниками, смотрящими из-под дуги, заботящимися о своем личном «я» больше всего, людьми без идеальных принципов в путешествии жить очень и очень трудно. Для них удовлетворение нравственных или же ученых интересов ничто, или почти ничто, зато удовлетворение мамыны¹⁶⁸ и постоянное желание ее удовлетворить,

* Писал я в частном письме секретарю Географического общества А.А. Достоевско-му — моему личному другу (31 декабря 1908 г.).

превыше всяких средств и сил — все. Раз этого нет — больны, раздражительны и недовольны. У них сознания заботы о завтрашнем дне нет — давай все сегодня, пока есть, а там будем и так... скорее вернемся.

О прежних ограничениях в путешествии, об отказах себе во всем, лишь бы сократить багаж в пользу дела, не приходится и думать. Современное больное народное течение отразилось и проникло во все слои общества, даже в доселе “железного русского солдата”!

Однако будет. Этого довольно, чтобы понять нравственную усталость. Вы спросите, почему К[озлов] говорит или пишет мне это? Отвечу — хочу говорить с другом, хочу и желаю открыть ему свою наболевшую душу, может быть, придет наконец, восточку подкрепляющую, в чем чувствует Ваш К[озлов] особенную потребность»*.

Спустились на землю последние сумерки в этом году. Пыль значительно исчезла, свод неба заискрился звездами. По временам подувал пронизывающий северо-восточный ветер. Но нет здесь белого снежного покрова, не одет лес хлопьями снега, нет поэтической среднероссийской прелести, к чему так привык русский человек.

Сумерки перешли в ночь, темную-темную. Чтобы отметить торжество праздника, мы пустили две ракеты с вершины прилежащего холма, от часовни. Высоко взвились две огненные струи к небу, тьма прорезалась светом, тишина — звонкими голосами зрителей — нас, которым не замедлили откликнуться кое-где зоркие тангуты на высоких вибрирующих голосах.

С вечера долго не спалось, мысль все время, как и сам, уносила на родину, в Москву, к теплому, уютному домашнему очагу.

Проснулся однажды и ночью с думой: который час, вероятно, мои еще не спят, у них еще старый год, а у меня новый, они еще провожают старика, а я в объятиях юного нового года. Здравствуй!

Морозное и сравнительно ясное утро первого дня Нового года; барометр поднялся, надо ожидать улучшения погоды. В воздухе полная тишина. Только пернатые, постоянные гости нашего обиталища хлопочут и вскрикивают подле нас. Вершины гор позолотились бледными лучами солнца. Хочешь, чтобы в душу твою проникло побольше торжественности. Но лучше всего, что в этом году я буду дома, и следующий буду встречать во главе своего гнездышка.

1 января 1909 года. Приказ по экспедиции.

«За отличную и усердную службу производится в приказные¹⁶⁹ следующие три казака Забайкальского казачьего войска: Гомбо Бадмажапов, Буянта Мадаев** и Бабасан Содбоев. Всем прочим нижним чинам отряда выражаю глубокую благодарность за службу.

Подполковник Козлов».

Таким образом, и у нас, на чужбине, великий праздник отмечен некоторым торжеством!

* «Прочитав, уничтожьте этот листок, а при свидании... не упоминайте. Я верю в свою звезду и буду жить и работать с глубокою верой в светлое будущее».

** Последний как артиллерист не приказный, а канонир, производится в бомбардиры.

Необъяснимо тяжело время нынешних зимних праздников; у меня на душе сильная тревога; ложусь, мучимый внутренним страданием, встаю с подавленным чувством: самым искренним образом желаю одного — самого скорейшего окончания путешествия. Теперь же глухое, холодное время. Как природа мертва и грязна, так и человеку свойственно отражать ее состояние — быть мрачным, угнетенным. Сколько раз в настоящее путешествие я переживал тяжелые периоды со стойкостью, терпением, неизбежно за ними наступала реакция, а потом и улучшение. Свети, моя счастливая путеводная звездочка... Ты одна моя заветная хранительница, ты одна, одна подогреваешь меня, вселяешь новые силы, новые лучшие вдохновения!

Сборы в Рарчжа-гомба затянулись; тангуты не монголы, в китайцев — непослушны. Они привели худых животных, да и то не всех. Пришлось призадуматься. Как трудно забраться в дебри Хуан-хэ и как труднее еще выбраться оттуда, в особенности, если расспросные сведения подтвердятся, если этот горный лабиринт будет так сложен и массивен, как предполагалось вначале; во всяком случае, труда предстоит много.

Я решил разделить караван на две части: на тяжелую (запасной груз) и легкую, экскурсионную. Вторая выступает, может быть, завтра, то есть 6 января; тяжелая — днем-двумя позднее, в целях идти по большой лавранско-гуйдуйской дороге. В этот путь назначаю капитана Напалкова, который по доставке багажа в Лавран и сдачи его под расписку на хранение в монастырь, имеет отправиться в Вей-сянь для пополнения зоологической коллекции.

Крепкий восточно-северо-восточный ветер дул полные сутки. Стих только в полночь, накануне выступления каравана в Рарчжа-гомба.

6 января. На родине порядочный праздник. Ясное морозное утро. Мы, как и предполагали, выступили утром, в 9 час[ов] 20 мин[ут]. Вначале следовали на пересечение оазиса — на запад; луговина Муджика или западная речка, ее побережье было свободно от стойбищ и по ней держались до десятка бород[атых] ягнят[ников], в компании с ними уютился одинокий *Vultur monachus*. За речкой вскоре пересекли и оазис, миновали затем сторож[евой] китайский пикет и, вступив в знакомое ущелье Ранэн-жацзон, успешнее последовали вверх к юго-западу, к горячим ключам Чи-гу. Дорога извивалась, как и ущелье, обставленное серо-желтыми высокими скатами, круто, изборождено падавшими на дно. У небольшого селения Ранэн-жацзон, ближе к кум[ирне] Ранэн-гомба, приютился наш первый лагерь. Отсюда наша дорога с юго-западного направления приняла юго-юго-восточнее и постепенно поднимаясь вверх склона, поднялась на плоскогорье.

Сухость воздуха крайняя. Дорога пыльная. Ключи на этот раз необитаемы, температура их (самого горячего) +85,2 °С. Наши подводчики составили свой оригинальный лагерь. У нас двенадцать вьюков из мул[ов] и лошадей. Небо прелестное, синее.

Ранэн-гомба — небольшой монастырь. Его храм резко выделяется из старых глинобитных построек. Расположен на правом возвышенном берегу речки. Монахи, числом до 100 человек, во главе с маленьким да-ламой, наше посещение встретили вначале крайне нелюбезно, почти враждебно, однако вскоре смирились и отперли двери бедного храма с одним порядочным металлическим

бурханом — Арьябала¹⁷⁰, но зато по стенам — многими нарядными большими иконописными. Среди последних выделялись изображения Цзонхавы и докшитов. На обычном месте стояло несколько металлических субурганов и таковых же старых бурханов, крайне запыленных. Там и сям лежало несколько больших и малых богослужебных или молитвенных книг.

Основан этот монастырь лет тридцать с лишком тому назад; монахи — красношапочники¹⁷¹. Подчинен он монастырю Гомба-сы, что находится в Гуй-дуйе.

На горячих ключах, там, где имеется углубление, мои спутники отлично купались, при температуре воды в 32–33 °С. Мы взяли там образцы водорослей (в спиртовые пробирки).

Ночь быстро спустилась в глубокое ущелье. Воздух тих и спокоен. Небо усеяно, словно искрами, блестящими ярко звездами. Мы поселились в летней палатке, в которой днем сносно, но вечером тепло, когда топят железную печь. Ночью также холодно, как и вне палатки — в первую ночь –17,6 °С. Понемногу корчимся.

7 января. Всего прошли двенадцать верст, держа направление частью к юго-востоку, частью (главным образом) к юго-западу и перевалили через глинисто-каменистый перевал Нара*, относительно очень высоко поднятый и, вследствие крутизны подъема, представляющий значительные трудности. По мере поднятия вверх картины улучшались — горизонт расширялся. На вершине же Нара открылись виды и на северный альпийский хребет, и на южный — Джахар. И там, и там главные вершины были укрыты чистым снегом. Кое-где виднелись черные банаги тангутов, умело и уютно расположенные по террасам горных склонов. Высоко в увядших мерзлых альпах паслись табуны коней и стада баранов.

По скатам гор виднелись следы земледелия (не привившиеся). Показались и черные стада домашних яков.

Кругом всюду горы, горы и горы. Гуй-дуй окончательно исчез. Дороги как змеи вьются по дну, скатам и через самые вершины увалов. Мы должны были следовать по более доступному ущелью, восточнее, но накипи льда были основанием идти через речку Чин-чю (извилистое, коленчатое ущелье) и остановиться в нем же, вблизи стойбища местных тангутов. Как характерную особенность, отличаю на выдающихся вершинах скатов пройденной местности высокие обо, устроенные, говорят, в давнопрошедшие времена и некогда служившие сигнальными маяками при вторжениях неприятеля.

Первые встречные тангуты принадлежат <слово пропущено>. Они живут, как и все их собратья, скотоводством — яками, баранами и также в банагах или черных палатках, и также разделенных очагом на две части: правую — мужскую, левую — женскую половины; сообразно этому помещаются и принадлежности, весь низ палатки обставлен кожаными мешками, с чюрой, зерном и прочим, там же и вьючные седла. Прямо на земляном полу войлока и овчины, крайне грязные, где спят обитатели. На грязных тангутах богатые серебряные и каменные украшения. Подле богатых палаток загородка для баранов и несколько свирепых псов, яростно бросающихся на проезжих.

* Р'нала, то есть «перевалить».

Наше соседство, по-видимому, неприятное тангутам; последние всячески старались отдалить к старшине. Из одной черной палатки, соседней, неслись звуки барабана.

8 января. Постепенно поднимаясь по речонке Чин-чю, мы вскоре вступили на луговое плато, носящее характер кукунорских степей. Это плато испещрено волнами увалов, тянущихся главным образом от юго-востока на северо-запад — от горы Джахар, по сторонам. Наша дорога вилась, пересекая холмы, долины и речки, стоящие по большей части обнаженными от воды в долинах и заполненными ледяными накипями в горах. Пастбищные травы выше всех похвал. Местность вообще отликает золотистым фоном, на котором, как глаз глянет, виднеются черные банаги, большими или меньшими группами, стоящие в укрытии. Между тангутскими стойбищами бродит во множестве скот: бараны, яки, лошади. Там и сям носятся всадники, номады. Из стойбищ нередко несутся звуки молитвенных раковин и барабанов.

Поднимешься на новый увал, открывается новая картина и тем обширнее, чем путешественник находится выше. Мы избрали среднюю дорогу до Луцза; всех дорог три: восточная извивается по горам более высоким, нежели на нашем пути, западная тянется через пески Магэтан, пришедшие и приходящие все более периодически с северо-запада; с этой стороны их гонят зимне-весенние ветры. Кстати, о песках. Пески залегают с юга чуть не от самого подножья Джупар и его второстепенных увалов, правильнее — по берегу речки, протекающей у подножья Джупара, речки Мон-чю, впадающей справа в Хуан-хэ.

Избранная нами дорога отрезала те мысы, горные увалы, которые на перевалах открывали вид и на пески. Желтый обширный залив песков придает местности, в особенности летом, повышенную температуру. Пески в том месте, где их пересекает дорога, занимают в ширину до двух больших переходов, около шестидесяти верст. Пески тянутся рукавом к юго-востоку, юго-восточные скаты круты, рыхлы; наветренные пологи, плотны. Барханы, главным образом, северо-восточного — юго-западного простираний и поперечные таковым, в местах тянущихся увалов. Увалы сплошь присыпаны песком. Пески надвигаются на горы и засыпают их скаты все выше и выше. В средней части пески вздымаются в несколько десятков футов, пожалуй, до сотни. Растительность в песках — вообще свойственная пустыням. Летом, по словам тангутов, их переходившим в два дня с безводным ночлегом, очень жарко.

Продолжаем описание пути в последовательном порядке. С вершин увалов (перевалов) я видел проход-прорыв Хуан-хэ ниже оазиса Гуй-дуйя. На северной части горизонта горы, составляющие восточное продолжение Южно-Кукунорских гор — альпийский хребет, в двух высших частях укрытый снегом; западную такую часть тангут нам назвал «Цорго». Горы, тянувшиеся темным валом, ближе и западнее — Амнэ-воен.

Миновав речку Цанага, с долины которой влево открывался вид на темную гору Чачан-кэ, мы постепенно втянулись в разрез холмов, за которым перешли речку по накипи льда, и втянулись на новые горные увалы к перевалу Р'тыга-нига, открывшему хребет Джупар, его высокие, покрытые снегом вершины. До этого главного хребта равнинный характер местности пересечен многими второстепенными увалами. От перевала извивается речка Р'нытага-чю. Спускаясь с перевала,

мы огибали щелевые выступы. Дорога пересекала холмистое луговое подножье, спускавшееся к речке Гомын-гзюн. Серебристо-белые вершины Джахара с востока-юго-востока выступали больше и больше. Впереди, по дороге, новые поперечные увалы, влево — горы, вправо — желтоватая песчаная равнина. Вблизи упомянутая речка погружалась в более и более глубокую балку, затем спустившуюся в общее желтореченское углубление. Население тангутское становилось более и более своенравным. Канун буддийского Нового года. Подводчики явились ко мне с просьбою отпустить их домой, вопреки, следовательно, распоряжениям гуй-дуйского тин-гуаня. Животные подводчиков действительно стали уставать. Пришлось обращаться с просьбой к попутным тангутам, чтобы те за плату давали животных. Все трое (Сик-дым, Черный и сининский тунши) стараются, хотя не забывают и себя, добыть подвод для дальнейшего пути, но чем дальше мы проникаем вглубь неведомой страны, тем становится труднее идти, каждый шаг добывается с боя, пока путем азиатской дипломатической тонкости политики.

Пока часть людей ходила за животными, другая села обедать во время сумерек, подводчики воспользовались затишьем и удрали. Досада тем большая, что именно в этот момент мои другие спутники получали животных, хотя под большими угрозами и прочим. Так, например, старик в азарте дошел до того, что закричал: «Эй, вы, кто есть в палатках, быстро выходи, мы зададим этим ночным грабителям». Ночь под Новый буддийский год в долине была тихая, по временам лишь нарушаемая неистовым лаем многих свирепых собак. Мы все спали под ружьем, то есть не раздеваясь, с оружием в объятиях. Бивак вверялся двум часовым, стоявшим на бугорках.

9 января. Пошли было двумя партиями, но скоро соединились вновь в одну. Поодиночке прошли только первый перевал, вступили в речку Мдурци-чю и тут соединились. Песок взбегал на вершины увалов. Мы обогнули мыс, против того места, где гора своим обращенным к нам юго-восточным скатом представила замечательно изломанную складку — сложнейшую, и затем, повернув на юго-восток, пошли ущельем, вытянутым строго в юго-восточном (160°) направлении. Это ущелье мы прошли до большей половины (а, может быть, и меньшей) 7 верст и склонились на юго-юго-запад к перевалу до Дорци-нига, поднятому столь же высоко, как и альпийский Синин-Гуйдуйский хребет. Ущелье обставлено крутыми склонами, справа засыпанными основательно песком по кустарникам (Сагагана), слева же покрытыми отличными луговыми травами. С этих склонов бежали три ручья, справа сочился родничок. Наша дорога (в прямом смысле — большая дорога) была пересыпана также песком, солнечная поверхность которого в 1 час дня согрелась на 15,2 °С, несмотря на облачное небо и температуру воздуха ниже нуля (–1,6°).

На перевал мы поднялись успешно, несмотря на крутизну и каменность. Вершина увенчана обо, здесь был страшный встречный ветер. Вследствие извилин далеких видов в следуемом нами направлении не открывалось на протяжении трех верст, когда со второстепенной вершины мы только увидели обширную долину Монра и пески Магэтан. Долину эту с юга замыкали второстепенные горы Сергюль или по-монгольски Хара-гол. Мы прошли речку, отмеченную тангутами названием Лончен-чю, выбегающую из гор Юла, левым крылом

примыкающим к священным белым вершинам — Амнэ-джагыр и Гига-амнэ-консым — в соединении с г[орой] Джатар, составляющим трех родных братьев. Между пройденной речкой и песками экспедиция имела свой ночлег (урочище Тун-нчи). Вечером поднялся страшный пронизывающий северо-западный ветер. Вблизи стойбищ масса баранов, охраняемых свирепыми псами. Мы принуждены были остановиться именно у стойбищ. У нас перебивали все обитатели, «прекрасная» (крайне грязная) половина перебивала также под почтенным предлогом приноса аргала, воды, молока. Мужчины представлялись пьяными. В домах поднимались иконописные бурханы, гостям предлагался хлеб с чаем. Наутро Нового Года, следует отметить, подле банагов жглись многочисленные огни и раздавались звуки молитвенных атрибутов. Тангуты кланяются огню, молятся с земными поклонами — мужчины, женщины, кланяясь на восток лицом к северным горам «Трем братьям».

Вскоре после перевала, в горах, мы встретили разъезд с заводными¹⁷² конями. Разъезд осведомился, кто мы, и тотчас ретировался в сторону, где стоял, пока не прошел весь наш караван. **10–11 января.** Погода, видимо, установилась: днем теплая, тихая, ночью, с потугой от гор, свежая и морозная, с лишком 20°, атмосфера прозрачная, дали открыты; горы, пески также, во всей прелести. Мы идем на пересечение долины, песков, холма и речки. Наш путь успешный. Холм Цаган-тологой, горы Хара-гол и урочище Шаныг — все три названия монгольские, почему? Ведь мы идем исключительно среди свирепых тангутов: их банаги, их многочисленные стада скота и ничего больше. Монголы здесь жили лет 150–160 тому назад; однако, нападения нголоков и других тибетских племен принудили этих добродушных кочевников удалиться за Хуан-хэ, в цин-ванский монгольский хошун.

В холме Цаган-тологой мы встретили интересный выход (см. образчик № 26)¹⁷³. Тут сошлись две дороги: на среднюю вступили, западная — правая. Пастбища отличные. Вблизи пробежал волк — серый, большой. С холма виднелись у подножья южных холмистых горок банаги — самый долинный стан кн[язя] Луцца. Мы направились скорее, пересекли сухое русло Мон-чю, за которой пошел пологий подъем до ставки князя. По дороге нам попалась поперечная встречная кавалькада в 6 человек, все нарядные, с саблями, а у одного и винтовка. Компания ехала после гостей. Еще час и мы в стане Луцца, старика — некогда разбойника, теперь же смиренного 73 годами и красным шариком, пожалованным китайцами. Старика этого домашние и посторонние зовут в разговоре «Рачжа».

С приезда в стан Рачжи мы были приветливо встречены княжеской семьей. Молодой сын выбежал далеко вперед и схватил моего коня за повод, ведя к банагу; здесь появился сам управитель с бабами, одетыми в цветные шубы, с маскою побрякушек и широкими красными лентами, убранными серебряными раковинами и бирюзовыми камешками. После приветствия мы вошли в большой, богатый баног, по-здешнему чисто убранный и также огромной печью разделенный на две половины. В мужской, застланной ковриками или дорожками, мы разместились по старшинству: я у самой печки vis-à-vis с главою дома. На печке дымился большой котел с чаем, забеленным молоком; нам наливал чай сын, ломая хлеб и бросая его грязными руками в чашки. Здесь на стене висело два ружья — европейское и местное.

После угощения мы вместе выбрали местечко для лагеря, он расположен был в двухстах шагах от банага князя. По установке лагеря, тотчас явился князь и сын с визитом, оба, конечно, любители выпить, хотя сын держал себя очень сдержанно и пил мало; старик же то и дело показывал на опорожненный стакан, что его надо наполнить. Разговор шел о нашем дальнейшем пути и прочем. Разбойник-князь спросил с нас подарок, наше военное ружье только за право прохода через его владение, за подводных же животных — высокую отдельную плату. Предложенный мною револьвер он пренебрег, назвав его детским. Впрочем, старик был более сговорчив, но сын — бестия. Сходил домой, позвал мать, и старая княгиня увела мужа.

Всем членам княжеской семьи я поднес приличные подарки. И отец, и сын — дикари-невежи, предложенный сахар хватали, старались опередить друг друга. Вечером один и другой ушли, мы остались одни. Стемнело, а там и ночь, над песками встало зарево пожара. Красная огненная масса то усиливалась, то ослабевала, зрелище красивое.

На другой день, с утра, появился к нам кн[язеский] сын и принес грязный-грязный клубок сыра, а сам стал просить сахара кусок за куском. Вскоре явился и старик, пошли бесплодные разговоры, которые тянулись несколько часов. Плут старался всеми силами дипломатично обмануть нас и вытянуть от экспедиции всего побольше. На показанную мною бумагу он ссылался неграмотностью, незнанием. Продолжая упорно спрашивать высокую плату, подарки, он в то же время страшал меня тем, что я без его содействия в этой стране не сделаю шага спокойно, что на экспедицию непременно нападут разбойники, и тогда я будто бы вспомню с сожалением условия старика-князя. Он, сидя дома, и у нас часто сбрасывал шубу с правой руки, оголяя тело до пояса, а также часто поправлял на коротко стриженной или бритой голове овчинную шапку. На теле и голове много шрамов — следы подвигов и указание на то, что подвиги и грабежи не проходили бесследно. В заключение, князь собрал совет из помощников — бэйсэ (отчаянные, разбойничьи физиономии), а сын, осмотрев нашу винтовку, дерзко заметил: «Плохое ружье», и оба ушли.

Наше положение становилось незавидным. Всюду кругом стали разезжать всадники, перекликаясь на высоте вибрирующими нотами.

Тем не менее, пока был у нас князь, наш лагерь все время осаждался зрителями — и женщинами, и мужчинами до детей включительно. Все бесцеремонные люди, все попрошайки, главным образом, сахара. Все сильно лезли в палатку, осаждали нас ужасным образом. Мой лисий полушубок служил предметом удивления, в смысле моего богатства. У них встречаются лишь лисьи шапки, да и то только на головах знати и богатых. Меня обступали и вначале подходили осторожно, но стоило взяться за мой полушубок одному, тотчас подбежали другие, поднимали с боков и сзади, произнося восхищение и показывая большим пальцем. По уходу князя домой вся публика из лагеря исчезла, заглядывали кое-кто, но очень осторожно, словно мыши, украдкой.

Вечером или вечерами вообще банаги долго оглашаются громкими выкрикиваниями людей, сопровождающими неистовый лай больших свирепых псов. Шум, гам и лай от одного стана передается в соседний, а их вокруг до десяти, считая в каждой до двадцати с лишком палаток. Во всей же долине банагов слы-

ше сотни. Стоит подняться, вооружиться одному, быстро закипит воинственная жизнь во всей долине.

12 января. С утра дела все более осложняются и обостряются. Тяжело ужасно. Не знаю, чем все окончится. Запрашивают ужасные цены, соглашаемся. Новое какое-либо недоразумение, и так далее. На наш бивуак ни старик, ни сын не являются. Посторонние идут осторожно. Простые зеваки подбираются к вещам и... украли у нас все бинты, которые здесь только и могут пригодиться. Однохощунцы его [вора] укрыли, он быстро вскочил на чужую лошадь и ускакал домой; затем, как ни в чем [не бывало], возвратился, давая уже себя обыскивать и претендовать за обличение. Наивные плуты и воры. Так и хочется их проучить, но у нас иные задачи, иные стремления, иные и принципы.

Сегодня [впервые] после выступления из Гуй-дуйя, когда на незамерзающей речке добыли пару бекасов, здесь застрелили жаворонка и пару вьюрков (*Pyrgilauda* <слово неразборчиво>). Пронесся гордо орел.

Попутные все заглядывают в наш лагерь. Компания девиц, направлявшихся со льдом к своим банагам, также зашла и подсылала подростков для выпрашивания сахара. Издали местная компания девиц своими нарядами на спине производят оригинальное зрелище, в особенности лентами.

Ужасные плуты и воры-грабители местные тангуты. Они всеми силами стараются нас надуть, втридорога содрать и прочее. Только и предъявляют неудовольствие то на серебро, то на вес, то на большую крупность серебр[яных] кусков. То дают животных, то не дают, спрашивают одну цену, потом другую; равно и проводник... Только один симпатичный молодой грамотный лама, оказался любезнее других. Он долго старался заучивать надпись на портрете Далай-ламы и сильно обрадовался, получив разрешение списать ее, и списал впотымах. Отношения наши с управителями к вечеру стали страшно натянутыми. Они словно имели претензию на получение в подарок винтовки. Узнав же от переводчика-тунсы, ненавидевшего всю эту компанию, что я рассержен за отказ в пропуске на Рарчжа-гомба, затаили против нас нечто ужасное. Этого не говорил сининский переводчик из страха, но я чувствовал душою, как и вообще всегда предчувствовал надвигающуюся грозу. Стемнело. Темная ночь быстро легла на землю... Я со своим спутником долго разговаривал, замечая, как же ложиться спать сегодня, то есть, раздеваться, или не раздеваться: решили первое и... ошиблись.

Мне долго не спалось. Лай псов был непрерывный. И только забылся крепким сном, который унес меня в дорогую Россию, в милую Москву, к семье, как вдруг выстрел, затем другой, третий. Тишина огласилась криком ночного дежурного Санакоева (который только что сменил Демиденко): «Нападение, вставайте!». В минуту мы все на дворе — улице — степи — все, что хотите. Кто выскочил в белье, кто в полушубке, но не все заметили двух негодяев, выстреливших в часового на близком расстоянии, но не попавших. Часовой также выстрелил раз-два, и разбойники скрылись во тьме. Мы уже все стоим в маленькой кучке и тихо переговариваемся. Как вдруг слышим с западной стороны топот копыт, все более и более усиливающийся. С каждым мгновением гулкость топота копыт усиливалась, стало заметно темное пятно в своем стремительном движении увеличивающееся и увеличивающееся. Мы, замерев на месте, подпустили

дикую орду шагов до 200—250, как нам казалось всем, и вдруг загремели винтовки, посыпались огненные струи. Дикари скакали вперед, готовые раздавить нас массой, но драгоценные винтовки сделали свою дело — орда почти у самых нас описала дугу, скрывшись наполовину за бугром, а затем и вовсе в ложине, убежавшей к северу. Так быстро, так внезапно все это случилось, что мы не успели и опомниться. Однако время шло, приближаясь к часу. Мы были в повышенном настроении. Лай псов передавался от всех банагов, топот копыт коней также. Отовсюду неслись голоса людей, ржание коней, бляение баранов. От частой ружейной трескотни многие животные убежали в поле.

Мы стали выяснять все обстоятельства. Виноват, следовало добавить, что тотчас после отбития атаки, мы слышали голоса князя-сына и нашего проводника Сикдыма. Они шли к нам сказать и спросить — что с нами? Говорили они, что с вечера долго не спали и лишь задремали, как внезапно пробудились от грома-пальбы. Старик послал сына узнать, не разбит ли лагерь русских — «наших гостей». Это, вероятно, приезжали «кодя-доцонцы»* отплатить нам за кровь двух их однохошунцев, убитых нами недавно. Мы, однако, всему этому не доверяли и не имели основания доверять, тем более, что часовой первой смены несколько раз был привлекаем топотом коп[ыт] коней в стане Луцца. По всему, вероятно устроили все это наши «милые знакомые» луццасцы. Жаль им было упустить из рук лакомый кусок — русское оружие. Мы долгое время не расходились спать. На севере над горизонтом чудно мелькнул метеор, полудугой, осветив местность подобно Луне. Попили затем чаю, и кто отправился одетым спать, а кто (Четыркин и Санакоев) продолжали дежурить до утра. Санакоев мною был поздравлен старшим унтер-офицером.

13 января. Раннее утро. Приказ по экспедиции:

«За образцовое несение сторожевой ночной службы в ночь с 12 на 13-е января, за своевременный ответный выстрел по прокравшимся на бивуак разбойникам, за выстрел, поднявший отряд на ноги и, тем самым, давший возможность вовремя отразить стремительную атаку большого разбойничьего тангутского отряда, скакавшего в карьер на лагерь экспедиции, — младший унтер-офицер 1-го Л[ейб]-г[вардии] Екатеринославского Императора Александра III полка Матвей Санакоев производится в старшие унт[ер]-оф[ицеры]. Всем прочим чинам отряда и моему помощнику Четыркину приношу глубокую признательность и благодарность. По возвращении в Россию буду считать своим нравственным долгом ходатайствовать перед начальством о почетных наградах участникам экспедиции вообще, в особенности же, участникам зим[ней] экспедиции».

На князей-разбойников отбитие ночной атаки произвело сильное впечатление: старик похвалил отряд «молодцами». Мы стали собираться в дорогу. Странно однако то обстоятельство, что туземцы избегали нас. Утром долгое время к нам никто не показывался, и это также красноречиво подтвердило наше предположение, что виновниками нападения были никто другие, как однохошунцы нашего Луцца. А кто их учтет? Разбойники думали, что атаковавший нас отряд

* Обитатели хошуна, залегающего за песками Магэтан, по правому берегу Хуан-хэ, к северо-западу от Луцца.

разобьет экспедицию, а они потом, воспользовавшись всем, явятся спасителями жалких остатков, им ненужных, которые и представят «по начальству».

Только наш приятель лама, прибежавший и ночью, и утром, видимо, был искренне рад за нас, за наш успех; ночью прибежавши ко мне, он схватил мою правую руку и сильно прижимал ее вместе со своею к своему сердцу. Тангут-лама тем самым меня тронул до глубины души, единственный из обитателей — человек.

В 8 часов прибыл вьючный скот, работа по вьючке быстро закипела. Всем нам почему-то хотелось скорее оставить несимпатичных разбойников-номадов. Как вдруг являются в наш лагерь оба князя просить меня с Четыркиным откушать чаю в дорогу. Мы пошли, пили чай и ели предложенный испеченный хлеб осмотрительно, не без подозрения о введенных в то и другое угощения средств отравления, а также зорко наблюдали, чтобы князья со своими приближенными не схватили у спины расставленного оружия покончить с нами. Вот с такими чувствами [приходится] навещать местных обитателей.

Тангутская княгиня, рассыпаясь передо мною в любезности, просила у меня сахара; я залез в карман и, отыскав в нем несколько загрязненных от времени кусочков русского белого сахара, доставил тем самым «местной аристократке» веселое удовольствие. Она мне пожелала счастливого пути и, указав на сына, проговорила, что он будет сопровождать экспедицию два перехода.

Распрощавшись с семьей князя*, мы поспешили к бивуаку, где караван уже был готов к выступлению.

Отправились; курс юго-юго-запад, подъем на перевал к священному обо Амнэ-рычон. По дороге миновали кл[юч] с прекрасной, незамерзающей у головы источника, водой. На перевале четверо тангутов отправляли обычные молитвы, которые вообще отправляют ежемесячно в первые числа. Главное обо большое, прочие, до семи, маленькие. Одно и другое и последнее снабжены длинными шерстяными нитями и лентами.

За мягким перевалом и прочими седловинами дорога извивалась в юго-западном направлении в меньших складках и, наконец, вышла на равнину. Жители жались к правым горам; здесь, в логах, группировались их банаги и многочисленные стада. Вначале долины залегает болото «бачин», за которым дорога пошла на диагональное пересечение обширной, кормной, многолюдной и скалистой долины Ба, которую оживляет три, одна другой больше, реки: Бачю (до сажени шириною), Чэга-гол (2—3 сажени) и Нэсэ-чю до 3—5 сажений, слившихся вместе и понесших воду в виде правого притока Хуан-хэ. По долине много нор тарабаганов, пищух <слово неразбочиво>, здесь также бегают зайцы, лисицы. За грызунами следуют крылатые хищники: Buteo и Gennaia. Луговые травянистые пышные степи совершенно напоминают кукунорские пастбища.

Первый переход от Луцца нас сопровождала встречная буря, развившаяся из крепкого южного (с оттенками) ветра, атмосфера наполнилась пылью, даль

* Князь Луцца свои владения делил на четыре хошуна, управляемых бэйсе. В каждом хошуне до 250 человек, всего, следовательно, до тысячи обитателей с большим достатком. Двух братьев старика во время грабежей убили; осталось шесть племянников-головорезов. Здесь вечное недоразумение — тот убил, тот украл; один несет мщение, другой его ожидает.

закрылась. Пыль слепляла глаза. Мы принуждены были остановиться раньше, свернув к стойбищу старшего сына Луцца — бэйсэ, а на следующий день, 14-го января, пришли к его зятю. Все родственники плута-князя дерут с нас непомерно высокую плату серебром.

Из этой долины дорога отделяется в Рарчжа-гомба, другая в Лавран. Попытаю счастье на последней, хочу скорее выбраться из сетей разбойничьих.

Днем тепло, по ночам холодно. С оружием не расстаемся, спим, не раздеваясь, караулы усиленные. Тяжело и очень тяжело. Одновременно сильно устаете в физическом и нравственном отношениях. Без ружья ни на один шаг. По ночам сами тангуты также дежурят, мы часто слышим их ночные выкрики, порою даже стрельбу — то воры пробираются к чужому скоту, чужому имуществу. Превосходные тангутские лютые псы оберегают их стойбища лучшим образом.

13 января, когда мы вступили в долину Ба, наш путь пересек грабительский отряд, следовавший восточнее в горы, в супротивный им хошун: это 15 человек княжества Луцца ехало налететь с оружием (отчасти европейским) на таких же, как и сами, разбойников, которые не так давно здесь зарубили конокрада. Такой граб[ительский] разезд ехал в полном вооружении, даже с пиками, с четырьмя заводными конями один другого лучше.

Вообще, строго говоря, все местные обитатели на нашем пути — люди с большим достатком: везде по прекрасным пастбищам пасутся многочисленные стада домашних яков, баранов и табуны лошадей.

Долина Ба и окаймляющая ее гора, в особенности с полуденной стороны, оживлены стремительными прозрачными речками, собирающимися в одну, под названием Джярва-тон-дон, сливающую воду в Желтую реку, справа Хуан-хэ от нас к западу от 60—75 вер[ст]. В эту сторону общее падение долины, обставленное значительными горами. Но еще более могучие две широтных, снегом покрытых цепи отстоят к югу. Их нам назвали: первую Сэрчим-нэга, южную — Лапмын-нэга. Между цепями гор извиается быстрая речка, как говорят, до 5—7 сажень ширины с каменистым, крутопадающим ложем. В означенном районе, между нашим южным пунктом и монастырем Рарчжа-гомба, на расстоянии 60—80 верст извиается трудный путь с высокими трудными перевалами, с нголокским грабительским населением. За южной цепью гор таинственный монастырь Рарчжа-гомба, стоящий на высоком горном выступе, омываемом с трех сторон, змееобразным течением Хуан-хэ, но только не на самом берегу, а в более или менее значительном от реки отдалении.

Итак, мы в сопровождении сына князя Луцца (Луань-гоу-женя) прибыли сначала в соседство его старшего сына, а на следующий день и в соседство его «достойного» разбойника-плута зятка — Хор-хон-женя. Конечно, родственники успели между собою обменяться впечатлениями, новостями; один доставил нас за очень высокую плату, второй также не отстал. И второй подпрашивался к разным подаркам, а сам не допустил нас даже до своих стойбищ — палаток. Но этот плут вечером проговорился, что во время разбойничьей атаки его родственничек — князь не принимал активного участия, а целиком пассивное, что его лучший отряд сильно пострадал. Поделом — искренно скажу я. «Но хорошо, — замечал сын князя, — что русские первыми не начали стрельбу, иначе мы все тогда восстали бы против них, ведь они находятся в чужой, а не в своей

стране». В заключение Хор-хон-жень сказал: «Пожалуйста, милостивее относитесь к моим подчиненным — они и я не воевали с вами, не стреляйте, если кто будет проходить вблизи вашего бивуака по делам, вы его окликнете словом: “Аро!” — если он откликнется, то хороший человек, если не скажет “Аро”, то есть, “приятель” — в таком случае, не щадите, стреляйте». Вот как-то настало время. Нервы расшатываются, вечера еще более омрачают, вооружаешься и заступаешь или на первую, или на вторую смену, в два человека. Так и теперь: я стою на часах на второй, более трудной смене. Тихо в природе, на небе, в зените, ярко горят планеты и звезды; одни вступают в зенит, другие спускаются к облачному горизонту. На южной части неба (юго-восток) вспыхнуло до четырех ярких звездочек, упавших в различных направлениях и каждая по-своему осветила небо.

На другой стороне, в горах, оригинально плыло огненное море, освещая заревом небо. Иногда огонь степи поднимался на вершины или, еще лучше в седловины, когда красное с дымом пламя рисовало действующий вулкан. Красиво выделялось и огненное золотистое пламя, оно увеличивалось и уменьшалось, расширялось, суживалось, опускалось, поднималось и прочее. Тьма пронзалась огнем на обширном пространстве. В напряженном внимании время проходит не так медленно, а сколько раз мысль унесешься к домашнему теплему, уютному очагу... Ох, дорогая женушка, моя маленькая птичка, не можешь ты предоставить тревоги и волнений, пережив[аемых] твоим мужем.

15–16 января. В эти два дня перехода Хор-жень доставил экспедицию только на 29 верст, стянул с нас высокую плату и доставил к таким же разбойникам и плутам, как и сам. Надо иметь ангельское терпение, чтобы равнодушно все сносить и переносить. Мерзавец на мерзавце — их только надо дуть и дуть самым безжалостным, самым нецеремонным образом.

Выступив утром, мы поднялись на второстепенный перевал, за которым тянулась южная часть знакомой нам долины; мы отсекали плоские лога, у подножий гор пересекали также поперечные речки, еще поднялись на маленький перевал, вновь спустились, познакомились с образцами горных пород, ключевыми родниками, растительностью. Могли наблюдать долину во всю ширину и северные горы, тянувшиеся к Хуан-хэ. Наконец, повернули курс к югу и юго-востоку, поднялись на окраину цепи по перевалу Джему-лапци, увенчанному обо. С вершины этого, крутого на юге перевала, мы увидели через ближайšie второстепенные горы верхние пояса или гребни двух высоких, матовой белизной блестящих, упомянутых выше горных цепей. На юге круто сбегал спуск Джему-лапци, за которым серебристо блестяла речка Ркачун-чю, по долине которой, вверх, в юго-восточном направлении мы и двинулись, а через две версты и остановились, перейдя на ее левый берег. Мы среди альпийских богатых гор, в долине Ркачун, по которой на следующий день прошли еще восемь верст, и оставили ее, свернув вправо по одному ее притоку, а затем по безводному притоку этого последнего, и остановились в урочище Всилун, которое на дне долины имеет свыше 12 000 фунтов абс[олютной] выс[оты].

Общий характер Ркачун-чю следующий: горная стремительная речка несетя в юго-восточном — северо-западном направлении, будучи обставлена крутобокими луговыми — альпийскими скатами; справа и слева, через известные

промежутки приходят приветливые ущелья и ущельища. Ширина долины не превышает 100—200 сажень, по ее дну быстро катится светлая речка с каменистым, круто падающим ложем; ширина русла от 3 до 5 и местами много более сажень. В это время глубина ее не превышала одного фута. В окрестности урочища Ркачюн-джун, речка посередине неслась открыто, забереги ее очень основательные, повыше сомкнулись, и мы уже не видели там ее прозрачных вод. Мы так обрадовались воде, ведь давно сидим на льду, из которого чай и обед добываются не так-то скоро! Пастбища превосходные. На речке держалась парочка уток-крякв, вверх и вниз с писком пролетали белогрудые оляпки, а по берегам, в зарослях курильского чая — рыжебрюхая краснохвостка (*Rut[icilla] erythrogastra*).

Наша позиция была незавидная. Спим чутко, ко всему прислушиваясь. Я позволил себе снять полушубок и прекрасно выспался, хотя сильно вздрогнул ночью и проснулся, услышав во сне сигнальный ночной выстрел. Бр-р, жутко!

С Ркачун-джуна мы пошли вверх по долине. Вскоре стали попадаться обитатели, живущие бок о бок с маленьким островком нголоков. В первом ущельище справа приютился походный храм некоего гегена, располагавшего большим молитвенным лагерем палаток. По дороге подъезжали к нам тангуты на отличных сытых лошадях, спрашивая за них в промен ничто другое, только наши винтовки и хоть немного патронов. Вообще дикари страшно зарятся на наши ружья: при встрече с нами оружие осматривают в первую голову. В интересном месте, устье четырех ущелий, мы отвернули вправо к югу, затем в следующее левое ущелье. Здесь предстояли новые переговоры о дальнейшем нашем движении; и как же оно сложно, тяжело! Тангуты не только заламывают высокую плату, но даже особенно плутуют со своими мошенническими весами. Так или иначе, не взирая ни на какую дороговизну, идем и идем, хотя и черепашьими шагами. Поставили себе непременно первой целью монастырь Лавран.

Сегодня, 16-го, весь день серая погода, с утра падал снег, выпавший до 0,5 дюйма толщиной. К 1 часу дня на южных скатах — стаял, на северных — продолжает лежать. Мы в соседстве тангутского стана, откуда несутся всевозможные голоса людей, животных и прочее. Подходит вечер; подумываем о дежурстве, о том, как минует предстоящая ночь.

17 января. Прекрасное утро, которому предшествовала также хорошая тихая ночь, тихая во всех отношениях. Я и Демиденко стояли на часах, наша неизменная помощница — Луна, светившая на горы и на ту долину, в которой с одной стороны стояло в ряд два тангутских стойбища, с другой — наш лагерь. С вечера раздавался говор и смех соседей-обитателей, искрился огонь с их шатров, открытых на полдень. По временам лаяли псы. Ночь скоро усыпила всех: тишина была полная на обеих сторонах. Небо чудное было унижено помимо луны планетами и яркими звездами. На часах от скуки наблюдаешь их движение. Томительно тянется время; рад-радехонек, сменяясь с часов, идешь в палатку, где температура около 20 ниже нуля, постель как лед холодная. Закутываешься в одеяло, но не можешь долго-долго согреться. Забудешься лишь утром на часок, когда Полюттов согреет печью воздух внутри палатки. Быстро пьем чай, а предварительно едим дзамбу с чурой и маслом. Изредка, когда на душе легко, услаждаемся сардинами — все.

Медленно выступив и медленно перевалив соседний отрог, мы вошли в прежнее ущелье, которое вывело нас на перевал Птыг-чори, поднятый свыше 12 200 [футов] над морем. Эти горы несут мягкий луговой характер, только кое-где в ущельях и по гребням имеются обнажения. Пастбища превосходные, жители ютятся в отшелках гор.

Птыг-чори открыл мне ожидаемую мною картину: весь юг горизонта украшал высокий отличный альпийский хребет, наиболее высоко поднятый в середине и по мере удаления от середины к западу. Ось (гребень) хребта скалиста и местами обильно засыпана бело-серебристым снегом. От скалистого верхнего пояса сбегают альпийские луга. Хребет, названный нам тангутами по-иному, а именно Цза-сура, ориентирован с востоко-юго-востока на запад-северо-запад. Он тянется грандиозным, мощным валом. Северный скл[он] шлет много речек (шумных, прозрачных, быстрых), несущихся в общую долину Кха-чю, омывающую северное подножье означенного хребта. Долина до версты-двух шириною весьма приветлива и богата, и, в общем, с прилежащими горами и кочковатым дном очень напоминает картину Тибета — его нагорных долин, по которым только вместо домашних яков бродили бы дикие. Здесь много антилоп ада, их номад не вытеснил. В южных горах, говорят, летом нередко тибетские медведи.

Мы стоим в открытой местности, в версте к западу от перевала, в голове прекрасного студ[еного] ключа. Направление, которым двигаемся, превосходное, я вновь исполнен чистой нежной радости, да и отряд настроен прекрасно. Лавран севернее.

18 января. Сегодня вновь пришлось плутать из стороны в сторону: спускаться вниз к северу и подниматься к югу. Избранное было отличное направление оставили из-за страшной непозволительной трусости моих спутников китайцев-опийщиков, всеми силами потворствующих тангутам, которые дошли до непозволительной дерзости — мирного грабежа, мирного обирательства. Моему терпению приходит конец, если бы я был купец, я бы до крайней степени унижался бы. Но я счастлив и несу маленькой горсточкой людей великое имя «русский», я обязан престиж родной страны держать на должной высоте. Все мои уступки, мои потворства разбойники и отъявленные плуты-тангуты считают за нашу слабость. Трус опийщик-переводчик боится передать нахамам мое решительное слово, боится открыть им нашу способность гарантировать личную безопасность, боится поведать местным обитателям, что мы решительно отбили стремительную атаку одного из воинственных тангутских князей — Лоуху-да-женя — Луцца. Из-за всего этого тангуты с каждым переходом становятся нахальнее и нахальнее, ведут нас как им вздумается. Достаточно взглянуть на съемку, чтобы видеть, как умышленно обманывают нас, сначала в сторону, затем ведут должным образом, потом опять иначе. Вот и сегодня, вместо того чтобы с одного перевала (Джантэль) вести на другой — Хамыр — прямой дорогой, нас повели вниз, чуть не в обратную сторону, по верховью речки Шень-чю, крутой спуск, вновь тяжелый подъем (да и то после моих решительных настояний), а если внимательно обозреть карту — съемку, то нетрудно видеть, что мы вновь в той долине, вблизи ее, про расстояние которой я спрашивал у плута Хор-хон-женя и который дерзко ответил: «Я не знаю». Повторяю, после трехдневного скитания, я вновь у головы

этой долины. Не тяжело ли: пусть каждый станет в мое положение, в положение не только истого исследователя, но и ответственного лица.

Первый перевал видов не открывал — мягкий, платообразный, с шириками, по которым держались антилопы ада и проронившие несколько голосов *Meloposorypha maxima*. К тому же серая погода еще более способствовала скрытию горизонта. Впрочем, та часть южного хребта, которую мы проследили, вчера видна была хорошо. Страшно крутые ложа рек от перевалов вниз.

Вершина второго перевала Хамыр открыла самую конечную на востоке вершину Цза-сура (остальные скрывались второстепенными увалами), это к юго-западу. На противоположной же стороне, противоположном горизонте, на луговом, открытом плато насажены две поперечные цепи гор; западная — длинная, восточная — короткая. К ним и ведет истинное лавранское направление. Абсолютная высота мягкого лугового перевала значительная — около 14 000 футов.

Спустившись версты на две к востоку-северо-востоку, мы очутились в урочище Ары-тава, в соседстве тангутских банагов — двух групп. На наш бивуак набежала масса зрителей, преимущественно баб и детей. Женщины здесь носят спинные украшения, несколько отличные от прочих, виденных нами — темные ленты украшались золотым шитьем, среди обыкновенных знакомых раковин попадались серебряные с голубой или синей эмалью.

Вот здесь и пошли переговоры относительно дальнейшего пути; вот здесь-то и стали угрожать нам деликатным разбоем, и прочим. Во главе местных тангутов-плутов стоит лама — первый на пути монах с весом. Посмотрим, к чему действительно приведет ламское вмешательство в дело наше с туземцами; в ход пущено все: и цин-цайская бумага, и портрет Далай-ламы, и высокая плата серебром. Разбойники предлагают разбойничью логику. Они, видите ли, в споре и смертельной вражде с обитателями попутных хошунов, у них они украли лошадей и убили несколько людей, поэтому постоянно ждут мщения с их стороны. Они не могут иначе следовать с нами, как в числе 10—11 человек, с ног до головы вооруженных. Они смелы и безопасны за нашей спиной, но, говорят, обратный путь им смертельно страшен.

Холодно на высоте, в соседстве перевала. Подходит новая тревожная холодная ночь. Что-то будет. Жители невыносимо враждебно настроены против нас. Холим, чистим винтовки и патроны, отмеряем прилежащие выдающиеся расстояния до увалов и прочее.

19 января. Еще с вечера начал падать дождь, то есть тот, который падал всю ночь, падает и днем до полдня. Солнце силится выглянуть из-за снеговых туч. Это обстоятельство задержало наше выступление на несколько часов. Бивуак полон тангутами; плуты эти — обитатели вытягивают сколько только можно серебра под разными предлогами, то на разновес, то втридорога за барана, то вместо двух-трех человек погонщиков целый отряд в пятнадцать человек с платою на каждого по лану (около 2 рублей) в день. Все это, совместно с большою наглостью тангутов, не исключая и подлецов — местных лам, изо дня в день так возбудило отряд против местных обитателей, что я боюсь за дальнейшее. Нужно сдерживать и себя, и тружеников-людей: достаточно капли, которая одна в состоянии переполнить чашу терпения. И тогда выльется страшное негодование к этим мерзавцам и плутам.

Телеграмма, редак[тированная] мною на часах¹⁷⁴, после 13-го января.

Петербург. Генеральный штаб. Генералу Алексееву. Копия: Географическое общество.

«В глухую полночь, на тринадцатое января, в тангутском княжестве Луц-ца счастье спасло экспедицию: мы вовремя встретили и отбили стремительную атаку местных разбойников, большим числом ринувшихся на наш бивуак, раздавить его. Атаке предшествовал разъезд, стрелявший часового, безуспешно. Тангуты поплатились порядочно. До Лаврана мы не расставались с оружием ни днем, ни ночью. Экспедиция с напряжением исследовала интересный угол ам-доского нагорья. Козлов».

Местные ламы с кровожадными наклонностями, они просят постоянно подарки, но не думайте, не бумаги и карандашей, до чего так падки настоящие монахи, а острых ножей и прочего. На оружие вообще их глаза страшно разгораются. Нахальный вид, задор, непременно [желание] толкнуть вас, нагло глядеть на вас и прочее. Словом, разбойники высшего пошиба. Не перечить отрицательных качеств этих мошенников. Пробивает последний час, в который европейцы должны окончить свои исследования. Тангуты с заносчивостью это говорят, с удовольствием сжимая рукоятки лож у европейских винтовок.

Хочется сегодня, все-таки, выступить и хотя бы немного пройти.

Вкусно позавтракав после полудня, мы выступили в дальнейший путь. Но какое тревожное было выступление, какое воровство сопровождало эти полудневные часы. У меня украли прекрасную, подаренную мне нагайку. У ребят отрезали стремяна, у китайцев — уздечки, на кухне — лопату, скребок и прочее. Ловили на месте преступления. Китайский тунси только замахнулся нагайкой на вора, как с гиком и криком появился разбойник (вер[нее], отец вора) со стягом и саблей. Но буяна удержали его собратья. Жена же, вырвавши стяг, начала им дубасить рассвирепевшего супруга.

Выступили. Впрочем, следует отметить, что с нас здесь содрали безумные деньги. Мы заплатили за жив[отных], проводников 15 человек по 1 л[ану]; хотя проводников ехало всего лишь 8 человек.

Даль была закрыта облаками — туманом, мы шли по-черепашьи по кочкам шириков¹⁷⁵, высохшим или замерзшим. Из животной жизни встречались антилопа ада, зайцы, волки; из птиц Mel[аносоурфа] maxima, державшиеся, в стаиках до 30–60 штук. Огибая подножье гор, пересекая увалы, мы вскоре увидели ехавший навстречу разъезд тангутов-воров. Они ехали украдкой и вскоре свернули в сторону. Сопровождавший нас старший лама сказал: «Это разбойники, грабители, их надо стрелять». Однако мы их оставили в покое, так как они дали нам дорогу, но когда, укрывшись за увалом, они поскакали дугою на наш караван, Четыркин и Полютков в сопровождении этого же ламы заскакали к ним и по просьбе ламы на 800 шаг[ов] послали в них шесть пуль, из которых три попали в цель — убили лошадь и ранили двух человек (одного в ключ[ицу], тяжело, другому оцарапали ногу). Мы, караван, продолжаем идти дальше. Стрелки, восторженные от выстрелов, вскоре опустили носы, повесили головы. Разбойники направились вслед за нами, почти догнали нас. Предатель-лама отрекся от совета и просьбы «стрелять по разбойникам», наоборот стал поносить

поступок русских. Караван задержали и много раз судили и рядили, несколько раз отношения обострялись почти до вооруженного столкновения. Тем временем подул ветер, пошел снег, бр-р, как тяжело было на душе. Но я удивительно верю в свою звезду, звезду счастья и символ Надежды, моей дорогой женушки. Кончилось тем, что за лошадь я отдал две лошади, за пострадавших людей 16 лан серебра (на лечение).

Идем дальше. Сопровождавшие нас разбойники возбуждены до последней степени. В меня двое прицеливались пиками, гренадер Демиденко, заметив это, хотел сразу положить негодяев, однако, осмотрительно предупредил меня, и я стал наблюдать за разбойниками. В сумерках мы остановились на прекрасном ключевом источнике, кругом унылая зимняя вьюга, летят вороны, промышляет большой серый волк, который показался Иванову за всадника. Ветер, скверно, холодно, снег закрыл и смочил аргал. Настает одна из тревожных ночей. Разбойники укладываются и располагаются лагерем рядом с нами. Тут же, в вечерние часы узнаем проделку ламы, что он подвел и подстроил стрельбу нашу по своим селякам (банагцам). Тунши предупреждает быть крайне осторожными, допускает возможность их нападения ночью или стрельбу в наш затылок в пути, когда мы, сгруппировавшись, идем, подгоняя быков. Пришлось усилить ночной караул с 2 на 3 человека [в 2 смены], итого — шесть. Эту ночь спали наиболее усталые — нравственно и физически — двое. Читая эти строки, моя милая жена поймет, что переживал ее муж в такой глухой дали, в таком разбойничьем гнезде. Особенно тяжелы были всегда ночи во время стояния на часах. Мы всегда выбирали открытые позиции и страшно благодарны были природе — Луне, которая нас оберегала своим холодным светом. Стоишь на часах: у ног прыгают грызуны, в соседних холмах кричит заяц, зловеще издает звуки сыч или филин или ночная же птица-сова.

20 января. Утро зимнее, холодное: минимум $-24,5^{\circ}\text{C}$. Облака нависли — холодно. От незамерз[ающего] ключа поднимается пар, мы ранним утром выступаем в путь. По дну долины многочисленные обширные ширики: идти по ним большое затруднение. Солнце поднимается, облака редуют, горизонт расширяется. Долина, с обступившими ее мелкими холмами, видна отчетливо. Общее направление ее: восточно-западное. Кочевников не видно. В восточном конце ее имеется прорыв здесь же зародившейся большой речки Вдэр-чю (Вдэ-чю), прорыв нам назвали наши спутники Рзэ. Здесь мы имели часовый привал: измерили абсолютную высоту, взяли образцы горных пород. Здесь по холмам с песней витали большие жаворонки. Тангуты сварили чай, когда он вскипел, тангуты громко прочитали обычную молитву в этих случаях: бросая капли напитка по сторонам. Молитва-просьба к горным природным богам, милости и благополучия в дороге, а также и богатства. Едят кочевники дзамбу с чюрой и маслом. Их мешки наполнены универсальным богатством, *<два слова неразбочиво>*.

Солнце пригревает; мы сидим, вспоминаем вчерашний ужасный день. Здесь одна природа ласкает. Вид большой долины, по которой диагонально проходит также Рарчжа-гомбаская дорога. Долину нам назвали Дэгзачжи. Ширина долины до 5–7–10 верст. Речка жметя к южным холмам, вытянувшимся правильно — широтно.

За прорывом мы вступили в следующую долину, того же характера, что и прежде, тот же растительный покров, те же мягкие рамки с юга, но более ве-

личественные горы с севера, в особенности вид их внушителен теперь, в зимнее время. Мне очень желательно проследить и долину, и горы, и не только с севера, но и с юга — те, которые скрываются мягкими холмами. Дорога вилась у южных холмов, за третьим отрогом которых мы увидели большие стада животных, а за пятым — и банаги их хозяев. Наши передовые проводники успели осведомить соседей обо всем, полезном для них. Но этого мало, и обо всем прочем.

Не успели мы остановить караван и связать его, как от банагов понеслись к нам с ног до головы вооруженные тангуты-всадники. Батыр выделился справа, на лихой извивающейся лошади и только момент, как понесся было этот отряд на нас в атаку... Кто-то из туземцев — наши проводники — влезли в середину и преградили путь атаке. Тангутский отряд остановился, гордо, частоколом, поставил пики. Я осведомился, с кем имею дело. Мне ответили, что собравшиеся тангуты провожали гегена и теперь, увидев иностранцев, интересовались ими. Боясь разбойничьих подвохов, я велел приехать ко мне одному-трем старшим, а отряду остановиться. Они так и сделали. Явился китайского типа тангутский начальник в больших очках на белой лошади, его сопровождали приближенные. Я вскоре познакомился с ним, его сыном и советником. После установки палатки пригласил к себе. Все они оказались большими любителями выпить и не только водки, но и спирта (в 95°). Пили сами, давали пить и детям. И сами, и дети, впрочем, были особенно падки до сахара и всегда, протягивая руки, просили его. Долго просидели у нас эти господа, уверяя в дружбе, попивая спирт. Тут же я им вручил подарки: одному кусок парчи, старшему чиновнику, его жене — кирпич чаю, сыну — большой нож, советнику — красивую флягу царского пороха. Гости благодарили за подарки и, выпив все, что было в спиртовой банке, ушли.

Но ни подарки, ни угощения не смягчают разбойничьих нравов, или смягчают очень мало. Когда коснулось дело до платы за животных, или вообще стоимости жизненных продуктов, то и эти грабители не постеснялись заломить ту же, что и прежде, разорительную для нас плату. Говоря вежливо: «Заплатите столько, сколько платили раньше, в других хошунах. По земле чужой не поведу: у меня дело с сосед[ним] хошуном, я там зарубил несколько человек». Вот и все так. Самый чиновник невысокого роста, ловкий наездник, говорит учтиво, вежливо, умно; сын его — молодец и по-здешнему красавец. Жена же — уродливая, грязная, старая. Намерены отправиться дальше, но завтра.

21 января. Знаменательный день: моему Володе 12 лет. Мысль еще вчера унеслась, как уносится и теперь, на далекую родину, где меня также вспомнят много, много раз.

Утром явился сын чиновника — приветствовать меня и спросить, благополучно ли мы ночевали, ибо начальник вчера гарантировал нашу безопасность. Все утро я использовал в съемке и писании. Позавтракали. На соседнем холме сходка. Дым курится, фимиами. Наконец бивуак оживился и людьми, и скотом, все засуетилось к движению. Как и прежде, так и теперь — страшное попрошайничество, просят всего, и сколько ни давайте этим бесстыжим людям, им все мало. Так и смотрите кругом, чтобы вас не обворовали до нитки. Таков склад характера и жизни разбойников. Хошун с хошуном во вражде. Боятся друг друга из-за убийств, из-за грабежей. Там зарубили трех человек, там семь, там девять и прочее. В одном, последнем урочище, на последней станции, лама Гуань-сю

Дунчжуб, в переговорах с нами о доставке в Лавран, откровенно говорил: «Я боюсь ехать туда, хотя и не зарубал никого; я боюсь китайского купца, у которого взял деньги под проданную ему шерсть, но шерсти не доставил. Я ему [не] могу показаться на глаза: он меня схватит и потащит. Если вы меня никому не выдадите, я пойду с вами до Лаврана».

В эти предстоящие три дня, 21–23 января, экспедиция перенесла свой лагерь из одного разбойничьего хошуна — Чэма, в другой к Гуань-сю Дунчжубу — последней смене животных, долженствовавших доставить экспедицию в монастырь Лавран, ставший для нас своего рода «землей обетованной», все наше стремление — к нему. Начальник хошуна Чэма по имени Кгарма, ведающий 250-ю палатками, со своим братом Кгарма-хончин, с другими 13-ю однохошунцами провели нас на расстоянии более шестидесяти верст очень хорошо. Вели горной областью почти в восточном направлении. На пройденном расстоянии мы проследили от самых истоков верховье речки, названной нам двояко: Вдэ-чю и Рзэ-чю. Эта речка катится медленно и поэтому очень-очень извилиста. Туземцы говорят, что она глубока, имеет корытообразное, мягкое, черноземлистое русло, с возвышенными (до 0,5 саж[еней]) обрывистыми берегами. Ее ширина с простираением вниз доходит от 15 до 20 саженой; вверху, конечно, меньше и тем более, чем ближе к истокам. В верховье опис[анная] речка протекает через две характерные долины: Дэг-зачжи и Натон, простирающиеся в ширину в 7 и 10 верст, а последняя и значительно больше. И та, и другая долина изобилует кочками шириков, по которым, обыкновенно, пасутся стада скота; вперемешку с последним кое-где виднеются антилопы ада, да многочисленные стайки великанов-жаворонков. Антилопы, впрочем, по утрам чаще виднелись у гребней гор, окаймляющих долину (до 30–40 и 50 штук). По уверению тангутов, здесь довольно обыкновенны медведи. Горы довольно мягкие, луговые. Не только леса, даже кустарников мы не видели.

Из всех начальников разбойничьих хошунов мне больше других понравился Кгарма с его братом. Он извинялся передо мною за своих хошунцев, он благодарил за подарки. Он сам — единственный человек, который сознавал, что наше путешествие страшно дорого, что мы платим очень много денег не только за животных, но и за людей. Только путешественник может себе представить, как обидно платить 15-ти людям по лану в день, каждому. Да, дорогой ценой, и не только материальной, но и нравственной, и физической мы платили за исследование, правда, крайне интересного уголка амдоского нагорья. Один Кгарма понимал значения слов: стыд, уважение, дороговизна, благодарность. Прочие не желали с этим считаться. С этим человеком мы засиживались в палатке подолгу. Он, как и прочие молодцы-тангуты, зарился на оружие, на стрельбу. Сам и его лучшие стрелки изошрялись в стрельбе, но лучше прочих выстрелил брат начальника — Кгарма-хончин. В свою очередь, по просьбе Кгармы, мы стреляли залпом и пачками (стреляли очень удачно), чем произвели на воинственных обитателей Амдо громадное впечатление. Долго-долго тангуты не унимались от повышенного разговора о впечатлении от русской винтовки; в душе они отлично знали и сознавали, что фокус наших сил — ружье, не будь мы так прекрасно вооружены, не будь мы так осторожны в движении и на бивуаках, не держи мы усиленное охранение, дежурство, положи руку на сердце, можно сказать, мы

пропали бы. Зорко следовавшие за нами разбойники-тангуты, почти ежедневно появлявшиеся на гребешках гор или холмов партиями в 3–10–15 и более человек, без нашей всегдашней бдительности, раздавили бы нас. Я сам на дежурстве ночью наблюдал за одним разездом, который, заметив двух человек на нашем лагере, простоял на месте около трех часов и уехал, что называется «не солоно хлебавши», не побеспокоив нас в лунную ночь даже на расстоянии. Что же так сильно влекло разбойников к нам? Чем мы разжигали их дикие страсти? Отвечу — несравненным оружием, патронами, богатством денежным и материальным. Воображаю, как бы «превосходно» хозяйничали разбойники-тангуты в том бы случае, если бы судьба отдала бы экспедицию в их руки. Утвердительно скажу, что не скоро проникнет сюда кто-либо из европейцев; разве, также как и мы, не зная, опрометчиво. Впрочем, я сознавал, что буду иметь дело со знакомыми мне вооруженными нападениями и вооруженными, отчасти, европейским вооружением, но чтобы мне на каждом шагу видеть мирное воровство, грабительство и разбой, я не ожидал, как не ожидал ужасной дороговизны на животных и прочее, например, жизненные продукты.

Мне в дороге много раз приходило на мысль следующее: хорошо было бы видеть нас, маленькую горсточку людей, идущих отчасти пешком и едущих на лошадях или яках, вслед за караваном — кучкой темных быков, хрюкающих как свиньи и задевающих выюк за выюк. Рядом же или впереди, или сзади следуют, словно эскорт, тангутские воины, непременно на конях. Этот эскорт, в местах сомнительных, поднимается (разездом) на вершины и зорко всматривается или уже придумывает средство избавиться от неприятеля. Такой эскорт чаще всего едет кучкой то шагом, то марш[ирует] маршем. Проехав известное расстояние, останавливается то для совета, то для еды или чаепития... Вдруг, среди тишины раздаются пронзительные голоса, — то тангуты сварили чай, кричат просительную молитву богу — покровителю природных богатств — гор, приносят ему первые капли влаги, брызгаемой по сторонам и на багаж, просят благополучия в дороге.

И здесь мы продолжали встречать урочища с монгольскими названиями.

Теперь буду говорить несколько в хронологическом порядке.

В первый из трех дней экспедиция выступила после обеда и направилась на пересечение обширной долины Натон, держа направление на восток-северо-восток. Вскоре мы пересекли большую дорогу, тянущуюся в поперечном нашему движению направлении — из Куку-нора в Сум-нань, южнее Лаврана. Нас провожали туземцы — однохошунцы. Еще далее стали раздаваться звуки бубнов и раковин, несшихся из стана, главным образом, монахов, молящихся о благополучии разбойников. В середине долины переправились по льду через прихотливо-извилистую речку, которая описана выше. Так прошли еще столько, и у окраины гор, на берегу повернувшейся Рзэ-чю, приютились общим с разбойниками лагерем. Я не знаю, доверяли они нам, но мы, конечно, им не доверяли, в особенности, в первый ночлег, приходившийся на их земли, в их владениях, подле холма Джясы-лапци. Мы следили за эскортом в оба, хотя они уверяли нас в дружбе, а мы их.

Следовало сказать, что на пересечении сун-пан-тинской дороги я тотчас увидел на северо-востоке прежний знакомый, с прорывами хребет, а на дальнем юго-востоке длинный, убегающий за горизонт хребет, своим южным крылом

постепенно исчезающий, весь засыпанный снегом. Его нам предстояло перешагнуть. Издали этот хребет тянулся довольно однообразной пилой, валом.

На обратной же стороне — западно-юго-западной выделялся не рельефно, лишь силуэтом тот хребет, которого мы коснулись с севера, с этого подножья. Другими словами, мы все время последние дни держались среди высоких цепей гор и в высоко поднятой (абсолютно) долине, напоминавшей таковые тибетские, да и прочий тибетский характер.

В этот же день, двигаясь по долине, видели пару седых луней, сарыча, двух соколов (*Gennaia [milvipes milvipes]* и [*Falco tinnunculus*]), и прежних великанов-жаворонков, державшихся в стайках и нарушавших своими голосами царившее вообще безмолвие. Попадались также и жаворонки (*Otoc[orys] elwesi*). Второй день двигались среди гор; то поднимались на вершины их, то опускались и следовали в долинах. Вновь переправились через реку, окаймленную мягкими луговыми холмами, с более или менее широкой долиной, несшей прежний широкий характер. Сегодня там и сям попадались обитатели. Поднявшись на гребень, мы расположились лагерем у его противоположного ската, по соседству с вершиной, увенчанной обо.

Третий день лишь тронулись в путь, как по просьбе чиновника, нас сопровождавшего, стреляли в обрыв. Вероятно, ружейная трескотня выдала разбойников, таившихся до того в складках, они быстро вскакали на вершину гор и скрылись за ними. Мы вновь стали приближаться к горам, к их прорыву Рзэ-чю, во многих местах слева встречая препятствие, выставляемое в виде широких ледяных лент, которые были образованы многоводными горными источниками. В ущелье характер местности изменился — повеселел. Мы шли до отворота реки Рзэ-чю на юго-запад и впадения в нее слева притока Чун-гу, который был местами открыт от льда и катился по плоско-галечному ложу, неся прозрачную воду, шириною до 3—4 саж[еней], при глубине до полуфута, не более. Оставив урочище, «слияние речек», где мы также стреляли в цель на удивление тангутов, мы поднялись на вершину холмов, откуда увидели хребет, отделяющий нас от Лаврана. Он был занесен снегом. До него залегала обширная долина, на которой выделялись в виде гигантских волн холмы, в различных направлениях, отчего долина носила пересеченный характер. Кое-где виднелись черные точки тибетских стойбищ. К первым из них наши подводчики отнеслись очень осмотрительно, двигались сосредоточенно и с ближайшего холма долгое время осматривали, нет ли чего подозрительного.

Далее поехали более спокойным образом, так как уже показались стойбища хошуна Гуань-сю, начальник которого приходился родственником Кгарма. Разыскивая его стан, мы прошли до вечера, впрочем, не меняя хорошего направления и не уклоняясь с дороги. В три часа остановились, чуть-чуть войдя в передовые отпрыски южных предгорий.

Начальник Кгарма поехал к Дончжубу, вероятно, все передать ему. Тут, до прихода каравана, я неожиданно подошел к столпившейся кучке наших подводчиков узнать, чем они так заинтересовались, мне казалось, или крутизной обрыва, или каким-либо хищником, усевшимся там, тем более, тангуты, смотря туда, указывали и мне. Оказывается, картина общежитейского характера. Под обрывом, на мягкой осыпи, в укрытии по-домашнему расположилась влюблен-

ная парочка, отправляя акт полного сближения. И вдруг тут, с вершины обрыва, десятка полтора-два глаз, устремленных на уединенных! Конфуз, торопливое запоясывание и прочее. Один направился вниз, другая — вверх, к банагу, как ни в чем не бывало. Вероятно, наши тангуты порассказали об увиденном. Совсем вечерком «красавица» прогоняла скот вблизи нашего бивуака, но из стыда не завернула к нам, хотя бивуак был полон.

Давно мы уже не видели солнышка, воздух влажно-туманен, прозрачности нет, от этого страдает наблюдение общего географического характера, а также съемка. Облачность сплошная и днем, и ночью. Вся поверхность белеет от снега, лежащего более тонкою пеленою в долинах и сплошным, более основательным покровом в горах. Мы не любим снега. Холодно, скверно, бр-р, в особенности, ночью в летнем жилище — палатке, а еще более чувствительны, стоя на часах. Теперь о хошунном начальнике Гуань-сю.

24 января. Дневка в стане хошунного начальника Гуань-сю Дончжуба, в урочище Хур-мару, находившемся на юго-западной окраине его владений. К северо-востоку и востоку стоит хребет, протянувшийся далеко в восточно-юго-восточном направлении; в обратном, оставленном нами, направлении горная страна, над которой выделяются наиболее высокие хребты, отливавшие сплошным матово-белым блеском снега. Соседний хребет, который предстояло нам перевалить, хошунный начальник назвал Цзэ-ког.

Дневка прошла незаметно. Прежде всего, расчеты с хошунным начальником Кгарма, прощание с ним, он подговорился к новым подаркам. Он же в конце остался очень довольным, уверял меня в дружбе и готовности при следующей встрече везти меня куда угодно. Заканчивая выражение дружбы, Кгарма заметил: «Я вас вел прямым направлением, хотя мне было предписано Луцца направить вас на Ван-цзэ-ина; я повезу, куда вы прикажете — на Гуань-сю-хомбо, куда прямее или нужным путем, куда предписывает князь земли Луццаской, как вы решите. До Ван-цзэннских владений от моих — переходов пять». Я, конечно, решил скорее выбраться из этих разбойничьих мест, хотя и очень интересных в географическом отношении. Изучение и знакомство с ними стоило экспедиционному карману накладно и слишком накладно, тем более, что незаметным образом мы удалились и без того вглубь Амдоского нагорья. Наш путь шел по проторенной дороге Рарчжа-гомба — Лавран, что и требовалось доказать.

По отъезде «приятелей» хошуна Чэма мы остались вновь одни. Наш бивуак уже осаждался местными обитателями и обитательницами. Стала появляться и та, которая в первые минуты прихода головной части экспедиции, послужила развлечением. Сперва она конфузилась, позднее — как ни в чем не бывало. Вечером заявился и хошунный начальник, который накурился опия вместе с нашим сининским тунши и, может быть, под влиянием этого наркотического средства, объявил мне первое маленькое неудовольствие, а именно, что он не может доставить экспедицию непосредственно в Лавран, как уверял при Кгарма, а свезет к некоему бэйсэ, который кочует в одном переходе от Лаврана. Он же, Дончжуб, сознается, что не может безбоязненно показаться в Лавран, так как там находятся китайская фирма, торгующая шерстью, одного из участников которой он зарубил после того конечно, когда купец начал энергично спрашивать проданную шерсть, под которую выдала фирма хошуну

до тысячи лан серебра. Вот, повторяю, господа, среди каких типов экспедиция исполняла зимнюю экскурсию. Вот представители Амдо! Вот хошуны, которые в постоянном страхе, в постоянном ожидании мщения, за разбой, убийство, причиненное тому или другому хошуну! Против изменения условия не в пользу, а во вред делу экспедиции, я теперь считал излишним протестовать. При встрече со мною Дончжуб всякий раз учтиво склонял свою могучую фигуру, выставял руки с поднятыми большими пальцами, и учтиво произносил надрывающим голосом: «Хомбо, дэму ина!»¹⁷⁶.

В следующие четыре дня **25–28 января** судьба и Гуань-сю Дончжуб доставили нас в монастырь Лавран, считавшийся в последние дни для всех нас «землей обетованной». Общий характер пути — горный: два дня мы осиливали трудности в пересечении двух главных цепей гор и многочисленных второстепенных, — протянувшихся в северо-северо-западном — юго-юго-восточном направлениях; в два последующие — маршрут экспедиции пролегал в долинах, несших стремительные, прозрачные воды в манивший нас долгое время монастырь Лавран. Участники экспедиции сильно мерзли, в особенности при отбывании ночных дежурств и вьючке упрямых быков (на рассвете). Подводчики своим лагерем располагались в нашем соседстве. Они с вечера долгое время не засыпали: голоса то и дело раздавались в ночной тишине. Без палаток им было жутко, но они превосходно переносили трудности, невзгоды дороги. Даже в крайние холода, послушные привычке, обитатели Амдо сбрасывали правые рукава, стеснявшие их в движениях.

Наши занятия в зимнее время, во время больших ночей и коротких дней сосредотачивались, главным образом, в географических работах — в съемке и дневнике; пополнялась коллекция лишь геологическая, да велись систематически метеорологические наблюдения. Природа спала крепким сном. Дикая животная жизнь была крайне бедна, в особенности в отделе млекопитающих, из которых мы замечали: волков, иногда следовавших по ущельям в виду нашего каравана, лисиц, зайцев и более мелких грызунов. Медведи и сурки предавались зимней спячке. Из травоядных чаще других попадались на глаза антилопы ада, быстро, грациозно перебегавшие долину, или наперерез холмов. Из пернатых наблюдались в горах: крупные хищники: *Gyps himalayensis*, *Vultur monachus* и *Gypaetus barbatus*, а также и красавец-орел, гордо, важно пролетавший над вершинами, в синеве неба. В долинах: земляные вьюрки, сойки (*Pod[oces] humilis*), черные вороны, сокол-пустельга, реже *Gennaia hendersoni*, стайки рогатых жаворонков (*Otocorys elwesi*), там и сям клушица. В долинах, богатых пищухами, попадались их истребители — сарычи, а в наиглавнейших горах — улары (*Tetraogal[lus] tibetanus*), да стайки каких-то вьюрков.

На нагорье*, в соседстве высоких горных цепей, чувствовалось низкое стояние термометра; наоборот, с понижением местности, с движением экспедиции по долинам бассейна Хуан-хэ, как, например, лавранской речки, становилось теплее; тишину воздуха стали нарушать стремительные прозрачные воды речки; местность стала постепенно освобождаться от сплошного снегового покрова.

* Следовало отметить, что характерную черту высоких долин Амдо составляют «мошоширики» — луговые болотистые кочки, такие же, как и в Тибете вообще, по которым так обыкновенны жав[оронки]-вел[иканы] (*Melan[ocorypha] maxima*).

Теперь скажем о каждом дне в отдельности, начав с первого, то есть с **25 января**.

Утренняя возня с новыми быками, распределение их под выюки; и обычное, сравнительно, позднее выступление при многочисленной толпе провожавших. Старшина — здоровенный, жирный тангут, целое утро разъезжал по стойбищам, собирая быков. Наконец все готово, и наш караван с места берет направление на четверть окружности влево, то есть изменяет юго-восточное на северо-восточное направление. Мы держим путь вдоль гор, 14°, пересекая ложа речек, минуя на пути стойбища номадов, откуда на нас бросаются лютые псы; затем начинаем переваливать второстепенные перевалы, внедряемся в хребет, и восточным курсом берем засечку на его главную седловину — Санэга-нэга. Горы круты, кустарны и везде на полуденных скатах отливают золотистым фоном луговой растительности. В северо-западном углу тянутся горы, во-первых, высокие раздельные, (наз[ваны] выше), во-вторых — западное или, точнее, северное продолжение нашего хребта, и в-третьих, отдаленные цепи гор, может быть те, которые я наблюдал в Луцца, — оттуда к востоку.

Поднявшись на перевал Санэга-нэга, вдаль мы ничего не видели, кроме главных и второстепенных гор того же хребта. По обыкновению здесь дул крепкий пронизывающий ветер. Определив высоту перевала, мы наблюдали за теми немногими птичками и птицами, которые тут держались: то были грифы*, орлы, клушицы, улары (*Tetraogal[us] tibetanus*), целым выводком кормившиеся на солнечном пригреве, щеврица и немн[огие] другие. Ущелье, по которому мы спускались, было вначале очень круто, каменисто и снежно. Но, судя по большой проторенной дороге, можно думать, что здесь движение нередкое. К тому же, от времени до времени попадались тангутские стойбища. Номады недавно укочевали; были видны их следы.

На этом же переходе я нашел каменное орудие — колотушку с рукояткой, служившую для вбивания в землю шерсти.

Склоны гор были одеты ковром кустарника — караганы, в котором теперь держалась кабарга, а в летнее время — гнездится немало мелких пташек.

На старом стойбище, богатом топливом, открытыми от снега лужайками, а также и чистой водой, мы имели ночлег в горах. Сказывалось улучшение или некоторая мягкость местности: появилось много ключевых родников, увеличилась пышность кустарной растительности, появились сороки.

26 января, или второй день, движение с Гуань-сю Дончжубом происходило также в области гор — в районе второй, параллельной цепи гор. Тотчас с ночлега мы поднялись на северную высоту, наперерез бокового отрога, и затем стали было с него спускаться, но потом вновь уклонились в восточном направлении и стали подниматься на перевал соседней, несколько пониженной цепи. Вверху опять, с одной стороны, прекрасные пастбища, с другой — ключевые родники и обилие снега. У подножья перевала Кисэр-ла, там же, вблизи, произошло временное разделение дороги. Мы устроили чаепитие, как вообще делали ежедневно в целях отдыха для животных, которые свободно паслись и отдыхали.

* Особенно гордо несся с высоты неба, с подтянутыми крыльями бород[атый] ягнятник. Как он чудесен в синеве неба!

Здесь во время чаепития случилось нечто интересное. Среди полной тишины кругом, вдруг, понеслись вибрирующие голоса. Стоило оглянуться на вершины гор и увидеть конные фигуры тибетцев, стоявших в полной готовности к бою. Наши подводчики также ухватились за свои фитильные самопалы и также успели зажечь их фитили. Дальнейшему положил конец Дончжуб, громко закричавший: «Это не грабители, а наши». Эти «наши» повесили ружья за плечи и поехали дальше по косограм, за исключением одного, свернувшего к нашим подводчикам. Вскоре навстречу появилось еще несколько лам, ехавших из Лаврана, куда стремились и мы, отсчитывая дни за днями.

После чаепития мы также двигались вниз по крутому каменистому, местами обледенелому ущелью, как и с южной цепи гор. Направление ущелья и пути, следовательно, шло к востоку или чуть-чуть с уклоном к северу. Падение ущелья было значительное. Мы пришли в урочище Самарин-гдо, замечательное расширением долины по случаю смятия трех соседних ущелий, из коих следуемое нами приходилось средним; по правому пришла дорога, разделившаяся под перевалом.

Наши подводчики стали дерзко требовать платы, грозя в противном случае оставить нас посреди дороги. Выданная им вперед большая ямба¹⁷⁷ смирила мошенников. Они стали приветливые, добрые и внимательные.

На этом ночлеге я вновь стоял на часах. Наша спутница-Луна своим светом способствовала хорошему наблюдению. Небесный свод то очищался, то заполнялся облаками. Снег хрустит под ногами. Без конца отмериваешь шагами расстояние: сколько передумаешь, перемыслишь. Сколько раз мысленно бываешь дома...

Вот лошадь, мой Гнедко, насторожился, поднял вверх голову и пристально смотрит вниз по реке. Я слежу за этой чуткой лошадью. Она поводит головой. Показалось два волка, вышедших на ледяную, занесенную снегом поверхность речки. Звери прошли в пятидесяти сажнях от нашего бивуака, приостановившись было на минуту, затем тихо побрели вверх. Наши собаки спали мертвецки, громко всхрапывая. Тангутский лагерь также спал. Не желая поднимать тревогу, я и Мадаев оставили волков в покое. Эти звери иногда двигались по ущелью в виду нашего каравана, оглядываясь назад и соразмеряя свое движение с нашим.

27 января. Морозное, свежее утро. Мы уклоняемся к востоку, минуем характерный излом ущелья и гор. Выходим на простор долины. Речка открывается ото льда, соседние ущелья обогащают ее водами. Горы раздвинулись и внизу — там, где должна прорваться в горах наша речка — над лежащими впереди горами, показались три характерные вершины: две (к западу) и одна (к востоку) плоская, названная нам Рачжа-лапци. Все три вершины считаются святыми, молитвенными горами, где будто бы молятся паломники, являясь на них в летнее время. Тангуты говорят, чтобы получить удовлетворение своих молитв, нужно непременно обойти по вершинам, к обо, все три горы, иначе не будет даровано просимого.

Выйдя на долину с легкой покатостью вниз, мы ходко стали подвигаться. Наши подводчики, завидя стойбище влево, в укромных укрытиях, один за другим исчезли туда же. У другого конца долины виднелся холм с большим обо, к которому вилась многими змейками проторенная дорога. Мы было уклонились ею, но тотчас поняли заблуждение и обратились к встречному пастуху —

красивейшему юноше, который и вывел нас на надлежащий путь. Мы приближались к прежнему ущелью — долине, когда нас догнали наши подводчики, не протестовавшие особенно из-за своего отсутствия и нашего бокового уклонения. Ущелье стало более приветливым, зашумела вода, всюду стала выделяться кустарниковая заросль.

В таком месте мы чаевали. Затем двигались с приятным чувством приближения лучших, мягких мест, приближения Лаврана. Ущелье оживлялось высокими горами, по дну картинно извивалась речка. Растительность стала пышнее, выше. Соседняя вершина гор справа была объята пламенем: ярко, сильно горели прошлогодние сухие травы, огонь змейками перебегал на новые места. Пристально всмотревшись в горы, мы замечали на многих из их вершин молитвенные обо.

Чем ниже спускаемся, тем место становится более привлекательным. Речка разбилась на много рукавов, спрятанных в гущине высоко-древесной растительности, в которой стало попадаться много фазанов (Штрауха), вьюрков (Caprodacus), разных синиц, Rusicilla; вдоль речки то и дело проносятся серпоклювы или вод[яная] оляпка, издающие свои оригинальные голоса. Воздух стал не так холоден. Появился и красивый высокий обрывистый берег, по которому караван поднялся не без труда. С вершины косогора открылись очаровательные виды вниз, в особенности же, вверх по речке. Воображаю, как здесь хорошо и приятно бывает летом. В лазурной вышине гордо описывает круги красавец беркут, внизу, по дну долин или косогорам, плавно расхаживают голубые или красные фазаны, каркает ворона, мелодично перекликаются галочки. Из чащ кустарных несутся голоса альпийских синиц (Poeile affinis), поползней, овсянок, краснохвосток, чечеток и друг[их]. Животные прибавили шаг.

Наши подводчики рассчитывали сдать нас местным туземцам для дальнейшего препровождения в Лавран, но местные варнаки¹⁷⁸ не согласились на эту сделку, гордо ответив: «Вы взяли три перехода, везите и четвертый». Здесь воров стало еще больше прежнего. Только и слышится «берегитесь!», в особенности ночью. Наши подводчики одни повесили носы, другие посмеиваются. По-видимому, стал мрачен Дончжуб, всеми силами старающийся нас сбыть другим.

28 января. Настал последний, четвертый день. Еще с вечера наш сининский тунши передавал, что Дончжуб намерен нас оставить, а сам поедет обратно. Словом, до последнего дня амдоской экскурсии пришлось быть на военном положении, в повышенном состоянии. Проходят часы, бивуак не оживлен вьючкой. Чуть мои люди подходят к быкам, как тангуты грубо ворчат: «Не берите». Энергично требую к себе Дончжуба. Является. Еще энергичнее приставляю к его виску дуло револьвера: эта суровая мера с дикарями тотчас приводит к желаемому результату. Дончжуб быстро стал покладист, только и твердит: «Лаксу», «Да, да». Не успел я его отпустить в свой лагерь, как уже раздается его звучный голос: «Вьючьте!» Все запрещения, все протесты, будто бы исходившие от непокорных бэйсэ, тотчас положительно разрешились твердою волею Дончжуба.

Через полчаса мы в пути, вниз по речке; последняя — прихотливо извивается, мы переправляемся на правый берег и неспешно подвигаемся вперед. Ущелье несет прежний приветливый характер: журчание воды, заросли, скалы и пение птиц ласкают глаз и ухо. Животные идут отлично. Все жаждут Лаврана, о нем только и говорят. Речка Чернар-ганды выступила на простор, горы вновь расступились,

направление в последнее время шло на юго-восток, где поперечно тянулись значительные горы — левое крыло массивного хребта Рдюк-ка-гэгэ-нэга, это крыло гор нам назвали Джавли-сантут. За южными или юго-западными горами уже владение Ван-цзэ-инские¹⁷⁹. Там проходит дорога и в Сун-пан-тин (держась на юго-восток). Высокие внушительные горы, в особенности теперь, в зимнее время, когда они сплошь засыпаны снегом. Оттуда, от тех гор стремительно неслась речка, в которую сливалась наша, и образовали одну Сан-чю (лавранскую), которая вскоре вступает в высокое, тесное ущелье — общее с тем, которое в известном расширении приютило Лавран.

Долину, в которую мы вступили, и которая нам открыла вид на горы к югу, Дончжуб нам назвал долиною Тана. В этой долине наша речка жалась к западным красно-бурым характерным холмам, [на] которых были видны следы древних построек. Очаровательное ущелье, напомнившее мне лучшие уголки Ганьсу, осталось позади. Приближалась своеобразная монастырско-буддийская культура. Ввиду приближения центра нашего стремления — Лаврана, я остановился на час в долине Тана для чаепития, за которым решено было Полютова и сининского тунши послать вперед в Лавран, чтобы приискать место остановки и узнать об участи «наших» и нашего транспорта.

За чаем я прочитал дополнение к приказу по экспедиционному отряду от 13-го января сего года.

Дополнение к приказу от 13 января 1909 года

«За отличие по службе, за отбитие ночной атаки тангутов — разбойников, стремительно бросившихся на наш бивуак, чтобы раздавить его, производится в старшие унтер-офицеры: младший унтер-офицер 1-го Л[ейб]-гренадер[ского] Екатеринославского Императ[ора] Александра III полка Влас Демиденко. В старшие урядники: младший урядн[ик] Забайкальского казачьего войска — Арья Мадаев. В младшие урядники: приказный того же войска Гомбо Бадмажапов. Всем вообще еще раз приношу мою душевную благодарность и признательность. В лице моего неизменного спутника — старика Иванова и молодого помощника Четыркина обнимаю вас всех. За трудную службу, блестяще вами исполненную на амдоском нагорье, где проживают разбойники тангуты, пытавшиеся много, много раз уничтожить нас!»

Еще томительных полтора-два часа и мы в Лавране. После чаепития Полютов и тунши отправились вперед. Мы вслед за ними обогнули каменный мыс, где имеются выемки вроде пещер, куда тангуты с молитвою бросали камень. За первым мысом, тотчас, гирляндой переброшена через дорогу в виде арки мани¹⁸⁰. Ущелье суживалось. Горы возвышались. Речка рокотала громко, будучи совершенно освобождена ото льда. Она извивалась могучею темно-серою змеею. По сторонам, на вершинах гор, там и сям виднелось немало обо, вообще чувствовалось приближение молитвенного центра.

На правом берегу Сан-чю двигались в ту и другую сторону туземцы; встречные (чуть ли не первые, не считая встречных у перевала), почти единственные, встреченные на пути.

Нетерпение попасть в Лавран увеличивается еще больше.

Вот показались селения, расположенные на правом берегу, подле них пашни, скот, словом, жизнь. В бинокль видны собаки, куры. Частоколом возвышаются приспособления для чистки и сушки снятого в поле хлеба.

За последним изгибом показался западный край монастыря. Мы невольно прибавляем шагу. Встречные пустые караваны быков возвращались из монастырского базара, из монастыря.

Влево, в живописном месте приютилась летняя резиденция главного хутхты Лаврана — Чжамьян-шадбы. Уединенно, красиво, высоко прилепился к скалам маленький, красивый монастырь. У ног его скалы, скалы и скалы, все почти убраны хвойным лесом, в котором не раздастся предательский для жизни выстрел, не ставятся капканы, не наводятся пленки¹⁸¹. Дикая животная жизнь здешняя освоилась с миролюбием монахов: кабарга, лисица, зайцы не чуждаются человека, птицы, да еще какие — горделивые голубые фазаны живут и ведут себя словно домашние куры: они беззаботно расхаживают выводками, копаются у корней, издавая, будто переговариваясь, голос: «Ко-ко-ко... ко-ко-ко». В подобных уголках, вдали от мирской суеты, но вблизи природы и прелестного летнего лазурного неба истые монахи невольно проникаются глубоким размышлением, невольно впадают в созерцание, в познание нирваны! Летом в таких уголках веет убаюкивающей душу и улаждающей сердце лаской природы, тишиной, чарующей человека, поднимающей его на ту идеальную высоту нравственных начал, к которым вообще он должен всегда стремиться.

Оставив наблюдение уединенной обители, глаз переносится на первый дом-храм, расположенный в долине, откуда за каменистым мысом начинается монастырь, его сплошные постройки. У подножья гор — старинные, в середине и по набережной — позднейшие; видно, как разрастаются монастырские постройки. Справа сбегают высокие холмы, убранные хвойным лесом, который окаймлен кустарным подлеском. Лес этот находится под покровительством монастыря, поэтому цел и сохранен вместе с его животным населением — зверями и птицами.

Мы проследовали вдоль набережной, базарной части и там, где расположены хурдэ и где также проходит лингор — дорога паломников растяжными поклонами. Дорога эта, как и окраинный субурган, постоянно оживлена народом. В первом случае по ней беспрестанно распластываются ниц, во втором — обходят, произнося молитвы вокруг по несколько, иногда очень помногу — по сто и более раз — те же паломники. Как раз при въезде нашем в монастырь, нас встретил переводчик Полютов с местным дунганином — старшиной, который вручил мне пакет с письмами, полученными в Лавране на мое имя всего лишь за три дня. Вместе с письмами отдаленными, из России, были и письма от Напалкова, известия о его благополучном движении.

Старшина проводил нас в свое дунганское торговое подворье, расположенное ниже по Сан-чю, в четверть версты от субурганной окраины. Оригинально расположенное подворье — покоем, кают-компанией, с боковыми каютами-лавками и домиками (вверху). На плоских кровлях — жизнь и деятельность.

В одном из домиков, плотно или тесно связанных между собою, были сложены наши вещи — экспедиционный багаж, в полной исправности. В этом домике сосредоточились и все мы со своим багажом, пожитками. Дунгане тем или

иным способом старались выразить экспедиции свое внимание — деликатно, благовоспитанно приходя и принося лучший чай или приглашая к себе на чашку чаю.

Вместе с имуществом прибыл и наш пернатый спутник — гриф-монах, восседавший на перилах балкона. Въехав во двор и разместившись в помещениях старшины, мы принялись читать вести с дорогой, далекой родины. Из дома пришла приятная весть: жена и дети здоровы. Дети формируются, развиваются, учатся. Время разлуки сокращается. Жена более и более проникается интересами экспедиции — энергично отстаивает каждый вопрос ее. Но вместе с отрадными новостями, пришли и очень грустные: умер Александр Васильевич Григорьев, перестало биться «сердце Географического общества». Тяжело свыкнуться с этой роковой вестью. Человек сердечный, сердечный друг путешественников отошел преждевременно в вечность. Сильно содрогнется Общество (оно уже впрочем, содрогнулось). Оно содрогнулось, оно пережило тяжелые дни, оно проводило дорогой прах в могилу, оно, вероятно, достойным образом почтило память незабвенного Григорьева. Перышком тебе земля, мой искренний отец-друг, ты не заботился так о благе собственном, как заботился о благе ближних, о благе друзей. Сколько раз на протяжении нашего 20-летнего знакомства я приезжал к тебе, в твой скромный, уютный домик на Суворовском проспекте, и с какими бы тяжелыми вопросами ни обращался, ты всегда спокойно, удовлетворительно разрешал их и я, обласканный, счастливый возвращался от тебя. Ты жил моими успехами, каждая успешная весточка моей экспедиции тебя радовала. И не дождал ты до конца, до возвращения экспедиции. Не успел увидеть всего того, что суждено было привезти экспедиции в центр просвещения родной страны — Петербург. Как некогда смерть незабвенного Пржевальского сжала сердце до тяжелой боли, так теперь смерть А[лександра] В[асильевича] наложила суровую печать на духовную или нравственную мою сторону. Боже, какое тяжелое, какое великое горе!!! В тесном общении с горной, лавранской природой, в общении с буддизмом ищу успокоения, облегчения. Странно, но в высшей степени трогательно, что и моя несравненная жена с не меньшей болью в сердце переносит эту тяжелую для нас утрату, утрату добрейшего, сердечнейшего и милейшего нашего общего друга, которого мы оба с женой любили, как родного. Прощай же, Александр Васильевич, прощай, незаменимый друг, прощай, труженик, вызывающий восхищение!

Прочитав письмо жены второй и третий раз, я поднялся на кровлю дома, чтобы забыться, чтобы уйти в себя. Красиво расположенный Лавран, приветливый лесок, живая, прозрачная струя Сан-чю рассеяла мрачные тяжелые думы. Кругом жизнь бьет полным ключом. Хочется жить, хочется больше и больше работать. Прекрасные вести жены о хорошем впечатлении ученых о результатах работ в Хара-Хото и прочем укрепляет силы физические и нравственные, и придает бодрости, энергии.

Усталость напряженных переходов клонила ко сну, но вести с родины не позволяли сомкнуть глаз. Как раз в это время понеслись вибрирующие тангутские голоса, как во сне, напомнимшие тяжелую, только что пережитую, тяжелую действительность. То был воинственный задор тангутских воинов, с зажженными фитилями и поднятыми вверх пиками, приготовившимися броситься

на «верхних»*, собратьев отплатить им за уворованную лошадь. И здесь постоянные раздоры и споры у тангутов — этих обладателей горячих сердец. Стоила ли того уворованная лошадь, из-за которой уже погибло несколько человек в первой схватке; теперь готовилась вторая, но дунгане явились посредниками, примирителями и сдержали острый пыл «нижних» тангутов. Страсти понемногу успокоились.

Тихо, безмятежно потекли дни за днями нашего пребывания в Лавране. Нас все интересовало и мы со всеми понемногу знакомились, отдых восстановил наши силы, сравнительное спокойствие укрепило и нравственно. Мы совершенно легко почувствовали себя, отпустив и распрощавшись с последними подводчиками во главе с Дончжубом — этим атлетом, богатырем, враждовавшим со своими чиновными подчиненными. На прощанье Дончжуб сказал: «Уважаю Тэмбу, уважаю Хамбо, он молодец, энергичный человек, он властно заставил меня везти его в Лавран¹⁸², и мне было приятно исполнять его молодецкое приказание». Такие слова Дончжуб произнес при собрании у старшины Полютову, передав ему для меня приветственный хадак.

Глава Лаврана в наш приезд отсутствовал, его заменяли двое помощников: в светском отношении геген Гонта-Чонзэт, нголок, седой, около 60 лет библейский старик, очень симпатичный, с которым у меня завязались очень скоро дружественные отношения. Второй — духовный заместитель, более древний**, холодный старик, произведший неприятное впечатление. Он помещается в собственных покоях главного лавранского перерожденца, тогда как Гонта-Чонзэт — в раз и навсегда отведенном ему доме. Письмо сининского цин-цайя в связи с посредником-старшиной возымело хорошее действие. С каждым новым свиданием наши отношения с Гонта-Чонзэт улучшались. В ответ на наши «высшего» типа подарки, геген — единственный пока с Чойбзэн-хутухту не оставшийся в долгу. Симпатичный старик прислал несколько хороших бурханов (металлических и иконописных), несколько интересных тибетских книг, хурдэ и прочее. Мне всегда будет приятно вспомнить этого человека, за которого я обещал сказать ласковое слово перед Далай-ламой и его старшими приближенными, так как в скором времени Гонта-Чонзэт собирается в Лхасу.

Познакомился я также здесь и с монгольским чиновником — цин-ваном, живущим у каменистого мыса в первом здании. Не старый еще человек, лет сорока, цин-ван остался для меня загадочным.

На второй день пребывания в Лавране к нам уже стали заглядывать ламы-буряты, из коих один, слушатель-студент Лавранского университета Гуру-дарма Цырэмпилов (Забайкальской области, Верхнеудинского округа, Онохойской инородческой волости), оказал экспедиции немало услуг, с одной стороны, дачей полезных показаний и сведений, с другой, способствовавший приобретению коллекций (буддийских).

Знакомясь с монастырем, его бытом, мы в то же время не забывали лесных ущелий Лаврана, расположенных ниже самого монастыря, версты на 3–5.

* Живущих вверх по течению Сан-чю и нижних — внизу.

** Около 60-ти лет, Алык-гамын, не любящий русских — ворчавший на [нас из-за] осмотра храмов.

Те ущелья с еловым лесом и подлеском-кустарником дополнили нашу зоологическую коллекцию следующими интересными видами: зеленым франколином¹⁸³, ползнем Пржевальского, клестом (*Loxia himalayana*), изящной синичкой (*Lophobasileus elegans*), синицей альпийской (*Poecile superciliosa*), попался также вьюрок, быть может, разновидность *Montifringilla nemoricola* и *Janthocincla maxima*. Помимо указанных птичек, здесь были встречены: ушастый и красный фазаны, говорили также о каком-то золотом, подобном бурхану; дальше — голубые и обыкновенные сороки, пищуха-сверчок, синица хохлатая и седая, маленькая, а также синица долгохвостая, красивые красные вьюрки (*Capodacus dubius* et *C[arpodacus] rubicilloides*); обыкновенны здесь также *Pterorhinus davidii* и *Trochal[opteron] elliotii*, равно и *Acentor fulvescens*, *Ruticilla erythr[ogastra]*, *Emberiza godlewskii*, крапивник, кулик — серпоклов, *Cinclus*, большой крохаль. В лесу можно найти зеленого дятла, черную ворону, черного вóрона и очень немногих других.

Из зверей нам удалось добыть только одну кабаргу, а на местном базаре пару шкурок дикой интересной кошки.

Зато этнографическая коллекция изводила наши последние деньги. Здесь то и дело попадались интересные книги, иконописные бурханы, гау, кольца и другие украшения тибеток. Кого только нет в Лавране! Здесь путешественник видит и тангутов, и нголоков, и тибетцев (восточных, западных, северных), и монголов, и бурят, и китайцев, и дунган, и [наш отряд] своею персоной внес лишний русский элемент. Наш граммофон, заводимый вначале, привлекал массу зрителей, слушателей. Некоторые пластинки их услаждали внутренне, некоторые (Петрусе)** повергали в общий веселый смех. В ясные проблески, каких здесь было сравнительно мало, мы занимались фотографированием. Несколькими снимками с монастыря я остался очень доволен. Удалось также сфотографировать дунганина-старшину с его женой-тангуткой; вообще мы заметили, что со своенравными тибетцами могут ладить только тангуты, а с этими последними — дунгане, за которых тангуты охотно выдают своих дочерей.

В Лавране много женщин. У местных жителей существует пословица: «Если родится дочь — деньги, сын — разбойник». Тангутки, вышедшие замуж за дунган, за купцов, скоро улучшаются, культивируются по-своему, но больше всего становятся франтихами, шеголихами. Одеваются в цветные шубы, пестрые поддевашки, голову покрывают лисьими шапками с крашеными кистями. Ленты спинные пестрят золочеными, серебряными и другими украшениями. На руках масса колец с камнями, в ушах большие серьги. Мужчины также нередко носят большие массивные серьги, преимущественно в левых ушах, с помощью ремешков наверху уха. Но эти «рыцари степей и гор» любят украшать себя оружием; у них, между прочим, много европейских винтовок. Гордые, своенравные всегда, они теперь еще больше чувствуют в себе силы быть независимыми, никому не подчиненными. Любо-дорого смотреть на них самих, на их вооружение — ружье, пику, саблю, на их резвых коней. Конь боевой и такой же тангут — составляют одно стройное, дикое целое.

На первых днях пребывания в Лавране под впечатлением всего полученного с дорогой родины мы написали письма в Россию. Отправлена также и телеграмма

* Так в оригинале. (Прим. сост.)

с конспективным содержанием о зимней экскурсии в Амдо. В числе писем было [письмо] и на имя посланника, которого я знакомил не только с прошедшею деятельностью, но и с намеченной, заключительной, открыл ему мои планы.

После долгого пребывания в степи или горах на чистом воздухе, в загоне или душных, пыльных комнатах в Лавране у всех нас заболели головы, открылся кашель и другие болезненные явления. Но ко всему привыкаешь — привыкли и к затворничеству, свыклись с этими малыми недугами.

Февраль месяц — превосходное время от зимы к весне и местное начало весеннего времени — бурный, пыльный, неуравновешенный. Ночи еще случались тихие, ясные, хотя и морозные, но днем погода стояла в большинстве случаев отвратительная, в особенности после 11 или 12-ти часов. Затишье прерывалось тучами пыли, приносимой вихрями сверху или снизу лавранской долины. Атмосфера выглядела не голубою чистою лазурью, а серо-грязно-пыльного [цвета]. О фотографических снимках надо было позабыть. Правда, случались проблески, случались затишья; воздух значительно нагревался, воробьи чирикали по-весеннему, местный люд одевался легче, кошки и голуби нежились на кровлях, словом невольно говоришь: «И здесь весна идет!».

Пользуясь большою любезностью Гонта-Чонзэт, я осмотрел наиглавнейшие храмы, из которых выделяются: Цокчэн-дуган, Майдэри, Джютба-дуган, Манба-дуган, Донкор-дацан, Чжидур-дацан и другие. Особенно нарядны и по внешности храмы Майдэри — самый главный, самый богатый, один из стариннейший, с колоссальным посередине храма изображением Майдэри, с золоченой кровлей, а также и соседний с ним с новой золотой кровлей — Чжово-лхакан, украшенный изящной пристройкой, где восседает божество Шакьямуни, великолепной отделки. Над Шакьямуни высится китайской конструкции модель пагоды, в которой хранится самая великая драгоценность — первый бурхан, первое изображение Будды в металле, по преданию, держанное в руках самим Буддой. Это изображение сначала хранилось в Индии, затем в Лхасе, где оно попало в руки Чжамьян-шадбы, прибывшего потом на место нынешнего Лаврана и основавшего его, ставшего его первым перерожденцем. Мне очень нравится, между прочим, и храм Гунтан-субурган, при нас лишь отделанный снаружи золочеными большими изображениями божеств. Геген подгонял работы, во что бы то ни стало закончить отделку к торжеству — дню смерти первого Чжамьян-шадбы (14-го февраля). В этом субургане-храме находится лучшая местная библиотека, содержащая, между прочим, много старинных книг, старинных индийских сочинений.

Так как меня интересовал и Далай-лама своим пребыванием в Гумбум и интересовал очень, то я старался знать все о нем. Мне по этому поводу пришлось слышать, что он скоро-скоро объявится в Лань-чжоу-фу, что он уже не только проехал этот большой город, но что уже в Гумбуме. Через несколько дней я слышу, что он уже собирается в путь в Лхасу и прочее; а то, наконец, узнаю из более достоверных источников (письмо Чжамьян-шадбы), что Далай-лама только что прибыл в Лань-чжоу-фу, но что его некоторые министры, действительно, уже находятся в Гумбуме и приготавливаются надлежащим образом встретить его святейшество.

Живя в торговой колонии, среди дунган, на бойком месте, мы имели возможность ежедневно видеть проходящие и уходящие караваны (на мулах)

к Лань-чжоу-фу — в Хэ-чжоу. Сюда, в Лавран приходили транспорты со всем тем, что необходимо местным обывателям. Из Лаврана же увозилось в Пекин: шерсть, шкуры животных и мерлушки; в Сычуани много лисиц и вся вообще пушнина. Торговля идет здесь на два фланга: левый — Пекин; правый — Сычуань. Мы видим сычуаньских китайцев, которые с восторгом говорили нам о прелестной природе этого большого, теплого, южного края. «Теперь там зелень, тепло, а птицы самые роскошные по оперению, не перечеть», — говорил нам один сычуанец. Я и сам отлично знал все это и еще более, нежели прежде, манит богатая природа Сычуани. Увижу ли я когда-нибудь ее. Что-то таинственное не пускает меня туда, как не пускало и моего учителя, стремившегося в Сычуань. Какая масса скота — баранов и коров или быков — убивается в Лавране на заклание, для еды монахов, купцов и паломников, периодически собирающихся сюда в количестве до тридцати тысяч. Изгороди, точнее ограды полей выложены во многих местах исключительно костями — черепами, рогами и проч[им] — убитых животных.

Наша торговая колония-покой имеет пристройку с монастырской стороны, в которой помещаются ремесленники, исключительно почти столяры; рядом же и вне — всевозможные мастерские. По другую сторону колонии-дома, свободная площадка, служащая торговлей сеном. Торгуют здесь преимущественно женщины. Сено отчасти культурное, по большей [части] дикое, собранное [также] руками женщин высоко в горах и принесенное домой, перебранное и связанное большими или меньшими пучками.

Так как амдоский монастырь с давних времен славится, то он с легкой руки нашего соотечественника Г. Н. Потанина, пионера Лаврана, стал посещаться западноевропейскими путешественниками все чаще и чаще. Кто только здесь не был, и кто из посетивших не написал о Лавране. Этот монастырь, этот молитвенный центр исследовали и французы, и немцы, и англичане, но что курьезно и отраднo, почти все эти господа именовали себя «русскими», так, по крайней мере, нам передавали и ламы, и китайцы, и тангуты. Но обстоятельнее всех имел возможность разобраться и описать Лавран — буддист, в тоге буддийского монаха, — Барадийн, к нему мы и предъявим основательные требования, тем более что этот человек получил специальное образование, подготовку и программу поездки в Лавран на целый год¹⁸⁴. Барадийн имел материальную поддержку Императорской Академии наук с целью составить подбор буддийских книг, бурханов и предметов, необходимых при отправлении буддийских служб. Приедем, с большим интересом прочтем предварительный отчет Барадийна и посмотрим на его собрание.

Сами же мы не можем обойти молчанием великий амдоский монастырь, который в сравнении с соседними (Гумбум) или не отстает от них, или же много превосходит. Мое личное мнение: Лавран — богатый, большой монастырь с интересной историей. Он основан в центре богатых кочевых племен. Сюда стекаются и тангуты, и тибетцы, и нголоки. Из нголоков много лам, есть и большие гегены. Здесь встретите и монголов, и калмыков, и бурят. Всех влекут к себе многочисленные лавранские святыни, многочисленные храмы — высокие, красивые, с золотыми, ярко блестящими на солнце кровлями. Огромный район, длинный ряд монастырских построек, из которых выделяются две линии высо-

ких, интересных храмов: древняя, так сказать, начальная линия храмов — подгорная и новая, вдоль речки — набережной (см. на общий вид Лаврана). Попытаемся сказать несколько общих слов о Лавране.

«Лавран», слово тибетское — гегенский покой, гег[енский] дом¹⁸⁵. Как монастырь Лавран основан 230 лет тому назад¹⁸⁶. Основатель его, Чжамьян-шадба, имеющий четвертое перерождение¹⁸⁷. Общий состав монашеской братии исчисляется почти в три тысячи человек, при 18 больших и 30 малых гегенах. В Лавране имеется высшее научное учреждение, высшая буддийская школа-университет и четыре школы среднего образования. Слушатели той и других — ламы, представители всех упомянутых выше народностей. Профессора и учителя — ламы — местные или тибетские. Самые знаменитые современные учителя и профессора: Хори-рапсыл, по богословию, и Гунжут-лодон, по буддизму вообще; оба престарелые местные уроженцы. Гегены также местные учителя. Местный «библиотечный» храм Боин-зэт-лхакан гордится историческими индийскими и тибетскими сочинениями.

Вообще говоря, тибетская наука в Лавране в настоящее время не возвышается или развивается, а скорее падает. Как прежде, так и теперь, ламы, окончившие курс местной высшей школы направляются на несколько лет в Лхасу, для окончательного укрепления в науке, для получения высших прав, для звания законченного образования.

Сам глава монастыря Чжамьян-шадба всегда и везде является первым лицом — председателем. Его помощник по светским делам — геген Гонга-Чонзэт ведает, между прочим, и охраной монастыря, воинами в числе пятисот человек, живущими окрест Лаврана. Непосредственное управление этими охранителями монастыря осуществляют два офицера, в обязанности которых [входит] следить за исправностью воинов и их воинской молодежью подготовкой. Эти офицеры-чиновники известны под кличкой «лавран-нэрва». Местные воины вооружены, главным образом, местными самопалами, пиками и саблями. Европейских скорострельных винтовок насчитывают от 30 до 40, со сравнительно небольшим запасом патронов к ним. Надо, однако, заметить, что число европейских ружей увеличивается с каждым годом значительно и в прогрессии. Тангуты, равно и администрация монастыря, на обмен оружия не жалеют больших денег. Оружием снабжают дунгане-торговцы, получающие его в свою очередь от китайцев, приезжающих из Пекина и других городов Восточного Китая.

Лавран ни в одно из восстаний дунган не подвергался разорению, это обстоятельство его ставит выше прочих монастырей, переживших погромы. Все монастырские драгоценности сохранены, находятся в исправности и продолжают быть охраняемы самым лучшим образом. В экстренных случаях Лавран выставит воинов и из отдаленных мест, сюда явятся и тангуты отдаленных мест, и тибетцы, и нголоки — словом, все те, кто сжился с этими святынями с давних времен, с детства и кто привык, считая святою обязанностью поддерживать Лавран материально, заботиться о его благополучии. При воспоминании, при произношении слова «Лавран» [лица] амдосцев принимают молитвенное выражение.

Из китайских сановников здесь никто никогда не был.

Перечень все храмы трудно, главных же по числу больших гегенов считают 18. Наиглавнейшие суть: 1) Цокчэн-дуган, соборный, молитвенный храм,

такой же большой, как и гумбумский. Святая святых этого храма заключена наверху, в отдельном помещении: это золотой бурхан, величиною в локоть руки, представляющий изображение Лондул-ламы — третий Ванчин-даши-лхунбо. 2) Майдэри [храм Майтреи], с колоссальным бурханом этого имени. В этом храме хранится, между прочим, знаменитый Ганчжур, подаренный богдоханом, вскоре после основания Лаврана. 3) Храм Чжово-лхакан, построен лишь в прошлом году, в нем отмеченная выше драгоценность — Шакьямуни — изображение, держанное в руках самим Буддою. 4) Джютба-дуган. 5) Манба-дуган. 6) Дёнкор-дацан. 7) Чжидур-дацан¹⁸⁸.

Заслуживают также внимания гегенские храмы: 8) Гунтын-субурган (Гунтын-чортэн)¹⁸⁹. 9) Сэнгэн-аро. 10) Храм — в линии набережной Сэнгэн-аро-лхакан с чудным, самым колоссальным бурханом — Сэнгэ в голубой [диадеме]. 11) Джапых-басын-дуган (новый, окраинный, зеленый), очень нарядный по внешности. Перед ним садик, в этом саду, как и в прочих, в летнее время собираются ламы для прогулок и молитвенных споров и размышлений. 12) Красный нарядный храм Долма-лхакан¹⁹⁰ рядом с субурганом тибетской архитектуры. Этот храм недавний, его не видел первый русский посетитель Потанин. О внутреннем содержании его не могу сказать — побывать в нем не удалось. Кстати о белом субургане, который так усердно посещается и обходится кругом с молитвами буддистами. Этот субурган устроен давно, вскоре после того, как воды соседнего ущелья причинили монастырю вообще немало бедствий. Ныне все, кто только пожелает своему дому благополучия, равно совершивший много злых деяний — все идут к субургану молиться. 13) Храм науки — библиотечный — Боин-зэт-лхакан¹⁹¹.

Замечателен также и белый храм Бурхан — печатанием молитвенных книг¹⁹². Местные металлические бурханы отливаются в мастерской дома цин-вана. Неважные, хотя и продаются недорого. Образцы в моей коллекции, в нынешнем собрании, имеются. Что же касается до иконописного художества, то оно процветает в летнее теплое время; образцы также имеются. Цены на них довольно высокие. Писанием занимаются или, правильнее, могут заниматься все, в любой обители, никому не возбраняется.

При покоях и храме Чжамьян-шадбы находится казначейство, в котором хранится казна: золото, серебро, драгоценные камни и драгоценности вообще. Там и плеть богдохана, и одежда и чашки Далай-ламы (с первого до седьмого перерождения), и каменная рыба (окаменелость), найденная в горах и прочее. Там и золотая книга, хранимая и носимая во время торжественных служб на золотой парче, там все реликвии.

В двух лавранских храмах имеется полностью так называемая тысяча бурханов¹⁹³ — в Санжэ-дугане и Долмын-лхакане. Цэкба-на (канон[ическое] докшитское центральное изображение) в середине, и по углам четыре меньших бурхана.

Вообще говоря, Лавран славится массою всевозможных бурханов (больших, малых, средних, индийских, тибетских, монгольских) и, пожалуй, в этом отношении он богаче своего старшего брата — Гумбума. Его покровители воинственны, горды, тщеславны и богаты, они нередко навещают и Лхасу, и другие наикрупнейшие молитвенные центры и отовсюду привозят дары, а то и самые украшения Лаврана.

Лингор Лаврана простирается около трех верст.

Ритоды¹⁹⁴, числом до 50-ти, приютились по скату горы вблизи древнейших храмов. Но это не те ритоды восточного Тибета или Кама, где ютятся отшельники. Это помещения для приюта молодых, желающих учиться, лам. Они помещаются в одиночку и читают на память молитвы и целые богослужения, порядок отправления.

Теперь о храме Чойбзэн-тобкхан — хранилище старинного вооружения: ружей, пик, сабель. В нем находится немало чучел зверей ближайших и отдаленных окрестностей — приношения номадов-охотников. Это здание находится подле университета, между Чжово-лхакан и Майдэри.

В заключении описания Лаврана следует сказать о великом празднике, о дне торжественном, о дне смерти первого Чжамьян-шадбы, о дне 14-го февраля. К этому дню торопились [с] внешней золоченой отделкой храма-субургана — Гунтын-чортэна. Еще за два-три дня до торжества народ стал валить в Лавран валом. Все возрасты стремились на поклонение. Народ стекался со всех сторон — его собралось до 30 тысяч, плюс 10 тысяч местных приближенного района с монахами, земледельцами, купцами. Тут в это время устраивается и базар: всевозможные сделки. Жизнь в Лавране забила ключом. Народ приезжий издалека растворился в постройках монастырских и дунганской колонии.

Вот этнографу непочатый материал к детальному изучению облика, одежды, пестрых украшений, наречий — здесь полный kaleidoscope народностей! Преобладающая речь — тибетская, так как на ней говорят все — и ламы-монголы, и дунгане, и китайцы.

Лавран полон жизни: народ самый нарядный повсюду. Но кажется больше всего лам и нарядных, пестро-одетых, цветистых женщин.

Раннее утро, канун великого дня.

13 февраля. Ранним утром нас подняли с постели криками: «Вставайте, смотрите черта [беса]» (по-монгольски «цзолик»¹⁹⁵, по-тангутски «дяр-цзун») — никуда не годный человек, бого- и вероотступник. Мы вскочили с постелей, быстро оделись и успели увидеть «черта», напомнимшего нам клоуна. Лицо молодого тангута было выкрашено двумя красками: правая половина в белый цвет, левая — в черный. Точно так же и надетая сверху шерстью шуба, соответствовала окраской с той и другой стороной, то есть, белой половине лица — светлая шерсть, а черной — темная. Голова была украшена широкой повязкой на лбу; за повязку были натканы перья птиц (из хвостов петухов, фазанов и прочих), предававшие более высокий внушительный вид субъекту, державшему в правой руке махалку из белого волоса (точь-в-точь какой наши кучера смахивают пыль с вычищенных уже скребницей и щеткой лошадей). Назначение махалки: что человек этот одной половиной (светлой) жив еще, тогда как левой — умер. Махая правой рукой, держащей хвост, цзолик выпрашивает деньги, забегая для этой цели то в один дом, то в другой, по дороге он также останавливался, прося у проходящих. Все дают ему охотно. Рядом с субъектом его спутник с коржунами¹⁹⁶ за плечами, собирающий тяжелые деньги, чохи, которые ему бросают по несколько десятков, а то и по несколько штук. Всё берут, ни от чего не отказываются.

Кто же это такой, спросит читатель? Отвечу: «Выноситель всего нечистого, грешного. Выноситель всей грязи, всей мерзости со всего Лаврана». Это

совершается раз в год, перед днем смерти первого Чжамьян-шадбы. Очистившись от всего, буддисты могут спокойно приступить к торжественному празднеству. Накануне вечером цзолик изгоняется из монастыря при громадном стечении народа. Для пущей важности цзолик прогоняется выстрелами из ружей. Дяр-цзун бежит без оглядки. Он покидает Лавран раз [и] навсегда. В этом и заключается суть, этим и удаляются все греховные мерзости. Такому субъекту от монастыря выдается серебряный большой ямб в 50 лан весом (около 100 наших рублей), да столько же или чаще больше он собирает с добровольных жертвователей — с нескольких тысяч приезжих и местных. Это нововведение скопировано с лхасского обряда, здесь оно произошло на наших глазах во второй раз, считая первый в прошлом году. Местные ученые правильно предсказали мерзкую погоду в день изгнания цзолика из Лаврана, и порядочную — в день торжества, в день смерти первого великого лавранского перерожденца. Действительно накануне, то есть 13 февраля, погода была отчаянная: небо омрачено тучами, земля — пылью, взвиваемой вихрями, особенно мерзка была погода в самый момент изгнания дяр-цзуна. По временам, долина с монастырем положительно скрывалась в тучах пыли, среди которой вырывалось наружу огромное пламя от сожжения чучела изгнанника, провожаемого неистовыми голосами всего (до сорока тысяч) собравшегося народа. Голоса не стихали ни на минуту, перекатываясь от одной стороны долины к другой. Напротив нашей колонии горная дорога по южному скату увела изгнанника, которого на вершине встретили ламы и, вероятно, проводили до первых обитателей. Тем и окончился канун длинного дня.

Мы чуть-чуть не попали в великую для себя беду. Я согласился в компании с приезжим чиновником из Хэ-чжоу в эскорте с 4-мя кавалеристами поехать часов в 9–10 утра, посмотреть на оживленный народом монастырь. И что же: въехав в тысячную толпу, мы вскоре [были] не рады положению. Довольно противные возгласы «орус», через некоторое время перешли в громкое шиканье, затем в те вибрирующие высокие тангутские голоса, которые они издают при атаках на неприятеля, при чем-либо необычайном. Из толпы полетели камни, к счастью не причинившие никому из нас вреда. Толпа наседала на нас, напрасно Ма-чан-шань старался ее сдерживать, выходило хуже: уже послышались голоса: «Их надо изрубить!». Толпа — везде толпа, готовая на все. Я поступил, как мне подсказала опытность: скорее, подобру-поздорову ретироваться. Благо, местность своею пересеченностью построек позволила. Мы вступили на лингор, у подножья северных холмов и благополучно, спокойно возвратились домой. Довольно было одной бестактности с нашей стороны, чтобы толпа озверилась пуще прежнего и, как некогда Грибоедова, уничтожила [бы] нас (безоружных)¹⁹⁷.

Утро 14 февраля. Со стороны монастыря несутся звуки могучих бубнов, раковин. Народ, последний народ, усиленно спешит на праздник. Пестрая толпа, двигаясь, волнуется; дикие дунгане и те, одевшись по-тангутски, спешат на праздник. В восемь часов утра началось молитвенное шествие. Могучей пестрой, цветистой змеей заколыхалась по земле буддийская процессия. Зонты, черные пестрые значки и прочее парадно возвышались над морем тангутских голов. Все было стройно, торжественно, тихо. Красные одежды заканчивали шествие церковнослужителей. Но как было жаль, что мы могли смотреть на все это лишь

издали. А какие интересные снимки мы мечтали добыть в этом духовном зрелище! Впереди несли драгоценный камень, за ним золотую тибетскую книгу (на золотой парче), далее все те драгоценности (одежды и чашки далай-лам, плеть богдохана и многое, многое другое), которыми гордится Лавран, как музейскими реликвиями. Процессия совершила круговое шествие и возвратилась в храм. Позднее у главных двух храмов началось молебствие. Народ занял собой прилежащие скалы. У главных храмов развевались большие, в шашку красных и желтых цветов, флаги. По временам раздавались звуки молитв, барабанов, могучих труб и раковин. К полудню все окончилось. Народ во множестве повалил обратно и к вечеру поехал вновь сплошной вереницей по дороге.

Многие, конечно, остались доделывать свои торговые дела; ведь здесь, при монастыре, биржа: праздник и, заодно, торжище и всевозможные советы, приглашения. Подобных праздников в Лавране в течение года насчитывается пять. Первый описанный, 14-го февраля — «Нифудун-чю цунг-чю» — торжественное молебствие в день смерти 1-го Чжамьян-шадбы; второй — 15-го апреля, весенний монастырский праздник поста и молитв; третий — летний, 7-го июля — «Лычжа»¹⁹⁸, в память двух веков прошедших и праздновавшийся затем ежегодно; четвертый — 25 октября — осенний — также поста и молитв. И, наконец, пятый — «Молэн», народный. Все праздники, в общем, проходят однообразно, многолюдно.

15 февраля. Барометр поднялся, погода улучшилась. Народ разъезжается с утра — Лавран понемногу пустеет. Еду с последним приветствием к Гонта-Чонзэт. Милый прием, уверение в искренности, обмен высшими хадаками. Он дает в дорогу напутствие — Дархэ¹⁹⁹, и с трудом принимает лучший хадак далай-ламский. Мне, в обмен на портрет, дает мал[енькую] бумажку, для показания Далай-ламе — что мы жили в дружбе и расстались приятелями.

Затем я поехал в чудное монастырское прилавранское ущелье и его фотографировал несколько раз. Там монаст[ырь] в сто монахов, подчиненный Чжамьян-шадбе, называется «Дю-дя-му»*. Потом мы заехали на верхний лавранский мост (всех три: верхний, средний и нижний) и с него сняли вид на верхнюю небольшую часть Лаврана с золоченым субурганом на первом плане. Этого снимка мне давно хотелось. Сделав это, мы отправились к местной аристократке — вдове тибетского чиновника, сестре Чжамьян-шадбы. Она живет в хорошем доме, обставленном богато; среди обстановки немало европейских вещей, есть даже и граммофон старой конструкции, и целый ряд часов-будильников. Около десяти лет [назад] она овдовела. Имеет трех красавиц-дочерей, одну из которых, действительно 17-[летнюю] красавицу, я видел. Мать до сих пор носит следы красоты и держит себя с большим достоинством и тактом. Приняв угощение (чаем), и обменявшись хадаками, мы отправились домой по лингору у главных храмов во избежание встречи с толпой. По дороге я снял белый субурган на крыше дома-базара с сеном. Теперь надо собираться в дорогу. Попутчики — торгоуты. Спешу с делами. Гонта-Чонзэт вновь прислал

* Дю-дя-му-гомба интер[есный] монастырь. 120 лет тому назад умер его геген Алык-дуннаг, нетленный прах которого покоится в верхнем живописном храме. Поэтому ему и нет последователя — перерожденца.

отличный приветственный хадак, который я тотчас убрал, чтобы отвезти его своей милой женушке, которую, кстати, я сегодня видел во сне нарядной, изящной, очень милой.

Итак, пора в дорогу. Прощай, Лавран, прощай богатый, интересный амдоский монастырь! Прощай, калейдоскоп народов!

[16 февраля — 7 марта]

Мое отсутствие от главного каравана продолжалось ровно месяц. Я был в пути столько же, сколько и на месте, в Гумбуме и Синине, из которых в первом устроил 12 дней, во втором — одну. Весь маршрут моей поездки простирается свыше пятисот (510) верст. Подробнее сказано о нем в особой тетради; здесь же я ограничусь лишь конспективным изложением его и двумя-тремя словами о результате пребывания в местах остановок. Я направился из Лаврана прямым путем к северу или немного к северо-западу, на Сюань-фуа-тин, вначале по нагорью, по местности, обитаемой кочевыми племенами (тангуты), затем, за горами, расплывающимися к северу до Хуан-хэ — среди сплошного земледельческого населения — дунган, салар и китайцев. Тангуты оставались в стороне — в горах, к которым они со скотом крепко привязаны. Особенно успешно мы двигались в области амдоского нагорья, менее же скоро — в области глубоких размытых балок, с каменистыми ложами, размытыми многочисленными речками системы Желтой реки.

Нагорье пришлось пройти очень скоро, с большою осторожностью, бдительностью, так как там постоянно рыскают тангутские грабительские разъезды, нападающие на караваны. Наши два подводчика сильно трусили, так как платили боками и карманом, и усиленно уговаривали меня не выделяться впереди каравана и следовать с оружием в руках.

Все страхи и опасения миновали с вступлением в область культуры. Мы двигались спокойно, дорога была оживлена людьми, караванами, проснулись и пахари. В области долины Хуан-хэ было заметно теплее, но зато и мрачнее; здесь воздух был насыщен тонкою лессовой пылью, скрывавшей дали. Сухость прежняя. Река катила серые воды. В солнечные пригревы давали о себе знать мухи. Стали показываться и первые вестники весны — пернатые.

За Хуан-хэ местность стала еще более занята земледельцами, рельеф стал еще пересеченнее. Мы только и осиливали спуски и подъемы. Поверхностный слой земли — преимущественно толщи лесса, наслаивающегося на бурокрасную или желто-красную глинистую породу, в свою очередь покоящуюся на толщах конгломерата или на кристалл[ических] породах. Наиглавнейшие поперечные горы в своем верхнем поясе часто носили альпийский характер. В уединенных, скрытых местах ютились буддийские монастыри, выдававшиеся присутствием приветливых еловых зарослей. Леса только и уцелели благодаря покровительству лам.

До Гумбума мы миновали несколько маленьких, захудалых городков, носивших общий однообразный характер. Наши ночевки приходились в таких именно пунктах. Население относилось к нам любезно и предусмотрительно и давало возможность в этих городках кое-что приобрести по части коллекций. По мере приближения к своей цели — Гумбуму, стали попадаться паломники

(идушие вперед или обратно) к великому перерожденцу — Далай-ламе. О нем теперь утвердительно говорили, что он в Гумбуме, которого мы достигли на 8-й день пути от Лаврана.

Тихим показался нам первый день в Гумбуме, монастырь словно вымер, всюду тишина и чистота. Видно, что здесь настали великие дни молитв и созерцаний. Между тем, «лавран далай-ламы» был оживлен и молящимися, и звуками молитвенных атрибутов.

В общем, свидания, встречи. Беседы и все, касающееся до Далай-ламы, произошло в лучшем порядке; я доволен и пока спокоен. Подарки произвели приятное впечатление. Поездка в Пекин и общение с этим городом и европейцами сделали свое дело. Тибетцы немного цивилизовались и приобрели в пользование немало европейских предметов. Далай-лама и его министры уже пишут на европейской бумаге, у Далай-ламы имеется свой фотограф и несколько аппаратов. У входа в «лавран» стоят парные часовые, одетые в индийскую форму с русскими винтовками Бердана.

Целые дни я проводил у Далай-ламы, отправляясь в 8–9 часов утра и возвращаясь только в 5 вечера. Я многое видел, многое слышал. Сам «богдо» по-прежнему в моих глазах великий мыслитель и великий практически умный управитель и человек. По-прежнему при дворе его строгие порядки. По-прежнему нравственная дисциплина. По-прежнему он много занимается, и его приближенные и помощники усердно заняты делом. Тихое, приятное богослужение идет не только днем, когда получают благословение паломники, но часто и ночью. Гармонично, мягко несутся звуки трубы или бубнов с Далай-ламского «лаврана» даже в полночной тишине или на утренней и вечерней зарях.

Как первое, так и последнее свидание было обставлено торжественной церемонией. Далай-лама был в зале, на троне, кругом министры. Говорилось все официальное при составе ближайших лиц совещательного кабинета. Доверие ко мне большое. [Мне] поручили даже деловую телеграмму в Пекин, ответ и прочее. Отчасти это происходит, конечно, и от незнания, незнакомства с европ[ейскими] языками. Точно так же посвящен я и в политику в отношении Т[ибет]а к России и прочее. Не знаю, в конце концов, разочаруется или очаруется глава Тибета нами. И в его словах начинают звучать нервно слова: «Мы пока ждем и ждем от России, она продолжает обещать и обещать». По-моему, с не совсем легкою душою Далай-лама думает о предстоящем и теперь уже скором возвращении в Тибет, в Лхасу, куда он, по-видимому, ждет кого-либо из русских посланцев.

Уважая главу Тибета и питая к нему чувство преданности, не скрою, что мне грустно говорить ему «до свидания!». В его глазах и лице я читал то же самое, в особенности тогда, когда Далай-лама просил меня писать ему не только с приезда в Петербург, но и затем. Его будет занимать мысль, как меня примет по возвращении в Россию Государь император, что со мною будет дальше, какое дадут назначение и прочее. Все это Далай-лама хотел узнать от меня.

Ловя его последний прощальный взгляд, я сам себе сказал: «Неужели это последний раз!».

8 марта. Я оставил Гумбум и прибыл скоро в Синин, где нашел приют в знакомом доме Цань-тай-мао. С приятельской семьей миссионеров виделся несколько раз и дважды обедал. Ridley отлично знал о моем хорошем пребывании

у Далай-ламы, поэтому не был так сердечно настроен ко мне, как прежде. От миссионера, между прочим, я узнал о смерти путешеств[енника] М. Брука, павшего от вероломных рук грабителей-Лоло²⁰⁰, когда англичанин направлялся из Сычуани в Индию. Любезная англичанка снабдила меня в дорогу заедочками и усладеньками. Непременно нужно из России послать ему приглашение заехать к нам, а затем написать глубокую благодарность за сининское гостеприимство: они были ласковы ко мне на чужбине.

Цань-тай-мао был рад моей остановке у него и вновь старался доставить мне в продажу коллекционные предметы, в особенности, по части буддийского культа. С сининскими властями я обменялся любезностью через посредство Полютова. Страшно холодный период, совпавший с периодом равноденствия и рождения Луны, был отчасти виною тому, что цин-цай и бол[ьшой] чжэн-тай отказались от свидания. С прочими же я не свиделся, отговариваясь обыкновенным китайским «нездоровится, устал после дороги».

10 марта. При резком ветре со снегом навстречу я отправился в дальнейший путь. С нами уже было не два (но́ска до Гумбума), а три основат[ельных] व्यюка: мы получили все полностью серебро и прочее.

Из Синина в Лань-чжоу-фу ведут две дороги: прямая, горно-каменистая вдоль Синин-хэ и кружная через Пинь-фань. Я отправился первой и на третьем переходе миновал место Лова-чен, где уклонилась к северу вторая. Мы тотчас поднялись на крутизну мыса, и затем долгое время спускались со спусками и подъемами, крутизнами, карнизам и прочее. В узких местах издавали громкие предупредительные голоса. Дорога и здесь страшно оживлена, и здесь рыхлая порода у крутых скатов грозит падением. Следы обвалов нередки. Синин-хэ стремительно несется, местами рвет и мечет, кое-где расширяется. Мы видели до ста бурдюков с хлебом²⁰¹, засевших на каменистых перекатах. Воздух, как и прежде, очень сер, даже мрачен.

Солнце стало пригревать вновь; пахари работают, пернатые чаще и чаще появляются в прилете. Мы пришли к месту слияния или впадения Тэтунга в Синин-хэ. Страшно глубоко, узко и каменисто ущелье, где переброшен мост через Тэтунг, течения не видно, глубина изрядная. Это словно каньон, словно змеевидная, темная, извилистая пропасть. Очень жаль, что не удалось произвести фотографирование. Вскоре затем мы переправились через многоводную, очень быструю Хуан-хэ на плоской ладье и направились по правому берегу этой реки. Горы, серые, или темные, сдавили Желтую реку с обеих сторон. Тут справа сооружается большой арык на 30 тысяч лан покойного молодого богдохана Гуань-сю. Впереди сплошное китайское население. Густая, глубокая пыль. Долина расширилась вправо и мы уже увидели Лань-чжоу-фу, пройдя живописно расположенную по скату горно-лессового мыса китайскую кумирню. Однако серая, мрачная погода не позволила нам ее увидеть ясно.

15 марта. Мы в многолюдном, шумном, деловом городе Лань-чжоу-фу. Наш отряд удачно приютился на набережной правого берега Хуан-хэ, в постоялом дворе, вблизи строящегося железного моста. Еще полчаса и мы обменялись первыми впечатлениями. На бивуаке оказалось все в благополучном порядке. Караван уже две недели как прибыл в Лань-чжоу-фу и значительно освоился не только с городом, но и пригородными местами.

Главный караван от Лаврана до Лань-чжоу-фу шел шесть дней или шесть переходов, разделенных на два периода городом Хэ-чжоу. До этого последнего характер местности был одинаков на всем трехдневном расстоянии, а именно, дорога шла по ущелью лавранской речки то одним берегом, то другим, переходя по внешним ветхим мостам. Тропа вилась часто по каменным кругам, карнизам. Внизу шумела и рокотала серебристо-прозрачная речка. Замечательно хорошее животное мул — крепкое, выносливое, устойчивое на ногах и умело идет по тропе, не задевая выюком за каменистые выступы.

Население в ущелье до стены Чи²⁰² пастушеское — тангуты, изредка дунганы — земледельцы или содержатели дяней²⁰³, севернее же стены пошла сплошная культура хлеба — до Лань-чжоу-фу и далее.

В Хэ-чжоу экспедиция простояла около недели. Население города, равного Синину, относилось учтиво и давало возможность участникам экспедиции свободно ознакомиться с крепостью, базаром и прочими принадлежностями города. За Хэ-чжоу пошла местность еще более пересеченная и, как замечено выше, страшно заселенная преимущественно дунганами, разделавшими всю землю под пашни. Пашни везде: и внизу, и в долине, и по скатам холмов, взбегают на их плоские вершины. Тропа, а местами и широкая дорога ужасно пыльна; пыль стояла облаком и покрывала караван точно мукой в мельнице. Лошади, мулы то и дело чихали. И здесь сухость воздуха крайняя. На третий день и переход караван экспедиции прибыл в Лань-чжоу-фу, довольно удобно расположившись в постоялом дворе, так, как застал его я. Мои люди очень скоро познакомились с рабочими моста — пекинскими китайцами, не симпатизирующими здешним своим собратьям. Молодые рабочие и манерой, и выправкой, и одеждой и знанием многих русских слов скорее напоминали европейцев, нежели сынов Небесной империи.

Город Лань-чжоу-фу — резиденция ганьсуйского вице-короля или генерал-губернатора Цзун-ду, красуется на правом берегу реки Хуан-хэ, прижимаясь к ней своим северным фасом стены. Общая длина крепости — высокой, солидной стены, с фланкирующими башнями — до десяти верст. Собственно город разделен крепостными стенами на три или четыре участка. В северо-западном из них, лучшем, живет генерал-губ[ернатор], заботящийся о благоустройстве своей резиденции. Улицы узки и грязны, за исключением главной, по которой в наше там пребывание устраивалась хорошая трамбов[анная] мостовая. Магазинов и лавок масса. Из товаров имеются пекинские роскоши и прочее. Очень занят Лань-чжоу для иностранцев историческими темно-бронзовыми вазами, оценивающимися в несколько сот лан серебра. И я также поддался искушению, купил их для Императорской Академии наук. Мне показывали, предлагая купить, вазу в 700 лан, уверяя, что за нее давали уже 600. Когда я предложил купцу только 100 лан, он, видимо, обиделся и поспешил скорее унести от нас эту драгоценность. Что же касается до предметов буддийского культа, до бурханов и прочее, то в этом отношении здесь бедность, очень мало, да и цены очень высоки. Везде народ, народ и народ. Знатоки говорят, что Лань-чжоу своими лучшими магазинами напоминает уголки Пекина. Своеобразную красоту придают этому городу исторические башни, устроенные на холмах, командующих над городом, около 300 лет тому назад со стороны города Хэ-чжоу, населенного

буйным элементом — дунганами. Назначение этих четырех башен — содержать гарнизоны и отражать неприятелей.

В городе порядочно зелени, имеется также и пруд, и сад. Много кумирен, как в городе, так и в окрестностях.

Очень интересен военный квартал, где сосредоточены многочисленные европейские или на европейский лад мастерские: столярные, сапожные, красильные, выплавка стекла, металлургические, шелковые, типографии и прочие. Интересно, что сюда привлечены многие ребята, которые ловко ткут на станках далембу, более взрослые — полотенца, одеяла и прочее, прочее.

В Лань-чжоу-фу, где местного населения около 50—60 тысяч, немало европейцев: миссионеров, фабричных и делателей железного моста. Странно, но интересно видеть сочетание различных народностей.

Желтая река у Лань-чжоу-фу быстро несется по руслу до ста сажень шириною. Ее глубина в стремнине достигает до 20 футов при весеннем низком уровне. Окраска вод желтая, вполне оправдывающая данное ей издревле название. Многие китайцы сидят на берегу и ловят на удочку рыбу. Там и сям поднимаются над водой гигантские колеса для поднятия воды в каналы, на поливку полей. По реке иногда проносятся шаланды, бурдюки.

Левый возвышенный берег, куда перекинут мост, убран многими кумирнями, которые лепятся до самой вершины высот, убранных, в свою очередь, высокой оригинальной башней, имеющейся на снимках (если таковые удачны).

Из китайских властей в Лань-чжоу-фу мы познакомились с губернатором Нэ-таем и самим вице-королем. И у того, и у другого сановника мы были приняты в высшей степени внимательно. Нэ-тай отдал нам визит, а цзунду²⁰⁴ прислал карточки и проезжал у самого нашего дома, где были выстроены люди отряда во главе с г[осподином] Четыркиным. На поклоны отряда г[енерал]-г[убернатор]* вежливо кланялся; его поезд был очень длинный.

У себя дома генерал-губернатор** угощал нас шампанским. Он хорошо знаком с русскими, так как около трех лет прожил в нашей столице в качестве китайского посланника. Вспоминая Россию, он хорошо произносил: Москва, Петербург, Петергоф, Озерки, Ботанический сад (где особенно помнил пальмы, привезенные в оранжереи с Сингапура). Очень симпатично он говорил о русских государях, причем показал мне семейную группу Александра III. Портрет этот совершенно новый, так его бережет генерал-губернатор.

Этот чиновник очень интересовался Байкалом, в особенности же тем обстоятельством, устроена ли круго-байк[альская] железная дорога. Вообще я очень долго просиживал у него без усталости. Генерал-губернатор пожелал сняться один и вместе со мною. Мы снялись, но только не знаю, что выйдет. У генерал-губернатора имеется нарядный сад, беседки, летние помещения и прочее. В саду скоро распустятся цветы. Генерал-губернатор показал мне своего взрослого сына, говорящего на французском и имеющего понятие о фотографии (и самую фотографию), но только кажется не зарекомендовавшего себя отличным съемщиком.

* Видимо, описка. Не генерал-губернатор, а вице-король. (Прим. сост.)

** П. К. Козлов в книге «Монголия и Амдо...» (1923) этот эпизод описывает как визит к вице-королю, цзунду, а не к генерал-губернатору Нэ-таю. (Прим. сост.)

Я усиленно благодарил генерал-губернатора за радушие и содействие при моем путешествии по провинции Гань-су. Лавранского Ма-чан-шаня цзунду обещал произвести в следующий чин, то есть пожаловать награду.

Встретились мы здесь и со своим старым приятелем — гуй-дуйским тингуанем. Этот симпатичный человек встрече с нами очень обрадовался и угостил нас вкусным обедом. Много говорил о городе, о пригороде и собирался показать одну китайскую кумирню, запрятанную в холмах, которую, между прочим, осматривают все приезжие европейцы.

Еще до прихода в Лань-чжоу, я знал, что в этом городе придется прожить немало дней, чтобы исполнить все намеченное. Прежде всего, нужно было отправить телеграмму Далай-ламе в Пекин, с ответом и по получении такового написать ему письмо и расшифровать содержание депеши по-русски. Письмо отправлено; представилась возможность послать Далай-ламе и обещанные фотоснимки.

Затем, через два дня с прихода, я удовлетворил нужды капитана Напалкова, командированием к нему в Вэй-юань-сянь гренадера Демиденко с 350 ланами серебра и кое-какими другими запасами. Напалкову предложено по возможности полнее исследовать в естественно-историческом отношении район Вэй-юань-сянь — Мин-чжоу — Цин-ань, приблизительно на протяжении апреля и мая месяцев, в июне же проложить маршрут в области неисследованной нами Алашани, с расчетом прибыть туда в последней трети, а 1 июля со всем караваном, по снятии станции, двинуться в Ургу, где предстоит встреча со мной, после работ в Хара-Хото и Гурбун-сайхане.

Между тем нам приносили и приносили на продажу исторические предметы, денег тратилось много, всего облегчили казну свыше, нежели на два пуда серебра. А ведь надо заметить, что многое я еще и не брал, как например, слишком ценные вещи, на наши деньги от 500 до 1000 рублей. Говорят, Лань-чжоу-фу в этом отношении незаменим.

Вчера, **22-го марта**, я был удивлен подарком цзунду, приславшего нам до 12 бутылок вин хороших марок, причем, наполовину — шампанского. Одна бутылка была отечественного производства — братьев Шустовых в Москве. Это северная крепкая клюквенная настойка²⁰⁵. Часть вин сохраним, а часть израсходуем на Пасху!

Так как наступала настоящая весна, то препаратор ежедневно экскурсировал на озёрко или вдоль Желтой реки и начал ежедневно приносить что-либо новенькое по части прилетных пернатых. Так уже начали появляться [такие] нежные формы, как желтая плисица, чекан, городская и каменная или горная ласточка. Поползли жуки, вылетели мухи, запорхали бабочки, стали шнырять ящерицы, и в воздухе, в особенности [в] теплые проблески, стала раздаваться весенняя отрадная песнь ласточки, зазеленела травка.

Отчетов из Лань-чжоу-фу написать положительно невозможно. С большим трудом и напряжением придется осилить желание написать только самые главные частные письма и, быть может, два слова черкнуть секретарю Географического общества. Время бежит страшно стремительно, теперь уже каждый прошедший месяц приближает к дорогой родине, к дому, ко всему милому, оставленному на 2 года.

23–24 марта. Энергично собираемся в дальнейшую дорогу. Кстати подвернулся попутный алашаньский монгол, который берется доставить нас и наш караван на верблюдах в Алашань. Много хлопот было с китайцами-торговцами, чтобы эти последние не обсчитали бедного степняка и [не] переменяли ему фальшивое серебро на настоящее. Монгол ухватился за нас и кое-как выбрался из китайских плутовских сетей. С нашей стороны были пущены в ход и крики, что обо всем этом доведем до сведения г[енерал]-губернатора и Нэ-тая. Это подействовало. Монгол получил почти все и от нас не отходит шагу. Рады и мы, что переходим опять на верблюжьем караване.

23 марта. Сегодня ко мне прибыл с прощальным визитом мой гуй-дуйский приятель и принес мне в дар на память пару старинных китайских ваз. На вид они крайне невзрачны, но знатоки говорят, что они стоят много дороже самых изящных и что эти вещи должны быть достоянием музея. О музеях и китайцы имеют понятие, при школах у них уже завидная коллекция: чучела птиц, чучела зверей, гербарий, геологическая коллекция и витрины с гнездами птиц и расплавленными насекомыми.

Этот же симпатичный тин-гуань, как мы его привыкли называть, дал мне кое-какие сведения о Лань-чжоу-фу, который древнее Синина. В нем жителей около шестидесяти тысяч, считая и значительные пригороды. Войск, обученных европейски, немного более 6000 человек, разделяющихся в таком порядке: пехота 5000 человек, кавалерии 500, артиллерии столько же, при 100 полевых орудиях, запрягаемых в 4 коня. Часть пехоты размещена по крепостным башням, в полном боевом снаряжении. Местами крепость обезображена отбросами, сделавшими потеки по старинному памятнику солидной постройки. Высота крепости до 10 саженей.

В городе имеется до 500 человек полицейских, которые на заставах стоят с ружьями, а в прочих местах города с палками. Там и сям, даже на большой, с запада на восток, улице попадаются на глаза преступники, закованные в кандалы или с большими досками на шеях. Удивительно, какое мирное отношение у этих несчастных с прочими обывателями, их преимущественно не сторонятся, они разговаривают, они даже торгуют и даже [состоят] в ссудных кассах.

У китайцев, говорят, разработан и утвержден проект о постройке двух городов: одного на восточном берегу Куку-нора, в окрестности китайской кумирни, там, где развалины старинных построек городка и китайские цитадели сохранились до сих пор, другого — в хорошо знакомом нам месте, тангутском княжестве Луцца. Программа китайцев — постепенное, систематическое углубление внутрь амдоского нагорья.

Говорят также, что китайцы всеми мерами стараются прекратить доставку в Амдо европейских ружей.

24 марта. Вчера был холодный день, в воздухе порхали снежные мухи. Сегодня минимум $-3,5^{\circ}\text{C}$, день обещает быть хорошим. Надо воспользоваться им и съездить за город, познакомиться с красивым китайским уголком, с китайской кумирней.

У меня так много набралось работы по описанию, но времени нет, хочется больше видеть, больше осмотреть и больше пополнять дневники и журналы. Писание отчетов оставляю на Алашань, здесь же ограничиваюсь лишь частной корреспонденцией!

Утром 24 [марта] в компании с гуй-дуйским приятелем, прокатились к югу, в любимый лань-чжоусцами пригород, в кумирню У-чуань-шань, расположенную на южных высотах. Из крутизны, на которой приютился китайский монастырь, выбегает родник кристально прозрачной влаги, ниспадающий каскадом или прячущийся среди огромных глыб лессово-конгломератовой породы. Монастырь приличный, с массою построек и бурханов, среди которых имеется и колоссальная фигура лежащего на правом боку Будды.

Но лучше всего вид, открывающийся с балконов монастыря на город и ближайший пригород, цитадели и прочее. Виднелось военное училище (с 5-летним курсом) в 400 человек молодежи — пехотинцев и кавалеристов, а также виднелся и общий военный квартал, и весь город. Я представляю себя здесь через месяц или в начале мая, как хорошо должно быть здесь тогда. По словам нашего приятеля, сюда ежедневно приезжает высший класс и любителю на город, гуляет по крутизнам или около родника. Мы увековечили эту местность снимками. Как видно, и этот монастырь не пощадили дунгане.

Отметили в Лань-чжоу-фу также и училище, приноровленное к среднему образованию для детей чиновничьего класса — будущих чиновников.

Возвратившись на бивуак, пользуясь хорошим выгодным освещением, я снял реку, набережную и крепость от запада на восток.

Пошли окончательные сборы в дорогу. Явился ко мне миссионер-католик Д. — молодой, очень симпатичный проповедник Христова учения. За скорым отъездом мне не удалось отдать ему ответный визит.

25 марта. Праздник Благовещения. Наш лагерь пробудился очень рано. Все ожило, зашевелилось. Подводчик с арбами для перевозки багажа на левый берег Хуан-хэ также явился очень рано, на рассвете. Прощай, резиденция генерал-губернатора, прощай исторический Лань-чжоу-фу. Я прожил десять дней, время пробежало очень быстро, незаметно. Наша частная корреспонденция отправлена в Пекин, будучи сдана на почту через посредство управления Нэ-тая. Последний раз я оглянулся на крепость, ее башни ярко осветились солнцем. Хуан-хэ, словно зеркало, отражал крепость и гигантские башни.

Подкрепившись чаем и завтраком и завьючив свой багаж на 21-го верблюда, мы отправились, держа направление к родному, еще далекому северу. Очень приятно видеть верблюжий караван, а еще приятнее следовать на «кораблях пустыни». У нас всего три лошади, таким образом, четверо моих спутников ехало на верблюдах.

Наша дорога — Лань-чжоу-фу — Пинь-фань на протяжении 1,5 перехода шла в северо-западном направлении среди лессовых*, серых, безжизненных и безотрадных холмов; местами среди высоких обрывов, словно в траншеях. Пыль стояла страшная, в особенности над нашим верблюжьим караваном. Я ехал вперед и ориентировался только по облаку пыли.

По дороге, от времени до времени, попадаются бóльшие или меньшие селения, постоялые двory. Везде, где только можно добыть воду, имеются пашни. На полях усердная, словно священнодействие, работа китайцев, справедливо прославленных земледельцев.

* В начале пути часто под лессовыми толщами залегал конгломерат.

26 марта. Вчера и сегодня, в особенности сегодня, когда мы оставили Пинь-фаньскую дорогу, свернув вправо и перевалив невысокий рукав холмов, шли среди сплошного ряда полей и селений в долине Питай-гоу, своим низовьем сливавшейся с общею долиною Хуан-хэ. Селения эти питаются водою из глубоких колодцев (от 12 до 15 саженей). Холмы — те же лессовые — понизились и раздвинулись, но продолжают нести удручающий бедный характер. Вчера с такого, еще очень крутого высокого холма в селении Гай-чю-чань на наших глазах оборвался осел и в минуту скатился через голову вниз бездыханным трупом.

Сегодня с перевала, первого после пинь-фаньской дороги, открылся вид на широкое понижение, залегавшее в отдаленной северо-восточной части горизонта серым, однообразным мелкосопочником, среди которого и тянется долина со сплошным населением.

Большие дороги оживлены то тележными, то верблужьими транспортами, снующими в ту или другую сторону. Ночи стоят довольно свежие, морозные, но днем на солнце не только тепло, но даже очень жарко. Сухость воздуха крайняя, оттого жара дает себя значительно чувствовать. Вообще серо, пыльно, грязно. Мы положительно овеяны лессовою пылью. К счастью начались энтомологические сборы — жуки, мухи, изредка летают даже бабочки (скромные маленькие белянки). Выползли из нор и остромордые ящерицы, скоро должны показаться змеи. Из птиц встречаются плиски, горихвостки, чеканы. Последний и жаворонки (хохлатый и полевой) начали весеннюю игру; оригинальна песенка и ухаж[ивания] за самочкой у чекана (*Saxicola pleschanka*). Красноклювые клушицы также энергичны; не менее жизнерадостны и компании *Capodacus stol[iczkae]*, краснокрылые стенолазы встречаются почему-то одинокими, но сычики — парами.

Оставив долину Хуан-хэ, мы в то же время, вероятно, надолго простились и с отличной водою. К северу, по мере удаления в пустыню, она сквернее и сквернее. Так, оригинально название нашего первого ночлега после пустынного первого перехода от Лань-чжоу-фу — «Фый-бу-хэ», то есть «Не пей воды!». Но не пить нельзя — другой нет. Одно остается в пустыне — идти каждый день и отмеривать большие расстояния, благо, мы на хороших верблюдах.

27 марта. Продолжаем двигаться в северном направлении и сегодня исключительно с отклонением к востоку. Местность, по мере удаления, улучшается в смысле растительного покрова, показалась полынка и карагана. Но безводие царит прежнее. Колодцы глубоки: 30—40 аршин, зато иногда, как в кол[одце] Да-хулун, мощность водоносного горизонта в 7 или даже десять аршинов.

Через 7,5 верст первый перевальчик, открывший вид на далекий северо-восток, весь заполненный кряжами, идущими поперечно нашему пути. Кряжи — одни состоят из сланцев (см. образцы), другие — из песчаников красной, серой или той и другой окраски. Перевальчик наш был относительно на командующей высоте; долина Да-хулун много ниже, да и поперечные кряжи тоже, по крайней мере, так казалось.

Селение Да-хулун маленькое, в сер[едине] обнесенное стеной; в окружении замечательных полей. Но какова Сизифова работа — извлечение свежей почвы из недр земных, укладка ее правильными кучками. Земля извлекается человеком, носится корзинами на плечах и устилается огромное поле до 3—4 вершк[ов] мощности.

У дороги во многих местах пещерные жилища в лессе или глинобитные (в долине) — по большей части заброшенные, как заброшены и поля. Все бедность воды. Стоим в урочище Безымянном или Безводном; корм имеется; показались песчанки, пустынь[ные] жав[оронки] (*Otocorys*) и везде на пути каменные или горные голуби (*Columba rupestris*), монотонно воркующие.

Наш Vul[tur] mon[achus] на первом переходе от Лань-чжоу-фу устал сильно, истер в кровь крылья, освобожденный падал; последующие же переходы выдерживает лучше.

По-прежнему навстречу нам попадают возчики риса из Нин-ся или соли из урочища Я-ту; караваны следуют на китайских верблюдах, а также и на монгольских. При караванах имеются большие злые псы, иногда тибетской породы.

28 марта. Прошли 29 верст, держа строго на северо-восток. Вскоре после ночлега кряжи стали выделять обнажения, с первого перевальчика, и так шло на протяжении всего горного перехода. Изредка по дороге встречались селения, частью полузабр[ошенные], частью (одно) с колодцем, стоящие в развалинах. Человек ведет напрасную, неподходящую борьбу с природой: земля, с которой он возится, словно с любимым детищем, мало его вознаграждает, китаец во многих местах ее бросает. С вершины предпоследнего перевала к северо-северо-западу открылся вид на вполне массивные формы темных гор и, как казалось, широтного простиранья. Прямо на север, за бесконечными кряжами, в которых мы следовали, открывалась пустыня, подернутая дымкой. Вправо кряжи отступили к течению Желтой [реки].

В пройденной гористой местности селяки в достатке держат баранов, охраняемых большими свирепыми собаками. На одном из колодцев мы остановились попить животных; соседние скалы были полны пернатых, прилетевших также на водопой. Тут были: завирушки, розовые монгольские вьюрки, каменные воробьи, и горные голуби. По дороге, там и сям попадались трех видов чеканы (*Saxicola plesch[anka]*, *S[axicola] atrig[ularis]* et *S[axicola] isabellina*); последний пел звонко, подражая многим животным. Одни из чеканов вылетали из обрывов, вероятно, там они устраивали свои гнезда.

В общем, горы печальны и унылы — бедны, маложизненны, за исключением более массивных, отстоящих от нашей сегодняшней стоянки к северо-западу и наз[ываемых] Шу-ло-шань. Эти горы имеют несколько самостоятель[ных] гряд, на з[ападе] связывающихся в одну цепь. Горы богаты медью, работает строитель лань-чжоуского моста с 30-ю рабочими. Несколько ближе и севернее приютились две китайские кумирни, на обоих склонах гор. В предгорьях — 5 в[ерст] — имеется каменный уголь. На северном склоне кряжей Шу-ло-шаня еловый лес, кустарники, в которых, говорят, нередки олени, кабарга. Там ютятся китайцы — скотоводы. В ущельях, в головах существуют источники вод.

Пустыня подернута пеленою пыльной дымки. Отдаленные горы слева и справа кажутся силуэтами.

Здесь, в окрестности жалуются: в течение последних десяти лет полный неурожай.

Страстная неделя, великая суббота. Как хороши эти дни на далекой северной родине, где у меня дома жена возится с пасхой, куличами. Вокруг жены

прыгают детишки, предлагая свои услуги помогать маме сбивать пасху; мама же вспоминает меня!

29 марта. Торжественный светлый праздник Святой Пасхи. Год тому назад мы в этот день направлялись к Алашаню с северо-северо-запада. Целый год ми-нул в дебрях Азии — «немного прожито, но много пережито». Я иду с чувством полного нравственного удовлетворения; экспедиция оканчивает свою трудную работу, свою ответственную деятельную задачу. Я пока одною ногою стою на юге, в местах, своею природою напоминающих Сычуань, вторую ногу заносу в Хара-Хото. Что он даст нам, чем порадуют заключительные шаги экспедиции. Ведь после Алашаня, еще в апреле, а в особенности в мае, этот вопрос овладеет мною окончательно.

Пока же я смотрю на Алашань, где предстоит переснаряжение нашего пустынного «легкого» разезда и формирование огромного каравана с коллекциями, которому суждено будет оставить Дын-юань-ин первого июля, взяв курс на север, к Урге. Урга звучит о с о б е н н о п р и я т н о.

Светлый праздник мы встретили и пируем на месте в пустыне, подле за-худалого китайского крепостного глинобитного селения Ин-вуй-сянь. Четыр-кин его фотографировал, или вернее, наш пасхальный бивуак. Мы проснулись раньше 6-ти часов и начали разговаривать, вспоминать родину. Я люблю ночь под Святую Пасху, торжественный звон колоколов. Приятный, оживленный, многолюдный город и необычайную торжественность в домах христиан.

Но мы в пустыне; в 6½ часов на ногах, в 7 часов после записи наблюдения, сходимся вместе, я поздравляю спутников, христосуюсь с ними, дарю по три массивных (до 2 рублей стоимости) монет серебра, подношу традиционную чарку водки, едим сардины, макароны, пьем чай, кофе с печеньем Эйнема, а, главное, еще раз друг друга поздравляем шампанским — дар ганьсуйского китайского вице-короля. Виноват, еще раз пьем по чарке своего отечественно-го производства — клюквенной наливки Шустова — отличная. Наши гости — подводчики-монголы, остались очень благодарны и платой, и бутылками, кото-рые они получили в подарок.

Мой личный гостинец от жены дорогой — моя любимая малинка! Ни с чем не сравнимая! Я ею наслаждаюсь, упиваюсь ее запахом, люблюсь ее особенным видом. Малинка моя з а в е т н а я!

Быстро пролетело утро, настал полдень. Верблюды завьючены, и мы в пути, в северо-восточном направлении. Вновь мелкие грядки каменных пород, в долине развалины. Вступаем в каменисто-песчаное русло и следуем вниз. Кое-где деревья вяза, а вот и богатый водою родничок немного солоноватой воды, стре-мящейся вдоль правого берега. Русло отмечено богатой растит[ельностью] — дэрэсуном, который кое-где зазеленел. Скаты гор убраны хормыком, доли-ны — ирисом. Верхние долины — полынью — кормом для верблюдов. Из птиц появились пустынные курицы *Syrhaptus paradoxus*, монгольские выюрки, ка-менные воронки, жаворонки (*Otocorys*) и немного другое.

Минуем селение Ца-цзи-шуй с прекрасным бассейном родниковой воды, с хорошо возделанными полями, еще ниже показались башни и большое селе-ние Суань-хоу-пу, с глубоким арыком, со 170 домами, с лавками — вроде город-ка. Здесь справа подошли горы — часть общей (темной) цепи, сопровождающей

течение левого берега Желтой реки. Слева, на западе, стали контрастнее выделяться горы Шу-ло-шань, протянувшиеся в обычном северо-западно — юго-восточном направлении. Средние вершины значительны, от них сбегают темные островки лесной, упомянутой выше, заросли.

С севера перед этой цепью гор раскидывалась долина — восточное продолжение пройденной нами дважды, в минувшее путешествие и в это, в истекшем году. В долине этой из домашних животных обильны верблюды, а из диких — антилопы — хара-сульты, крайне доверчивые, допускавшие к себе в меру выстрела. Мой спутник Гомбо застрелил самку в линянии.

Вскоре за селением и башней мы остановились — налегла темная, облачная ночь. Усталый караван — и люди, и животные — быстро забылись крепким сном, слышался лишь храп.

Следовало отметить, что пашни, прилежащие к селению Суань-хоу-пу замечательно, изумрудно зазеленели. Тотчас за ними взлетали стайки больдуруков, которых манит к себе сульхир²⁰⁶.

30 марта. Прошли 34 версты в прежнем, прямом северо-восточном направлении. На той и другой окраинах — незначительные высоты или гряды гор, в середине — Великая Стена и обширная долина Цхо-вэ-тань. «Великая стена» — звучит сильно! От исторического памятника неимоверного труда остался, как воспоминание, лишь размытый глиняный вал и только одни башни еще возвышаются над равниной до 5—7 и более саженей. Направление ее в месте, нами пройденном, и прилежащем районе ориентировано с северо-запада к югу.

Пройдя эту часть стены, мы оставили внутренний Китай и вступили в Монголию. Пустыня своей пыльной атмосферой уже давно напоминает о себе. Все наши помыслы теперь в Алашане. Вправо — силуэт темных гор, влево — темная стена Шу-ло-шаня. На востоке прорыв — понижение, быть может времен[ный] выход Хуан-хэ.

С трудом осиливаем долину, поднимаемся на поперечный кряж Гэ-да-шань и, наконец, видим селение с отличным колодцем Гэ-да, где и приютились на ночевку. Много встречных караванов верблюдов, везущих соль в Лань-чжоу-фу.

На монгольской территории продолжают сидеть китайцы. Занимающиеся скотоводством: и баранами, и верблюдами, и извозом, они живут в землянках или плохоньких фанзах китайского типа.

Следовало, однако, заметить, говоря о горах Шу-ло-шань, что еще западнее, точнее юго-западнее, виднелась с нашей дороги цепь гор, в верхней части запошенная снегом? Смотри на карту 40-верстного масштаба, надо сообразить.

31 марта. Как и всегда выступили очень рано — в 5½ часов утра и двинулись в свежем воздухе, еще более охлаждаемом западно-северо-западным ветром. По горной дороге идем очень успешно, к тому же, наш подводчик — ябарский* монгол по имени Дэлгэр с сыном Дайчжи на 33 отличных верблюдах шагает очень быстро. Вообще мы прославляем судьбу по части караванного движения, перейдя с лошадей на «кораблей пустыни».

Поднимаемся на плоскость, на которой вырисовываются контуры горных грядок, к северу убегает широкая, светлая, большая дорога, на которую мы

* Так в оригинале. (Прим. сост.)

вступили и вскоре подошли к обелиску с датой на китайском и маньчжурском языках о границе алашаньской земли. Влево убежала тропа на Цаган-булак, откуда монголы возят соль; вправо — на Нин-ся. Вообще дорог на пройденной нами местности от Лань-чжоу-фу довольно, и они, главным образом, колесные.

По мере удаления к северу местность волновалась спокойнее. Миновали по руслу колодец-родник, привлекавший массу больдуруков. Прошли мимо скалы с изречениями буддистов и белого субургана в память Банчен-эрдэни. С дальнейших высот равнина еще спокойнее. Там и сям в этой дали пятнами желтели пески Тэнгэри. Приближаемся к настоящей пустыне. Вот уже появляются обо с надписями «о-ма-ни-пад-мэ-хум» не только у дороги, но и как указатели на видных местах. Свежая зелень, травянистый покров отрадno ласкает глаз, бударгана и дэрэсун преобладали. Вблизи колодцев много стад скота. На утренней заре, а то и ночью при лунном освещении оригинально слышна песня чекана, поднимающегося ввысь и парящего крылышками.

Расположились лагерем в знакомом урочище Цзаха-долон при обильном водой колодце. Теперь можно строго рассчитать, что дней через 8–9 попадем на склад. Впереди «Небесные» [Тэнгэри] пески, в которых поколышутся наши корабли. Пески нужно непременно сфотографировать.

Что значит идти подряд большими переходами! Сегодняшний, в 26 верст, показался небольшим переходом!

В этой части пустыни мы всегда встречали много паломников, на этот раз также. Шла компания монахов в 6 человек — тангутов-лам в сопровождении одного монгола-ламы (одноглазого, видимо плута). Паломники весь скарб тащили на себе. Конечно, они иногда платятся жизнью в дороге. Так, вблизи колодца, саженья в ста лежит труп ламы, видимо умершего внезапно или от истощения жаждой.

1 апреля. Ясное, тихое утро. Солнце красиво выкатилось из-за отдаленной зубчатой гряды. Запели жаворонки, закричали больдуруки. Вот уже солнышко значительно поднялось, лет пустынных птиц все увеличивается, голоса их раздаются везде кругом. Над палаткой, словно буря каждый раз проносится, когда несется развернутый строй стаи больдуруков. Глазу пестрят линии этих птиц по всем частям горизонта. Препараторы не вытерпели, пошли в засадки под обрывы, чтобы пострелять на тяге. Но вот выстрел, а птицы летят и летят. Потом и я, к засадке Арьи, и в какую-нибудь минуту — две-три — тремя выстрелами убил четырех оригинальных птиц, из которых три отданы в коллекцию, а одна попала на завтрак грифу. От нее я взял крылья для шляпки Н[адежде].

После обеда, в 12½ часа, в самое жаркое время караван выступил в дальнейший путь. Мы шли по раскаленной песчано-каменистой поверхности, прикрытой на всем протяжении до песков богатой прошлогодней травянистой растительностью. Из новой сегодня отмечены в цвету: сиреневый касатик, желтый укыр-карагана и белый астрагамос. На всем пути, вблизи и вдали от дороги взлетали с криком больдуруки; для этих птиц настала пора гнездования. Гнезд была масса, на окружности 30-ти сажень мы насчитали пять гнезд. Гнезда помещались просто на земле, в более или менее глубоком лоточке, не всегда даже выстланном перетертыми стеблями старых трав и не всегда замаскированном кустиками или веточками колючек. В гнездах преимущественно было три яйца,

реже по два. Вблизи гнезд сидели самцы, тотчас взлетевшие при приближении человека; самки же тихо покидали гнезда и, прижавшись к земле, расслабленно уходили. Вообще большедуруков была масса.

Сегодня попалась и первая полосатая змея.

У окраины песков, в одной версте слева от дороги виднелось монгольское стойбище, у которого паслись верблюды, бараны и лошади. Миновав все это и приблизившись к пескам, караван приютился на открытой площадке. Солнце все еще припекало при полной тишине воздуха и безоблачности. Мы поддались искушению и расположились лагерем буквально под пологом неба (без палаток). В сумерках бегали тушканчики, один из которых попал в коллекцию (спирт). Жуков и ящериц также попадалось порядочно. Паломники здесь уже были и обратились к нам с просьбой дать им воды, мы, конечно, поделились. Незаметно спустилась на землю хорошая, пустынная ночь. Мы с Четыркиным погуляли вблизи бивуака и после вечернего метеорологического наблюдения тотчас уснули. Ночь была превосходная, убаюкивающая. Я проснулся лишь под утро: созвездие Орион давно спряталось, восходили *Corone Borealis* и Орел. Воздух посвежел.

2 апреля. Лагерь проснулся [как] обычно рано, караван выступил в пять часов. Силуэты лам резко выделялись на песчаной поверхности, изрезанной волнами. Мы шли успешно, облачка и порывистый ветер освежали или замедляли обычное согревание. Так как в песках не было ветра и караваны то и дело проходят, то бол[ьшая] протоптанная дорога шла на всем пересечении песков; тропы виднелись к обо (через пять верст) — на возвышенном ребре песчаного меридионального бархана; обо было унизано массой тряпиц. Вся песчаная поверхность была исписана узорами, оставленными на своих путях жуками и кое-где ящерицами.

«Небесные пески», или Тэнгэри, нам хорошо знакомы. Мы их осилили очень скоро, так как верблюды шли молодцами, оставляя бархан за барханом. Однако на солнце, прятавшемся за облачка, мы ворчали: оно не дало нам таких снимков, на которые давно рассчитывала экспедиция, сняли там, где было не так красиво.

По выходе из песков последние тотчас закурились, словно вулканы, от крепкого юго-восточного ветра, атмосфера омрачилась. У песков залегают травянистая болотистая полоса, на которой паслись стада, да кое-где шли или отдыхали караваны.

На болоте замечены из растительности: дэрэсун, значительно зазеленевший, а из птиц: пара серых журавлей, столько же турпанов, одиночки — чибис, чайка, голоса куличков, шеврица, стая серых гусей, штук пять больших дроф, высоко над окраиной песков пролетевших к западу и темный, вероятно, камышовый, лунь. Там же, у окраины песков, перелетала с холма на холм и саксаульная сойка (*Pod[oces] hendersoni*). Продолжают попадаться ящерицы и жуки. Растворившееся болото удлинит путь каравана версты на три-четыре к востоку. Я прибыл на Хоир-худук (северный) раньше. Здесь монголы поили верблюдов. Они отказались продать нам барана, замечая, что эти животные теперь очень худы.

При этом колодце пойман в песчаном бугре скорпион, а вечером убита пре-паратором славка пустынь[ная], посажена в спирт.

3 апреля. Вечер был хороший, но к ночи (с 10 часов) начал подувать с северо-запада ветер, к 12 часам превратившийся почти в настоящую бурю. Палатка, как водится, под напором ветра шумела, стонала, плескалась; нас обдавало тонкой пылью и это всю ночь, хотя к утру, ко времени нашего выступления в дорогу, ветер очень ослабел и мы отправились.

Кругом серо-желтая, мрачная картина; выглянувшее в 7 часов утра солнце, казалось бледным диском. Наш путь был в области слабых поверхностных волн, слагавшихся из песчаников, глин или более твердых красноватых или темных пород, нередко присыпанных песком, по которому наша тропа заметалась и терялась. Встреченные сегодня были алашаньцами, направлявшимися к Далай-ламе в Гумбум. Они передали нам, что в Алаша-ямыне все по-старому и ван все еще в отсутствии, в Пекине. А вчерашние алашаньцы, между прочим, говорили: «Со времени вашего прохождения в прошлом году на Куку-нор, никто особенный здесь не показывался».

Корм продолжает попадаться превосходный, этой полосой насчитывается три поперечные дороги, идущие к Желтой реке.

Тем временем пришел и полдень, когда караван достиг озера Ширик-долон, долина которого обсыпана барханными песками. Мы подошли к прежнему месту, но остановились несколько выше, так как зеленые прибрежные площадки были очень сыры. При озерах — сели, мы нашли там птиц: серых гусей, уток крякв, чирят, общество пеганок, несколько куличков-песочников, улича — черныша, серых (и белых?) и желтых плисок, шевриц, крикунов-турпанов — и одного седого луня (с черными концами крыльев). В буграх и кустарн[иках] сойка саксаул[ьная].

Пятый час дня, а ветер продолжает дуть очень крепкий — дали закрыты. К ночи ветер не перестал, а наоборот усилился; температура понижалась, и мы вновь оделись в полушубки.

4 апреля. Порядочный переход в области сыпучих песков, которые, благодаря крепкому ночному ветру изменили свою поверхность в однообразно-волнистую, совершенно смыв со своего лица дорогу. Пришлось идти ощупью, внимательно всматриваться в придорожные признаки и следить вообще за очертанием барханов песков. Дорога проложена осторожно, она идет вдоль меридиональных или близких к этому направлению барханов. Местами каменисто-дресвяные выемки лучше всего служили ориентиром. Как прежде, так и теперь, я выношу одно и то же впечатление: вода в гобийской пустыне недалеко от поверхности земли; в местах наиболее низменных без особенного труда можно достать водоносный горизонт, который, судя по наличным колодцам, имеет прикрытие от 4—5 до 10—12 футов в виде песчано-глинистых пластов. Вода, в большинстве случаев, солоноватая, нередко известковистая. Так называемая алашаньская пустыня вовсе не бедна — она достаточна кормна в смысле пустынных форм растительности. Здесь не только обширное приволье для верблюдов, но и многочисленные стада баранов, и табуны лошадей находят себе достаточно корма. Пески чередуются с впадинами, рядом с песками ютится большое поселение, а зимой алашаньцы используют и пески. В песках много хорошего корма, в песках теплее. Напрасно алашаньцы иногда ропщут на свою судьбу — это несправедливо. Лишь крайне сухие годы могут служить им в некоторое оправдание, но это частное явление, общее же далеко не таково.

Окончив пески на высотах, мы увидели вдаль своего пути белое-белое пятнышко, постепенно увеличивающееся в размерах — это оказался монастырь Цокто-куре. При нем устроился один торговый дом — китайский, предлагающий свои услуги, как монахам, так и простым смертным, покупающим по дорогой цене предметы самой первой необходимости. Зайдя в этот дом, мы, лично, ничего не могли здесь приобрести и четверо-пятеро китайцев от скуки жарили в карты.

Сегодня мы почти с места выступления в путь увидели характерное седлообразное возвышение, лежавшее в северо-восточном направлении; оно выступало над общим мягко-волнистым очертанием алашаньской (южной) пустыни — эта горка Лоцзы-шань у колодца Шангын-далай. Мы ее будем видеть несколько дней — переходов, вплоть до Алаша-ямыня, с высот которого она превосходно видна, только другою своею стороною.

Итак, Алаша-ямынь, наш склад и станция приближаются.

От Лань-чжоу-фу мы ели вначале мясо обыкновенное, взятое в дорогу, затем консервированное или сухое, и только здесь удалось приобрести отличного барана, но зато и за высокую плату — 7 руб. 20 коп. на наши деньги. Полакомимся! Сухое все страшно надоело, от него болят челюсти, голодно, а много не съесть.

Поздним вечером над нашим бивуаком пролетел несколько раз кроншнеп, выдавший себя оригинальным свистом. При вечерней заре отчетливо рисовался профиль алашаньских гор, издали темневших, словно железный массив.

5 апреля. Утро ясное, морозное. Алашаньский хребет на утренней [заре] виден еще лучше. Вьючка идет правильно, быстро, и караван снимается до восхода солнца. Держим прямой северо-восточный курс; по морозцу и ветру верблюды шагают успешно. С утра все идут пешком. Всмотрись вдаль — большая караванная дорога, будто змея, извивается по равнине, пересекая вершины и основания плоских низких волн. Мы все время поднимаемся; это особенно заметно оглянувшись назад, где монастырь Цокто-куре лежит внизу, в котловине.

Поверхность земли — песчано-глинисто-каменистая; прилегающая дороге местность прикрыта кустарными (низкими) формами растительности; попадаетея и дэрэсун, на зеленые стебли которого жадно набрасываются лошади.

Ветер из восточного принял юго-восточное направление и перешел в настоящую бурю, поднявшую тучи пыли, которая слепит глаза, в особенности в песчаных участках. Кочевники вдаль от колодцев, на уцелевших травах; в полдневное время они бредут со скотом на колодцы поить их. Много верблюдов, баранов; рогатого скота меньше. Наш спутник — гриф на верблюжем вьюке чувствует себя несравненно лучше, нежели на мулах. Он, как и мы, чувствует себя порядочно. С прихода его тотчас вынимают из корзины, распеленывают и пускают на свободу. Гриф это знает — освобожденный, он расправляет крылья навстречу ветру и, несколько раз подпрыгнув, поднявшись от земли, стоит спокойно, раскрывая рот, словно зевая. Крылья то и дело поднимает или расправляет во всю ширину. Во время холодного ветра, в особенности бури, ищет укромного местечка, бугра и за него прячется. Сегодня во время бури едва нашли и укрыли внутри составленных квадратом ящиков, где гриф пригнулся и спрятал голову в спинные перья под крылья.

6 апреля. Ветер, дувший накануне, не перестал даже к утру, хотя значительно ослабел в силе и дул уже не с юго-востока, а с северо-востока. Мы вышли ранее шести часов и с места попали не на надлежащую, а несколько нижнюю, северную дорогу, благодаря чему, через 10 верст вступили в пески.

В песках дорога быстро затерялась, пришлось вилить из стороны в сторону и для ориентировки подниматься на вершины больших барханов, откуда открывался глазу наблюдателя все тот же блестящий светло-желтый песок. Эта часть сэрхэских песков в общем ориентирована не меридиально, а значительно к северо-востоку. Между острорезрых барханов лежат такие же длинные плоские валы, по которым (по их поверхности) песок сбит плотно и идти очень удобно. Одни барханы очень длинны, змееобразны, и в середине поднимают гребень до 70 футов в высоту; другие, наоборот, низки. Преобладающее направление ветров — северо-западное, но и юго-восточное также играет видную роль в строении барханов; последние нередко равнобокие, в особенности у гребня.

Преобладающий куст[арник] в песках — карагана (максимальная высота до 12—15 футов). Изредка сойка прозвучит, но чего особенно много, это черных жуков, трех типов (блестящий длинноногий, длинный узкий, и так называемый «обыкновенный — вездесущий», они ползают повсюду, иногда поднимаются на стебли растений).

Через полчаса мы отыскивали тропу, но ею прошли немного, ее направление (северо-северо-запад) мне не понравилось, я свернул почти под прямым углом, к востоку-северо-востоку и вдоль барханов пошел в надежде выбраться из песков скорее и попасть на должный путь. Вскоре мы заметили долину, поросшую пышной пустынной растительностью, окаймленную со всех сторон желтыми песками, словно кольцом. Наш путь пересек эту долину, и мы нашли в ней сначала трех верблюдов, а затем и их владельцев, монгола и монголку, запрятавшихся в котловину, в укромное, тихое местечко и отдавших Морфею. Номады сильно испугались при виде нас, вскочили, сконфузились и потупили очи долу. И только оправившись, выйдя из замешательства, стали давать толковые ответы о местности.

Тут-то и выяснилось, что мы пошли с Шангын-далая влево, тогда как нужно было идти вправо. Нижняя дорожка тоже ведет в Дын-юань-ин. Но я пошел прежней, с целью выйти на верхнюю дорогу, так и сделал. Верхняя дорога была в шести верстах; вступив на нее, мы обрадовались и успешно последовали вперед, вскоре устроив чаепитие. В виду хорошо знакомой долины, летом заполняемой водою, а теперь блестящей лишь издали солончаками, мы еще прошли вдоль окраины песков двенадцать верст, что составило с утренними пятьдесят и остановились подле глинобитных (на китайский лад) монгольских жилищ. В окрестности этого урочища, [где] мы расположились бивуаком, названного нам обитателями Тембу, бродила масса скота — верблюдов, баранов и прочих. Алашаньский хребет сильно приблизился, несмотря на пыльную мглу, он виден довольно порядочно: можно различить очертания. В другую сторону, кажется, безгранично убегают пески. В виду приближения Дын-юань-ина я торопился попасть туда на день скорее, то есть завтра.

Последними днями я с удовольствием читаю «Звездные миры и их обитатели» проф[ессора] Иос[ифа] Поле²⁰⁷.

7 апреля было приходом в резиденцию отсутствовавшего Алаша-цин-вана, [находящегося] в Пекине. Мы поднялись рано, так как нам предстояло сделать большой 40-верстный переход, к которому мы привыкли. Все сознавали, что Алашань, словно порог или приятная станция — преддверие родины, здесь наш склад, метеорологическая станция, здесь двое отшельников — Давыденков и Садбоев, здесь старожил Алашаня — мой прежний спутник Бадмажапов.

Завьючив [караван] и выступив в путь с урочища Тембу, мы вначале шли по кормной равнине, в летнее время смачиваемой водой, приносимой от алашаньских гор, ущельем Бурун-хит, затем дорога поднялась на пески, руслом, суженным до нескольких сажень, и по легкому подъему вывела в равнинную каменистую степь. Я оставил перевал и, пришпоривая коня, в значит[ельно] скорейшее время, нежели караван, приблизился к подножью гор, достиг передней ст[анции] Байшинту, а вскоре потом и самого Дын-юань-ина. Дорога была прекрасная. Алашаньский хребет стоял во всей красе — с одной стороны, и алашаньская пустыня — с другой; первый темнел, играя сизоватой дымкой, вторая — желтела и убегала за горизонт, скрывавшийся в тумане.

Дорога стала оживляться, начала проявляться жизнь — китайско-монгольские домики, монголы, неотличимые от китайцев, и прочее. Вскходы полей отливают изумрудом, ложа ручейков также, вода волнуется в бассейнах, собираемых заботливыми туземцами. Вот бегут резвые лошади на водопой, одна упала в воду и получала ванну, ее примеру последовала другая, третья — и лошади прежним путем направились к луговине.

Оазис приближается, встречные чаще и чаще. Наконец, вершина пригородной высоты, и путешественник видит перед собою оазис в полном или почти полном весеннем убранстве — таким приветливым, красивым, каким я еще, кажется, никогда не наблюдал. Может быть, чарующее впечатление, обаятельность, мягкость культурной природы зависела и от той причины, что наш глаз кроме песков или каменистой галечной равнины ничего не видел. Правда, местами и пустыня кажется нарядной, в особенности, где привольно сидят пышные цветами кустарники хату-хара.

Спускаясь с высоты, мы встретились с супругами Магнусен, следовавшими в Пинь-фань к доктору. Мадам сидела в носилках, месье плелся пешком. Я радостно приветствовал европейцев. Еще два часа и мы во дворе русских обитателей. Несказанная общая радость. Много времени спустя прибыл и караван. Пошло размещение, веселый громкий разговор и прочее. Мы устроились хорошо.

Радостному настроению способствовало еще и то обстоятельство, что на складе все оказалось благополучным: станция метеорологическая работала в исправности, ее ответственный наблюдатель вполне оправдал доверие и справился с ответственной нелегкой задачей. Давыденков был произведен мною в старшие унтер-офицеры.

8–9 апреля. Мы нарушили своим приездом обыденный вид, вызвав жизнь. Все засуетилось, ожило. Пошла распаковка и упаковка имущества, коллекций. Нужно было снарядить большой караван к отправлению в Ургу прямым путем, и мою легкую рекогносцировку, при наличии всех спутников, кроме наблюдателя, в вызванный нами к жизни Хара-Хото. Все наши коллекции, все наши предметы сохранены образцово, чему я обязан признательностью, с одной стороны,

моему спутнику, наблюдателю на станции, с другой — местному временному представителю русской торговли Ц.Г. Бадмажапову²⁰⁸. Этот человек искренне расположен ко мне и всеми силами старается быть полезным экспедиции.

Среди чисто физических занятий — неблагодарных перекладок и переливок (спиртовые коллекции), и перевяз[ки] и перек[ладки] птиц и других образцов зоологических сборов, я лишь урывками мог взглянуть на алашаньскую природу, которая в последние теплые дни, будучи согрета теплым дуновением весны, стала развертывать свои наряды — сады в цвету, сирень готовится распуснуться, вновь показались ласточки.

Вечерами я целиком отдаюсь небу: хочу определить ход 9-месячного круга хронометров. Это очень важно, поэтому ищу звезд для покрывания (долготы), а затем повторить широту (и время определить). В зените небо прозрачно, но по мере приближения к горизонту в большей или меньшей степени оно затуманено пыльной дымкой.

10 апреля. То же занятие, та же укладка, сортировка продолжается, те же дополнительные записи и прочее. И только для развлечения, [для] разнообразия снял снимок с барун-сунитской монголки — очень оригинален и красив по своему ее головной убор из серебра и цветных камней, преимущественно красных кораллов. Здесь же, в Дын-юань-ине, я познакомился с Далай-цорчжи-гегеном из монастыря Д[алай]-ц[орчжи]-сумэ, барун-сунитов²⁰⁹. Эта местность к юго-юго-востоку от Урги в 15 больших верблюжьих переходах. При знакомстве с этим гегеном, кстати очень любознательным, просвещенным, фотог[рафом] и любителем природы, любителем звездного неба, с интересом смотревшим в трубу на Юпитер и Луну, — я узнал многое о своих старых знакомых: о семье князя Чжун-вана, о Шакдур-гуне. Этим лицам (вдове князя и Шакдур-гуну), как ургинским знакомым, я послал хадаки. В свою очередь обменялся приветственным хадаком и с гегеном, подарив ему вид Лаврана.

Вечером, или точнее под вечер я отправился прогуляться по городу, затем в магазин ковров. Я приобрел несколько штук; очень соблазнительна мягкость и оригинальна окраска. Ковровое производство под названием Нин-сянское — общеизвестно в Западном Китае и постепенно прогрессирует. Я видел ковры и в Лань-чжоу-фу, и в Синине. Ценны и оригинальны ковры с рисунками (по заказу) из буддизма — так называемые священные. И эти ковры, в особенности старинные, охотно приобретают англичане (даже через агентов).

Но вот и, неожиданно, крайне неприятная история по пребыванию в Лавране. На экспедицию, в частности на двух моих спутников, часто гулявших и экскурсировавших в окрестности и по самому Лаврану, пало подозрение со стороны лам, что будто они похитили из посещенного ими храма (одинокого, в горах), бурханов. История эта начиналась в Лавране, тотчас по моему отъезду, и ламы-тангуты пальцем указали на Ч[етыркина] и С[одбое]ва, что вот, дескать, эти. Однако сама по себе эта история, вначале было прекратилась, как мне заявили мои спутники в Лань-чжоу-фу, по моему возвращению в караван. Уладил дело, будто бы, мой приятель — геген-нголок, сказавший: «Мы с Козловым имели прекрасное отношение, я ему не желаю причинять неприятностей и мы это дело оставим». Мои спутники заметили, что им без меня (без начальника) «это особенно неприятно, и вы, если, мол, хотите, то заявляйте об этом деле в Лань-чжоу-фу,

куда мы идем, и куда прибудет наш начальник». На это тангуты заметили: «Нет уж, китайцам мы жаловаться не будем» и прочее. Затем, снабдив караван проводником и переводчиком, его отпустили. Ма-чан-шань, по-прежнему, старался оказывать содействие экспедиции. Вот, в общих чертах, все то, что мне было поведано при моем приезде в Лань-чжоу-фу, в лагерь экспедиции.

Теперь здесь, в Алаша-ямыне, объявилось следующее: прибыли китайские чиновники, командир[ованные] Нин-сянским губернатором, по предписанию из Лань-чжоуского ген[ерал]-губ[ернаторства] об осторожном, якобы, приступе к экспедиции с целью узнать о произошедшей в Лавране в присутствии русской экспедиции пропаже из горного храма нескольких бурханов. Дипломаты-китайцы, выждав наше прохождение через китайские территории, послали расследовать дело в Алаша-ямынь, свалив его со своих рук. Пусть, дескать, разбирается в этом деле монгольский князь Алаша-цин-ван или его управление. У тангутов, в Лавране, может быть, из-за этого происходят острые недоразумения — вражда двух сторон: одной — нашего приятеля Гунтан-цана, другой — холодного, надменного старика, заменившего главу Лаврана в духовном отношении. Эти две враждующие партии, возможно, и ведут теперь «дело об исчезновении нескольких бурханов». Слышно также, что большую деятельность и напряжение во всем этом проявляет сининский чжэн-тай.

Пребывшие сюда чиновники начали пока действовать крайне осмотрительно, с большою осторожностью.

11 апреля. Барометр понизился, небо подернуто облаками, в воздухе чувствуется особенная теплота. В открытой долине бегают пыльные вихри. Оазис наряжается пышнее, горы видны прекрасно, они окутаны синевою.

Озабочен лавранской историей. Приходится, так или иначе, держать ответ. Что бурханы покупались и покупаются, а также поступали в дар экспедиции от друзей — лам, это факт. Приобретались они и в Лавране; к нам приходили ламы и просто миряне, все, под видом стеснения, приносили, что называется «под полой». Ученье фактическую сторону приобретения изображений будд от лиц, их продававших, величайшее затруднение, даже, можно сказать, невозможное. Ма-чан-шань в делах приобретения был посредником. Экспедиция обогатилась большим разнообразием культовых предметов. И все это весьма обыкновенное явление, не случись гадости, как доказывают ламы отдаленного монастыря, что выломано окно, что видны отпечатки обуви русской (сапоги с железными гвоздями), указываемые следователям-китайцам на фактическую отрицательную сторону русских. Сторож-лама рукою показал на двух участников экспедиции Ч[етырки]на и грен[адера] С[олбоева], приходивших ранее, подробно осмотревших монастырь и прочее, вслед за сим — исчезновение бурханов через окно!

12 апреля. Я изложил письменный ответ лань-чжоускому г[енерал]-г[убернатору] и жду развития событий по этому вопросу. Весь день облачный, ветренный с пылью, поднимаемой в воздух. Работа под неприятным впечатлением не спорится. Удачные лань-чжоуские снимки — и виды, и <слово неразборчиво>-портреты цзунду — также меня удовлетворили; начал я печатание, но и оно двигалось вяло. Предчувствие недоброе и оно начинает понемногу оправдываться. Вечером я получил телеграмму от нашего пекинского посланника со следующим содержанием: «Считаю долгом предупредить во избежание нежелательных

недоразумений, что китайские власти в Нин-ся получили приказ осмотреть ваш багаж в виду получения от китайского резидента в Синине жалобы на увоз вами из (монгольского) монастыря Лавран двенадцати изображений Будды, об этом мне сообщено из Vaivonbon²¹⁰ (Министерства иностранных дел). Коростовец». Вот вам история полностью.

Тяжело, страшно тяжело, на душе. Что будет дальше? Бог весть...

13 апреля. Силимся разузнать о деле, расследовать о нем. Приступаю энергично. Четыркин бухнул в ноги, ухватил руку целовать, залился слезами, признался. Храм не тот [о котором говорят], а резиденция Чжамьян-шадбы. Что же предпринять дальше... Мысли давят ум, душу, сердце. Вечером Ч[етыркин] принес бурханов (семь), один другого интереснее. Видно, что человек пользовался не одной минутой выбора и, может быть, не один раз экскурсировал в целях приобретения легкой этнографической коллекции.

Днем у меня были с визитом двое сыновей Сан-е — покойного брата цинвана или, так наз[ываемого] гегена. Молодые люди благодарили за подарки, вспоминали Пржевальского, который живет в их воображениях в образе «богатыря» и прочее. Такое впечатление о русском путешественнике внушил им их отец.

Погода по-прежнему облачная, пыльная. Дали скрыты густым сухим туманом.

14 апреля. Заметно просветление воздуха. Я отправился с визитом к сыновьям покойного Сан-е, живущим отдельно в парадном помещении, все еще носящем характер порядочности на китайский лад. Меня угощали чаем, сладостями. Показывали портреты отца, его старинные предметы роскоши: камни, тушницы, бурханы, картины. Я видел сына моего приятеля — мальчика лет шести и его (то есть князя) младшую сестренку, семилетнюю девочку. Для разнообразия гуляли в саду, разделенном на три части; цветение, аромат — самое приятное [для] глаза и для обоняния. Образцы растительных форм — дерево Цзонхавы²¹¹, характерно вьющийся Salix, еще одно, мелколистное, и прекрасный, униженный исключительно розовыми цветами, кустарник — взяты в гербарий. Сан-е и Си-е были большими любителями садоводства и цветов. Много яблонь, персиков и груш, имеются и виноградные лозы. Орошение искусственное.

С удовольствием погуляв в саду, я возвратился домой. Хоть чуть-чуть забылся от неприятностей, под впечатлением которых был с утра, со времени производства последних дознаний и чтения приказа, по случаю прихода экспедиции в Алаша и истории с лавранскими бурханами.

15 апреля. Погода изменилась к лучшему, хотя ночной минимум свыше 3°; в горах выпал снег, воздух прозрачен и свеж, по долине кружат пыльные вихри. Все эти дни вожусь с фотографией: снимаю, печатаю и прочее. Нужно исполнить обещанное: выслать в Лань-чжоу-фу снимки цзунду и портрет Нэ-тау. Предстоит писание писем, а сегодня вечером вероятно астрономическое наблюдение. Надо думать также о сборах в дальнейший пустынный путь.

Астрономические наблюдения удались как нельзя лучше: получил полный круг наблюдений. Свежесть ночного воздуха с ветром давала себя чувствовать: руки коченели, в особенности, принимая во внимание дневное тепло на солнце.

16 апреля. Дни побежали быстрее. Сегодня я писал письма Лан-чжоу-цину. Написал также весточку, единственное письмо домой, со снимками. Позднее обрелся кругом наголо, снимался верхом и в пешем виде в монгольско-ламском

одеянии, верхом на Гнедке. Фотографируют везде кругом. Понемногу также укладываемся. Надо приниматься за отчеты. Весенняя жизнь обнаруживается интенсивнее. Прелестный вечер подарил мне еще одну довольно большую звезду для определения долготы.

Весна толкает отправиться в путь. Нога грифа поправляется, ест эта могучая птица очень много. Днем на солнце лежит в рыхлой земле. К своим относится еще более миролюбиво, начинает даже играть клювом.

17 апреля. Дни за днями текут однообразной чередой. Принимаемся за последние дела. Весна надвигается: теплеет чуть не с каждым днем. Последнее время, последние дни дует южный ветер, повысивший температуру и понизивший барометр. Алашанские горы украшаются приятно для глаза фиолетовой или огненно-фиолетовой дымкою, картинно стелящейся по скату. В Алашане и на этот раз удалось кое-что приобрести по части этнографических коллекций, как то: предметы китайской жизни, старины и прочее — хорошее дополнение к прежнему. Но предметы буддийского культа уже перестали встречаться. Наши прежние их поставщики что-то не являются.

18–20 апреля. Последнее время, вплоть до двадцатого апреля, погода стояла замечательно хорошая: ясная и теплая; впечатление тепла не весеннее, а летнее; температура в час дня поднимается, в тени до 26 °С; солнце не только греет, но и жжет. Мы все собираемся в дорогу: сушим мясо, снаряжаем посуду для воды, ремонтируем походные принадлежности и снаряжаем большой караван к отправлению прямою дорогою в Ургу. Наши коллекции птиц, растений и насекомых понемногу пополняют наши естественноисторические сборы. Я же сам весь ушел в писание отчетов; в виде разнообразия проявил последние снимки, отчасти лавранские, отчасти гумбумские и лань-чжоуские; все вышли хорошо. На остатках бумаги удалось кое-что и напечатать. 20 апреля погода изменилась к худшему — подул ветер, небо покрылось густыми серыми тучами, по алашаньской равнине сплошные тучи пыли и песка. Азиатская природа верна себе — лучший день бывает предвестником бурного, мрачного состояния природы.

21–23 апреля. Мы достаточно обсиделись и привыкли к Алашаню. На наших глазах оазис Дын-юань-ин успел значительно развернуться зеленью. Наши энтомологические сборы подвигаются, но исключительно лишь в отделе интересных мух; жуков же мало и прежние формы. Я засел за отчеты, уйдя в них окончательно. Устаю, когда бросаю писание, поднимаюсь на соседнюю столовидную горку и любуюсь на далеко убегающую к югу, западу и северу пустынную равнину, на оазис и на Алашанский хребет, который в прозрачное состояние воздуха представляет очаровательное зрелище, в особенности вечером, во время заката солнца, когда на его крутые склоны картинно ложится огненно-фиолетовая или сизая, чарующая глаза, дымка.

Тем временем идут сборы в путь в пустыню и на развалины Хара-Хото. Запасаемся сухарями, сухим мясом, посудой для перевозки воды и прочее. Наперед можно сказать, что пустынька нас поджарит, подпечет. Но это будет последнее; мысль о скором возвращении на родину и любимое святое дело, которому служим, придаст напоследок новых сил и энергии.

Недостает нам нравственного утешения, не достает давно ожидаемых писем с родины!

Горный охотник доставил нам отличного самца куку-ямана, на скелет. Четыркин 23 апреля отправился с тем же охотником в горы — взглянуть на развитие растительности и добыть самку куку-ямана. Когда нужно — это случается не так скоро.

24–26 апреля. Я весь ушел в писание: пишу, пишу и пишу; сейчас третий отчет в Иркутск, Селиванову. Сильно надоело. Четыркин съездил в Алашаньский хребет, в ущелье Бага-бучутуй, привез куку-ямана, убитого его спутником, монголом. Зверей этих в горах довольно много; тогда как аргали встречается только в северной окраине гор и сравнительно редко. Перед поездкой цин-вана в Пекин местные охотники систематически собираются и едут в северную часть гор стрелять могучих красивых зверей, которых затем ван увозит в Китай в подарок своим родственным принцам.

Алашань без княжеского двора выглядит одиноким, запустелым, тихим.

Второй раз ко мне приезжает чиновник, командированный из Нин-ся, местным нэ-тайем по распоряжению вице-короля провинции Гань-су, узнать от меня что-либо по делу об исчезнувших двенадцати лавранских бурханах. Я повторил прежнее, и для успокоения чиновника написал бумагу. В горах прохладнее: сирень в бутонах, тогда как в оазисе сирень уже отцветает. Ручьи молчат до сильного полуденного пригрева. Вообще в горах едва чувствуется слабое пробуждение жизни.

Приказ по отряду экспедиции 9 апреля 1909 г., город Дын-юань-ин

«Седьмого апреля экспедиция благополучно прибыла в Алашань, где нашла и склад, и метеорологическую станцию в образцовом порядке, как, равно, и примерное поведение и примерное ведение метеорологических наблюдений. С чувством полного удовлетворения произвожу в старшие унтер-офицеры 1-го Лейб-гренадерского [адерского] Екатеринославского Императора Александра III полка Мартына Давыденкова; в младшие урядники Забайкальского казачьего войска (1-го Верхнеудинского полка) казака Бабасана Содбоева. Обоих со старшинством с 13 января 1909 г. в память о знаменательном дне экспедиции».

В Алашане все оказалось в полном благополучии и исправности. Обнимая прекраснейшего солдата и честного, сердечного человека младшего унтер-офицера Давыденкова, я со слезами радости поздравил его со старшим унтер-офицером, со старшинством с 13 января сего года.

Давыденков после десятимесячной разлуки со мною, после отшельнической жизни в глубине Азии поразил меня сохранением высокой дисциплины, нравственности, порядочности, поразил замечательной стойкостью, выдержанностью и образцовым ведением ответственных наблюдений на метеорологической станции. Честь и слава этому моему спутнику — алашаньскому отшельнику, заставившему туземное население уважать себя.

Приятное вступление экспедиции в Алашань, к сожалению и прискорбию, омрачилось неслыханным в экспедиции мерзким поступком, учиненным моим младшим помощником по отделу собрания биологических коллекций — Четыркиным. На наш радостный горизонт набежала зловещая тучка.

Мой помощник, более не о ф и ц и а л ь н ы й помощник, а простой волонтер Четыркин, которого, если бы не старушка, умолявшая меня при расставании

об учении ее сына уму-разуму, если бы не мать, благословившая своего сына на честный труд, то я отправил бы его тотчас в Ургу с волчьим паспортом по третьему пункту²¹².

Читая все это своим гренадерам и казакам, я закончил приказ обращением к своим спутникам со следующими словами: «Отдаю вам, братцы, Четыркина на вашу совесть, на ваш нравственный суд. Надеюсь, что покаявшись в своем гнусном поступке, омрачившем экспедицию, унижившим русское имя, он в последние месяцы экспедиции старанием, нравственной стойкостью, хоть немного загладит сие черное прошлое, содеянное в Л[авране]».

27 апреля. День облачный, ветреный; тем не менее, сегодня экскурсия пре-паратора очень удачна — он добыл трех интересных птиц: вальдшнепа, дрозда Науманна [*Turdus naumanni*] и мухоловку (*Poliomyias hodgsoni?*). Всех трех в саду-оазисе Дын-юань-ине.

На следующий затем день, облачный и пасмурный, после полудня пришел северный ветер, вскоре перешедший в сильную бурю, поднявшую в воздух тучи пыли. Какие резкие контрасты хорошей погоды с худой, прелестного синего неба с грязно-желтым, открытых далей с сокращенным пыльным горизонтом. Сухость воздуха крайняя.

Наши приготовления к отправлению в дальнейший путь почти окончены. Мое писание отчетов и частных писем также. Пора в дорогу, но письмо Напалкова, извещающего нас о его скором приезде, держит экспедицию. Нет худа без добра — не успеем ли, тем временем, получить весточку из дома. Ведь мы давно ее получали. За истекшие четыре месяца ничего не знаем.

29 апреля. Холодное мрачное утро. Ночью был дождь на равнине и снег в горах. Буря бушевала до глубокой ночи, минимальная температура которой вы-разилась ± 0 .

Я проснулся очень рано. Сегодня для нашей семьи знаменательный день — день нашей свадьбы. Минуло 13 лет с тех пор как мы обвенчались, нашему сыну Володе уже минуло (21 января) двенадцать лет.

Как быстро летит время! Этак совсем не заметишь, как протечет и вся жизнь человека. А как сильно хочется в такие торжественные, личные дни быть дома, в кругу своих близких, в кругу семьи! Хочется, чтобы время бежало скорее; скорее бы окончилось это тяжелое путешествие. Сегодня писал жене второй лист письма, начатого уже несколько дней тому назад, писал также и академику С.Ф. Ольденбургу, повторяя ему мою просьбу о присылке или переводе на границу материального подкрепления. Жду ежедневно почты и сотрудника Напалкова, а там пойдем к родному северу!

30 апреля. Прибыл Напалков, исполнивший лишь вторую часть предложенной ему программы, то есть прибыл обратно по указанному ему маршруту, а не остался в богатой Гань-су для коллектирования; человек предпочел прибыть в Ургу и жить там полтора месяца, в то же время, когда мы будем томиться в самую высокую жару в пустыне и дышать пыльной атмосферой. Но что делать. Опять лишнее неприятное душевное страдание.

1 мая. Весь день прошел в упаковке коллекций, главным образом, орнитологических. Отдел маммалии²¹³ выражен беднее. Энтомология хорошо. Имеются также и камни, и растения. Но что интереснее всего, это субурган или курильница

с субурганом, приобретенная в Гань-су, в городе Цинь-чжоу за пятьдесят лан серебра (90 руб.).

«За отлично-усердную службу производится бомбардир Буянта Мадаев в младшие фейерверкера²¹⁴ со старшинством с 13 января 1909 года».

Мы собираемся без отдыха. Все ушли исключительно в сборы. Мыслим о последней деятельности, о последних работах в Монголии вообще и в главной частности — Хара-Хото. Караван готовится к выступлению, а я готовлю последнюю почту. Неужели действительно, посольство перепутало мою просьбу и вместо того, чтобы отправить большую почту в Алашань, отправило ее в Ургу? Тогда прощайте, известия, надолго!

Желание двинуться в путь растет с каждым днем.

Настало **3 мая**. Оазис пышет как летом. Солнце пригревает также полетному: пора! Интересно, что даст нам Гобийская пустыня?! Вероятно, будут интересны и любопытны сборы по земноводным и пресмыкающимся, равно и по энтомологии.

Я предлагаю выступить завтра, то есть 4-го мая. Капитан Напалков во главе большого каравана — через неделю. Сначала наши пути будут более или менее близки, затем уклоняется: мой к западу, его к северо-востоку.

4 мая. Как и предполагал, выступили в путь! С утра все были на ногах, все подбиралось, налаживалось. Завтракаем. Вьючим. Прощаемся. Выступаем ровно в полдень. Нас провожала компания наших и Бадмажапов. Наш путь к северу. Наш караван состоит из десяти вьюков и девяти верховых верблюдов; плюс — два монгола-подводчика, итого, следовательно, 21 верблюд. Народа ровно половина.

Следуем хорошо знакомым путем, по местности более или менее пересеченной — серо-желтой, песчано-каменистой. Слева убегает пустыня, справа виднеются островки дерев, зеленеющие своей молодой яркой листвой. На одном из русел, при отличном колодце, откуда струится ручеек Куретэ — мы ночевали. Еще издали заметили два ивовых дерева, высоких, стройных, которые манили к себе. Вокруг песчаные холмы, одетые зеленью хармыка, по которому в сильной северо-западный ветер скрывались интересные черные, узко-длинные, с белым пятном спереди головы — мухи! Итак, наконец, опять путешествие. Алашаньский хребет едва виден — только силуэт!

5 мая. Втягиваемся в путешествие. Сегодня прошли хороший переход: 30 верст. Характер местности — равнина, постепенно падающая, в особенности в общую ложбину, известную под названием Шара-бурду. Поверхность — равнина — отливала золотисто-зеленым колоритом отличной прошлогодней растительности. Вдоль дороги, несколько поодаль [от] нее, группировались юрты, от которых к нашему каравану подбегали собаки. В стороне паслись хара-сульты. Из птиц же чаще других попадались коршуны, орлы, дрофы, не включая сюда обыкновенных птиц для пустыни — большедуков, которых было особенно много. Птенцы уже на взлете, один добыт в коллекцию. Ночуем подле речонки Шара-бурду, у колодца, из которого пользуется водой торговец-китаец, уроженец Тай-вы-сянь, имеющий здесь порядочную лавочку самого необходимого в обиходе кочевников товара.

Как и [в] прошлый год, нынче здесь немало змей, но исключительно одного вида — серая, узкая, длинная. Алашаньский хребет исчезает южной окраиной,

гора Баин-ула приближается. До полудня — сравнительно прохладно, после же просветлело, и прозрачное небо стало порядком пригревать. К вечеру вновь наступает приятная прохлада. Вверху по Шара-бурду лесок тополей — чья-то, каж[ется], Си-е покойн[ого], заимка.

6 мая. Переход в области настоящей пустыни, между алашаньскими горами с одной стороны, и горами Баин-ула — с другой. Слабоволнистая, пересеченная местность, то песчано-глинистая, то солонцеватая или слабо хрящеватая. Баин-ула приближается. Вдали на востоке, на пути Н.М. Пржевальского, темнеет и возвышается Хань-ула, описанная им. На западе обособленно выделяется гор-ки с обо — Хатын-обо, напомнившая мне грядку острова Куйсу. У Хатын-обо, у подножий, исключая южное, выбегают родники порядочной воды; с востока залегают солончаковая впадина Боро-дабасу, с доб[ычей] соли.

По дороге, миновав монастырь-субурган, вскоре вступили в песчаные холмы, покрытые саксаулом; в холмах к полудню стало ощутительно жарко, томно. Чувствую, что в Гойцзо, в особенности же в Хара-Хото, подпечат нас как следует. Ночи пока очень прохладные, равно по утрам и вечерам. Утром мы двигаемся успешно до восхода солнца и после, часов до девяти.

Звери — антилопы, зайцы; птицы — красношейка, лунь, камыш[овый] чекан и много больдуруков.

7 мая. Утром стояли южнее горы Баин-ула; в полдень — севернее. Сначала поднимались, затем шли по нагорью и вновь спускались. Курс прежний. Горы безжизненны, безкормны и безводны. На востоке проводник указал источник под названием Ханчи-задагай. Взглянул на юг — дымка, алашаньские горы, их северная окраина, силуэт. На севере расстилалась снежно-красная равнина, граничащая невысоким волнистым гребешком — Дурубутьжин.

Спустившись с Баин-ула, мы опять скрылись в песчаных холмиках, затем песчано-глинистых увалах, выросших до незначительных высот — обрывов у первого ключа, издали отливавшегося зеленью. Жарче с каждым днем — томно, томно.

Изредка рассеяны жители, их жилища; там и сям, далеко в пустыне бродят верблюды, реже бараны или рогатый скот. Лошадей почти не видно. По-прежнему, в стороне от дороги, дзере — хара-сульты, зайцы и другие местные грызуны — Gerbillus.

8 мая. Шли последний переход по дороге, проложенной моей экспедицией год тому назад. Завтра уклоняемся к востоку между моими путями нынешнего и минувшего путешествия. Весь переход — скучно-однообразная равнина-пустыня. В середине пути пересекли западное пониженное (из разрозненных холмов — рухляков и других выветренных пород) крыло горной гряды Дурубутьжин. С вершины холмов, в следуемом нами направлении, видно понижение — долина, отмеченная руслом, окаймленным ильмовыми деревьями, красиво, пышно зеленевшими и дэрэсуном, все еще сверкавшим светлым оттенком.

Эта долина Сумын-гол, по которой тянется наш путь. В него вливается другой гол, другая долина — Улан-мотэн-гол, также окаймленная ильмами. Вскоре, затем, дорога втягивается в русло, обставленное красно-гранитными плоскогорными холмами, дно усыпано дресвой из того же красного гранита. По руслу все еще кое-где сидят ильмы, оживляющие своею свежелою листвою зелени.

По-прежнему кочевники, кочующие налегке в палатках со скотом вокруг своего главного, юрточного стана.

Здесь, при отличном колодце два высоких дерева, и наша палатка на этот раз под приятную тенью того ильма, который вблизи колодца. Сижу — пишу; ветер приятно шумит в густой ильмовой листве; мысли, под впечатлением шума, уносятся далеко из пустыни. У колодца то и дело собираются туземцы, поят скот. Вот две пожилые монголки судачат, порою голос понижается в секретный, порою раздражается в громкий смех. Вот слышен и металлический звонкий голос молодой, 15-летней девушки, здоровой, румяной, с тонкой, высокой талией. Она боязливо озирается на иностранцев, а еще больше боится нашей собаки, стремящейся утолить жажду. Живые, быстрые глазенки девушки-пустынницы горят блеском, лицо — оживленным любопытством. Порою она устремляется мыслью куда-то вдаль, порою опускает глазенки вниз; дикарка ищет ответов, теснящих ее ограниченный кругозор: откуда могли появиться такие люди и куда они следуют? В то время, когда пожилые монголки или старушечки смотрят тупо, лениво, юная дочь пустыни быстро скользит с человека на человека, с одного европейского предмета на другой!

Ночь облачная; утро тоже, с сильным или крепким северо-восточным ветром.

9 мая. Пройдя две версты в том же русле, имеется колодец; в отдалении стояла юрта подле глинобитных строений. Дорога шла в каменистой пустыне. Благодаря пыли, поднятой в воздух, дали были закрыты. Баин-нуру виднелась силуэтом. Мы шли весь переход до Дурбун-мото старой дорогой. В ущелье — зелень и ильмы с хармыком. Там паслись крайне исхудалые лошади, вероятно, едва-едва дождавшиеся свежей зелени. Не подошли.

У Дурбун-мото, в отдалении, стоит Цаган-обо, на высотах, у юго-восточного подножья которых, опять глинобитные жилища. Миновав Дурбун-мото, мы через две версты оставили дорогу (вблизи пересечения ее большой куку-хотоской — шанчжин-тохойской — гань-чжоуской) и пошли целиком через песчано-бугристую покатуя долину до колодца Хармыктэн-худук. От этого последнего гора Тамсык всего в 4—5 верстах, на западе; на западе же (юго-западе) через небольшой промежуток располагается другая — Лонхото. Обе отмечены в передний путь в Алаша-ямынь. Завтра мы следуем почти строго на север — связаться с путем моего минувшего путешествия <слово пропущено> — Амын-усу.

При Хармыкт-худуке ютилась одна юрта вдали от колодца, вокруг виднелось их порядочно; виднелись также и глинобитные постройки.

Ветер понизил температуру; хотя к 3 часам дня солнце пригревало с прежней томной интенсивностью.

10 мая. Прошли 27 верст и все это расстояние без дороги, прямым северным курсом. Миновали через 3 версты, колодец с глиноб[итными] постройками и юртами под названием Гэдэсун-худук, а через десять — Цаган-бургын. Жители последнего вывели нас на еще более определенное направление — среди песчаных холмистых грядок. Справа темнели высоты, отмеченные на моей карте; кругом песок и песок. К полудню, наконец, прибыли на колодец, спрятанный в глубине, среди песчаных холмов. Ближе к солончаковой грязи — болоту — стояло несколько юрт кочевников-монголов, у которых мы покупаем баранов, до сих пор не нагулявших жира. Пески прикрыты хармыком, ложбины их — камышом.

Из птиц встречаются: саксаульные воробьи, славки пуст[ынные], *Pyrrhospiza obsoleta*²¹⁵, хохлатые жаворонки, *Podoces hendersoni* и *Buteo*, сегодня попавший в коллекцию. Змей не видно. Ящерики, кроме немногочисленных плоскоголовых, нарядные с окраской леопарда — *Eremias Przewalskii*. Жуки прежние, мух мало; коллекции вообще пополняются туго.

Сегодня, несмотря на облачность, температура воздуха в час дня 28,3, а поверхности песка 56 °С. Ноге (необутой) очень жарко на песке, нестерпимо.

11 мая. Утро серое, мрачное. Чтобы не делать излишних вильяний, я потребовал проводника довести караван до Шарцзан-сумэ. От колодца Амын-усу через одну-две версты дорога разделилась: восточное направление в Хара-сухай; мы воспользовались западным. В общем, характер того и другого пути одинаковы. Дороги извивались по галечным высотам и песчаным низинам; в глубине пересекли язык песков Ямалык, ширина которого простиралась до семи верст. Издали песчаные холмы сливаются в однообразный вал, но вблизи наблюдается сложное строение. Гряды песков имеют то меридиональное, то широтное направление, то более или менее среднее между ними. В наиболее высоких грядах, достигающих 30–40 и более футов, иногда залегают галечные ложбины — пьедесталы песка. Ветры, дующие с разных сторон, видоизменяют строение как отдельных гряд, или холмов, так и общей, постоянно движущейся массы.

Через 10 верст, среди песков Ямалык, за 2 версты до их окончания; мы чаевали вблизи колодца Улан-худук. Здесь ютилась юрта с молодым монголом и его сыном — прекрасным 10-летним мальчиком. Эти степняки-пустынники пасли коз. По их словам, они были налегке, вдали от своего дома, где женщины ухаживали за баранами и верблюдами.

Еще через 5 верст мы спустились в ложину с колодцем Боро-обонэн-худук. Подробно указываю на все это с целью подчеркнуть мое прежнее заключение об устранении в Гоби абсолютных пустынь на «огромные» пространства.

Местность стала повышаться до самого монастыря. В северном направлении вблизи темными точками ильмы, словно сбившиеся в массы подле окраины гор. Даль ограничивают горы, носящие название по монастырю.

Пустынно и бедно в смысле животной и растительной жизни, хотя в этот день мы наблюдали немало хара-сульт, отметили также и тушканчика. Из птиц показался ворон. Нашли яйца дрофы (?), парочку, на песке у дороги.

44-верстный переход утомил всех нас. Меня, ослабленного болью в желудке, в особенности. Я должен был сначала отлежаться, а потом уже подумать о предстоящем астрономическом наблюдении.

В Шарцзан-сумэ мы остановились в подворье моего знакомого «алашаньского Креза»²¹⁶ — богатыря Иши. Сам он жил на пустынном просторе, со стадами верблюдов. Хорошее, просторное помещение приютило нас в прохладе.

Я отдохнул и вечером смог сделать полный круг наблюдений: определить широту, время и долготу (покрытием двух звездочек, хотя и небольших, но благодаря хорошей прозрачности воздуха, отмеченных довольно точно исчезновением).

12 мая. Облачно, прохладно; ветер дует от юго-востока, порывистый, пронизывающий. Монахи выбрали для монастыря хорошее место: горки, прохлада, отличная колодезная вода. Я с удовольствием прогулялся в монастырь и с интересом посмотрел с внешней и с внутренней стороны убранство храмов. Первое

впечатление может передать фотографический снимок. Можно отметить также аккуратное наблюдение за чистотой и порядочностью. Большой из трех храмов очень богат бурханами (металлическими, иконописными). Здесь, неожиданно, я увидел витрины вдоль стены с так называемой «тысячью бурханов». Остальные два храма, стоящие в одну линию с первым, поочередно, меньшие. На флангах красуются два субургана. Перед входом во внутренние дворы храмов хурдэ с мани.

Во время моего осмотра в главном храме шло богослужение, отправляемое молодыми ламами, числом до 70—80 человек, во главе с настоятелем Гэскуйем, назначаемым из местных выдающихся лам барун-хитским гегеном, считающимся главою этого монастыря. Всей монашествующей братии до 100 человек, по списку и штату, но во время хуралов, летнего, весеннего и зимнего, собирается до 200 лам; торжественность службы увеличивается. Окрестные монголы все собираются на праздник.

Подле монастыря устроился торговец — китаец.

Но что здесь особенно дорого — это лес, который привозится за много, много сотен верст, с одной стороны с юга — из Алашаньского хребта, с другой, с севера, из Урги.

Основан Шарцзан-сумэ свыше ста лет тому назад, одним богатым алашаньским монголом, передавшим храм в ведение и покровительство барун-хитскому гегену. После чего монастырь постепенно стал расширяться. Название Шарцзан было раньше приурочено к урочищу, к окрестности.

Монастырь далеко виден и блестит яркою белизною свежих чистых построек.

В одно из дунганских восстаний здесь были повстанцы, но особенно ничем богатым не воспользовались, так как все такое заблаговременно было увезено и припрятано, а по минованию опасности водворено на место.

Сегодня я решил выступить после обеда, с целью добраться до Иши в два приема, а не в один очень большой. Трудно идти в жаркое время.

Монастырь Шарцзан-сумэ мы оставили в 1¼ часа дня. Солнце, в горных коридорах, сильно припекало, но когда мы поднимались на гребешки, то порывистый ветер значительно освежал нас. Горы, прилежащие монастырю с севера, несли валообразный характер разрушенного выветренного розового гранита, нередко с интересными жилами — глинистого сланца мощностью от 1 до 7 футов, правильной стеной. Русла имели крутое падение, дно дресвяное. Там и сям выделялись одиночные деревья ильма, приятно освежавшего глаза свежестью зелени. Это была словно улыбка жизни по отношению к каменистой пустыне. На бурых гребнях гор, в виду монастыря, видны были обо.

Через шесть верст открылась поперечная долина, вскоре скрывшаяся вздутием северо-восточного горизонта. Влево поднимался массив Эбэльты темным, в середине возвышенным валом. Мы шли по каменистому руслу мимо колодца Улан-тологойн-худук. Всюду камни, камни и камни, то торчащие, то скругленные атмосферными деятелями пустыни.

В руслах туземцы вырывают колодцы; в руслах же, по их береговым террасам, стлался зеленеющий дэрэсун и хармык с прочими пустынными растительными полукустарниками и травами. Высшая водораздельная точка монастырских гор поднята порядочно, пожалуй, на несколько тысяч футов. Растительность во-

обще бедная, однако нередко мы встречали лошадей и коров, предоставленных полной свободе.

Миновали также пересечением и дорогу тангутов. С последнего гребешка мы отлично увидели обширную долину Шарцзан-ара (зад), граничащую на севере темно-синим массивом Арыкшан. В середине долины имела быть ставка Иши, у колодца Цзагин-худук. Окраина гор была близка и мы, миновав ее, расположились лагерем у «Одинокого дерева» — Гансын-мото, а на следующий день, **13 мая**, часов в 7 утра, уже были приветствуемы моим богатым знакомым в его стане из двух обширных юрт.

Встреча, прием были очень приятные. Я с удовольствием провел несколько часов в богатой, уютной юрте Иши, заваленной у стен всяким ценным добром. Иши не преминул похвалиться и богатством, и тем, что у него немало всюду приятелей и выразить мне комплемент, что он гордится знакомством со мною и всегда готов, если мне потребуется, дать мне займы серебра столько, сколько бы я ни пожелал.

Иши — гордость Алашаня. Он лама, одинокий. У него родных — это его сестра — девица, имеющая двух детей, прямых наследников большого состояния дяди.

Иши взялся доставить меня через Хара-Хото в Ургу из Алашаня. Теперь здесь происходила смена верблюдов и проводников. Мы стоим рядом, бок о бок с его юртами. К востоку, шагах в 500–600, колодец, рядом — саксаул.

Сегодня у нас вроде дневки — день большой. Едим, пьем, читаем. Чтения мало.

Здесь, у Иши, мы встретили монгола — улясутайского, прибывшего сюда затем, чтобы передать приказ начальства о водворении на местожительство тех монголов, которые забрались сюда для оперирования торговлей и которые, набрав товару, между прочим, и у русской фирмы в Алашане в кредит, конечно, были рады оставить насиженное место, якобы по воле и приказу начальства. Так в Азии постоянно бродят туземцы из одного в другой конец страны, под видом искания счастья, удачи, простора, нашего «Беловодья»²¹⁷.

14 мая. Прошли 33 версты. Сначала с полдня дул крепкий ветер, задержавший наше выступление более, нежели на час, на час прохладного времени. Поднялось солнце, ветер начал стихать, жара усиливаться, а к 12 часам или к часу температура поднялась в тени до 30,3 °С. Стало невозможно дышать, к тому же поверхность земли (мелко-песчано-каменистая) накалилась свыше 60 °С. По сторонам потянулись унылые темные или бурые безжизненные горы, горы, состоящие из лавы, в недавнее время представлявшей сплошную корку повсюду; теперь же она лежит по сторонам горками (на севере) и высотами (на юге). Среднее поднятие разрушено в пыль. Подобная порода страшно накаляется, вокруг скверного колодца Кара-цзагин-худука в особенности. Здесь по песчаным буграм широко раскинулся саксаул. Песчаные бугры, а местами и валы различных направлений то и дело попадали нам навстречу.

Жизнь почти незаметна. Голосов птичек не раздается вовсе, если не считать боязливого, отрывистого звука чекана. Обилие грызунов — песчанок — привлекает лисиц... и только. К северо-западу, из высот западного крыла Арыкшан, особенно рельефно поднимается остроголовый Хайрхан; неподалеку от него к юго-востоку стоит горка Майхан-хара.

Пишу, время — 5 часов, но жара дает себя сильно чувствовать и невольно наводит на размышление, как же мы будем работать в мертвом, унылом Хара-Хото. Кстати, вчера я в беседе с Иши узнал, между прочим, что он и его знакомые монголы, бывавшие на Эцзин-голе, слышали об удачных в свое время находках на востоке от стен Хара-Хото, примерно верст до 10-ти. В этом направлении, будто бы, лежит немало развалин кумирен, и торгоуты неоднократно в своих попытках отыскать что-либо вознаграждались металлическими бурханами. Приближаясь к «своим» развалинам, я все больше и больше мечтаю о них. С удовольствием узнал, что с этой — восточной стороны вода имеется в 10 верстах, и мы первое время будем добывать ее верблюдами Иши, а тем временем должны установить связь с торгут-бэйлэ и заручиться его пособничеством и содействием. Посмотрим, как он нас примет.

15 мая. Продолжаем идти большими, свыше 30 верст, переходами; местность прежняя — унылая, песчано-каменистая пустыня, с едва заметными признаками тропы. Камни, песок и невзрачный корявый кустарник саксаул один сменяет другого. Вскоре миновали выделяющуюся гору Соин-хайрхан, гордо возвышающуюся тремя острыми вершинами. Вокруг сонм гряд и холмов, к западу засыпанных песком. Пески оказались во всей грандиозной красе; здесь их восточная окраина, а на запад они ушли далеко-далеко (См. «Монголия и Кам»²¹⁸). В соседстве Соин-хайрхана, с запада, в русле, направленном на север и северо-восток, находится колодец Утохойнын-худук; русло, названное тем же именем — Утохойнын-гол. Пройдя этим руслом несколько верст, мы свернули влево и пересекли высоты, вступили в новую замкнутую долину, из которой к северу стремится русло, а выше, на запад, шелестят камыши, покрывающие небольшое горько-солончатое болото Шара-хулусун, в котором ютилось несколько малых птичек (*Budytes* и проч.). Над камышом с редким пронзительным криком летала стремительно небольшая стайка стрижей. Кругом же все песок, песок, песок. Высокие песчаные холмы взбегают (пески, а не холмы) на высоты, на их скаты, поэтому, чтобы не плутать в них, мы принуждены были подняться на вершину песчано-глинистых каменистых высот (откуда увидели ближайший край долины Гойцзо, а также и знакомый кроваво-желтый мыс Улан-удзур), пройти две-три версты, прежде, нежели спустились в долину (или урочище) Окцзум-хайрхан с отличным колодцем этого же названия и приютиться бивуаком. Котловина среди песков дает себя чувствовать, несмотря на сегодняшний порывистый ветер. Впрочем, последний очень горяч, как горячо все кругом: и песок, и камни. Сегодня в тени воздух 34 °С, а на поверхности [песка] 61,2 °С. Дышать можно только вечером, часов в 6–7, ночью и утром. Чуть же поднимется солнце, как уже чувствуешь его горячую ласку. Его лучи прожигают; во рту сохнет; собака сильно томится от жара.

Вчера был неожиданно богатый энтомологический сбор. Есть интересные формы и жуков, и мух; начали попадаться также изредка и оригинальные растения.

При этом урочище живут люди с баранами и верблюдами. Из птиц — *Lanius*, *Sylvia* и все.

16 мая. Наконец экспедиция достигла восточной окраины долины — котловины Гойцзо, сделав 35-верстный переход. Поднявшись на высоты нашей

ночевки, уже открылся вид на ханхайские обрывы, на Улан-удзур, который пришелся по засечке (30,8°) в северо-западном направлении. К этому своему пункту мы шли около двадцати верст, минуя по дороге характерное урочище Укыр-усу-ирэнь-тологой, в переводе означает «Коровья вода пестрой головы». Здесь мыс заметного холма и вблизи него родник с довольно порядочной водой. Родник образует небольшой прудик, на который слетелось много больдуруков напиться, и ютилась одинокая желтоголовая (*Bud[ites] citreolus*) плиска. За этим же урочищем, вскоре лежат поперечные высокие (до 30 футов) увалы в виде языков, высунувшихся почти в северном (меридиональном) направлении. Растительность жалкая, пустынная, за исключением отрадного местечка у «Коровьей воды». Галечно-песчаная равнина сопровождала нас на далекое расстояние. Вновь пески уже до 50–70 и выше футов в виде гряд и холмов самых причудливых очертаний. Приближаясь к пескам, ветер еще более усилился: вершины барханов закурились. Песок взвивался вверх и, словно фонтан, разбрасывал свои брызги. Вступив в широкое урочище Гойцэн-урды-элэсу, покрытое зеленым камышом, я почувствовал особенный запах этой сочной растительности — освежающий, бодрящий, но ненадолго — [вскоре] он притупился. Горячий воздух раскаленной пустыни, взбаламученный ветром, теснил дыхание и страшно маял, утомлял, расслаблял.

На этом переходе некоторое время ехал с нами рядом китаец-торговец, ведший в руках верблюжонка. Оказывается, его торговый стан разбит в горах северо-восточного угла Гойцзо — Улан-ула (где будто-бы имеется также и небольшой монастырь Улан-улэн-сумэ). Замечательные проницательностью китайцы! Они везде раскинут свои хищнические сети, в которые заманивают простаков-монголов, предлагая им даже в долг всякие мелочи, а затем считать процент такой, какой китайцу вздумается, Бог на душу положит! Вот и теперь он ведет верблюжонка, через два года будет настоящий верблюд. А китаец жалуется, что не удалось выморочить сразу взрослого верблюда. Правда, незавидная доля здешних торгашей-китайцев — они лишены всего своего, должны жить пустышками и все время наблюдать за своими кредиторами. К тому же, надо быть так ограниченно немногим довольным, как доволен и существует китаец, чтобы, в конце концов, иметь выгоду не только на одного-двух, а [на] всю свою артель китайскую. Китайцы гнездятся обществами и все дороги, по которым я где-либо проезжал в Монголии, в большей или меньшей степени приютили этих «пауков», высасывающих отживающую кровь северных номадов.

17 мая. На Руси весенний праздник²¹⁹. Мысль невольно уносится туда, в свое гнездо. Где-то семья устроилась нынче? Чувствую, что в Дарьине, в знакомом и мне уголке. Отсчитывает ли она, как отсчитываю я месяцами время? Да, настало время, когда и месяц уже много означает. Мы в Гойцзо, за которой лишь одни пески шириною в несколько десятков верст, да песчано-галечная равнина отделяют нас от Хара-Хото. Скоро и эта цель будет достигнута, но чем-то в этот раз порадует нас Хара-Хото? Впрочем, я забежал вперед. Ночью, в 12 часов, разразилась буря с востока, в бурю спится плохо. Поднятый хвост у палатки опустился, и духота положительно разбудила меня. Утром ветер дул крепкий, подгонявший нас в спину. Мы вскоре вышли на южную дорогу Гойцзо, проложенную по твердой песчаной гальке. Прохладным утром караван шагал особенно успешно.

Через 4 версты миновали знакомый колодец Дэнгин-худук, который лежал на моем меридиональном пересечении Монголии в 1899 г.²²⁰ Тогда я шел зимою огромным караваном вперед, на юг, вдаль. Теперь теплее, следую к родным пределам в западном направлении. Более и более изучаю котловину — дно, бывшее всего дальше под водами Ханхая²²¹. Еще 9 верст, достигаем стоянки прошлого года — Цзамын-худук, где стояли лишний день по случаю бури, и где Чернов наткнулся на следы древнего человека. Тогда была ранняя весна — уныло, бедно; теперь же уже зеленел камыш кругом и мы, как и прежде, добыли здесь попутно пару интересных серых больших сорокопутов.

Вскоре показался лес ильмов, далеко, в виде островка видневшийся с той или другой стороны. Какой бы ни был лес, в особенности его отвратительная корявая солончаковая почва, а все-таки для глаз путника он отраден и наши коллекторы птиц и растений направились туда. Однако птиц, кроме саксаульных воробьев, не было. Вся прелесть от леса — только шум листвы, уносивший мысленно на дорогую родину! Вблизи леса обитала семья монголов с баранами; в данное время эти кочевники интересны для нас тем, что мы можем доставать у них продовольствие.

Вдали к востоку, нет, к западу, нам чаще показываются камышовые заросли, источники вод, говорившие об улучшении местности. Показалось и св[ященное] обо <...> с прекрасным родником воды. Обо искусно выложено вокруг из сухих корявых стволов саксаула и, собственно, может [быть] назв[ано] двухэтажным. Основная часть широкая, верхняя более узкая, с конической вершинкой хармыка, увенчанной шпилем. Дважды в год сюда стекаются все окрестные обитатели на молитву, на праздник. Командующий холм дает возможность любоваться на окрестность: на юге — пески, на севере — равнина, постепенно падающая в этом направлении, к западу едва заметно темнеют площади камыша урочища Зуслэн.

Пять часов дня. На соседние сплошные пески стала ложиться слабая тень, они выделяются контрастнее. Нас донимают комары и мошкара, завтра обещают еще больше.

Светлыми сумерками вылетела от обо летучая мышь и стала кружиться вблизи нашего бивуака, а вскоре попала в коллекцию. Странно, что вылетел лишь один экземпляр.

Вечером, как и всю ночь, погода стояла превосходная. Соседние барханы песков успокоились к утру.

18 мая. Весь переход шли по хорошо знакомой, год тому назад изученной, долине Гойцзо. Старый желтый камыш заглушал собою свежую изумрудную зелень. И только, при урочище Зуслэн луговая площадь и озерко напоминали собою наш край; у одной окраины по мягкому лугу благодушествовали лошади, у другой водяная птица: гуси (с молодыми), утки, кулички-зуйки, у третьей — сидела стайка журавлей (*Grus virgo*), тотчас снявшаяся при нашем приближении к болоту. Залетали кругом турпаны, оглашая утренний тихий воздух своим пронзительным криком; поднялись утки и залетали также во всех направлениях. Тихим неслышным полетом, словно украдкой, пронесся лунь, за ним другой; там, подле камышей, мелькнул дрозд (доб[ытый] в Цакэлдэктэ) и прочие, а в кустах или сплошной чаще камыша неумолкаемо льются звуки камышевки; в пустыне и эта живая песенка довольно отрадна. Идем дальше. Солнце поднимается

скоро и сразу обдает нас своим горячим дыханием. Мираж, злой дух пустыни, уже строит на северо-востоке фантастические здания из замысловатых горных высот, холмов и кряжей Эргу-хара.

Изредка привлечет внимание одна юрта и бродящий кругом скот, затем вновь одиноко и скучно. Полная мрачная тишина. Узкую полоску воды и растительности — крохотный оазис — давят, с одной стороны, сплошные пески высоких меридиональных барханов, с другой — пустыня-котловина, в самое недавнее геологическое прошлое обнищавшая водой, — это самое низкое место во всей Монголии.

Весной местность здесь оживлена многочисленными пролетными [птицами], пролетающими на север; осенью также — летящими на теплую зимовку, на чужбину. Замечу для памяти, что следую по долине Гойцзо, сравнительно тихо, с известным расчетом не делать дней, но все же шире знакомиться с оригинальным уголком. Меня наводит на мысль котловина Гойцзо, имеющая большое протяжение к западу. Судя по характеру местности и барометрической нивелировке, продолжением Гойцзо служит низовье Эцзин-гола, Хара-Хото и, в частности, урочище, засыпанное песками, бассейн, впоследствии замененный площадями озер Сого- и Гашун-нор.

19 мая. Из лучшего, самого приветливого местечка долины Гойцзо — урочища Нор, я решил перенестись в один день, но двумя приемами, с обедом в Хашата (в урочище самых высоких камышей), к западной окраине Гойцзо — в урочище Оролгэн-худук. Там жителей нет, а нам необходимо было приобрести барана, чтобы затем покупать таковых только в окрестности Хара-Хото. На пути к Хашата мы видели последние две юрты на золотистых пастбищах Гойцзо. Озерки продолжают попадаться; [на] эти места воды всегда указывают или более пышные камыши, или стойбище монголов, или же пернатые, там и там проносящиеся вдоль озерок или родников. А, все-таки, добыча пернатых в Гойцзо — очень и очень незавидная.

В прибрежных песчаных холмах мы немало наблюдали следов кошек, и конечно думали, что эти следы принадлежат диким особям, тем более что попала на глаза нашему препаратору и сама кошка в тех местах, где год назад я убил отличную самку. Препаратор двумя выстрелами положил кошку, но каково же было его разочарование, когда он принес домой, и оказалось — не дикая, а настоящая домашняя с белыми лапами и белыми частями ног. «Бывает!».

Итак, сделал 18 верст, мы временно расположились бивуаком; готовим обед, отдыхаем; переживаем жаркое время дня, а там и движемся с расчетом прибыть на место к закату солнца.

Усердная камышевка поет, не переставая; в большинстве случаев эта певунья сидит скрытно в гущине камыша, и лишь изредка поднимается к вершине камыша. После обеда, в 2½ часа дня, мы выступили в дальнейший путь; солнце жгло немилосердно; истома душила до изнеможения. Мы страшно загорели, а тут при послеобеденных переходах солнце бланзирует²²² нас вовсю. Ветер обдает раскаленным зноем. Даже верблюды и те томятся, чуть дунет встречный ветер, они открывают свои могучие пасти и словно ловят ветер. В особенности было жарко и душно, когда мы, обходя солончаковые болота и грязи, шли в песках. Над этим морем пустыни воздух вибрирует. Песками, окраиной их, следовали около пяти

верст, затем, придерживаясь южной же части камыша, почти столько же, постепенно удаляясь к середине камышовой площади.

Местами выделялись болотца, высокий, густой тростник, местами залега­ли уродливые волны уродливого солончака. Вблизи песков, по камышу и та­марискам паслись верблюды, на середине долины — лошади, крупные, сытые, красивые.

В 6 часов вечера, мы расположились лагерем у самой окраины Гойцзо и на­чала пустыни — колодца Оролгэн-худук, вода которого принадлежит к самым скверным водам всего пути, нами пройденного от Алашаня. Вечером дыша­лось легче, несмотря на то, что температура воздуха (в 9 часов) все еще стояла в 28,8 °С. Небо окуталось слоисто-кучевыми тучами; на юго-востоке туча напо­минала дождевую, с характерными полосами, спускавшимися на землю.

20 мая. Выступили в 4 час[а] 10 мин[ут], как и вообще, выступаем в послед­ние дни. Вскоре восток начинает рдеть огненно-золотистыми полосками. Мы все еще продолжаем испытывать свежесть воздуха и бодро шагать. Наконец светило выкатилось: теплее, теплее, а затем и жарко. Сначала, на протяжении 7 верст, шли бугристые пески с саксаулом (в большинстве случаев сухим, урод­ливым), затем вклинились грядовые меридиональные барханы, поднимавшиеся за сто футов в высоту. Позднее опять полоска саксауловых зарослей, опять пе­ски и опять саксаул, среди которого устроен порядочный колодец. Тут мы име­ем отдых с обедом, а после 2½ часов вновь в дальнейший путь до вечерней зари. Набол[ышей] мощности пески вздымаются (выше, выше и выше) к югу. Ребра барханов чудесны.

Мы идем дорогой, проторенной монголами-алашаньцами, преследующи­ми вора-торгоута, угнавшего из центра Монголии четырех верблюдов, но оста­вившего за них усталого осла. Сегодня воздух до +37 °С. Душно, душно, томно! По части естественных натуральных сборов — бедность страшная.

Мы выступили после обеда в 2 часа 35 мин[ут], духота и жар дошли до край­них пределов, в особенности в чаще саксаулов, богатой пылью. Лучше станови­лось на гребешках песчаных барханов, хотя песок накален чрезвычайно: сесть, повалиться, полежать невозможно.

Песчаные участки и участки саксауловых зарослей перемежались; послед­них было больше. Пески — грандиозные барханы я попытался фотографиро­вать. Странно, что как раз в этот момент подул крепкий порывистый ветер, обдававший песком и меня, и аппарат. Мы пересекали пески Сутцзайн-илису в сравнительно узком месте, тогда как на севере, в особенности же на юге, они залега­ли на обширные пространства.

Солнце склонялось к горизонту, но жгло и жгло. Оно светило и грело пря­мо в лицо, которое от того становилось мягко-бронзовым; во рту пересыхало до крайности; я первый день не отказался отведать в дороге чая, предложен­ного моим казаком, имеющим всегда в запасе, у седла, напиток. До последней минуты скрытия за горизонт солнце не грело, а жгло, как только может жечь в знойной сухой пустыне. Бедная собака Лянга — уроженец пустыни, но у нас отъевшаяся, страдает не меньше нас. Ее лапы обжигаются; даже верблюды так­же обжигают проношенные мозолистые лапы, когда начинают с силой ударять ногой по земле.

А все-таки это животное — незаменимое в пустыне; вот мы уже 18 переходов, один другого больше, сделали от Алашаня (правда, сменив их у Иши), а наши «кораблики» идут себе, как ни в чем не бывало — везут наш багаж и нас самих. Мы совершенно освоились с этим способом передвижения, находя его очень хорошим. По пескам особенно приятно качаться на гигантском пустынном животном.

К вечерней заре мы были в урочище Лунцза-хара-цзак и расположились бивуаком под пологом ясного, лунного, обаятельного неба. Воздух был так тих, спокоен, что зажженная свеча, для сверки хронометра, горела, словно в комнате, без миганий. В 9 часов мы улеглись; казаки, кроме дежурного, уже спали давно, раздавался их здоровый храп (усталый). Но мне долго не спалось. Повернувшись с бока на бок, затем на спину, занятый рассматриванием ярких светил, я встал и сел на соседний ящик. Вспомнилась родина, вспомнились крымские лунные вечера; но теперь я был одинок. Достал запас завтрака (только теперь вспомнил о еде, когда представилась возможность дописать, а с приходом все пили чай, чай и чай — этот незаменимый в пустыне напиток), поел со спутником и дежурным, выпили опять чаю и только еще через час я забылся сном до утренней зари, а там вновь в дальнейшую дорогу.

21 мая. Характер местности прежний. После саксауловых зарослей другие пески Куку-илису — «нежно светлые». По знакомой дороге, в утренние, более прохладные часы, двигаемся успешнее. С вершины гребней уже показалась башня Боро-цончжи в равнине, по которой там и сям рассыпано стоят ильмы. Далеко на запад виднелись обрывы, лежащие на пути к древнему городу. Мыслишь, что в этих местах, при жизни Хара-Хото, жизнь была ключом. Эта кратчайшая дорога часто оживлялась караванами в Китай и из Внутреннего Китая — на Эцзин. Случайно пройдя, миновав незамеченным, колодец Боро-цончжи (а раньше временно останавливались у башни, для фотографирования), мы отошли порядочно, приблизились к своей «заветной» цели. За водою пришлось посылать назад, верст за пять. Здесь пустынно и уныло. Сборов мало или почти нет. Жара нас душила — в тени 37,7 °С.

Впрочем, вчера и сегодня спиртовая коллекция обогатилась пустынной формой удава, питающегося Бог весть чем. Итак, завтра приходим в Хара-Хото.

22 мая. Накануне, с 10-ти часов вечера, подул юго-западный ветер, вскоре переменявшийся на северо-восточный; последний дул всю ночь и почти весь настоящий день. Уже с утра воздух был наполнен тучами пыли; несмотря на протор[енную] дорогу на столовидных возвышениях, при спусках в бугристые низкие долины всякие следы терялись и мы шли ощупью. Путь шел на запад-северо-запад, глубокие долины чередовались с прежней равниной, материковой. На пустынных плато дорога извивалась змеею; кроме того в таких местах имелись следы полуразвалившихся башен. Как прежде, так и теперь глубокие долины вселяют в меня предположение о существовании здесь рукавов речек Эцзин-гола, который протекал и орошал Хара-Хото в его существование. Ведь существуют же теперь долины, с севера и юга, у Хара-Хото со следами пашен и каналов!

В первой, [и] во второй долине наш караван временно остановился, чтобы напоить верблюдов и наполнить всю посудину водой. Урочище с колодцем,

называемым Шара-тологойнын-худук; вода порядочная, но отдает сернистым водородом. Ее не освежают, не меняют.

В 10 часов дня мы через мглу увидели, наконец, знакомые серые стены Хара-Хото, а еще через полчаса уже вошли внутрь крепости и неподалеку от западных ворот и углового северо-западного субургана расположились наши шатры.

Внутренность древнего города, как и внешний вид, производили на меня прежнее впечатление. Все здесь было так, как мы оставили немного свыше года тому назад, даже уцелели те предметы, которые нами были оставлены как лишние; эти предметы лежали на старых местах; видно, после нас никто сюда не заглядывал. Сегодня же я командировал Бадмажапова и Демиденко к бэйлэ. Изыскания — работы — начались...

Между прочим, как-то за обедом, я спросил у своего переводчика китайского языка Полютова, много ли вреда наносят им в Забайкалье волки? Полютов смутился и говорит: «Пожалуйста, Ваше вы[сокоблагородие], не упоминайте за едой эту несчастную тварь, мы избегаем говорить о ней в такое время, так как этот зверь в этот момент непременно пожирает нашу скотину, где-либо в Монголии, на свободных привольных пастбищах. Если уж никак нельзя обойтись без упоминания ее, то мы, в крайности, называем “длиннохвостый”».

Дневник № 4
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Хара-Хото

Весь путь от Дын-юань-ина до древнего города Хара-Хото экспедиция исполнила в 19 дней и переходов — без дневок; впрочем два перехода были настолько малыми (семь и тринадцать верст), что их можно считать за дневки. Самым же большим — был переход в 44 версты от Амын-усу до монастыря Шарцзан-сумэ. Общее число верст простирается до 550, точнее 547.

До Дурбуй-мото или Хармыктэ-худук мы шли прежним маршрутом этой экспедиции, на северо-запад; далее свернули на Амын-усу и через Шарцзан-сумэ в Гойцзо, откуда вновь по прошлогоднему пути добрались до Хара-Хото.

Весь этот путь для удобства можно разделить на три части: южный Алаша, долина Гойцзо и пустыня к Эцзин-голу. Первая часть представляет меньшую половину, две другие большую. Таким образом, смена животных у Иши, при колодце Цзагин-худук, пришлось почти строго в середине маршрута.

Вставали мы с утренней зарей, вернее выступали в путь с зарей, а вставали еще того раньше и шли в прохладе, очень успешно, но затем усталые, изнуренные держались в седлах вяло, идти же пешком было еще затруднительнее. Верблюды тяжело дышали, выглядели по случаю линяния крайне жалкими, невзрачными. Собака еле брела, и под каждым придорожным кустом тщетно искала прохлады. Порою взвизгивала, когда обжигала лапы, или то же самое испытывал верблюд — стучал, ударял в землю своею широкою мозолистою лапою. Со всех катился пот «градом».

В полдень мы радостно останавливались, быстро разбивали бивуак, но жар становился сильнее и в палатке, накаляемой солнцем, мы еще больше прежнего изнывали от жара. Лучшим временем для нас бывал вечер. Мы бодро ходили, свободно дышали, лагерь оживлялся разговорами и проч. К 9 часам вечера бивуак становился тихим, засыпал. И так — изо дня в день.

Характеристика пустыни такова: на общем мягко-волнистом, уходящем за горизонт пространстве в большей или меньшей степени выделяются небольшие темные массивы, протянувшиеся в широтных направлениях с неодинаковыми склонениями к северу или югу.

Поднявшись на вершину такого массива, видишь в отдалении на близком или далеком расстоянии, новые поднятия и прочее. Между массивами раскидываются равнины, с преобладающим серовато-желтым оттенком пустыни, которую часто омрачают «сухие туманы».

Абсолютная высота пустыни колеблется от $3\frac{1}{2}$ — 4000 футов. Массивы поднимаются до 5000 футов. Низины, котловины с солончаковыми болотами опускаются до 2700 футов. Каменистые, в большинстве случаев сухие русла часто обсажены корявыми деревьями ильмов, яркая зелень которых весьма отраднo влияет на путника. В горах ютятся низкорослые кустарники, иногда

сбегающие и в каменистую равнину; иные формы группируются по мягким песчано-глинистым буграм, заполняющим дно наиболее глубоких долин. Здесь преобладают саксаул, тамариск, хармык и другие.

Как на особенность пустыни, можно указать на долину Гойцзо, являющуюся пустынным оазисом. В середине страны, в середине скорее Средне-Южной Монголии вытянулась широтная ложбина, с абсолютной высотой в 2 700 футов. Крайние границы этой ложбины не выяснены строго; их можно пока указать приблизительно, а именно: на западе — озеро Гашун-нор, на востоке — крайний маршрут Н.М. Пржевальского, приблизительно меридиан Урги. Котловина эта представляет изогнутую кривую, по которой то стелется зарослью саксаул, то тянутся соленчаки, то выделяются родники, образующие ряд озерок, окаймленных густым тростником. Под последним, выделением источников в пустыне, монголы подразумевают лишь Гойцзо. Но это крохотный уголок, я бы сказал, что вся площадь воды в Гойцзо, взятая в целом, едва ли представит десять верст в окружности; камышовых же площадей много и местами они тянутся на десятки верст. Странно однако, что монголы мало используют эту долину; всего, говорят, тут живет до 15 юрт-семейств в настоящее время и до сорока жило в прошлом.

Пернатые странники на весенних и осенних перелетах остаются в Гойцзо продолжительное время; Гойцзо живет птицами (плавающими и голенастыми), но на лето их остается сравнительно очень мало.

К северу от Гойцзо тянется поднятие каменных массивов Эргу-хара, к югу вырастают обширные сыпучие пески, в центре именуемые Бадан-чжарэн (о которых см. в первой части моей [книги] «Монголия и Кам»).

В общей котловине, протянувшейся змееобразно, или кишкой, нашел себе место и древний город Хара-Хото, в котором мы сосредоточили свои предпоследние серьезные работы. Хара-Хото абсолютно расположен также [на высоте] около 2 700 [футов]!

23 мая. Первый день дневки. Шел дождь, температура понизилась, воздух сделался прозрачным. Вечером на западе небосклон с перистыми облаками играл причудливыми огненно-золотисто-красными переливами — такими, от которых невольно приходишь в восхищение. Вскоре затем заря погасла, на наш «грешный» город спустились сумерки, а потом и ночь. Ее тишину нарушал лишь единственный сычик, зловеще кричавший с разных мест стены. Мы словно оживили мертвый опустелый город. Днем на наш бивуак начал показываться коршун, вдаль пролетают большедуки, *Tinnunculus* (?); в соседстве нас свистит песчанка (*Gerbillus*); среди кустиков шныряют дневные ящерицы, а в земле при раскопках находим и ночных — весьма интересную, серую, большеголовую форму.

С первого дня прихода в Хара-Хото мы приступили к раскопкам. Как и в первое посещение, так и теперь, пока не придут рабочие, я не ставлю указаний моим спутникам где копать, находя это совершенно излишним, а предоставил им полную свободу действий. Они работают, они находят места по собственному чутью, таким образом и работают веселее, и сама работа их больше занимает.

С первого дня стали находить письма, преимущественно китайские, ассигнации, посуду, старые орудия и прочее. Попался и маленький мет[аллический]

бурхан-докшит; найдена маленькая квадратная тибетская книжечка великолепного золотого письма. Найдены ножницы, печать и многое другое.

Нас занимает каждый следующий день более, нежели прежде — мы действительно не знаем, что он подарит нам. Можно сказать, что прошлый раз наружно, по крайней мере, мы обследовали Хара-Хото довольно порядочно. Теперь уже не находим ни чох, ни бус, ни металлических украшений.

Стоя на стене Хара-Хото, видишь, как красиво и удобно был распланирован этот город. В северо-западном районе — сам князь, вдоль северной, западной и южной стен располагались молитвенные постройки, субурганы; в юго-западном районе — огороды или сады. В юго-восточном углу — конюшни с гарнизонной частью. Главная проезжая улица проходила прямо до центрального высокого здания, которое огибала поперечной улицей и вновь продольной до восточных ворот.

С наступлением ночи засыпаем. Наша тема разговора — неизменно Хара-Хото. Кто жил, как богато, какая хорошая посуда и прочее. Одна фанза нам подарила массу черепков отличного фарфора с синим рисунком, принадлежащих к двум разбитым вазам.

24 мая. Солнце красиво поднялось в голубое прозрачное небо. Мы на ногах в 6 часов, мои молодцы вышли на работу еще раньше. Вот и теперь, уже 8 часов, я пишу; до меня долетают их голоса и звук лопат о лессово-глинистую землю. Стоит же выйти из палатки и взглянуть по сторонам — пыль, летевшая в воздухе, укажет, где производится самая работа.

Небо прелестной голубой окраски. Надо сегодня произвести один-другой фотографический снимок. Ведь теперь только все больше и больше разрушается Хара-Хото; мы первые из европейцев видим его момент, который и занесли на страницы летописей — на стекла.

Работы по раскопке идут в двух местах: на стене, северной части крепости, на втором от субургана выступе, где обнаружена молельня с пьедесталами трех бурханов и живописью по стенам. Пытаюсь сфотографировать эту часть вершины ступы. Здесь удалось добыть китайские письмена, форму для бурханных украшений и прочее. В тот же день работы шли и в середине города, и в юго-восточном углу. В первом месте отыскивали две синих, разбитых конечно, вазы, а во втором — несколько листков с арабскими письменами. Такого рода находка попалась нам здесь впервые. Там же найдены и интересные тиснения на корешках или кожаных пластинках.

25 мая. С утра небо омрачено серыми пыльными тучами; с северо-запада дует крепкий ветер, мешающий раскопкам. Кстати, прибыли мои посланные к бэйлэ, вместе с чиновником; завтра обещают прибыть местные торгоуты в качестве рабочих, но только в количестве пяти, а не десяти человек, как я того желал: не могут найти и десятка землекопов. По словам моих спутников, они доехали до бэйлэ в тот же день, 22 мая, так как Эцзин-гол сухой: вода имелаась только в глубоких омурах. Управ[ляющий] торгоутов жил там, где и в прошлом году весной, он принял моих посланных хорошо, но был крайне удивлен и испуган нашим вторичным приездом. Все мои требования бэйлэ обещал уладить в положительном смысле. Мы уже разместились в юрте и огромной новой, нарядной палатке. Нас обслуживают много торгоутов: доставляют воду

то с Эцзин-гола, то с Торай-худук в десяти верстах. Мясо или баранов также продают. Постоянные приезды торгоутов, ржание коней и ослов, людские голоса, движение — все это оживило мертвечину харахотоскую, более, нежели в мое первое здесь пребывание.

Сегодня всей компанией сделали прогулку по внутренности крепости с тщательным осмотром ее поверхности. Нашли семь монет, металлические вещицы, но больше всего образцов посуды — кусочков фарфора еще более изящной посуды, нежели прежде; попало несколько бусинок.

Небо прежнее — грязно-желтое, мрачное. С 6 часов восточно-юго-восточный ветер перешел почти в бурное состояние и дул всю ночь. Температура значительно понизилась.

26 мая. Несмотря на отвратительную погоду, мои спутники с раннего утра на раскопках. Единственное развлечение, единственный интерес — иначе день кажется бесконечным. Как и прежде, неуспех понижает энергию, понижает стремление к работам, но чуть интересная находка — все с новыми силами приступают к раскопкам. Раскопки мертвого дают нам живое: мы уже добыли четыре отличных экземпляра ночной ящерицы; на стене добыт и ее скелетик, превосходно отпрепарированный временем.

Иванов мой слаб, он принял в свои руки кухню, и кормит и поит нас, работников. В ненастные бурные дни он чувствует себя скверно и не может расстаться с постелью. Подумываю о почте — деловой, коротенькой; надо просить Географическое общество заблаговременно о проезде и домой послать доверенность на получение пенсии; очень сожалею, что забыл это исполнить в Алашани или Лань-чжоу-фу.

По словам Бадмажапова и Демиденко, природа Эцзин-гольская после пустыни отраднa: все берега зазеленели, деревья шелестят молодой листвою, птички поют. В юртах обитателей, на верхних войлоках, держатся фаланги, при виде которых туземцы с криком выбегают вон из жилища. И лишь [самые] храбрые из них, вооружившись железными клещами, схватывают злосчастную фалангу, выносят далеко от жилища и убивают. Укушенное место торгоуты вырезают с значительными углублениями, иначе смертельный исход.

Эцзин-гол в это время года сухой; все пять русл стояли без воды. Кстати, их размеры в шагах (ширина восточного рукава и далее в последовательности): первый рукав имеет 75 шагов; второй — 120; третий — 55, на его левом берегу монастырь; четвертый — 97 и пятый — 100. В общем рукава не особенно глубоки и стремнина в большинстве случаев проходит у одного из берегов, в середине реке. По донесению спутников, самый многоводный рукав пятый — западный, а также и третий. По этим двум ветвям проносится много воды.

Сегодня же прибыли ко мне посланные бэйлэ: его помощник цзахиракчи, чиновник-писец и прежний — мэйрин. Бэйлэ, видимо, старается вести приятельские отношения. Устраиваем дело так: рабочим плата по 3 цына в день, каждому; кроме этих пяти придут еще столько же и все должны копать по нашему указанию. Баранов для продовольствия намерены держать в урочище Торай, откуда будут доставлять, на ослах — воду, в количестве потребном не только для нашего отряда, но и для местных — наших рабочих. Чиновники вежливы, почтительны.

Ишийских верблюдов я отпустил еще вчера с наказом прибыть за ними в половине июня; думаю, что этого времени будет достаточно для ведения дополнительных раскопок. Времени более трех недель, дни большие.

Погода облачная, перепадает дождь. В подходящих промежутках мои спутники на раскопках. Каждый день дает нам что-нибудь более или менее интересное.

Сейчас (около четырех часов) явились ко мне рабочие, я поговорил с ними, и вот они уже идут на занятия. Интерес еще больше увеличивается, иду и я на раскопки. Трудно сидеть в юрте, когда слышишь голоса работающих и стук лопат о землю. Интересно. Из рукописей чаще других попадаются китайские; не знаю, что они скажут нам? Более всего меня интересуют тибетские, как рукописи, так и книги, но на них нам пока не везет. Вот и сегодня китайщина попала в целости, интересные же тибетские письма оказались сожженными; уцелевшие знаки наводят на мысль об ином, нежели тибетское, происхождении. Узнаем в Питере.

27 мая. Раннее утро посвящено было работам — раскопкам храма с субурганом в юго-западном углу, того субургана, который в прошлом году обогатил наши археологические сборы китайскими письменами и иконописью. Ныне попадались в храме дощечки с бурханами, а поближе к субургану, с западной его стороны, во множестве разбросанные головки из глины, бывшие украшениями у больших, глиняных же бурханов. Там же найдена маска, принадлежавшая, по всему вероятно, докшиту, а также отрывок тибетских писем, монеты-чохи и нефритовый камень, с одной стороны отшлифованный и напоминающий стекло к очкам.

Позднее работы велись в центре, по главной улице, на ее завороте, где найдены истрепанные ассигнации, железная втулка полностью и обычные черепки посуды. Мало попадает писем, в особенности же тибетских книг (молитвенных или богослужебных).

После завтрака, я прогулялся к северо-восточному (внешнему, $\frac{3}{4}$ версты) субургану, ничего из себя не представляющему особенного, наполовину разрушенному жаждавшими поживы; у субургана валялось масса цаца с пеплом в середине (образец имеется).

Все последнее время стоит облачная и ветреная погода, даже перепадает дождь. Сегодня, например, в полдень разыгралась гроза, пришедшая с запада. Тяжелые раскаты грома сильно, отрывисто потрясали воздух. Яркие молнии то и дело сверкали; дождь лился на землю не по-пустынному и смочил основательно ее верхний слой. Гонимая ветром грозовая туча с раскатами грома унеслась на восток.

Сегодня, между прочим, я наблюдал пару турпанов, случайно залетевшую в Хара-Хото. Птицы, увидев нас, огласили мертвый город своим резким криком. Постоянный посетитель нашего хара-хотоского бивуака — черноухий коршун получил заряд, испугался и улетел, осрамивши препаратора, мечтавшего воспользоваться его крыльями.

На прогулке к субургану по старому руслу Эцин-гола и барханам песка, надвигающегося с севера к Хара-Хото, я рассмотрел место для фотографического снимка с северо-восточной стороны на Хара-Хото. Вторая половина дня шла неинтересно и вяло. Мои спутники то и дело меняли места. Опять понижение

энергии. Монгольская партия также не имела лучшего успеха. Тогда я ей поручил в северо-западном, словно заколдованном углу, копать «колодец», рядом с грандиозными работами, некогда веденными ганьчжоускими китайцами или кем-либо другим, искавшим таинственный «клад». Моим же молодцам предложил на завтра перенести работы за стены Хара-Хото.

28 мая. Погода продолжает стоять облачная; хотя по ночам являются и совершенно ясные промежутки времени. С 6 часов утра партии на работах. Чтобы вполне не обескураживать монголов, я им предоставил право разнообразить раскопки, а именно, после полудня сидеть на колодце, утром же, со свежими силами, пытаться счастья в развалинах. Таким образом, сегодня с утра они сидят на стене, доканчивают работу моих спутников, отделавших северную часть крепостного храма. По очищении его от земли я попытаюсь это местечко сфотографировать.

Мои работают вне крепости. Пойду проведать тех и других. В этом вижу большой интерес и развлечение. Монголы, [раз]работавшие колодец, принуждены были оставить здесь дальнейшее копание, так как на глубине 2-х футов, самое большое трех, наткнулись на твердый песчанник, почти не поддающийся лопате. Мы их перевели на восточную часть города, на улицу, и я им поставил задачу не прыгать с места на место, а идти систематически раскопками от одного дома к другому; так, по-моему, будет обстоятельнее. Наши же молодцы копают развалины кумирни с субурганами; кое-что интересное попадает. Стены с живописью, впрочем, не могут быть нами использованы. Нашли у среднего красивого субургана, восточнее которого стояла кумирня, в этой кумирне остатки больших глиняных статуй и глаза — два обычн[овенных] и третий, украшающий лоб.

В фанзах по улицам нередко попадают ассигнации, видимо разбросанные, но металлических денежных знаков, за исключением однообразных чоу, не попадает, как не попадает одежда и обувь. Странно, куда все девалось, неужели всем видимым воспользовались воины-победители, тогда удивляешься кучкам или пачкам ассигнаций, чаще всего попадающим. Там и сям валяются и бусы самых разнообразных сортов и цветов; все бусы мы собираем, подобно сборам первого пребывания. Из писем по-прежнему почти одни китайские.

Сегодня с утра я начал урывками готовить почву, может быть последнюю из глубины пустынной Азии. Пишу, по обыкновению, домой и в Географическое общество; последнее приходится просить уже о подготовке для нас удобства передвижения. Пишу также и Шишмареву и Напалкову, который теперь, вероятно, отсчитывает время прихода в Ургу; мне кажется, он придет туда еще в июне месяце.

Погода стоит самая подходящая для движения — облачная, прохладная и даже, по временам, дождливая, что для пустыни необычайная редкость. Грозовые тучи всегда приходили с юго-запада от Нань-шаня. Та же прохладная погода способствует и нам вести раскопки или вообще [облегчает] физические трудности.

Ночи по большей части стоят тихие и более прозрачные.

29 мая. Серое, мрачное небо сеет мелкий дождь, ветрено, прохладно; барометр стоит скверно — низко. Писать неудобно: в закрытой юрте темно, в открытую же падает косой дождь прямо на бумагу; как хочешь, так и поступай. Ухитряемся наладить навес и продолжаем писание; сегодня нужно почву окончить, запаковать, запечатать к полной сдаче завтра утром.

Пользуясь ненастьем, мои спутники, глядя на меня, все принялись за письма — изводят последнюю бумагу, последние почтовые марки. В общем, мне удалось набросать конспективный отчетик в Географическое общество и написать все те письма, которые были намечены.

В 11 часов утра погода стала улучшаться: началась работа; опять мертвечина ожила. Монголы сидят на раскопках фанз, мои бродят в поисках чего-либо более интересного. Последнее время на них нападает словно апатия, хандра — как много значит работать впустую. Они по моему совету обошли стены кругом. С юга нашли немало заплат в стене, видимо она внезапно стала обновляться, ремонтироваться. Встречаются с внешних и внутренних сторон ниши, засыпанные песком. В таких нишах мы находим и ящериц, и летучих мышей.

Я периодически знакомлюсь со всеми частями древнего города. Стена высокая и ее лучше всего смотреть в южной части, меньше всего присыпанной песком (и более всего в северном и восточном, в особенности в северо-восточном углу). Кое-где сохранились зубцы на стене и вдоль всех фасов, на южном обильнее лежит запас острых больших камней — орудие защиты [от] неприятельских атак. Осажденные бросали камни в неприятеля.

На юге — равнина, на востоке и севере холмы; с севера победоносно надвигаются пески, погребаящие развалины города. На западе каменная равнина. Везде кругом — жалкие остатки субурганов: у северо-западного угла, вне — 11; поодаль два; с запада, в отдалении, — 1; с севера — 1–2; с востока 2–3; с юга — 1. Эти ступы буддистами сооружались непременно. Туземцы-торгоуты ломают себе головы в догадках — какой жил народ? С одной стороны, земледелие, культура, торговля обличает китайцев, их денежные знаки, письмена и прочее; с другой же — все буддийское. Кого? Неужели китайцы эти хара-хотоские были истыми буддистами? Или смесь тех и других, т. е. китайцев с тангутами? Мне кажется, письмена китайские, многочисленные бумаги в этом отношении должны пролить яркий свет и разрешить этот очень важный вопрос; быть может он уже и разрешен в Санкт-Петербурге на основе высланных материалов.

30 мая. Как и предполагали, утром сдали почту для отправления по хошунам в Ургу; обещали доставить в две недели. Не знаю, выполнят ли данное слово. Если да, то мои вовремя получат и весточку, и доверенность на получение пенсии.

Обойдя работавших монголов, я отправился к моим спутникам, которые исследовали один из самых крупных субурганов, отстоящих на западе от города в 200-х саженях. Исследование показало, что он богат глиняными бурханами и китайскими письменами, которых к 9 часам утра столько нанесли на бивуак, что я тотчас же ушел в них, сортируя, очищая от излишней пыли и приготавливая к упаковке. Подобно тому, как в прошлогоднем субургане, в этом были всевозможные книги, тетради, свитки, иконопись. Попалась очень старинная мандала. Надо полагать, что крыша часовни-субургана обрушилась и повалила бурханов, или же они с самого начала были так брошены, куда бросали и книги, и свитки, и иконопись. Перед началом работы я фотографировал эту ступу, как называют англичане, вместе с моими усердными спутниками. К вечеру она сильно понизилась. Ребята были воодушевлены находкой и очень тщательно доводят до конца. Монголы, узнав об этом, закапризничали, обратились ко мне с просьбой позволить им временно оставить дома и заняться раскопкой башенного,

крепостного субургана. Нечего делать — уступил. Бедные, до поздней зари про-работали, и пока ничего. А как мне жаль купола, красивого высокого купола, который фантастически рисовался на фоне заревого горизонта! Жаль и очень жаль. Странно.

Сегодня же, пользуясь прозрачностью воздуха, я снял несколько видов и все с Хата-Хото. Хотелось бы иметь побольше и получше снимков. Ведь субурганов вновь не отделаешь. Среди занятий урывками возился с письменами, а вечером в первый раз мог произвести здесь предварительное астрономическое определение. К тому же погода стояла превосходная: воздух тих и прозрачен.

Мой Иванов дряхлеет, горбится и вообще ослабел настолько, что внушает опасение.

31 мая. Небо хотя и ясное, но не прозрачное: юго-восточный ветер поднял тонкую пыль. Занятия моих копателей идут с раннего утра: «мои» опять принесут, монгольская партия пытит и вздыхает, сетуя на судьбу. А субургана, красивого субургана, уже нет больше — сметен с вершины стены. Немного позже я им дал новую задачу: вырыть «колодезь» у самой брешли. Работа вначале пошла ходко, но вскоре у южной части наткнулись на твердый грунт, у северного же продолжает быть мягкий, так называемый копанный.

После завтрака я не отпустил своих спутников на работу, а поручил им разобраться в собранном материале, и то вечером, а днем предоставил полный отдых, к тому же солнце пригревало порядком. Сегодня же мы начали и укладку археологических сборов: уложили ящик письмен и ящик черепков. Вероятно придется обратиться с просьбой к бэйлэ уступить нам что-либо для упаковки остальных бумаг и предметов.

В скором времени предполагаю командировать 2—3 спутников в экскурсию к востоку. Там, слышно, имеется селение, развалины Боро-хото. Нужно непременно познакомиться с тою местностью, отстоящею верстах в 15-ти расстояния. Хорошо еще, что субурган выручил и дал всем нам интересное занятие, а монголов взвинул с большою энергиею не только работать, но и искать что-нибудь интересное.

Таким образом, дни за днями бегут своим чередом. Мы достаточно освоились со своим житьем, деятельностью и тою мыслью, что нам остается прожить здесь еще в течение двух недель. Подле нашего бивуака привыкла пара коршунов: летает, кричит, подбирает отбросы, словом прибавилось жизни. Коршуны вступают в драку с парой *Tinnunculus*'ов [небольшой сокол, пустельга обыкновенная], поселившихся в расселине скалы; на коршунов от скуки бросается Лянга. И в этом здесь видишь развлечение. Мои спутники по вечерам выходят на стену и всматриваются в северо-западную даль, особенно тихую, приятную и красивую при сумерках или закате солнца, когда небосклон подергивается ярко-огненными или золотистыми облачками, стройно плывущими в одну из сторон горизонта. Затем спускается на Хара-Хото ночь, тишина водворяется полная; даже перестал кричать тот сычик, который будил наше любопытство в первый вечер, в первую ночь.

1 июня. Вся ночь стояла облачной, утро также; появились комары, зале-тевшие, вероятно, с Эцзин-гола. А вчера, часа в 3—5 вдруг обнаружилось очень много мух, ос, оводов. Облака принесены северо-восточным ветром, который

всегда понижает температуру, омрачает воздух и тучами облаков и тучами пыли. Мы все еще возимся с субурганом — люди добывают и приносят письма, бурханы и прочее. Мы же «отряхиваем пыль веков», упаковываем и складываем в ящики. Письмен, книг, тетрадей, книжищ вроде наших библий, с досками — масса. Я не знаю, как мы погрузим все это. В высшей степени интересны сегодня извлеченные из ступы-субургана деревянные, металлические и иконописные бурханы — сколько веков прошло со времени их изготовления! Я полагаю, что 8–9 веков они пролежали в ступе, но ведь они положены были в нее уже отжившими свой век, в особенности металлические. Вообще интерес громадный. Сколько раз я с глубоким чувством здесь, на развалинах, вспомнил и еще вспомню несравненного Александра Васильевича [Григорьева]; теперь лишь один Ольденбург своим словом, своим увлечением о результатах Хара-Хото еще подожжет во мне огонь любви к Азии, к моей этой поездке и исследованиям.

Я рад, что ступу начали разрабатывать вовремя, иначе, положительно, с ней не справились бы. Монголы разнообразят работу: то роются внутри стены, то вне, то совершают в окрестности прогулки. Сегодня принесли более десятка монет с поверхности и разных мелочей, преимущественно бус. Они продолжают завидовать моим спутникам и от времени до времени приходят в палатку посмотреть на бумаги, книги, бурханы. С умилением они рассматривают бурханов и тибетские письма с рисунками-чертежами.

Свои работы мы оканчиваем до заката солнца, обедаем; и люди наши, и монголы, вероятно, не изнуряются работой, веденной мною с большими роздыхами. Сегодня вечером, например, я слышал веселые голоса, крики, топот, заразительный смех на стене. Это мои спутники, сдружившиеся с монголами, начинают с молодежью играть: прыгают со стены на песок, бегают в запуски, борются. Приятно слышать и смотреть на такие веселые компании. Вечером мы все сходимся у костра, наши пьют чай, пьют и монголы. Я в кружке товарищей, сижу на многовековом бревне; и монголы и мы, враз, заметили, что стороны монгольские и русские одинаковы — тех и других по девяти человек.

2 июня. Сырое, пыльное, теплое утро. Монголы работают близко от бивуака, слышны их голоса. «Мои» сидят на субургане, через час придут. Я сейчас принимаюсь за укладку мелких вещей и бурханчиков. Хочу также положить поближе несколько книжек и старых бурханчиков, чтобы дорогою иметь возможность показать китайцам и другим для предварительного ознакомления.

Тишина и наше одиночество — прежнее. Мы даже развлекаемся спросами у монголов, доставляющих нам воду; они проложили хорошую дорогу. По временам долетают до нас голоса чекканов — наших соседей. Лянга продолжает воевать с парой освоившихся черноухих коршунов.

Сегодня я прогулялся к субургану посмотреть, много ли осталось в нем археологического добра, и пришел к заключению, что мои ребята справедливы, заметив, что взята только лишь половина. В верхней части ступы все очищено; кругом сложены (зря) крупные дерев[янно]-глин[яные] бурханы, а в середине — книги, письма, письма, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадями или свитками и прочие. Среди книг немало и свертков с субурганнами. Я этот день особенно счастлив разнообразием добытого, в особенности бурхан[ной] иконописи, шрифтов и малых деревянных субурганов. По-моему,

тонкое искусство несомненно было исполнено в Индии, в особенности бурханы на изящной шелковой материи, индийской, с золотой <слово неразборчиво> формой приятного общего тона. Мне кажется, найдется немало образцов живописи для обстоятельного описания.

Монголы, по временам, отправляются «искать счастья» в соседнюю окрестность — приносят мне монеты, пряжки и проч. Такое времяпрепровождение мне очень и очень приятно. С утра до вечера я занят самым интересным делом; каждый день приятное, новенькое пополняет наше собрание предметов древнего Хара-Хото.

Ночью, в 10½ часа разразилась буря с северо-запада, поднявшая высоко пыль, а в нижнем слое воздуха мелкую гальку, бьющую с болью в лицо и ноги. Буря заставила всех нас подняться на ноги, укреплять наши жилища и проч. Как водится, пыль летела в нашу юрту, в отверстия, словно в решето; к утру мы положительно были покрыты слоем пыли, и прежде, нежели встать, нужно было хоть немного очиститься от нее. На счастье буря стихла, но ветер того же направления, продолжался долго, до полудня, а то и позже.

3 июня. В помощь моим спутникам по носке бумаг и вообще разработке ступы я назначил и монголов в целях скорейшего выяснения вопроса, много ли и чего определенно осталось или имеется в субургане, чтобы послать к бэйлэ и в кумирню за ящиками для укладки археологии. Никогда я не ожидал таких богатых сборов.

В то же время я не перестаю интересоваться окрестностью к востоку и юго-востоку от Хара-Хото, так называемому Боро-хото. Что там за местность? Какие развалины и прочее. Ввиду этого командировал Бадмажапова с двумя монголами в этот интересный разезд, а сам веду общую разработку разысканного уже — все прибираем, пересматриваем, укладываем.

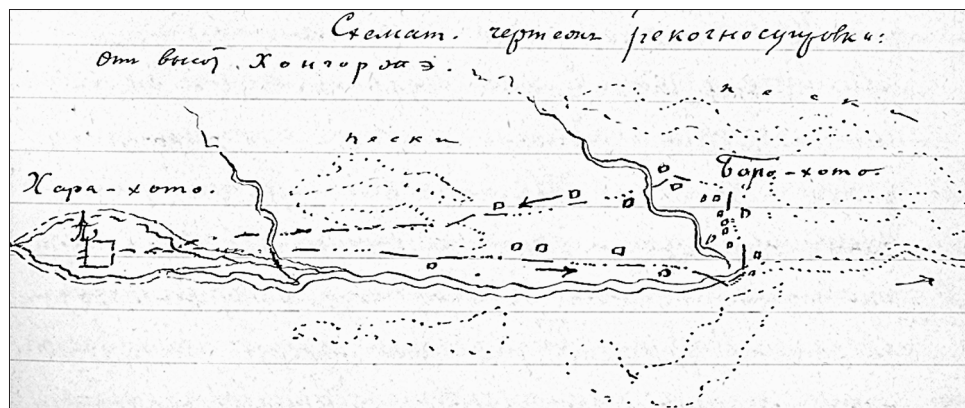
Вот в какой «медвежий» угол мы забрались! Даже пустынники-номады и те нас не вдруг отыщут.

Собраны тибетские письмена, к сожалению, разрозненные и многие плохой сохранности. Странно, что поинтереснее, то хуже выглядит. Какая малая доля приходится на тибетские письмена! Среди брезента, в котором обыкновенно приносят письмена из субургана, среди многочисленных письмен китайских — всего несколько листов тибетских и еще меньше маньчжурских или монгольских.

По-прежнему в письменах попадают бурханы, писанные и металлические, а кругом, по краям, положены в беспорядке большие, художественно-живоисполненные бурханы глиняные, раскрашенные, преимущественно больших величин. Основание [субургана], закладка книжных сокровищ все еще скрыта.

Поездка Бадмажапова с двумя монголами на восток от Хара-Хото выяснила следующее: в то время, когда процветал Хара-Хото и когда уносились еще дальше в восточном направлении воды Эцзин-гола, Хара-Хото представлял из себя оазис, более или менее широкой лентой вытянутый вдоль долины реки. На двадцативерстном удалении, на левом берегу старого русла Бадмажапов нашел селение — развалины, которые монголы называют Боро-хото. Фанзы одного типа полу- или совершенно разрушены, кое-где виднеются также попорченные малые субурганы и по всему видно, что тут работали искатели кладов и проч. С севера впало два русла в главное ложе; одно из русл вскоре после оставления

Хара-Хото, в 4 верстах, второе — в месте селения Боро-хото, правильное, урочища этого названия. Это еще больше связывает с главным центром, то есть Хара-Хото и восточный его край Боро, т. е. «Серый». Долина обставлена песками, в особенности мощными с севера.

Таким образом, ранее добытые сведения справедливы в том лишь отношении, что вода текла в направлении более низком, но не северо-восточном, а восточном, или даже немного восточно-юго-восточном, затем вновь в восточном и, вероятно, в восточно-северо-восточном. Там, на краю, говорили монголы, куда убегает обставленное обрывами русло, есть впадина с солончаками, но она уже погребена песками, как погребены ими же и многие из развалин домов урочища Боро-хото.

Поездка Бадмажапова дала кое-что интересное по части находок: несколько монет, стар[инная] мандала, медная чашечка, черепки, бусы и прочее. Не удалось только письмен.

Немного отдохнув, мой спутник с тем же монголом, который доставил лошадей с Эцзин-гола, отправился к бэйлэ. Не надо забывать, что у нас пустыня, безводие, животных держать без питья нельзя, нужно было после дневной езды отправить восвояси. Поручил Бадмажапову добыть нам посуды, то есть ящиков для упаковки материалов, коллекций. Сожалею, что из Алашаня не привез еще четыре больших ящика, все было бы наполнено, а теперь просто не знаю, как удастся справиться со сложным вопросом — распределением и упаковкой. Никогда не ожидал такого обильного богатства, книг.

Вечером я навестил нашу «богатую» ступу; она сильно понизилась, но все-таки еще обещает дать немало интересного материала.

4 июня. В течение дня рассчитывали покончить с выборкой сокровищ в ступе — не удалось; отчасти помешала буря, вовремя замеченная. Не только в бурю — в ветер работать неудобно: с одной стороны мешает пыль, с другой — рвутся и уносятся бумаги. Сегодня принесено на бивуак около десяти иконописных, довольно редких и больших бурханов. До сих пор ни разу не встретили Цзонхаву, следовательно, субурган устроен вероятно очень давно — 800—1 000 лет тому назад. По-прежнему продолжают попадаться отдельные предметы: мал[енькие]

металлические бурханы, дощечки со знаками, стрелы дер[евянные] и прочее. Словом, вот уже неделя прошла в самых интересных, самых напряженных занятиях субурганом. Все подбираем, упаковываем, и с приятной мыслью утешаю себя разбирать все это богатство с общим экспедиционным богат[ством] в академических зданиях. Среди бумаг, книг также встречаются новые, то есть не замеченные раньше. Я не знаю — или книги, добытые нами — суть целые многотомные сочинения, или же по многу экземпляров одного и того же. В китайских изданиях трудно разбираться, тем более, что я, жалея времени, не увлекаюсь подбором и сличением, иначе дело наше затянется на долгое, долгое время.

В 4 час[а] 30 мин[ут] дня с юго-юго-запада пришла грозная буря, свирепствовавшая около полутора часа. Она неслась зловещим ураганом, подняв высоко желто-серую пыльную тучу, сокрушая все и вертя всем не своем пути. Наши жилища пришлось оберегать, держать руками и тяжестями, которыми и без того и юрты, и палатки были придавлены. Монголы без шума не могут заниматься: каждый новый сильный порыв бури заставлял их с громким криком уцепляться в палатку «с когтями» и крепко держать ее, чтобы она не очутилась в руках бога ветров, сумеющего с нею распорядиться по-своему.

Полтора часа свирепела буря, затем ее порывы стихли. Интересно, что дождевые, обык[овенно] синие тучи, от массы поднятой вверх пыли выглядели серыми, грязными, отвратительными. Упало несколько капель дождя, тем все и окончилось. Температура понизилась, воздух освежел.

5 июня. Физиономия природы все так же — мрачная, плаксивая; воздух и небеса не могут успокоиться.

У нас работа с раннего утра: наконец доставляются последние книги, последние рукописи. Теперь настанет другого рода занятие: скорейшая упаковка и подготовка к ней — очищение (насколько возможно) от пыли. Людям моим начинает надоедать эта деятельность и сидение в грязном безводном Хара-Хото. Не моемся, воды мало.

Коршуны с нами совершенно освоились: смело усаживаются у юрты и ждут наших подачек. Стоит только бросить косточку от стола, как коршун вмиг налетает, схватывает в когти и, отлетев в сторону, ест. Затем летит вновь и зорко следит за вами, за вашими движениями. Уедем мы, и они, эти два коршуна, также вероятно улетят.

Этот день я целиком провел на субургане. Теперь, когда выяснился фундамент и вокруг сидящие бурханы, пришлось несколько изменить раскопку — вести ее не сверху, а сбоку, с юга, предварительно срыв значительный выступ с этой стороны. Далее, удалив двух бурханов и через их отверстия излишнюю землю — песок с цацами, вновь приступили к тщательному выделению всего наиболее ценного: книг, рукописей, субурганов, плоских стрел и многочисленной иконописи. Все это стало чаще попадаться [на уровне] высоты голов бурханов. К сожалению, в этом горизонте ступы земля была значительно влажнее, и письма, и иконопись сохранились не так хорошо, как вверху, среди большей массы бумаг. Теперь начала встречаться плесень; тут же попадались скелеты летучих мышей, принадлежащих виду, добытому живьем в южной стене города.

Успех повысил энергию у всех моих спутников.

6 июня. Решили покончить с работой, довести до конца вторую часть, до горизонта пьедестала, удалить и перекопать всю землю. Чем глубже идем, тем интереснее. Попадают отдельные связки книг, книжек, тетрадей; отдельные дощечки, бурханы; найден деревянный очень интересный суб[урган] с отверстием, в котором виднелась фигура, металлическое изображение божества, художественно исполненного. Невдалеке извлечено другое, меньших размеров, и тоже бронзовое, еще более художественно исполненное. Открылась, наконец, голова сидящего человека, вероятно гегена, в честь кого и воздвигнут был этот субурган. Череп дает основание сказать, что пок[ойник] имел около 40 лет возраста и принадлежал к типу или племени тибетскому — арийско-монгольскому. Геген был похоронен в сидячем положении, у северной стены, на почетном месте, у подножья наиглавнейшего бурхана и по размерам самого большого; лицами бурханы были обращены к центру, геген [смотрел] на юг²²³.

Среди больших бурханов вклинивались маленькие, из них редкостный двухголовый²²⁴. Того же размера, талантливо исполненные в художественном отношении, докшиты. Этих последних непременно хочу взять, хотя и очень трудно поднять все то, что намечено. Немало интересных бурханов деревянных. Смотрю и мыслю: если бы было поближе и я специально приехал бы с этой, археологической целью, то взял бы все и по приезде в Петербургской Академии наук не отказали бы обогатиться отдел[ьным] Хара-хотоским музеем. Чтобы иметь понятие о бурханах, об их искусстве, я сфотографировал их на месте — на пьедестале ступы. Что было раньше (снимок) и что стало потом — четыре снимка.

Приехал мэрин, по дороге завернувший на субурган полюбоваться и посмотреть, что и как делают русские и что они добыли в Хара-Хото. «Ведь вам не дешево стоит жить здесь, держать столько рабочих, выписывать воду, удовольствие и прочее», — говорили мне всегда навещавшие меня монголы.

Монголы всюду искали счастье — неважно! Их руки потребовались для чистки добытого материала. Стекла-негативы у меня оканчиваются; сегодня переменил, заложил последнюю дюжину; приходится каждое стекло ценить на вес научного золота. Пишу и люблю всеми теми изящными головками бурханов. Некоторые из лиц так художественно исполнены, что стоят и смотрят, словно живые. По лицам видно, что у художника скульптур было чутье к классической красоте. Все бы взял, но не имею возможности. Что только представится возможным — возьму, твердо зная, что в Питере каждый в отдельности предмет удешевится в ценности.

7 июня. Первое в этом месяце прекрасное утро — тихое, ясное с голубыми небесами. Радостно и на душе. Работа по переборке кипит; идем на субурган. Снимаем его, группу бурханов и проч. Трачу три стекла. Интересно сравнить до и после раскопки! Что было и что стало теперь. Праздник, празднование в честь окончания девятидневного дела на субургане. Людям предложена обычная чарка, сардины, альпийское молоко Либиха²²⁵, нам — те же сардины, вместо водки — сласти, а вместо молока — кофе.

После того, как сняты (сфотографированы) были бурханы, мы очистили место. Наиболее тип[ичные] головы у больших и все небольшие бурханы были

сташены в крепость для хранения. Раскопка была произведена ниже, у столба с основанием, а также и у места, где был упокоен геген. Результат отрицательный. Столб сидел еще на аршин в земле, под ним лежал песок.

Тогда я наметил последние раскопки: мал[ые] добавочные боковые сооружения у субургана, субурган северный и мечеть. Этим и закончим. У меня в настоящее время имеется большая забота: все то, что суждено было экспедиции добыть, уберечь в сохранности и доставить в Петербург на место. Только тогда я могу сказать: «Кончено!».

После добывания настала работа по упаковке. Упаковка в пустыне за отсут[ствием] места, где бы можно было что-либо достать, затруднительна. Набралось всего много. Прибавится несколько выюков, а по-английски, несколько ящиков — больших, громоздких.

Появилась молодая Луна; звезд, кроме одной микроскопической, которую я и не пытался «поймать», не было. Вечер прекрасный; сильный свет яркой зари долго мешал. Стихло все в тихом уголке, уснула последняя жизнь. И если бы не кровопийцы комары, ничего не упускающие, я долгое время просидел бы на воздухе, пуше, чем прежде, отдался бы самому себе.

Всю ночь, до утра, я не мог сомкнуть глаз: в отверстие юрты рисовался южный клочок прозрачного неба, перемещались звезды, появилась летучая мышь и закружилась над <слово неразборчиво>. Когда я чуть-чуть забылся в грезе о доме, меня невольно привлекла трель чеккана, который ночью поет лучше, нежели днем; эта песнь повтор[илась] несколько раз.

8 июня. С утра мои спутники за подготовлением книг и писем к укладке. Воздух не так порывист, как позже. Монголы раскапывают придатки, дополнения субургана. После известной реакции у человека наступает новое нравственное состояние души.

Оба придатка к субургану, оба малых субургана, их основания нами разрушены. В южном ничего не найдено, в восточном же, у основания субургана, у середины восточной же стороны, стоял гробик высокой стороной своею на север. Все то, что найдено мною было в гробике — оранжевая материя, цацы и фигурные бумажные вырезки (монеты) — все это мною было положено в том же прежнем порядке, а самый гробик взят в коллекцию; пригодится для описания и расследования вопросов о похоронах того времени.

Монгольские силы использовались затем у других ступ, но тщетно, нигде ничего, кроме многочисленных цаца, не найдено.

Днем жара донимает, работать трудно; чувствуешь себя нехорошо в пыльной пустыне, ходишь в грязи, размокаемой от обильного пота. Душно, томно, тяжело! Ух, как тяжело! И только счастливая находка — субурган — выручила. В этом крупном успехе, давшем всем нам занятие, мы видели усладу, утешение и продолжительность «крепостного заключения», как в шутку мы выражались, прошла или проходит не замеченной.

Силюсь «поймать» звездочку-другую, чтобы Хара-Хото определить точнее. Вечером пыль, принесенная с востока, помешала наблюдениям, хотя звезды подле Луны замечено не было. В тихую погоду, по вечерам, здесь немало кровопийц-комаров, а днем мух, хорошо знающих время нашего обеда, когда их появляется масса, даже противно становится.

Не знаю, чем разрешится кульминация солнца, кульминация годичная, поворотная к югу. Пока барометр стоит хорошо.

9 июня. Солнце светит довольно ярко, несмотря на пыль, висевшую в воздухе. Северо-восточный ветер дует по-прежнему; этот ветер постоянно приносит пыль; как [и] северо-западный, часто превращается в бурю.

Сегодня раскопка производится в юго-восточном углу с толстыми стенами. Там вновь найдены арабские письма, свидет[ельствующие] о местож[ительстве] мусульман и их храме.

После завтрака раскопка была перенесена в центральный высокий дом, наверх, где найдена хорошо сохранившаяся книжечка, написанная по-монгольски.

Как раз в это время у меня в юрте сидел один из видных, близких к бэйлэ чиновников — зять бэйлэ, приехавший ко мне с визитом, а также и по делу о нашем переезде на Эцзин-гол и дальнейшем следовании в Гурбун-сайхан.

Обстоятельный чиновник прибыл с хадаком и гостинцами, с лучшими пожеланиями и прочее. Я незаметным образом провел с ним в разговоре несколько часов времени. Чиновник этот, как и прочие посетители, всегда норовили прибыть ко мне утром, в прохладе; жар пробить у нас на бивуаке и затем вечером отправиться домой. Этот чиновник посоветовал мне несколько дней провести на Эцзин-голе, где лучше и спокойнее, нежели на Сого-норе, в настоящее время обильном не птицами, а кровопийцами-комарами, от которых торгоутский скот угнан к северу, в горы Нойон-богдо. Чиновник настоятельно советовал не ехать на Сого-нор с расчетом жить там около недели. «Непременно сбежите раньше, — говорил он. — Ни вам, ни животным не выдержать томления жара и укусов комаров».

Судя по тому, что комары «приезжают» в Хара-Хото на животных, доставляющих нам воду, я склонен поверить речам чиновника, и поступить по его совету.

Между прочим, чиновник интересовался, что мы добыли. Может быть, главным образом, и приехал-то он потому, что торгоуты уже были осведомлены о богатом субургане, открытом русскими. Сведения о нашей деятельности, о результате пребывания в Хара-Хото торгоуты получали от водовозов и поставщиков, являвшихся к нам ежедневно. Я чиновнику показал на связки книг и писем, добавив на словах об остальном. Он спросил, на скольких языках мы нашли рукописи? Я мог ответить — на шести: китайском, сам[ое] главн[ое] — тибетском, маньчжурском, монгольском, арабском и даже на неведомом. Интересно, что свитки на невед[омом] языке заключают и письма китайские. Таким образом, представится возможность узнать, что трактуют эти интересные письма. Равно и найти ключ их происхождения и разбора²²⁶.

Уехал один чиновник, уехали и наши торгоуты, благодарившие меня за плату и отношение, и прибыл другой — мэйрин, доставивший последние две пары войлоков и пару ящиков на упаковку книг и прочего. От доставки же продов[ольственных] предметов — муки и дзамбы, отказался, говоря, что их теперь в излишке ни у кого не имеется.

Эти продукты придется ценить на вес золота.

Настал тихий вечер; появилась масса комаров. Я возился с астрономическими работами, пока не давшими ничего существенного. Звездочка покрылась позже, за горизонтом, а я так рассчитывал!

10 июня. Утро хорошо так же, как и вчера. Мы энергично упаковываем четыре больших тюка с книгами, письменами. При помощи досок с рисунками и войлоков нам удалось справиться с трудной задачей. Остается уложить немного ценное остальное и будет все, вопрос покончится.

Сегодня поступил в коллекцию маленький удав, пойманный внутри крепости, найденный по следам, проложенным в песках, присып[анных] к западной стене крепости. После полудня зной усилился; горячий воздух взволнован и пропитан удушливой пылью, песком. Хочется, искренно хочется бежать к северу!

Вечером стихло, но не совершенно, восточно-северо-восточный ветер порывами дул до глубокой ночи. Мы не спали, караулили звезды, небольшая из которых подвернулась и, таким образом, мы имеем определение долготы.

11 июня. Время нашего сидения приходит к концу; коллекции почти все упакованы и уложены, налажены вьюки. Скоро придут верблюды, и мы перенесемся на Эцзин-гол, его живые берега, полные летней жизни. Какая бы там природа ни оказалась, но после Хара-Хото она должна казаться нам приятной, оживляющей душу, будящей пытливость.

Лето в пустыне можно тратить лишь при исключительных условиях и обстоятельствах, в которых невольно пришлось стоять нашей экспедиции в последний период ее продолжительной деятельности.

Вновь прибыл чиновник бэйлэ с одним и тем же делом: о нашем переезде на Эцзин-гол. Пока я вижу, что местный управитель старается исполнить все наши требования и расстается, как и в прошлом году, по-приятельски.

Восточный ветер днем продолжает дуть с силой порывов в 2–3 балла и сильно омрачает воздух пылью.

Примечание к сведениям о раскопке «знам[енитого]» субургана

Большие и малые бурханы стояли на возвышенном внутреннем полу субургана, вокруг площади, в центре которой стоял столб, вершиной выходивший на свет и по всему вероятно, украшенный чем-либо. Радиусы и диаметры полукруга неодинаковы: от N[ord] и S[üd] 3×3 аршина; от Ost и West 2×2 аршина. Перед каждым из вкруг сидящих бурханов лежала большая книга чаще раскрытой, реже сложенной или даже в деревянной папке. Эти книги на особенной толстой тяжелой бумаге и написаны на китайском языке, как и вообще большинство книг, письмен и свитков, затем следует язык так называемый «неведомый».

Скоро придут наши верблюды. Как удачно было составлено наше распределение времени, удивительно! Вообще, можно поблагодарить спутника, счастье, оно нам не изменило: «Мы пришли и нашли!». Нашли столько, сколько никогда не рассчитывали. Как будут приятно удивлены С.Ф. Ольденбург, Котвич и Иванов, все те лица, которые уже сложили у себя представление о Хара-Хото, об умерших обитателях и прочее. У меня, повторяю, теперь остается одно величайшее желание, не собирать, а лишь сберечь все то, что собрано. Сегодня же мы отобрали и спрятали все, что было принесено на бивуак, главным обра-

зом, все же от субургана, и отнесли в южную (в стене комнаты, так называемая комната-ниша Содбоева*) внутреннюю часть стены, в нишу, приходившуюся строго в южном направлении нашей юрты. Туда сложено несколько бурханов, художественно исполненных, но попорченных в большей или меньшей степени. Там лежат головы (до 30 с лишком фунтов весом) и прочее; там многие мелочи, в общем, до полусотни номеров.

Погода ухудшается: воздух пропитан пылью, душно, температура поднимается; все кругом мертвенно-серо, угрюмо, безжизненно. Кусты саксаула зеленеют. Интересно, с какой глубины это дерево достает влагу?

12 июня. Серенькое, теплое, пыльное утро. Мои спутники заботятся о приготовлении в путь, в дальнейший путь к дому. Сначала перейдем на Эцзин, там помоемся, взглянем на природу, пополним пробел в ботанике и в зоологии и прочем. Хочется, непременно, поймать рыбки в коллекцию. Мне кажется, что форма местной рыбы новая, нечто вроде окуня, по общему строению, по крайней мере. В приезде подводчиков-монголов видим удовольствие получить какую бы то ни было почту. Сегодня необычайно томительно-знойный день, тем более воздух тих, небо облачно, появились во множестве комары; могу представить себе, сколько этих кровопийц теперь на болотах Сого-нора. Духота, томительное состояние ужасно скверно действует на состояние души. Мы все благословим судьбу, когда она вынесет нас на простор, выше, в область Монгольского Алтая — Гурбун-сайхана. От пыли и духоты деться некуда; лежишь в растяжку и страдаешь. Нет ни ручейка, ни колодца, который мог бы хоть чуть-чуть освежить.

В семь часов, едва мы окончили обед, как юго-западный горизонт омрачился зловещим грязно-желтым цветом. То была туча пыли, грозно двигавшаяся в нашу сторону. Вот пробежали, словно вихрь, ее передовые вестники, за ними взметались вверх и кружились оторванные ветви, поднятый песок и прочее. А вот и она сама во всем своем грозном величии, вот она всех пригнула к земле и заставила одною рукою ухватиться за голову, держать шапку. Пригнулась и юрта, задрожала, затрепетала палатка, надувшись парусом, заскрипели деревяшки. Буря свирепствует всюду. Ее отдельные порывы сжимают нашу юрту, сжимают так, что ее решетки хрустят, словно кости. Пыль взмывается внутрь юрты, крутится и наслаивается толщею. Привыкаешь ко всему, словно так и должно быть. Пыль садится на голову, на шею, до того времени сильно потевшую, мокрую. Завтра высохшая рубашка будет на грязном фоне выделять твердую соленую корку. И все ничего! Кто имеет неосторожность во время бури открывать рот, тот затем будет чувствовать на зубах песок. Хронометры не сверялись из-за невозможности это правильно сделать, так как буря положительно шумит и заглушает все по сторонам; к тому же пыль.

Усталый засыпаешь; песок продолжает наслаиваться на все в вашем жилище; последние порывы сжимают юрту. В полночь буря стихла, по обыкновению разразившись слабым дождем.

* Перед остав[ением] Хара-Хото оставляем богатство наше. Мы вынесли из этой комнаты и спрятали его при спуске к крепости, южнее субургана, у самой стены, засыпав песком. Делал я это на всякий случай.

13 июня. Утром воздух был прозрачен, но ветер то и дело проносился порывами из той или другой стороны; в общем, немного стало свежее и дышится, поэтому, легче.

После сильной бури мы все пошли «гулять» по внутренности крепости. Буря иногда открывает что-либо из предметов мертвого города. Все пробуют счастья в последних поисках чего-нибудь интересного. Однако нашли очень немного. Видно, что хожено, хожено и хожено. Нет сомнения, однако, что в земле там и сям имеется что-либо интересное. Я бы сказал, что если бы мне пришлось вновь здесь копать или вести какие бы то ни было исследования, то я, почему-то, остановился бы на северо-западном углу, где вырыт настоящий ров, до самого угла. Здесь работало много рук, говорят, китайцев ганчжоуских. О том, нашли ли они что, или нет — неизвестно. Следы их работ, ими вырытый ров нужно засыпать излишней землей и попробовать раскопки рядом, ближе к северной стене.

Почти весь день дует северо-западный ветер с отдельными порывами, достигающими напряжения бури. Под вечер от скуки я вновь пошел гулять с целью выйти за город, в восточные ворота. Идешь всегда медленно и смотришь в землю, испещренную мелкой галькой, часто выровненной, словно пол. В глазах пестрит, рассеивается. Отведешь глаза вверх, окинешь взглядом спутников, где они, и вновь идешь, медленно переступая ногами. Вот интересный черепок, вот бусинка, вот монеты кусочек, а вот нечто более интересное — что-то зеленое — нефрит, выделяются из земли две-три нефритовые грани. Осторожно откапываешь руками и, взяв, долгое время любишься найденным. Всякая находка радует и занимает, вызывая у других большее стремление копать.

Вечером почти в зените стояла Луна. В поисках за звездами мы любовались также и прочими звездами первых величин. Под впечатлением книги профессора Поле «Небесные миры и их обитатели», под впечатлением светящих звезд, их разнообразной окраски, я с удовольствием занимался сравнением их чарующих глаз блесков. Западно-северо-западная звезда при горизонте играет красно-фиолетово-изумрудным золотом; Вега — серебристым атласом; любишься также и несравненным Юпитером и перемещающимися его спутниками. Звездное небо дарит наблюдателя высшим наслаждением, заставляющим совершенно забыть о земном бытии и мысленно слетать далеко-далеко в мировое небесное пространство. Небо заставляет пытливый ум углубиться в даль, расширить горизонты мышления. И как приятно бывает на душе в такое время; какую ничтожной, сравнительно, является наша Земля и ее обитатели. Иное тогда суждение приходит: кому какое дело до вас, что люд людской и его пересуды о человеке, что это за муравейник, живущий по известным правилам и дающий расценку тому и другому! Все смертное и все, сравнительно, ничто.

Путешественник чаще других по своим исключительным отчуждениям от цивилизованного мира способен глубже понимать такие истины. Неудивительно, что на Востоке с давних времен своеобразная природа величественных гор и величественных пустынь, своеобразная окраска небес приковывала к себе, заставляла забываться высшие умы, уходить в глубокое созерцание, приближаясь к познанию или восприятию так называемой нирваны. Величие природы, красота форм ее всегда действуют на наблюдателя чарующим, обаятельным образом.

14 июня. Прежде, нежели я встал с постели, мои спутники уже были на последней экскурсии в Хара-Хото. Каждый из них, движимый известным чутьем, подсказкой внутренней, отправился туда, куда ему велит внутренний голос. С субургана, где я вчера нашел среди хаоса интересные клочки рисунков и писем, сегодня также принесли несколько любопытных писем.

Итак, настал последний день пребывания в заброшенном, долгое-долгое время бывшем неведомым для науки уголке, в приятном для моей экспедиции уголке. Хара-Хото — мое открытие, мое фактическое завоевание для науки. В общей сложности он дал нам очень многое. С какою радостной улыбкой мы встретимся друг с другом (с С.Ф. Ольденбургом)! Сколько раз я еще буду удивленно обрадован, разбирая хара-хотоский материал в залах Императорской Академии наук! Интересно, на чем, на каком издании остановимся при обработке всего этого в высшей, несравненной степени любопытного материала?

Вскоре после полудня съехалось немало торгоутов, которым назначено было сегодняшнее число, как предпоследнее нашего пребывания в Хара-Хото. Торгоуты привели лошадей в целях нашей перекочевки на Эцзин-гол; все, следовательно, было налажено, недоставало только верблюдов. Последних ждали до поздней ночи — напрасно. Они не появлялись. И все приготовления к отъезду [на]рушены. Вечер приятный, тихий, теплый, ясный. Луна с высоты прозрачного темного неба ярко сияет на дремлющую, уснувшую в Хара-Хото, землю. Звезды льют переливчатый цвет, словно алмазы. Лагерь все еще не смолк, раздаются тихие голоса спутников. Все настроены радостно по случаю окончания крепостного заключения. Движение в экспедиции одно из самых интересных явлений! Пожалуй, и первые дни дневок в поэтических уголках Азии, в уголках роскошной природы и величественных грандиозных гор, где нередко шум каскадов, ручьев и рек создает волшебную, чарующую музыку, в особенности, если ко всему этому еще дополняются певцы лесов и гор, певцы пернатого царства.

15 июня. Необычайно приятное утро: тихое, ясное, прозрачное; небо мягко-голубое, приковывающее взгляд. Идем все на экскурсию — собирать с поверхности окрестностей мертвой, уснувшей земли хара-хотоской. К 9 часам, ко времени завтрака, сходимся на бивуак, сносим воедино: монеты, бусы, черепки и прочее.

Верблюдов все нет и нет. Неприятны, томительны напрасные ожидания; но я думаю, что монголы, аккуратные вообще, будут аккуратны и в данном случае. Действительно, в 6 часов дня прибыл передовой вестник — знакомый старик, заявив, что верблюды идут потихоньку с Бальджиром, хорошим монголом, знакомым мне по поездке на Куку-нор минувшим летом.

Старик извинялся за просрочку дня по случаю ухода верблюдов. Ц.Г. Бадмажапов еще не проезжал. Наш же большой караван, в трех днях восточнее, проследовал давно. Старик привез мне хадак и записку от нирвы Чойбзэнхутукты, уже проехавшим вперед. Он будет ждать меня или в Гурбун-сайхане, или в Урге.

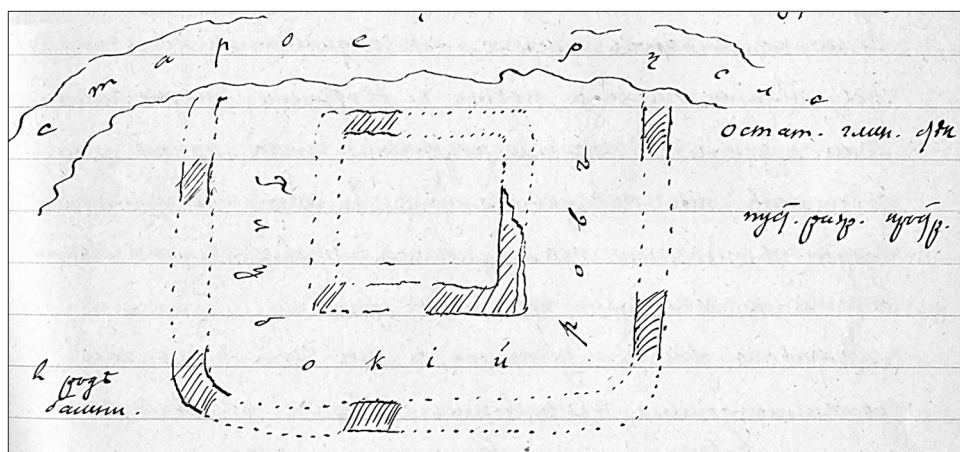
Итак, завтра в дорогу, на Эцзин-гол. Прощай, приятель, «древний старец», прощай, Хара-Хото. Мне суждено связать с тобою свое имя; мне посчастливилось вызвать тебя к твоей загробной жизни. Скоро история твоя, твоя тайна, будет открыта. Счастье вручило мне дорогой субурган! Буду надеяться, что

и Географическое общество, и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и умения, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото.

16 июня. Ранним утром оставляем Хара-Хото. Теперь у нас настоящий караван, разделенный на три эшелона. Прибавилось к прежним выюкам семь, суть хара-хотоские сборы. Проводником назначен мне знакомый Лянхава. Алашанские подводчики также отличные люди, доставившие хороших верблюдов.

Мы вышли в западные ворота и мимо субурганного угла и северной стены направились к Эцзину. Рыхлый, сыпучий песок затруднял движение, копыта коней погружались в него глубоко. Вскоре по выступлении открылись на северо-западе развалины, которые торгоуты называют Актын-хурэ, то есть «лошадиная загородка», лет 40 тому назад служившая местным обитателям для загона скота.

На этот раз я оставил караван следовать вперед, сам же с одним из туземцев и постоянным при мне Бадмажаповым отделился, чтобы посмотреть на эти развалины, ярко пестревшие в утренние часы. «Лошадиная загородка» издали казалась более внушительных размеров, нежели вблизи. По всему вероятно, это давнее сооружение, может быть, старше Хара-Хото. Устроено оно было в виде крепости, в виде двух стен по насыпным валам и глубоким рвом между возвышенными стенами. Общий план Актын-хурэ таков:

Стены, или правильнее, жалкие остатки продырявлены, обточены ветрами, деревянный материал исчез; внут[ренность] квадратной крепости низка и в ней не видно уже никаких следов бывших жилых построек; черепки — большая редкость. Ров соприкасается с рекой и, может быть, был наполнен водой. Возможно допустить, что это укрепление служило цитаделью для хара-хотоского гарнизона. Осмотрев его (мы здесь вспугнули сокола (*Tinnunculus alaudarius*), есть следы вообще хищников, гнездящихся в стенах или только, по временам, на них усаживающихся), мы поехали догонять караван. Русло расплывалось широко, много упавших и высохших деревьев. Остатки жилищ почти не встречались; скорее заметны были труднее поддающиеся разрушению следы арыков, или <слово неразборчиво>, их отвердевшие дна. По сторонам виднелись бугры, увенчанные

тамариском, привлекавшим своими <слово неразборчиво> мелкими красными цветами. Несколько раз я оглядывался назад. Главный крепостной субурган одиноко выделялся в вышине, а не два красивых, как прежде. И мне стало еще более жаль уничтожения старины.

Караван двигался успешно, и мы через пять часов достигли долины, уклонившись севернее нашей прежней стоянки в Торай-онца. Нынче нам отвели лучшее и удобное местечко в урочище Чжаргалантэ, на правом берегу Мунунгингола (самого восточного рукава Эцзина). Вблизи нашего лагеря, где предупредительно уже стояла просторная юрта, было озерко-водоем (от речки) хорошей воды, в котором мои спутники не замедлили неводить рыбу и достать ее не только для коллекции, но и в подспорье и разнообразие к обеду в виде ухи и жаркого. Рыба здесь некрупная, по крайней мере, судя по добытым экземплярам, и она объявилась тремя видами: усач, карась и пескарь. К северо-востоку тянутся песчаные холмы; между луговой долиною и песками песчано-солончаковые холмы с тамариском.

Нашим близким соседом оказался довольно состоятельный Бату, пригласивший к себе на чашку чаю. Перед его многими юртами стояли на привязи кобылицы с жеребятами; от матерей добывают молоко и приготавливают кумыс. Долина пестрела скотом: лошадьми, баранами, коровами и осликами. Скот метался в стороны от оводов (днем) и комаров (вечером). В общем же было сносно, сноснее, нежели мы предполагали. Живая долина: жизнь людей, и их обстановка, птицы и прочее вывели нас из того странного положения мертвечины, в которой мы находились почти месяц. Все, по-видимому, хорошо, но тяжело одно обстоятельство: болезнь моего старика Иванова, который заметно слабеет; шаг вперед (при поправке) — два назад.

При вступлении в долину Эцзин-гола мы все ожили, ребята мои стали купаться и мыться, мыть белье. Ведь в Хара-Хото, в заключении, мы дорожили каждой каплей воды. Теперь мы ее имели в достатке.

Под вечер ко мне явился посланец от бэйлэ — чиновник, доставивший давно мне подаренную бэйлэ пару лошадей. Один из коней порядочный, другой сносный. Собиравшийся ко мне бэйлэ дипломатически заболел. Бестия проведдал, что я, побывав в Лань-чжоу-фу и в Гумбуме, проведдал, между прочим, про все его дела. Может быть я поступил неосторожно, спросив, где живет вдова его несчастного брата, которого, как известно, нынешний бэйлэ отравил.

Здесь на Эцзин-голе пошли расчеты за все услуги в Хара-Хото. Скорбный лист изрядный — несколько сот лан серебра. Купили и шкуру кошки «цогонда» [Felis chutuchta], уплатили два лана. Кот пойман в капкан 5 февраля настоящего года в хорошей зимней шерсти. В общем, мне остается быть благодарным местному бэйлэ. Моя задача исполнена, исполнена при его содействии.

17 июня. Утро облачное, свежее. На небе радужное подобие (клочок радуги). Ночью упал мелкий дождь. Воздух постепенно нагревается; шум насекомых неумолчен. Бивуак наш оживляется приезжающими чиновниками, установлена связь с бэйлэ. Местный управитель в курсе нашего пребывания, нашего житья-бытья. Он все силится узнать, когда мы уедем.

Узнав, что экспедиция покупает лошадей, бэйлэ предложил свои табуны для выбора. Торгоутские кони очень порядочны; между ними не редкость крупные,

сильные, с массивными статьями; как степные лошади вообще, они очень выносливы. Единственный недостаток, это сравнительная слабость копыт. Мы приобрели у бэйлэ пять лошадей; самая дорогая 35 лан или около 55–60 рублей на наши деньги.

Сам бэйлэ так и не показался к нам. Я тоже не поехал; ограничился посылкой переводчика и передачей ему и чиновнику подарка, предназначенного для бэйлэ. Тем все отношение и кончится. Мы стремимся к родному северу.

После крайне мертвого, крайне сухого и крайне пыльного Хара-Хото, Эцзин-гол оказался для нас раем. Комаров здесь не более чем в Хара-Хото; пыли чуть-чуть; ветер не вреден, скорее полезен, так как угоняет насекомых. В сумме растительность выделяет порядочное количество влаги, дышится легче. Ночи свежее; minimum температуры +8,5 °С, что нам, теперь кажется очень прохладным.

Вечерами туземцы и мы тоже устраиваем дымокуры. Кругом жизнь, животная и растительная, энергичная. Наши сборы после хара-хотоской мертвечины воспряли и пошли ходко. Жуков, мух [много], но бабочек почти нет. Птиц также мало.

Воды нань-шаньской все еще нет, руслы голы. Скот торгоутский выглядит сытым, округлым; коновязи богатых обитателей полны жеребятами; торгоуты угощают кумысом. Я ежедневно хожу в соседнее стойбище и пью несколько чашек этого полезного напитка. Станный обычай у монголов — не выносить из дома в течение известного времени ничего! В течение 49 дней после смерти главы дома! [Это] самый меньший срок; некоторые назначают полугодовой, и даже годовой период «лишения». В силу этого обстоятельства мы не могли получить в богатом доме кумыса иначе, как только придя сами в дом. Кумыс превосходный, здоровый напиток; жаль только, что он у торгоутов, как и вообще у обитателей Центральной Азии, готовится очень грязно и содержится в грязной посуде.

18 июня. Подводим последние счета и расчеты с туземцами. Платим за все — за ящики, войлока, массу веревок, потреб[овавшихся] для упаковки, платим за купленных лошадей, их принадлежности и прочее. Удалось также кое-что приобрести из мучного продовольствия — муки, дзамбы, масла, но все, кроме лошадей, здесь стоит очень дорого.

Случайно купили также кое-что из предметов старины, найденных в Хара-Хото. Больше и больше уверяю себя, на основании фактов, что торгоуты шлялись в Хара-Хото многократно, в особенности в прежние времена и находили, что в их глазах считается ценным: и серебро, и золото, и даже жемчуг. О последней находке, которая несколько лет тому назад пришлось на долю одной старухи, рассказывали следующее. Старуха после бури нашла связку жемчужных бус, от средней крупности до крупного ореха, всего весом до полутора-двух фунтов. Приезжий китаец-торговец купил этот жемчуг, отдав за него весь привезенный товар, да и то, говорят, остался в долгу.

Мне приносили обыкновенно черный горшок, сделанный на станке. У основания черная глина срезана ножом во избежание излишней толщины или тяжести. Туземцы сразу поняли, что предметам хара-хотоским мы придаем большую цену, а потому за все спрашивают высокие цены. Слышно, что будто бы у того,

у другого, у третьего торгоута нечто имеется для продажи нам и все это предметы, добытые в развалинах хара-хотоских.

Слышно, что бэйлэ радуется за наши отличные отношения с туземцами, за наши щедрые им подачки. К нам относятся хорошо, доверчиво. Простые обитатели смело приходят на бивуак; иные приносят в подарок хадак, масло, лошадиные дорожные принадлежности, конечно, в надежде остаться не в убытке.

Соседка наша радостно заявляла мне, что со дня нашего прихода сюда они спят спокойно: беспокоившие их скот волки исчезли куда-то далеко от постоянных наших выстрелов. Кроме волков здесь водятся лисицы, кошки, рыси, зайцы и другие, более мелкие грызуны. Что касается птиц, то их очень, очень мало: *Milvus melanotis*, *Tinnunculus alaudarius*, *Gal[erida] cristata*, *Corydalla richardii*, *Casarca rutila*, *Otomela*, *Pas[er] stoliczkae*, *Sylvia* (типа *minuscula*), *Corvus*, *Cypselus*, *Saxicola*, какой-то куличок, полуночник и в заключении фазан и мал[ая] плиска.

Небогата и флора. Всего собрано при урочище Чжаргалантэ, по всей ширине долины правого, восточного берега, окраинного с этой стороны пустыни, рукава Мунунгин-гола около двадцати пяти видов, распределяющихся на древесные, кустарниковые и травянистые (больше всего) формы. Ширина долины правого берега колеблется от одной до двух верст. Пышная растительность ютится вблизи берегов, по илистому грунту, затем по солончаковой почве и, наконец, по песчаным холмам, где растительность незаметно теряется, умирает. За полумертвой растит[ельностью] убегает далеко пустыня.

Здоровье моего неизменного спутника «старика» Иванова становится хуже и хуже. Бедный он, от скуки и томительного лежания силится подняться, пройти, увериться в здоровье. Напрасно. Всякая попытка такого рода причиняет, затем, большие страдания. Целые ночи наш старик не спит, возится с песком, прикладывая его к больным местам. Сознательно мой бедный Ванька тает, тает и тает. А как ему хочется жить, с какою надеждой он утешает добаться сначала до Гурбун-сайхана, а затем и до Урги, порога родины. «Только бы до Урги», — слышу я его больной лепет. «Ну, как, чувствуешь себя», — спрашиваю я для очищения совести. «Ничего Ваше в[ысокоблагородие], надо идти, авось Бог поможет мне, подкрепит меня не затрудняя Вас, а может быть и причину Вам скорбную страницу в путешествии Вашем. Хочу вернуться на родину! Господи!», — тяжело повертываясь на другой бок, с болью в сердце произносит некогда железный наш солдат! Тяжело, очень тяжело смотреть на страдальца, приближающегося к родным пределам.

19 июня. С утра заканчиваем дела, заканчиваем вопросы по пребыванию среди эцзинцев. Идут последние дополнительные расчеты, переговоры. День жаркий, небо голубое, растительность чуть-чуть освежает. Налаживаем верховых лошадей. Теперь пустимся в путь до Монгольского Алтая. Раскладывают вьюки, подсчитывают, подправляют, подтягиваются. Говорят, здесь, на Эцзинголе, особенно жарко, душно и тяжело от насекомых, когда придет вода, когда расшумится Эцзин-гол.

Во время вечерней прогулки, я, случайно, встретил местного монгольского доктора-ламу, ехавшего к матери нашего знакомого Шэраба. Недолго думая, я пригласил эмчи к себе, чтобы он осмотрел моего Иванова. Лама тщательно выслушал пульс обеих рук, внимательно и толково расспросил, на что больной

жалуется, затем, обдумав, велел принести его походную аптеку и приготовил до десятка порошков из двух сортов лекарств. Передавая их больному, доктор сразу потребовал рюмку водки и в ней распустил сверток и дал выпить Иванову, заставив его то же самое делать по утрам и вечерам, пока не окончит всего лекарства. Относительно пищи, заметил следующее: можно есть лапшу, немного мяса, дзамбу и из круп просо, суп просяной, но запретил употребление риса.

Свое мнение, в глубоком смысле, доктор оставил при себе. На прощанье я поднес ему хадак и вещицу нашу. Вечер был поэтический. Луна ярко освещала приветливую долину. У стойбища Бату блестели огоньки.

Мне долго не спалось, и я разгуливал в сфере бивуака, уносясь мыслью на далекий милый север. Расстояние сокращается, но желание увидеть скорее свое гнездо усиливается чуть не с каждым днем.

20 июня. Наш лагерь поднялся до зари. Люди только что приступили было к чаепитию, как на наш бивуак прибыл почетный гость — местный управитель торгоут-бэйлэ с наследником и штабом. Мы еще были в постелях и на доклад казака поторопились встать. Я пошел встретить гостя. Бэйлэ очень быстро побежал мне на встречу и сердечно поздоровался со мною, крепко обняв меня. В уверениях в дружбе мы прошли в нашу палатку, где я предложил бэйлэ чай с усадками. Гость, в свою очередь, привез мне гостинца — изюм, гуамянь²²⁷, и удивил меня, что был в русских сапогах, которые приобрел у одного из моих спутников. Бэйлэ благодарил меня за подарочный стереоскоп; видно он произвел на него хорошее впечатление. Узнав же, что там имеется изображение нашего императора, глубоко прочувствовал и громко произнес «Джяя...»²²⁸. Подчиненные почтительно вытянули физиономии и минутно сосредоточились. 13-летний сын бэйлэ — наследник, очень милый, красивый мальчик; он значительно вырос с прошлого года, когда я, будучи в гостях у бэйлэ, видел его семью.

Бэйлэ интересовался, что мы добыли в Хара-Хото и радовался, что я восторженно благодарил его за содействие моим целям, моему успеху. Позволил себе обещать этому, прекрасно относившемуся к экспедиции чиновнику, почетный подарок мысленно от того учреждения, которому достанется коллекция Хара-Хото. Надеюсь, оно, это учреждение, меня поймет и исполнит мою просьбу. Визит бэйлэ (просидел он у меня) продолжался около часа. Он заметил [что], путешественникам мешать не следует, надо уехать и дать им возможность спокойно собраться.

Прощание было сердечное. Бэйлэ забыл табакерку и когда я послал ему ее вдогонку, к лошадям, то он заметил: «Видно, еще судьба приведет свидеться с амбанем» (то есть со мной).

По отъезду бэйлэ мы энергично собрались и на ранней зорьке, блестящей на востоке пурпуром, двинулись в дорогу. Ночью на востоко-юго-восточном горизонте блистала зарница.

Наш путь проходил самой долиной, ее растительной полосой, то посреди бугров, поросших тамариском, то среди свежеизумрудной зелени камыша. На восточной окраине тянулись пески с меридиональными барханами, порядочной — 50—70 футов высоты; эти пески торгоуты называли в южном краю Атца-сончжин-илису «Вило-башенные пески», а в северном — Шара-булунгэн-илису «Желтых луж пески». Ужасно контрастно выделялись пески, зелень и рощицы

торая. Последние были видны издалека. Эти рощицы местами сильно пострадали от огня. На левом берегу долины также выделялись гряды песков.

Русло речки стояло сухим, за исключением наиболее глубоких мест, в которых еще стояла вода, поверхность которой пестрела всплесками рыбешек.

Несмотря на пышность растительности — долина без воды, с сухим ложем, мертва. Кое-где, впрочем, имеются озёрки, выдающиеся присутствием высокого камыша, настолько высокого, что всадник прячется с головой уже теперь, в начале лета. В камышах не умолкает голос камышевки *S[alicyaria] orientalis*. Кое-где проносится черный аист, турпаны, и преж[ние] воробьи, к которым, впрочем, прибавилась желтая плиска и чирок. Странно, что здесь, на Эцзин-голе, мы не нашли дятлов, хотя место для них весьма благоприятное.

Да, проезжая кормной, нетронутой долиной, невольно говоришь: «Какие отличные пастбища!», на что проводник Лянхава замечает: «Наши места привольны, а людей очень мало; пастбища не используются».

Наш бивуак приютился в хорошем месте, и я его хотел снять; к сожалению, не удалось. Сначала погода — освещение было неподходящее, затем пришла с запада-юго-запада грозовая туча, разразившаяся ливнем, промочившим бивуак основательно. Туча шла очень быстро; по мере приближения к нам она синела, темнела, мрачнела; гром гремел непрерывно и, постепенно приближаясь, усиливался в стук. Стала также сверкать и молния. Затем пошел крупный косой дождь, прибивший, примявший растительность; в заключение падали и градины, сбившие много ветвей саксаула и тамарисков, в особенности много и сильно севернее нас, в самом низовье Эцзин-гола, о чем мы могли судить, конечно, только на другой день.

Часам к четырем выглянуло солнце и вскоре подсушило землю, хотя и не совершенно, так как с юга пришла вторая туча, которая, впрочем, помимо освежения воздуха, прохлады, ничего не оставила. Заря была прекрасная. Огненно-золотистые облака рисовали красивый закат, постепенно переливающийся, словно в калейдоскопе. Залетали крупные хрущи. Всплыла луна, приятно озарившая окрестность. В воздухе чувствовалась сырость, была настоящая роса, наблюдавшаяся в этой местности впервые. В течение свежей ночи, на прозрачном небе, там и сям мерцали и падали звезды, в особенности большая и яркая звезда упала на юго-запад небосклона около 12 часов ночи.

21 июня. Мы поднялись очень рано; бледный диск Луны лил серебристый свет на землю; воздух был сырой, прохладный. Караван двинулся в путь в то время, когда Луна скрывалась или, точнее, приближалась к горизонту, вновь зардевшись красноватым блеском. На востоке светила золотистая полоса зари. В тихой, спокойной воде, длинной полоской залегавшей в глубоком корытообразном русле, там и сям, расходились круги — всплески рыб. Эта утренняя картина напомнила мне таковые моей родной Смоленской губернии.

Вскоре караван поднялся на хрящеватый берег пустыни — оазис окончился, и мы успешнее шли, по-прежнему держа курс в северном направлении. Слева поднимались пески, вклинившиеся между дорогой нашей и руслом Эцзин-гола. Эти пески, в месте их особенного, наибольшего поднятия, до ста с лишком фут в высоту, там, где они лежат гребневым, почти равнобоким, расчлененным барханом, мы словно перерезали (прошли в расчлененность), двигаясь дальше

вдоль их, но уже с запада. Не замедлила появиться растительность — заросли саксаула, тамариска, а с ними и обилие оводов, положительно изводящих животных.

Ехать на лошади, мучимой оводами, пытка; смотреть на страдания верблюдов, покорно идущих с ношами, также. По мере приближения к Сого-нору я увидел на северной дали поперечные горы Нойон-богдо и другие. Этот широкий вид обуславливался редкой прозрачностью воздуха — после сильного, исключительного для пустыни, дождя.

Показалось также и Боро-обо на северо-западном возвышенном берегу Сого-нора, который положительно прятался в той камышовой заросли, которая широкой полосой его окаймляла с юго-востока, со стороны урочища Торцэн-худука, где мы расположились лагерем и откуда можно было, поднявшись на северные высокие бугры, осмотреть дали.

Этим осмотром Сого-нора и окрестностей мы принуждены были ограничиться и, не теряя времени, бежать дальше: нас гнали, главным образом, кровопийцы — оводы и комары, корм же, как на Эцзин-голе, так и при озере Сого-норе — превосходный.

Навестили мы свою стоянку прошлого года, где нынче воды не было, но камыш стоял таким высоким, что скрывал глубоко человека, не давая ему никакой возможности экскурсировать. То приветливое местечко отстояло от колодца менее, нежели на версту на запад-юго-запад.

Я решил, посоветовавшись с проводниками, сегодня же, после 8-часового отдыха, пуститься вновь к северу. Колодец Торцэн-худук был занесен толстым слоем песка, по удалении которого мы достали отличную воду. Глубина колодца порядочная, свыше сажени.

Томительный зной, в совокупности с оводами и другими кровопийцами, вынудили нас скорее оставить низкую долину Сого-нора и продолжать путь к прекрасному Гурбун-сайхану. В 5 часов дня мы поднялись караваном; жарко, душно, томительно было до семи часов. Черная каменистая пустыня дышала именно жаром. Ее поверхность бесподобно однообразно усыпана была, словно гигантским ковром, темным мелким щебнем. Состав щебня неодинаков, но здесь он стал одноцветным от загара. Кроме быстроногих антилоп — боро-цзере, да однотонных с каменистой поверхностью пустыни плоскоголовых ящериц, мы никого и ничего не видели. Если попадались при дороге скелеты павших животных — верблюдов или лошадей, то эти предметы, эти немые свидетели тягости пустыни, только дополняли трудности пути и отсутствие жизни в пустыне. Гладкая равнина граничила на севере валом темного массива Нойон-богдо, на юго-востоке кряжами гор, убежавшими за восточный горизонт и за южный — скрывались, пройденные нами пески. На востоке играл мираж, по всей бесконечной дали, то озеровидными картинками, то замками, фантастично построенными из юго-восточных кряжей. На северо-северо-западе и западе даль восполнялась серебристой гладью Сого-нора, вызвавшего во мне глубокое сожаление, что остается неисследованным. Этот, для пустыни, многоводный бассейн очень интересен; заняться его изучением, по моему, необходимо и возможно осенью. Будущий исследователь, вероятно, совместит свое здесь пребывание с посещением развалин Хара-Хото²²⁹. Кто знает, новые раскопки могут еще порадовать путешественника, который не преминет

устроить экскурсии в область Эцзин-гола, истор[ическое] урочище с заграждением для отвода воды, при осаде Хара-Хото и восточную долину Боро-хото до озерной котловины Х[одан]-хошу включительно.

Наш северо-восточный курс и постепенный подъем по мере удаления от котловины и приближения к горам. Только когда солнце спряталось за горизонт, мы почувствовали приятную прохладу и пошли успешнее. Кровопийцы, провожавшие караван, остались позади. Верблюды шагали отлично, и, вступив на дорогу, ускорили заметно шаг. Ночь была прелестная; поэтически всплыла красно-багровая заря — лунная, а затем и она сама, явившись в наши спутницы. Как раз в это время один из верблюдов наступил на сухую ветвь саксаула, поднявшуюся и ударившую верблюда другим концом. Этого, конечно, было довольно, чтобы животное сильно испугалось и ринулось в сторону; его совету тотчас последовали все, и произошел беспорядок, к счастью не причинивший нам никакого вреда. Минут через пять или десять все исправилось, подтянулось и мы пошли в прежнем стройном порядке. Шли до 10 часов ночи, когда быстро развьючили и уложили караван, до двух часов ночи.

22 июня. Превосходная ночь прошла до 2 часов быстро. Мы едва могли или успели сомкнуть глаза, как голос дежурного поднял лагерь отправлять известного рода в глазах забайкальцев священнодействие — чаепитие, а через час вновь двигаться к урочищу Балбырха-цонджи, Барун-худук, в прежнем восточном-северо-восточном направлении.

Сначала нашей спутницей, освещавшей дорогу, была прежняя Луна, затем восточная заря дневного светила и оно само. Тихо было вокруг. Едва выкатилось солнце, температура стала быстро повышаться, даль раскрылась, в следующем нами направлении вырисовывалась вершинка с обо — Боро-обо, видимом нами почти на 40-верстное расстояние. Так же далеко видно, следовало указать раньше, Боро-обо, устроенное на северных высотах Сого-нора. Местность каменная, поверхность земли становилась все более твердой. Постепенный подъем. Горы Нойон-богдо выделялись характерными вершинами. Показалось, наконец, и знакомое урочище Балбырха. Мы остановились на западном колодце, а не на восточном, как в передний путь. Остатки глинобитной башни поднимались над равниной — это знак пограничных владений Торгоут-бэйлэ и соседа Балдын-цзасака. Перед нашим приходом вал дождевой воды залил отл[ичный] колодец отбросами (навозом). Вода издавала противный запах, и прежде, нежели ею было возможно пользоваться, мы выкачали из колодца до 200 ведер воды и до сотни ведер грязи. Вокруг колодца зеленела кустарниковая растительность, хармык, саксаул, немного травянистой, и мы кормили животных более суток. В 1 час 20 мин[ут] дня от севера, от Нойон-богдо развернулась грозовая туча, пришедшая к нам вместе с высокими пыльными бурными вихрями. Нас помочило изрядно; среди крупного дождя проскальзывал также и крупный град. Шатры едва сдерживали, конечно, при нашей помощи, напоры бури, пробивавшей дождем полотно палатки и залившей внутри все наши вещи, в ящиках или в войлоках. Затем, через два часа, небо просветлело, воздух успокоился, земная поверхность обсохла до неузнаваемости, просушились и мы. На наш бивуак стала держать направление стайка антилоп боро-цзере, напиток, но мы имели замыслы другие, от которых она поторопилась удрать.

Примечание к заметке о границе владений

От развалин башни граница направляется с одной стороны на запад, с другой — на юго-восток, восточнее горок Бага-хонгорчжэ. По словам торгоутов, нас сопровождавших, между Хара-Хото и Бага-хонгорчжэ тянется равнина, заполненная, в большинстве случаев, барханными песками, обрывами и прочим, словом, местностью равнинной, а не грядами гор или увалов.

Вечер был прелестный; запад привлекал чудным закатом, чудной, красивой зарей, не поддающимся описанию красивых, затейливых очертаний облаков, стоявших на месте или едва скользивших вдоль разгоревшегося небосклона. Переливчатые тона красок на западе усиливали впечатление картины, и глаз наблюдателя не уставал любоваться ею.

23 июня. Спим вдоволь — выступление послеобеденное. Спим, если можно выразиться, в запас. Некоторые мои из ярых охотников-спутников встали, однако, с зарей и направились на охоту. В 9 часов утра они, усталые, тянулись к бивуаку. Позже других приплелся с тяжелой, но приятной ношей Содбоев, которому посчастливилось уложить самца — молодого, нарядного, от которого я взял шейку (шкура) с черепом, украшенным красивыми рогами.

Боро-обо общим своим видом напоминает мне Боро-цонгжи, подле знакомых мне развалин Хара-Хото. Отдыхаем, читаем, и кое-что собираем, преимущественно из отдела энтомологического. Растений бедно. Ящерицы по песчаным холмам с хармыком *Eremias* одни и те же. Птичек великая бедность; словом, несмотря на самую кипучую летнюю пору, в смысле сборов скучаем от бездействия. Уповаем лишь на Гурбун-сайхан. Только от одних этих гор и ждем богатого разнообразного материала. Переходы до этой системы Монгольского Алтая отсчитываем день за днем, как и переходы — приближения к порогу родины, Урге.

Выступили в самое горячее время дня, в 2 часа. Раскаленная пустыня утомляет до крайности, тем более, что кругом темная каменистая гладь, до отдаленных низких гребней Хонгорчжэ на юго-юго-восток и до Нойон-богдо (значительный массив) на севере. До сотни верст в ширину равнинная однообразная пустыня, на которой, там и сям, стелется жалкий, невзрачный саксаул, реже хармык; иногда к саксаулу примешивается ягодный хвойник (*Ephedra*). По открытой равнине, словно демоны, разгуливают вихри, нередко кружащиеся на одном месте в течение нескольких минут. Иногда солнце закрывалось кучевыми странствующими облаками, и набегавший ветер баловал прохладой. Затем вновь наступал томительный зной.

Миновав одиноко стоящую горку с обо на ее вершине, Боро-обо, и пройдя еще несколько верст, мы приютились бивуаком в открытой пустыне, в трех верстах от невидимого нами колодца Цзагин-худук. Вчера и сегодня путь каменистый, поэтому очень трудный для наших животных, в особенности, [для] не знающих подков лошадей.

Палатки мы не ставили; спали в буквальном смысле под пологом неба. Украдкой к нам подбегал и незаметно исчезал из глаз пустынный тушканчик; этот зверек выдавал себя хвостиком с кисточкой на конце, когда убегал вприпрыжку.

Животные отпускались пастись до полуночи, а в два часа наш лагерь просыпался с тем, чтобы через час уже отправиться в дальнейший путь.

24 июня. Первые пять верст мы идем до появления солнца, чуть не ощупью, но зато в приятной прохладе, на всем протяжении местность постепенно повышается. Сегодня, например, мы вступили в русло, идущее нам навстречу, с дресвяным дном²³⁰, по которому, в окрестности колодца Ихэ-гун появились деревья — ильмы и до того мелкие кряжики выросли в значительные гряды или холмы, обнажающие темно-блестящую коренную породу. Вода с мощным горизонтом покоится на глубине 5–7 футов прекрасного качества.

Кочевников мы на этот раз не видим; вероятно, их угоняет отсюда все та же, одна причина — крайний жар. По словам наших проводников, теперь кочевники ютятся в горах Нойон-богдо, последних две параллельных цепи с долиной между ними. В долине, как раз, стоит или возносится гордо вверх одинокая высокая гора, увенчанная священным обо. К этой горе, собственно и называемой Нойон-богдо, летом собираются обитатели для отправления молитвенных празднеств. Выше, то есть северо-восточнее горы, выбегает богатый хорошей водой источник.

Отсюда, с Ихэ-гун-худук я решил следовать дальше новой, более прямой, северной дорогой, оставив прежний, пройденный экспедицией ранней весной минувшего года путь. Сильный крепкий ветер с востоко-юго-востока принес нестерпимый жар, вслед за которым с юго-запада появилась грозная туча и периодически забегали пыльные вихри.

Делать положительно нечего, да и жарко: жар притупляет всякое стремление к энергии. Хорошо одно: нет или почти нет наших недавних недругов-кровопийц. Пустыня на то создана, чтобы ее возможно скорее и всегда стараться осилить переходами. Мы стараемся идти, идти и идти, но все кажется, стоим на одном и том же месте — до того выросло нетерпение скорее окончить путешествие. Устал порядком, чему главным виновником служит зной в каменной пустыне.

25 июня. В этот день прошли 34 версты: до обеда 13, после обеда 21 версту. Первая часть пути привела нас курсом 73° на колодец Хара-тэг в русло Гэнгэ-тэ, выше, нежели наш передний маршрут. Местность, как и прежде, равнина, но уже слегка заволновавшаяся кряжами, более сближенными, нежели на юго-западе. По сторонам, в выходах обнаруживается преимущественно темно-бурый песчаник, местами разбитый и даже растертый в порошок. В низинах, в руслах обнаруживается растительность, проявляющаяся в виде в ряд сидящих ильмов, кустарников и корявых уродливых пустынных трав. Водоносный горизонт неглубок — 5 или 7 футов и обилен прекрасною родниковую влагою.

При Хара-тэге мы имели восьмичасовую стоянку, отдых с обедом. Несмотря на полную облачность и крепкий восточно-юго-восточный ветер, иногда достигавший напряжения бури, было очень жарко и душно. Порывы ветра обдавали горячею струею воздуха. Тучи — серые, свинцовые, дождевые — нависли вокруг; но всего более со стороны гор Нойон-богдо и мелкой компании. В полдень порывы ветра метали и рвали все в окрестности, грозно устремляясь на бивуак. С трудом мы пообедали и в три часа двинулись в дальнейший путь.

Но прежде чем оставить колодец Хара-тэг, надо отметить о двух вещах: о тушканчике, извлеченном из колодца*, куда бедняжка попал, не знаю почему,

* При колодце Хара-тэг добыт отличный экземпляр сокола.

и о первом встреченном монголе, разыскивающим лошадь, монголе, который служил у нашего знакомого тангута-тибетца (в передний путь при Ихэ-гуне), теперь кочевавшего севернее, поближе к горам. Заметив на вершине плоской высоты всадника на верблюде, мои спутники-монголы (их теперь у меня пять) все устремили взгляды и стали строить соображения, кто он? Он же, заметив наш бивуак, тотчас направился в нашу сторону. Монголы попросили у меня бинокль и вперяются глазами. Наконец, незнакомец подъезжает, сходит или спрыгивает с верблюда и приближаясь к нашей компании делает общий поклон со словом: «Амур-сайн-байна»²³¹! Усаживается, коснувшись руками с одним из престарелых моих монголов. Вынимаются табакерки, которыми обмениваются, с одним, другим, третьим, до конца. При обмене с каждым слышится произношение: как здоров, как благополучно хозяйство, дом и прочее. Тот и другой стараются использовать друг друга вопросами. Удовлетворив желание, компания расходится.

Выступив в дорогу с курсом 45–50° и поднимаясь на вершины волнистой земной поверхности, по которой там и сям обнажается бурый песчаник, мы вновь заметили знакомого монгола, уже сидевшего верхом на найденной лошади, а верблюда ведшего в поводу. Один из моих монголов не преминул вновь свидеться с собратом, выкурить трубочку, покалякать и расстаться. Мы шли очень ходко. Ветер освежал воздух; тучи сгущались больше прежнего, по временам посыпал мелкий дождь. По руслу отраднo блестящим изумрудом травка, та мелкая шелковистая луговая травка, которая балует и ласкает глаз даже и у нас на родине. По руслу обнаруживались следы валом шедших из гор потоков. Там и сям стройно стояли или бежали с замечательной быстротою изящные газели.

Мы шли в прорыв, с одной стороны образуемый мысом холмов Хуху-арык, с другой характерным темным холмом Талэн-хайрхан, высотой до 200 футов, шапкой поднимавшимся над равниной. Этот холм слагается из темно-серой плотной породы, куски, обломки которой на вершине дали возможность сложить обо. К северу оторванно стояли два мал[ых] выхода. Хороший широкий вид открылся с вершины холма; к нему подходил наш караван. На севере в стройном порядке стояли горы Нойон-богдо, с двухглавой команд[ной] вершиной. [Мы шли] через прорыв Кокшун и еще через промеж[уток] Дэнг, знакомый мне (см. «Монголию и Кам», [ч. 2]). Бинокль открыл присутствие обитателей — китайцев с палатками и верблюдами.

Стоя на холме и созерцая пустынную равнину, по которой двигался наш поряд[очный] караван, казавшийся червячком, я невольно думал, если бы здесь была бы степная растительность, то он, холм, непременно носил бы название «холм Чингис-хана» или другое подходящее, словно в действительности, он создан для полководцев, чтобы производить смотр своим войскам.

К вечеру караван прибыл на колодец Улан-иргэ, чтобы с ранним утром, двинуться дальше; но ночной сплошной, частый, мелкий дождь задержал наше выступление до полудня. Все кругом было окутано синими кучевыми облаками; даль открывалась благодаря чудной прозрачности воздуха.

26 июня. Дождь и сплошная, сомнительная, облачность задержали нас до половины первого, когда только караван мог тронуться в дальнейший путь по равнине к родному, приятному северу. Мы шли курсом 60[°]; местность — равнина со слабыми волнами, мягкие гребни которых все же скрывают горизонты.

С их вершин стали виднеться на севере темные массивы; показался и Цзурум-тай, а в седловине последнего и Урт-хайрхан; далеко открылась Ихэ-аргалинтэ. Идем успешно. Настает лучшая пора для движения: сравнительная прохлада, улучшение растительности (кипец), жители и бараны, торговцы — китайцы, которые располагают большим стадом верблюдов, а в лавочке товарами обыденными; есть крупа, дзамба и прочие мелочи.

Колодцы (три) [урочища] Цогонда и ключик, вдоль которого вытянулась хорошая травянистая растительность, невольно приютила нас. Невольно потому, что я рассчитывал двигаться дальше, но старик мой Ванька вновь заболел. Лекарство ламы взвинтило было его, но лишь на несколько дней. Вчера и сегодня вернулись страдания. Жаль смотреть, как бедный страдалец тает, тает и тает на глазах. Сегодня ради него, отставшего от каравана, устроились на Цогонда. Сегодня же он позвал меня сказать последние распоряжения: «Не возитесь со мною!». Не хочется теперь писать все это, подожду, больно, но все конечно выполню, что просит старик, вероятно в последний раз. Я силится и силюсь дотащить его до Гурбун-сайхана, там предстоит многодневная остановка; в крайнем случае, более выгодная и для развязки. Неужели старик отойдет в вечность! Больно смириться с этою мыслью, но очень возможно; я уже в значительной степени подготовлен к этому. Старик, между прочим, рассказал мне свой «нехороший сон»: словно он кормил могучего черного ворона, доверчиво подходившего к его рукам; равно холил и другую птицу — фазана, думая, как бы их добыть для коллекции. Сказав все это, старик закончил: «Не люблю я птиц, а тут еще черный ворон, все это к худу; моя граница достигнута, я уже приехал на границу!».

Старик мечтает о холме насыпном, о кресте и прочее, о чистом платье — для возможного упокоения. Как тяжело, как больно говорить обо всем этом! Судьба!

В соседстве с нами живет бедная женщина с 10-летним ребенком в убогом жилище, питаюсь от проходящих. Ее конечности, и те и другие, сохнут. Взгляд добрый, ласковый, вызывающий невольно не только сожаление, но и уважение к человеку, который при виде вас здоров[ается] с вами и заботится о традиционном монгольском угощении.

Нечего говорить, что мы с нею поделились жизненными припасами. Ребенок понял ласку, прижался к моему боку, глядя черными благодарными глазенками. Сначала, как дикаренок, бегал от меня, теперь стал нежно ласкаться. Дети всегда чище сердцем и душою.

Наступил тихий, ясный, прозрачный вечер; заря погасла, легли сумерки, а за ними и ночь. Небо усыпано яркими звездами, млечный путь поднимается от восточного горизонта. Абсолютную тишину ничто не нарушает. Такое состояние природы я здесь невольно называю торжественной тишиной. Долго не спалось мне: прислушиваюсь к большому бреду старика — он тяжело охает, стонет и очень часто лепечет молитву: «Господи помилуй, Господи помилуй!».

27 июня. Как быстро бежит время — вот уже и июнь приближается к концу. Не заметишь, в действительности, как окончится и путешествие. Утро такое же спокойное, такое же приветливо-обаятельное, как и вечер. Благодаря чудной прозрачности воздуха, дали открыты: долина и прилежащие на севере горы видны как на ладони.

На ключ начали слетаться пустынные птицы, пить; их голоса раздаются всюду кругом, как везде по горизонту мелькают и их стаи, кажущиеся живой сеткой, вперемешку с голосами буйвоков несутся крики и куличков — песочников, зуйков, улитов. Все живет, все радуется, все хлопочет.

Мой бедный Ванька страдает и страдает.

После всестороннего обсуждения я решил на следующее: оставить его вместе с Четыркиным (кстати, очень заботливо ухаживающим за больным Ивановым) в этом прекрасном урочище, в сравнительной прохладе. Оставил я им еще казака Сдобоева и одного монгола-подводчика с 5-ю верблюдами. Больной будет располагать временем. Мы пойдем в Гурбун-сайхан и там устроимся на сравнительно продолжительную остановку. Четыре-пять переходов, отделяющие Цогонда от Балдын-цзасака, дадут, может быть, возможность Четыркину доставить Иванова на главный бивуак. Впрочем, он будет доставлен все равно: живой или трупом. Если судьба свершит ее приговор, то мы упокоим прах дорогого товарища в горах, как подобает, с честью.

Так я и устроил, как предположил. Больной отнесся к этому очень благодарно, но заметил: если бы я не оставил ему С.С. [Четыркина], то у него не было бы чувства спокойствия и надежды. Решив так, мы быстро собрались, и в полдень караван потащился поперек долины. За травянистой площадью тянулась поперечная полоска зарослей саксаула, затем открылась песчано-щебневая равнина, прикрытая корявой травой пустынной формы, к которой чаще стал примешиваться и степной представитель — ковыль.

На юго-западе мираж строит прихотливые сооружения: то светлые озера, то темные, различных очертаний горы, башни и проч. Поперек нашего пути с быстротою ветра пронеслись стройные чернохвостые газели (*Gazella subgutturosa*), а вдали на юго-востоке пасся одинокий хулан, заметивший наше движение и тотчас предавшийся бегству. Видимо здесь это животное терпит преследование, поэтому так крайне осторожно себя держит.

Горы, цепь поперечных складок местности приближались. Мы строго держали направление в прорыв между Урто-хайрхан и Цзурумтай. Долина окончилась, мы поднялись на первые поперечные темнобурые высоты и вскоре достигли кормного местечка с дэрэсуном, хармыком и одинокими двумя-тремя ильмами, урочища Холустэ (с колодезем). Однако здесь мы не остановились, так как еще прошли мало — 18 верст, а направились вдоль каменистых высот к следующему, так называемому Цзосто, оно же и Булыктэ, отстоявшему в 9-ти верстах.

Интересно заметить относительно двух названий, приданных одному урочищу. Монголы, находясь вдали от урочища, говорят Цзосто, но приближаясь или живя на нем, как одинаково и отъезжая от него, именуют Булыктэ, иначе, по их суеверию, непременно постигнет несчастье, вроде болезни, плутания, потери имущества и тому подобных неприятностей. С высот, булыктэских, нам открывалась долина*, пройденная в оба раза: в передний путь на юг, в этот, обратный, на север. Она громадная — тянется сектором от низовья Эцзина. Она довольно пустынна и тяжела для лошадей (камениста). Всегда следует ковать лошадей и иметь подковы в запасе.

* На этом переходе именуемая Дэнгин-холэ (против гор Дэнг).

В половине шестого караван прибыл в приветливое урочище Цзосто, расположился на мягком лугу с родниковой водой, тихо катившейся в прорыв, в конгломератовые ворота, к выходу в открытую долину, к сожалению не имеющую общего названия.

Наш проводник съездил вверх по Цзосто и вскоре прибыл с монголами, доставившими нам на продажу барана. Свежего мяса мы не видели с Эцзингола, не считая убитого дзере. Монголы рассказали нам кое-что о своих владениях кн[язя]-цзасака о том, между прочим, что десять дней тому назад в горах Гурбун-сайхан, в верхнем поясе был снег. «Теперь, — говорят они, — вы уже будьте спокойны, из пустыни вышли; теперь надо остерегаться дождя». Слава Богу, подумал я в душе, что жар, этот несносный зной пустыни — расслабляющий и притупляющий — окончился.

28 июня, [воскресенье]. Невольно с утра, потягиваясь в постели, шупая рукою мягкую мураву, вспоминаю родину. Представляю себе наших на даче, где-либо в Дарьине²³². Сегодня они одеваются по-праздничному, идут в церковь, гуляют нарядные, может быть веселые. Дачников порядочно (мужья съезжаются на дачи, тем более что завтра праздник²³³). Утешаю себя, что на будущий год и я, даст Бог, не буду лишен этого высокого удовольствия и вместе с семьей, где лучше, устроимся на лето! Главное, на душе легко, приятно возвращаться с сознанием посильно исполненного ответственного поручения.

А вот только как себя чувствует мой бедный старик Иванов... Услышу ли я его голос? Расставаясь, он сказал «прости» всем нам. А ведь тяжело произносить это слово, в особенности на чужбине, идя к родине!

До обеда мы занимались делами: я писал и искусила даже истратить одно стекло, четвертое, из последней дюжины, чтобы увековечить приветливое Цзосто. Мои спутники кто занимался сборами, кто стряпал, кто охотился. Монгольский лагерь тянулся к пустыне, наш — к ключевой зелени. После обеда скоро собрались и в половине первого дня уже направились вперед, к востоко-северо-востоку.

Поднявшись на высоты, вновь открылись горы: Урто-хайрхан, Цзурумтай. От гор в пустыню направлялись русла со следами недавней высокой воды в них. Сами горы, горки и все прилежащие пути несли крайне пустынный характер. На них не замечалось положительно никакой жизни. Они пестрели буровато-серым грязным оттенком; горные выходы часто блестели гладко обточенными сторонами.

Дорога была вначале очень камениста, затруднительна. Кол[одец] Борохацанга расположен в ущелье, на перепутье дорог, их скрещении; миновав его и ущелье с красными конгломератовыми обрывами и отдельными деревьями ильмов, нередко красиво прижатых к конгломератовым отвесам, где уютно пристраиваются на зиму туземцы со стадами баранов, мы поднялись на мягкую террасу, сбегавшую от гор Цзурумтай и по ней успешно подвигались вперед. Эта приятная равнина была сплошь покрыта корявеньким саксаулом. Теперь мы очутились среди множества знакомых мне гор. Далеко впереди командующе возвышался Цзун-сайхан, ближе Аргалэнтэ (Ихэ), прямо Дунду-сайхан; западный же край этих гор заслонялся Цзолином и Куку-нуру. Денг и свита его — остались позади. Несмотря на полдненное время и открытое солнце жара мы не ощущали; ветерок дул свежий. В этой долине перекрестился мой маршрут двух экспедиций.

Прежняя картина восстала в памяти. Но лучше прочих гор, почему-то Гурбун-сайхан, который невольно приковывает глаз. Сегодня по дороге, несколько в стороне, слева и справа, все время, после Боро-хацанга, попадаются на глаза обитатели и их стада. Мы неустанно двигаемся вперед — приближаемся к цели, идем до Цаган-гола — лучшего урочища с открытой водой и хорошим пастбищем; на далекое расстояние залегает блестящий дэрэсун, откуда и название Цаган-гол.

Приближаясь к нему, вечером мой препаратор Мадаев, дорогой встретил целую компанию тушканчиков, один из которых попал в коллекцию. Усталые, мы в сумерки уже разбили бивуак на берегу озера и приятной камышовой зелени. По поверхности вод плавал турпан, а по берегу бегали кулички, улиты, зуйки и проч. Пронеслись интересные стайки темных птичек, по полету напоминающих голенастых, но я не мог узнать их более определенно.

Небо заискрилось звездами, с севера тянет слабый ветерок, кругом всюду полная тишина. Только изредка раздается голос неуспокоившегося куличка. Лагерь спит.

29 июня. Просыпаюсь под утреннюю песнь полевого жаворонка; сквозь палатку льют яркий свет серебристые лучи. Казаки беседуют вокруг костра за чайком, говоря, что холодно (min +9,5, это после 20–25 и более в пустыне), что «браво» скоту²³⁴ — лошадям и верблюдам: и комаров нет, и превосходный корм. Кто посердечнее, тот вспоминает про оставленного Иванова и компанию.

Нас всех влечет Гурбун-сайхан... скорее, скорее. Сегодня в кумирне Байшинтэ, может быть, что-нибудь и узнаем.

Опять большой, 32 версты, переход; шли по курсу 60°, приходящемуся на крайний восточный холм гор А[ргалинтэ] — Унигэтэ. Но дорога извивается значительно восточнее и предат[ательский] монастырь, расположенный в своего рода котловине, виден только за две версты, отчего время окончания перехода тянется невыносимо долго.

Мы шли вдоль русла, бегущего от гор Гурбун-сайхан. Оно покрыто отличными пастбищами и потому кочевники теснились везде кругом; особенно большие стада [и табуны] благодумствовали в примонастырской долине, где растлались широкою скатертью превосходные зеленые пышные травы.

У окраины гор Унигэтэ промчался поперек пути хулан. У встречных жителей мы узнали, что молодой цзасак, несколько дней тому назад проживавший почти на нашей дороге [между средним и восточным сайханами], теперь переселился на северную сторону самого отдаленного от нас — Барун. Цзасака постигло горе: его старший брат, лама, умер; кто-то еще заражен, словом в доме переполох, несчастье и цзасака никто из посторонних не видит. Жаль. Это неприятная история. Подтверждение ее мы узнали по приходе в Байшинтэн-хит. Здесь, кроме того, сведения расширились. Несколько дней тому назад, пять, проехал из Алаша в Ургу Ц.Г. Бадмажапов, намеревавшийся пожить у князя до моего прихода в Гурбун-сайхан. Неожиданная история эта принудила, конечно, Бадмажапова, оставить прежнее намерение и двинуться дальше на север. Говорят, также, что мне имеется пакет (вероятно с письмами и газетами) и что он, будто бы, хранится у самого цзасака.

Теперь, я не знаю, как мне лучше устроиться. Здесь чудные пастбища для лошадей, которых и надо оставить при кумирнской долине. Горы же манят нас

исследованием естественноисторических богатств. Пока командирован, по распоряжению нирвы, в горы, в управление, лама с приказом чиновнику прибыть к нам для переговоров. Кроме того немедленно сообщить цзасаку о прибытии в его владения моей экспедиции — установить связь.

Нирва небольшого монастыря прислал нам дров, кумысу; он же распорядился о командировании гонца в горы.

По мере нашего приближения к Гурбун-сайхан, последний открывался все больше и больше. Горы расступались, отодвигались и оставались позади или в стороне. Отсюда Гурбун-сайхан во всей красе, во всей мощности. Благодаря чудной погоде, чудной прозрачности воздуха все вокруг открыто бесподобно. Каждая вершина, каждый проход, кочевья, даже дорожки подгорные — все видно отчетливо.

Для контрастности с зеленью красиво гармонируют вблизи монастыря, по зелени, пески, протянувшиеся в поперечном восточно-западном направлении небольшим рукавом. Мелкий ярко-желтый песок резко выделяется на солнце, а вокруг зелень и по ней стада, стада и стада. Там дальше болота.

30 июня. Погода продолжает стоять отличная — ясная, прозрачная. Днем солнце припекало порядочно, вечером стало прохладно. Прозрачность воздуха прежняя — чудная: горы Гурбун-сайхан видны деталями.

В полдень прибыл гонец из управления цзасака и доставил мне пакет г. Бадмажапова с двумя другими письмами из Лань-чжоу-фу от вице-короля и Нэ-тая, оба благодарят за память, за карточки и прочее и оба желают благополучного возвращения на родину!

Напалков с караваном выступил из Алаша 9 мая, значит, в настоящее время он уже вкусил благ родины. Надо мне ожидать посланного курьера из Урги, может быть он уже в дороге. Пора же, наконец, получить почту — ведь полгода прошло со времени последней полочки.

Сегодня же я осмотрел и местный небольшой и небогатый монастырь — Байшинтэн-хит, который основан, как говорят, около семидесяти лет [назад], но уже дважды подвергался дунганскому погрому. По списку всех лам числится около 500 человек, в действительности же их не больше половины. Во главе монастыря почтенный старец-лама, собственно во главе при отправлении богослужений. Фактическое же ведение делами в руках нирвы — энергичного, толкового ламы, который и показывал мне храмы и который командировал гонца в управление. Слышно, что у бедного молодого князя вой и плач в доме — много больных, в том числе и сестры — молодые девушки. Умер дядя молодого управителя.

Гуляя по пескам, я невольно наткнулся на местных обитателей — бедных монголов, которые, положительно, поразили меня худой жизнью, нищенской обстановкой. Еще издали черная, прокопченная, дырявая юрта свидетельствует о ее жалких обитателях.

Местное болото мало дало препаратору: на нем держались — журавли, турпаны, улиты, желтоголовые плиски и немногие другие.

Отсюда с нами прощаются проводники с Эцзин-гола: Лянхава и другой, старикашка.

Под вечер прибыл из управления цзахиракчи, любезно передавший при-
ветствие и любезно предложивший услуги оказывать экспедиции посильное

содействие. В общих чертах мы выяснили вопрос нашего пребывания в горах: вероятно придется жить у Дунду-сайхан, откуда командую двух моих спутников в целях розыска приветливого местечка, повыше в горах.

В это же время прибыл и наш лазарет с больным фельдфебелем. Мой Ванька выглядит лучше, нежели мы с ним расстались. Глаза более живые, нежели прежде; старик бодрится. В караване общая радость. С нашим отъездом старику стало плохо, но потом лекарства его взвинтили, и он собрался с силами ехать. В три дня прибыл к нам. Дорогой, когда становилось худо, останавливался на отдых. Поел, предварительно же попросил рюмку водки, и тотчас лег спать. Под утро начались новые страдания, к счастью ненадолго. Ради больного я устроил новую дневку, тем более, ее и цзахиракчи просил устроить.

1 июля. В августе, даст Бог, уже достигнем и родины. Время стало заметно сокращаться — время свидания с самыми дорогими и близкими людьми. Утро свежее, облачное с юго-восточным порывистым ветром, но даль открыта по-прежнему. Из храма несутся звуки музыки — труб и раковин. Меня осаждают бедные — и здесь, стоит дать одному, чтобы прочие следили бы за вами и при всякой возможности просили.

Две экскурсии: одна в пески, другая на болото, лежащее среди солончаковой долины, были успешны. На болоте добыто три куличка — песочника кривоносых (*Tringa subarguata*), улит-красноножка, кроме того замечены: утки, турпаны, *Grus virgo*, крачка-мартышка, желтоголовая плиска, кроншнеп, чибис и немногие друг. В песках же были добыты ящерицы Пржевальского и десятка два слоников²³⁵.

К вечеру небо покрылось темно-синими, мрачными тучами, нависшими над долиной и даже горами. Каждую минуту ждали дождя, но опасения наши миновали, как за истекшую ночь, так и на следующее утро, **2 июля**, когда караван наш двигался на северо-восток, в строгом направлении на красные холмы, отлично видимые с долины, на урочище Улан-булык, где давно приютилось местное управление, канцелярия — тамага.

Наши торгоуты уехали одновременно с нами — они на юго-восток, с заездом помолиться в кумирне. Этим нашим проводникам мы променяли две лошади, подарок мне от бэйлэ, на лучших, с придачею 21 лана. Всех лошадей экспедиции — пять — я оставил на кумиренских пастбищах, для отдыха, сами же мы переехали в горы на подводных, данных из монастыря.

При свежей, разгулявшейся затем погоде мы совершили отличный переход в горы. Местность все время постепенно повышалась; мы поднялись над долиною монастыря около 1500 футов, и расположились лагерем почти в голове прекрасного родника или ключа. Горы Дунду-сайхан, их южный скат, видны во всей красе — видны бурые скалы, луговые скаты и прочее. Видны приветливые лужайки у самого подножья крутого массива; там видны стада баранов. На наш же соседний ключ то и дело появляются большими или меньшими группами лошади попить и покормиться мягкими травами.

Следуя к ключу, по дороге, в ущельице, мы проходили жилища двух местных чиновников тусалакчи и цзахиракчи, приветливо встретивших нас и пригласивших к себе на чай. Я с удовольствием провел около получаса времени в их обществе, посмотрел на обстановку зажиточных людей, угостивших меня

вкусными пенками и сухим творогом с беленым чаем. Вся семья — женщины и дети присутствовали и с любопытством разглядывали нас. Цзахиракчи проводил до места, на котором я остановился в выборе бивуака, и предложил нам довольствоваться баранами из его стада, прося, конечно, высокую плату — по-приятельски. Я согласился, тем более что подарки у нас все вышли и вместо подарка дадим ему более высокую плату, нежели платили за баранов вообще (2 или 2 ½ лана; ему же 3 лана — около 6 рублей).

Итак, мы устроились на новом месте — в горах, где солнце не жжет, а лишь приятно согревает; ветер крепкий еще более освежает. Нам заботливо поставили юрту; наш большой лагерь пестреет издалека. На юге открываются картины пройденной горной местности; на севере, вблизи — горы. К нам то и дело заглядывают соседи — монголы, обязанные служить нам в роли охотников и гонцов.

3 июля. Ночь была полуясная с крепким северо-восточным ветром. Дышится легко, приятно. Духота, пыль, зной и кровопийцы остались словно во сне; словом, мы все чувствуем себя хорошо и просыпаемся с приятным чувством. Старик Иванов также немного пободрел. Уповаю на то, что десятидневный, крайне необходимый отдых в горах даст возможность отдохнуть всем нам, в особенности же поможет больному.

Не знаю, что выйдет, но мечтаю снарядить экскурсию в верхний пояс гор в целях ознакомления и коллектирования в области естествознания. Сегодня мы снарядимся, а завтра и отправимся. Препараторы проживут в горах дней 5–6. На бивуаке тем временем должна быть произведена тщательная оклейка и ремонтирование непрочных ящиков с хара-хотоскими археологическими сборами.

Я лично, пользуясь временем и любезностью местных властей, намерен написать в Россию несколько писем.

Сегодня в 9 часов утра, когда я сидел в юрте за занятием, вдруг над нашим жилищем послышался странный оглушительный, резкий шум; это был шум крыльев царственного пернатого хищника — орла, стремительно бросившегося с высоты прелестного голубого неба вниз, на поросшую дэрэсуном площадь, где прыгал маленький суслик. Насколько только было возможно, я тотчас, схватив ружье, всегда наготове висевшее в жилище, побежал по дэрэсуну и увидел хищника, гордо поднявшего от земли голову. Выстрелом (из ружья дробью № 1) из двустволки Devism²³⁶ я положил хищника на месте, рядом с трупом суслика (лежали оба — и друг, и недруг). Через час, там же в высоте лазури появился другой орел, из неделимой пары, но был слишком строг и осмотрителен, скоро исчез.

Вечером, трое моих спутников, назначенных в экскурсию в горы, старательно доканчивали снаряжение, брали с собою палатку, запасной брезент, продовольствие, охотничьи и ботанические с энтомологическими приспособления и принадлежности и прочее, словом «снаряжались на несколько дней в горы». Поздними сумерками явились и лошади, и проводники.

4 июля. Лагерь проснулся с зарею. Мы быстро выпили по несколько чашек горячего чая, любители дзамбы не отказали себе в удовольствии замесить этого местного — азиатского кушанья чашку-другую, подкрепиться. В половину 5-го часа мы уже в пути вверх по ущелью... Утро серое, прохладное. Сытые, бойкие лошадки быстро подвигаются вперед. Наша компания порядочная:

я, Четыркин, Мадаев, Демиденко, Гомбо и два монгола; с нами две вьючные лошади — семь человек и девять коней.

Проезжаем мимо кочевников, у их жилищ; монголы с любопытством поглядывают на нас. Из одной юрты выходит девица, берет одного проводника лошадь под узцы и ведет к ее жилищу, тот (т. е. проводник) молчаливо передает вьючную лошадь казаку и замечает: «Сейчас догоню вас».

Мы двигаемся дальше — вступаем в более узкое, глубокое ущелье. Справа и слева подошли массивные скалы, скалы также вырастают. Растительность улучшается, появляются зверьки и птички — горные представители. Сзади топот копыт — то быстро мчится отставший проводник; он, улыбаясь, докладывает, что, забыв чашку дома, он выпросил таковую у своей знакомой семьи. Мы все глаза вперяем в приближающиеся горы. Вот у одной скалы показались янгир-яма (*Saiga sibirica*) [Сибирские горные козлы], быстро, впрочем, исчезнувшие. Немного раньше, слева, промелькнула лисица. Там гордо несется в небесах орел-беркут, вблизи беззаботно резвятся вьюрки, чечетки, чекканы. Лошади тяжело дышат; подъем крутой; виден перевал — мягкий, зеленый. Препаратор растений давно отстал; он тихо едет с опущенной вниз головой, старательно наблюдая за растениями. А вот и вершина перевала Хурдэн-дабан, до которой от нашей стоянки оказалось 8 верст.

Чудный, необычайно широкий вид открылся к югу и нашему северу, на другую сторону, откуда золотые облака глядят удивительно нарядными, и под которыми еще шире открывалась даль центрально-монгольской равнины. На обе стороны круто сбегали ущелья, обставленные темно-красными скалами, которые еще более живописно вставали одна на другую по гребню хребта. Последний не широк, но несет общий характер гор. И там, и там в бинокль усматривались стойбища монголов и бродил их скот: бараны, сарлоки, лошади. Навстречу нам раздались первые голоса алтайских улларов, которым словно вторила кукушка своим монотонным «ку-ку». Вблизи стрелою пронеслись стрижи, с камня на камень переместились две краснохвостки (*R[uticilla] rufiventris*). С запада на восток словно плыли в воздухе без взмаха крыльев царственные пернатые — пара ягнятников, следовавших друг за другом. У нижних скал коршун ссорился с подорликом. Просто не хотелось расстаться с вершиной перевала; но... следовать нужно вниз — еще две версты через боковой отрог — и вы уже в голове источника Улоцзырга, где и располагается бивуаком.

Кругом скалы, скалы и скалы, между которыми зеленые лужайки поднимаются и опускаются — выше и ниже вас. За гребешком невысокого увала, по соседству, юрта монголов — две престарелых монахини-шибганцзы со скотом.

Мы быстро располагаемся, устраиваемся, пьем чай и уж теперь непременно все съедаем по чашке дзамбы и отправляемся экскурсировать. Я опять на вершину хребта, опять вижу яманов, слышу улларов, погода портится, мешает охоте и гонит на бивуак. Позже свинцовые тучи обложили все небо, и пошел мелкий «осенний» дождик вечер, всю ночь, все утро... и я простился со спутниками — укатил на главный лагерь, в сопровождении постоянно следовавшего со мною казака Гомбожапа Бадмажапова и одного из проводников. Дождь не переставал все время. На бивуаке, как дома, все благополучно. Здесь, по обыкновению, сожалеем, что дождь явился нежеланным нашим спутником.

Барометр упал на пять делений, к полудню дождь приостановился, а к трем-четырем часам стало показываться и солнце, пошел гулять крепкий северо-северо-западный ветер, облака и тучи носятся по небу. Словом, полная метеорологическая неурядица, но просвет ласкает человека.

Итак, вероятно, проживем в горах в общей сложности до двух недель с переходами к северной окраине их, в урочище Цаган-тологой, откуда уже, числа 16–17 караван направится к северу. Там последний рейс — будем отмерять [путь] и отсчитывать ежедневно [время].

Дунду-сайхан, как и вообще все горы, вся группа Гурбун-сайхан, населена в большей или меньшей степени следующими представителями маммологической фауны: в большем количестве, чаще других, здесь встречаются горные козлы (*Capra sibirica*), которые собираются в стада от 10 до 15–20 и даже больше голов; значительно реже аргали, бродящий в одиночку, в 2–3 штуки, не более; у окраин гор, по предгорьям, можно встретить забегающие с долин боро-цзере (*Antilope subgutturosa*); из грызунов же — зайцы, пищухи (скальные и степные), суслики; что же касается до хищников, то больше всего здесь волков, беспокоящих стада кочевников; кроме того встречаются лисицы, хорьки и как редкость ирбис, по-видимому, низкий на ногах, китайский барс или даже пятнистый леопард.

6 июля. Ночь облачная, временами мрачная от скопления темных густых туч, бросавших на землю отдельные крупные капли дождя. Утро полуясное, свежее; северный крепкий ветер дует безостановочно. Тучи ушли, исчезли с небосклона; за исключением гор, над вершинами которых все еще лежит кучевое облако, вытянувшееся вдоль гребня.

Надо позаботиться просушкой растений и препарированием птиц, а затем пора засесть и за писание донесений на родину. Пишу под шум крепкого ветра и несмолкаемых утренних голосов пустынников-бульдуруков (*Syrh[aptes] paradoxus*), с шумом бури проносившихся через лагерь.

Сегодня, в 10 часов утра явился ко мне с визитом и приветственными хадаками от князя и ст[арой] вдовствующей княгини их поверенный в делах и фактический их исполнитель — зять Балдын-цзасака Лобсан-даши, мой старый знакомый. Как водится, от княжеского двора были присланы также и дары местной природы — съедомое: пенки, сыр, молочное вино (айрик). Помимо хадака княгиня, вероятно, еще хорошо ценя мои прежние подарки, прислала мне, в свою очередь, на память тамахэн-саба²³⁷, для ношения на пояс с табакеркой и часами. Лобсан-даши повторил обычные уверения в дружбе, сожаление княжеской семьи об обстоятельствах, мешающих свиданию и пребыванию моему с экспедицией в их лагере. Вспомнили оба наше прежнее свидание, нашу дорогу на Эцзин и проч. Ловкий Лобсан дипломатически выговорил оставить князю право на владение теми вещами и принадлежностями к ружью, в обмен на которые князь согласно договору должен был приготовить к моему этому приезду свое старинное монгольское ружье. Кажется, все-таки вместо ружья привезет что-то.

На этом обещании мы и расстались впредь до нового свидания, имеющего произойти на днях.

Барометр пошел вверх — погода улучшается. Горы до верхнего пояса включительно (до гребня) открыты и блещут своими изумрудными пастбищами,

на которых особенно резко выделяются краснобурые скалы, от которых в утренние и вечерние часы красиво ложатся тени.

Как превосходен, как поэтичен был вечер сегодня; прозрачный воздух, огненно-лиловая дымка, с бóльшею или меньшею интенсивностью налегавшая на обращенные к нам склоны гор... торжественная тишина и необычайная рельефность очертаний гор — все в сумме производило обаяние природы, повышенность жизнерадостности и других душевных ощущений. Молодая Луна и яркий блеск планет придают вечеру еще большее поэтическое очарование.

7 июля. Утро также тихое, превосходное; горы видны во всей красе. В лагере идет обычная жизнь: кто чинит одежду, кто моет белье. Иванов с двумя казаками сушит в дорогу мясо и ворчит на коршунов. Беру ружье и снимаю одного хищника с высоты; прочие разлетаются в стороны. Выкладываю на просушку растения. Фотографирую горы Дунду-сайхан. Все остальное время сижу за писанием официальных писем в Петербург — в Генеральный штаб, Географическое общество, Академию наук, и в Москву — Анучину. Надеюсь, эти сообщения с дороги последние. Останется лишь одно — приятное беседование с домом. Эти дни я даже не читаю, к тому же вечера уходят на излавливание звездочек для определения географических координат этого пункта, в частности, и вообще положения массива.

По временам к нам являются всадники-монголы с батиками²³⁸ — пастухи лошадей. Небо то дает солнцу обливать нас яркими лучами, то скрывает нас кучевыми, нередко фигурными облаками от этого дневного светила, когда становится прохладнее. К вечеру же облака совершенно очищают небесный свод. Вся окрестность залита ярким светом. Порывистый ветер стихает и настает вновь обычная торжественная тишина. Труба поставлена давно. Возшел молодой серп Луны, вернее, появился наблюдатель. Замигали прочие планеты и звезды. Вот снизу объявилась звездочка, но еще вопрос, покроет ли ее Луна или нет? Дежурим до 10 часов — напрасно: звездочка прошла мимо.

Наши «горняки» что-то молчат. Сегодня я окончил четвертое официальное письмо (1-е — [в] Генер[альный] штаб, 2-е — [в] Импер[аторскую] Академию наук, 3-е — в Географическое общество и 4-е — Д.Н. Анучину). Затем написал часть письма жене. Беседа с домом доставляет мне лучшие, приятные минуты; так бы и писал без конца. Но как все-таки тяжело самому не получать так долго, в течение целых полугода, известий! А может быть, мчится в экспедицию гонец!

8 июля. Почти весь день я писал официальные донесения, письма; и не столько писал, даже и не писал, а перечитывал, просматривал и складывал в конверты. Это писание последнее, останется переписка только с домом. Погода стоит дивная — ясная, теплая, но не жаркая. Тишина в воздухе, тихо и кругом в окрестностях бивуака. Мы одиноки. И это обстоятельство порою доставляет великое благо. Даже наши подводчики нас оставили: их верблюды нуждаются в другом, нежели здесь, корме и они, поэтому, откочевали к равнине. Собака наша Лянга привыкла к караванным животным, скучает по ним.

9 июля. Дни бегут однообразной чередой. Наша продолжительная стоянка последняя. Отсюда 14 августа перенесемся на пл[ато] Ханцагайта, и, прожив там дня два, пустимся к родному северу. Как приятно произнести эту фразу, а еще приятнее ее переживать и исполнять в действительности.

Сегодня, наконец, откликнулись наши «горняки». Они добыли: до сотни номеров растений, несколько видов птиц, в том числе и пару алтайских уларов. Из зверей добыт пока горный козел — самец и несколько пищух с интересной белой особенностью, впрочем, единичной. Сегодня же проводывал наш Лярген-подводчик, а цзасак — молодой князь прислал мне в подарок из вещей, принадлежавших его отцу, чехол на табакерку.

Днем, в особенности после полудня, скопилась масса облаков, которые бросают на зеленые склоны горы красивую тень. Скаты гор, не затененные, выглядят очень контрастно и в то же время еще более красиво. Вечером густая облачность.

10 июля. Отличная погода сменилась облачной; воздух теплый, душный. Давно не было западного ветра; сегодня он принес в 3 часа дождь, падавший крупными каплями в течение четверти часа. Зелень растет быстро.

По мере того, как приближается время отхода экспедиции домой, туземцы лучше и лучше к нам относятся. Безбоязненно стали приходиться на бивуак и приносить местную хлеб-соль — молочные продукты. Хорошие отношения туземцев к экспедиции мне очень нравятся. Нас навещают также наши старые знакомые, которые приходят с гостинцами, но зато и уходят от нас также с денежными отдарками. Туземцам, конечно, выгодно, да и нам хорошо. Эти монголы напоминают обитателей Халхи, с которыми у них общие и манеры, и одежда, и удаль. Тип также один. Жилище и обстановка неотличимы.

Сегодня, между прочим, нам удалось приобрести от обедневших монголов бурханов, очень интересную книгу и прочие мелочи. У них же приобретены и две табакерки, несколько иного типа, нежели прежние. Как и у нас: одни монголы проживаются, другие наоборот. Китайцы, ссужающие монголов, затем слетаются, словно грифы и подолгу живут, выколачивая долги. Берут, главным образом, натурой: барана по лану, лошадь, верблюда также за бесценнок, уверяя, что долго ждал, мол, выросли проценты, и многое другое в этом роде.

Погода прежняя — сплошь облачная, но теплая. В семь часов вечера мы были несказанно обрадованы: к нам прискакал гонец из Урги с почтой, с письмами и газетами. К сожалению, наши пекинские письма все еще не вернулись в Ургу и нам очень досадно не получить их в конце нашего путешествия.

Не знаю, почему посольство не распорядилось к обратному отправлению в Ургу нашей корреспонденции, как я о том просил это русское учреждение в Китае? Мы получили через посредство Урги только лишь те немногие письма, которые были отправлены на ургинский адрес.

Лично я получил последних два письма от жены: майское из Москвы и июньское из Карлсбада. Оба письма с печальными известиями — наш дорогой сын болен, болен опасно. Пришлось мальчику наложить гипсовый корсет, везти на берег моря, где много фосфора, пропустить учебный год, зимы проводить в Крыму и прочее²³⁹. Все это сильно расстроило мою жену и передалось, конечно, мне. Жена превратилась в сестру милосердия — утомляется и физически, и нравственно. Нечего говорить, какой отдых в семье ожидает и меня, всюю силою стремившегося и продолжающего стремиться домой, к своему родному очагу. Жена пишет о возможности ее отъезда еще раньше моего возвращения из путешествия. Только этого не доставало. В написанных домой письмах

пришлось прибавить много — столько же, если не больше. Словом, наконец, установить связь. В письме грустном, всегда тонут радостные сообщения, как например — прелестные полторы страницы описания нашей дочурки. Эта приятная резвушка, по-прежнему радует нас. Ранней же весной жена отлично прокатилась по Западной Европе. Но не суждено ей хорошо запечатлеть приятные ощущения, сменившиеся печалью дома.

Теперь о караване. Напалков извещает, что прибыли благополучно, доносит о коллекциях, но умалчивает о том, что подмочили геологическую коллекцию, о чем я узнаю из письма Давыденкова, который пишет, что ограничились поверхностной просушкой, а потом отправили в Россию.

Напалков, между прочим, пишет: «В начале июня через Ургу, по направлению на Кобдо, проследовала французская экспедиция. Цель экспедиции — раскопки города Хара-Хото». Вот, мое предсказание и сбылось. Я говорил моим спутникам: «Смотрите, еще мы не окончим нашего путешествия, как узнаем, что иностранцы уже идут в нами открытую столицу тангутского царства». Невольно вспоминаю с великой благодарностью моего искреннего друга Александра Васильевича Григорьева, вовремя подсказавшего мне променять Сычуань на мое детище, Хара-Хото!

Так как конверты не были закрыты ни в отчетах, ни в частных письмах, то мне пришлось сделать добавление всюду. И сейчас же вытребовать своих «горняков», чтобы собираться в дорогу.

Интересное письмо от доброжелательного ко мне Я.П. Шишмарева, который, помимо выражения радости по поводу моего скорого возвращения в Ургу и приглашения в консульство, обстоятельно, хотя и конспективно, знакомит меня с событиями цивилизованного мира. Газеты пока откладываются в сторону.

11 июля. Приближение границы сказывается — родным повеяло на нас. Вести с родины воскресили все родное: сердце забилось по-прежнему, голова наполнилась думами о родном-близком. К тому же, сегодня день именин нашей славной дочки — нашей милой Олюшки. Я весь ушел на родину. Здесь, в экспедиции, мой автомат. Я, положительно машинально пишу, думаю, занимаюсь. Готовлю корреспонденцию; воспользуюсь гонцом-монголом, отправлю с ним корреспонденцию. Ведь наш пакет быстро, через неделю, уже будет доставлен к точке культурного отправления. У нас с миром уже устанавливается тесная связь. Ведь еще какой-нибудь месяц и путешествию конец — прибудем на границу.

Окончил почту. Возвращаются наши «горняки», добывшие около ста номеров растений, десятка полтора птиц и несколько штук шкурок грызунов. Энтомологические сборы бедны и в общем, и в частности. А ведь какие приветливые горы, какие богатые луговые скаты — и верхний, и средний пояса; нижний — дернистый. Самый приветливый — верхний; он же и самый красивый, самый богатый скалами, то закругленными, то торчащими, в одиночку, группами — и все с преобладающей коричневой окраской кремнистых пород, гранит редкость и внизу — включениями.

По растительности животная жизнь бедна.

Вечером подзываю к себе гонца и с ним советуясь: могут ли нам еще прислать почту и как надо просить?! Тут же сдаю ему наш пакет, чтобы гонец имел

возможность выехать 12 июля рано. С гонцом, помимо писем, шлем мысленно привет в русскую колонию.

12 июля. Полуясное утро; еще в постели. Солнце лишь озарило небосклон. Я слышу топот копыт всадников. То наши гонцы (ургинец и ямщик) в карьер понеслись вверх по ущелью Улан-булак. Интересно, во сколько дней гонец добежит до Урги? Прощаясь, он уверял, что в шесть дней, так как теперь он не будет напрасно тратить время на розыски и кривые, которые пришлось ему описать в Гурбун-сайхан в переднее следование к нам. Он теперь далеко. Письмо попадет в руки жены, когда я выступлю к отечественной границе, к Кяхте.

Итак, звездочка не поймана. Придется удовлетвориться первоначальным пунктом. Тем не менее, в память о пребывании нашей экспедиции мы устроили при Улан-бульке каменное обо.

Сегодня явились наши верблюды и лошади. Последние все это время были на монастырских пастбищах. Лошадей своих теперь мы подковали.

Тем временем, накануне нашего выступления нас осаждают бедные монголы и с предложением продать что-нибудь, и с просьбой подарить им серебра. Управление отправило гонца с уведомлением соседа Тушету-гуна о нашем выступлении в дорогу.

Соседям пастухам дарим большого барана, прочим — серебро, крупы и другое. Тучи мешают приготовить багаж в походном порядке. В силу этого обстоятельства назначены сборы на завтра, а через это и нежелательное позднее выступление. Позднее вечернее посещение старика-монгола, у которого живет китаец-купец в ожидании долга, как у себя дома.

13 июля. С раннего утра лагерь на ногах, все ожило, все в хлопотах; появились монголы. К 7 часам утра караван готов и мы в пути. Нас ведет монгол Агван, видимо обстоятельный проводник. Вначале держимся восточно-юго-восточного направления, позднее восточного и затем должного — северо-восточного. Миновали три лога, четвертый повел на мягкий луговой перевал Охин-кутэль, около 7200! Перед нами восточное окончание массива Дунду-сайхан, несшего прежний мягкий характер с выходами или скалами темной или темно-коричневой окраски.

На перевале постояли около 20 минут, определили высоту. У подножий, при входе в ущелье крутых гор, белели стада баранов. Спускаемся через щелевое отверстие, на севере открывается равнинная даль, подернутая сухим туманом. Вырисовывается горка Аргалинтэ. Спуск напоминает подъем. Мягкие очертания гор еще более выглядят или придают мягкости зелению, хотя по словам проводника, нынче лето не из важных, а скорее бедных — по пышности луговой растител[ьности]. Агван же нам указал и на ядовитый злак — высокую траву, растущую пучками. От нее лошади серьезно заболевают и даже погибают.

На последних водах чудного источника Ханцагайта мы расположились би-ваком <...>. Близ отстоящее урочище Цаган-тологой было безводно. Жители ютились в стороне, судя по стадам, видневшимся там и там в горах. Гербарий пополнился десятками 1½–2 видов растений. Из птиц встречаются прежние, пропущены *Tichodr[oma] muraria*, каменный голубь, монотонно воркующий (интересный *Emberiza*) и немногие другие. Несмотря на шум насекомых в воздухе, сбор мал и однообразен. «Лиха беда начало. Даст Бог, пойдем скоро, успешно вперед к дому!». Места знакомые, изученные.

Следовало упомянуть о сарлоках, своим общим черно-мохнатым видом и хрюканием напугавших моего коня-торгоута, незнакомого с такими животными.

14 июля. Провели хорошо ночь в горах. Солнце осветило вершины, мы тронулись в путь, вскоре миновав урочище Цаган-тологой. Вышли из ущелья. Впереди обширный равнинный вид, словно морская зыбь. Далеко на севере выделяются зубчатые вершины Дэлгэр-хангая. Это в самой дали; вблизи же, на северо-востоке красиво блестела под лучами утреннего солнца поверхность озера-болота Бомботэн-нор, появляющегося периодически от более или менее обильных дождей. Восточнее Бомботэн-нора выделялись знакомые горки, словно островки, Хан-ула и Аргалинтэ.

Мы шли очень успешно по покатоности, сбегавшей от гор, в зоне богатых луговых пастбищ, значительно пышнее таковых южного подножья. Еще севернее, в области котловины, где шла большая дорога, уже владение Тушету-гуна, а, следовательно, [мы] в Халхе, в ее южной части. Здесь ютилось много кочевников со стадами баранов, верблюдов, коров и табунами коней. У юрт стояли на привязи кобылицы: кумыс во всем ходу!

Еще через час — мы вступили в урочище Манин-байшэн с родниковой водой, окаймленной дэрэсуном. Здесь самое большое понижение — *<слово пропущено>* футов. Восемь лет тому назад в этом урочище виднелась одна глинобитная (кирпич-сыр[ец]) постройка, нынче десять; строители — китайцы Шансийской провинции. Летом здесь происходит молебен, собрание окрестных обитателей на праздник; тогда же происходят и бега, и увеселения, и прочие развлечения номадов.

После обеда мы выступили вновь немного позднее 3 часов и шли до сгущенных сумерек. Местность — частью долина, частью перепутанные холмы, с заключенным между ними рядом поперечных русл, в это время стоявших без воды, но с прилежащими порядочными пастбищами. Кочевники виднелись то там, то здесь. Наступила вновь жаркая, знойная погода. Прежняя истома налицо. Правда по утрам и вечерам еще дышится легко, но днем болезненно тяжело — не знаешь где деться.

Вечером чудная заря: картинно лежало золотисто-пурпуровое облачко, изменявшее свое красивое очертание с каждой минутой. Налегли сумерки, ветер потянул с востока, мы подходим к урочищу Хонгор-обо. Показалась выдающаяся «седлообразная» горка, памятная мне по минувшему путешествию. При этом урочище мы тогда встретили молодую паломницу с ребенком и в сопровождении ламы.

В вечернем воздухе было приятно, все смолкало. Сарыч беззвучно переместился с дороги западнее в холмы. Сокол гордо, быстро несется за больдуруком, как вчера темный *<слово неразборчиво>* сарыч, еще в горах Гурбан-сайхан, гнался за серым орлом: догнал и задел сверху, противник перевернулся на бок, колесом продолжая путь.

Мы ночевали без палаток. Легли при ярко светившимся небе, при Луне и звездах; проснулись при отблеске зари и золотистых перистых облаках.

15 июля. Я здесь, в пустыне своей телесной формой; душевный мир мой давно слетел в обитель семьи: сегодня мой Володя, наш бедный страдалец, именин-

ник. Все в доме, на берегу моря меня вспоминают много-много раз. Лети же, мое горячее сочувственное участие и дай память обо мне!

Проснулись рано, но выступили не так рано, как предполагали — разыскивали отошедших лошадей.

Миновали знакомый колодец. Пошла обширная равнина, повышенная. Боро-цзере одиночки и огромное стадо цаган-цзере или антилоп монгольских. В стороне, 15 верст от дороги, 5—8 [верст] на запад, монастырь Цаган-субурган-хурул с монахами до ста человек, с колодезной водой. Ну и место выбрано «со-зерцателями»!

По дороге встретили двух китайцев с верблюдом, скарбом и прочим богатством — неб[ольшим] стадом ям[анов] и бар[анов]. Приближаясь к колодцу и «пустынным» высотам Уйцзин-уха, появились обитатели и стада. Жар томит; в воздухе +36 °С. Порывы ветра причиняют хлопоты.

Колодец отличный, воды много — холодная, прозрачная.

Отдыхаем, обедаем и думаем о дороге новой.

Послеобеденный переход вышел отличный: набежали облака и подувал ветер с северо-востока; мы совершенно незаметным образом сделали еще 19 верст, что в сумме составило 50 верст. По этому поводу проводник заметил: «Если так быстро пойдете, то в 7—8 дней будете в Урге». Действительно, идем хорошо, к дому, помогает особенное чувство. Невольно взираем на карту с желанием, чтобы расстояние сокращалось до границы родины. Гурбун-сайхан остается позади; с севера всплывают новые горы. Говорим о Дэлгэр-хангае.

Характер местности тот же: идем по хаосу — по головам обточенных, обглоданных атмосферными деятелями гранитов²⁴⁰. Высоты взьерошенных печальных коричневых пород порою отходили к востоку; у их подножий ряды русл, окаймленных тограками. Интересно, листва снизу, до роста поднят[ой] гол[овы] верблюда, словно обрезана — объедена этими животными. Печальные горы граничат с впадинами-долинами, а эти в свою очередь примыкают к пологим скатам, одетым, в большинстве случаев, пустынными травами, охотно поедаемыми верблюдами.

Расположились на ночевку в темноте, ошупью. Луна то пробивалась сквозь перистые облачка, то совершенно скрывалась кучевыми. Усталые, мы скоро заснули, вверяя охранение бивуака дежурному. В компании с нами ночуют трое монголов.

16 июля. В один прием прошли 35 верст. Поперечные горки сменялись долинками (промежуточными). Горы изглоданные, израненные атмосферными деятелями. Породы темные или бурые. По руслам — бордюры из дэрэсуна. Там и сям юрты, а вблизи этих жилищ верблюды или бараны. Этот переход я хорошо помню; помню также и то обстоятельство, что пересекая широкую долину, замечаешь странное явление: на востоке горы массивнее; нам их назвали: Хайрхан — вблизи и Алгой-хайрхан — вдаль; исходят из того же предрассудка не упоминать полностью название, чтобы не навлечь неприятностей и бед. Высоты с пометкой на моей 20-верстной карте в «Монголии и Каме». «Красные глины» составляют довольно высокое поднятие. С вершины «Путь по головам гранитов» — открылась широкая даль с Дэлгэр-хангаем. Довольно крутой спуск ведет по руслу на колодец Хуцэн-танда. Вправо высится горка Хуцэ. Пройденная

высота имеет значительное поднятие, прилежащий колодец — словно в котловине. Вокруг песчано-каменистый сай²⁴¹, в значительной степени способствующий накалению земли, ее поверхности. Вновь томимся от жара, духоты.

Зверей и птиц бедность; жуки, мухи и другие насекомые продолжают прибывать. Стараемся по возможности пополнять коллекции. В Гурбун-сайхане истратили на этнографию 80 лан.

Вечером на юго-западе была гроза. Яркие змееобразные молнии, мгновенно разрезали тучу в поперечном направлении. В то же время гроза была и на северо-востоке — на противоположной части небосклона. Эта туча здесь и разразилась; первая же, обойдя южный горизонт, направилась к востоку, но борясь с ветром, придвинулась к нам одним своим крылом и слегка покропила наш лагерь, произведя в нем маленькое возмущение — люди хотели было стаскивать вьюки... Но тем дело и кончилось, что только хотели.

17 июля. Опять пойдем двойными переходами; на Хуцэн-танда отдохнули. Выступаем, по обыкновению, очень рано. В следуемом нами направлении открывается широкая даль почти настоящей равнины, замыкаемой Дэлгэр-хангаем и его свитой. Эти горные гряды приближаются. Мы отмечаем расстояние едва заметными пригорками-волнами. Поверхность земли усыпана ровно или одинаково то мелким красноватым песчано-каменистым продуктом, то крупным, с примесью значительных обломков, среди которых встречались и куски лавы (ноздреватой или пузырчатой). Повсюду кругом низкорослый кустарничек карагана, по откосам, весьма пологим, пучками кипец, в жерлообразных руслах дэрэсун. Из зверей — неизменные антилопы харасульты, доверчиво к себе подпускающие, чем пользуются успешно наши охотники. Я близко наблюдаю стройных красавиц, видны даже их полные любопытства глаза, слышны всхрапывания зверя и чувствуешь, как он весь в напряжении — стоит лишь чем-нибудь проявить недоброжелательство к антилопам, как они, словно ужаленные, понесутся с быстротой ветра. Вот парочка этих зверей предавалась отдыху на окраине кормной долины. Но мы нарушили ее покой. Мать стремительными прыжками понеслась наперерез нашего пути; за ней не отставая, вытягиваясь во всю длину, мчалась малютка антилопа. В минуты две-три звери вне всякой опасности. Останавливаются, посматривают и опять несутся высокими прыжками. Изредка вспрыгнет заяц или просвистит пищуха. Из птиц попадают на глаза прежние: коршун, рогатый жаворонок, жаворонок полевой или так называемый чилийский, и неизменные больдуруки. Там и сям на вершинках грив темнеют хищники: сарычи, сокола, реже орлы; последние, равно и грифы, чаще выдают себя в голубой выси неба. У ног путника шныряют ящерицы — то плоскоголовые, то остромордые *Eremias Przew[alskii]* etc.

Лошади наши ступают ходко. Продвинувшись обыкновенно вперед каравана, выберешь местечко с лучшим кормом и остановишься, дашь возм[ожность] лошадям пощипать травки. Сам вооружишься биноклем и осматриваешь дали. С Гурбун-сайханом мы уже простились. За Хуцэн-танда пестрят красные глины, правильной грядой преграждавшие было нам путь.

Временно останавливаемся для отдыха — обеда. И опять в путь. Дэльгэр-хангай приближается; мы уже вступили в его свиту и пересекаем одну грядку за другою, то высшую, то низкую, то пустынную, то с прикрытием щетки ковыля.

Наконец русло Цаган-дэрэсун. Поднимаемся до его головы — источника Цаган-тологойн-усу и здесь, на прекрасной воде пристраиваемся на ночлег. Солнце уже спустилось за гряды гор. Запад горит еще румянцем. Окрестность тиха, даже слышно ржание коней, пасущихся на свободе, хотя, говорят, что здесь волков порядком. На открытой воде приютился одинокий куличок-песочник.

18 июля. Вот подходим к Дэльгэр-хангаю, местность повышается. Издали отливает кипцом²⁴², больше прежнего. Проторенная дорога змеится то по низинам, то перерезая высоты. Дэльгэр-хангай — печальный: оголенный, темный или бурый. Мы подходим к его восточной окраине; я даже жертвую стекло²⁴³. С высоты открывается вид на озерко, на горы, на долины. Кое-где видны стада верблюдов, баранов; видны айлы — жилище кочевников. Словом, повторяются одни и те же картины монгольской серой, скромной, но оригинальной природы.

Останавливаемся здесь же, в урочище Цзыгыстэ, временно, чтобы потом пуститься вновь в путь, с каждым днем приближающий к родине. Мы так привыкли к тяжелым двойным переходам, что это стало для нас правилом. За все шесть истекших дней движения от Улан-булак экспедиция прошла более 240 верст, следовательно, свыше сорока верст, день в день. «Ничего», — скажет тот, кто сам хаживал в путешествиях.

Идти прекрасно, только пустынный жар донимает изрядно: томно, душно; солнце жжет мучительно. Мы облиты потом; энергия, как то я и замечал в Харакото, до крайности притупляется. Жарко и в Уйтэ, жарко было раньше, жарко будет, по словам проводников, и дальше, до самой Урги.

Местность стала видоизменяться, пошли мягкие долинно-волнистые очертания; поверхность вообще стала походить на зеленый ковер, в особенности издали. Мы шли проторенной дорогой 12 верст до колодца Цаган-хашита, здесь набрали воды и еще сделали семь верст, прежде, нежели расположиться в Уйтэ под широким открытым пологом неба. Лошадей кормили по ночам в ложбинах с хорошим кормом — дэрэсун.

С прихода, в особенности послеобеденного, усталые, мы быстро располагаемся на отдых спать, зная, что на завтра вновь с зарею должны пуститься дальше. Так было и теперь. Однако не прошла и полночь, как мы были разбужены монголами-гонцами, явившимися в наш лагерь с пакетом из Пекина, который направил его нам вослед через Балдын-цзасака.

Слово дежурного «Почта!» действует магически; сон сняло, как рукой. Распечатываем, распределяем письма от февраля и марта месяцев — ранние, в которых нас знакомят с событиями, давно минувшими, о чем многие уже успели позабыть, но для нас все ново. Может быть не все приятно — это верно, но ново, ново и ново. Январские газеты также доставили новости. В них («Рус[ские] Вед[омости]») целиком напечатана моя статья о К[уку]-н[оре]²⁴⁴. Пока знакомимся со всем присланным, приходит обычное время 2½ часа ночи и дежурный поднимает лагерь.

19 июля. Я положительно качаюсь в седле и сию здесь лишь формой; вся моя мыслительная способность ушла на родину. Столько чувствуется, столько переживается. Обещанных весточек из-за границы нет. А сколько мне их случилось! Эти строки надо показать при скором свидании, кому следует. Ждешь,

ждешь вестей из дома... и в них что же... Нет, надо скорее возвращаться, и возродить прежнее — счастливое, тихое, безмятежно-прекрасное.

Увалы — мягкие, зеленоватые, сопровождают на всем пути. Дали то развертываются, то временами преграждаются мягкими же холмами.

Большая торная дорога в Пекин обслуживается монголами. Юрты-станции, до десяти которых виднелось невдалеке, к северо-западу. Грунт то тверд, то мягко-хрящеватый шел все время перехода, кстати сказать, очень для меня утомительного, спать хотелось смертельно.

На колодце Орцик мы имели привал. Здесь происходили перебранки у моих казаков «со злой монголкой», протестовавшей против того, чтобы мы брали воду. Злая бабенка только и говорила: «Моему скоту нечего пить!». Она неистовствовала, кричала; на ее злые протесты посмеивались даже ее собратья, монголы, говорившие, что они также боятся открыто брать воду, на них эта женщина также кричит; во избежание неприятностей — монголы приезжают за водой втихомолку, по ночам.

Про местность положительно нечего сказать — характер тот же, что упоминался выше. Ночуем в Дэрэсун-гашуне, отличном кормном месте. Караван прибыл сюда в сумерках, но благодаря Луне было довольно светло. Ветер продолжал дуть крепкий, с заката солнца в тучу. В полночь упало несколько капель дождя. Луна то пряталась, то снова выплывала и светила ярко.

20 июля. В этот день силится пройти порядочно, так, как с Хара-тологойнын-нор, затем можно будет разделить остальное расстояние на пять дней. Местность и время вполне благоприятствуют — немного лишь жарко, но мы привыкли, хотя это обстоятельство и сильно изнуряет.

Жители группируются в окрестности колодцев, где пасется и их скот, в 10—12 часов пригоняемый на водопой. Колодцы в большинстве случаев содержатся грязно, плохо. Животные пьют и тут же производят отправления; нечистоты частенько сбегают даже в колодезь; почва пропитана ими и издали издает известный запах.

Кучин — два колодца: западный — хороший, а восточный — горький. Воды в избытке. Жителей порядочно; они являются на наш бивуак в качестве скромных жителей.

Ввиду большого расстояния до вечерней остановки, до урочища Хара-тологойнын-нор, мы должны были спешить отходом и отправлением обеда. У всех, даже у подводчиков, общее чутье и желание — скорее добраться до места обещанного. Тем не менее, иногда случаются сюрпризы, так например, сегодня. Люди отобедали, позабыв оставить обеденную порцию старому (второй раз идущему) моему спутнику, препаратору Мадаеву, сидевшему за сниманием шкуры с орленка. Меня это возмутило, и я наказал дежурством двух гренадер «старого и малого» (Иванова и Санакоева). В другом случае я простил бы им, но, помня хара-хотоский гонор с Ивановым во главе, покарал.

Итак, вновь идем и идем успешно. Многие из переходов мне настолько памятны, что я живо переживаю прошлое. По широко-волнистой луговой поверхности земли караван плывет словно корабль. В начале перехода мы все поднимаемся к вершине Цаган-обо; вторую половину спускаемся. В общем, безлюдно, но зато в глубине долин встречаются огромные, многочисленные, в несколько

сот голов стада цаган-цзере, краснеющие на фоне обрывов. Как различна повадка двух сестер антилоп: цаган-цзере и боро-цзере! Первая — всегда в массе, вторая — в малых группах и даже одиночками. Изредка начали показываться и степные курицы — дрофы; сама местность из пустыни превращ[ается] поступ[енно] в степь.

Впереди открылась долина. Всмотревшись, различаю то местечко, тот мыс, где моя Тибетская экспедиция восемь лет тому назад получила почту, и мысль невольно унеслась и в прошлое, и в предстоящее будущее. Прошло с тех пор восемь лет, а все минувшее я помню живо. Тогда была холодная осень; нас встречали юрты, монголы. Ныне летнее тепло, и мы здесь одиноки. Корм всюду отличный.

21 июля. Ввиду того, что верблюды начали уставать, потребовалось устроить отдых или ограничиться одним переходом до Чжаргалантэ. Для нас и это отдых. Сегодня (как и следующие дни) мы видели массовое скопление цаган-цзере; рядом с этой антилопой появились степные курицы.

Не знаю, почему с этого дня меня особенно мучает самочувствие; кажется, душа и сердце разрываются и хотят вон куда-то. Правда, страшно тяжело, не знаю почему. Семья, дом не сходит с мыслей. Сожалею до глубины души неполучение жениных, особенно дорогих для меня, обещанных ею заграничных весточек (с открытками). Уверен, конечно, что открытки всякого рода ею приобретались для собственных воспоминаний и для рассылки. Открытки, вероятно, получались детьми, мамашею и, может быть, коими другими. Но где же мои милые, восторженные женины весточки? Надо навести справку и их непременно получить. Куда они высылались? Ведь я не могу и допустить мысли, что они не высылались; да этого не могло и случиться. Ведь жена лучше всех понимает, насколько для меня должно быть интересно ее впечатление, ее нравственный, душевный подъем. Только под впечатлением и приятно выражать мысли. Ведь это первое путешествие моей жены за границу, куда она так стремилась и куда уехала в мое отсутствие из России. Как высок был подъем души моей, как я следил, с нетерпением ожидая, путешествуя среди страны дикой, вестей от жены, путешествующей на западе среди чудной природы, среди культурного человечества! Особенно приятны и ценны сведения из самого путешествия, особенно с дороги. Чувствуешь и понимаешь чувства писателя-наблюдателя. Но пройдет известное время, переместится путешественник в иную, прежнюю, обстановку, описание получится иное. Я же не могу быть удовлетворен месячным странствованием жены, изложенным мне на 2—3 страничках конспектом! Нет даже ни одного вида. Понимая это, я, со своей стороны, высылал жене открытки-снимки, как не делал этого ни в [Географическое] общество, ни в Генеральный штаб. И писал также всякий раз, когда только намечалась почта. Может быть, попадут эти строки моей жене на прочтение. Поймет, прочувствует.

После полудня пошел дождь, продолжавшийся не только всю ночь, но и утро следующего дня. Во всех отношениях приближается родина!

22 июля. Несмотря на то, что выступили в путь по случаю дождя позже, все-таки в этот день прошли двойным переходом 47 верст. Равнинный характер постепенно переходит в горный. Мы словно идем в невод — в заграждение гор. Справа, с востока, вытянулись характерные горы Ара-уртэ, сложенные

из красноватой породы, вероятно гранита, торчащего то в виде скал, то лежащего матрацами. Скалы, пики, матрацы чередуются со свежей зеленью лугов, пышным ковром сбегающих по скатам в равнину-долину. От этих гор несется русла: Бага-атацик и Ихэ-атацик с особенно пышными луговыми высокими травами. На первом русле замечена даже болотистая речонка.

Здесь мы видели двух монголов, странно державших себя, — не подъехавших к нам даже на приглашение.

Проходя на север, мы любовались близкими (на востоке) и отдаленными (на северо-западе) горами. Растительность улучшалась с каждым днем; уже давно пустыня заменилась степью. И в этом отношении вспоминаешь родину! Появилось много жителей и их стад. Много и тарабаганов: они стоят свечками, громко свистят — искушают пострелять в них. Мал зверь, но крепок на рану, к тому же близость норы всегда дает возможность тарабагану убежать в жилище.

Сегодня вечером, между прочим, мне удалось отправить письма, полученные из России, Напалкову, при записке, извещающей о нашем форсированном марше. Через день товарищ, вероятно, узнает о нас и будет ждать появления экспедиции в Урге, которую он уже хорошо узнал.

Нетерпение, желание попасть в Ургу необычайно высоко! Кажется, не дождешься этого благословенного часа, того часа, в который окончится это мое путешествие!

Густые свинцовые тучи обложили небо кругом, в особенности на юго-востоке, где, то и дело, постукивает гром и сверкает молния. Сумерки сменились густою темнотою ночи.

23 июля. Низко опустившиеся тучи вселяли сомнение в выступление каравана. Однако выступили и шли всю половину дневного перехода словно с завязанными глазами. Облака все скрывали. Странное совпадение: в прошлый раз был свирепый снежный буран, тоже все закрывший. В этот раз насмехается ненастье, тучи и прочее. А какие красивые горы, складки гранитов, как хотелось бы все это фотографировать, увековечить! Мало желать, надо иметь возможность выполнить желание, надо также, конечно, и уметь. Еще вчера караван вступил на большую дорогу и ею следовал. Сегодня с вершины перевала уходили, в свою очередь, две дороги: наша и западная — прямая через Гурбун-сайхан (Барун, мимо восточной окраины Нойон-богдо) на Эцзин-гол. Жителей много; скотом богаты. У гор Хайрхан — деревянные кладовые, охраняемые бедняками.

Чудная гора; особенно свойство кладки серых крупно[ернистых] гранитов. У подножья ильмы, еще ниже превосходный родник, содержащийся небрежно. Не могут монголы быть «человеками», а лишь грязными скотами.

Вчера, в особенности же сегодня, подле дороги много дроф, табуны которых были до ста особей, а иногда и того более. Сколько ни силился я сфотографировать красивый в общих очертаниях Хайрхан — напрасно. Облака густели больше и больше.

В 2½ часа дня пошли. Гром на севере грохотал сильно; оттуда развевалась темно-синяя мрачная туча, которая через час нашего движения стала посыпать нас крупным ливнем. Тем не менее, мы свое исполнили: сделали переход в 21 версту, придя на колодец Аршанда. Травы пастбищные превосходные. Там и сям обитатели. У Аршанда проживали бедняки.

Недавний зной, словно во сне, крайняя сухость также. Безоблачное небо миновало, облака, дождь и роса.

24 июля. Солнце выглянуло в то время, когда караван прошел три с лишком версты. Выглянуло, и скрылось обильным туманом, поднявшимся со дна долины. Мы шли в утренние часы ощупью, и лишь в 8 часов солнце осветило и согрело; согрело и открыло отрог, по которому убегала наша дорога. Мы поднялись на последний, ближайший к долине увал, откуда открылась во всей прелести обширная долина Шархай-хундэ — давно, с первого путешествия, памятная мне. По диагонали убегал наш путь, змеей лежавший на изумрудной площади. Там высился хребет Гангын-дабан с перевалом этого имени. Памятна и щель и падь, ведущая на вершину последнего значительного перевала через горы. Привольные пастбища в Шархай-хундэ берегутся; до сего времени девственны. Мы наблюдали одних лишь антилоп (*Ant[ilope] gutturosa*), да множество сарычей, караулящих многочисленных *Lagomys*'ов.

Приближаясь к русской колонии в Монголии, чувствуешь нечто особенное. Люди, которых не видел 20 месяцев. Дикари остаются, цивилизов[анные] встретятся и будут скоро постоянными нашими объектами наблюдения. Говорю слово наставления ребятам, хочу подготовить к сознанию важности минуты вступления в среду себе подобных. Внушаю быть приличнее в выражениях, быть учтивее и сдержаннее во всем, почтительнее в отдании установл[енной] чести и толковых, порядочных ответов на вопросы соотечественников.

Я мысленно все дома, дома и дома.

После обеда начали вновь «мерить» расстояние. Кругом пышные девственные пастбища; кочевники эту долину берегут к зиме. Теперь они гнездятся в горах, окаймляющих долину. Нет и знакомого нашего Цэрэн-дорджи, кочующего вверх по реке Толе. Жизни почти незаметно; лишь кое-где, вдоль дороги, темнеют точками сарычи да серые орлы; изредка просвистят и сурки. Какой, однако, здесь был ливень! Травы примяты, по ложбинам вода, в оврагах остались следы глубоких потоков воды, вынесенной в долину. Гангэн-дабан приближается. Встречные путники из Урги, говорящие о высокой воде в Толе — результат ливней.

К закату солнца, караван приютился в горах, в ущелье, на кл[юче] Гангэн-дабан. С трудом удалось попоить лошадей. Вблизи стояла юрта бедняков, живущих за счет приношений проезжающих.

Усталые, мы все-таки энергично говорим о конце экспедиции. Люди также засыпая, лепечут о родине.

25 июля. Свежее утро, обильная роса; небо ясное, прозрачное; подле Луны краснеет Марс. В нашем соседстве ночевало два лагеря гурбун-сайханских монголов, возвращавшихся из Урги. В Ургу ездят, с одной стороны с целью помолиться, с другой — продать скот, и на вырученные деньги сделать всевозможные приобретения. Но на этот раз монголы ехали разочарованными. Пронеслась весть, будто бы в Урге поднялись цены на скот, так как покупают его русские; у русских вновь война. И конечно, монголы еще помнят живо японскую войну, когда они нажились от русских. Думали вновь загребать деньги. Но вышло наоборот — скот свой погнали обратно за 500—600 верст.

В утренних сумерках караван наш снялся и пошел вверх к перевалу. Монголы тоже снаряжались. Через почаса часа мы уже на вершине Гангэн-дабана,

определ[яем] барометр[ом] и на этот раз его высоту (около 5 300 футов абс[олютной] высоты). Еще только восток зардел пурпуром, как мы уже спускались по мягкому северному склону, также богатому пастбищами. Мягкая широкая дорога, в полном смысле колесная, ходко вела нас к долине Бугук-гола. Темно-синий силуэт Богдо-улы не выражал грандиозных очертаний и контрастностей — все сливалось в общий плоский массив.

Выкатилось солнце и стало порядком припекать нас. Дорога оживилась: то и дело попадались встречные монголы в ярких красных и желтых одеяниях. А вот и красный зонт изнеженного ламы, едущего из Урги. Многие останавливаются, заговаривают с нами, даже здороваются по-русски: «Здравствуй!». Эти люди нам отрадны. Они мило покуривают трубочки, обмениваются табакерками, гуторят и продолжают путь дальше. У всех мы спрашиваем об уровне Толы, задерживающей всех на переправе.

Глубокая долина Бугук приютила нас на несколько часов. Здесь травы еще пышнее. Всюду жизнь бьет, что называется, ключом, везде стада скота; везде лихо гарцуют монгольские всадники.

Сегодня я жду посланца из Урги с письмами и газетами. Дорога с гор, на север, извивается змейкой. Туда мы и направились. Поднялись на один кряж, потом на другой. С второстепенных увалов открывался вид на Толу, блестящую словно стекло. За рекою поднимались горы у урочища Сангиин — дачного места ургинцев.

Солнце спустилось довольно низко к горизонту и картинно играло лучами, разливавшими по монастырям северного монгольского молитвенного центра. Кровли храмов горели золотом, субурганы — ярким белым блеском. На северные горы спускалась лиловая поэтическая дымка. Безоблачное небо резко выделяло маленькие облачка, висевшие над вершинами гребня. Воздух был тих, спокоен, как спокойна и прилегающая окрестность. Стада баранов шли к жилищам; табуны с фырканием и ржанием перемещались на ночевку. В это время я, поднявшись на пер[евал] Мургулин-дабан, стоял подле обо и смотрел с удовольствием на Ургу.

Цель достигнута. Путешествие совершено. Я достиг русской колонии, выдвинутой в Монголию. Сколько пробежало чувств и мыслей всевозможных, не представить! С благоговением я долго всматривался в знакомый уголок монастыря. Гора Богдо-ула, казалось, дремала, но этим видом она будила много прежних воспоминаний. «Не пора ли спускаться вниз!», — слышался голос моего казака; я вышел из задумчивости и машинально стал следовать по крутому откосу на зеленую площадку, предназначенную для нашей стоянки — лагеря. Через полчаса прибыл и караван, также имевший остановку на несколько минут на перевале: монголы-подводчики совершали благодарственные молитвы.

Лагерь, последний перед Ургой, был поэтичен и благодаря превосходным пастбищам давал хорошее уголье нашим животным. Вот с резким топотом копыт пробежал табун коней, принадлежащих богдо-гегену. Позднее, за скрипели немазаные телеги монголов, везомые медленными шагами флегматичных волов.

Лагерь укладывался спать, как неожиданно прискакал к нам наш славный гонец, который из Гурбун-сайхан прискакал в Ургу в четыре дня. Теперь он

встречал меня с новым пакетом писем и любезным письмом-приглашением от консула зайти к нему всем отрядом в Сангине. Однако этому обстоятельству не суждено было осуществиться вследствие очень высокого уровня Толы.

Привезенные письма все деловые — от Академии наук и Географического общества. Под впечатлением всего этого я, конечно, не спал почти нисколько. Гонца отправили обратно.

26 июля (воскресенье) стало для нашей экспедиции знаменательным днем: мы оканчивали или почти оканчивали наше путешествие в пределах Монголии; мы вступали в русскую колонию. Лагерь пробудился очень скоро, очень рано. Караван завьючен также быстро, и мы пошли успешно. В 7 часов утра вступили на берег Толы, где уже кое-кто из монголов проезжих стоял и тревожно посматривал на разлив реки, на ее стремительное течение.

Подтянулись, наладились и при помощи монголов, припереправных, прошли вброд. Выюки, слава Богу, не подмочили. Вступив на правый берег, караван спокойно направился к консульству.

Вскоре нас встретили Бадмажапов, Давыденков, а потом и товарищ капитан Напалков. Еще несколько минут и мы в консульстве, среди соотечественников. Трудно в высшей степени передавать впечатление о таком резком переходе от пустыни к оседлому населению, от дикого иностранного к родному русскому.

Вся экспедиция в Урге; в Урге и все ее богатство.

В первый день прихода сюда я написал домой два письма: на Карлсбад и на Москву. Затем потекла жизнь в Урге обычным чередом, торопливо: с одной стороны шла сортировка багажа, изготовление казенных тяжелых посылок, с другой, обычное знакомство, свидания с местными обитателями.

В течение нескольких, незаметно пробежавших дней, удалось перезнакомиться с консульской колонией и съездить 28 июля в Сангин, на дачу Я.П. Шишмарева. Консул построил себе дачу в долине, на берегу многоводной протоки; две других дачки поднимались по скату гор (Щапова и Назимова), более живописно и уютно, откуда открывался вид далеко: и на край Богдо-улы, и на Ургу, и на самую долину, блестящую серебристыми полосками, разлившейся Толы. Пышная растительность придавала местности приятный, симпатичный вид.

Старик Шишмарев принял любезно, ласково и дал возможность много себя порасспросить. Навестил я и Щаповых. День прошел незаметно, а прохладным вечерком мы уже возвратились домой.

Самым интересным для меня знакомством в Урге было знакомство с Чжан-гегеном — большим перерожденцем знаменитого амдоского монастыря Гумбум²⁴⁵. Чжан-геген проживал в подворье Цицин-хана. Меня с ним познакомил Галсанов, ведущий отличную торговлю русской парчой.

Чжан-геген — полный, коренастый старик. Лицо умное, симпатичное; этот перерожденец крайне интересуется Россией, ее столицами и намерен их посетить. В получасовой беседе и знакомстве со мною он выражал неперемнное желание повидать культурные страны. Меня принял с радушием и гостеприимством, и мы обменялись хадаками.

Тут же в Урге ко мне явились и странники-чойбзэнцы, поднесшие мне подарки (три бурхана, чудную книгу и хадак) от моего искреннего друга Чойбзэнхутухты. Для удобства чойбзэнцы отправились в компании с Бадмажаповым

в его поселок, с тем, чтобы по возвращении экспедиции в Кяхту присоединиться ко мне для совместного следования по России, до Волги.

30 июля. Скачки, развлечения. Этот день — праздник августейшего атамана. Церковный парад утром и бега вечером. Масса народа званого и незваного, русских и инородцев. Шатер в центре; по флангам казаки в спешенном строю. Весь скат соседней высоты усыпан зрителями, занявшими места еще заблаговременно, кто верхом, кто на телеге.

Я с командиром сотни есаулом И.В. Тонких подошел к сотне, поздоровался, затем заняли места против шатра. Начались скачки: 1) кругом с препятствиями, 2) с рубкой, 3) джигитовка. Призов девять, три на каждый отдел. Первый приз — часы и 15 рублей, второй — часы получше и третий — часы же, но хуже. Китайские чиновники были в сборе: амбань прислал в подарок казакам два ямба серебра. Китайцы не скрывали удовольствия по поводу скачек, говоря: «Русская кавалерия первая в мире!» Мне, как старшему в чине и гостю, было предоставлено право раздавать призы. Я раздавал с удовольствием и благодарил молодцов.

Большую часть дня этого мы провели у любезного командира сотни (шестой), у него завтракали, у него и обедали. Китайцы разошлись — командирша их угощала на славу. Послано было печенье и амбаню, который на следующее утро прислал в ответ командиру много горшков с цветами.

Среди свободных минут я работал, но слабо. Удалось все-таки приготовить 18 посылок к отправлению по почте. Посылки с археологией, геологией, ботаникой и зоологией. Выбраться в город, на базар, не мог.

Едва-едва побывал два раза в банке и расстался с серебром.

1 августа. Накануне нашего выступления в путь весь день шел, можно сказать, проливной дождь. В этот день был цам у монголов, окончившийся дождем, от которого публика бежала. Мы в это время сидели на знакомом балконе за званым обедом у молодых супругов Левицких. Милые хозяева способствовали веселью, расположившему всех нас пробить до полуночи, а то и позже.

2 августа. Утро сыро, мрачно, моросит дождь. В промежутках проглядывает солнце. Кучевые облака ползут по темным скатам Богдо-улы. В нерешительности мы стали собираться. Весь багаж был вытащен и поставлен на двор: красивые ряды эшелонов.

Ровно в полдень караван двинулся в путь. Нас провожали после завтрака у Тонких семьи офицеров. Дождик падал периодически и затем перешел в непрерывный. Особенно густые тяжелые тучи остались на юге; к северу выделялись полусветлые полосы. Это было видно с перевала. Всюду кругом лес и лес. Крутой спуск увел вниз, обогнули мыс и достигли, уже в темноте, первого ночлега.

На той стороне, на обычном месте, мы расстались с военной компанией, провожавшей нас и милым студентом Восточного института (Сергей Александрович Успенский) — молодым человеком (семинаристом), уже окончившим курс в духовной академии.

Итак, прощай Урга, прощай несравненная красавица Богдо-ула и звонкая прозрачная Тола!

На первом урtone нас ожидал сюрприз — цзара еще не прибыла, и нам было со-вестно и стыдно монголов. Хорошо еще, что поручик 20-го Восточно-Сибирского

полка Запольский (совершивший поездку по северо-западу Монголии, Улясутай — Кобдо), догнавший нас, предложил нам помещение в его юрте.

Вечером долго сидели неудобно, в одном помещении.

Мне пришлось написать записку в консульство. Ночью неожиданно забарабил дождь.

3 августа. Туман. Выступили в 7 часов утра и к 4 часам дня осилили два перехода с остановкой-завтраком в Бургултае. Нынешним летом растительность буйная. Многолюдство. Постоянные гривы, увалы, отроги. В падах красиво залегают хвойный лес и стоят отдельные деревья — березы. Вдали на севере выделяются мощные скалы с отторженцами. Глаз не устаёт смотреть на широкие, мягкие виды с лугами, привольным пастбищем, и отдельный лесной участок. Везде движение. Вереницы быков. Отдельные караваны, красивые кавалькады. Ламы или хара²⁴⁶.

В Бургултае ко мне приходили ученики-практиканты, а на следующем урто-не шел громкий хурал в большой нарядной юрте.

Ждем, не дождемся Кяхты, а с нею и окончания заграницы. Дел мало; читать некогда, дни в походе. Привол[ьные] прост[оры] везде вокруг. Из юрты неслись звуки молитвенных атрибутов: бубнов, труб и раковин.

4 августа прошли две станции — Хуримтэ и Хара-гол.

При первой из них готовили обед, вторую станцию прошли под проливным дождем между полями китайцев. От Урги до Кяхты наилучшие места китайцы решили заселить своими соотечественниками — земледельцами. Во многих местах в долинах среди гор развита культура хлеба. Китайцы эти женятся на монголках.

Все время облачно и перепадает дождь, там и сям встречаются стайки журавлей (*Grus virgo*). Глядя на этих птиц, проводник-монгол заметил: «Эта птица не хорошая — ругается; стоит убить одну, другая будет надоедать “криком”. Мы или убиваем пару или совсем не трогаем».

Облака нависли везде кругом; кое-где сбиваются в плотные, сине-темные тучи; там гремит гром, сверкает молния. На вечернем пути от Хуримтэ к Хара нам задал дождь. Чуть поднимутся облака, как открываются пышные пастбища в долине и очень красивые скалы по горизонту, нередко увенчанные, словно щетиной, еловою растительностью. Богатая страна Северная Монголия! Ее надо прибрать к рукам. Обитатели также люди с достатком.

Здесь уже хорошо знакомы с русскими, с Кяхтой.

Отрадно слышать, что наши деньги в лучшем ходу. Теперь на китайские ланы экспедиционная лавочка закрылась.

Сплошь и кряду просят разменять деньги, сплошь и кряду слышишь русские слова, по-русски здороваются и прочее. Мал[ые] русские постройки, русские колеса, русские картины. Монголы приветливо смотрят и пишут в книжку по просьбе.

5 августа. Перейдя речку Хару, стоявшую при среднем уровне (1½ фута глубины), мы стали подниматься на Манхадай; дорога порядочная, травы полегли. Лес превосходный! На южном склоне живет в хибарке и двух юртах китаец — мастер и надсмотрщик телеграфных столбов.

Ниже мы встретили компанию русских, проезжавших на русской тройке. Отрадно! Поднялись на вершину перевала Манхадай, открылись виды, но не совершенно открытые, по случаю обильной облачности.

На перевале у обо я просидел более часа. Тишина, ни звука и только много спустя послышался свист черного дятла (*Picus martius*), перелетевшего через дорогу, затем послышались звонкие голоса стренатки; там перелетела краснохвостка. Высоко в синеве неба парил, или гордо неся, орел. Внизу же стайей, с криком, перелетали сороки. В овраге наблюдался большой, изжелта-буроватый хорек (вроде куница). Спуск так же удобен, как и подъем.

Ч[етыркин] на перевале в горах наловил много насекомых. А вот и Баингол, отличная стоянка, пришли рано. Погода никак не установится, преобладает облачность. Солнце, темнота, ветер и затишье — чередуются.

6 августа. Праздник Спаса Преображения. У нас в полку торжество, а здесь, все та же картина: продолжение-окончание путешествия. Последние дни мне особенно отравляет удовольствие г. Н[апалков] своим большим раздражительным видом. Даже несколько дней, 2—3, не может уберечься, несмотря на то, что я прочел ему слова П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Нет, «волк всегда в лес наровит».

Облака лежат по горам; внизу туман. Растительность богатая, пышная. Дорог много; едут летом в одном месте, зимой в другом. Уртоны перекочевывают, освежаются. С тяжелыми караванами следуют более кружно. С всадниками только <слово неразборчиво> не церемонятся сокращать дорогу напрямик по горам.

Телеграфные столбы в двух местах лежали вповалку по 6 и 10 штук подряд. Встретились озабоченные китайцы, торопившие исправить линии.

Итак, Манхадай оставляем; его долину также. Бросаем последний взгляд на его леса — сплошные [как на] Богдо-ула. Вершина гор закурилась облаками.

Сегодня два перехода 16 и 35 верст. Особенно памятный и красивый переход к Куйтуну. Сосновый лес при солнце обдал ароматом. Насекомых масса. Виды, как европейские, только любуйся! Шара-хада, знакомая, в стороне. Такого характера горы были 2—3 дня назад западнее дороги.

Вечером мысль унеслась на берег моря, в Карлсбад. Ночь проходит, как в большинстве случаев, очень быстро.

7 августа. От Куйтуна до Иро, да и дальше, можно сказать на остальное расстояние до Кяхты, местность хорошо знакома. Увалы, гривы. С вершин открывается вид на Баин-хан, подернутый темной вуалью леса. Этот массив виден отовсюду. Монголы уверенно говорят, что в этих горах много всякого зверя, до медведей, маралов и кабанов включительно. Завтра мы его перевалим, завтра предпоследний переход. Как приятно сказать! Завтра помчимся в Кяхту. Арья Мадаев сказал: «Экспедиция завтра вступает на родную землю!».

На Иро пришли сравнительно рано, устроили вроде дневки. Купаемся, сушим коллекции, которые отсырели от обильных дождей. Кругом лес; сосна взбегает на увалы левого берега. По долине масса кочевников-монголов с многочисленными стадами скота. На северо-востоке, на правом скате белеют субурганы. Здесь я пробовал бинокль — «прямо прелесть».

Вечер и ночь превосходные: тихие, ясные, прекрасные. Письмо Р.Б. Бимбаеву написано с вечера.

8 августа. С зарею в пути. Иро быстро, но в то же время и плавно катит воды по галечному дну. Ее ширина до 30—40—50 сажень; глубина 2—2½ фута (в месте брода). Маленький паром стоял в бездействии; натянут на тросе. Мы переправились благополучно и вскоре выправились долиною на подъем к перевалу Цаган-

дабан. Горы лесисты. С вершины перевала открылся знакомый вид на долину, поперечный лес, отдельно разбросанные горки, вершины. Оттуда же виден и уртон. Мы скоро к нему прискакали. Нас встретил симпатичный Н.Н. Малышев — сын священника в Кяхте. Здесь мы имели дело с неприятным цзангином, отказавшимся давать подводы. В 10¼ часа удалось отправить Мадаева в Кяхту. Прибыл и караван. Экскурсии в лес, в горы Бурл-хангай. Я их фотографировал. Два снимка использованы, остались еще два последних — на отряд.

9 августа. Утро сырое, мрачное; грохочет гром, сверкает молния; наконец полил частый дождь, к счастью ненадолго. Мы выступили в 5 часов утра и благополучно проследовали и первый переход до Гилян-нора и последний — к Кяхте. По выходе из леса, широкой полосой залегавшего между Ибицыком и Гилян-нором, и поднявшись на плоскую высоту, увидели Кяхту, контрастно выделяющуюся на сером фоне. Шпицы церквей ярко блестели. Все тянулось вверх, все белело — и здания церквей, и здания домов. Чувство умиления всецело поглотило меня. С глубоким благоговением я снял фуражку и трижды перекрестился. Жажда добраться скорее до родины превзошла всякие пределы, тем более все видно, словно на ладони: и Гилян-нор, и Кяхта. Наконец и Гилян, где меня ожидало любезное письмо Бимбаева.

Мадаев приехал в Кяхту вовремя и все успел сделать обстоятельно.

В час дня — самая Кяхта, к которой мы подходили в стройном порядке вместе с караваном. Комиссар прислал приветствие, таможня пропустила и мы подходим к собранию. Лушников, Телешка встретили нас.

Затем милое общество офицеров 20-го стрелк[ового] Сиб[ирского] полка.

Нам отвели помещение — и офицерам, и нижним чинам. Багаж в кладовой, гриф и Лянга здравствуют. Первый привольно расхаживает по двору, словно домашняя птица, мирная, покорная, хорошая.

Завтрак в обществе офицеров с шампанским. Вечер у Лушниковых. Ночью не спалось.

Все перемешалось, все перепуталось, от всего здешнего я бежал вдаль, мыслю, конечно, я весь ушел к своему осиротелому гнездышку, в голове стояли содержания телеграмм.

10 августа. Раннее утро, отправление официальных и частных депеш: в Генеральный штаб, в Академию наук, в Географическое общество, в «Рус[ские] Вед[омости]», в Иркутск, Генерал-губернатору и домой. Восточка-мысль полетела по линии гения человеческого, по линии, изобретенной пытливостью европейского ума.

Дни за днями бежали обычным чередом. Кяхта неузнаваема. Город принял военный оттенок. Все старое, своеобразное собирается бежать и бежит.

Начинается новая эра, новая история, в особенности интересная в связи со скорейшим проложением железной дороги, с соединением России с Китаем²⁴⁷, и тогда, быть может, сообщение с Центральной Азией ускорится до неузнаваемости.

Итак, мое пятое путешествие окончилось. Прощай Центральная Азия! Прощайте Тибет, Куку-нор, Монголия, прощайте Лавран, Гумбум и даже дорогой мой Хара-Хото! За последнее странствование особенно много пережито, много невзгод, много лишений, много внутренней борьбы. Я стойко держал посох

странника, даже в самые тяжелые минуты рука не ослабляла должного напряжения. Уверен, что через год-два все трудное — физическое забудется, я воспряну духом, но никогда не будет возврата светлых душевных ощущений, никогда душа не забудет нравственной боли, которая так безжалостно терзала мою духовную сторону, мою душу. Поэтому смело скажу, что бол[ьшим] путешествиям конец! Легкие же, летние командировки будут неизбежны как лекарство, с одной стороны, и школа для сына Володи — практическая школа, с другой. Такие поездки — прогулки, в особенности, после только что минувшего путешествия, будут казаться поэтическими.

А все-таки много-много раз я вспомню Центральную Азию, ведь в ней я вполне сформировался как человек-работник. В Азии радовался отменной радостью, в Азии и горевал великим горем. Здесь меня утешала и развлекала природа и до последнего путешествия только природа, затем город, с именем которого я тесно связан. Хара-Хото стал для меня родным, близким. Хара-Хото — перл в моих самостоятельных работах по Центральной Азии. Это чувствуется во всех словах соотечественников, близко стоящих к науке по исследованию Центральной Азии, во всех обществах, видно из всех писем сочленов и прочих.

Примечания

- ¹ «Труды Тибетской экспедиции Русского Географического общества под начальством П.К. Козлова, совершенной в 1899–1901 гг.» должны были выйти в девяти томах под общим заголовком «Монголия и Кам». Однако были опубликованы только 5 томов:
Т. I: *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова.
Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905. 356 с., 3 л. карт.
Ч. II. Кам и обратный путь, СПб., 1906. 734 с., 2 л. карт.
Т. II: *Казнаков А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму. СПб., 1907. 136 с.
Т. III: *Тачалов Н.А.* Астрономические наблюдения П.К. Козлова. СПб., 1907. 8+20 с.
Т. V: *Бианки В.* Материалы для авиафауны Монголии и Восточного Тибета. СПб., 1907. 251 с.
Т. VIII: *Мережковский К.С.* Диатомовые водоросли Тибета. СПб., 1906. 40 с.
Здесь, по-видимому речь идет о книгах самого П.К. Козлова и его старшего помощника А.Н. Казнакова.
- ² Гунгербург — название эстонского города Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва) до 1922 г.
- ³ После окончания в 1887 г. Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища П.К. Козлов был произведен в подпоручики и переведен в 1-й лейб-гренадерский Екатеринбургский Его Величества императора Александра III полк.
- ⁴ Вероятно, «во главе». В словаре В.И. Даля: «заводитель» — учредитель, основатель, кто что-либо завёл или заводит.
Курмаков Николай Николаевич (1853–?) — горный инженер, в 1904 г. возглавлял Горную экспедицию министерства финансов по исследованию золотоносных районов в Абиссинии; в 1905–1907 — начальник Иркутского горного управления; в 1907–1910 — директор Горного департамента.
Источник: http://old.mglin-krai.ru/Imena/Lischin_B_N.pdf (дата обращения 25.04.2015).
- ⁵ Здесь, вероятно, речь идет об описи, составленной для учета коллекций и дальнейшей передачи в Зоологический музей Академии наук.
- ⁶ Охотничий термин, означающий «следующий по порядку».
- ⁷ Кяхтинский музей — сейчас Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В.А. Обручева; организован в 1890 г. В 1894 г. стал подразделением открытого в Кяхте отделения Русского географического общества. В формировании коллекций музея принимали участие многие российские ученые и путешественники, в том числе П.К. Козлов. Сайт музея: http://minkultrb.ru/places/detail.php?ELEMENT_ID=344 (дата обращения 15.04.2015).
- ⁸ Правильно: Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (образовано 12 июля 1894 г.). Его председателем в 1894–1908 гг. был польский врач, антрополог, археолог Ю.Д. Талько-Грынцевич (1850–1936).
- ⁹ В 1899–1901 гг. состоялась Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова. Она началась в июле 1899 г. в станции Алтайская (Семипалатинская обл., Восточный Казахстан), а завершилась в Кяхте, в ноябре 1901 г. Здесь П.К. Козлов сделал первый доклад об итогах экспедиции перед членами Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО.

- ¹⁰ Ошурочки от ошурки — остатки, подонки, поскребыши (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 779).
- ¹¹ Маймачен — дословно «торговый город» — торговая китайская слобода на границе России и Монголии, по соседству с Кяхтой.
- ¹² Уртоны — система почтово-пассажирских станций (уртонов), расположенных примерно на расстоянии 30 км друг от друга. Кяхтинско-Ургинский тракт, общей длиной 335 верст (357 км), состоял в начале XX в. из 11 станций — уртонов.
- ¹³ Цвет шарика на головном уборе китайского чиновника означал определенный чин (всего было 9 чинов) в Цинской империи. Рубиновый шарик — первый класс, второй — коралловый, третий класс — сапфировый, четвертый класс — опаловый, пятый класс — белый прозрачный, шестой класс — матовый. Чиновники 7, 8 и 9 классов имели на шапках бронзовые шарики. Отсутствие шарика означало наказание чиновника.
- ¹⁴ Правом делать Всеподданейший доклад обладал только военный министр. Непродолжительное время (с 1905 по 1909 г.) такое право было также и у начальника Генерального штаба. В случае Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова речь идет о докладе императору военного министра А.Ф. Редигера. Обычно Всеподданейший доклад испрашивал согласия императора (Высочайшего соизволения) на цели, сроки, кандидатуру начальника и состав экспедиции (включая вопросы откомандирования от военного ведомства и расчет выслуги лет), а также источник ее финансирования, состав вооружения и материальное обеспечение. П.К. Козлов ссылается на § 8 доклада, где очевидно, расписаны права и обязанности начальника экспедиции. Он наделялся правами командира пехотного полка, т. е. применительно к нижним чинам мог самостоятельно производить их в унтер-офицерский чин (*комментарий М.К. Басханова*).
- ¹⁵ *Saker hendersoni* — *Saker* английское название для *Falco*; здесь, возможно, *Falco cherrung hendersoni*.
- ¹⁶ Имеются в виду постройки для коммерческих целей компании «Торговый дом Бадмаев и К^о». В 1893 г. чиновник Азиатского департамента МИД П.А. Бадмаев выступил с проектом присоединения к России «Монголо-Тибетско-Китайского Востока». Суть его, изложенная в докладной записке П.А. Бадмаева императору Александру III (13 февраля 1893 г.), состояла в том, что Россия, пользуясь «упадком маньчжурской династии», начинает вести, с помощью бурятских торговцев и буддистов-паломников активную антиманьчжурскую и одновременно прорусскую агитацию среди народов, населяющих западную окраину Срединной Империи, включая Монголию и Тибет. Получив правительственную ссуду (2 млн рублей), П.А. Бадмаев приступил к реализации своего проекта. В ноябре 1893 г. он основал в Санкт-Петербурге «Торговый дом Бадмаев и К^о». Его главная контора находилась в Чите, и отдельный филиал был создан в Урге на большом земельном участке в районе российского консульства. Торговый дом П.А. Бадмаева строил дома и торговые лавки в Монголии, организовал почтовые станции между Кяхтой и Ургой, осуществлял закупки скота в монгольских хошунах. В 1897 г. Бадмаев прекратил свою бурную деятельность и в 1905 г. его Торговый дом был официально закрыт. См.: *Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Воспоминания, Мемуары. Минск, 2001; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии. Основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). Иркутск, 2003. С. 122–125; *Кузьмин Ю.В.* Восточный проект П.А. Бадмаева // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2008. № 2/3. С. 13–24.
- ¹⁷ *Нало* или *русск.* гало (*фр.* halo, от *греч.* halōs — круг, диски) — светящиеся кольца вокруг источника света, в данном случае Солнца, возникающие вследствие преломления и отражения света взвешенными в земной атмосфере ледяными кристаллами.
- ¹⁸ Канси (личное имя Сюань Е, 1654–1722) — император (с 1662 г.) маньчжурской династии Цин в Китае. В 1691 г. захватил Халху. При Канси укрепилась власть мань-

- чжурской династии также в Тибете. Провел ряд политических и социальных реформ, прогрессивных для своего времени. Покровительствовал иезуитам. По его распоряжению было начато составление самого полного иероглифического словаря в Китае. Ундур-геген (собств. имя Занабазар, 1635–1724) — политический и религиозный деятель, первый богдо-геген феодальной Монголии. По свидетельству П.К. Козлова, Ундур-геген издал указ (ок. 1700) о неприкосновенности горы Богдо-ула, как святого места, ее лесной и животной жизни (см.: *Козлов П.К.* Монгольский заповедник Богдо-ула // *Известия РГО.* 1924. Т. LVI. Вып. 2. С. 172–173). Большинство современных исследователей, однако, датируют указ более поздним временем (1778 г.).
- ¹⁹ По буддийскому обычаю в Монголии и Тибете покойников не хоронили, а оставляли в особых местах на съедение животным (грифам или бродячим собакам). Путешественники, посещавшие Ургу, отмечали огромное количество диких собак в городе.
- ²⁰ Имеется в виду дом, где жил Николай Федорович Домелунксен (1868–?) — офицер Генерального штаба, штаб-офицер для поручений при штабе Забайкальской области (1900–1903), командовал Ургинским отрядом во время так называемого Китайского похода русских войск 1900–1901 гг., направленных для защиты Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) во время боксерского восстания (движение ихэтуаней). В 1903–1905 — заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям Иркутского района.
Источник: <http://www.regiment.ru/bio/D/170.htm> (дата обращения 19.08.2014).
- ²¹ Серебряные слитки различного веса и формы широко использовались в качестве платежного средства в Монголии и Китае. Выпуск серебряных монет начался только в 1890 г., однако серебряные слитки продолжали употребляться до начала 1930-х гг. Гамбургское плиточное серебро было, как правило, более высокого качества, чем китайские ямбы.
- ²² Лан (лян) или таэль — весовая и денежная единица Китая. Как весовая единица лан возник в III веке до н. э. С V–VI вв. н. э. применялся главным образом при взвешивании серебра и золота. В условиях существования в Китае серебряной валюты (XIV–XIX вв.) лан стал основной денежной единицей, делившейся на 10 мао и 100 фыней. В зависимости от места обращения и целевого назначения различалось 170 видов лана с разным содержанием серебра. С марта 1933 г., после принятия закона об унификации денежной системы, лан был отменен как денежная единица. Применяется в КНР в качестве одной из весовых единиц (31,2 г).
- ²³ Летом 1905 г. находившийся тогда в Урге 13-й Далай-лама Тубтэн Гьяцо просил П.К. Козлова (прибывшего для встречи с ним по поручению РГО, Военного министерства и МИД) отправиться как можно скорее в Петербург с рядом предложений и просьб к российскому правительству, которые касались его возвращения в Лхасу. Предполагалось, что по выполнении поручений П.К. Козлов вернется обратно в Монголию. Об этом подробнее см.: *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2004. С. 119–121.
- ²⁴ Цаган-сар (*монг.* белый месяц) — праздник монгольского Нового года, отмечаемый по лунному календарю; приходится на первый день первой весенней Луны.
- ²⁵ Покрытие — здесь: астрономическое явление, во время которого, с точки зрения наблюдателя из определенной точки, одно небесное тело проходит перед другим небесным телом, частично или полностью заслоняя его. Термин «покрытие» употребляется в тех случаях, когда более близкий к наблюдателю объект по своему относительному (видимому) размеру значительно больше (в данном случае Луна), чем более удаленный объект. Многие расчеты, в том числе определение географических координат, основываются именно на результатах наблюдения покрытия. В случае, когда более близкий объект по своим видимым размерам значительно меньше удаленного, употребляют термин «прохождение».

- ²⁶ Возможно, речь идет о «согревании» хронометров при низких температурах. Изменение температуры оказывает большое влияние на точность их хода.
- ²⁷ Камни с загаром — имеется в виду характерное для пустыни явление («пустынный загар»), когда солнце и ветер вытягивают из горных пород и их обломков соляные растворы, из которых испаряется вода, а соли образуют тонкую корочку коричнево-черного цвета. Эта корочка в дальнейшем под действием ветра полируется твердыми частицами пыли, что придает ей блеск.
- ²⁸ Речь идет о старшем уряднике Дондоке Иринчинове, спутнике всех центрально-азиатских экспедиций Н.М. Пржевальского. Дидоша — уменьшительное от Дидон, Дидон Мудрый — такое прозвище дал Д. Иринчинову за его сообразительность Н.М. Пржевальский.
- ²⁹ Хорчины (*монг.* хорчин) — этнографическая группа монголов в Китае. Распространены на востоке Внутренней Монголии, западе Хэйлунцзяна и северо-западе Гирина.
- ³⁰ Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Ч. II: Кам и обратный путь. СПб., 1906. 734 с., 2 л. карт.
- ³¹ ф (*астр.*) — географическая широта местности.
- ³² Красные ламы — имеются в виду «красношапочные» ламы буддийской школы (секты) Сакаяпа. До середины XIV в. буддизм в Монголии и Тибете был представлен преимущественно этой школой. В середине XIV в. возникла новая форма буддизма — религия желтошапочников — Гелугпа (ламаизм), основанная реформатором Цзонхавой (Цонкхапой).
- ³³ Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Ч. II: Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 710.
- ³⁴ Дунгане (*кит.* хуэйцзу, хуэйминь, или (*разг.*) хуэй-хуэй), китайские мусульмане — народ, населяющий провинции Западного Китая (Ганьсу, Цинхай, Синьцзян) и исповедующий ислам. В конце XVIII и в XIX в. дунгане неоднократно поднимали восстания против цинской династии Китая. Наиболее крупным было восстание 1862—1869 гг., охватившее провинции Шэнси и Ганьсу. Восстания и волнения дунган продолжались до конца XIX в. и были окончательно подавлены китайскими (цинскими) войсками.
- ³⁵ Да-куре, или Богдо-курень (*монг.* священное стойбище) — название столицы Халхи (Северной Монголии). В русской традиции — Урга, от искаженного монгольского слова *орго* — дворец, ставка важного лица. Сейчас — Улан-Батор, столица Монголии.
- ³⁶ Ханхайские отложения — красноцветные осадочные мезо-кайнозойские отложения, преимущественно песчаники и конгломераты, возраст которых во времена П.К. Козлова еще не был точно установлен. В настоящее время этот термин не употребляется.
- ³⁷ Тусулакчи, тусалакчи — помощник цзасака, правителя хошуна (княжества в Монголии).
- ³⁸ В восточной традиции флаг является распространенным атрибутом различных этносоциальных групп. Возможно, зная китайские и монгольские традиции, П.К. Козлов выбрал для Монголо-Тибетской экспедиции флаг красного цвета — цвет будды Амитабхи, символизирующий согласие, сострадание, эмоциональную энергию.
- ³⁹ Имеется в виду Тибетская экспедиция В.И. Роборовского 1893—1895 гг. П.К. Козлов был его старшим помощником. Целью экспедиции являлось исследование восточной части горной системы Куньлунь, Люкчунской впадины к югу от Турфана и Северо-Восточного Тибета — бассейна Янцзы. В середине намеченного маршрута с В.И. Роборовским случился инсульт, он был частично парализован, в результате чего П.К. Козлов пришлось взять на себя руководство экспедицией. В литературе эту экспедицию часто называют «Экспедицией спутников Н.М. Пржевальского». По объему научных результатов она стала одной из самых результативных экспеди-

- ций ИРГО по Центральной Азии. По ее завершении (в 1897 г.) Совет ИРГО наградил В.И. Роборовского своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью. Поскольку по правилам ИРГО Константиновская медаль присуждалась ежегодно только одному человеку, то Совет ИРГО предпочел «остаться в долгу» перед П.К. Козловым, нежели «присудить ему награду, которая бы не соответствовала высокому значению исследований и съемок, проделанных в глубине Азии» (Известия ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. 2. С. 227). П.К. Козлов был награжден Константиновской медалью в 1902 г. за достижения руководимой им Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. (Отчет Императорского РГО за 1902 год. Ч. 1. СПб., 1903. С. 38–39).
- ⁴⁰ Речь идет о Цокто Гармаевиче Бадмажапове (1879–1937) — буряте, участнике Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг. В дальнейшем П.К. Козлов и Ц.Г. Бадмажапов поддерживали тесные дружеские отношения. См.: *Ломакина И.И. Цогто Бадмажапов // Orient. Альманах. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 186–203; Юсупова Т.И. [подг. публикации]. Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.*
- ⁴¹ При планировании Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлов условно разделил ее деятельность на три этапа: Монгольский, Кукунорский и Сычуаньский. Здесь речь идет о завершении первого, Монгольского этапа, когда работа экспедиции проходила на территории Монголии.
- ⁴² Лог — форма рельефа, небольшая сухая долина.
- ⁴³ Имеется в виду нож, произведенный фабрикой (товариществом) Завьяловых и имевший фирменное клеймо (герб). Фабрика занималась производством стальных изделий высокого качества. Особенно ценились в XIX — начале XX в. перочинные и столовые ножи Завьяловых.
- ⁴⁴ Цанит (цанни, *mtshan nyid*) — название философской науки для всех школ тибетского буддизма.
- ⁴⁵ Имеется в виду масленица — праздник, отмечаемый в течение недели и предшествующий Великому посту.
- ⁴⁶ Сайн-нойон — титул феодала, возглавлявшего один из четырех аймаков Халхи (Северная Монголия, территория современного государства Монголия), наряду с Тушету-ханом, Цицин-ваном и Балдын-цзасаком.
- ⁴⁷ Цзунли-ямынь (*kit. zongli yamen*) — канцелярия по управлению внешними делами Цинской империи в 1861–1901 гг. В 1901 г. в Китае было учреждено министерство иностранных дел, вай-дзяо-бу (*kit. wàijìāobù*).
- ⁴⁸ Имеется в виду Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова 1899–1901 гг.
- ⁴⁹ Здесь: вероятно, на «старое место».
- ⁵⁰ Сульхир — *Agriophyllum squarrosum*, кумарчик песчаный (гобийский), «дикий хлеб», растет на песке (похож на лебеду).
- ⁵¹ Олёты — одна из групп западных монголов; проживают в Кобдоском районе.
- ⁵² По-видимому, здесь имеется в виду книга: *Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887. 493 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XVI).*
- ⁵³ Экспедиционного пса, который 1,5 года был с Монголо-Камской экспедицией 1899–1901 гг. П.К. Козлова и умер в алашаньских песках, в действительности звали Гарза, а не Карсу. См.: *Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 г. под руководством П.К. Козлова. Ч. II: Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 673–674.*
- ⁵⁴ По-видимому, *иносказат.*, «птица-лама». Возможно, П.К. Козлов имел в виду бурятскую легенду о ламе, который был превращен в птицу турпан (*бурят. ангир* — красная утка) (см. <http://rubur.ru/article/turpan> (дата обращения 07.05.2015)); шубу — от шувуу (*монг.*) — птица.

- ⁵⁵ Имеется в виду ружье мастера Н. Гонно; ружья Гонно (Гоно) производились в Санкт-Петербурге одноименной фирмой и высоко ценились в России, наравне с изделиями лучших английских оружейников (*Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон, 1994; *Наша охота.* Л., 1989. С. 338–339).
- ⁵⁶ Синицы-бородатки — по-видимому, имеется в виду усатая синица (*Panurus biarmicus ruscicus*).
- ⁵⁷ От bruit (*франц.*) — резкий, порывистый. «Рыбалка» — здесь в смысле: «рыбак Пржевальский».
- ⁵⁸ Habitus (*лат.*) — характер, телосложение, конституция.
- ⁵⁹ М.А. Стейн (Marc Aurel Stein, 1862–1943) — английский археолог венгерского происхождения. В 1900–1902 гг. совершил экспедицию для исследования руин древнего Хотана в Восточном Туркестане. В 1906 г. отправился в свою вторую Центрально-азиатскую экспедицию, во время которой побывал в Дуньхуане, посетил ставший позднее знаменитым пещерный монастырский комплекс Цяньфодун («Пещеры 1 000 будд»), где были обнаружены настенные фрески и рукописи 406–999 гг. Уникальные находки Стейна принесли городу Дуньхуань всемирную славу. Возможно, готовясь к своей экспедиции, П.К. Козлов прочитал одну из публикаций А. Стейна: *Stein A. Sand-buried Ruins of Khotan. Personal Narrative of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan.* London, 1903; *Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan.* Vol. 1–2. Oxford, 1907; в переводе этих работ ему, очевидно, помогали его знакомые Моллеры, поскольку П.К. Козлов английским языком не владел. П.К. Козлов познакомился с А. Стейном во время своего визита в Королевское Лондонское географическое общество в сентябре 1910 г.
- ⁶⁰ Исследователи полагают, что экспедиция П.К. Козлова нашла самые древние из дошедших до нас бумажных денег — ассигнации, введенные в Китае императорами Юаньской (монгольской) династии. См.: *Иванов А.И.* Бумажное обращение в Китае до XV в. // *Материалы по этнографии России.* Т. 2. СПб., 1913. С. 159–174.
- ⁶¹ Халха (от *монг.* халх — щит) — историческая область в Северной Монголии, основное население — халха-монголы. Сейчас — территория государства Монголия.
- ⁶² Инсургенты (*лат.* insurgentes — повстанцы) — вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям.
- ⁶³ Имеются в виду ханхайские осадочные породы. См. прим. 36.
- ⁶⁴ От зре (*монг.*) — неизменный.
- ⁶⁵ *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. I. СПб., 1875; Т. II. СПб., 1876; *Гедин С.* В Сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Путешествия С. Гедина в 1883–1897 гг. В 2 т. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1899.
- ⁶⁶ Имеется в виду маршрут Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг.
- ⁶⁷ Тагара — шерстяная или волосяная местная ткань, из которой монголы шьют мешки. (см.: *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 138).
- ⁶⁸ Циан-кали (*лат.* cyan calli) — цианистый калий, использовался для морения насекомых.
- ⁶⁹ Цин, цянь (*кит.* qián) — китайская денежная единица; чеканилась в виде круглой бронзовой монеты с отверстием в центре.
- ⁷⁰ См.: *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Ч. II. Кам и обратный путь. СПб., 1906. С. 627.
- ⁷¹ Хату-хара — желтоцветный шиповник, *Rosa pimpinellifolia* (См.: *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 660).

- ⁷² По-видимому, камнями китайцы отмечали границы своих земельных участков.
- ⁷³ Покотиллов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — русский дипломат и предприниматель, действительный статский советник (1900), посол в Китае. Умер в Пекине 23 февраля 1908 г. П.К. Козлов встречался с Д.Д. Покотилловым в Урге 1 июня 1905 г. (сразу же после первой аудиенции у Далай-ламы) в помещении российского консульства. Ему он рассказал о своей миссии и представил свой проект предоставления русского конвоя Далай-ламе для его безопасного возвращения в Лхасу. См.: *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Дневник по поездке в Монголию (1905). М., 2004. С. 105.
- ⁷⁴ Кэриз, кериз, кяриз (*перс.*) — подземная галерея каналов для сбора грунтовых вод и вывода их на поверхность в горных и предгорных районах.
- ⁷⁵ П.К. Козлов уходил в Монголо-Сычуаньскую экспедицию в чине подполковника. В августе 1906 г. приказом по Генштабу он был прикомандирован к Главному управлению Генерального Штаба (ГУГШ). Н.М. Пржевальский в экспедиции 1883–1885 гг., встречаясь с владетельным князем Алаша-цин-ваном, имел чин полковника Генерального штаба (произведен в 1877 г.).
- ⁷⁶ Таким специфическим термином П.К. Козлов, видимо, хотел передать не слишком привлекательное пение удонов. Мелодия, производимая удоном, представляет собой бесконечное повторение глухого и далеко слышного звука, похожего на «уп-уп-уп».
- ⁷⁷ Имеется в виду IV Центральноазиатская экспедиция Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг. (*Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888) и Монголо-Камская экспедиция П.К. Козлова 1899–1901 гг. (*Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Ч. 1: По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905. Ч. 2. Кам и обратный путь. СПб., 1906).
- ⁷⁸ Южнобер(ежные) вишни — возможно, имеются в виду вишни с Южного берега Крыма, засушенные или законсервированные.
- ⁷⁹ Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) — генерал-адъютант (1904), комендант Порт-Артура во время русско-японской войны. За сдачу Порт-Артура японцам в 1906 г. был отдан под военный трибунал. По итогам следствия признан виновным.
- ⁸⁰ Ханшин (*кит. hānshǐ*) — низкокачественный китайский алкогольный напиток типа водки, изготавливаемый из проса (гаолян) и чумизы крепостью 40–55 %. В XIX в. напиток распространился в приграничных зонах России с Китаем, где пьяниц нередко называли «ханшинниками».
- ⁸¹ «Гыгеном» (гегеном) в своей книге Н.М. Пржевальский называет одного из братьев Алаша-цин-вана — Сан-е, с которым познакомился в 1871 г. во время первого Центральноазиатского путешествия. См. *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1. СПб., 1875. С. 163–164.
- ⁸² «Новое время» — русская газета, издавалась в 1868–1917 гг. в Петербурге. До 234-го номера в 1869 г. выходила 5 раз в неделю, затем ежедневно. С 1881 г. выходило два издания — утреннее и вечернее. С 1891 г. издавалось еженедельное иллюстрированное приложение.
- ⁸³ Н.М. Пржевальский после возвращения из своего первого Центральноазиатского путешествия получил в подарок от товарищей по Генеральному штабу штуцер, изготовленный английским оружейным мастером Ч. Ланкастером. Деньги на покупку ружья (1000 руб.) собирали по подписке. Н.М. Пржевальский дорожил подарком и не расставался с ним во всех своих последующих экспедициях. Перед смертью штуцер Ланкастера он завещал В.И. Роборовскому, а второе свое любимое ружье — дробовик Перде (также английской оружейной фирмы) — П.К. Козлову. Когда В.И. Роборовский из-за тяжелой болезни, постигшей его в ходе Тибетской

- экспедиции 1893—1895 гг., не смог больше путешествовать, он передал «ланкастер» П.К. Козлову. См.: *Шишкин И.* Штуцер для Пржевальского // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 26—27. В 1919 г. решением Петроградской ВЧК все ружья, хранившиеся у П.К. Козлова, в том числе «ланкастер» и «перде» Пржевальского, были реквизированы, однако позднее, после ходатайства Наркомпроса, возвращены П.К. Козлову.
- ⁸⁴ Имеются в виду лани, стоящие с двух сторон колеса Дхармы (учения Будды о пути к просветлению) — главного буддийского символа. По легенде, когда Будда обратился к пяти аскетам в лесу Сарнатха, под Бенаресом, со своей первой проповедью «Поворот колеса Учения», из-за деревьев показались две лани. Они слушали Учителя, а затем скрылись в лесу. С тех пор лань символизирует у буддистов «принятие Учения».
- ⁸⁵ Корова (бык) — одно из 12-ти зодиакальных животных традиционного 60-летнего циклического календаря монголов, представляющего собой хронологическую систему, основанную на астрономических циклах движения Солнца, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна. В этой системе каждое животное имеет 5 цветов (синий, красный, желтый, белый и черный) и соотносится с 5 стихиями — дерево, огонь, земля, железо/металл, вода.
- ⁸⁶ Основные события дунганского восстания происходили в 1862—1869 гг.
- ⁸⁷ Пантовкой называется отлов благородных или пятнистых оленей с целью добычи пантов. Панты — молодые, еще не окостенелые, мягкие рога, предмет усиленного промысла.
- ⁸⁸ Турлушка — небольшая лесная птица семейства голубиных; горлинка, горлица.
- ⁸⁹ Имеются в виду стеклянные фотопластинки с нанесенным на них светочувствительным слоем для получения негативного изображения, а в последующем — позитивных отпечатков. Широко использовались в фотографическом негативно-позитивном процессе в конце XIX — первой половине XX в.
- ⁹⁰ Буддисты культовые сооружения обходят по часовой стрелке. По-видимому, в данном случае обход совершался как слева направо, так и справа налево.
- ⁹¹ Хурал (*монг.*) — собрание. Здесь — религиозный праздник, на который съезжается большое количество верующих.
- ⁹² Майтрея (*санскр.; кит.* Ми-лэ фо; *монг., бурят.* Майдари). У П.К. Козлова Майдэри — искаженная (простореч.) форма.
- ⁹³ Тайджи — наследственный (преимущественно) титул феодального владельца у некоторых монгольских народов. Соответствует барону в феодальной Европе.
- ⁹⁴ Агван Дандар-лхарамба (Алашаньский) (1759—?) — один из наиболее известных философов и толкователей буддийских философских трактатов. В 1838 г. в возрасте 80 лет составил тибето-монгольский словарь (не грамматику, как ошибочно считал П.К. Козлов). О нем см.: *Востриков А.И.* Тибетская историческая литература / Сост., коммент. А.В. Зорина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 121.
- ⁹⁵ Цзонхава (Цонхапа) Лобзанг-дракпа (1357—1419) — тибетский средневековый религиозный деятель, ученый, проповедник. Основал школу Гелугпа, которую также называют желтошапочной (ее отличительный атрибут — желтые шапки буддийских монахов).
- ⁹⁶ Здесь речь идет об опиуме, курение которого в Цинском Китае было широко распространено в XIX в. Попытка Цинской империи запретить ввоз в страну опиума (прежде всего Ост-Индской компанией) привела к конфликту с Великобританией и другими европейскими державами, который вылился в две так называемые Опиумные войны (Англо-китайская, 1840—1842, и Англо-франко-китайская, 1856—1860). В результате этих войн европейские державы принудили Китай заключить ряд неравноправных торговых соглашений и ввоз опиума в страну значительно увеличился. Положить конец торговле опиумом удалось только в начале XX в.

- ⁹⁷ Имеется в виду обильный обед с многочисленной сменой блюд, длительный по времени, наподобие «лукулловских пиров» — по имени римского полководца Лукулла (ок. 117 — 56 до н. э.), прославившегося богатством, роскошью и пирами. Мандарин — данное португальцами название чиновников в имперском Китае, позднее также в Корее и Вьетнаме. Название происходит от санскритского *mantarin* — советник, министр, заклінатель, знаток священных текстов.
- ⁹⁸ Возможно, речь идет о распространенной в Китае игре, когда игроки считают вместе вслух «Камень... Ножницы... Бумага» и одновременно показывают пальцами один из трех знаков, обозначающих названные предметы. Победитель определяется по следующим правилам: «камень» побеждает «ножницы»; «ножницы» — «бумагу»; «бумага» — «камень». Если игроки показывают одинаковый знак, то требуется переигровка.
- ⁹⁹ Торгоуты, прав. торгоуты — один из монгольских народов, относящихся к ойратской группе. Населяют Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Калмыкию и аймак Ховд в Западной Монголии.
- ¹⁰⁰ Лифаньюань (*кит.* lífānyuàn) — в Цинском Китае Палата по делам инородцев (по управлению Монголией, Тибетом и другими территориями Китая с некитайским населением); в 1906 г. преобразована в Лифанбу (*кит.* lífānbù) — Министерство колоний.
- ¹⁰¹ По-видимому, шустрый намек, на то, что С.С. Четыркин являлся младшим помощником начальника экспедиции.
- ¹⁰² Лоцзы, луоцзы (*кит.* luózi) — мул.
- ¹⁰³ Гомбо (Арьябало) — *монг.*, тоже что *санскр.* Авалокитешвара, бодхисаттва сострадания.
- ¹⁰⁴ То есть по форме напоминающие полумесяц.
- ¹⁰⁵ Банчен-богдо — монголизированная форма титула Панчен-ламы, 2-го по значению (после Далай-ламы) духовного иерарха Тибета, воплощение будды Амитабхи.
- ¹⁰⁶ Речь идет о винтовке Крнка́ (простореч. Крынká) — однозарядная винтовка системы чешского оружейника, австрийского подданного Сильвестра Крнка, барона Гогенбурга. Принята на вооружение в Российской империи в 1869 г.
- ¹⁰⁷ Берданка — однозарядная винтовка, находившаяся на вооружении русской армии в 1868—1891 гг. Разработана американским полковником Хайремом Берданом (*Hiram Berdan*) и усовершенствована русским полковником А.П. Горловым и поручиком К.И. Гунусом.
- ¹⁰⁸ То есть напоминающие какое-то фланкирующее сооружение (бастион, рavelин или др.), которые строились для прикрытия подступов к обороняемой позиции со стороны противника.
- ¹⁰⁹ Далды или донгэр-ва — монгольское племя, оседло живущее в провинции Ганьсу, не включенное ни в одну из основных групп монгольских народов. Далдами это племя назвал Н.М. Пржевальский (*Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. СПб., 1875. С. 225—226; 2-е изд.: М.: ОГИЗ, 1946. С. 199). Г.Н. Потанин называет эту народность широнголами или амдоскими монголами (*Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. С. 343). Китайское название далдов туцзу. См.: *Дин Шуцинъ*. Проблема туцзу в китайском монголоведении // *Mongolica-IX*. СПб., 2010. С. 5—54.
- ¹¹⁰ Сарлыки (сарлоки) — домашние яки; хайныки — гибриды, полученные от скрещивания домашних яков с местным крупным рогатым скотом.
- ¹¹¹ Цаган-обогун (*монг.* Цагаан өвгөн) — особо почитаемый монголами Белый Старец, хранитель жизни и долголетия, один из символов плодородия и благоденствия в буддийском пантеоне.
- ¹¹² То есть, плиски (трясогузки) — род птиц отряда воробьиных.
- ¹¹³ Фузея (*польск.* fuzya) — тип кремневого гладкоствольного дульнозарядного ружья, введенный Петром I в начале XVIII в. в русской армии и заменивший мушкеты.

- ¹¹⁴ Нголоки (голоки) — одна из наиболее многочисленных и могущественных групп тибетских кочевников. Нголки не признавали китайской власти и не подчинялись тибетскому правительству Лхасы. См.: *Перух Ю.* Голоки и их этнический характер / Пер. с франц. Ю.Ю. Будниковой // www.roerich.spb.ru/article/yun-rerih-goloki-i-ih-etnicheskiy-harakter (дата обращения 17.08.2014).
- ¹¹⁵ Пистонное ружье — то же, что капсюльное: воспламенение заряда производится в нем с помощью пистона.
- ¹¹⁶ Английский король Эдуард VII (1901–1910) — первый британский монарх, посетивший с государственным визитом Россию. Встретился с Николаем II в Ревельской гавани (строго говоря, на российскую землю он не ступал) 9–10 июня 1908 г. Эта встреча помогла сгладить некоторые острые углы в отношениях между Британией и Россией.
- ¹¹⁷ Гораций Герберт Китченер (*Horatio Herbert Kitchener, 1st Earl Kitchener*, 1850–1916), английский военный деятель. В 1899 г. — генерал-губернатор Судана, в 1900–1902 гг. главнокомандующий британскими войсками во 2-й англо-бурской войне; в 1902–1909 гг. — главнокомандующий армии Британской Индии. В годы Первой мировой войны (с 6 августа 1914 г.) — военный министр Великобритании.
- ¹¹⁸ Свен Гедин (*Sven Anders Hedin*, 1865–1952) — известный шведский путешественник по Центральной Азии, организовал несколько экспедиций в регион при поддержке царского правительства. Св. Гедин был очень популярен в России, многократно посещал Петербург; его книги переводились на русский язык. Поддерживал дружеские отношения с П.К. Козловым и руководством ИРГО. О контактах Св. Гедина с российскими учёными см.: *Андреев А.И.* Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме // *Ариаварта*. № 1. СПб., 1997. С. 28–76. *Шугатзе* — второй по величине город-резиденция тибетских Панчен-лам. С. Гедин посетил его в начале 1907 г., во время своего третьего путешествия (1906–1908), предпринятого с территории Британской Индии. См.: *Hedin Sven.* Transhimalaia, Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. Band I-II. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1909.
- ¹¹⁹ Вероятно, речь идет о хамбо-ламе Агване Доржиеве. Агван Лобсан Доржиев, известный тибетцам под именем Лозанг Наванг Наванг (1853/54–1938) — бурятский религиозный и политический деятель. Получил высшее конфессиональное образование в Лхасе, один из учителей 13-го Далай-ламы, впоследствии его фаворит и политический советник. В 1905 г., покинув свиту Далай-ламы, переселился в Россию (Санкт-Петербург), где фигурировал (вплоть до 1937 г.) в качестве неофициального представителя Тибета в России (царской и советской). Активный сторонник русско-тибетского сближения, инициатор строительства буддийского храма в Петербурге (1909–1915); идеолог обновленческого движения бурятского ламаистского духовенства в 1920-е гг. О его деятельности см.: *Дамдинов А.В.* Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999; *Андреев А.И.* Агван Доржиев и П.К. Козлов: история одной дружбы // *Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева: Материалы конференции.* СПб., 2005. С. 25–34.
- ¹²⁰ См.: *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: путешествие Г.Н. Потанина, 1884–1886. Т. 1–2. СПб., 1893.
- ¹²¹ Правильно — Цзан. Под Центральным Тибетом обычно подразумевают две провинции, Уй и Цзан.
- ¹²² Эварист Регис Гюк (*фр. Evariste Regis (Abbe Huc)*, 1813–1860) — французский синолог, тибетолог, монголист, путешественник. Католический монах, миссионер ордена лазаристов Гюк вместе со своим спутником Жозефом Габе были последними европейскими путешественниками в XIX в., побывавшими в «запретной» Лхасе. См.: *[Гюк, Габе]* Путешествие через Монголию, в Тибет, к столице Тале-Ламы / Сочинение Гюк и Габе; пер. с франц. М., 1866.

- ¹²³ Джара (*Nemorhoedus*) — горалы, род жвачных парнокопытных животных подсемейства козлов, семейства полорогих. Животные козлиного облика, средних размеров. Распространены в Юго-Восточной Азии и Японии.
- ¹²⁴ Аюша, Амитаюс (*монг.* Аюуш; *санскр.* Амитаюс — букв. «Беспредельная Жизнь») — особая форма бодхисаттвы Амитабхи. К Амитаюсу обращаются в молитвах о долгой и счастливой жизни, о здоровье и богатстве.
- ¹²⁵ Имеется в виду китайский император Канси (1654—1722), правивший страной с 1662 г.
- ¹²⁶ Ганжур, Ганджур (*монг.* Ганжуур), *тиб.* буквально «Переводы сказанного Буддой Шакьямуни» — собрание канонических буддийских текстов, переведённых с санскрита на тибетский и восходящих к Будде Шакьямуни. Издания Ганжура различаются количеством томов (92, 100, 108) и составом.
Данджур, Данчжур (*монг.* Данжуур), также Тэнгьюр, Тенджур, *тиб.* буквально «Перевод поучений» — канонизированный свод комментариев в 225 томах к канону Ганжур буддийских текстов. См.: Буддизм: Словарь. М.: Республика, 1992.
- ¹²⁷ Пятый Далай-лама Нгаванг Лобсанг Гьяцо, Великий Пятый (1617—1682), выдающийся тибетский религиозный и политический деятель. Объединил Центральный Тибет после многочисленных гражданских войн. Как независимый глава государства установил дипломатические отношения с Китаем, объявил Лхасу столицей и построил в городе на холме величественный (17-этажный) дворец Потала (1645) на месте руин древнего дворца Тице Марпо (возведен ок. 636 г. царем Тибета Сонцэном Гампо для непальской супруги). В его правление Центральный Тибет посетили первые европейские путешественники — португальские иезуитские священники Э. Качелла и Кабрал Жоао. См.: *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
- ¹²⁸ После вторжения в Тибет английской военно-дипломатической экспедиции Ф. Янгхазбенда летом 1904 г. Далай-лама вынужден был бежать из Лхасы в Монголию, где поселился в Урге, в монастыре Гандан, одном из главных монастырей города. См.: *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920 или *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М., 2004.
- ¹²⁹ Велий (*старорусск.*) — большой, великий.
- ¹³⁰ Имеется в виду роман П.И. Мельникова-Печерского (1818—1883) «В лесах» (1871—1875).
- ¹³¹ Сарты — наименование части населения Средней Азии, существовавшая на протяжении XV—XIX вв., полукочевая часть узбеков и казахов.
- ¹³² Дастархан (*тадж.* дастархон; *азерб.* dəstərxan; *каз.* дастарка; *кирг.* дасторкон; *узб.* dasturxon; дастурхон) — дословно: скатерть или низенький стол, используемые во время трапез в Средней Азии, а также у некоторых других народов Востока. В европейской культуре дастарханом принято называть не только сам стол, но и вообще весь среднеазиатский обеденный ритуал. Здесь, видимо, П.К. Козлов использует это слово иносказательно, в значении «принести разные угощения».
- ¹³³ Кярса — монгольское название степной лисицы-корсака (*Canis corsac*).
- ¹³⁴ Bootes (прав. Voötes) — созвездие северного полушария неба Волопас, звезда α этого созвездия называется Арктур.
- ¹³⁵ Corone Borealis (*лат.*), Северная Корона — небольшое созвездие северного полушария.
- ¹³⁶ Для лимнологических исследований оз. Куку-нор П.К. Козлов использовал специально сконструированную в Петербурге в мастерской И.Г. Кебке разборную брезенто-пробковую лодку. П.К. Козлов и его помощники А.Н. Казнаков и В.Ф. Ладыгин были первыми европейскими путешественниками, проводившими лимнологические исследования в Монголии и Северо-Восточном Тибете в ходе Монголо-Камской (1899—1901) и Монголо-Сычуаньской экспедиций. См.: Российские

- экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции. 1870—1920-е гг. / Ред. А.И. Андреев. СПб., 2013. С. 142—143.
- ¹³⁷ Цин-хай, Цинхай (*кит.* Голубое озеро) — название оз. Куку-нор по-китайски.
- ¹³⁸ См.: *Казнаков А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. II. Вып. I. СПб.: Типо-литография «Герольд», 1907.
- ¹³⁹ См.: *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Т. I. СПб., 1900; *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. I. Ч. I: По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905.
- ¹⁴⁰ См. прим. № 83.
- ¹⁴¹ См.: *Чернов А.* Остров Куйсу на Куку-норе // Землеведение. 1910. Кн. 1. С. 28—44; Кн. 2. С. 19—34.
- ¹⁴² Об этом В.А. Обручев писал в отчете об экспедиции: *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-шань. Т. II. СПб.: Экономическая Типо-литография, 1900. С. 104—105.
- ¹⁴³ 30 сентября (17 сентября по ст. ст.) празднуется популярный церковный праздник в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.
- ¹⁴⁴ Текинцы, теке (букв. «горные козлы») — одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа.
- ¹⁴⁵ Вероятно, смешение понятий: *милиция* — вооруженные формирования для поддержания общественного порядка, создаваемые из местного населения, часто на добровольной основе, и *полиция* — государственные службы и органы по охране общественного порядка. По-видимому, П.К. Козлов не знал, как точно назвать эти формирования — милицией или полицией.
- ¹⁴⁶ Завоевав в середине XVII в. Китай, маньчжурское правительство династии Цин обязало всех китайцев-мужчин заплетать косы на бритых головах, что соответствовало маньчжурской традиции. Продолжавшим носить волосы распущенными грозила казнь. Поэтому косы на долгое время стали символическими для китайцев. Отменены косы были после Синьхайской революции (1911 г.), свергнувшей маньчжурскую династию.
- ¹⁴⁷ Syndetikon (*греч.*) — «скрепляющее»; жидкий клей, первоначально изготовлялся из кишок и плавательного пузыря некоторых рыб.
- ¹⁴⁸ Можно предположить, что П.К. Козлов, по предварительной договоренности с Далай-ламой (через А. Доржиева), вез тибетскому правителю некоторое количество русского огнестрельного оружия, расходы на покупку которого ему обещали возместить. Стоимость этого оружия он планировал включить в экспедиционный бюджет. См. запись от 27 августа 1908 г.
- ¹⁴⁹ Ху(эй)-ху(эй), хуэйхуэй (*кит.*) «народ хуэй») — самоназвание дунган (китайских мусульман).
- ¹⁵⁰ Тин-гуань — начальник административного района в Цинском Китае.
- ¹⁵¹ Здесь ошибка: *Ardea alba* — большая белая цапля; лат. название цапли-чепуры *Egretta garzetta* или *Ardea garzetta*.
- ¹⁵² Лохан (китайская транскрипция слова архат (*санск.*) — «достойный») — один из эпитетов Будды; согласно учению раннего буддизма, человек, достигший наивысшей ступени духовного развития; прямой ученик Будды. Возможно, в Восточном Тибете это слово использовалось как почтительное обращение к монахам старшего возраста (*комментарий Е.Ю. Харьковской*).
- ¹⁵³ Правильно шэн (*кит.* shēng) — китайская мера объема, которая использовалась для измерения количества зерна; в метрической системе соответствует примерно 1 л.
- ¹⁵⁴ Т. е. шестая часть урожая отдавалась крестьянину.

- 155 Сам — показатель урожайности в дореволюционной России, указывает, во сколько раз больше собрано зерна, чем посеяно. Например, сам-12 означает, что зерна собрано в 12 раз больше, чем посеяно.
- 156 Имеется в виду обычай, практиковавшийся в Китае (особенно в аристократической среде) с начала X до начала XX в., бинтовать ступни ног девочек в раннем возрасте (до 5 лет), чтобы они не росли. Такие маленькие ножки называли «золотая лилия», или «лотосовые ножки» — по форме изящных туфелек в форме лилий или лотосов. После Синьхайской революции (1911 г.) этот обычай подвергся резкой критике и постепенно прекратил существование.
- 157 Тусы, или чжалбо — потомственный тангутский князь, управитель округа в Восточном Тибете, Сычуани, Каме.
- 158 Вероятно, имеется в виду необходимость встречи П.К. Козлова с Далай-ламой для передачи ему оружия. См. запись от 27 августа 1908 г.
- 159 «Золотой субурган» (*тиб.* Сэрдон ченмо) — ступа, построенная матерью Чже Цонкхапы на месте его рождения в 60-х гг. XIV в. Позднее над нею был возведен храм. Сама ступа была богато украшена золотом и драгоценными камнями. «Золотой субурган» и сандаловое дерево, выросшее на месте рождения Чже Цонкхапы, считаются главными святынями монастыря Гумбум (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- 160 Манджушри — в буддийском пантеоне проводник и учитель будд прошлого, духовный отец бодхисаттв; олицетворяет мудрость, разум и волю. Обычно его изображают красивым индийским царевичем, восседающим на льве. В поднятой правой руке Манджушри держит пылающий меч (которым он рассеивает мрак невежества), в левой руке — лотос, на котором лежит свиток с текстом сутры. В Тибете земным воплощением Манджушри считался основатель школы Гелуг («желтошапочников») Чже Цзонхава (Цонкхапа) (1357–1419).
- 161 Речь идет о смерти 15 ноября 1908 г. вдовствующей Великой императрицы Цинского Китая Цыси (Цы-си, 1835–1908), которая сосредоточила в своих руках всю верховную власть, и скончавшегося за день до этого, 14 ноября, отстраненного ею от власти императора Цзайтянь (правил под девизом «Гауасюй»). Его преемником стал 2-летний (а не пятилетний, как пишет П.К. Козлов) Пу-и (1906–1967) — последний император династии Цин, которая была низложена после Синьхайской революции 1911 г.
- 162 Белый цвет у буддистов считается цветом траура.
- 163 Этот гриф благополучно прибыл в Москву и затем был передан в зоопарк степного заповедника Аскания-Нова в Херсонской губернии, где П.К. Козлов наблюдал его в 1915 г. (АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 834. Письмо П.К. Козлова к секретарю РГО А.А. Достоевскому от 24 мая 1915 г.).
- 164 Согласно Календарю царских дней (www.ganinayama.ru/czarskij-kalendar.html (дата обращения 20.08.2014) 6 декабря (ст. ст.) — день святого Николая, Мирликийского Чудотворца и одновременно Тезоименитство императора Николая II Александровича.
- 165 Как показали дальнейшие исследования, Хара-Хото не был столицей государства Си Ся. Его столицей являлся город Синчжоу (совр. Иньчуан, Нинся-Хуэйский автономный район Китая), а Хара-Хото был центром одной из провинций. О Хара-Хото более подробно см.: *Кычанов Е.И.* Очерки истории тангутского государства. М.: Наука, 1968.
- 166 Имеется в виду печенье «Товарищества Эйнем», кондитерской фабрики, открытой в 1851 г. в Москве на Арбате Теодором Фердинандом фон Эйнемом (Ferdinand Theodor von Einem, 1826–1876). С 1913 г. — поставщик двора Его Императорского Величества. Впоследствии кондитерская фабрика «Красный Октябрь».
- 167 Шуга — мелкий плавающий лед.
- 168 Мамона, маммона (*прост., устар.*) — утроба, брюхо (как символ алчности, обжорства, стяжательства).

- 169 Приказный — казачий воинский чин (дословно — «впервые попавший в приказ»), в который за отличие производили казаков рядового звания; соответствовал званию ефрейтора в пехоте и бомбардира в артиллерии.
- 170 Арьябала (*бурят., калм.*) — имя бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары.
- 171 В тибетском буддизме существуют две основные школы, различие которых базируется не на догматическом уровне, а на определенных линиях духовной передачи: «желтошапочники», или Гелугпа, и «красношапочники». Последних существует три разновидности: Ньингмапа (Nyingmapa), Кагьюпа (Kagyupa) и, самая распространенная, Сакьяпа (Sakypa), название которой происходит от названия монастыря Сакья, основанного в 1073 г.
- 172 Здесь имеется в виду породистая лошадь, т. е. выращенная на конном заводе.
- 173 Геологические образцы, собранные Монголо-Сычуаньской экспедицией, затем были переданы в разные геологические музеи.
- 174 Здесь: во время ночного дежурства.
- 175 Ширик, мотоширик (*Kobresia Thibetica*) — «деревянная трава», так называют монголы тибетскую осоку за ее необычайную твердость и упругость (прим. П.К. Козлова: «Монголия и Амдо...» (1923), с. 359).
- 176 «Хомбо, дэму ина!» — учтивое согласие. «Дэму ин» (*тиб. demu yin*) — хорошо; хомбо (прав. хамбо от *тиб. mkhan po*) — учитель.
- 177 Ямб — русское название слитков серебра, обращавшихся в Китае вплоть до денежной реформы 1933 г. Слитки были разного веса, чаще всего 50 лян (около 1875 г), могли разрезаться на части для мелких платежей. Ямбы имели ступкообразный вид, похожий на китайские башмаки.
- 178 Варнак (*устаревш., регионал.*) — каторжанин, беглый заключенный; *перен.* негодник, негодный человек.
- 179 Ван-цзэ-ин — здесь: старшина хошуна.
- 180 Мани (*тиб.*) — сакральная шестислоговая мантра бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары: «Ом-мани-падме-хум» (О жемчужина, сияющая в цветке лотоса!), одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны. Обычно «мани» вырезается или пишется на камнях вдоль дороги. Здесь: «мани» написана на бумажных флажках, соединенных в гирлянду.
- 181 Пленка — силок, петля из свитого вдвое конского волоса для ловли птиц (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка 2 изд. Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 123).
- 182 По-видимому, искаженное хамбо-лама или просто хамбо (*тиб. khenpo blama*) — старший монах, учитель.
- 183 Турач, или франколин *FrancoLINUS francoLINUS* (Linnaeus, 1766) — птица семейства фазановых отряда курообразных.
- 184 См.: *Барадийн Б.Б.* Путешествие в Лавран: буддийский монастырь на Северо-Восточной окраине Тибета в 1905–1907 г. // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. 4. С. 183–232; *Барадийн Б.Б.* Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Пг., 1924 (*Bibliotheca buddhica*. Т. XXII); *Барадийн Б.Б.* Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.). Улан-Удэ, 2002.
- 185 Лавран (*тиб. bla brang*) — «резиденция ламы (учителя)»; геген (*тиб. dge rgan*) — «учитель». Полное название монастыря — Лавран Ташикьил (*тиб. bla brang bkra shis 'khyil*). Г.Ц. Цыбиков переводит название монастыря как «Ламский дворец — круговорот благ» (*Цыбиков Г.Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета / Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 50). Монастырь в Амдо (Северо-Восточный Тибет), один из шести крупнейших монастырей школы Гелуг. Основан в 1709 г. Чжамьяном Шадбой I, Агваном Цзондуем (1648–1721). Лавранская система обучения философии, основанная на сочинениях, созданных линией воплощений Чжамьяна Шадбы, считалась одной из лучших в Тибете. С XVIII в. эта система рас-

- пространялась в Монголии, затем ее стали придерживаться и в большинстве буддийских монастырей Забайкалья. Линия воплощений Чжамьяна Шадбы существует по сей день. Среди святынь Лаврана — изображение будды Майтреи и ступа Гунтана Ринпоче. В настоящее время Лавран остается одним из важнейших центров буддийских наук и образования в Амдо. Здесь имеются пять факультетов, традиционных для монастыря-университета: факультет философии, тантры, медицины, Калачакры и Хеваджры. О Лавране см., напр.: *Барадийн Б.Б.* Путешествие в Лавран: буддийский монастырь на Северо-Восточной окраине Тибета в 1905—1907 гг. // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. 4. С. 205—207; *Харькова Е.Ю.* Монастырь Лавран Ташикыл во времена Пятого Чжамьяна Шейпы (1916—1947) // Третьи Доржиевские чтения: Сборник материалов конференции. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 180—187; *Стрелков А.М.* Тибет. Легенды и тайны Страны Снегов. Улан-Удэ: Удумбара, 2012. С. 163—178; *Nietupski P.K.* Labrang Monastery: A Tibetan Buddhist Community on the Inner Asian Borderlands, 1709—1958. Lanham, Md.: Lexington Books, 2011 (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁸⁶ Здесь ошибка. Монастырь Лавран основан в 1709 г., т. е. на момент посещения его П. К. Козловым монастырем было 200 лет.
- ¹⁸⁷ Четвертый Чжамьян Шадба (Чжамьян Шейпа) — Кэлсан Туптэн Ванчуг (1856—1916). Основал в Лавране факультет Хеваджры (Кьедор Дацан) для изучения Пекинской астрологической системы и построил несколько храмов, среди которых храм Будды Шакьямуни (Чжово лхакан). Известен как ученый, автор многочисленных сочинений (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁸⁸ Цокчэн-дуган — в настоящий момент историческое здание не сохранилось, оно было уничтожено пожаром в 1985 г., на его месте выстроен новый соборный храм. Храм Майдари (Майтреи) — Сэркан Ченмо, или «Большой золотой храм», сохранился до наших дней. См.: *Барадийн Б.Б.* Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Л., 1924. Главная святыня храма — восьмиметровая статуя сидящего будды грядущего Майтреи. Статуя выполнена из меди и позолочена; Храм Чжово-лхакан (Храм Будды Шакьямуни, Чжо во (*тиб.*) — Будда Шакьямуни); Джютба-дуган (Гьюд дуган или дацан) — факультет, где изучались тантры; Манба-дуган (Мэнба дацан) — факультет медицины; Дёнкор-дацан — факультет, где изучалась тантра Калачакры и связанная с ней астрологическая система; Чжидур-дацан (Кьедор дацан) — факультет, где изучалась астрологическая система Хеваджры (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁸⁹ Гунтын-субурган (Гунтын-чортэн) — этот храм связан со второй по значению, после Чжамьяна Шейпы, линией перерождений великих лам Лаврана — линией Гунтана Ринпоче. Первый Гунтан Гендун Пунцок (1648—1724) построил в Лавране большую ступу (*монг.* субурган, *тиб.* чортэн), получившую название Гунтан Тондрол чортэн (Gung thang mthong grol mchod rten) «Ступа Гунтана, дарующая освобождение тем, кто увидел ее»; сохранилась до наших дней. См.: *Барадийн Б.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника. 1906—1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 50—51 (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁹⁰ Долма-лхакан — храм женского буддийского божества Тара (*тиб.* Дролма) (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁹¹ Боин-зэт-лхакан — искаженное Пэндзокан лхакан (*тиб.* dpe mdzod khang lha khang). *Пэндзокан* в переводе с тибетского означает «библиотека» (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁹² Храм Бурхан — вероятно, ошибка. Правильно Бархан (*тиб.* paṅ khang) — типография (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).
- ¹⁹³ Согласно буддийским представлениям, в наш мир должны явиться тысяча будд. Скульптурное изображение тысячи будд (бурханов) стало традиционным для буддийских монастырей (*комментарий Е.Ю. Харьковой*).

- 194 Ритод (от *тиб.* ri khrod) — горная цепь, уединенное место в горах для духовной практики, прибежище буддийских монахов-отшельников.
- 195 Цзолик от *монг.* золик (бранное) — черт.
- 196 Коржун — кожаный мешок.
- 197 Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский писатель, дипломат; сотрудник русской миссии в Персии. Погиб во время разгрома здания миссии толпой взбунтовавшихся персов.
- 198 Лычжа — название торжественного буддийского молебствия.
- 199 Дархэ от Дара Эхэ (*монг.* Матушка Тара) — досл. «спасительница», наиболее популярный женский образ в буддийском пантеоне.
- 200 Речь идет об английском путешественнике Дж. Бруке (John Weston Brooke, 1880–1908). Возвращаясь через Сычуань в Индию, 24 декабря 1908 г. он погиб на землях племени Лоло в результате нападения разбойников.
- 201 Имеется в виду зерно, перевозимое китайцами в бурдюках из бычьей кожи на плотах.
- 202 Стена Чи — по-видимому, сокращенное название от Чханхен (*кит.* Chángchéng) — Великая Китайская стена.
- 203 Дяни (от *кит.* Dàchē diàn) — китайские постоянные дворы.
- 204 Цзунду — наместник, начальник административной единицы в Цинской империи, в данном случае провинций Шэньси и Ганьсу. П.К. Козлов в дневниках называет его также вице-королем этих провинций.
- 205 Имеется в виду торговый дом «Шустов и сыновья» — один из крупнейших в России производителей алкогольной продукции, в том числе коньяков, наливок и настоек. Шустовы являлись владельцами коньячных заводов в Ереване, Кишиневе, Дагестане, Одессе.
- 206 Сульхир (*Agriophyllum gobicum*) — см. прим. 50.
- 207 [*Поле И.*] Звездные миры и их обитатели. Введение в современную астрономию профессора Иосифа Поле / Пер. с нем., пред. С.П. Глазенапа. СПб., 1903.
- 208 Ц.Г. Бадмажаров был сотрудником Кяхтинского Торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» и часто совершал коммивояжерные поездки по Китаю.
- 209 Имеюся в виду в хошуне (княжестве) западных (барун) монголов-сунитов.
- 210 Правильно Wàijǐāobù (Вай-дзяо-бу) — Министерство иностранных дел Цинского Китая.
- 211 Дерево Цзонхавы — растет в монастыре Гумбум, и на его листьях якобы просвечивают священные письмена; святыня для желтошапочных буддистов школы Гелуг. См.: Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
- 212 По третьему пункту (*иноск.*) — речь идет о третьем пункте «Положения о порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» (от 7 ноября 1850 г.). Согласно этому пункту начальник имел право уволить подчиненного без сообщения ему причины увольнения.
- 213 Маммалия, маммалогия, маммалиология — раздел зоологии, занимающийся комплексным изучением млекопитающих.
- 214 Фейерверкер — унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях российской императорской армии, существовало до 1917 г.
- 215 Rughospiza — устаревшее родовое название, сейчас — Carpodacus; obsolete (*англ.*) — устаревший, вышедший из употребления. Видимо, добавлено как ремарка (*комментарий* А.В. Куприянова).
- 216 Крез (595–546 до н. э.) — последний царь Лидии из рода Мермадов, известный своими несметными богатствами.
- 217 Беловодье (Беловодское царство) — легендарная страна свободы, справедливости и истинного благочестия в русских народных преданиях. Возникновение и распространение легенды тесно связано с деятельностью секты «бегунов» или «стран-

- ников», которая является крайним левым ответвлением старообрядчества. Первоначально (во 2-й половине XVIII в.) Беловодьем назывались старообрядческие поселения в двух плодородных долинах Юго-Восточного Алтая — Ухтарминской и Уймонской, куда не достигало «начальство» и попы — гонители староверов, не принявших церковной реформы патриарха Никона. Первые сведения о поисках староверами заповедной страны относятся к 1825–1826 гг., но уже во 2-й половине XIX в. «хождения в Беловодье» приобрели массовый характер. Н.М. Пржевальский во время путешествия на Лобнор (Западный Китай) в 1877 г. услышал от местных жителей, как в эти места в конце 1850-х — начале 1860-х гг. пришла большая группа алтайских староверов, в поисках беловодской «земли обетованной». См.: *Белослюдов А.Н.* К истории Беловодья // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1914. Т. XXXVIII. С. 32–35; *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII — XIX вв. М., 1967.
- 218 *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Т. I. Ч. I: По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905. С. 121–122.
- 219 Имеется в виду День Святой Троицы — один из главных христианских праздников, отмечается на 50-й день после Пасхи.
- 220 См.: *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Т. I. Ч. I: По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905. С. 124.
- 221 Ханхай (Хан-хай) — гипотетическое море, которое, по представлениям древних китайских географов, находилось на месте современной пустыни Гоби. Идею существования моря на этой территории поддерживал ряд ученых, в том числе немецкий географ и путешественник Ф. Рихтгофен (Ferdinand Freiherr von Richthofen, 1833–1905). Гипотеза о существовании моря на месте пустыни Гоби была опровергнута В.А. Обручевым.
- 222 Искаж. *франц.* bronzes — покрывать загаром.
- 223 Дальнейшие исследования показали, что в этом субургане был обнаружен скелет пожилой (более 50-лет) женщины, возможно, важной буддийской монахини. Об этом пишет и сам П.К. Козлов в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (Пг., 1923. С. 555–556), ссылаясь на статью: *Волков Ф.К.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг.: Изд-е Этнографического отд-я Русского музея Императора Александра III, 1914. С. 179–182.
- 224 В Хара-Хото была найдена редкая статуэтка двухголового Будды. По преданию, два бедняка заказали художнику два изображения Будды, но, так как денег хватило только на одного, то художник создал им такую оригинальную скульптуру. Сейчас эта статуэтка Будды экспонируется в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.
- 225 По-видимому, речь идет о консервированном сгущенном молоке, произведенном американской фирмой Либби (основана в 1869 г.), специализировавшейся на изготовлении консервов. «Либих» вместо Либби (или как значится на современной этикетке Libby's), возможно, является слегка искаженным названием фирмы-изготовителя.
- 226 Первые исследования рукописей из Хара-Хото были проведены А.И. Ивановым (*Иванов А.И.* Тангутские рукописи из Хара-Хото // Известия РГО. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–470). Важный вклад в дешифровку тангутских рукописей внес Н.А. Невский (1892–1945). С помощью обнаруженного среди найденных в Хара-Хото рукописей китайско-тангутского словаря «Перл в руках» он составил словарь из примерно 6000 тангутских иероглифов. Результаты исследования Н.А. Невского были опубликованы уже после его смерти (*Невский Н.А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960). Продолжил изучение тангутских рукописей Е.И. Кычанов (1932–2013). Итогом его многолетней работы стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря (Словарь тангутского (Си Ся) языка: Тангутско-

- русско-англо-китайский словарь / Сост.: Е.И. Кычанов и С. Аракава. Киото, 2006). Коллекция книг и рукописей из Хара-Хото сейчас хранится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.
- 227 Гуамянь (*кит. guàmian*) — лапша, из множества тоненьких и длинных лапшин. Подносится в знак уважения гостю и как пожелание долголетия («Пусть жизнь твоя будет так же длинна, как эта лапша»).
- 228 «Джяя..», «дзяя...» — монгольское междометие, выражающее одобрение.
- 229 П.К. Козлову удалось частично исполнить желание более подробно изучить Сого-нор во время Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. После пребывания на озере П.К. Козлов в июне 1926 г. отправился в Хара-Хото проверить работу экспедиционного отряда во главе с его старшим помощником С.А. Глаголевым, командированным туда в июле 1925 г. В результате дополнительных раскопок были обнаружены фрагменты книг и рукописей, украшения, керамика, монеты, в одном из храмов — фрески. Также был снят подробный план города и отдельных его построек.
- 230 То есть дном, покрытым дресвой — угловатыми обломками, образовавшимися в результате механического разрушения разных горных пород.
- 231 «Амур-сайн-байна» от *монг.* Амар сайн байна уу — уважительное приветствие.
- 232 Дарыно — деревня, популярное место летнего отдыха москвичей в конце XIX — начале XX в.; расположена в 94 км от Москвы на р. Чернявке. Славилась своим минеральным источником, лечебные свойства воды которого не уступали многим известным курортным водам, таким, как железноводские и даже некоторым швейцарским.
- 233 Имеется в виду церковный Праздник Святых первопрестольных апостолов Петра и Павла, который отмечался 29 июня по ст. ст. (12 июля по н. ст.).
- 234 Здесь иносказ.: хорошие условия для скота.
- 235 Слоники — группа семейств жуков, имеющих характерную особенность, которая и послужила основой для одного из их русских названий (другое название: долгносики), — отдел головы между глазами и челюстями вытянут в более или менее длинную так называемую головотрубку. У ряда представителей она имеет вид тонкого длинного хоботка, порой превышающего длину остального тела, однако у некоторых она едва выражена (*комментарий А.В. Курпиянова*).
- 236 Речь идет об охотничьем двухствольном ружье производства французской фирмы «Devisme á Paris», дорогой и высоко ценимой у охотников того времени заводской марки. Фирма также известна производством револьверов.
- 237 По-видимому, кисет: тамахи (*монг.*) — табак; саба (*монг.*) — вместилище любого рода.
- 238 Батик (диал. варианты: бадаг, батог, патог) — палка, посох, трость, длинный хлыст. (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. 36).
- 239 Точный диагноз, который был поставлен Володе Козлову, неизвестен. Вероятно, он страдал от какой-то разновидности костного туберкулеза. Для лечения сына семья Козловых летом 1910 г. приехала в небольшое курортное местечко Берк-Пляж (Berck-Plage) на норманском побережье Франции. Клиники и частные санатории этого городка специализировались на лечении таких заболеваний, как рахит и туберкулез костей и суставов.
- 240 Хаос (*лат. chaos terrain*) — имеется в виду поверхность с хаотичным рельефом, сложенной из беспорядочного сочетания гряд, трещин, плато и других типов структур.
- 241 Сай (*тюрк.*) — овраг, балка, небольшая долина, как с временным, так и с постоянным потоком. Здесь: пересохшие русла.
- 242 Кипец — тонконог (*Koeleria cristata Pers.*) из семейства злаковых (*Gramineae*) — многолетняя трава, произрастающая дико во многих местностях, на мергельных, из-

вестковых и плодородных песчаных почвах, считающихся хорошим пастбищем для овец.

²⁴³ То есть в переносном смысле: сделать фотографию, так как П.К. Козлов использовал фотоаппараты со стеклянными фотопластинами.

²⁴⁴ *Козлов П.К.* Озеро Куку-нор и его таинственный остров Куйсу // Русские ведомости. 1909. 17 января. С. 2–3.

²⁴⁵ Чжан-геген — один из 80-ти лам-перерожденцев Гумбума.

²⁴⁶ По-видимому, сокращ. от хара улус (*монг.* хар улс) — простолюдины.

²⁴⁷ По-видимому, П.К. Козлов имеет в виду начавшееся в 1908 г. активное обсуждение строительства Амурской железной дороги — продолжения Транссибирской магистрали вдоль берега Амура и российско-китайской границы до Хабаровска. Необходимость ее строительства была вызвана тем, что после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. южная часть КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) оказалась на японской территории, и России требовался новый путь для выхода на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект Амурской дороги был частично реализован в 1911 г., после строительства уникального по тем временам моста через Амур.

Приложения*

Монгольские, тибетские, китайские термины**

- айл* (монг.) — группа юрт, расположенных на одном месте; семья, семейство.
- албан* (монг.) — учреждение, служба, обязанность.
- амбань* (монг.) — титул высших китайских чиновников: представитель маньчжурского правительства; губернатор, вельможа, сановник.
- аргал* (монг.) — сухой помет домашних животных, употребляющийся как топливо.
- арека, айрик* (монг. *архи*) — молочная водка.
- байшин* (монг.) — дом.
- банчен-богдо* — монголизированная форма титула панчен-ламы, 2-го духовного иерарха Тибета (после Далай-ламы), воплощение будды Амитабхи.
- богдо* (монг. *богд*) — святой, премудрый.
- богдохан, богдыхан* (монг. *богд хаан*) — монгольское название маньчжурских императоров Китая; титул монгольских ханов.
- бокша* (монг. *багш*) — учитель.
- булак, булык* (монг. *булаг*) — ключ, родник.
- бурхан* (от санскр. *буддха*) — иконописное или скульптурное изображение буддийского божества.
- бэйлэ* — в феодальной Монголии 3-я княжеская степень по табелю о рангах, введенному маньчжурскими императорами в XVII в.
- бэйсэ* — в феодальной Монголии 4-я княжеская степень.
- ван* — в феодальной Монголии 2-я княжеская степень.
- вачир* (санскр. *vajra*, тиб. *rdo rje*) — ритуальный жезл или скипетр.
- ганжир, гонжир* — позолоченное навершие буддийского храма.
- гау* (тиб. *ga u*) — амулетница, небольшая коробочка с амулетом, которую буддисты носят на шнурке на шее.
- геген, гэгэн* (монг.) — святой; титул, присваиваемый духовным лицам.
- гелуг, гелугпа* (тиб. *dge lugs pa*) — самая поздняя по времени возникновения школа тибетского буддизма, основанная Чже Цонкапой (Цзонхавой), учение которой основано на теории постепенного происхождения духовного пути и строгого соблюдения Винаи, а традиция монастырского образования — на углубленном изучении философии и логики.
- гоби* (монг. *говь*) — полупустыня, бесплодная степь; топоним пустыня Гоби.

* Указатели сделаны к тексту "Дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции" П.К. Козлова.

** Комментарии даны по: Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 тт. / Под ред. Г.Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001–2002; Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966; *Ковалевский О.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. 1–3. Казань, 1844–1849; *Vod rgya tshig mdzod chen mo.* Stod cha. Bar cha. Smad cha (Большой тибетско-китайский словарь. Т. 1–3). Пекин: Mi rigs dpe skrun khang, 1985–1986; <http://www.zhonga.ru> (дата обращения 22.05.2015).

гун (монг. *гун* — титул княжеского достоинства 6-й степени.

гунэ-курэ (монг. *гун хурээ*) — главный монастырь.

гурбун (монг. *гурба*) — три.

даба, дабан (монг. *даваа*) — высокий горный перевал.

дакини (от санскр. *дакини*, тиб. *mkha' 'gro ma*) — буддийская фея, мистическое существо — носительница мудрости (праджня), «ходящая по небу», существо женского рода, помогающее тантрическим созерцателям.

далай-лама (монг. *далай — море (мудрости) и лама*) — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете.

да-лама (монг. *даа-лам*) — должность управляющего делами буддийского монастыря.

далемба (монг.) — хлопчатобумажная материя.

даргэ (монг. *дарга*) — председатель, начальник.

дархан (монг.) — букв. «священный человек»; ист.: лицо, имевшее привилегированное социальное положение в феодальной Монголии; кузнец, мастер, умелец.

дзамба — см. *цзамба*.

дзасак — см. *цзасак*.

догын (монг. *дуган*, тиб. *'dus khang*) — буддийский храм.

докшит — гневное божество ламаистского пантеона, хранитель веры.

дунду (монг. *дунд*) — средний.

дэмчи-лама (монг. *дэмч*) — 1) надзиратель, смотритель (монастыря); 2) помощник монастырского казначея.

зангин — см. *цзангин*.

ихэ (монг. *их*) — большой, великий.

керексур, кэрэксур (монг. *хиргисин-ур*) — курган, древняя могила.

котэль см. *хукуль*.

кукут (монг. *хүүхэд*) — дети, ребенок.

курма (монг. *хурэм*) — теплая куртка.

курэ, куре (монг. *хурээ*) — монастырь.

кэрексуры, керексуры (монг. *хэрэгсүүр*) — погребальные сооружения, представляющие собой грунтово-каменную насыпь разной высоты от одного до двух-трех метров.

Лингкор (тиб. *gling skor*) — букв. «обход вокруг монастыря»: один из трех круговых маршрутов для ритуального обхода главной святыни Тибета — храма Джоканг в Лхасе.

майхан (монг.) — палатка, тент.

мал, маль (монг.) — скот.

мандал (монг.) — сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддийских и индуистских практиках; обряд подношения; блюдо для жертвенных зерен; поверхность чего-либо большого и кажущегося круглым (поверхность моря, диск, круг, окружность); жертва, сжигавшаяся перед божеством.

мани — сокращенное название шестисложной мистической формулы ом-мани-падмэ-хум.

- мейрен, мэйрэн, мэрэн* (монг. *мээрэн*) — воинское звание командира соединения, владетельный князь.
- модо, мото* (монг. *мод*) — дерево.
- нирва* — казначей монастыря.
- ноин, нойон* (монг. *ноён*) — князь, господин; светские правители в феодальной Монголии различных ступеней и рангов.
- нор, нур* (монг. *нуур*) — озеро.
- обо* (монг. *овоо*) — искусственное сооружение в виде кучи камней, место поклонения «духам».
- орус* (монг. *орос*) — русский.
- панчен-лама, банчен-эрдени, банчен-богдо* (от *пан*, сокр. санкр. от *пандита* — ученый; тиб. *чен* — великий) — титул второго (после далай-ламы) иерарха ламаистской церкви Тибета.
- нембу* (от тиб. *дроп ро*) — низший чиновничий класс в Тибете (Каме).
- пурбу* (тиб. *phur bu*) — ритуальный кинжал.
- риде, риид, ритод* (тиб. *ri khrod*) — горное убежище отшельника, пещера.
- сайхан* (монг.) — красивый.
- сан-лама* (от монг. *санг* — казна, сокровищница) — один из управляющих буддийского храма.
- сарлок, сарлык* (монг. *сарлаг*) — як.
- согдо* — см. *цогдо*.
- сончжи, сончжэ* (тиб. *gsang tje*) — тайное место, зд.: намогильный памятник, расположенный высоко в горах.
- субурган* (монг. *суврага*; тиб. *chos rten*) — буддийское ритуальное сооружение в виде пирамиды, служащее для захоронения мощей или поставленное в честь какого-либо буддийского святого; надгробная пирамида, ступа, в которую закладывают священные книги, благовонные травы и т. п.
- суй* (кит. *shui*) — государственная пошлина; налог, обложение.
- сумэ* (монг. *сүм*) — буддийский храм или монастырь.
- тайджи* (монг. *тайжэ*) — в маньчжурскую эпоху, как правило, потомственный дворянин, низший княжеский титул.
- тал* (монг.) — равнина, степь, сторона (напр. западная сторона).
- тамага* (монг. *тамга*) — печать, штампель; зд.: государственное учреждение.
- тараки, тороки, тораки* (монг. *таар*) — мешок.
- тарлык* (монг. *тэрлэг*) — халат без подкладки; летний халат.
- тарык* (монг. *тараг*) — кислое молоко, род простокваши.
- тин* — тангутский начальник.
- тин-гуань* (кит. *qīngguān*) — знатный чиновник, начальник административной единицы тин; здесь: уездный начальник.
- тошур, ташур* (монг. *ташуур*) — кнут, плеть с коротким кнутовищем.
- тунси, тунсы, тунши* (кит. *tōngshì*) — переводчик, драгоман.
- тусалакчи, тусулукчи* — гражданский помощник правителя монгольского княжества.
- тусы* (кит. *tǔsī*) или *чжалбо* — потомственный князь, управитель округа в Восточном Тибете, Сычуани, Каме.
- тэмэ* (монг. *тэмээ*) — верблюд.

- тэнгэри* (монг. *тэнгэр*) — небо (как божество); божество; гений, небожитель.
- улан, улэн* (монг. *улаан*) — красный.
- уртон* (монг. *ортоо*) — почтовая станция, перегон между станциями.
- урюм* (монг. *өрөм*) — пенка.
- хадак* (тиб. *kha btags*) — шелковый или тонкий хлопчатобумажный шарф для подношения в дар почетному гостю.
- хайнык, ханык* (монг. *хайнаг*) — помесь коровы с яком.
- хамбо* (монг. *хамба, тиб. mkhan po*) — настоятель монастыря, ученая степень.
- хан-чулуу* — см. *хун-чулуу*.
- хара* (монг. *хар*) — черный.
- хашан* (монг. *хошоо*) — загон, изгородь, двор.
- хит* (монг. *хийд*) — монастырь.
- хошан* (монг. *хөшөө*) — памятник.
- хошун* (монг. *хошуу*) — административно-территориальная единица, княжество; знамя.
- хубилган* (монг. *хувилгаан*) — перерожденец ламы (высшего духовного лица) в Монголии, прославившегося деятельностью на пользу буддизма.
- худук* (монг. *худаг*) — колодец.
- хун* — см. *гун*.
- хурал* (монг.) — собрание; богослужение в монгольском буддизме.
- хурдэ* — (тиб. *'khor*) — цилиндр или валик на оси, содержащий мантры — священные центры.
- хурмэ* (монг. *хурмэн-чулуу*) — базальт.
- хурэ* — см. *курэ*.
- хукуль* — низкий пологий перевал.
- хутухта* — то же что *хубилган* (монг. *хутагт, тиб. 'phags pa*) — святой, мудрец.
- цаган* (монг. *цагаан*) — белый.
- цайдам* (тиб. *tshwa 'dam*) — солончаковая местность.
- цам* (тиб. *'cham*) — театральная мистерия, устраиваемая в ламаистских монастырях.
- цанит* (монг. *цанид, тиб. tsan nyid mtshan nyid*) — философская наука, изучаемая в монастырских школах тибетского буддизма.
- цаца* (тиб. *tsa tsa*) — небольшая по размеру статуэтка буддийского божества из глины.
- цаган-цзере* (монг. *цагаан-зээр*) — антилопа дзерен.
- цзамба* (тиб. *tsam pa*) — поджаренный ячмень или мука, приготовленная из пережаренных зерен ячменя, кукурузы или пшеницы, основной продукт питания в Тибете.
- цзангин* (монг. *занги*) — 1) истор.: низшее должностное лицо; 2) младший офицерский чин; 3) название должности начальника караульной станции.
- цзара* (монг. *зар*) — извещение, приказ.
- цзасак* (монг.) — начальник хошуна, правитель княжества; титул, даваемый родовому князю монгольского хошуна, которому вверялось заведывание местными войсками.
- цзахиракчи* — военный помощник монгольского князя.

цзунду, чжитай (кит. *zhōu, xiànzūn*) — наместник, начальник административной единицы в Цинской империи.

цин-ван — в феодальной Монголии 1-я княжеская степень.

цин-цай — наместник маньчжурского правительства в какой-либо провинции.

цогдо, цогда (монг. *цагдаа*) — милиционер, стражник; полицейский.

цончжи(э), цонжи (монг.) — сторожевая башня, придорожная башня, маяк в пустыне.

цянь (кит. *qián*) — китайская денежная единица, выпускавшаяся преимущественно в виде круглой бронзовой монеты с отверстием в центре.

чжалхэн-кукут (монг. *жаахан хуухэд*) — разг.: маленькие детки; маленький ребенок.

чжи фу — начальник административной области в Цинском Китае.

чоно (монг.) — волк.

чура, чюра (монг.) — творог.

шабханцза, шибганцза (монг. *шавганц*) — послушница; монашенка; женщина, принявшая обет безбрачия; старая остриженная женщина, посвятившая себя богу; старуха.

шара (монг. *шар*) — желтый.

эмчи (монг. *эмч*) — врач, лекарь.

яман (монг. *ямаа*) — коза.

ямынь, ямун (кит. *yámen*) — присутственное место, учреждение (гражданское и военное) в Цинском Китае.

янгер, янгир, янгэр-яман (монг. *янгир-ямаа*) — горный козел.

хит, хурэ (монг. *хүрээ*) — буддийский храм или монастырь в зависимости от типа застройки и статуса.

Указатель биологических терминов

- Accentor collaris erythropygus 230, 231
Accentor fulvescens 60, 270
Acredula vinacea 229
Aegialites 75
Alauda arvensis 181
Alaudula 42
Anas boschas 229
Anser cygnoides 74
Anthus 76, 101
Anthus spinoletta blackistoni 229
Antilope gutturosa 40, 367
Antilope subgutturosa 355
Ardea alba 221
Ardea cinerea 74
Ardea garzetta 386
Asinus 63
Astur palumbarius 229
Athene 187, 229
- Budytes 308
Budites citreolus 309
Buteo 40—42, 46, 144, 150, 187, 249, 305
Buteo leucocephalus 51
Buteo leucorrhous 42
- Canis corsac 385
Capra sibirica 354, 355
Carabus 89
Carpodacus 265
Carpodacus stoliczkae 158, 229, 286
Carpodacus roseus 102, 130
Carpodacus dubius 230, 270
Carpodacus rubicilloides 229, 270
Casarca rutila 339
Certhia 229
Certhia familiaris bianchii 229
Ciconia nigra 75
Cinclus 270
Cinclus cashmeriensis 229
Cinclus sordidus 230
Circus 144
Columba leuconota 231
Columba rupestris 229, 287
Corydalla richardii 339
Corone corone 64, 229
Corvus 339
- Corvus corax 229
Corvus monedula 74
Cotile riparia 106, 181, 183
Cotile rupestris 76
Crossoptilon auritum 130
Cyanistes 229
Cyanopoliis cyanus 229
Cygnus bewickii 75
Cygnus musicus 74
Cynchramus schoeniclus 74
Cypselus 339
- Dafila acuta 74
Dipus 179
- Emberiza godlewskii 229, 270
Eremias Przewalskii 95, 305, 362
Erythrospiza mongolica 229
- Falco 40
Falco babylonicus 40
Falco cherrug hendersoni 33, 40, 181, 229
Falco tinnunculus 40, 260, 318, 324
Fadorna cornuta 71
Fulica atra 75
Fuligula rufina 74
- Haliaëtus albicilla 74
Hirundo gutturalis 106
- Galerida cristata 74, 229, 339
Gazella gutturosa 52, 53
Gazella subgutturosa 52, 149, 348
Gennaia 187, 249
Gennaia hendersoni 262
Gennaia milvipes 260
Gerbillus 93, 149, 303, 318
Graculus graculus 229
Grus virgo 310, 352, 371
Gypaetus barbatus 228, 262, 362
Gyps himalayensis 130, 202, 228, 237, 262
- Ibidorrhynchus struthersi 229
- Janthocincla maxima 270

- Lagomys* 35, 182, 367
Lagomys rutilus 229
Lanius 308
Larus ichthyaetus 181
Leptopoeile sophiae 220, 229
Leucosticte 202
Lophobasileus elegans 270
Loxia himalayana 270

Melanocorypha 42
Melanocorypha maxima 181, 229, 254
Melanocorypha mongolica 181
Mergus albellus 74
Merula atrogularis 75
Monedula 64
Monedula monedula 229
Monedula daurica 229
Montifringilla alpicola 54, 60
Montifringilla nemoricola 270
Motacilla 75
Milvus melanotis 339

Nemorhoedus – джара 171, 385
Numenius arquatus 75

Onychospiza 178, 181
Otocorys 42, 181, 287, 288
Otocorys elwesi elwesi 229, 260, 262
Otomela 74, 339

Panurus biarmicus ruscicus 380
Parus minor 229
Passer montannus 229
Passer stoliczkae 339
Perdix barbata 229
Perdix sifanica 229
Petronia petronia 229
Phodospiza obsoleta 229
Phoenicurus erythrogastra 64
Pica pica bottanensis 229
Picus mandarinus 229
Picus martius 372
Podiceps cristatus 75
Podoces hendersoni 46, 291, 305
Podoces humilis 149, 262
Poecile affinis 265

Poecile superciliosa 229, 270
Poliomyias hodgsoni 301
Populus 152
Procapra picticauda 178, 182
Pterorhinus 130
Pterorhinus davidii 220, 229, 270
Pyrgilauda davidiana 60
Pyrgilauda 178, 181, 247
Pyrrhocorax graculus 149
Pyrrhospiza obsoleta 305

Rallus aquaticus 229
Rhopophilus 74, 81
Rhopophilus pekinensis 229
Ruticilla 265
Ruticilla erythrogastra 62, 229, 252, 270
Ruticilla rufiventris 130, 354

Saker 33, 376
Salicaria orientalis 341
Salpingotus Kozlovi 16
Saxicola 339
Saxicola atrigularis 287
Saxicola isabellina 74, 287
Saxicola pleschanka 286, 287
Scolopax sp. 229
Spatula clypeata 74
Spermolegus fulvescens 229
Sylvia aralensis 76, 95
Sylvia minuscula 339
Syrrhaptes paradoxus 42, 50, 288, 355

Tadorna cornuta 229
Tadorna tadorna 74
Tetraogallus tibetanus 262, 263
Tichodroma muraria 229, 359
Tinnunculus alaudarius 336, 339
Tringa subarguata 352
Tragopan temminckii 76
Trochalopteron elliotii 220, 270
Turdus ruficollis 229
Turdus naumanni 107, 301

Upupa epops 75, 229

Vultur monachus 54, 228, 235, 241, 262, 287

Указатель географических и топографических названий

- Азия 10, 17, 26, 38, 43, 45, 93, 107, 148, 168, 172, 188, 214, 239, 288, 300, 307, 322, 325, 335, 374, 379, 380
- Ай-гу-лан-сы, тибетский монастырь 161, 172
- Аксайские горные источники 237
- Алаша, Алашань 6, 12, 30, 37, 45, 90, 91, 95, 101, 105, 107, 111, 116, 120, 123, 129, 134, 135, 137–140, 145, 146, 153, 187, 189, 205, 214, 236, 237, 283, 284, 288, 289, 295, 298–300, 302, 307, 312, 313, 317, 320, 327, 350, 351
- Алашаньский хр. 11, 14, 105, 107, 115, 117, 120, 127, 129–131, 138, 139, 190, 293–295, 299, 300, 302, 306, 403
- Алтай Монгольский 37, 40, 45, 46, 50, 333, 339, 344
- Алтын-булак, родник в Южной Гоби 101
- Алтын-сумэ, буддийский храм в Гумбуне 170, 171
- Амдо, Амдоское нагорье 3–5, 7, 13, 15, 16, 18, 59, 134, 170, 171, 180, 255, 258, 261, 262, 266, 271, 278, 282, 284, 380, 388, 389, 391, 400–402
- Амнэ-воен, горы 243
- Амнэ-джагыр, г. 245
- Амнэ-мачин, хр. 208
- Амнэ-рычон, пер. 249
- Амын-усу или Буктэ, кол. в Центральной Гоби 62, 63, 304, 305, 317
- Ангара, р. 26
- Англия 165
- Ара-гол, р. 181
- Ара-уртэ, горы 365
- Аргалинтэ (Аргалэнтэ), хр., горная гряда 61, 65, 95, 98–100, 146, 349, 359, 360
- Арца-богдо, г. 52
- Арца-цончжи 73
- Ары-тава, уроч. 254
- Атацик 44
- Атун-худукэн-ама, ущ. 102
- Ахыр 46
- Ба, долина 250
- Бага-атацик, ручей 366
- Бага-бугутай, уроч. 300
- Бага-мото 64, 81
- Бага-хонгорчжэ, горки 344
- Бадан-чжарэнг, Бадан-чжарэн, песчаная пустыня в Гоби 318
- Байгиин-хот 74
- Байкал, оз. 26, 282, 401
- Баин-гол 372
- Баин-нуру, горы 102, 304
- Баин-сумбур 111, 126
- Баин-ула 104, 303
- Баин-хан 372
- Баин-хубук 142, 146
- Байтунь-цзы, селение 145, 147
- Байшинтэ (Байжинтэ), ключ, уроч. южнее Гурбун-сайхана 140, 141
- Байшинтэн-хит, монастырь в предгорьях Гурбун-сайхан 350, 351
- Балбырха-цончжи 66, 343
- Бартан-худук 60, 61, 343
- Барун-гол 132
- Барун-хит, монастырь 118, 124–126, 132, 141, 153
- Бача-аргалэктэ (Бага) 55
- Ба-чю, р. 249
- Биан-худук (Баин) 142, 146
- Бин-гоу, селение 156, 157
- Бин-гоу-лин, пер. 157
- Бичиктэ 101
- Богдо-ула (Богдо-ола), г. в Урге 36, 40, 368, 370, 372, 377
- Бомботэн-нор 360
- Боро-обо 67, 342–344
- Боро-хацанга, кол. 349, 350
- Боро-хото 324, 326, 327, 343
- Боро-цончжи (Боро-цонгжи), уроч. около Хара-Хото 88, 89, 313, 344
- Ботек-безрек 79
- Бугук-гол, дол. 368
- Буйлусэн, г. 53
- Буктэ, уроч. 62, 63
- Булыктэ, уроч. 348
- Бургултай (Бургултуй) 371
- Бурл-хангай, горы 373

- Ван-цзи-цзинь, селение 149
- Вар-дун, местность вблизи Гуй-дуйя; горы 228
- Вдэ-чю (Вдэр-чю, Рзэ-чю), р. 256, 258–260
- Вей-сянь, гор. в Гань-су 241
- Верхнеудинск, гор. 24, 26
- Всилун, уроч. 251
- Вю-цзы-мяо, кумирня на высотах на юге оазиса Гуй-дуй 189, 222, 224
- Гангу-ку (Гангу-коу), китайское селение 150
- Гангын-дабан, Гангэн-дабан, Гангы-дабан, хр. 367
- Гандан, монастырь в Урге 36, 40, 385
- Ганза-гоу, ущ. 159
- Гань-су, Гань-сю, провинция 11, 112, 119, 204, 215, 266, 283, 300–302
- Гань-чжоу 87, 88
- Гашун-нор, солёное оз. в низовье Эцзин-гола 70, 72, 79, 135, 311, 318
- Гига-амнэ-консым, вершина 245
- Гилян-нор, Гилян-нор, станция на тракте Кяхта – Урга 30, 373
- Гоби, пустыня 3, 8, 11, 44, 59, 104, 189, 305, 391, 394, 402
- Годя-вопу-тан, дол. 149
- Гойцзо, дол. в Центральной Гоби 12, 75, 81, 87, 89, 90, 92, 95, 105, 303, 308–312, 317, 318
- Го-котэль, пер. 98
- Го-люн-дунь, селение 150
- Гоман-гзюн, р. 244
- Гомба-сы, буддийский монастырь в Гуй-дуге 228, 242
- Гоми, хошун 185
- Гон-кхан (Гонк-хан, Гонкан), один из храмов монастыря Гумбум 171
- Гуй-дуй, оазис 172, 189, 205, 214, 215, 220, 222–230, 235, 237, 238, 242, 243, 247
- Гуйдэ-тин, гор. 6, 206, 219, 220, 234
- Гуй-хуа-чен, гор. 116
- Гумбум, буддийский монастырь в Амдо 3, 4, 11, 84, 119, 148, 158, 165–169, 171, 172–174, 176, 185, 194, 195, 200, 212, 214, 215, 219, 226–228, 230–232, 236, 237, 271, 272, 274, 278–280, 292, 337, 369, 373, 387, 390, 393
- Гурбун-сайхан, горный массив или хр. в Монголии 13, 40, 49, 51–53, 65, 76, 82, 93, 283, 331, 333, 335, 339, 342, 344, 347–351, 355, 359, 361, 362, 366, 368, 402
- Гути-цзай, г. (Гуши) 221
- Гэнгэтэ 345
- Да-хулун, дол. 286
- Дабасун-гоби, дол. 178
- Дабасун-нор 202
- Да-курень – одно из названий Урги 49–51, 87, 88, 378
- Далай-дабасу, оз. 180
- Далай-цорчжи-сумэ – монастырь к юго-востоку от Урги. 296
- Дарбахай, уроч. 141
- Да-тунг, Датунг 187, 197, 215, 222
- Дацан-сумэ 178
- Да-ша-хэ, р. 149
- Джандэль, луговое плато 253
- Джарва-тон-дон, р. 250
- Джахар, горы, хр. 229, 242–245
- Джему-лапци, пер. 251
- Джупар, хр. 243
- Джэн-хэй-буа, китайский гор. 211
- Джясы-лапци, холм 259
- Дод-хурал, кумирня в Торгоутском хошуне 136
- Долонэ-гол, дол. 146
- Долонэ-обо, г. 146
- Донгэр, китайский гор. 165, 167, 173–178, 187, 194, 195, 210, 211, 224, 230
- Донгэр-дугун, один из храмов монастыря Гумбум 171
- Донгэр-хэ, р., дол. 180, 198, 210
- Дорци-нига, пер. 244
- Дунду 54
- Дундугур 41
- Дунду-сайхан 51–53, 349, 352, 355, 356, 359
- Дун-че-гоу (танг. Дун-че-лун), речка в оазисе Гуй-дуй 224

- Дурбун-мото, кол. в Южной Гоби 102, 304
- Дын-юань-инь, оазис, гор. 11, 13, 37
- Дэг-зачжи (Дэгзачжи), дол. 258
- Дэлгэр-хангай (Дэлыгэр-хангай, Дэльгэрг-хангай) 44, 46, 360–362
- Дэн, вершина горы 53
- Дэнгин-холэ 348
- Дэрэстэн-хотул, горы 142
- Дэрэсун-хото, гор. 144
- Дю-дя-му, один из монастырей Лавран 277
- Забайкалье 40, 119, 314, 389
- Западный Китай 8, 391
- Зуслан, уроч. в долине Гойцзо 91, 310
- Зуслэн-хайрхан, г. 91
- Ибицык, станция в Северной Монголии 30, 32, 373
- Илийский край 116
- Илисэн-котэль, горы с перевалом 98
- Имтын-гыр-дэн-рок (Намаргэ), г. 180
- Ин-нянь-шуй, селение 147
- Иркутск, гор. 25, 26, 300, 373, 376
- Иро, р. 372
- Ихир-улын 146
- Ихэ-аргалинтэ (Ихэ-аргалэнтэ), горы 60, 347
- Ихэ-атагик, ручей 366
- Ихэ-булак 44
- Ихэ-гол, р. 125, 126, 141
- Ихэ-гурбан-чулу, г. 37
- Ихэн-гун-худук, уроч. 345
- Ихэ-Тунгун-худук, кол. 145
- Ихэ-улын, холмы 54
- Иша 306, 313, 317
- Кам, географ. обл. 10, 13, 23, 25, 47, 49, 123, 230, 275, 308, 318, 346, 361, 375, 378–381, 386, 387, 391, 396
- Кашгария 87, 112
- Китай 3, 5, 8, 11, 12, 15, 18, 39, 113, 119, 120, 133, 137, 139, 162, 163, 192, 193, 205, 213, 222, 228, 236, 239, 273, 289, 296, 300, 313, 357, 373, 376–388, 390, 391, 395, 398, 402
- Кобдо, гор. 116, 358, 371
- Кокшун 346
- Куань-гоу-чен, гор. 148, 150
- Куань-гоу-ченский хр. 147
- Куй-Аюч 35
- Куйсу, остров на оз. Кукунор 5, 182–186, 188, 190, 193, 196–204, 206, 208, 210, 212, 303, 386, 393, 404
- Куйтун 32, 372
- Куку-морито 94
- Куку-нор 3, 5, 11, 138, 139, 141, 153, 162–166, 172, 173, 177–184, 186–190, 193, 195–198, 200–210, 212, 232, 259, 284, 292, 335, 349, 363, 373, 385, 386, 393, 404
- Кукура-чю, р. 210
- Куку-хото 52, 62
- Кха-чю, река, дол. 253
- Кяхта, гор. 6, 23, 373
- Лавран (Лабран), буддийский монастырь 200, 222, 237, 238, 241, 250, 252, 253, 255, 258–262, 264–279, 281, 296–298, 373, 388, 389
- Лан-дю-гоу (тан. Лан-дю-лун), речка в оазисе Гуй-дуй 224
- Лань-чжоу, Лань-чжу-фу, Лань-чжоу-фу, гор. 111, 113, 116, 120, 134, 138, 145, 147, 157, 162–164, 166, 192, 213, 226, 237, 271, 272, 280–287, 289, 290, 293, 296–298, 320, 337, 351
- Лапмын-нэга, горы, хр. 250
- Ла-чжи-лин, Ла-чжи-линь, пер. 205, 219
- Лоба-гоу, ущ. 159
- Лобнор (Лоб-нор) 70, 90, 381, 391
- Лова-чен, гор. на Синин-хэ 158, 280
- Лончен-чю, р. 244
- Лоу-ху-шань, хр. 148–150
- Лоцза-шань, г. 142, 293
- Лоэ-шань, горы 232, 233
- Луан-цон-гоу, ущ. 237
- Лун-ван-мяо, кумарня в пиньфанской долине 152
- Лу-фан-сы, г. 149
- Луца (Луц-ца), княжество 243, 245, 248–250, 253, 255, 261, 263, 284

- Лхаса, гор. 11, 166, 194, 232, 269, 271, 273, 274, 279, 377, 381, 384, 385, 395, 401
- Ма-ван (или Нью-ван), кумирня 158
- Магэтан, пески 243, 244, 248
- Маймачень, гор. 30, 376
- Мандал, уроч. 99
- Мандахай, пер., хр.
- Манин-байшен, уроч. 360
- Марцзан-лха (кит. Пэй-ма-сы), кумирня на р. Синин-хэ. 160, 161
- Марцын-ла (Марцзан-лха), монастырь 160, 161
- Ма-чан-шань, хр. 147, 148, 276, 283, 297
- Мая-сюэ-шань, г. 152
- Мдурци-чю, р. 244
- Мимба-дугун, храм 271, 274, 389
- Монголия 3–5, 10, 12, 13, 16, 18, 45, 46, 59, 93, 170, 171, 180, 282, 308, 318, 371, 373, 375, 378–381, 383, 384, 386, 388, 391, 400, 401
- Монгольский Алтай 37, 40, 45, 46, 50, 333, 339, 344
- Монра, дол. 244
- Мон-чю, р. 243, 245
- Москва, гор. 18, 24, 25, 29, 37, 38, 53, 76, 100, 138, 240, 247, 282, 283, 356, 357, 369, 387, 392, 401
- Моша-гоу-ся, р. 232
- Му-байшин (Му-бай-тин), гор. 187
- Муджик, Муджик-чю, дол. 228, 237, 241
- Мунунгин-гол, восточный рукав р. Эцзин-гол 70, 73, 337, 339
- Мургулин-дабан, пер. 368
- Нагун-мао (Сор-гэ), г. 180
- Нан-нань-мяо, кумирня 154
- Нан-чан-хэ, приток Синин-хэ, дол. 167
- Нань-чан-гоу, р. 231, 232
- Нань-чан-ин, гор. 231
- Нань-шань, горная система 12, 54, 79, 87, 112, 119, 120, 123, 138, 139, 141, 151, 152, 154, 173, 187, 189–192, 197, 198, 322, 386
- Нара-Р'нала, пер. 242
- Натон, дол. 258, 259
- Нин-ся (Нинг-ся), гор. 111, 116, 118, 125, 129, 139, 157, 161, 287, 290, 298, 300
- Ноин-богдо (Нойон-богдо), горный массив 65–67, 331, 342–346, 366
- Норин-хара 98
- Нэсэ-чю, р. 249
- Нюдун-булык, кол. 61
- Нянь-бо-сянь, китайский гор. 159, 162
- Одю-гомба, буддийский монастырь 228
- Омук-тала (-гала, -шала) 73
- Онгиин-гол 46, 47, 49, 50
- Онгон-монгол, уроч. 42, 44
- Ондюр-баин-хара 44
- Оролгэн-худук, колодец в Гоби, в дол. Гойцзо 89, 311, 312
- Орхон, р. 40
- Орщик, невысокие горы 42, 44, 364
- Охин-кутэль, пер. 359
- Па-ба-цоань, уроч. на правом берегу Тэтунга 155
- Пекин, гор. 11, 31, 39, 52, 59, 110, 111, 116, 118–120, 134, 136, 138, 163, 166, 168, 172, 194, 204, 212, 231, 232, 236, 238, 272, 273, 279, 281, 283, 285, 292, 295, 300, 363, 364, 381
- Пинь-фань, гор., дол. 144, 151–154, 191, 192, 280, 285, 295
- Пинь-фань-чен 152
- Пржевальск (Каракол), гор. 237
- Птыг-чори, пер. 253
- Р'качун-чю, р., дол. 251
- Р'качюн-джун, уроч. 252
- Ранэн-гомба (тиб. Rang ngan dgon pa), тибетский монастырь; кумирня 241
- Ранэн-жяцзон (Ранэн-жацзон) селе-ние, уш. 237, 241
- Рачжа-гомба, монастырь в извилине Желтой реки, на территории пле-мени нголоков 222, 237, 238, 241, 247, 250, 256, 260

- Ргмын-чю, р. 210
 Рнытага-чю, р. 243
 Ртыга-нига, пер. 243
- Сангиин, Сангин, уроч. 368, 369
 Санэга-нэга (Санэга-нэга), седловина
 хр. 263
 Санкт-Петербург, гор. 5, 7, 9, 17, 24,
 82, 323, 376, 380, 384, 392, 400
 Сархэ-худук, кол. 143
 Са-ян-цзын, гор. 147, 190, 191
 Сё-дя-гур, дер. 155
 Селенга, р. 26, 40
 Сергюль (Хара-гол, монг.), горы 244
 Син-джан, селение 154
 Син-джанфо-лин, пер. 154
 Синин, гор. 138, 139, 141, 153, 161,
 162, 164–167, 170, 172–176, 178,
 192–194, 204–206, 210–216, 219,
 222, 226, 227, 230, 232, 234–236,
 278–281, 284, 296, 298
 Синин-Гуйдуйский хр. 244
 Синин-хэ, долина, р. 152, 155, 157,
 158, 160, 161, 164, 166, 167, 174,
 192, 211, 232, 280
 Си-Ся, древнее тангутское государство
 3, 17, 236, 402
 Сого-нор, оз. в низовье р. Эцзин-гол
 13, 64, 65, 67, 68, 70–72, 74, 79, 85,
 331, 333, 342, 343, 392
 Сокчин-догын, храм 169, 171
 Сонин-хангай 42, 44
 Субурган-гол, ущ. западного склона
 хр. Алашаня 110, 129
 Субурган-гол'у-Цзосто 116, 129
 Субурган-хурал, кумирня в Торгоут-
 ском хошуе 136
 Су-ма-хэ, р. 159
 Сум-нань 259
 Сумын-гол, дол. 303
 Сун-пан-тинская дорога 259, 266
 Сун-шань-тан (Хун-ту-дун) 151
 Сун-шань-чен, гор. 150, 151
 Сычуань, пров. 3, 11, 15, 119, 230, 232,
 272, 280, 288, 358, 376, 387, 390, 396
 Сэкпсул-дабан (Сэпсул) 33
 Сэрбэнь-нуру, уроч. 63
 Сэрхэ, пески в Южной Монголии 144
- Сэр-чим, горный массив, окаймляю-
 щий оз. Куку-нор с юго-востока
 180, 182, 186, 195, 196, 202,
 208–210
 Сэрчим-нэга, горная цепь 250
 Сю-дя-цзай, гор. 167
 Сю-дя-цзай, селение 235
- Табун-алдан, уроч. в Гоби 95, 98, 99,
 105, 131
 Тала-ханса (хашата), ключ 52
 Талэн-хайрхан, высота 346
 Тамагын 54
 Тангыт-гот 42, 44
 Тан-тан-мяо, кумирня в пинь-
 фанской долине 152
 Тан-фан-да-ша-гоу, ущ. 154
 Тан-фан-да-ша-гоу, ущ. в Нань-шане
 154
 Тарим, р. 13, 70, 73, 85, 381
 Тати-лумбо (Таши) 166
 Терем-тара-мышык 44
 Тибет 4, 8–10, 18, 39, 41, 163, 164, 166,
 169, 172, 173, 175, 193, 194, 208,
 232, 237, 253, 262, 275, 279, 373,
 375–379, 380, 381, 383–389, 391,
 394–397
 Тола, р. 49, 370
 Тологойту, Тологойтэн-дабан, пер. 35
 Торай, уроч. 320
 Торой-онцэ, уроч. на р. Эдзин-гол 80,
 337
 Торой-худук 320
 Торцо, уроч. в низовье р. Эдзин-гол
 64, 67, 68, 70, 85
 Торцэн-худук, уроч. 342
 Троицкосавск, г. 29
 Тугурюгин-догын, монастырь 46
 Тун-ичи, уроч. 245
 Туркестан 13, 79, 109, 380
 Турфано-Люкчунская котловина 109,
 378
 Тухум-нор, оз. 41–43
 Тухумын-догын, монастырь 43, 46
 Тэк, уроч. 93
 Тэнгэри, пески 144, 145, 191, 290, 291
 Тэтунг, р. 123, 152, 154–159, 191, 192, 280
 Тянь-лоба, селение 147

- Угольцин-тологой, уроч., южное подножье Гурбун-сайхана 13, 59
- Уйтэ 363
- Уй-ю, уроч. 210
- Улан-булык, Улан-булак, уроч., ключ у южного подножья Гурбун-сайхана 352, 359, 363
- Улан-иргэ, кол. 346
- Улан-лавран (лабрэн), один из храмов монастыря Гумбун 171, 172
- Улан-нор 50
- Улан-улэн-сумэ – небольшой монастырь, северо-восток долины Гойцзо. 309
- Улан-хадан-шили, перевал через горы Байн-нуру в Алашаньской пустыне 103
- Улоцзырга, источник 354
- Улэн-дабан, пер. 54
- Улясутай, гор. 116, 371
- Унэгэтэ, Унэ-гэтэ, г. 51, 52
- Урга, Да-куре, гор., столица Монголии 11, 12, 30, 31, 34–38, 41, 49, 50, 51, 53, 55–57, 59, 63, 82, 87, 91, 116, 119, 138, 168, 169, 173, 205, 231, 283, 288, 295, 296, 299, 301, 302, 306, 307, 318, 322, 323, 335, 339, 344, 350, 351, 357–359, 361, 363, 366–371, 376–378, 381, 385
- Урлуктуй 32
- Урмукту 32
- Урт 182–185, 187, 196, 197, 202
- Урт-хайрхан, г. 347–349
- Утай, У-тай, монастырь 40, 150, 152, 172
- У-тан-шань, китайское селение 150
- Уцзур-худук, уроч. 105
- У-чуань-шань – китайская кумирня, пригород Лань-чжоу. 285
- Фый-гу, уш. 151
- Хайрхан, г. в Северной Монголии
- Хайрхан, горы, длинный массив в центре Гоби 42, 44, 59, 89, 91, 95, 307, 361, 366
- Халачже-гоу, р. 161
- Халга, передовая горная цепь в Гурбун-сайхане 53
- Халха – Северная Монголия 87, 118, 357, 360, 376, 378–380
- Хамыр, пер. 253, 254
- Ханас, г. в Гоби 94
- Хангай, горы 49
- Хан-ула 360
- Ханцагайта, плато 356, 359
- Хара, Хара-гол, р. 244, 245, 371
- Хара-бургу, уроч. 97
- Хара-тологойнын-нор, уроч. 364
- Хара-гэг, кол. 345
- Хара-хото, древний гор. 3–8, 11–18, 34, 45, 57, 59, 64, 70, 71, 73, 74, 76–83, 85–88, 102, 113, 115, 136–138, 140, 170, 171, 180, 236, 268, 283, 288, 295, 299, 302, 303, 307–309, 311, 313, 314, 317–319, 321, 322, 324–333, 335–338, 342–344, 358, 363, 373, 374, 380, 387, 391, 392, 400–404
- Хармыктэ-худук 304, 317
- Хату-дурфун, пер. 202
- Хату-лапци, горы 185, 202
- Хату-худук, кол. в Алашаньской пустыне 105, 106
- Хая, урочище в Гоби 94
- Ходан-хошу, котловина около Хара-Хото 79, 343
- Хойтэ-суме, кумирня на р. Эцзин-гол 64
- Холбо-тологой 95
- Холустэ, уроч. 348
- Хомутэн-дабан, пер. 187
- Хонгор, г. 144
- Хонгоржэ, горный кряж 65, 344
- Хонгор-обо, уроч. 360
- Хотэн-гол (Хотын-гол), р. 123, 127, 129
- Хошегу-булык, ключ в Алашаньской пустыне 106
- Хошун-убугун-хит (или Онгиин-догын), кумирня 46, 49
- Хуан-най-дцы-гоу, уш. 161
- Хуан-хэ, р. 115, 126, 127, 145, 149, 172, 173, 192, 220–222, 224–226, 228, 229, 238, 241, 243, 245, 248–251, 262, 278, 280, 281, 285, 286, 289,
- Хулан-гоу, уш. 159
- Хунцыл, уроч. 34, 35

- Хурдэн-дабан, пер. 354
Хурдэ-сы, монастырь в оазисе Гуй-дуй 228
Хуримтэ 371
Хур-мару, уроч. 261
Хуху-арык 346
Хуцэн-ганда 361, 362
Хучжар, вершина горы 53
- Цав-дя-цзай, восточное предместье г. Синин 162, 192
Цаган-булак, кол. 104, 290
Цаган-дабан 372, 373
Цаган-дабасу, соленый бассейн 144
Цаган-иргэ-буцэ, уроч. 51, 53
Цаган-обонэн-сумэ, кумирня в окрестностях кол. Дурбун-мото 102
Цаган-ондур-хад 44
Цаган-субурган - кумирня в горах Баин-ула 105
Цаган-тологой, холм, уроч. 95, 245, 355, 359, 360
Цайдам 90, 164, 238
Цакэлдэктэ худук, кол. в Алашаньской пустыне 103, 310
Цанага, р. 243
Ца-цзи-шуй 288
Центральная Азия 3–5, 8–10, 12, 18, 23, 32, 163, 189, 338, 373, 374, 379, 384, 386, 400–404
Цзагин-худук, кол. в песках Гоби 90, 307, 317, 344
Цзамын-худук 92–94, 105, 310
Цзанхын-кын (Улан-цзан-дан), буддийский храм 170, 171
Цза-сура, гребень горы 253, 254
Цзаха-долон, уроч. 146, 290
Цзолин, вершина горы 349
Цзун-сайхан, восточная часть хр. Гурбун-сайхан 53, 54, 56, 59, 349
Цзун-хит, монастырь 118, 127, 130, 131, 133
Цзун-худук 66
Цзурумтай, уроч. 62, 65, 347–349
Цзуха, урочище в Алаша 107
Цзыгыстэ, уроч. 363
Цзэ-ког или Санэга-нэга, горная цепь в Амдо 261, 263
- Цзяо-цзун-тай, уроч. 180
Цин-хай, см. Куку-нор 186, 204, 386
Цокто-куре, монастырь 125, 143, 293
Цорго, хр. 243
Цохонын-шили 62
Цунгу-цэра, уроч. 181, 207
Цхо-ртигэ-жэ (танг.), Куйсу 210
- Чагрын-гол, р. 152, 158
Чагрынская степь 151, 191
Ча-жа, р. 230
Чамру, тангутский аймак 180, 182
Чангазен, уроч. 101
Чандомын 61
Чан-ху, селение 220, 225, 230
Чачан-кэ, высота 243
Чжам-ин-гун-сук, один их храмов монастыря Гумбуна 169, 171
Чжаргалантэ, уроч. 337, 339, 365
Чжень-фань (Сого-хото) 139, 187
Чжинсэтэ 99
Чжюба-лхагын (догын), один их храмов монастыря Гумбуна 171
Чи-гу, горячие ключи 237, 241
Чин-чю, р. 242, 243
Чифу, гор. 165
Чойбзэн, монастырь в Гуй-дуйе 214, 227, 230, 232
Чойбзэн-тобкан, храм в Лабране 275
Чолун-онгюцу 97
Чоно-шахалур, мыс, полуостров на юго-востоке Куку-нора 203, 206, 207
Чонын-сондо 68
Чонюхын (Чжюхын, Чжютын), храм 170, 171
Чортэнтан, монастырь на Тэтунге, в Восточном Нашь-шане 155
Чун-гу, р. 260
Чурмын-гол, р. 192
Чэга-гол, р. 249
Чэма, хошун 258, 261
Чюн-тан-сы, тангутский монастырь 159
- Шамтэ-(лха)лакын, храм 170, 171
Шангын-далай, г. 142, 293, 294
Шаныг, урочище в Амдо 245
Шара-бурду, уроч. 105, 106, 302, 303

- Шара-тологойнэн-сумэ, кумирня 97
Шара-хада, скала в Северной Монголии 32, 372
Шара-хото, гор. 178, 191
Шара-хотул (хутул), пер. 178, 195, 210
Шара-яматын-хад 60, 61, 64
Шархай-хундэ, дол. 40, 42, 367
Шарцзан-сумэ, монастырь 305, 306, 317
Шень-чю, р. 253
Ши-ва-цза, китайское селение 150
Шильбис, уроч. 64, 65
Шима-кобэрг 60
Шин-джунь, селение 219
Шин-чен (монг. Тук-гол), р. 232–234
Ширигин-долон, озеро, уроч. 144, 145, 191
Шовангын-хундэ, уроч. 51
Шян-кан, один из храмов в Гумбуне 171
- Эдзин-гол, река в Южной Гоби 11–13, 403
Элькэн-усынэ-худук 76, 93, 95
Энчжи-гомба, походная кумирня в северных отрогах Южно-кукунорских гор 185
Эрге-хара, Эргу-хара-бурюк, уроч. 12, 89, 94, 95, 311, 318
Эрдэни-булык 104
Эргенген-гоби, дол. 44
Южно-куку-норский хр. 166, 172, 179, 185, 202, 243
Южно-тэтунгские г. 155, 157, 159, 187
Юла, г. 244
- Ямунь-хит (Ямын-хит), монастырь в Дын-юань-ине 125, 134, 135
Япония 5, 17, 49, 169, 194, 385, 391

Именной указатель

- Алаша-ван, Алаша-цин-ван* — китайский князь 11, 12, 88, 89, 98, 108, 111, 116, 134, 135, 139, 295, 297, 381
- Александр III** (1845–1894) — российский император, царствовавший в 1881–1894 гг. 168, 248, 266, 282, 300, 375, 376, 391, 401, 402, 403
- Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) — генерал от инфантерии, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (1915), после революции создал, а затем возглавил Добровольческую армию 255
- Анучин Дмитрий Николаевич* (1843–1923) — географ, антрополог, этнограф, археолог, музейевед, профессор Московского университета 5, 13–15, 18, 152, 356, 400, 401
- Ачжа-геген (Чжан-геген)* — настоятель монастыря Гумбум 169, 172, 194, 195, 228, 231, 369, 393
- Бадмажапов Гомбоджаб Гармаевич (Гомбо)* — казак Забайкальского казачьего войска, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова, брат Ц.Г. Бадмажапова 12, 26, 29, 31, 36, 40, 46, 52, 53, 55, 58, 62, 71, 86, 94, 107, 162, 167, 175, 184, 189, 194, 205, 240, 266, 314, 320, 326, 327, 336, 354, 369
- Бадмажапов Цокто (Цогто) Гармаевич* (1879–1937) — бурят, участник Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 П.К. Козлова; затем в разные годы сотрудник Торгового дома «Собенников и бр. Молчановы», служащий канцелярии Военного Губернатора Восточной Сибири, сотрудник сибирского отдела Торгового дома «Бр. Нобель», чиновник особых поручений при русском финансовом советнике правительства Монголии, в 1920-е гг. сотрудник Минюста и Монценкопа в Улан-Баторе. В 1931 г. выслан в СССР. Репрессирован 11–13, 37, 55, 59, 90, 95, 98, 105–110, 116, 117, 127, 128, 135, 139, 141, 146, 236, 295, 296, 302, 335, 350, 351, 379, 390, 401, 404
- Балдын-цзасак* — монгольский князь 31, 37, 40, 51, 53, 55–60, 64, 66, 76, 82, 85, 343, 348, 355, 363, 379
- Бальджир* — монгол 335
- Банчин-эрдэни см. Панчен-лама*
- Банчэн-богдо (Банчен-богдо)* — буддийский святитель в монастыре Даши-лхумбо 147, 383
- Барадийн Бадзар Барадийнович* (1878–1937) — бурятский монголовед, тибетолог. В 1905 г. был командирован Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в монастырь Лавран для изучения культуры, языка и быта тибетцев, где провёл 8 месяцев. В дальнейшем нарком просвещения Бурят-Монгольской АССР (1923–1926), член БурЦИК (1923–1930) 272, 388, 389
- Бата* — монгол-проводник 79, 83, 340
- Бианки Валентин Львович* (1857–1920) — зоолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук 188, 375
- Бимбаев Раднажап Будаевич* (1876–1921) — в 1898–1916 переводчик при Кяхтинском пограничном комиссарстве 372, 373
- Богдо-геген, Богдо-хан* — буддийский иерарх в Урге Богдо-геген восьмой *Джебдзун-Дамба-хутухта* (1870–1924), был последним главой ламаистской церкви в Монголии 39, 41, 214, 233, 269, 369
- Бардашев Михаил Александрович* — житель Кяхты, до революции директор частной гимназии в Кяхте, доверенный фирмы «А.М. Лушников и Наследники»

- Брук Дж. (John Weston Brooke, 1880–1908)* — английский путешественник 280, 290
- Бурдуковский Василий Петрович* — знакомый П.К. Козлова в Урге, заведующий почтой 39
- Ванька* см. *Иванов Г.И.*
- Войлошников* — хорунжий при консульстве в Урге 36
- Володя* — см. *Козлов Владимир Петрович*
- Галсанов* — бурятский купец в Урге, торговец парчой 40, 369
- Гедин Свен Андрес (Hedin, Sven Anders, 1865–1952)* — известный шведский путешественник, исследователь Среднего Востока и Центральной Азии: Персия, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, Монголия 18, 93, 166, 380, 384
- Генке П.Е.* — таможенный комиссар в Кяхте 30
- Гонта-Чонзэт (Гунтан-цан)* — помощник настоятеля монастыря Лавран 269, 271, 273, 277, 297, 389
- Григорьев Александр Васильевич (1848–1909)* — географ, зоолог, ученый секретарь ИРГО (1883–1903) 14, 16, 24, 236, 268, 325, 358
- Григорьева Н.И.* — жена А.В. Григорьева 24
- Грум-Гржимайло (Грум-Гржимайло) Григорий Ефимович (1860–1936)* — географ, путешественник, исследователь Западного Китая, Монголии, Тувы, Тянь-Шаня, вице-председатель РГО (1920–1931) 172, 222
- Грязнухин Н.О.* — купец в Урге 40
- Гэлун-Рансен* — тангут-проводник 202
- Гюк Эварист Регис (1813–1860)* — католический монах, миссионер, синолог, тибетолог, монголист. Один из авторов книги «Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-Ламы. Сочинение Гюк и Габе» (пер. с франц. Москва, 1866) 169, 384
- Давыденков Мартын* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, наблюдатель метеостанции в Дын-юань-ине 12, 26, 28, 33, 115, 295, 300, 358, 369
- Да-е (Дайя)* — старший сын Алаша-цин-вана 111
- Далай-лама XIII Тубтен Гьятцо (1876–1933)* — светский и духовный правитель Тибета 3, 4, 11, 18, 39–41, 84, 119, 125, 163, 166, 168, 169, 171–173, 195, 212, 214, 228, 230–232, 235–237, 247, 254, 269, 271, 274, 277, 279, 280, 283, 292, 377, 381, 383–387, 394
- Демиденко Влас* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, гренадёр 12, 26, 28, 30, 33, 41, 127, 139, 187, 247, 252, 256, 266, 283, 314, 320, 354
- Домелунксен Николай Федорович (1868– ?)* — офицер Генерального штаба, в 1900–1903 гг. командир Ургинского отряда 36, 377
- Дончжуб* — проводник 260–265, 269
- Доржиев Агван Лобсан (1853/54–1938)* — бурят, религиозный и политический деятель, дипломат, идеолог и лидер обновленческого движения бурятского буддийского духовенства. В 1920–1930-е гг. выступал в роли полномочного представителя Тибета в СССР 40, 119, 189, 214, 384, 386, 389
- Достоевский Андрей Андреевич (1863–1933)* — ученый секретарь РГО (1903–1914), член Совета РГО (1930–1931), заместитель председателя отделения статистики РГО (1929–1931). Племянник Ф.М. Достоевского. 24, 106, 239, 387
- Иванов Гавриил Иванович (? — 1922)* — фельдфебель, унтер-офицер, заведующий караваном, участник экспедиций Н.М. Пржевальского (1883–1885), М.В. Певцова (1889–1890), В.И. Роборовского (1893–1895), П.К. Козлова (1899–1901, 1907–1909) 12, 14, 24–28, 30, 32, 53, 60, 63, 67, 71, 76, 80, 82, 112, 145, 153, 177,

- 178, 184, 189, 190, 203, 206, 238, 320, 324, 332, 337, 339, 340, 347–350, 352, 353, 356, 364
- Иринчинов Дондок Гуржапович, Дидоша* — старший урядник, уроженец с. Цаган-Челугай Кяхтинского района Бурятии, спутник всех центральноазиатских путешествий Н.М. Пржевальского 45, 378
- Иролтуев* — хамбо-лама в Забайкалье 26
- Казнаков Александр Николаевич* (1871–1933) — военный, путешественник, помощник П.К. Козлова в Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. До революции директор Кавказского музея в Тифлисе. После революции эмигрировал во Францию. 13, 187, 375, 385, 386
- Калашников* — егерь в Кяхте 27
- Калмыков* — колонист в Монголии, сибиряк 34
- Кобжуг-тугун-сан* — геген 161
- Козлов Владимир Петрович* (1897–1971) — сын П.К. Козлова от первого брака, ученый-почвовед, окончил ЛГУ. Принимал участие в переиздании трудов отца 4, 45, 100, 257, 301, 357, 360, 374, 392
- Козлова (в замуж. Мясоедова) Ольга Петровна* (1903–1982) — дочь П.К. Козлова от первого брака, художник-иллюстратор 100, 358
- Козлова (урожденная Камынина) Надежда Степановна* (1870–1942) — первая жена П.К. Козлова (с 1896 по 1912 гг.) 53, 188, 357
- Кондаков (Кандаков) В.Я.* — переводчик в Российском консульстве в Урге 35
- Коростовец Иван Яковлевич* (1862–1933) — русский дипломат, востоковед, в 1908–1911 гг. российский посланник в Пекине 298
- Котвич Владислав Людвигович* (1872–1944) — востоковед, проф. Санкт-Петербургского университета, чл.-корр. РАН (1923) 5, 17, 332, 402
- Кузнецов Н.Н.* 24
- Кузнецов Николай Яковлевич* (1873–1948) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук 188
- Курмаков Николай Николаевич* (1853–?) — горный инженер, в 1905–1907 — начальник Иркутского горного управления; в 1907–1910 — директор Горного департамента. 25, 26, 375
- Лапсан* — монгол-охотник на границе с Кяхтой 27
- Левицкие* — жители Урги 370
- Липский Владимир Ипполитович* (1863–1937) — ботаник, до 1917 сотрудник Санкт-Петербургского Ботанического сада, президент АН УССР (1922–1928), член-корр. АН СССР (1928) 24, 188
- Лобсан-даши* 355
- Луца* — тангутский князь 245, 248, 249, 250, 253
- Лучич Корнелий Васильевич* — секретарь российского консульства в Урге 38
- Лушников Алексей Михайлович* (1831–1901) — купец, общественный деятель в г. Кяхта 30
- Лушников Иннокентий Алексеевич* — купец в Кяхте, сын А.М. Лушникова 30
- Лушникова Клавдия Христофоровна* (1847–1913) — жена А.М. Лушникова 26, 29, 30
- Лушниковы* — одна из наиболее известных купеческих семей в Кяхте, имела свои предприятия в Монголии, ее представители всегда оказывали поддержку российским путешественникам, начиная с Н.М. Пржевальского. 27, 29, 32, 373
- Ма-чан-шань* — купец-дунганин 276, 283, 297
- Магнусен* — шведский миссионер в Китае 110, 115, 295

- Мадаев Арья (Арьяшка) (?–1937)* — участник Монголо-Камской 1899–1901 гг. и Монголо-Сычуаньской экспедиций П.К. Козлова. В последней экспедиции участвовал в качестве младшего препаратора 12, 14, 27, 28, 41, 62, 64, 65, 76, 80, 110, 115, 139, 187, 202, 229, 266, 350, 354, 364, 372, 373
- Мадаев Буянты* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова, казак Забайкальского казачьего войска 12, 27, 29, 37, 55, 107, 131, 138, 240, 264, 302
- Мальшев Н.Н.* — сын священника в Кяхте 373
- Мельников Павел Иванович (1819–1883)* — писатель, этнограф, известный под псевдонимом *Андрей Печерский* 175, 385
- Мензбир Михаил Александрович (1855–1935)* — зоолог и зоогеограф, профессор (с 1886) и ректор Московского университета (1917–1919), академик АН СССР (1929) 25
- Моллер* — знакомый П.К. Козлова 76, 106, 380
- Молчанов Владимир Николаевич* — купец в Кяхте 26, 27, 30
- Молчанов Иннокентий Александрович* — житель г. Кяхты 30
- Молчанова Л.П.* 26, 27, 29
- Молчановы* — одна из известных купеческих семей Кяхты родственники одного из владельцев торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» (Кяхта) 29, 32, 37, 107, 390
- Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902)* — геолог, путешественник, исследователь Средней Азии, Урала и Кавказа 96
- Надежда Степановна* — см. *Козлова Надежда Степановна*
- Назимов* — знакомый П.К. Козлова в Урге 369
- Напалков Петр Яковлевич* — капитан, топограф Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова 12, 14, 25, 27, 28, 31, 44, 56, 58, 61, 62, 64, 75, 78, 80, 82, 83, 98, 100, 110, 115, 129, 134, 138, 139, 141, 189, 190, 204, 210–212, 223, 241, 267, 283, 301, 302, 322, 351, 358, 366, 369, 402
- Николай II (1868–1918)* — последний российский император, царствовал с 1894 по 1917 гг. 23, 24, 233, 384
- Новицкий Василий Федорович (1869–1929)* — географ, путешественник, военный историк 24
- Нэ-тай* — губернатор г. Лань-чжоу-фу 282
- Обручев Владимир Афанасевич (1863–1956)* — геолог, географ, исследователь Центральной Азии, академик АН СССР (1929), писатель. 12, 13, 59, 97, 187, 201, 375, 386, 391
- Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934)* — индолог, буддолог, академик Петербургской АН (1900), неперменный секретарь АН (1904–1929), директор Азиатского музея Академии наук (1916–1930) 5, 14, 17–19, 24, 173, 188, 206, 236, 301, 325, 332, 335, 402, 403
- Оля, Олечка, Олюшка* — см. *Козлова Ольга Петровна*
- Панчен-лама* 168, 383, 384
- Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908)* — русский дипломат и предприниматель, посол в Китае (1905–1908) 106, 111, 381
- Поле Иосиф (Pole, 1852–1922)* — немецкий писатель 294, 334, 390
- Полотов Ефим Павлович* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, переводчик 12, 28, 68, 71, 109, 112, 116, 124, 152, 159, 162, 184, 189, 198, 203, 207, 220, 230, 236, 237, 252, 254, 266, 267, 269, 280
- Потанин Григорий Николаевич (1835–1920)* — географ, этнограф, путешественник, исследователь Центральной Азии 12, 66, 168, 187, 228, 272, 274, 383, 384

- Пржевальская Софья Алексеевна* (1851–1911) — жена В.М. Пржевальского брата путешественника Н.М. Пржевальского 29
- Пржевальский Николай Михайлович* (1839–1888) — путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор, почетный член Петербургской АН и РГО 4, 5, 8, 9, 11, 12, 23, 26, 27, 45, 71, 93, 109, 111, 116, 119, 120, 126, 151, 155, 166, 181, 188, 189, 191, 228, 233, 268, 298, 303, 318, 378, 380–383, 391
- Пуницук* — девочка-бурятка, учащаяся Ургинской школы 39
- Рауш-фон-Траубенберг Павел Александрович*, барон (?–1923) — офицер Лейб-гвардии Преображенского полка, шталмейстер 24
- Роборовский Всеволод Иванович*, (1856–1910) — путешественник, участник 2-х экспедиций Н.М. Пржевальского (1879–1880 и 1883–1885) и экспедиции М.В. Певцова (1889–1890). В 1893–1895 гг. возглавил Тибетскую экспедицию РГО (совместно с П.К. Козловым). 8, 9, 12, 53, 378, 379, 381
- Родионов Семен Николаевич* (1865–1937?) — житель Иркутска, любитель-энтомолог, создал энтомологический кабинет в Иркутске, после революции директор городского краеведческого музея. Репрессирован, умер в заключении 26, 27
- Руднев Андрей Дмитриевич* (1878–1958) — монголовед, преподавал в Санкт-Петербургском университете. С 1918 г. жил в Финляндии 24
- Сайн-ноин-хан* — один из наиболее влиятельных ханов Внешней (Халха) Монголии. 31, 59, 379
- Санакоев Матвей* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, унтер-офицер 12, 26, 28, 33, 86, 138, 247, 248, 364
- Сан-е* — брат *Алаша-цин-вана* 112, 119, 125, 298, 381
- Сатунин Константин Алексеевич* (1863–1915) — зоолог, с 1907 года старший специалист Департамента земледелия по прикладной зоологии и охоте на Кавказе 188
- Сахаров* — переводчик, планировал принять участие в Монголо-Сычуаньской экспедиции, но в Кяхте заболел и П.К. Козлов взял переводчиком Е. Полютова 28
- Селиванов А.Н.* — сотрудник Читинского отделения Приамурского отдела РГО 26, 300
- Семенов П.Н.* (Семенов П.П.) — 14, 236)
- Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович* (1866–1942) — энтомолог, профессор, сотрудник Зоологического музея (Зоологического ин-та) АН СССР, член РГО с 1889. Обрабатывал энтомологические коллекции Монголо-Сычуаньской экспедиции и других экспедиций П.К. Козлова 5, 188
- Семёнов-Тянь-Шанский Петр Петрович* (1827–1914) — географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель, вице-председатель ИРГО (1873–1914) 10, 12, 14, 23, 39, 236, 239, 372
- Си-е (Ши-е)* — брат *Алаша-цин-вана* 112, 119, 298, 303
- Сикдым (Сик-дым)* — проводник 244, 248
- Симухин И.М.* — русский колонист в Монголии 116, 141
- Синицына С.Я.* — жена Синицына *И.Д.*, товарища председателя Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО 29
- Снесарев Андрей Евгеньевич* (1865–1937) — российский и советский военный деятель и ученый-востоковед, профессор, начальник Академии Генштаба (1919–1921), ректор и профессор Института Востоковедения в Москве (1921–1930), одновременно профессор в ряде военных академий 24
- Снесарева Евгения Васильевна* — жена А.Е. Снесарева 24
- Собенников Василий Ал.* — один из владельцев торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» в Кяхте. 29, 37, 390

- Содбоев Бабасан* — участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, казак Забайкальского казачьего войска 12, 26, 29, 30, 86, 129, 205, 240, 296, 297, 300, 333, 344, 348
- Сонэн-Цорчжи (Дорчжи)* — лама в Гумбуме 168, 169
- Стессель Анатолий Михайлович* (1848–1915) — генерал-адъютант (1904), комендант Порт-Артура во время Русско-японской войны 114, 381
- Сэр-чжямцо (Сэр-чжамцо)* — один из архитекторов монастыря Гумбум 169
- Табель* — см. *Tafel A.*
- Телешов (Телешка) Пантелей Прокофьевич* (1861–1925) — забайкальский казак, участник трех экспедиций Н.М. Пржевальского и двух П.К. Козлова: Монголо-Камской 1899–1901 гг. и Монголо-Сычуаньской 1907–1909 гг., препаратор 12, 27, 28, 33, 53, 61, 62, 65, 69, 110, 126, 153, 175, 189, 373
- Ткаченко М.П.* — учительница в Урге 39
- Ткаченко П.Дм.* — почтмейстер в Урге 39
- Тонких И.В.* — командир сотни есаулов в Урге 370
- Торгоут-бэйлэ* — могольский князь 66, 68, 71, 340, 343
- Тугэн-геген* 160
- Тушету-гун* — один из самых влиятельных ханов Внешней (Халха) Монголии 30, 42, 51, 60, 359, 360, 379
- У-е* — сын *Алаша-цин-вана* 114, 127, 139
- Умов Н.А.* — знакомый П.К. Козлова в Москве 25
- Успенский Сергей Александрович* — молодой семинарист, Урга 370
- Фатеев Иосаф Львович* — товарищ Н.М. Пржевальского по Варшавскому юнкерскому училищу и Академии Генштаба; генерал от артиллерии 82
- Фу-тай* — китайский чиновник в Синине 164, 212, 214, 234
- Хабур* — представитель фирмы «Цяньтай-мао» в Синине 162
- Хлестаков* 88
- Хор-хон-жень* — зять Лу-хомбо 250, 251, 253
- Церен Доржиев (Цэрэн-дорчжи)* — монгол, помогал Монголо-Сычуаньской экспедиции как подводчик 41, 367
- Цицин (Цецен)-ван (хан)* — один из самых влиятельных ханов Внешней (Халха) Монголии 30, 369, 379
- Цзонхава (Цонкхапа) Лобзанг-дракпа* (1357–1419) — тибетский религиозный деятель, ученый, проповедник, реформатор буддизма, основатель школы Гелуг (известной также под названием "желтошапочной") 134, 143, 160, 161, 168, 170–172, 194, 231, 242, 298, 327, 378, 382, 387, 390, 394
- Цыдэн-Дагво* — помощник Торгоут-бэйлэ 136
- Цырэмпилов Гуру-дарма* — слушатель-студент в Лавране 269
- Цыренпилов* — чиновник 39
- Цюльтум* — наследник Балдын-цзасака 57
- Чамру* — тангут, начальник аймака
- Чан-ху* — тангутский князь 220, 225, 230
- Чаплыгин А.И.* 24, 25
- Чернов Александр Александрович* (1877–1963) — геолог, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, один из открывателей Печорского угольного бассейна 5, 11, 12, 14, 25, 26, 28, 32, 34, 35, 38, 39, 41, 43, 44, 56, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 80–82, 85, 90, 92–95, 100, 109, 111, 113, 115, 129, 131, 133, 138, 139, 141, 187, 189, 190, 197–199, 202, 204, 205, 210–212, 310, 386, 402, 404

- Четыркин Сергей Сильвестрович* (1876–1938) — путешественник, участник Монголо-Сычуаньской экспедиции, экспедиции на Новую Землю (1910) В.А. Русанова. В 1919 г. эмигрировал в США, участвовал в экспедициях американского проф. В. Биби (1924, 1925) и др. 12, 25, 27, 28, 31, 34, 37, 41, 45, 90, 95, 98, 107, 108, 110, 117, 120, 127, 128, 133, 139, 141, 147, 150, 152, 159, 175, 177, 178, 198, 199, 200, 202–204, 207, 223, 229, 248, 249, 255, 266, 282, 288, 291, 296–298, 300, 301, 348, 354, 383
- Чефралов Меслий* — православный священник в Урге 40
- Чжаик (Чжаяк)-гэгэн* — Гумбун 168, 369, 393
- Чжалсэ* — да-лама 143
- Чжюнь-ван* — монгольский князь 296
- Чжень-тай* — командующий войсками в Синине 212
- Чойбзэн-хутухта (Джебдзун-Дамба-хутухта)* — см. *Богдо-геген*
- Шагдур-гун* — монгольский князь 296
- Швецов А.В.* — купец в г. Кяхте 28
- Ши-е (Си-е)** — брат *Алаша-цин-вана* 112, 119, 298, 303
- Шишмарев Яков Пафеньевич* (1833–1913) — русский консул (генконсул) в Монголии (1863–1911). Оказывал содействие и помощь всем русским экспедициям в Урге. 35, 38, 39, 119, 130, 322, 358, 369
- Шокальский Юлий Михайлович* (1856–1940) — океанограф, картограф, президент РГО (1917–1931) 24
- Шапов Александр Д.* — коммерсант, домовладелец в Урге. 369
- Юсун-ахун* — купец-андижанец 175, 176
- Garnett J. dr.* 116, 120
- Karius M.* — немецкий инженер, мостостроитель 120
- Ridley French H.* — английский миссионер в г. Синин 165, 166, 205, 212, 213, 215, 232, 279
- Stein Mark Aurel* (1862–1943) — английский археолог и путешественник, исследователь Центральной Азии 76
- Tafel Albert* (1876–1935) — немецкий географ, исследователь Центральной Азии 166

Библиография
Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг.
под руководством П.К. Козлова

1. Публикации П.К. Козлова

Козлов П.К. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (Из письма П.К. Козлова к Секретарю Общества) <20 января 1908 г.> // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III. С. 171–174.

То же <27 февраля 1908 г.> // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. V. С. 299–316.

То же <28 марта 1908 г.> // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 453–458, 1 л. карт.

То же <29 июня 1908 г.> // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 121–125, 2 л. карт.

То же <24 октября 1908 г.> Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 147–171.

То же <31 декабря 1908 г.> Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 172–173.

Козлов П.К. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (Из письма П.К. Козлова в Главное Управление Генерального штаба) <2 апреля 1909 г.> // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. VII. С. 407–423, 2 л. карт.

Козлов П.К. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (Из письма П.К. Козлова к Секретарю Общества) <29 мая 1909 г.> // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. VII. С. 424–428.

Козлов П.К. То же <8 июля 1909 г.> // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. VII. С. 429–432.

Козлов П.К. Двухлетнее путешествие по Монголии и Амдоскому нагорью полковника П.К. Козлова. Доклад, прочитанный в Общем собрании членов Троицкосавско-Кяхтинского отделения 13 августа 1909 года // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1909. Т. XII. Вып. 1–2. СПб., 1911. С. 65–72.

Козлов П.К. Мертвый город Хара-Хото // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М.: Изд-во Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те, 1913. С. 31–45.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии 1907–1909. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 677 с., 2 л. карт.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. 2-е изд., сокр. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во географической литературы, 1947. 328 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото // Русская старина. Историческое издание. СПб., 1911. 108 с.

Козлов П.К. Мертвый город Хара-Хото // Новый мир. 1927. Кн. 1. С. 236–239.

- Козлов П.К.* Три года по Монголии и мертвый город Хара-Хото. Лекция, читанная в Москве и Ленинграде. М.; Л.: Госиздат, 1927. 61 с.
- Koslow P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo und Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1925. 320 S.
- Koslow P.K.* Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-Choto / Übers. von H. Sträubig. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1955. 424 S.
- Kozlov P.K.* Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo) (The Dead City of Khara-Khoto (Mongolia and Amdo)). Prague: Nakladatelství "Pokrok", 1929. 508 s.
- Kozlov P.K.* Mrtve mesto Chara-Choto (Preložil A.M. Lubomiersky). Matica Slovenska: Martin, 1951. 156 s.
- Kozlov P.* The Mongolia-Szechuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical journal. 1909. Vol. XXXIV. N 4. October. P. 384–408; 1910. Vol. XXXVI. N 3. September. P. 288–309.
- Kozlov P.* Spedizione nella Mongolia e nel Seciuan // Bollettino della Societa Geografica Italiana. Serie IV. 1911. Vol. XII. N 6. P. 758–775; N 8. P. 865–885.

2. Публикации других авторов

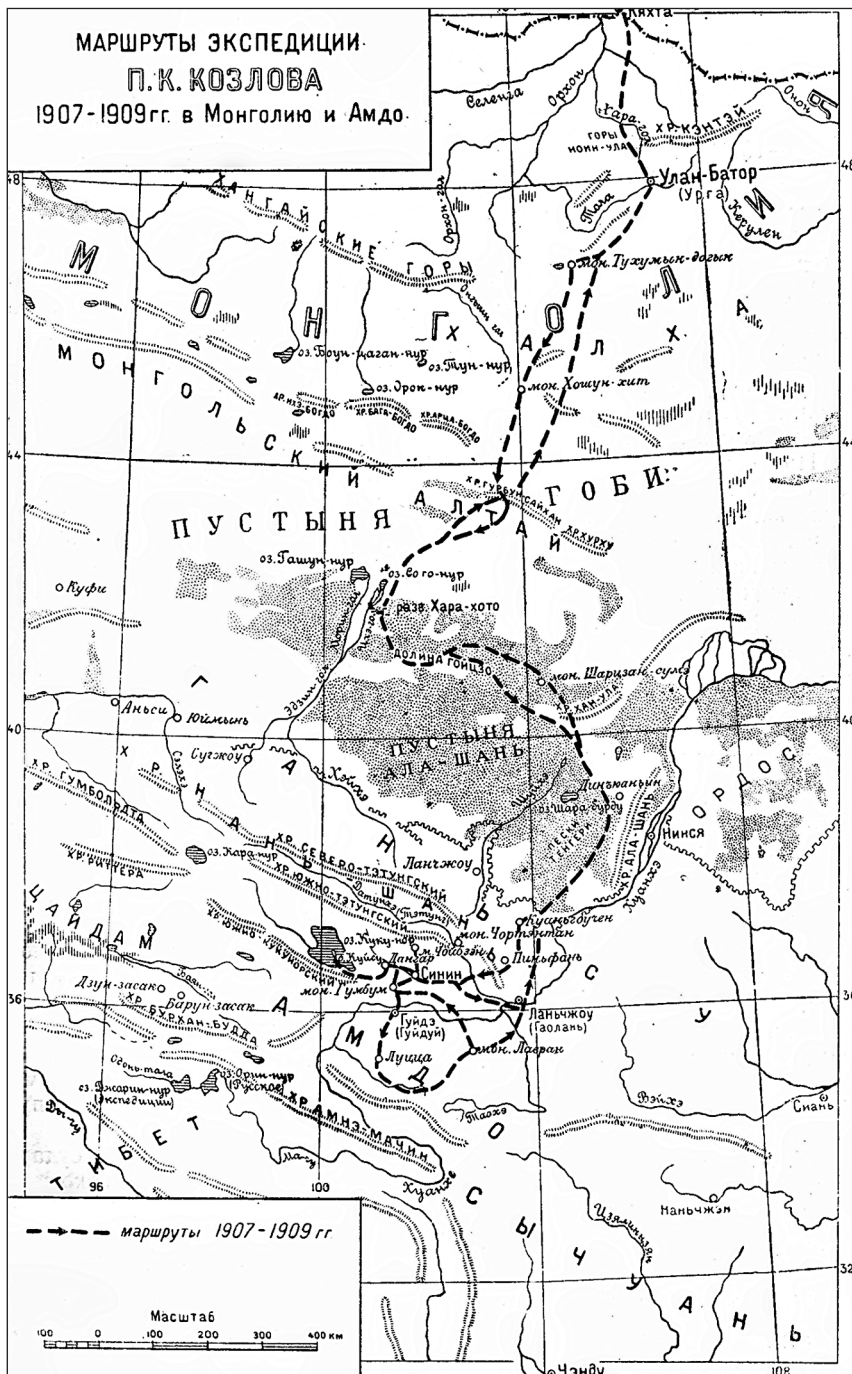
- Андреев А.И.* О том, как был дважды открыт мертвый город Хара-Хото. *Приложение:* Бадмажапов Ц.Г. Развалины Хара-Байшин. Фрагмент рукописи (1907) // От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага: Изд-во «Агни», 1997. С. 61–91.
- Анучин Д.Н.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Восток. 1923. № 3. С. 399–404.
- Богданов К.Н.* Тибетские книги из Хара-Хото (коллекция П.К. Козлова) // Письменные памятники Востока 2010. № 2. С. 263–271.
- Виноградов Б.С.* Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 540–545.
- Волков Ф.К.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг.: Изд-е Этногр. отд. Рус. музея Императора Александра III, 1914. С. 179–182.
- Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. полковника П.К. Козлова в залах Императорского Географического общества в Санкт-Петербурге // Огонек. 1910. № 6. С. 8–9.
- Житомирский С.В.* Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М.: Знание, 1989. 192 с.
- Зубер С.М.* Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л.: Типо-литография изд-ва АН СССР, 1940. С. 325–337.

- Иванов А., Ольденбург С., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото // Известия ИРГО. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–477.
- Иванов А.И.* Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг.: Изд-е Этногр. отд. Рус. музея Императора Александра III, 1914. С. 159–174.
- Иванов А.И.* Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Имп. АН. Сер. VI. 1913. Т. VII. № 8. С. 811–816.
- Иванов А.И.* Тангутские рукописи из Хара-Хото / Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото // Известия ИРГО. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 463–470.
- Иванов А.И.* Страница из истории Си-Ся // Известия Имп. АН. Сер. VI. 1911. Т. 5. № 11. С. 831–836.
- Итс Р.Ф.* Китайские коллекции Петра Кузьмича Козлова в собраниях МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–29.
- Козлов В.П.* Научное значение археологических находок П.К. Козлова // П.К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.: Географгиз, 1948. С. 9–18.
- Казин В.Н.* К истории Хара-Хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V: Культура и искусство народов Востока. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 273–285.
- Кочетова С.М.* Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 4. Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 471–502.
- Кычанов Е.И.* Звучат лишь письмена М.: Наука, ГРВЛ, 1965. 139 с. Переиздание: Рыбинск: ОАО «Рыбинский дом печати», 2002. 124 с.
- Кычанов Е.И.* Император Великого Ся. Новосибирск: Наука, 1991. 160 с.
- Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. 353 с.
- Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 766 с.
- Кычанов Е.И.* Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Ред. И.Ф. Попова. СПб.: Славия, 2008. С. 130–147.
- Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мертвый город Хара-Хото. М.: Наука, 1968. 64 с.
- Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 528 с.
- Напалков П.Я.* Поездка по Ганьсуйской провинции. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 174–195.
- Насонов Н.В.* О новом виде дикого барана из Южной Гоби. *Ovis Kozlovi* // Известия Имп. АН. 1913. С. 621–626.

- Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь. Т. 1–2. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
- Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1968. 198 с.
- Ольденбург С.Ф.* Материалы к буддийской иконографии Хара-Хото (Образа тибетского письма) // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг.: Изд-е Этногр. отд. Рус. музея Императора Александра III, 1914. С. 79–157.
- Ольденбург С.Ф.* Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг.: 12-я Государственная типография, 1919. 41 с.
- Поппе Н.Н.* Значение путешествий Козлова для археологического изучения Центральной Азии // Известия Государственного Географического о-ва. 1936. Т. 68. № 5. С. 748–753.
- Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII – XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 423 с.
- Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 172 с.
- Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. По данным тангутской лексики и иконографическому материалу. М.: Наука, издательская фирма «Восточная литература», 1993. 236 с.
- Федяевская В.* Мертвый город Хара-Хото, открытый русским путешественником П.К. Козловым. Л.: Госиздат, 1924. 36 с.
- Хара-Хото // Пещеры тысячи будд: российские экспедиции на Шелковом пути / **Науч. ред. О.П. Дешпанде.** Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. С. 312–394.
- Чернов А.* От Кяхты до Урги. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III. С. 175–181.
- Чернов А.* От Урги до массива Гурбун-сайхан. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. V. С. 309–316.
- Чернов А.А.* Низовье Эдзин-гола. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 459–466.
- Чернов А.* От Гурбан-сайхан через низовье Эдзин-гола в Дын-юань-ин. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 126–146.
- Чернов А.А.* Алашаньский хребет. Отчет геолога Монголо-Сычуаньской экспедиции // Известия ИРГО. 1911. Т. 47. Вып. 1–5. С. 207–235.

- Чернов А.А.* Остров Куйсу на Куку-норе // *Землеведение*. 1910. Кн. 1. С. 28–44; Кн. 2. С. 19–34.
- Юсупова Т.И.* Из архива РГО: Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // *Известия РГО*. 2004. Вып. 2. С. 75–96.
- Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция и открытие Хара-Хото // *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века* / Ред. И.Ф. Попова. СПб.: Славия, 2008. С. 112–129.
- Юсупова Т.И.* Общее и частное значение археологических открытий в Хара-Хото // *Тангуты в Центральной Азии* / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная л-ра, 2012. С. 481–489.
- Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara Khoto (X–XIIIth centuries) / Ed. by M. Piotrovsky. Electa, Thyssen-Bornemisza Foundation. 1993. 292 p.
- Pelliot P.* Les documents chinois trouvés par la mission Kozlov à Khara-Khoto // *Journal Asiatique*. 1914. Série 11. T. 3, Mai–June. P. 503–518.
- Slobodnik M.* Labrang monastery in the eyes of P.K. Kozlov and other foreign visitors // *Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К. Козлова)* / Отв. ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова, ред. Т.Ю. Гнатюк. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 241–257.

Карта маршрута Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг. П.К. Козлова (Т.И. Юсупова).....	8
Дневник № 1 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	21
Дневник № 2 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	121
Дневник № 3 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	217
Дневник № 4 Монголо-Сычуаньского путешествия 1907–1909 гг.	315
Примечания	375

Приложения

Монгольские, китайские, тибетские термины	394
Указатель биологических терминов	399
Указатель географических и топографических названий	401
Именной указатель	409
Библиография Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова	416
Карта маршрута Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова	422

Петр Кузьмич Козлов

ДНЕВНИКИ
МОНГОЛО-СЫЧУАНЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1907–1909

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 70×100¹/16
Усл.-печ. л. 26,5. Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ № 85

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23